

ЖУРНАЛЪ

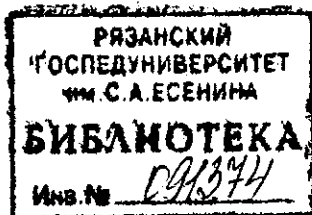
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АПРѢЛЬ.

1881.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХІV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами

1881.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Бъ ученію объ организаціи семьи и родства въ первобытныхъ обществахъ, преимущественно у Кельтовъ и Германцевъ. В. Сокольскаго.

Ванскія надписи и значеніе ихъ для исторіи Передней Азіи К. Патканова.

Городскія общины Далмаціи въ X—XI вв. И. Смирнова.

Бъ археологіи и антропологіи Ильменскаго бассейна Е. Елисева.

Критика и библиографія:

Исторія Россіи. Сочиненіе Д. Иловайскаго. Части I и II. Д. Ц—ва.

Zbytky rýmovaných Alexandreid staročeských. Vydali Martin Hattala a Adolf. Patera. Texty a transkripce. (Остатки рѣмованныхъ старо-чешскихъ Александрейдъ. Издали М. Гаттала и Ад. Патера. Текстъ и транскрипція) Ю. Анненкова.

Учебныя заведенія во Франціи и въ Италіи. (Продолженіе)

Замѣтки о народныхъ училищахъ Забайкальской области

Московское археологическое общество въ 1880 году.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: университетовъ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХІV.

**Фондъ
рѣдкихъ книгъ**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИИ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининской каналъ, между Вознесенскимъ и Мариневскимъ мостами, д. № 90--1.

1881.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ,

ДАННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

1881 года марта 24-го. Члену государственнаго совѣта нашему статсъ-секретарю, сенатору, почетному опекуну С.-Петербургскаго присутствія опекунскаго совѣта учрежденій Императрицы Маріи, дѣйстви-тельному тайному совѣтнику барону Николаи—Всемиловѣйше по-велѣваемъ быть министромъ народнаго просвѣщенія съ оставленіемъ въ прежнихъ званіяхъ.

Марта 24-го. Нашего статсъ-секретаря, управляющаго министер-ствомъ народнаго просвѣщенія, тайнаго совѣтника Сабурова Все-милостивѣйше увольняемъ, согласно прошенію, отъ занимаемой имъ должности, съ назначеніемъ къ присутствованію въ правительствую-щемъ сенатѣ и съ оставленіемъ въ званіи статсъ-секретари.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

9. (27-го января 1881 года). По проекту новыхъ штатовъ управленій учебныхъ округовъ министерства народнаго про-свѣщенія.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ об-щемъ собраніи государственнаго совѣта, по проекту новыхъ штатовъ управленій учебныхъ округовъ министерства народнаго просвѣщенія, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государ-ственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія по проекту но-

выхъ штатовъ управленій учебныхъ округовъ министерства народнаго просвѣщенія, мнѣвиемъ положилъ:

1) Проектъ штатовъ управленій учебныхъ округовъ министерства народнаго просвѣщенія представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе и, по воспослѣдованіи онаго, ввести сіи штаты въ дѣйствіе съ 1-го января 1881 года.

2) Въ счетъ исчисленныхъ по симъ штатамъ суммъ обратить отпускаемые нынѣ на содержаніе управленій учебныхъ округовъ 93,657 р. 92 к., а недостающаго казначейства, со внесеніемъ общей затѣмъ суммы, въ количествѣ ста девяноста четырехъ тысячъ ста сорока рублей, съ 1881 года, въ подлежащія подраздѣленія финансовыхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія; и

3) Должности чиновниковъ особыхъ порученій при попечителяхъ Виленскаго и Кіевскаго учебныхъ округовъ, а также члена совѣта по фудушевымъ дѣламъ при управленіи Кіевскаго учебнаго округа упразднить съ 1-го января 1881 года; лицъ же, занимающихъ эти должности, оставить за штатомъ, на общемъ основаніи.

Подлинное мнѣвие подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Быть по сему“.

Ш Т А Т Ы

управленій учебныхъ округовъ.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.			Классы и разряды		
		Одному.		Всего.	По должности.	По штыю на мундирѣ.	По пенсіи.
		Жало-вапья.	Столо-выхъ.				
		Р у б л и.					
Петербургскаго.							
Правитель канцеляріи	1	1000	1000	2000	VI	VI	III ст.
Столоначальники	4	500	500	4000	VIII	VIII	VI
Помощники столоначальниковъ	4	375	375	3000	IX	IX	VII
Бухгалтеръ	1	500	500	1000	VIII	VIII	VI
Журналистъ и архивариусъ	1	375	375	750	IX	IX	VII
Архитекторъ	1	600	600	1200	VIII	IX	VII
Секретарь попечительскаго совѣта	—	—	—	400			

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.			Классы и разряды.		
		Одному.		Всего.	По должности.	По шлѣю на мундиръ.	По пенсіи.
		Жало-ванья.	Столовыхъ.				
		Р у б л и.					
На расходы по испытательному комитету	—	—	—	2400			
На наемъ писцовъ	—	—	—	3000			
На канцелярскіе расходы и наемъ сторожей и разсылныхъ	—	—	—				
На наемъ помѣщенія, отопленіе, освѣщеніе и другіе расходы	—	—	—	3000			
На разъѣзды для осмотра учебныхъ заведеній	—	—	—				
	—	—	—	23750			
Московскаго.							
Правитель канцеляріи	1	1000	1000	2000	VI	VI	III
Столочальники	4	500	500	4000	VIII	VIII	2 ст. VI
Помощники столочальниковъ	4	375	375	3000	IX	IX	VII
Бухгалтеръ	1	500	500	1000	VIII	VIII	VI
Журналистъ и архивариусъ	1	375	375	750	IX	IX	VII
Архитекторъ	1	600	600	1200	VIII	IX	VII
Помощникъ архитектора	1	250	250	500	IX	X	VIII
Чертежникъ	1	125	125	250	XII		IX
На чертежные матеріалы	—	—	—	50			
Секретарь попечительскаго совѣта	—	—	—	400			
На расходы по испытательному комитету	—	—	—	2400			
На наемъ писцовъ	—	—	—	3000			
На канцелярскіе расходы и наемъ сторожей и разсылныхъ	—	—	—	2000			

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.			Классы и разряды.		
		Одному.		Всего.	По должности.	По шитью на мундиръ.	По пенсіи.
		Жалованья.	Столовыхъ.				
		• Р у б л и.					
На наемъ помѣщенія, отопленіе, освѣщеніе и другіе расходы	—	—	—	1000			
На разѣзды для осмотра учебныхъ заведеній	—	—	—	5000			
	—	—	—	26550			
Казанскаго.							
Правитель канцеляріи	1	1000	1000	2000	VI	VI	III 2 ст.
Столочальники	3	500	500	3000	VIII	VIII	VI
Помощники столочальниковъ	3	375	375	2250	IX	IX	VII
Бухгалтеръ	1	500	500	1000	VIII	VIII	VI
Журналистъ и архивариусъ	1	375	375	750	IX	IX	VII
Архитекторъ	1	600	600	1200	VIII	IX	VII
Секретарь почетительскаго совѣта	—	—	—	400			
На расходы по испытательному комитету	—	—	—	1500			
На наемъ писцовъ	—	—	—	1500			
На канцелярскіе расходы и наемъ сторожей и разсылныхъ	—	—	—	1500			
На наемъ помѣщенія, отопленіе, освѣщеніе и другіе расходы	—	—	—	2000			
На разѣзды для осмотра учебныхъ заведеній	—	—	—	2500			
	—	—	—	19600			
Харьковскаго.							
Правитель канцеляріи	1	1000	1000	2000	VI	VI	III 2 ст.
Столочальники	4	500	500	4000	VIII	VIII	VI

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.			Классы и разряды.		
		Одному.			По должности.	По шитью на мундиръ.	По пенсіи.
		Жало-ванья.	Столовыхъ.	Всего			
		Р у б л и.					
Помощники столоначальниковъ	4	375	375	3000	IX	IX	VII
Бухгалтеръ	1	500	500	1000	VIII	VIII	VI
Журналистъ и архивариусъ	1	375	375	750	IX	IX	VII
Архитекторъ	1	600	600	1200	VIII	IX	VII
Секретарь попечительскаго совѣта	—	—	—	400			
На расходы по испытательному комитету	—	—	—	1500			
На наемъ писцовъ	—	—	—	2000			
На канцелярскіе расходы и наемъ сторожей и разсыльныхъ	—	—	—	1500			
На наемъ помѣщенія, отопленіе, освѣщеніе, и другіе расходы	—	—	—	1000			
На разъѣзды для осмотра учебныхъ заведеній	—	—	—	3000			
	—	—	—	21350			
Кіевскаго.							
Правитель канцеляріи	1	1000	1000	2000	IV	IV	III 2 ст.
Столоначальники	4	500	500	4000	VIII	VIII	VI
Помощники столоначальниковъ	4	375	375	3000	IX	IX	VII
Бухгалтеръ	1	500	500	1000	VIII	VIII	VI
Журналистъ и архивариусъ	1	375	375	750	IX	IX	
Архитекторъ	1	600	600	1200	VIII	IX	VII
Секретарь попечительскаго совѣта	—	—	—	400			
На расходы по испытательному комитету	—	—	—	1500			

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.			Классы и разряды.		
		Одному.		Всего.	По должности.	По пингю на мундиръ.	По пенсіи.
		Жало-ванья.	Столо-выхъ.				
		Р у б л и.					
На наемъ писцовъ	—	—	—	3000			
На канцелярскіе расходы и наемъ сторожей и разсыльныхъ	—	—	—	1500			
На наемъ помѣщенія, отопленіе, освѣщеніе и другіе расходы	—	—	—	3000			
На разъѣзды для осмотра учебныхъ заведеній	—	—	—	2500			
	—	—	—	23850			
Одесскаго.							
Правитель канцеляріи	1	1000	1000	2000	VI	VI	III 2 ст.
Столочальники	3	500	500	3000	VIII	VIII	VI
Помощники столочальниковъ	3	375	375	2250	IX	IX	VII
Бухгалтеръ	1	500	500	1000	VIII	VIII	VI
Журналистъ и архивариусъ	1	375	375	750	IX	IX	VII
Архитекторъ	1	600	600	1200	VIII	IX	VII
Секретарь попечительскаго совѣта	—	—	—	400			
На расходы по испытательному комитету	—	—	—	1500			
На наемъ писцовъ	—	—	—	2500			
На канцелярскіе расходы и наемъ сторожей и разсыльныхъ	—	—	—	1500			
На наемъ помѣщенія, отопленіе, освѣщеніе и другіе расходы	—	—	—	2000			
На разъѣзды для осмотра учебныхъ заведеній	—	—	—	2000			
	—	—	—	20100			

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.			Классы и разряды.		
		Одному.		Всего.	По до жности.	По штыю на мундартъ.	По пенсіи.
		Жало-ванья.	Столовыхъ.				
		Р у б л я .					
Владенскаго.							
Правитель канцеляріи	1	1000	1000	2000	VI	VI	III ^{2 ст.}
Столоначальники	4	500	500	4000	VIII	VIII	VI
Помощники столоначальниковъ	4	375	375	3000	IX	IX	VII
Бухгалтеръ	1	500	500	1000	VIII	VIII	VI
Журналистъ и архивариусъ	1	375	375	750	IX	IX	VII
Архитекторъ	1	600	600	1200	VIII	IX	VII
Секретарь попечительскаго совѣта	—	—	—	400			
На расходы по испытательному комитету	—	—	—	1500			
На наемъ псцовъ	—	—	—	2000			
На канцелярскіе расходы и наемъ сторожей и разсылныхъ	—	—	—	2300			
На наемъ помѣщенія, отопленіе, освѣщеніе и другіе расходы	—	—	—	1600			
На разъѣзды для осмотра учебных заведеній	—	—	—	2500			
Квартирные и городскія повинности и производство ремонтныхъ исправленій по домамъ управленія округа	—	—	—	690			
	—	—	—	22940			
Дерптскаго.							
Правитель канцеляріи	1	1000	1000	2000	VI	VI	III ^{2 ст.}
Столоначальники	2	500	500	2000	VIII	VIII	VI
Помощники столоначальниковъ	2	375	375	1500	IX		VII

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.			Классы и разряды.		
		Одному.		Всего.	По должности.	По штату на мундиръ.	По пенсіи.
		Жало-ванья.	Столовыхъ.				
		Р у б л и.					
Бухгалтеръ	1	500	500	1000	VIII	VIII	VI
Журналистъ и архивариусъ	1	375	375	750	IX	IX	VII
Архитекторъ	1	600	600	1200	VIII	IX	VII
Секретарь попечительскаго совѣта.	—	—	—	400			
На расходы по испытательному комитету.	—	—	—	1500			
На наемъ писцовъ	—	—	—	1500			
На канцелярскіе расходы и наемъ сторожей и разсылныхъ	—	—	—	1500			
На наемъ помѣщенія, отопленіе, освѣщеніе и другіе расходы.	—	—	—	2400			
На разъѣзды для осмотра учебныхъ заведеній	—	—	—	2000			
	—	—	—	17750			
Оренбургскаго.							
Правитель канцеляріи.	1	1000	1000	2000	VI	VI	III 2 ст.
Столоначальники	2	500	500	2000	VIII	VIII	VI
Помощники столоначальниковъ.	2	375	375	1500	IX	IX	VII
Бухгалтеръ.	1	500	500	1000	VIII	VIII	VI
Журналистъ и архивариусъ	1	375	375	750	IX	IX	VII
Архитекторъ	1	600	600	1200	VIII	IX	VII
Секретарь попечительскаго совѣта.	—	—	—	400			
На расходы по испытательному комитету.	—	—	—	1500			
На наемъ писцовъ	—	—	—	1400			

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.			Классы и разряды.		
		Одному.		Всего.	По должности.	По штыю на мундиръ.	По пенсіи.
		Жало-ванья.	Столовыхъ.				
		Р у б л и.					
На канцелярскіе расходы и наемъ сторожей и разсыльных	—	—	—	2000			
На наемъ помѣщенія, отопленіе, освѣщеніе и другіе расходы.	—	—	—	1500			
На разъѣзды для осмотра учебныхъ заведеній	—	—	—	3000			
	—	—	—	18250			
Итого по округамъ.	—	—	—	194140			

Примѣчаніе 1-е. Чинамъ попечительскихъ канцелярій, архитекторамъ и помощнику архитектора Московскаго учебнаго округа могутъ быть отводимы казенныя квартиры, если для этого окажутся свободныя помѣщенія въ зданіяхъ учебнаго вѣдомства; при неимѣннн же казенныхъ квартиръ, имъ могутъ быть назначаемы квартирныя деньги изъ спеціальныхъ суммъ учебныхъ заведеній, съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія.

Примѣчаніе 2-е. При командировкахъ подѣламъ службы, архитекторамъ и помощнику архитектора Московскаго учебнаго округа производятся прогонныя, суточные и квартирныя деньги, на общемъ основаніи.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

По I отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества
канцеляріи, 24-го сего марта:

Уволенъ согласно прошенію, отъ должности управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь, тайный совѣтникъ Сабуровъ, съ назначеніемъ къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ и съ оставленіемъ въ званіи статсъ-секретаря.

Назначенъ членъ государственнаго совѣта, статсъ-секретарь, сенаторъ, почетный опекунъ С.-Петербургскаго присутствія опекунскаго совѣта учрежденій Императрицы Маріи, дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ Николай—министромъ народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ прежнихъ званіяхъ.

III. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(№ 1.). 1-го января 1881 года. Производятся, за отличіе: въ тайные совѣтники: дѣйствительные статскіе совѣтники: заслуженные ординарные профессора Императорскаго университета св. Владиміра Каллиникъ Митюковъ и Федоръ Мерингъ.

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники: окружный инспекторъ С.-Петербургскаго учебнаго округа Николай Аничковъ, исправляющій должность инспектора студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Николай Потаповъ, бывший доцентъ Императорскаго университета: св. Владиміра Людвигъ Горецкій и коллежскій совѣтникъ, директоръ народныхъ училищъ Владимірской губерніи Юліанъ Чеховичъ.

Производятся: въ коллежскіе секретари: неимѣющій чина, помощникъ экзекутора департамента народнаго просвѣщенія Евграфъ Сутковскій.

Въ коллежскіе регистраторы: состоящій въ званіи корреспондента главной физической обсерваторіи, учитель Гулынскаго мужскаго начальнаго училища Николай Федотьевъ, бывшій учитель Инсарскаго мужскаго приходскаго училища Иванъ Гертеръ и состоящій по найму канцелярскимъ служителемъ канцеляріи попечителя Дерптскаго учебнаго округа Кузьма Сиричевъ.

IV. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, 1-го сего января, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать по министерству народнаго просвѣщенія ордена:

Св. Александра Невскаго: тайнымъ совѣтникамъ: директору Николаевской главной астрономической обсерваторіи Струве и ординарному академику Императорской академіи наукъ Гроту.

Бѣлаго Орла—ординарному академику Императорской академіи наукъ, тайному совѣтнику Чбышеву.

Св. Владиміра 2-й степени: тайнымъ совѣтникамъ: члену совѣта министра народнаго просвѣщенія, егермейстеру князю Волковскому; директору Демидовскаго юридическаго лица Капустину и заслуженному ординарному профессору Императорскаго Московскаго университета Бусланову.

Св. Анны 1-й степени: заслуженному ординарному профессору Императорскаго Казанскаго университета, тайному совѣтнику Ковальскому; дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: помощнику попечителя Деритскаго учебнаго округа Зесселю; ректору и заслуженному ординарному профессору Императорскаго университета св. Владиміра Теофилактovu; заслуженному ординарному профессору Императорскаго Московскаго университета Лешкову; ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета Андреевскому; ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Пауку; директорамъ гимназій: Императорскаго человеколюбиваго общества Голицынскому; Казанскихъ: Императорской первой Крелленбергу и второй Имшенику и директору народныхъ училищъ Новгородской губерніи Верекину.

Св. Станислава 1-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго Менделѣеву и Патванову; Московскаго Бредихину; Харьковскаго—Бекетову; Деритскаго—Валю и Варшавскаго—Лямблю; начальнику Варшавской учебной дирекціи Щебальскому; инспектору С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Некрасову; директорамъ гимназій: Костромской—Масленникову; Кіевской первой—Андріяшеву и Виленской—Балвановичу; завѣдывающему гимназією Императорскаго

С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Нейлисову; директору С.-Петербургскаго втораго реальнаго училища Рихтеру и члену и правителю дѣлъ археографической комисіи министерства народнаго просвѣщенія Тимошееву.

Св. Владиміра 3-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: помощнику попечителя Виленскаго учебнаго округа Сольскому; главному инспектору училищъ Западной Сибири Максимову; ректору и ординарному профессору Императорскаго Казанскаго университета Ковалевскому; ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго: Янsonу и Совѣтову; Казанскаго: Ойрсову и Петрову; Дерптскаго: Шварцу, Энгельману, фонъ-Эттингену и Мейеру, и Варшавскаго—Бродовскому; сверхштатному ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета Владиславлеву; директору Ярославской гимназіи Звонникову; директору Варшавскаго реальнаго училища Бару; директору народныхъ училищъ Вологодской губерніи Левицкому и инспектору училищъ гор. Варшавы Горнбергу; статскимъ совѣтникамъ: директорамъ гимназій: С.-Петербургской 7-й—Гофману; Московской 2-й—Гулевичу и Новгородска-верской—Порскалову; директору Влоцлавскаго реальнаго училища Лебедеву; исправляющему должность директора Калужскаго реальнаго училища Кононову; директору училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ Кирхнеру; директору училищъ Курляндской губерніи Фогелю; экстраординарному профессору Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Попову; заслуженнымъ преподавателямъ гимназій: С.-Петербургскихъ: 3-й — Юрьеву и Ларипской — Адамову и Николаевской Царскосельской — Смирнову; коллежскому совѣтнику, совѣтнику комитета правленія Императорской академіи наукъ Яковлеву; директору Варшавской 4-й мужской гимназіи, надворному совѣтнику Бульмерингу и директору Московской 3-й гимназіи, неимѣющему чина Лавровскому.

Св. Владиміра 4-й степени: статскимъ совѣтникамъ: ординарнымъ профессорамъ Императорскаго Харьковскаго университета: Морозову и Деларю; директору и ординарному профессору Харьковскаго ветеринарнаго института Мельпиченко; директору Нижегородскаго Александровскаго института Шапошникову; директору Бѣлгородской его королевскаго высочества герцога Эдинбургскаго гимназіи Одарченку; директору Острогской прогимназіи Бѣ-

лицкому; директору Минскаго реального училища Самойло; директору Курской земской учительской школы Шалфееву; директору народных училищ Смоленской губерні Новицкому; инспектору и преподавателю С.-Петербургской Ларинской гимназіи Чернышеву; инспекторамъ гимназій: Кронштадтской — Цвѣткову и Саратовской — Никольскому; исполняющимъ обязанности инспекторовъ гимназій: Таганрогской — Дьяконову и Архангельской, заслуженному преподавателю сей гимназіи Минейко; инспекторамъ прогимназій: С.-Петербургской 4-й — Филонову; Московскихъ: 1-й — Кашкадамову и 2-й — Студенникову и Сергіево-Посадской — Тихомирову; исправляющему должность инспектора Бѣлевской прогимназіи Бѣляеву; инспекторамъ народных училищ губервій: Новгородской — Можайскому и Олонецкой — Артемову; доценту Императорскаго Новороссійскаго университета Беренштейну; начальнику учебнаго отдѣленія канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа Космовскому; заслуженному преподавателю С.-Петербургской 2-й гимназіи Кургановичу; преподавателямъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ: Фидлеру и Давыдову; преподавателямъ гимназій: С.-Петербургскихъ: 3-й — Мохначеву, Ларинской — Консовичу и 5-й: Брандту и Филипьеву; Псковской — Попову; Московской 1-й: Истрину, Давиньону, Тверскому и Полякову; Казанской 2-й — Боржимовскому; Кіевской 1-й: Харскому и Функе, и Оренбургской — Данилову; заслуженному преподавателю С.-Петербургской Введенской прогимназіи Пьянкову; преподавателю той же прогимназіи Штерню; заслуженному преподавателю Виленскаго реального училища Шолковичу; преподавателю Бѣлостокскаго училища Чеховичу; преподавателю въ училищѣ при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ Арронету и члену ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія Гришину; коллежскимъ совѣтникамъ: директору Новочеркасской гимназіи Хорошевскому; экстраординарному профессору Императорскаго Харьковскаго университета Залѣсскому; инспектору народных училищ Новгородской губерніи Лосинскому; преподавателю Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Рене-Семену; преподавателю Московской 5-й гимназіи Фишеру; преподавателю С.-Петербургскаго перваго реального училища Ковалевскому; врачу Сергіевского - Псковаго реального училища Бѣляеву; члену ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія Беллярминову и председателю Суздальскаго уѣзднаго учи-

18384

лицнаго совѣта Макарову; почетному смотрителю Бѣльскаго уѣзднаго училища, коллежскому ассесору Бодеско; титулярнымъ совѣтникамъ: правителю канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Толмачеву и бухгалтеру и письмоводителю С.-Петербургской 3-й гимназіи Полянскому и неимѣющимъ чиновъ: директору Плоцкой мужской гимназіи Федькинскому и директору Ловичскаго реальнаго училища Попову и почетному попечителю Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища, председателю попечительнаго совѣта Тюменской женской прогимназіи, почетному блюстителю Тюменскаго уѣзднаго училища, потомственному почетному гражданину, Тюменскому 1-й гильдіи купцу Подаруеву, послѣднему съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены ст. 196 учр. орд. и др. знак. отл., изд. 1876 г., т. I св. зак.

Св. Анны 2-й степени—библіотекарю Императорской публичной библіотеки, коллежскому совѣтнику Страхову.

Св. Станислава 2-й степени—почетному попечителю Сергіево-Посадской мужской прогимназіи, Сергіево-Посадскому 1-й гильдіи купцу Мамаеву, съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены лицамъ купческаго званія ст. 196 учр. орд. и др. знак. отлич. изд. 1876 г., т. I св. зак.

Св. Станислава 3-й степени: старшему преподавателю училища при фабрикѣ товарищества Тверской мануфактуры Плетневу и студенту фармаціи Императорскаго Дерптскаго университета Деллену.

Государь Императоръ, согласно удостоенію комитета министровъ, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, 30-го минувшаго января, по министерству народнаго просвѣщенія, за отлично-усердною службу и особые труды, ордена:

Св. Анны 2-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Казанскаго: Гвоздеву, Фрезе, Зайцеву и Догелю и Харьковскаго, Кремьянскому и ординарному профессору Казанскаго ветеринарнаго института Стржездзинскому; статскимъ совѣтникамъ: окружному инспектору Оренбургскаго учебнаго округа Великанову; ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Легонину; Казанскаго, Петровскому; св. Владиміра: Кистяковскому, Хржонщевскому и Шкляревскому и Дерптскаго, Гофману; ординарному профессору Дерптскаго ветеринарнаго института Розенбергу; директору Мариампольской мужской гимназіи АБ, а-

мовичу; исправляющему должность директора Тверскаго реального училища Шапошникову; исправляющему должность директора Егорьевской прогимназіи Паркову; директору народных училищ Пермской губерніи Шипонко; бібліотекарю Императорской публичной бібліотеки Боннелю; экстра-ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго Лясковскому и св. Владимира Субботину; исполняющему обязанности инспектора Вологодской гимназіи, заслуженному преподавателю сей гимназіи Прохницкому; исполняющему обязанности инспектора Ростовскаго-Петровскаго реального училища, учителю сего училища Буяльскому; инспектору Казанской татарской учительской школы Махмудову; учителямъ гимназій: С.-Петербургской второй — Кутузову, Ярославской—Пяткину, Орловской—Вараксѣвичу, Кіевскихъ: первой—Синицкому и второй: Ростокскому и Пекюсу, Усть-Медвѣдицкой—Касьянову, Витебской—Крицкому, Новочеркасской — Минюшскому, Могилевской — Стосую; старшему учителю Рижской городской гимназіи Галлеру; учителямъ реальныхъ училищъ: Московскаго — Нитраму и Орловскаго-Александровскаго — Адлеру; учителю Виленской прогимназіи—Бѣльковичу; учителю училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ Дитману и штатному учителю Опатовской учительской семинаріи Борудькому; коллежскимъ совѣтникамъ: директору Псковской мужской гимназіи Гаазе; исправляющему должность директора Московской шестой гимназіи Рязанцеву; директорамъ реальныхъ училищъ: Вологодскаго-Александровскаго — Мааку и Новгородскаго — Кошелькову; директору Псковской учительской семинаріи Кестнеру; директору Минской дирекціи народныхъ училищъ Тимофѣеву; чиновнику особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія Минкову; инспектору Уфимской гимназіи Лопатинскому; исправляющему должность инспектора Московской третьей гимназіи Войнаховскому; исправляющему должность инспектора Радомской мужской гимназіи, учителю сей гимназіи Смородинову; инспекторамъ прогимназій: Касимовской—Виссу и Мерзелинской — Шейковскому; инспектору народныхъ училищъ Вологодской губерніи Тимоееву; исправляющему должность доцента Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Окрочаделову-Серебрякову; учителямъ гимназій: Московской третьей—Випоградову, Императорской Казанской—первой—Цисецкому и Варшавской пятой мужской — Годлевскому; учителямъ реальныхъ училищъ: Московскаго — Янчину и Виленскаго — Успен-

скому; наставникамъ учительскихъ семинарій: Свислочской — Зеньковичу и Новочеркасской — Попову; врачу Кронштадтской мужской гимназіи Трезорукову; врачу Вольской мужской прогимназіи Карповичу; старшимъ учителямъ гимназій: Ревельской губернской — Гансену и Дерптской — Шпехту; надворнымъ совѣтникамъ: директору Нарвской прогимназіи Келеру; директорамъ учительскихъ семинарій: Бѣлгородской — Бѣликову, Полоцкой — Бѣлецкому и Череповской — Исполатову; дѣлопроизводителю VII класса департамента народнаго просвѣщенія Скоробогатову; инспектору-руководителю Вейверской учительской семинаріи Юркевичу-Пузановскому и учителю гимназіи Императорскаго человѣколюбиваго общества Орлову; коллежскимъ секретарямъ: экстраординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета Вржесневскому и исправляющему должность инспектора Ловичскаго ремесленнаго училища, учителю сего училища Покровскому; неимѣющимъ чиновъ: ординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета Станиславу-Адольфу Павлинскому; директору Смоленской гимназіи Іосифу Гобзу; директору Θεодосійской прогимназіи Василию Виноградову; экстраординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета Антону Окольскому; учителямъ гимназій: Варшавской шестой мужской Александру Семенову; Сѣдлецкой мужской — Григорію Сольскому и Петроковской женской Николаю Громаковскому и штатному учителю Варшавской второй женской гимназіи Якову Мейсперу.

Св. Станислава 2-й степени: статскимъ совѣтникамъ: старшему астроному Николаевской главной астрономической обсерваторіи Нюрену; ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго — Муромцеву; св. Владиміра — Павлову; Новороссійскаго: Кочубинскому, Ярошенко и Писникову; Дерптскаго: Вейрауху, Ленингу, Розенбергу, Бруннеру и Мендельсону; ординарному профессору Демидовскаго юридическаго лица Азаревичу; директору Привлукской прогимназіи Каменскому; экстраординарному академику Императорской академіи наукъ Шмидту; экстраординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго — Коршу и Казанскаго — Сорокину; наставнику-руководителю гимназіи Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Мусселиусу; исполняющему обязанности инспектора Лубенской гимназіи, учителю сей гимназіи Мокіеву; инспекторамъ прогимназій: Ефремовской — Щеглову и Каменской — Голицынскому;

исполняющему обязанности инспектора Иваново-Вознесенскаго реального училища Виноградову; доцентамъ Императорскаго Московскаго университета: Найденову и Макѣву; учителямъ гимназій: Московской второй — Фалѣву; Рижской-Александровской — Кортези; Варшавскихъ мужскихъ: первой — Рождественскому и третьей — Домбровскому и Петроковской мужской — Гаевскому; учителю гимназіи историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Шарко; старшему учителю Рижской городской гимназіи Рике; учителю Екатеринославскаго реального училища Голубовскому; учителямъ прогимназій: Московской второй — Котельникову и Прилукской — Штейну и наставнику учительской семинаріи въ селѣ Новомъ, Ярославской губерніи, Филиппову; коллежскимъ совѣтникамъ: ординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета Сонину; директору Аваньевской гимназіи Дьяконову; экстраординарному профессору Императорскаго университета св. Владимира — Бобрецкому; исполняющему обязанности инспектора Казанскаго реального училища Генкелю; инспектору Стерлитамакской прогимназіи Вакуленко; инспектору народныхъ училищъ, Симбирской губерніи, Стржалковскому; помощнику проректора Императорскаго Московскаго университета Брызгалову; помощнику бібліотекаря того же университета Чернову; воспитателю при пансіонѣ Нижегородскаго-Александровскаго института Цвѣткову; учителямъ гимназій: Костромской — Вахрушеву, Нижегородской — Свиридову, Виленской — Фальконь, Харьковской первой — Прокоповичу, Тамбовской — Десницкому; старшему учителю Рижской городской гимназіи Дюбоа; учителю Елабужскаго реального училища Иванову; учителямъ прогимназій: Острожской — Чугаевичу и Харьковской — Спасскому и учителю Оренбургскаго учительскаго института Сниткину; надворнымъ совѣтникамъ: исправляющему должность ординарнаго профессора Императорскаго Дерптскаго университета Висковагову; директору Виленскаго еврейскаго учительскаго института Котельникову; инспектору народныхъ училищъ Калужской губерніи Степанову; секретарю Демидовскаго юридическаго лицея Головщикову и учителю Крошнитатской мужской гимназіи Николаеву; коллежскимъ ассессорамъ: инспектору Харьковской первой гимназіи Шандори; инспекторамъ народныхъ училищъ, губерній: Вологодской — Блинову; Олонецкой — Кименталю, Московской — Каверзневу и Бессарабской — Одобашу; доценту института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи Заіончевскому; учителю приго-

товительнаго класса Московской второй прогимназіи Никитникову; учителю Рижскаго городского Екатерининскаго училища Мальму и учителю приготовительнаго класса Калужской гимназіи Краснопѣвцеву; веимѣющимъ чиновъ: ординарнымъ профессорамъ Императорскаго Варшавскаго университета Александру Никитскому и историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Николаю Гроту; директору реального училища при Евангелическо-лютеранской церкви въ Москвѣ Егору Ковальцигу; врачу института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи Сатурнину-Ксаверію Пастютевичу; учителямъ гимназій: Херсонской—Василію Левицкому; Варшавскихъ: второй мужской, Карлу Герцу и четвертой мужской — Владиславу Полкотыцкому и Мариампольской мужской—Павлу Васильеву; учителю Влоцлавскаго реального училища Ивану Рыбалову и штатному учителю Вейверской учительской семинаріи Оомъ-Фердинанду Жилинскому.

Св. Анны 3-й степени: статскимъ совѣтникамъ: учителю архангельской гимназіи Родзевичу, учителямъ реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго перваго — Розе; Орловскаго-Александровскаго — Мало и Саратовскаго Александро-Маріинскаго — Горенбургу и учителю Оренбургской Татарской учительской школы Теласкову; коллежскимъ совѣтникамъ: экстраординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго—Воронцовскому и Варшавскаго—Чаусову; исполняющему обязанности инспектора Смоленской гимназіи, учителю сей гимназіи Ащеулову; инспекторамъ народныхъ училищъ: Калужской губерніи — Вусовичу; Московской губерніи — Некрасову и Туркестанскаго края Азначеву; лектору Императорскаго Новороссійскаго университета Шапеллону; учителямъ гимназій: С.-Петербургской второй—де-ла-Дроатьеру; Московской четвертой—Михайловскому; Орловской—Помяну; Императорской Казанской первой—Ходкевичу; Саратовской — Павловскому; Кіевскихъ: первой Лисицыну и третьей—Юскевичу-Красковскому; Витебской—Бадендику; Кишиневской—Мануйлову; Сяферопольской—Аввилонovu; Рижской-Александровской—Янчевецкому; учителямъ реальныхъ училищъ; Костромскаго—Леоновичу; Кіевскаго—Треницу; Бѣлоцерковскаго—Гороновскому; ростовскаго петровскаго Шерлеву и Одесскаго—Кальсаду; учителямъ прогимназій: Одесской первой—Феерчаку и Острогжской—Преображенскому; врачу Царицынской Александровской мужской прогимназіи Зебауеру; наставнику Преславльскаго учительской семинаріи Левицкому и учителю

Минской гимназіи Ермакову; надворнымъ совѣтникамъ: бібліотекарю Императорской публичной бібліотеки Гаркави; инспекторамъ гимназій: С.-Петербургской второй—Щепицкому; Витебской—Пьякину, исполняющему обязанности инспектора Новгородсѣверской гимназіи, учителю сей гимназіи Фирсову; инспекторамъ прогимназій: Одесской первой—Гасилю и евпаторійской Филипову; исполняющему обязанности инспектора Одесскаго реального училища Гольдереверу; инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: Владимірской—Темяшову и Нижегородской—Григорьеву; инспектору народныхъ училищъ при управленіи Дерптскаго учебнаго округа Мевесу; исполняющему должность инспектора народныхъ училищъ Ярославской губерніи Забѣлину; чиновнику для особыхъ порученій при попечителѣ Виленскаго учебнаго округа Голубинову; учителямъ гимназій Царскосельской Николаевской—Линднеру; Московской второй—Павликовскому; Рязанской—Дроздову; Императорской Казанской первой Бергу; Могилевской—Бржезинскому; Кишиневской Ребецу; учителямъ реальныхъ училищъ; Череповскаго—Ирмеру и Виленскаго—Кюну; учителямъ прогимназій: С.-Петербургской Введенской—Ремику; С.-Петербургской третьей—Орлову; Нарвской—Петрову; Виленской—Освальду; Пензенской—де-Фриу; Феодосійской: Лопатину и Якубовичу и Замостской мужской—Сциборскому; учителю училища при Евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ Бреме; учителю С.-Петербургскаго учительскаго института Латышеву; наставнику Поневѣжской учительской семинаріи Орлову, учителю инспектору Рыбинскаго городскаго училища Чернецкому; штатному смотрителю Кишиневскаго перваго уѣзднаго училища Хаджи-Коли; помощнику классныхъ наставниковъ Кіевской второй гимназіи Томассову и учителю начального при Виленскомъ еврейскомъ учительскомъ институтѣ училища Ратновскому; коллежскимъ ассессорамъ; исполняющему обязанности инспектора Нижегородской гимназіи, учителю сей гимназіи Стеблову; исполняющему обязанности инспектора Александровской Сумской гимназіи Степанову; инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: Новгородской—Костричину; Казанской—Понову Тамбовской—Карпову; инспектору народныхъ училищъ Донской области Крылову; члену временной комисіи по устройству и управленію Виленской публичной бібліотеки съ состоящимъ при ней музеемъ Добрянскому; доценту института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи Рудинскому; помощнику инспектора студентовъ Императорскаго Харьковскаго универси-

тета Вольнеру; учителямъ гимназій: С.-Петербургской первой — Верещагину; Тульской—Глаголеву; Ковенской—Гроссету; Курской—Вязьмину; Тамбовской—Григоровскому; Усть-Медвѣдичкой—Иванову и Смоленской Марининской женской — Равицкому; учителямъ С.-Петербургскихъ реальныхъ училищъ: перваго—Колумбусу и втораго—Волкову; учителямъ прогимназій: Рязанской—Мейеру и Ченстоховской мужской—Крживицкому; наставнику Бѣлгородской учительской семинаріи Талашко; врачу Бѣлгородскихъ гимназій, учительской семинаріи и института Воскову; учителямъ-инспекторамъ городскихъ училищъ: Нарвскаго—Лаврову; Московскаго перваго—Вережкину и смоленскаго—Варгасову; старшему учителю Дерптской гимназіи Соколову; штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Коломенскаго—Кельшу, Рузскаго—Давыдову и Мокшанскаго—Магницкому; штатному смотрителю и учителю наукъ Вейсенштейнскаго уѣзднаго училища Юргенсу, учителю Дерптской гимназіи Шпиллингу и учителю Феллинскаго уѣзднаго училища Петцену; титулярнымъ совѣтникамъ: прозектору Харьковскаго Ветеринарнаго института Ново-польскому; учителю училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ, Гартману; наставнику Пензенской учительской семинаріи Иванову; исправляющему должность учителя Московской второй гимназіи Михайлову; учителямъ приготовительныхъ классовъ гимназій: С.-Петербургской шестой—Васильеву и Казанской второй—Ислентьеву; коллежскимъ секретарямъ, инспектору студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета Шульгину; инспектору народныхъ училищъ Самарской губерніи Каменецкому; учителю Виленскаго учительскаго института Спасскому и штатному учителю наукъ Бѣльской учительской семинаріи Дувину; губернскимъ секретарямъ: инспектору народныхъ училищъ Московской губерніи Малышеву и учителю Псковской гимназіи Жданко; коллежскому регистратору, исправляющему должность учителя-инспектора Ораниенбаумскаго городского училища Стрѣльцову; неимѣющимъ чиновъ: помощнику библиотекаря Императорскаго Варшавскаго университета Степану Радзипскому; заслуженному преподавателю Воронежской гимназіи Осипу Эргарту; исправляющему должность учителя Мианской гимназіи Николаю Андерсону; учителю Харьковскаго реальнаго училища Карлу Кренкелю; учителю Грубешовской мужской прогимназіи Степану Генкелю; наставникамъ учительскихъ семинарій Поневѣжской Дмитрію Соловьеву и Пензенской Якову Архангель-

скому и учителю Варшавской учительской семинаріи Адаму Мюнхгеймеру.

Св. Станислава 3-й степени: коллежскимъ совѣтникамъ: экстраординарному профессору Императорскаго Новороссійскаго университета Умову; доцентамъ Императорскаго Харьковскаго университета Дудукалову и Киселеву; прозектору Дерптскаго ветеринарнаго института Земмеру; учителю Одесской второй гимназіи Лисовскому; учителямъ реальныхъ училищъ: Астраханскаго — Боббелю, Кіевскаго—Хомину и Екатеринославскаго — Руссо; учителю Мозырской прогимназіи—Флерову-Булгаву; врачамъ гимназій: Рижской городской Рейгарду и Курской Маріинской женской Пуценко и врачу Островскаго городского училища Трояновскому; надворнымъ совѣтникамъ: инспектору Златопольской прогимназіи Ильину; адъютанту-астроному Николаевской главной астрономической обсерваторіи Дубяго; доценту Императорскаго Казанскаго университета Толмачеву; доценту Казанскаго ветеринарнаго института Леману; учителямъ гимназій: Александровской, Смоленскаго земства, въ городѣ Вязьмѣ Бердникову, Кіевской третьей Добротворскому, Гродненской — Будзилевичу, Екатеринославской—Катаеву, Казанской третьей Ефремову и Бѣлилину; Ревельской Александровской Преображенскому и Пермской Семченкову; учителямъ женскихъ гимназій: Орловской Николаевской Коцеволюскому и Одесской Маріинской Маркевичу; учителямъ реальныхъ училищъ: Камышинскаго — Николаеву, Сарapulьскаго — Власову, Бѣлоцерковскаго — Волкобою, Динабургскаго — Шафранову и Мелитопольскаго—Черепанову; учителямъ прогимназій: Рославльской мужской—Саковичу, Брянской—Ярошевскому и Касимовскихъ мужской и женской — Подервянскому; воспитателю гимназіи Императорскаго челоуѣколюбиваго общества Кондену; штатному смотрителю и учителю Невельскаго уѣзднаго училища Заблцкому; учителямъ гимназій: Перновской—Требу и Рижской губернской Генненбергу; помощникамъ классныхъ наставниковъ гимназій: Каменецъ-Подольской — Рогалю-Левицкому; Новгородѣверской—Кисилевичу и Житомирской — Бахтину и помощнику классныхъ наставниковъ Роменскаго реального училища Чаплицу; коллежскимъ ассесорамъ: дѣлопроизводителю VII класса департамента народнаго просвѣщенія Пяткину; ученому кузнецу Казанскаго ветеринарнаго института Кальнингу; библіотекарю Демидовскаго юридическаго лицея Владыченскому; чиновнику особыхъ порученій

при попечителѣ Кіевскаго учебнаго округа Сопотинскому; преподавателю Нижегородскаго-Александровскаго института Самойлову; воспитателямъ и преподавателямъ коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ Трегубову и Ермакову; учителямъ гимназій С.-Петербургскихъ: первой — Лужецкому, третьей: Бюригу, Кеммерлингу и Томбергу и шестой — Кабеле; Императорскаго человѣколюбиваго общества Карпову; Московскихъ: первой—Трейланду и третьей—Шепроку; Тверской—Крупарю, Калужской—Загряжскому, Владимірской—Сѣдлаку, Смоленской — Курчинскому, Рязанской—Залѣсову, Казанской второй—Шантарину, Саратовской—Лебедеву, Самарской — Кубишу, Кіевской третьей — Ружицкому, Каменецъ-Подольской — Васильеву, Немировской — Стрибульскому, Черниговской — Круковскому, Лубенской — Богдановичу, Одесской третьей—Петру и С.-Петербургской Покровской женской — Кричагину; учителямъ реальныхъ училищъ: Вологодскаго—Юрьеву, Московскаго: Жилинскому и Кастильону; Кременчугскаго — Гольдфретеру, Виленскаго — Вруцевичу, Курскаго — Стародубову и Севастопольскаго-Константиновскаго—Зайкевичу, учителю Кіевской прогимназіи Сергѣеву, учителямъ училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ: Вороновичу, Виліамсу и Миттеллахеру; учителю училища при реформатскихъ церквяхъ въ С.-Петербургѣ; Мейеру; учителю Казанскаго учительскаго института Мальцеву; наставникамъ Череповской учительской семинаріи Исаину и Васильеву; врачу Череповскаго реального училища Швецову; врачу Устюженской мужской прогимназіи — Аронштейну; учителю-инспектору Козельскаго городского училища — Иванову; штатному смотрителю и учителю Опшянскаго уѣзднаго училища Рупышеву; младшему наблюдателю главной физической обсерваторіи Императорской Академіи Наукъ — Муратову; старшему учителю Аренбургской гимназіи — Поляновскому; учителю Вологодской мужской и женской гимназій—Нейскому; учителю Егорьевской прогимназіи — Николаеву; штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Звенигородскаго — Соколову; Хотинскаго — Булатовичу и Евваторійскаго — Штейну; учителямъ гимназій: Рижской губернской—Котковицу и Гольдингенской—Прадерванду; помощникамъ классныхъ наставниковъ гимназій: Олонецкой мужской — Андріевскому и Полтавской — Заньковскому и Курскаго реального училища — Эйху; завѣдывающему Вельскимъ городскимъ училищемъ, учителю сего училища Дмитревскому и учителю Московской пятой

гимназіи Большеву; титулярнымъ совѣтникамъ: дѣлопроизводителю VII класса департамента народнаго просвѣщенія Талантову; старшему учителю Либавской Николаевской гимназіи Шену; учителямъ реальныхъ училищъ: Орловскаго-Александровскаго—Савелову и Казанскаго—Филиппусу; учителю Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Мопсеєву; врачу Екатеринославской Маринской и женской гимназіи Кнотте, врачу Сызранскаго реального училища Менделѣеву; почетному смотрителю Воронежскаго уѣзднаго училища Полянскому; бухгалтеру Императорскаго Московскаго университета Греве; младшему наблюдателю магнитной и метеорологической обсерваторіи Императорской академіи наукъ въ городѣ Павловскѣ Данилову; учителю Митавскаго реального училища Садовскому; помощнику столоначальника канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа Корицкому; помощникамъ классныхъ наставниковъ С.-Петербургской третьей гимназіи Кузнецову и реальныхъ училищъ: Зарайскаго Лебедеву и Тамбовскаго Иванову; учителю Прилукской прогимназіи Долгополову; учителю Бердянской женской гимназіи Тарнавичу; учителямъ приготовительныхъ классовъ: гимназій Анаевской Воскресенскому и Ревельской-Александровской Безсребренникову и Кишиневской прогимназіи Козачинскому и учителю Рижскаго уѣзднаго училища Гензелю; коллежскимъ секретарямъ: инспектору народныхъ училищъ Курской губерніи Четвертушкину; дѣлопроизводителю VII класса департамента народнаго просвѣщенія Соломко; секретарю при президентѣ Императорской Академіи Наукъ Фусу; учителю Холмской мужской гимназіи Грассу; учителю Сумскаго реального училища Стихию, штатному учителю Варшавской женской прогимназіи, завѣдывающему сею прогимназією Урусову; наставнику Воронежской учительской семинаріи Врановскому; учителю-инспектору Свѣянцянскаго городского училища Любимову; смотрителю-учителю Ольгопольскаго городского училища Ельцову; секретарю правленія Императорскаго С.-Петербургскаго университета Покровскому; штатному смотрителю Усманскаго уѣзднаго училища Григорову; помощникамъ классныхъ наставниковъ С.-Петербургской седьмой гимназіи Лебедеву; Московской первой гимназіи Соколову и Орловскаго-Александровскаго реального училища Казанскому; писмоводителю и бухгалтеру С.-Петербургской первой гимназіи Колюченко; учителямъ приготовительныхъ классовъ: Котромской гимназіи—Вушину и Ташкентской прогимназіи—Стайновскому; учителю Липоведскаго городского училища Веремеекко; учи-

телямъ уѣздныхъ училищъ: Рижскаго — Шаберту и Газенпотскаго Веберу; губернскимъ секретарямъ: инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: Харьковской — Литвинову и Курской — Данковскому, сверхштатному наставнику Новоторжской учительской семинаріи Вихреву; почетному смотрителю Купинскаго уѣзднаго училища Хрущову; учителю Ахтырской прогимназіи Охременко; учителю Пензенской учительской семинаріи Альбокринову; учителю Усть-Медвѣдичкой женской гимназіи Паслѣдышеву; помощникамъ классныхъ наставниковъ прогимназій: С.-Петербургской-Введенской Богданову-Ахтырской — Ляницкому и Мензелинской — Тпхановскому и помощнику столоначальника канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа Нечаеву; коллежскимъ регистраторамъ: инспектору народныхъ училищъ Тверской губерніи Клыкову и учителю Несвижской учительской семинаріи Введенскому; неимѣющимъ чиновъ: исполняющему обязанности инспектора Харьковского реального училища Сергѣю Раевскому; инспекторамъ народныхъ училищъ: Семи-рѣченской области — Дмитрію Городецкому, Рязанской губерніи — Николаю Червлянскому и Тамбовской губерніи — Ивану Лебедеву; доценту Императорскаго Дерптскаго университета Вольдемару фонъ-Книприму; младшему тотору лица Цесаревича Николая Фердинанду-Карлу Греве; учителямъ гимназій: С.-Петербургскихъ: второй — Александру Стеблову, шестой: Юлію Шенфельду и Ѳедору Лангу и седьмой — Ивану Матѣеву, Новгородской мужской — Алексѣю Новопашенному, Александровской, Смоленскаго земства, въ городѣ Вязьмѣ — Ивану Розанову, Тульской — Іосифу Петрученко, Тверской — Карлу Кизлингу, Астраханской — Осипу Фуксу, Виленской — Павлу Яхонтову, Харьковскихъ: второй — Францу Шено и третьей — Ивану Петушилу; Сумской-Александровской — Станиславу Догидису, Орловской — Николаю Горшечникову, Воронежской — Николаю Пантелѣевскому, Николаевской-Александровской: Ивану Знаменскому, Владиміру Заіончевскому и Ивану Чичибабину, Варшавскихъ: второй мужской — Семену Ѳаддею Влошеку и третьей мужской — Карлу Марковскому и Люблинской мужской — Антону Закржевскому; сверхштатному учителю Московской пятой гимназіи Аонасію Малинину; учителямъ реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго втораго: Алексѣю Кондратьеву и Эдуарду Луйку, Кронштадтскаго — Ѳедору Ласкину, Новгородскаго — Василю Попову; Великолуцкаго — Михаілу Клуссиншу; Вологодскаго — Ивану Рошеру; Сызранскаго: Семену Сластникову

и Александру Синявскому; Одесскаго—Алексѣю Татарьевскому; Тверскаго: Аванасію Некрасову и Эрнесту Паульсену; Зарайскаго—Василію Проселкову; Бѣлостокскаго—Витольду де-Мобежу и Варшавскаго—Ивану Плутенку; учителямъ прогимназій: С.-Петербургскихъ: третьей—Михаилу Куторгѣ и четвертой—Максимиліану Миллеру; Нарвской мужской—Павлу Палецкому; Устюженской мужской—Алексѣю Павлову; Алатырской мужской: Николаю Пушкинову и Крониду Шемановскому; Глуховской—Якову Эггенбергу; Гомельской—Федору Ляшuku; Старобѣльскаго-Александровскаго—Петру Боговскому и Михаилу Капустянскому; Варшавской второй мужской—Станиславу Рышовскому; Пултусской мужской—Феликсу Петровскому; Ташкентской: Петру Прилежаеву и Эмилію Мюллеру и Вѣрненской—Павлу Мудроху; учителю главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Францу Аккерману; учителямъ учительскихъ институтовъ: Бѣлгородскаго—Петру Головачову и Виленскаго еврейскаго—Ивану Дадыкину; наставникамъ учительскихъ семинарій: Молодеченской—Константину Малевичу; Бѣлгородской—Мелетію Войкову и Ташкентской—Николаю Знаменскому; учителямъ приготовительныхъ классовъ учительскихъ семинарій: Полоцкой—Деметію Банько и Свислочской—Николаю Никифоровскому; наставнику Курской земской учительской школы Евграфу Ходунову; почетнымъ смотрителямъ училищъ: Гатчинскаго городскаго—Ивану Федоровичу и Сороксккаго уѣзднаго—Ивану Бибери; смотрителю-учителю Балтскаго городскаго училища Степану Зелинскому; штатному смотрителю и учителю Слонимскаго уѣзднаго училища Василію Богдановичу; учителямъ-инспекторамъ городскихъ училищъ: Петергофскаго—Николаю Московскому и Царскосельскаго—Александру Скрыбину; учителю лицея Цесаревича Николаю Ивану Нерадовскому; старшему учителю Митавской гимназіи Вильгельму Шпоцгольцу; учителю Московскаго учительскаго института Петру Иванову; исправляющему должность учителя Варшавской ветеринарной школы Мотелю Заменгофу; штатному смотрителю Павловскаго уѣзднаго училища Николаю Чекаповскому; учителю Ревельской губернской гимназіи Рихарду Карцу; помощнику класныхъ наставниковъ Оренбургской гимназіи Ивану Курдиновскому; завѣдывающему Каргопольскимъ городскимъ училищемъ Михаилу Мусину; учителямъ городскихъ училищъ: при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ Алексѣю Вишневу; С.-Петербургскаго Влади-

мірскаго, Павлу Поцову и С.-Петербургскаго Андреевскаго, Николаю Степанову.

Произведены за отличіе: въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники: главный инспекторъ училищъ Туркестанскаго края Кунъ; окружный инспекторъ Кіевскаго учебнаго округа Шульженко; ординарный академикъ Императорской академіи наукъ Штраухъ; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго: Гиргасъ и Иностранцевъ; Московскаго: Тихонравовъ, Троицкій, Слудскій, Бабухинъ, Павловъ, Бугасъ, Усовъ, Ивановъ и Столѣтовъ; Харьковскаго: Сокольскій, Надлеръ и Стояновъ; св. Владимира—Алексѣевъ; Дерптскаго: Мюлау и Эрдманъ; Новороссійскаго—Вериго и Варшавскаго—Поповъ; директоры гимназій: Тверской—Фрезе; Елецкой—Вороновъ; Варшавскихъ мужскихъ: второй—Стефановичъ и третьей—Солнцевъ; директоры реальныхъ училищъ: Псковскаго—Сергіевскаго—Раевскій; Кіевскаго—Палиенко и Кременчугскаго—Самусь; директоръ народныхъ училищъ Ярославской губерніи Шпееръ; директоръ Дерптской гимназіи и училищъ Геескъ и директоръ Рижской губернской гимназіи и училищъ Рижской дирекціи Крагальсъ, надворный совѣтникъ, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Андреевъ; титулярный совѣтникъ, директоръ Варшавской VI мужской гимназіи и завѣдывающій Варшавскою женскою гимназіею Стефановичъ; неимѣющіе чиновъ: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Эрнестъ-Дагобертъ фонъ-Траутфеттеръ и директоръ Сѣлецкой мужской гимназіи Даниль Пономаровъ; въ статскіе совѣтники: коллежскіе совѣтники: бывший почетный попечитель Екатеринославскаго реальнаго училища Миклашевскій и учитель Калишской мужской гимназіи Ковальскій; коллежскій ассессоръ, штатный учитель Плоцкой женской гимназіи и завѣдывающій сею гимназіею Онацевичъ; губернский секретарь, инспекторъ-руководитель и преподаватель наукъ Бѣльскаго учительской семинаріи Островерхій и неимѣющіе чиновъ: преподаватели и исправляющіе должность инспекторовъ мужскихъ гимназій: Варшавской первой—Петръ Веденяпинъ; Варшавской второй—Алексѣй Мазюкевичъ; Кѣлецкой—Фавстъ Костецкій и Плоцкой—Иванъ Абрамовичъ; инспекторъ-руководитель и преподаватель наукъ Холмской учительской семинаріи Дмитрій Гуглинскій; учитель-

руководитель Варшавской учительской семинаріи Фридрихъ Пампель и учитель Варшавской первой женской гимназіи Петръ Волошановичъ; въ коллежскіе совѣтники: неимѣющіе чиновъ: преподаватель и исправляющій должность инспектора Варшавской VI мужской гимназіи Георгій Гиліусъ; прозекторъ Императорскаго Варшавскаго университета Эдуардъ Пржевоскій; лекторъ сего университета Германъ-Фридрихъ Бенни и врачъ Сандомірской мужской прогимназіи Теофилъ Шпотъ, со старшинствомъ: первый съ 16-го сентября 1879 года, второй съ 22-го января 1878 года и третій съ 1-го ноября 1879 года и послѣдній съ 14-го марта 1879 года; въ надворные совѣтники: титулярный совѣтникъ, доцентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи Краузе и неимѣющій чина, первый учитель предметовъ Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ Филиппъ Шиманскій, со старшинствомъ: первый съ 7-го ноября 1879 года и послѣдній съ 20-го декабря 1879 года; въ коллежскіе ассесоры, неимѣющій чина, второй учитель предметовъ Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ Казиміръ Михальскій, со старшинствомъ съ 20-го декабря 1878 года; въ губернскіе секретари, неимѣющій чина, помощникъ дѣлопроизводителя канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа Александръ Воронцовъ-Вельяминовъ, съ 1-го марта 1880 года.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

6. (8-го марта 1880 года). Положеніе о стипендіи тайнаго совѣтника Дунина-Барковскаго при Екатеринославской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 9-й день апрѣля 1876 года, при Екатеринославской мужской гимназіи учреждается стипендія, съ наименованіемъ оной: „стипендія тайнаго совѣтника Дунина-Барковскаго“, на счетъ процентовъ съ капитала въ тысячу семьсотъ пятьдесятъ руб., пожертвованнаго дворянами Екатеринославской губерніи и заключающагося въ закладныхъ листахъ Херсонскаго земскаго банка.

§ 2. Проценты съ означеннаго капитала употребляются на вспомо-

моществованіе одному изъ недостаточныхъ учениковъ Екатеринославской гимназіи, отличающемуся хорошими успѣхами и поведеніемъ.

§ 3 Какъ выборъ стипендіата, такъ и способъ выдачи ему вспомошествованія представляется маіору Владиміру Даниловичу Велинскому, какъ представителю жертвователей капитала на учрежденіе этой стипендіи; послѣ же его смерти—педагогическому совѣту Екатеринославской гимназіи.

§ 4. Капиталь въ поименованныхъ выше листахъ Херсонскаго земскаго банка или, за уплатою по нимъ банкомъ, въ другихъ государственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ, составляетъ неотъемлемую собственность Екатеринославской мужской гимназіи и остается неприкосновеннымъ.

7. (20-го сентября 1880 года). Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Сергѣя Платоновича Голубцова при Смоленской мужской гимназіи, на проценты съ капитала въ 5100 руб., собраннаго по добровольной подпискѣ.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1) Служащими въ Одесскомъ учебномъ округѣ, въ память четырнадцатилѣтняго служенія тайнаго совѣтника Сергѣя Платоновича Голубцова попечителемъ Одесскаго учебнаго округа и въ знакъ глубокаго уваженія къ нему, учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 16-й день сентября 1880 года, стипендіа имени тайнаго совѣтника Голубцова при Смоленской мужской гимназіи, въ которой онъ получилъ первоначальное образованіе.

2) Воспитанникъ, избранный на эту стипендію, именуется стипендіатомъ тайнаго совѣтника Сергѣя Платоновича Голубцова.

3) Стипендіа обезпечивается капиталомъ въ 5100 рублей, заключающимся въ шести облигаціяхъ 2-го восточнаго займа за №№ 062234, 116364, 116365, 1116366, 116367, по тысячѣ рублей каждая и одна за № 359800 въ сто рублей.

4) Означенный капиталъ, составляя неотъемлемую собственность Смоленской гимназіи, хранится въ Смоленскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ оной и остается на вѣчныя времена неприкосновеннымъ. По истеченіи срока вышеозначенныхъ облигацій, директоръ этой гимназіи обмѣниваетъ ихъ на соответственныя государственныя бумаги.

5) Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Смоленской гимназіи съ утвержденія попечителя округа.

6) Стипендіатъ избирается изъ лучшихъ по успѣхамъ и поведенію воспитанниковъ православнаго исповѣданія и преимущественно изъ недостаточныхъ дворянъ Смоленской губерніи.

7) Стипендіату, получившему аттестатъ зрѣлости и изъявившему желаніе поступить въ Московскій университетъ, предоставляется право пользоваться этою стипендіею до окончанія университетскаго курса, подчиняясь при этомъ университетскимъ правиламъ о стипендіяхъ.

8) Право на пользованіе стипендіею прекращается: а) по выbytіи стипендіата изъ Смоленской гимназіи до окончанія курса и б) по неудовлетворительности успѣховъ или поведенія. Если же малоуспѣшность произошла отъ болѣзни, или если стипендіатъ по той же причинѣ остался въ одномъ и томъ же классѣ на второй годъ, то отъ педагогическаго совѣта гимназіи будетъ зависѣть — продолжать или прекратить производство стипендіи.

9) Въ случаѣ выbytіи стипендіата изъ Смоленской гимназіи до окончанія курса, или потери права на пользованіе стипендіею, порядкомъ, указаннымъ въ ст. 5-й этого положенія, избирается въ стипендіаты другой воспитанникъ того же класса, удовлетворяющій требованіямъ ст. 6-й положенія.

10) Еслибы стипендія по какимъ-либо причинамъ осталась незанятою, то сбереженія причисляются къ основному капиталу.

11) Стипендія выдается въ два срока, по полугодіямъ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, на руки стипендіату или же на руки его родителей, родственниковъ или опекуновъ.

8. (22-го октября 1880 года). Положеніе о стипендіи Имени Его Величества Императора Александра II при Тобольской губернской гимназіи.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1) Въ торжественный день 19-го февраля 1880 года, когда вся Россія праздновала двадцатипятилѣтній юбилей славнаго царствованія Государя Императора Александра II, Тобольская городская дума, воодушевляемая вѣрноподанническими чувствами и безпредѣльною преданностію къ Возлюбленному Монарху, положила: запечатлѣть этотъ незабвенный для Россіи день добрымъ дѣломъ, а именно

учрежденіемъ стипендіи при Тобольской губернской гимназіи, для чего пожертвовала, на вѣчныя времена, изъ числа запаснаго городского капитала, 3000 руб., на проценты съ котораго и долженъ содержаться стипендіатъ, съ присвоеніемъ этой стипендіи наименованія „стипендія Императора Александра II“.

2) На учрежденіе означенной стипендіи, въ 13-й день сентября того же года, воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе.

3) Правомъ на стипендію пользуются дѣти жителей г. Тобольска, безъ различія званія и вѣроисповѣданія ихъ родителей; размѣръ же выдаваемой стипендіи опредѣляется въ сто пятьдесятъ руб.

4) Прошеніе о пріятіи въ число стипендіатовъ Императора Александра II подаются Тобольскому городскому головѣ. Избраніе же стипендіата предоставляется городской думѣ, по предварительномъ сношеніи съ начальствомъ гимназіи объ успѣхахъ и поведеніи кандидатовъ на стипендію, если они обучаются уже въ гимназіи.

5) Стипендіатъ лишается стипендіи за малоуспѣшность, а также и за неодобрительное поведеніе.

6) Въ случаѣ выбитія стипендіата изъ гимназіи или окончанія имъ курса, начальство гимназіи сообщаетъ о семъ городской думѣ, для избранія другаго стипендіата.

7) Стипендіатъ, окончившій и неокончившій курсъ въ гимназіи, пользуется полной свободой избранія рода службы и занятій, по его усмотрѣнію.

8) Пожертвованный на стипендію капиталъ въ 3000 руб. хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Тобольской гимназіи.

9) Могущіе образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендіи остатки, обращаются, по ближайшему усмотрѣнію думы, на нужды стипендіатовъ.

9. (5-го ноября 1880 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Императрицы Екатерины II, учрежденныхъ при Ярославской мужской гимназіи въ память исполнившагося столѣтія существованія Ярославля, какъ губернскаго города.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 18-й день іюля 1880 года, при Ярославской мужской гимназіи учреждаются

три стипендіи имени Императрицы Екатерины II на счетъ процентовъ съ капитала въ 924 рубля, пожертвованнаго Ярославскимъ обществомъ.

2) Стипендіальный капиталъ хранится въ Ярославскомъ общественномъ банкѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Ярославской гимназіи, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Стипендіею пользуются трое изъ бѣдныхъ учениковъ гимназіи, отличающіеся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ, которые и именуются стипендіатами Императрицы Екатерины II.

4) Стипендіи назначаются ученикамъ со времени поступленія ихъ въ гимназію.

5) Выборъ и утвержденіе стипендіатовъ предоставляется Ярославской городской управѣ.

6) Проценты съ означеннаго капитала обращаются въ уплату за право ученія стипендіатовъ, а могущіе образоваться отъ процентной суммы остатки выдаются стипендіатамъ на учебныя пособія, по соглашенію педагогическаго совѣта гимназіи съ городской управою.

7) Стипендіаты пользуются стипендіею до окончанія курса въ гимназіи или до выхода изъ нея, по какимъ-либо причинамъ, и могутъ быть лишены ея только по малоуспѣшности въ наукахъ или неодобрительному поведенію и не иначе, какъ по опредѣленію педагогическаго совѣта заведенія, состоявшемуся вѣлѣдствіе предварительнаго о томъ соглашенія съ мѣстною городской управою.

8) По окончаніи гимназическаго курса стипендіаты не несутъ никакихъ обязательствъ.

10. (11-го ноября 1880 г.). Положеніе о стипендіи Императора Александра II, при Нарвской мужской прогимназіи.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 25-го февраля 1880 года, учреждается, при Нарвской мужской прогимназіи, одна стипендія, съ наименованіемъ оной „Стипендія Императора Александра II“ на счетъ процентовъ съ капитала въ тысячу руб., заключающагося въ 5⁰/₁₀₀ билетѣ государственнаго банка 2 выпуска, пожертвованнаго законоучителемъ Нарвской прогимназіи, священникомъ отцомъ Петромъ Левлевымъ въ память двадцатипяти-лѣтняго юбилея славнаго царствованія Государя Императора Александра Николаевича.

2) Означенный капиталъ, составляя неприкосновенную собственность Нарвской мужской прогимназіи, хранится въ числѣ специальныхъ средствъ сего учебнаго заведенія.

3) Проценты съ пожертвованнаго капитала, въ размѣрѣ пятидесяти руб. (50 р.) въ годъ, выдаются одному изъ недостаточныхъ учениковъ Нарвской прогимназіи, достойному того по успѣхамъ и поведенію. При этомъ, согласно выраженному жертвователемъ желанію, пособіе выдается ученикамъ православнаго исповѣданія, и преимущественно дѣтямъ лицъ духовнаго званія.

4) Выборъ стипендіата предоставляется ближайшему усмотрѣнію педагогическаго совѣта Нарвской прогимназіи.

5) Стипендіатъ лишается стипендіи въ случаѣ неперехода его, безъ уважительныхъ причинъ, въ высшій классъ, или же неодобрительнаго поведенія.

6) Могущіе образоваться отъ стипендіи остатки выдаются стипендіату на приобрѣтеніе учебныхъ пособій, или причисляются къ основному капиталу по усмотрѣнію педагогическаго совѣта.

7) Въ случаѣ выхода въ тиражъ билета государственнаго банка, въ которомъ заключается капиталъ стипендіи, означенный капиталъ долженъ быть обращенъ въ другія государственныя или гарантированныя правительствомъ бумаги, при чемъ могущій произойти отъ такового обмѣна излишекъ получаетъ то же назначеніе, какъ и остатокъ стипендіи.

11. (25-го ноября 1880 г.). Положеніе о стипендіи жены потомственнаго почетнаго гражданина первой гильдіи купца Елизаветы Михайловны Александровой, учрежденной при Императорской Казанской I гимназіи.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) Жена потомственнаго почетнаго гражданина Александрова пожертвовала капиталъ въ четыре тысячи руб., заключающійся въ облигаціяхъ 3 восточнаго займа для учрежденія, на счетъ процентовъ съ онаго, одной стипендіи при Императорской Казанской I гимназіи, съ наименованіемъ оной „стипендіи жены потомственнаго почетнаго гражданина первой гильдіи купца Елизаветы Михайловны Александровой“.

2) На учрежденіе сей стипендіи 25-го октября 1880 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

3) Стипендіальный капиталъ хранится въ Казанскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Императорской Казанской 1 гимназіи.

4) Въ стипендіаты избирается при жизни жертвовательницы ею самую, а послѣ ея смерти педагогическимъ совѣтомъ названной гимназіи изъ числа обучающихся въ Императорской Казанской 1 гимназіи дѣтей недостаточныхъ родителей гор. Казани лучший по успѣхамъ и поведенію ученикъ названной гимназіи православнаго вѣроисповѣданія, безъ различія званія.

5) Проценты съ означеннаго капитала, каждагодно, выдаются родителямъ стипендіата или лицамъ, заступающимъ ихъ мѣсто.

6) Стипендіатъ сохраняетъ право на полученіе стипендіи только при хорошихъ успѣхахъ и отличномъ поведеніи, въ противномъ же случаѣ лишается стипендіи.

7) Стипендіатъ, остающійся въ томъ же классѣ на другой годъ по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ, не лишается стипендіи.

8) Полученіе стипендіи не налагаетъ на пользующагося его никакихъ обязательствъ.

12. (3-го декабря 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени Стерлитамакскаго 2-й гильдіи купца Алексѣя Семеновича Сухорукова при Стерлитамакской прогимназіи.

(Утверждено г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ пожертвованнаго почетнымъ попечителемъ Стерлитамакской прогимназіи, 2-й гильдіи купцомъ Алексѣемъ Семеновичемъ Сухоруковымъ капитала въ 300 руб., заключающагося въ трехъ 5% облигаціяхъ третьяго восточнаго займа учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 29-го ноября 1880 г., при означенной прогимназіи, одна стипендія имени жертвователя.

2) Обеспечивающей стипендію капиталъ долженъ храниться въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ прогимназіи въ отдѣлѣ пожертвованій, и оставаться на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Стипендія должна состоять въ ежегодной платѣ въ продолженіе всего курса за право ученія въ прогимназіи одного ученика, заслужающаго того по своимъ успѣхамъ и поведенію, который и на-

зывается стипендіатомъ Стерлитамакскаго 2-й гильдіи купца Алексѣя Семеновича Сухорукова.

4) Право избранія стипендіата принадлежитъ жертвователю, Алексѣю Семеновичу Сухорукову, по смерти же его право это переходитъ къ педагогическому совѣту прогимназіи.

13. (3-го декабря 1880 г.). Положеніе о стипендіяхъ бывшаго учителя Минской гимназіи, титулярнаго совѣтника Ивана Чечота.

(Утверждено г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ завѣщаннаго бывшимъ учителемъ Минской гимназіи титулярнымъ совѣтникомъ Иваномъ Чечотомъ капитала въ 3,000 руб. учреждаются, при Минской гимназіи, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 29-го ноября 1880 г., три стипендіи имени завѣщателя при названной гимназіи.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ 5⁰/₁₀₀ билетахъ государственнаго банка, на сумму 3,450 руб. и наличныхъ деньгахъ — 65 руб. 9 коп., хранится въ Минскомъ губернскомъ казначействѣ, въ спеціальныхъ средствахъ мѣстной гимназіи.

3) Стипендіи состоятъ изъ процентовъ на капиталъ 3,450 руб., въ равномъ размѣрѣ каждая, то-есть по 57 руб. 50 коп., но еслибы проценты съ этого капитала внослѣдствіи увеличились, то соотвѣтственно сему долженъ увеличиться и размѣръ стипендій.

4) Могущіе образоваться отъ некомплекта стипендіатовъ, или отъ другихъ какихъ либо причинъ остатки присоединяются къ имѣющимся наличнымъ деньгамъ (65 руб. 9 коп.) и по мѣрѣ возможности, обращаются въ государственныя бумаги, проценты съ которыхъ должны обращаться на увеличеніе размѣра стипендій.

5) Право избранія и назначенія стипендіатовъ, а равно лишеніе права на стипендію, согласно завѣщанію Чечота, принадлежитъ педагогическому совѣту Минской гимназіи.

6) Въ стипендіаты избираются три ученика Минской гимназіи изъ фамиліи Чечотовъ, а въ случаѣ неимѣнія учениковъ этой фамиліи, столько же учениковъ изъ фамиліи Ивасовскихъ, въ случаѣ же неимѣнія учениковъ и этой фамиліи—три ученика изъ другихъ бѣдныхъ семействъ, предоставляя всегда преимущество ученикамъ изъ фамиліи Чечотовъ. Ученики эти, какой бы фамиліи ни были, еслибы оказались лѣнивыми, или неспособными, по окончаніи трехъ низшихъ

классовъ, согласно волѣ завѣщателя, лишаются стипендіи, а на ихъ мѣсто избираются другіе вышеозначеннымъ порядкомъ, — способные же и прилежные ученики сохраняютъ стипендію до окончанія полнаго гимназическаго курса.

7) Стипендіатъ, выбывшій изъ Минской гимназіи, по какому бы то ни было причинамъ, лишается стипендіи и на его мѣсто избирается другой.

14. (3-го декабря 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Данила Григорьевича Жворонкова при Курской мужской гимназіи.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ собраннаго по добровольной подпискѣ служащими по министерству народнаго просвѣщенія и частными лицами, проживающими въ Курской губерніи, по случаю исполнившагося, 14-го іюля 1877 года, 25-лѣтія службъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Жворонкова въ должности директора гимназіи, капитала въ 1,500 руб., заключающагося въ 5% билетахъ и облигаціяхъ 1 и 3 восточныхъ займовъ, учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 29-го ноября 1880 года, при означенной гимназіи стипендія имени Жворонкова.

2) Стипендія эта предназначается для бѣднѣйшихъ воспитанниковъ Курской гимназіи.

3) Право на полученіе означенной стипендіи имѣютъ только тѣ изъ бѣднѣйшихъ воспитанниковъ гимназіи, которые, при отличномъ поведеніи, оказываютъ, по крайней мѣрѣ, удовлетворительные успѣхи.

4) Выборъ стипендіата и лишеніе права на полученіе стипендіи принадлежитъ педагогическому совѣту Курской гимназіи; при чемъ голосъ Д. Г. Жворонкова, до времени нахожденія его въ должности директора гимназіи, имѣетъ рѣшающее значеніе.

5) При выборѣ стипендіата, при равенствѣ условій относительно поведенія, успѣховъ и матеріальныхъ средствъ отдается преимущество сиротамъ воиновъ, павшихъ въ войнѣ 1877 года и дѣтямъ чиновниковъ училищнаго вѣдомства, принимавшихъ живое участіе въ образованіи стипендіальнаго капитала.

6) Выдача стипендіи производится директоромъ гимназіи, согласно обстоятельствамъ и нуждамъ воспитанника, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта.

7) Въ случаѣ улучшенія матеріальныхъ средствъ родителей стипендіата, или если самъ стипендіатъ получить частныя занятія вполне обеспечивающія, стипендія, по распоряженію педагогическаго совѣта, переходитъ къ друуому болѣе нуждающемуся воспитаннику.

8) Если между наличными воспитанниками гимназіи не окажется нуждающихся въ вспомошествованіи, то остающіяся деньги выдаются въ видѣ пособія бѣднѣйшимъ воспитанникамъ для поступленія въ высшія учебныя заведенія.

15. (3-го декабря 1880 года). Положеніе о стипендіи при Курской мужской гимназіи имени 159 пѣхотнаго Гурійскаго полка.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На собранный по добровольной подпискѣ, капиталъ въ 3,100 р., обращенный въ 5% билеты государственнаго банка учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 29-го ноября 1880 г., при Курской гимназіи, стипендія для воспитанія осиротѣвшихъ сыновей офицеровъ 159 пѣхотнаго Гурійскаго полка, павшихъ подъ стѣнами Карса при штурмѣ этой крѣпости съ 5 на 6-е, ноября 1877 года. За неимѣніемъ же такихъ сиротъ, на стипендію имени Гурійскаго полка избираются малолѣтніе, лишившіеся отцовъ изъ офицеровъ 157 Имеретинскаго и 158 Кутаисскаго пѣхотныхъ полковъ, какъ наиболѣе отличившихся въ томъ же дѣлѣ.

2) До избранія перваго кандидата въ стипендіаты должны быть собраны свѣдѣнія объ осиротѣвшихъ малолѣтнихъ сыновьяхъ офицеровъ названныхъ полковъ и о средствахъ къ жизни ихъ матерей.

3) Круглые сироты имѣютъ преимущество предъ другими кандидатами на стипендію.

4) Выборъ кандидата возлагается на педагогическій совѣтъ гимназіи поочередно изъ малолѣтнихъ, которыхъ отцы служили въ названныхъ полкахъ.

5) Избранный кандидатъ долженъ удовлетворять всѣмъ условіямъ приема въ гимназію, на основаніи устава сихъ заведеній.

6) Стипендія выдается, пополюдно впередъ, на руки матери ученика или лицамъ, на попеченіи которыхъ онъ находится, или же употребляется, по распоряженію начальства гимназіи, на удовлетвореніе главнѣйшихъ потребностей стипендіата.

7) Полученіе стипендіи не лишаетъ ученика права быть освобожденнымъ отъ платы за ученіе въ гимназій, бесплатной выдачи учебныхъ книгъ и пособій и т. под.

8) Оставленіе стипендіата въ одномъ классѣ на второй годъ, безъ лишенія права на стипендію, допускается только по причинамъ вполне уважительнымъ и при томъ не болѣе двухъ разъ въ теченіе гимназическаго курса; въ противномъ случаѣ онъ лишается стипендіи и замѣняется новымъ кандидатомъ.

9) Если, съ переходомъ въ классы, въ которыхъ дозволяется учащимся въ гимназій заниматься частными уроками, стипендіатъ будетъ пользоваться этимъ правомъ, то, по окончаніи курса, изъ остающейся стипендіи онъ получаетъ единовременное пособие, не свыше однакоже 300 руб., при поступленіи въ высшее учебное заведеніе для дальнѣйшаго образованія.

10) Могущіе образоваться остатки отъ стипендіи употребляются, по назначенію педагогическаго совѣта гимназій, на потребности, означенныя въ п. 7.

11) Въ случаѣ неимѣнія кандидатовъ изъ лицъ, указанныхъ въ п. 1, сего положенія, стипендіаты избираются изъ потомковъ, въ какомъ бы ни было колѣпѣ, офицеровъ, которые, состоя на службѣ въ одномъ изъ названныхъ двухъ полковъ, пали подъ Карсомъ въ 1877 г., если только эти потомки будутъ нуждаться въ такомъ благоволеніи.

16. (3-го декабря 1880 года). Положеніе о стипендіи учреждаемой въ Уфимской мужской гимназій въ память исполнившагося двадцатипятилѣтія царствованія Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ пожертвованнаго чинами судебнаго вѣдомства Уфимской губерніи капитала въ одну тысячу сто девятнадцать рублей семь коп., заключающагося въ 5% билетахъ государственнаго банка и облигаціяхъ восточнаго займа, и въ наличныхъ деньгахъ 19 руб. 87 коп. учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 27 го ноября 1880 г., при Уфимской мужской гимназій, одна стипендія, въ ознаменованіе исполнившагося двадцатипятилѣтія царствованія Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича.

2) Стипендіатами могутъ быть только сыновья недостаточныхъ родителей изъ лицъ какъ служащихъ, такъ и служившихъ въ Уфимской губерніи по судебному вѣдомству.

3) Избраніе стипендіата предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта Уфимской мужской гимназіи, по надлежашемъ удостовѣреніи въ имущественной несостоятельности, какъ самого стипендіата, такъ и родителей его.

4) Пожертвованный капиталъ причисляется къ специальнымъ средствамъ Уфимской мужской гимназіи и хранится въ мѣстномъ казначействѣ.

5) Проценты съ пожертвованнаго капитала, по какимъ либо причинамъ неизрасходованные, присоединяются къ капиталу для увеличенія размѣра самой стипендіи.

17. (3-го декабря 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени генераль-адъютанта Михаила Дмитріевича Скобелева при Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія):

1) Во вниманіе къ доблестнымъ заслугамъ на полѣ брани въ Русско-Турецкую войну генераль-адъютанта Михаила Дмитріевича Скобелева учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 29-го мая 1880 г., на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго Калужскимъ дворянствомъ капитала въ шесть тысячъ руб., заключающагося въ облигаціяхъ 1-го восточнаго займа, при специальныхъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ, одна стипендія, съ наименованіемъ ея „стипендія генераль-адъютанта Михаила Дмитріевича Скобелева“.

2) Размѣръ стипендіи опредѣляется въ триста руб. ежегодно;

3) Капиталъ, обезпечивающій стипендію, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названнаго института.

4) Выборъ стипендіата предоставляется генераль-адъютанту Михаилу Дмитріевичу Скобелеву, при жизни его, а впослѣдствіи—Калужскому губернскому предводителю дворянства.

5) Объ окончаніи стипендіатомъ курса наукъ директоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ увѣдомляетъ Михаила Дмитріевича Скобелева, а послѣ смерти его Калужскаго губернскаго предводителя дворянства.

6) Прошеніе о зачисленіи студентовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ, на означенныя стипендіи поступають на имя генералъ-адъютанта Скобелева, а внослѣдствіи, къ Калужскому губернскому предводителю дворянства.

18. (28-го февраля 1881 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ передачи въ казну суммъ за выписываемый учебными заведеніями Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Вслѣдствіе требованія государственнаго контроля, циркулярнымъ предложеніемъ министерства народнаго просвѣщенія, отъ 16-го февраля 1877 г. за № 1880, предложено было начальствомъ учебныхъ округовъ, чтобы причитающіяся за Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія и за пересылку его деньги, вмѣсто отсылки оныхъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія, передаваемы были, въ полной цифрѣ, въ мѣстныя казначейства, для причисленія этихъ денегъ къ государственнымъ доходамъ по подлежащимъ смѣтнымъ подраздѣленіямъ.

Нынѣ Временная Ревизіонная Комисія увѣдомила департаментъ народнаго просвѣщенія, что нѣкоторыя учебныя заведенія причитающіяся отъ нихъ деньги за Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія, и за пересылку его, вмѣсто передачи въ мѣстныя казначейства, отправляютъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія.

Вслѣдствіе сего я покорнѣйше прошу ваше превосходительство подтвердить подвѣдомственнымъ Вамъ, милостивый государь, учебнымъ заведеніямъ о точномъ исполненіи вышепомянутаго циркулярнаго предложенія министерства народнаго просвѣщенія о передачѣ въ мѣстныя казначейства для причисленія въ государственный доходъ, по подлежащимъ смѣтнымъ подраздѣленіямъ, денегъ, слѣдующихъ за журналь министерства и за пересылку онаго.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управлявшимъ министерствомъ, постановлено:
„Сборникъ матеріаловъ для устнаго и письменнаго перевода съ рус-
часть ССХІV, отд. 1.

скаго и латинскаго языковъ на греческій въ V — VIII классахъ гимназій“, одобрить какъ учебное пособие по греческому языку для высшихъ классовъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— „Учебникъ физики“. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Со многими политипажами въ текстѣ и налитографированными таблицами. Составилъ К. Краевичъ. Седьмое изданіе, пересмотрѣнное и дополненное. С.-Петербургъ 1880 г. Цѣна 2 руб. 50 к., — включить въ число руководствъ, одобренныхъ ученымъ комитетомъ.

— „Книгу упражненій по греческой этимологіи по руководству П. Везенера съ приспособленіями къ употребленію въ русскихъ гимназійхъ и съ прибавленіями начальныхъ правилъ греческаго синтаксиса. Составилъ Э. Черный преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназій. Изданіе 2-е исправленное. Москва 1880 года. Цѣна 1 р. 25 к., — одобрить какъ учебное пособие по греческому языку для гимназій и прогимназій.

— Книжки „О словѣ о полку Игоревѣ“, А. Смирнова: I) Литература „Слова“ со времени открытія его по 1876 г. Воронежъ 1877 г. II) Пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ. Воронежъ 1879 г.—одобрить для библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, равно для учительскихъ семинарій и учительскихъ институтовъ.

— „Сборникъ алгебраическихъ задачъ преимущественно для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній“. Матеріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіе учебнаго года и темы для письменныхъ испытаній. Составили: В. Арбузовъ, А. Мининъ, В. Мининъ, Д. Назаровъ, преподаватели Московскихъ гимназій. Изданіе 2-е, напечатанное съ нѣкоторыми измѣненіями противъ перваго. Москва 1880 г. Цѣна 50 к., — одобрить для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ учебнаго пособия.

— „Курсъ прямолинейной тригонометріи и собраніе тригонометрическихъ задачъ“. Составилъ Н. А. Шапошиниковъ, преподаватель университета, 4-й гимназій и женскихъ курсовъ въ Москвѣ. Москва 1880 г. Цѣна 80 к.,—признать весьма полезнымъ учебнымъ пособиемъ по преподаванію тригонометріи.

— Книгу „Русская хрестоматія. Памятники древне-русской литературы и народной словесности, съ историческими, литературными и грамматическими объясненіями и съ словаремъ“. Для среднихъ учебныхъ заведеній составилъ профессоръ Московскаго университета

Ө. Буслаевъ. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Москва 1881 г. рекомендовать какъ учебное пособие для употребленія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, учительскихъ институтахъ и учительскихъ семинаріяхъ.

— Книгу: L' Homond De viris illustribus urbis Romae a Romulo ad Augustum. Для русскихъ учебныхъ заведеній обработалъ И. Шрамекъ, директоръ С.-Петербургской 5-й гимназій. Второе, исправленное изданіе. С.-Петербургъ 1880 г., — одобрить какъ учебное пособие по латинскому языку для низшихъ классовъ гимназій и прогимназій.

— Изданія А. Ильина: 1) „Новый учебный географическій атласъ для полного гимназическаго курса, состоящій изъ 37 картъ. С.-Петербургъ. Цѣна 1 р. 50 к.“, и 2) „Новый учебный географическій атласъ состоящій изъ 16 картъ С.-Петербургъ. Цѣна 60 коп.“ — одобрить для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управлявшимъ министерствомъ, постановлено: изданную редакціею журнала „Досугъ и Дѣло“, брошюру „Свѣтъ и что отъ него исходитъ“. С.-Петербургъ — одобрить для учительскихъ библіотекъ начальныхъ училищъ и для ученическихъ библіотекъ средне-учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Изданную редакціею журнала „Досугъ и Дѣло“ брошюру „Вѣтеръ и что онъ дѣлаетъ“. С.-Петербургъ — одобрить для ученическихъ библіотекъ начальныхъ училищъ и для публичныхъ чтеній.

— Изданную редакціею журнала „Досугъ и Дѣло“ брошюру „Великіе работники Фултонъ и Стефенсонъ, изобрѣтатели парохода и паровоза“. С.-Петербургъ. 1879 г. — одобрить какъ для ученическихъ библіотекъ начальныхъ училищъ, такъ и для ученическихъ библіотекъ средне-учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ и для публичныхъ чтеній.

— Составленную заштатнымъ учителемъ Аарономъ Розенфельдомъ книгу, подъ заглавіемъ: „Ганъ Шаашуимъ Леіалдей Іешурунь,

то-есть увеселительный садъ для еврейскихъ дѣтей“, Варшава, 1880 г., — допустить въ бібліотеки еврейскихъ училищъ.

— Изданную учителемъ Люблинской мужской гимназіи Авраамомъ Солоновичемъ книгу, подъ заглавіемъ: „Исторія Израиля отъ сотворенія міра до возвращенія Израильтянъ изъ Вавилонскаго плѣненія“, — одобрить для еврейскихъ училищъ какъ руководство при преподаваніи еврейскаго языка и еврейской исторіи, но не какъ предметъ еврейской вѣры.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Вслѣдствіе отношенія г. Туркестанскаго генераль-губернатора г. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ опредѣлять въ Ташкентскую и Вѣрненскую мужскія прогимназіи по третьему помощнику классныхъ наставниковъ, съ производствомъ имъ жалованья, въ видѣ платы по найму, въ размѣрѣ, положенномъ для сихъ лицъ по штатамъ помянутыхъ прогимназій, и квартирныхъ денегъ до трехъ сотъ руб. каждому, въ случаѣ если не окажется возможнымъ отвести имъ казенныя квартиры, съ отнесеніемъ содержанія ихъ на спеціальныя средства означенныхъ учебныхъ заведеній, для чего увеличить плату за ученіе съ 1-го января 1881 года: въ Ташкентской прогимназіи: въ приготовительномъ классѣ до 30 руб. и въ нормальныхъ классахъ до 40 руб., а въ Вѣрненской прогимназіи: въ приготовительномъ классѣ до 20 руб., а въ нормальныхъ до 30 руб. въ годъ съ каждаго ученика.

КЪ УЧЕНЮ ОБЪ ОРГАНИЗАЦИИ СЕМЬИ И РОДСТВА ВЪ ПЕРВОБЫТНЫХЪ ОБЩЕСТВАХЪ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО У КЕЛЬТОВЪ И ГЕРМАНЦЕВЪ.

I.

Въ послѣднее время въ наукѣ исторіи права свершился значительный переворотъ. Къ историческому изслѣдованію примѣненъ былъ сравнительный методъ, вслѣдствіе чего воззрѣнія ученыхъ на постепенное развитіе правсваго порядка вообще и отдѣльныхъ правовыхъ институтовъ въ частности необходимо должны были измѣниться. Между тѣмъ какъ прежде исторія права каждаго отдѣльнаго народа разсматривалась и изучалась какъ совершенно обособленная дисциплина, и сравненіе или, лучше сказать, сопоставленіе дѣлалось только тогда, когда изслѣдователь встрѣчался съ заимствованіемъ правовыхъ институтовъ однимъ народомъ у другаго, въ настоящее время признается необходимымъ для правильнаго пониманія явленій исторіи права одного народа сравненіе этихъ явленій со сходными явленіями въ исторіи права другихъ народовъ. Но хотя уже на первыхъ порахъ примѣненія новаго метода устранено было не мало заблужденій прежней школы, однако и теперь еще далеко не достигнуты всѣ тѣ результаты, которые могли бы быть достигнуты при наличномъ матеріалѣ, еслибы не ошибки первыхъ представителей новаго направленія, ошибки, впрочемъ, неизбежныя во всякомъ новомъ дѣлѣ.

Представители новаго направленія распадаются, собственно говоря, на двѣ школы, изъ которыхъ одна примѣняетъ сравнительный методъ въ очень узкихъ размѣрахъ, а другая не всегда съ должною

точностію и осмотрительностію. Къ первой школѣ между англійскими писателями принадлежатъ Мэнь, Фрименъ и Гирнъ, а между французскими—Фюстель-де-Куланжъ. Эти ученые считаютъ необходимымъ ограничить до поры до времени сравненіе цикломъ народовъ арійской расы: весь же богатый матеріалъ, представляемый бытомъ народовъ не-арійскаго происхожденія, находящихся въ настоящее время на низшихъ степеняхъ развитія, признается ими вполне непригоднымъ въ силу того, что путешественники, собиравшіе этотъ матеріалъ, были-де въ большинствѣ случаевъ людьми мало подготовленными для такого дѣла. Неправильность подобнаго взгляда недавно вполне основательно доказана Гербертомъ Спенсеромъ¹⁾. „Что касается меня“, говорятъ Спенсеръ, — „то я, право, не знаю, на какомъ основаніи я долженъ признавать большую достовѣрность за показаніями Тацита, почерпнутыми изъ вторыхъ рукъ, чѣмъ за основанными на непосредственномъ наблюденіи показаніями новѣйшихъ путешественниковъ, изъ которыхъ значительное число получило научное образованіе“. При этомъ Спенсеръ указываетъ на Барта, Ливингстона, Дарвина, Уоллеса и Гумбольдта. Слѣдовательно, не пользоваться матеріаломъ, собраннымъ новѣйшими путешественниками, значитъ, добровольно лишать себя одного изъ главныхъ источниковъ для сравнительнаго изученія права. Но, не смотря на подобное ограниченіе сравненія цикломъ арійскихъ народовъ, ученые, принадлежатіе къ упомянутой школѣ, могли все-таки достигнуть большихъ и, главное, болѣе вѣрныхъ результатовъ, еслибы въ отмежеванной ими для себя сферѣ сравнительный методъ былъ примѣняемъ надлежащимъ образомъ. Съ этою цѣлію необходимо было сперва подробно изучить право каждаго отдѣльнаго арійскаго народа и затѣмъ уже, путемъ сравненія, установить общія всѣмъ арійскимъ народамъ начала развитія. Но указаніе ученые дѣйствовали совершенно инымъ образомъ. Признавъ за основные тѣ типы правовыхъ институтовъ, съ которыми они познакомились въ правѣ Римлянъ и Грековъ, они все то, что отклонилось отъ этихъ типовъ, сочли продуктомъ позднѣйшаго развитія, своеобразностію, возникшею подъ вліяніемъ особыхъ условій, въ которыя былъ поставленъ тотъ или другой арійскій народъ. Отсюда не мало ошибокъ и невѣрныхъ заключеній. Иногда римскіе типы, несо-

¹⁾ См. французскій переводъ его «Основъ Соціологіи» (Principes de Sociologie, p. 319, n. 1), который я привожу, ибо не имѣю въ настоящее время подъ руками ни подлинника, ни русскаго перевода.

миѣнно принадлежащія позднѣйшей формаціи права, признавались первоначальными и болѣе древними, чѣмъ типы, встрѣчающіеся у другихъ арійскихъ народовъ, а вслѣдствіе этого устанавливалось не-правильное воззрѣніе на послѣдовательность и преемство формъ въ развитіи права.

Другая школа понимаетъ гораздо шире задачу сравнительной исторіи права. По миѣнію этой школы, главнѣйшими представителями которой между Англичанами являются Лэббокъ, Макъ-Ленанъ, Спенсеръ и Морганъ (Американецъ), между Французами—Жиро-Телонъ и Лавеле, а между Нѣмцами—Бахофенъ и Постъ, задачей сравнительнаго изученія права необходимо признать установленіе законовъ развитія права, общихъ всему человѣчеству. Вслѣдствіе этого, означенные ученые или пользуются всѣмъ матеріаломъ, доставляемымъ правомъ самыхъ различныхъ народовъ, или же, хотя и ограничиваютъ сравненіе цикломъ тѣхъ или другихъ народовъ, но все-таки не упускаютъ изъ виду тѣхъ результатовъ, которые достигнуты другими изслѣдователями при изученіи быта остальныхъ народовъ. Несомнѣнно, что писатели, принадлежащіе къ этой школѣ, находятся на болѣе вѣрномъ пути. Но и они не избѣгли погрѣшностей. Главный недостатокъ ихъ изслѣдованій (за исключеніемъ, собственно говоря, только сочиненія Бахофена) состоитъ въ маломъ знакомствѣ съ древнимъ правомъ арійскихъ народовъ и въ обращеніи вниманія почти исключительно на данныя изъ быта и права современныхъ варварскихъ и дикихъ племенъ. Кромѣ того, у нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ изслѣдователей сравненію институтовъ часто не предшествовало точное ихъ изученіе, вслѣдствіе чего нерѣдко виѣшнее сходство принималось за сходство по существу и дѣлались совершенно ошибочные выводы ¹⁾.

¹⁾ Въ этомъ отношеніи особенно грѣшилъ Лавеле въ своемъ сочиненіи «De la propriété et de ses formes primitives». Нельзя не согласиться съ Фюстелье-Куланжемъ (Étude sur la propriété à Sparte въ Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques, nouvelle série, Tome XIII, p. 617s), что доводы, приводимые Лавеле въ подтвержденіе его миѣнія, что земля въ первобытныхъ обществахъ всегда находилась въ общинномъ владѣніи, набраны довольно случайно. Замѣтивъ извѣстное сходство между деревенскими общинами Индіи и русскимъ міромъ, заключивъ далѣе довольно поспѣшно, что алменды Швейцаріи и Нидерландовъ представляютъ тѣ же характеристическія черты, Лавеле приобщилъ ко всему этому два-три изреченія Цезаря о бытѣ Германцевъ, показаніе Діодора о жителяхъ Липарскихъ острововъ, да еще нѣсколько вымысловъ древ-

Переходя теперь къ спеціальной задачѣ нашего изслѣдованія, посмотримъ, какой взглядъ на первоначальную организацію семьи установился у каждой изъ указанныхъ нами школъ ¹⁾.

До примѣненія сравнительнаго метода къ историческому изученію права, ученые историки-юристы считали такъ-называемую патриархальную семью самою первичною формою семейной жизни, а равнымъ образомъ и общественной организаціи. Характеристическими признаками этой формы семьи признавались слѣдующія: 1) неограниченная власть отца-домовладыки надъ женой и дѣтьми, заключающая въ себѣ право жизни и смерти; эта власть была связующимъ началомъ семьи: кто выходилъ изъ-подъ семейной власти, выходилъ изъ семьи, порывалъ съ ней всякую связь; 2) опредѣленіе принадлежности къ семьѣ происхожденіемъ отъ одного изъ членовъ-мужчинъ этой семьи (агнатическое начало) и рожденіемъ отъ законнаго брака, такъ что дѣти дочерей и незаконнорожденные не принадлежали къ семьѣ. Впрочемъ, и при наличности этихъ условий, отъ домовладыки зависѣло принять или не принять поворожденного въ семью. Патриархальный родъ, возникающій вслѣдствіе распада первоначальной патриархальной семьи на нѣсколько отдѣльныхъ патриархальныхъ семей и восоединенія этихъ семей въ покоющійся на федеративномъ началѣ союзъ, рассматривался какъ общественный организмъ, основанный на тѣхъ же принципахъ и представляющій тѣ же характеристическія черты, что и патриархальная семья. Повсюду безграничная власть главы, повсюду непризнание родства по женской линіи и родства, основаннаго на рожденіи отъ вибърачнаго сожителства. Такая форма семьи, очевидно, точь въ точь соотвѣтствуетъ той формѣ, съ которой мы встрѣчаемся въ древнѣйшій періодъ исторіи римскаго права. И въ дѣйствительности, представленія историковъ-юристовъ о первоначальной семьѣ сложились подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ той формы, которую создала древне-римская жизнь. Да оно и не могло быть иначе. Вѣдь, впервые исторически изслѣдовано было

нихъ позтовъ о золотомъ вѣкѣ и, на основаніи всего этого, сдѣлалъ общіе выводы.

¹⁾ Само собою разумѣется, что нами указаны будутъ только главнѣйшія основанія ученія обвѣхъ школъ: полная критика этого ученія завела бы насъ далеко за предѣлы настоящей статьи. Не слѣдуетъ забывать, что нашъ очеркъ посвященъ, главнымъ образомъ, кельтической и германской семьѣ. Возврънія, имѣющія общій характеръ, приводятся и рассматриваются нами только для опредѣленія исходной точки спеціального изслѣдованія.

только римское право. Потомъ, когда стали изучать исторію германскаго права, то, такъ какъ тогда исторія права каждаго отдѣльнаго народа изучалась совершенно самостоятельно, не постарались выиснить принципиальное различіе германскаго семейнаго строя отъ строя римской семьи, а просто только отмѣтили, что отеческая власть въ германскомъ правѣ носить болѣе мягкій характеръ, чѣмъ въ римскомъ. что семейныя и родовыя права у Германцевъ принадлежать какъ родичамъ по мужеской, такъ и по женской линіи, какъ законно, такъ и незаконнорожденнымъ. Все это считалось особенностью *juris germanici*, исключеніемъ изъ общаго правила первичныхъ обществъ, а этимъ общимъ правиломъ считались нормы древнѣйшаго римскаго права. Мало по малу, въ силу постоянного повторенія во всѣхъ монографіяхъ и учебникахъ гражданскаго и государственнаго права, положеніе, что патриархальная семья есть первичная форма семьи и всякаго общенія между людьми, признано было, если можно такъ выразиться, догматомъ юридической науки.

Въ этомъ ученіи о первоначальной формѣ семьи примѣненіе сравнительнаго метода должно было произвести коренной переворотъ, такъ какъ въ бытѣ современныхъ намъ дикарей обнаружены были формы общественной и семейной организаціи, носящія несомнѣнно болѣе архаическій характеръ чѣмъ римская патриархальная семья. Впрочемъ, еще прежде возникновенія сравнительно-исторической школы болѣе тщательное изслѣдованіе древнѣйшаго римскаго общественнаго и домашняго строя привело къ открытію ряда такихъ фактовъ, которые, еслибы на нихъ обращено было болѣе вниманія, несомнѣнно поколебали бы господствующее ученіе о томъ, что патриархальная семья была первичною формою семейной и общественной организаціи. Я говорю о томъ открытіи, которое сдѣлалъ въ концѣ 20 годовъ Кленце ¹⁾, что въ Римѣ искони рядомъ съ *agnatio* признавалась и *cognatio*. До Кленце думали, что до второй половины республиканскаго періода въ родствѣ безусловно господствовало агнатическое начало, что только съ указаннаго времени за когнатами стали признаваться семейныя и родственныя права. Кленце доказалъ, что извѣстными семейными правами когнаты пользовались съ неза-

¹⁾ См. его статью «Die Cognaten und Affinen nach roemischem Rechte» въ *Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft*, VI, Berlin, 1828. Здѣсь Кленце является предвозвѣстникомъ сравнительно-историческаго направленія, такъ какъ онъ проводитъ параллель между институтами римскаго права и права другихъ арійскихъ народовъ.

памятныхъ время¹⁾, что, слѣдовательно, рядомъ съ дикломъ агнатическаго родства постоянно признавался и цикль родства когнатическаго. Это должно было заставить усомниться въ томъ, что патриархальная семья, такъ неразрывно связанная съ агнатическимъ началомъ, даже у Римлянъ была первичною формою семейнаго строя. Но подобнаго вывода не было сдѣлано. Послѣдующіе изслѣдователи просто повторяли положенія Кленце, не приводя ихъ въ связь со всею остальною системою древнѣйшаго права²⁾.

Представители первой изъ упомянутыхъ выше новыхъ школъ, то-есть тѣ ученые, которые ограничиваютъ сравненіе народами арійской расы, ничего не сдѣлали для выясненія генезиса семейныхъ формъ. Не только они не пошли далѣе старой школы, но сдѣлали значительный шагъ назадъ, совершенно игнорируя даже тѣ факты, которые были указаны Кленце, и которые, какъ мы только что видѣли, свидѣтельствуютъ объ исконномъ значеніи когнатства у Римлянъ, этихъ главныхъ представителей патриархальной семьи. На эти факты не обращено было вниманія, и новая школа окончательно объявила патриархальную семью съ сильно развитою patria potestas и строго проведеннымъ началомъ агнатства первичною формою семьи, общою всемъ арійскимъ народамъ³⁾. Но въ исторіи права нѣкото-

¹⁾ Между исконными правами и обязанностями когнатовъ Кленце указываетъ на jus osculі въ связи съ запрещеніемъ брака въ извѣстныхъ gradus cognaticis, на право участія когнатовъ къ семейныхъ судахъ и на officium iugendi. Какъ очень древнее рассматривается имъ право представительства когнатовъ на судѣ предпочтительно передъ extranei, тамъ, гдѣ это представительство вообще допускалось въ древнемъ процессѣ (actiones pro populo, de libertate, pro tutela).

²⁾ См. *Rein*, Das Privatrecht der Roemer, Leipzig 1858, p. 503 ff., *Lange*, Roemische Alterthuemcr (3-te Auflage) Band I, p. 234. Сей послѣдній авторъ, признавъ сперва (I. с. 211) агнатическое начало въ томъ видѣ, въ какой оно выразилось въ римской семьѣ и римскомъ родѣ, общимъ всему человѣчеству организаціоннымъ основаніемъ, рассматриваетъ отношеніе такъ называемое naturalis cognatio, какъ основанное исключительно на освященной обычаемъ взаимной любви, и имѣющее значеніе только въ самыхъ близкихъ степеняхъ кровнаго родства.

³⁾ Ср. *Манъ*, Ancient law, third edition, p. 133 — 150, гдѣ этотъ писатель старается, во что бы то ни стало, доказать, что римская patria potestas была необходимо типомъ первобытной отеческой власти. При этомъ, извѣстное показаніе Галя (I, 55): «Item in potestate nostra sunt liberi nostri, quos justis nuptiis procreavimus, quod jus proprium civium romanorum est, fere enim nulli alii sunt homines, qui talem in filios suos habent potestatem, qualem nos habemus». Манъ объясняетъ тѣмъ, что у большинства народовъ patria potestas, подобная

рыхъ арійскихъ народовъ изслѣдователи встрѣтились съ такими фактами, которые прямо противорѣчили только что указанному воззрѣнію. Нѣкоторымъ изъ этихъ фактовъ придано было, впрочемъ не безъ значительныхъ натяжекъ, такое толкованіе, при которомъ устранялось упомянутое противорѣчіе. Тамъ же, гдѣ факты положительно не допускали подобнаго толкованія, ученые разсматриваемой школы не затруднились, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, прибѣгать къ отрицанію подлинности этихъ фактовъ. Только что сказаннымъ мы не желаемъ заподозрить добросовѣстность этихъ ученыхъ; мы не отвергаемъ ихъ заслугъ. Они дѣйствовали вполне добросовѣстно, но убѣжденіе, что римская форма семьи есть первичная форма, до того овладѣло, если можно такъ выразиться, всѣмъ ихъ существомъ, что все противорѣчащее этому основному ихъ воззрѣнію не могло не казаться имъ невѣроятнымъ. Заслуги этихъ изслѣдователей такъ же несомнѣнны. Онѣ состоятъ въ выясненіи организаціи патриархальной семьи и опредѣленіи вліянія, которое культъ предковъ имѣлъ на эту организацію. Такимъ образомъ, мы утверждаемъ только, что взглядъ этихъ ученыхъ на генетическое развитіе, послѣдовательность и преемство семейныхъ формъ не вѣренъ.

Перейдемъ теперь къ изложенію ученій другой школы, придерживающейся сравнительнаго метода въ широкихъ размѣрахъ. И относительно генезиса семейныхъ формъ сдѣлано ею болѣе, чѣмъ тѣми учеными, которые ограничиваютъ сравненіе цикломъ арійскихъ народовъ. А именно, выяснено было прежде всего, что появленію брачныхъ формъ предшествовалъ извѣстный періодъ гетеризма ¹⁾, что непремѣннымъ условіемъ дальнѣйшаго развитія брачныхъ формъ является достиженіе даннымъ народомъ извѣстной степени цивилизаціи, что брачныя формы развиваются очень медленно, и наконецъ, что даже по установленіи брака старое начало гетеризма не исче-

римской, существовала непродолжительное время, почему и неудивительно, что во время Гаия она составляла особенность римскаго права и не находилась въ правахъ другихъ народовъ, подвластныхъ римской державѣ. *Фюстель-де-Куланжъ* (*La cité antique*, V, 5) признаетъ агнатство первою формою родства, основанною на единствѣ семейнаго культа, этого перваго связующаго начала между людьми. *Гирнъ* (*The aryan household*, London, 1879) придерживается идей Мэна и Фюстель-де-Куланжа и развиваетъ ихъ далѣе и, собственно говоря, еще одно-

¹⁾ Такъ называется этотъ періодъ *Бахофенъ* въ своемъ сочиненіи «*Das Mutterrecht*».

заетъ сразу, но долго еще, какъ стихійная сила, борется съ новымъ ограничивающимъ его брачнымъ началомъ. Между брачными формами указаны были носящія несомнѣнно болѣе архаической характеръ чѣмъ извѣстныя дотолѣ ученыея моногамія и полигамія, а именно разныя полиандрическія формы. Само собою разумѣется, что при господствѣ гетеризма (хотя бы и не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ полагаютъ нѣкоторые ученые) и при низшихъ формахъ брака немислима была патриархальная семья и преобладаніе агнатическаго начала въ родствѣ не могло имѣть мѣста. Напротивъ того, при подобныхъ основахъ быта, семья должна была группироваться около матери (хотя изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы въ первичныхъ обществахъ преобладала гинайкократія, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи). И дѣйствительно, исключительное господство родства по матери у значительнаго числа народовъ, находящихся въ настоящее время на низшихъ степеняхъ развитія, несомнѣнно доказано новѣйшими изслѣдованіями, а также не подлежитъ сомнѣнію, что у большинства остальныхъ первобытныхъ народовъ родство по матери по крайней мѣрѣ пользуется признаніемъ рядомъ съ родствомъ по отцу. Кромѣ того замѣчено еще было, что у нѣкоторыхъ малоразвитыхъ народовъ семейнаго строя совсѣмъ не существуетъ, а равнымъ образомъ нѣтъ представленія о родственныхъ связяхъ между индивидуумами: у этихъ племенъ опредѣляется только принадлежность лица къ той или другой общественной группѣ посредствомъ рожденія отъ одной изъ женщинъ данной группы. Чтобы понять подобное явленіе, необходимо познакомиться съ возникновеніемъ такихъ первичныхъ группъ самаго низшаго порядка. Въ этихъ группахъ общеніе между людьми не основывается первоначально на строго опредѣленномъ принципѣ и даже иногда не представляетъ характера постоянства. Возникнувъ подъ давленіемъ вѣншихъ обстоятельствъ (въ большинствѣ случаевъ вслѣдствіе необходимости совокупнаго дѣйствія въ борьбѣ съ другими людьми и съ силами природы и при эксплуатаціи даровъ природы), такія общественныя группы неопредѣленнаго типа пріобрѣтаютъ съ теченіемъ времени мало по малу, въ силу привычки, все большую и большую сплоченность, въ особенности, если та причина, которой онѣ обязаны своимъ возникновеніемъ, продолжаетъ дѣйствовать постоянно и непрерывно. Въ этой стадіи развитія дѣти, рожденныя женщинами группы, воспитываются при группѣ, остаются и впоследствии при ней и проникаются чувствомъ солидарности съ нею. Дѣти суть принадлежность

всей группы, не своих родителей, такъ что индивидуальнаго родства въ разсматриваемое время не существуетъ, а признается только групповое родство. Всѣ члены группы одинаково близки другъ другу. Они различаются только по возрасту. Всѣ однолѣтки считаются братьями и сестрами, старшихъ они называютъ отцами и матерями, а младшихъ сыновьями и дочерьми. Такъ что эти термины родства, которые мы привыкли употреблять для обозначенія индивидуальныхъ родственныхъ отношеній, означаютъ у малоразвитыхъ племенъ, о которыхъ идетъ рѣчь, исключительно принадлежность къ извѣстному поколѣнью группы и отношеніе къ другимъ поколѣніямъ ¹⁾. Даже послѣ возникновенія индивидуальнаго родства сознаніе солидарности съ цѣлой группой преобладаетъ надъ индивидуальной связью съ матерью и несомнѣнно надъ индивидуальной связью съ отцомъ, который въ разсматриваемое время печется о дѣтяхъ не болѣе остальныхъ взрослыхъ членовъ группы; нерѣдко, такъ какъ въ такихъ первичныхъ группахъ отношенія между полами далеко не могутъ быть признаны упорядоченными, отецъ остается неизвѣстнымъ. Индивидуализація родственнаго чувства имѣетъ мѣсто прежде всего относительно матери и потомъ уже относительно отца. Понятіе патернитета устанавливается въ высшей степени медленно. Возникновенію отеческой власти должно предшествовать обоснованіе брака на болѣе или менѣе прочныхъ основахъ. Но, разъ получивъ признаніе, начало патернитета беретъ перевѣсъ надъ началомъ матернитета, что, въ свою очередь, имѣетъ слѣдствіемъ преобладаніе родства по мужской (то-есть, отцовской) линіи надъ родствомъ по женской (то-есть материнской) линіи. Но при этомъ необходимо замѣтить, что въ очень рѣдкихъ случаяхъ и только при дѣйствиіи особыхъ условій отеческая власть принимаетъ такой безусловный характеръ какъ въ римскомъ правѣ; напротивъ того, у большинства народовъ она является властью, устанавливаемой для блага и защиты лицъ ей подчиненныхъ. Равнымъ образомъ, въ рѣдкихъ случаяхъ родство по отцу окончателно вытѣсняетъ родство по матери. Напротивъ того, оба цикла родства пользуются рядомъ другъ съ другомъ признаніемъ, хотя въ большинствѣ случаевъ и не въ равной степени. Таковы результаты, которые дало изслѣдованіе быта и права народовъ, находящихся въ настоящее время на низшихъ степеняхъ развитія. Но,

¹⁾ Групповое родство и степени его наиболее наглядно изложены у *Жиро-Телона* (*Les origines de la famille*, p. 85 s.).

какъ опредѣляется въ виду этого прошлое народовъ, принадлежащихъ къ великой арійской расѣ? Прошли ли эти народы тѣже стадіи развитія, или же ихъ семья и ихъ родъ въ своемъ образованіи и дальнѣйшемъ развитіи слѣдовали иному закону? Большинство изслѣдователей, примѣняющихъ сравнительный методъ въ широкихъ размѣрахъ, признаютъ, что въ развитіи арійскихъ народовъ господствовали начала, тождественныя съ тѣми, которыя мы наблюдаемъ у остальнаго человѣчества. Но, мнѣніе этихъ ученыхъ, мало знакомыхъ (за исключеніемъ Бахофена) съ прошлымъ арійскихъ народовъ, мы не можемъ приять безъ провѣрки, ибо для современной науки мало общихъ соображеній, а необходимо обставить каждое отдѣльное положеніе достаточнымъ количествомъ фактовъ. Вѣдь вся арійская раса, подобно римскому народу, могла въ силу особыхъ условій слѣдовать въ своемъ развитіи совершенно своеобразному закону, по существу различающемуся отъ того, который дѣйствовалъ въ остальномъ человѣчествѣ. Это обыкновенно и утверждаютъ приверженцы той школы, которая ограничиваетъ сравненіе цикломъ народовъ арійской расы. На этомъ основаніи, говорятъ они, и излишне сравненіе съ другими народами ¹⁾. Ихъ мнѣніе какъ бы подкрѣпляется филологами, утверждающими, что высшій типъ семьи, судя по даннымъ, добытымъ путемъ сравнительнаго языковѣдѣнія, ископн, еще на прародинѣ былъ достояніемъ арійскихъ народовъ ²⁾. Къ разбору доводовъ филологовъ мы возвратимся ниже. Теперь же возразимъ Мэну и писателямъ одной съ нимъ школы, что, если неосновательно было со стороны изслѣдователей, придерживающихся воззрѣнія, противоположнаго ихъ взгляду, утверждать, что ариі прошли всѣ низшія ступени развитія, только на томъ основаніи, что другіе народы прошли или проходятъ эти ступени, то еще неосновательнѣе отвергать совершенно голословно, что эти ступени пройдены аріями. А Мэнъ и писатели одного съ нимъ направленія отвергаютъ это въ данномъ случаѣ совершенно голословно,

1) *Mэнъ* Early, History of institutions, Lecture III, и въ статьѣ, имѣющейсь у насъ подъ руками во французскомъ переводѣ «De l'organisation juridique de la famille chez les Slaves du Sud et les Rajpoutes», p. 1. Нѣкоторые изъ изслѣдователей одного направленія съ Мэномъ заявляютъ, что имъ безынтересно, проходили ли Ариі низшія стадіи развитія, такъ какъ отъ этихъ стадій, по ихъ мнѣнію, не осталось никакихъ слѣдовъ; патриархальный же строй существуетъ у арійскихъ народовъ съ незапамятныхъ временъ.

2) *Гурнъ*, The aryan household p. 1 ff. p. 153 ff, *Pictet*, Les origines indo-européennes. 2 édition, III, p. 5, n. 1.

такъ какъ ими въ сущности самостоятельно изслѣдовано только римское право, изъ права же другихъ арійскихъ народовъ подобраны лишь данныя для подкрѣпленія сложившагося при изученіи римскаго права воззрѣнія. Для того, чтобы дать вполнѣ научное разрѣшеніе занимающему насъ вопросу, необходимо тщательно, безъ предвзятыхъ взглядовъ, но не упуская въ то же время изъ вида результатовъ изученія быта и права не-арійскихъ народовъ, изслѣдовать древнѣйшую исторію семьи и союза родственнаго у cadaго отдѣльнаго арійскаго народа и только послѣ такого изслѣдованія, сдѣлавъ сравненіе, вывести общій для всей расы законъ. Такое изслѣдованіе предпринято было нами относительно Кельтовъ и Германцевъ, и мы пришли къ заключенію, что у этихъ страстей арійской расы не существовало патріархальной семьи въ томъ смыслѣ этого слова какъ его понимаетъ Мэнъ. Хотя исторія и застаётъ Германцевъ и Кельтовъ въ тотъ моментъ, когда родство по мужской линіи уже получило въ извѣстныхъ отношеніяхъ преобладаніе надъ родствомъ по женской линіи, но сіе послѣднее далеко не было вытѣснено окончательно. Равнымъ образомъ, у древнихъ Германцевъ и Кельтовъ мы не встрѣчаемъ той безусловной отеческой власти, которая признается римскимъ правомъ. Наконецъ, въ правѣ Кельтовъ и Германцевъ есть несомнѣнный указанія на то, что эти народы нѣкогда прошли тѣ низшія степени развитія, которыя прошло и остальное человѣчество.

Въ настоящей статьѣ я предполагаю, указавъ въ краткомъ очеркѣ на то, что сдѣлано до сихъ поръ для выясненія древнѣйшей организаціи семьи у различныхъ арійскихъ народовъ, фактически обосновать только что высказанныя мною положенія объ организаціи семьи и родства у Кельтовъ и Германцевъ.

Но прежде чѣмъ обратиться къ выполненію спеціальной задачи нашего изслѣдованія, необходимо устранить одно общее возраженіе, о которомъ мы упомянули выше. Дѣло идетъ о возраженіи, дѣлаемомъ на основаніи данныхъ, представляемыхъ сравнительнымъ языковѣднѣемъ, и свидѣтельствующихъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, о существованіи у аріевъ въ до-историческое время высшей формы брака и патріархальной организаціи семьи. Намъ необходимо провѣрить это возраженіе на фактахъ, потому что если оно вѣрно, то работа наша для опредѣленія общихъ вѣтъ арійскимъ народамъ началъ семейной организаціи становится, собственно говоря, излишней. А именно, если въ дѣйствительности языкъ аріевъ неоспоримо свидѣтельствуетъ объ исконномъ существованіи у нихъ высшей формы

брава и патриархальной организаціи семьи съ исключительнымъ господствомъ агнатическаго начала въ родствѣ, то все слѣды иного порядка въ правахъ отдѣльныхъ арійскихъ народовъ должны быть признаны сложившимися впослѣдствіи, или заимствованными отъ другихъ народовъ, съ которыми арии смѣшались въ своей позднѣйшей исторіи. Но намъ кажется, что данныя языка далеко не такъ неоспоримо свидѣтельствуютъ въ пользу противоположнаго намъ воззрѣнія. Мы, само собою разумѣется, не намѣрены предпринимать здѣсь самостоятельнаго изслѣдованія: мы укажемъ только, что цѣлый рядъ фактовъ, приводимыхъ самими представителями противоположнаго воззрѣнія, скорѣе говоритъ въ пользу нашего взгляда. Съ этою цѣлю мы останавливаемся на богатомъ, сведенномъ у Пикте въ его „Origines indoeuropéennes“ матеріалѣ ¹⁾, и, по тщательномъ разсмотрѣніи этого матеріала, находимъ: 1) что многіе термины, обозначающіе родство, должны были сложиться въ такое время, когда преобладалъ счетъ родства по женской линіи. Сюда относятся главнымъ образомъ греческій терминъ для обозначенія брата и сестры, ἀδελφός·φη, имѣющій одинъ корень съ δελφός—утроба (α=suи и δελφός=uterus), и санскритскіе термины, выражающіе то же родственное отношеніе, sagarbha (sa = suи и garbha = uterus), sôdara (sa = suи и udara = uterus) и sanâbhi (sa = съ и pâbhi = пуповина, то-есть ютъ одной пуповины ²⁾). Далѣе, санскритскій терминъ svâsor, то-есть сестра, который по мнѣнію Пикте, первоначально значилъ „живущая вмѣстѣ (sa=suи и корень vas = habitare), то-есть съ братомъ“, очевидно, возникъ въ такое время, когда жевщина не переходила въ семью мужа, а жила при той семьѣ, въ которой родилась, съ своими братьями ³⁾). Самое слово братъ (по санскритски bhîrâtar, имен. падежъ bhîrâtâ) означаетъ кормильца, защитника сестры. Отъ одного корня съ братомъ (bhr, bhar=ferre, sustentare, nutrire) происходитъ въ санскритскомъ языкѣ слово bhartar, означающее мужа въ смыслѣ кормильца и защитника ⁴⁾). Несомнѣнно, что терминъ bhîrâtar сложился прежде чѣмъ bhartar, потому что производное отъ корня bhar существительное мужскаго рода въ смыслѣ брата встрѣчается во всехъ арійскихъ языкахъ, а въ смыслѣ мужа только въ санскритскомъ языкѣ ⁵⁾, гдѣ оно

¹⁾ Pictet, l. c. Tome III p. 1--68.

²⁾ Pictet, l. c., p. 52.

³⁾ Ib., l. c., p. 52.

⁴⁾ Ib., l. c., p. 51.

⁵⁾ Ib., l. c. p. 20.

слѣдовательно образовалось послѣ выселенія индійскихъ аріевъ изъ общей прародины. Когда у ведическихъ аріевъ вмѣсто брата защитникомъ и кормильцемъ женщины сталъ мужъ, то для обозначенія мужа и начали употреблять терминъ, обозначавшій прежде исключительно брата. Точно также одинъ изъ терминовъ, обозначающихъ сына, несомнѣнно относится ко временамъ господства родства по женской линіи. Я говорю о ведическомъ *parāt*, f. m. *partī* (сынъ и дочь) и *partar*, f. m. *partīrī* (внукъ, внучка). Веберъ (*Indische Studien*, I, 326) предполагаетъ, что *parāt*, *partar* происходитъ отъ корня *par* (древней формы предполагаемаго корня *paḥh*, *paḥ* = *nectere*, *ligare*) и означаетъ связаннаго съ еѣмъ-либо, въ переносномъ смыслѣ, родственника. Это объясняло бы въ свою очередь, по мнѣнію Вебера, почему по зендски *parāt* и *partar* означаютъ пуць, пуповину. Такимъ образомъ, терминъ, обозначающій въ древне-санскритскомъ языкѣ сына и дочь, имѣеть въ то же время значеніе лица, связаннаго съ другимъ пуповиной. Пикте ¹⁾ отказывается признать объясненіе Вебера вѣрнымъ, отчасти потому, что считаетъ существованіе корней *par* и *paḥh* недоказаннымъ, а главнымъ образомъ потому, что этотъ терминъ, если толкованіе Вебера правильно, мало былъ бы пригоденъ для обозначенія отношенія сына къ отцу, въ каковомъ смыслѣ слово *pa āt* несомнѣнно употребляется. Конечно, если предположить, что термины отношеній родственныхъ возikli при господствѣ родства по мужской линіи, то Пикте будетъ правъ, но если допустить возможность возникновенія ихъ при преобладаніи родства по женской линіи, то объясненіе Вебера дѣлается болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. Отношеніе сына къ матери и ея роду было болѣе близкое чѣмъ къ отцу, поэтому разбираемый нами терминъ и сложился главнымъ образомъ въ виду такого отношенія. Замѣчательно, что въ другихъ арійскихъ языкахъ слова одного корня съ *parāt* и *partar* означаютъ племянника и при этомъ очень часто племянника отъ сестры ²⁾. Такъ, по зендски *parāt*, *partī* означаетъ племянника, внучку, чему соотвѣтствуетъ по латыни *peros*, f. m. *pertis*, а по гречески употребляется *nithijis*, f. m. *nithijō* въ смыслѣ *consobrīnus*, по древне-славянски „четій“ въ смыслѣ племянника отъ сестры. Изъ этого можетъ быть сдѣлано заключеніе, что слово *parāt*, f. m. *partī* обозначало сперва отношеніе къ матери, затѣмъ стало обозначать отношеніе къ дядѣ, брату матери, и нако-

¹⁾ Ib. I. c., p. 43.

²⁾ Ib., I. c. p. 45—46.

нецъ, отношеніе къ отцу. Замѣтимъ здѣсь же, что нѣкоторые термины, обозначающіе по санскритски отца, въ другихъ арійскихъ языкахъ обозначаютъ дядю (преимущественно дядю по матери). А именно, санскритскому *âvika*, отецъ, соотвѣтствуетъ кимрическій *ewa*, дядя, литовскій *awunas*, дядя по матери, и польскій *wcu*, fem. *wcuna* ¹⁾. 2) То обстоятельство, что термины, означающіе бракъ, мужа и жену, одни и тѣ же въ различныхъ арійскихъ языкахъ, далеко не можетъ служить доказательствомъ того, что высшая форма брака и патриархальная организація семьи окончательно установились у арійскихъ народовъ до ихъ выселенія изъ общей прародины. Въ этомъ можно убѣдиться слѣдующимъ образомъ. Прежде всего надо обратить вниманіе на первоначальное значеніе этихъ терминовъ. Большинство изъ нихъ, означая мужа или жену, означаютъ въ то же время мужчину или женщину вообще. Таковы, санскр. *śauá*, *śanī*, *śanika* отъ *śan* = *gignere*, zendск. *gēna*, персидск. *šan*, армянск. *gin*, греческ. *γυνή*, ирландск. *gean*, готск. *guino*, славянск. жена ²⁾. Здѣсь однократіе терминовъ въ арійскихъ языкахъ означаетъ не то, что моногамическій бракъ окончательно сложился у арійскихъ племенъ до ихъ разселенія, а потому и остались одинаковые термины для обозначенія супруговъ, но только то, что термины, обозначавшіе въ примитивномъ языкѣ мужчину и женщину, сохранились и въ языкахъ производныхъ. Примѣненіе впоследствии этихъ терминовъ для обозначенія мужа и жены объясняется весьма легко, такъ какъ въ большинствѣ человѣческихъ языковъ термины мужчина и женщина употребляются для обозначенія мужа и жены. Многие термины, обозначающіе мужа, имѣютъ первоначальное значеніе оплодотворяющаго мужчины. Такъ, санскритскій терминъ *dhava*, мужъ, сохранившійся въ другихъ языкахъ въ составномъ словѣ вдова (то-есть безъ мужа) означалъ сперва, какъ замѣчено было Пикте, *mulieris concussor in coitu* ³⁾. 3) Встрѣчаются термины, указывающіе на такъ-называемую семейную полиандрію. Такъ, напримѣръ, литовскій терминъ для жены брата *gentere*, род. падежъ *ginters*, происходитъ отъ корня *gam* = *coire cum femina* и соотвѣтствуетъ санскритскому *gantī* = *coitu adeunda* ⁴⁾.

¹⁾ *Ib.*, I. c., p. 33.

²⁾ *Ib.*, I. c., p. 27.

³⁾ *Ib.*, I. c., p. 22, note 2. Впрочемъ, Пикте предлагаетъ и иное объясненіе термина *dhava*. См. только что указанную страницу его сочиненія въ текстѣ.

⁴⁾ *Ib.*, I. c., p. 12. Замѣтимъ, что въ Ригведѣ (10, 85, 37) есть намекъ на семейную полиандрію. Такъ толкутъ означенное мѣсто г. *Всеволодъ Миллеръ*

4) Есть термины, указывающіе на групповое родство, какъ, напримеръ, терминъ *attā* употребляется въ одно и то же время для обозначенія матери, тетки и старшей сестры ¹⁾).

Указанныхъ здѣсь данныхъ, какъ кажется, достаточно, чтобы убѣдиться, что языкъ далеко не такъ неоспоримо свидѣтельствуетъ о существованіи у древнихъ аріевъ высшей формы брака и патриархальной организаціи семьи.

II.

Такъ какъ изслѣдованіе древнѣйшей организаціи семьи у Кельтовъ и Германцевъ предпринимается нами съ цѣлю способствовать выясненію исторіи семейнаго строя у аріискихъ народовъ вообще, то намъ кажется не бесполезнымъ предпослать нашей работѣ краткое обзорніе того, что сдѣлано для опредѣленія древнѣйшихъ семейныхъ формъ у другихъ аріискихъ народовъ. Начнемъ съ индійскихъ аріевъ.

Изслѣдованіемъ организаціи древне-индійской семьи занимались и занимаются въ настоящее время всѣ лучшіе представители науки сравнительнаго языковѣднія и индійскихъ древностей (Кунъ, Пикте, Бопль, Поттъ, Максъ Мюллеръ, Веберъ, Лассенъ, Лудвигъ, Вильсонъ и друг.) ²⁾. Недавно результаты этихъ изслѣдовацій мастерски сведены Циммеромъ въ его сочиненіи „*Altindisches Leben*“ ³⁾. Въ особенности тщательно изслѣдована организаціа семьи ведійскаго періода: съ этою цѣлю всесторонне изучена древнѣйшая изъ Ведъ—Ригведа. Но, изучая господствующую въ ведійскій періодъ форму семьи, изслѣдователи въ большинствѣ случаевъ не обратили вниманія на цѣлый рядъ мѣстъ священныя книгъ древнихъ Индусовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что въ до-ведійской періодъ существовали болѣе архаическія формы семейнаго строя, что, слѣдовательно, въ до-историческое время, когда индійская отрасль только что отдѣлилась отъ общаго аріискаго

въ своихъ «Очеркахъ аріиской мивологіи» I, стр. 31—32. Циммеръ (*Altindisches Leben*. Berlin, 1879. S. 326) толкуеть это мѣсто иначе, объясняя встрѣчающіеся здѣсь выраженія, «мужья» и «намы» такъ называемымъ *plural. majestatis*, но безъ приведенія доказательствъ.

¹⁾ *Ib.*, l. c., p. 31.

²⁾ Ср. также матеріалъ, сведенный въ главѣ первой упомянутого выше (прим. 22) сочиненія г. В. Миллера.

³⁾ *Zimmer*, *Altindisches Leben*. Kap. XII: Familie und Sittlichkeit.

ворня, преобладала организація семьи принципиально противоположная той, которая выработалась у Индусовъ, когда они окончательно завладѣли долиной Инда и его притоковъ. Мѣста Ведь, указывающія на остатки архаическихъ формъ семейной организаціи до-ведійскаго періода, собраны въ сочиненіи г. В. Миллера „Очерки арійской мифологіи“. Вотъ выводы, къ которымъ приходитъ онъ на основаніи изученія этихъ мѣстъ. Онъ признаетъ, что въ Ведахъ есть указанія на то, что родство опредѣлялось нѣкогда по матери, что нѣкогда дѣти сестры (племянники) считались родичами своего дяди а не отца, что было время, когда понятіе о препятствіяхъ родства для брачной жизни, понятіе кровосмѣшенія, было чуждо индійскому племени¹⁾ и, наконецъ, что можно предполагать существованіе полиандріи и даже гетеризма въ до-ведическій періодъ. Эти выводы не высказаны голословно, они подкрѣплены цѣлымъ рядомъ данныхъ. Дальнѣйшее изученіе Ригведы съ цѣлію открытія въ ней остатковъ до-ведійскаго періода дастъ несомнѣнно еще болѣе данныхъ, но уже и тѣхъ, которыя имѣются теперь, достаточно для того, чтобы фактически обосновать мнѣніе, по которому древнимъ Индусамъ въ до-историческое время извѣстны были формы семьи, находимыя нынѣ у дикихъ и полудикихъ племенъ. На слѣды древнѣйшей организаціи семьи можно, по вашему мнѣнію, указать и въ законныхъ книгахъ Ману, Яйнавалькія и Нараяды, такъ какъ эти законныя книги содержатъ иногда, рядомъ съ правомъ, созданнымъ браманами, правовыя нормы, принадлежавшія глубокой древности.

Переходя теперь къ европейскимъ аріямъ, остановимся прежде всего на исторіи древне-греческой семьи.

Бахофенъ впервые въ своемъ трудѣ „Das Mutterrecht“ указалъ въ мифахъ и преданіяхъ классической древности цѣлый рядъ слѣдовъ существовавшего нѣкогда въ древней Греціи родового и семейнаго строя съ исчисленіемъ родства по женской линіи и, сравнивъ собранный имъ данныя съ подобными же данными изъ быта и права другихъ народовъ, высказалъ убѣжденіе, что материнское начало въ родствѣ не составляетъ особенности какого нибудь одного племени или какой нибудь одной расы, но есть явленіе общее всему человѣчеству въ извѣстный періодъ его развитія (Mutterrecht p. VI). Жиро-

¹⁾ Ib. I. с. стр. 18. Здѣсь г. Миллеръ въ подтвержденіе своего мнѣнія указываетъ на извѣстный діалогъ между братомъ и сестрою, между Уата и Уаті, дошедшій до насъ въ гимнѣ 10 десятой книги Ригведы.

Телонъ, подведшій въ своей небольшой, но вполнѣ заслуживающей вниманіе ученыхъ, статьѣ „La mère“ итоги къ сложнымъ и въ извѣстной степени запутаннымъ изслѣдованіямъ Бахофена, не согласился на первыхъ порахъ съ возрѣніемъ сего послѣдняго; напротивъ, онъ былъ скорѣе склоненъ признать, что данныя, собранныя Бахофеномъ, свидѣтельствуютъ о существованіи особыхъ законовъ развитія для различныхъ расъ, а не о законахъ, общихъ всему человѣчеству въ ранній періодъ его исторіи, и что у арійскихъ племенъ, еще прежде чѣмъ они покинули общую прародину, выработались начала того строя, который мы называемъ патриархальнымъ. По мнѣнію Жиро-Телона, у индо-европейской расы (а равнымъ образомъ и у семитическихъ народовъ) прочно установилось исключительное господство мужчинъ какъ въ частномъ, такъ и въ политическомъ бытѣ. При этомъ слѣды материнскаго начала въ родствѣ, указанные въ преданіяхъ народовъ классической древности, объясняются, по предположенію Жиро-Телона, заимствованіемъ отъ первоначальныхъ обитателей территорій, занятыхъ впоследствии Аріями и Семитами. Въ другомъ своемъ сочиненіи, „Les origines de la famille“, Жиро-Телонъ становится на нѣсколько иную точку зрѣнія. Онъ въ извѣстной степени скептически относится къ своему прежнему выводу и хотя оставляетъ вопросъ открытымъ, но въ то же время явно склоняется къ признанію универсальности материнскаго начала въ родствѣ¹⁾ и старается указать на слѣды подобной семейной организаціи въ бытѣ Грековъ и Римлянъ. Но изъ всѣхъ новѣйшихъ изслѣдованій особенно заслуживаетъ вниманія статья Макъ-Ленана „Kinship in ancient Greece“, напечатанная въ его „Studies in ancient history“. Макъ-Ленанъ старается доказать, что исторія родового строя представляетъ въ древней Греціи тѣ же фазисы развитія, которые признаны имъ универсальными въ другомъ его изслѣдованіи „Primitive marriage“. А именно, по мнѣнію Макъ-Ленана, въ исторіи родового строя можно различить четыре періода: въ первомъ изъ нихъ признается только родство по женской линіи, во второмъ по женской и по мужской, въ третьемъ только по мужской и въ четвертомъ опять по мужской и по женской. Всѣ эти перемѣны въ родовомъ и семейномъ строѣ, за исключеніемъ послѣдней, являющейся несомнѣнно результатомъ все болѣе и болѣе усиливающагося вліянія гуманныхъ идей, зависѣли отъ перемѣнъ въ брачныхъ отношеніяхъ. Согласно

¹⁾ Origines de la famille, p. 182—192 и 284.

воззрѣніемъ Макъ-Ленана, при господствѣ безпорядочнаго полового смѣшенія (гетеризма) и при той формѣ полиандрическаго брака, которую онъ называетъ наирской формой, и гдѣ женщина живетъ съ нѣсколькими мужчинами, не связанными другъ съ другомъ родственными связями, признается только родство по женской линіи; затѣмъ, когда устанавливается форма брака, называемая семейною полиандріей, гдѣ нѣсколько братьевъ живутъ съ одной женщиной и держатъ ее у себя въ домѣ, и гдѣ, слѣдовательно, если отецъ и неизвѣстенъ, то извѣстна во всякомъ случаѣ отцовская кровь, тогда начинаютъ обращать вниманіе и на родство по мужской линіи и, наконецъ, когда бракъ принимаетъ монандрическую форму, тогда мало по малу устанавливается правило, по которому ребенокъ считается принадлежащимъ всецѣло и исключительно отцу, а слѣдовательно, признается родство только по мужской линіи. Признаніе снова рядомъ съ родствомъ по мужской и родства по женской линіи является слѣдствіемъ позднѣйшаго развитія. Можно не соглашаться съ частностями высказаннаго Макъ-Ленаномъ воззрѣнія, но съ основною идеей нельзя не согласиться ¹⁾. Развитіе отцовской власти и признаніе родства по мужской линіи несомнѣнно предполагаетъ болѣе или менѣе упорядоченныя отношенія между полами, извѣстное ограниченіе половой свободы женщины. Чѣмъ ниже мы спускаемся по лѣстницѣ цивилизаціи, тѣмъ слабѣе становятся брачныя связи, что, въ свою очередь, имѣетъ слѣдствіемъ отсутствіе отцовской власти и непризнаніе родства по отцу. Въ дальнѣйшемъ изложеніи своего ученія Макъ-Ленавъ старается доказать, что у древнихъ Эллиновъ въ Гомерово время родство по матери пользовалось полнымъ признаніемъ наравнѣ съ родствомъ по отцу и иногда даже преимущественно предъ симъ послѣднимъ, и что во времена, слѣдовавшія непосредственно за временемъ Гомера, начинается борьба обоихъ началъ, кончающаяся въ историческое время почти исключительнымъ преобладаніемъ агнатическаго начала, хотя сіе послѣднее и не проводится съ тою неумолимою послѣдовательностью какъ въ Римѣ. Только что изложенныя положенія

¹⁾ Мы, собственно говоря, только въ слѣдующихъ пунктахъ расходимся съ Макъ-Ленаномъ: 1) мы не считаемъ, что указанная имъ послѣдовательность брачныхъ формъ была универсальной, и признаемъ только, что вообще совершился переходъ отъ безпорядочнаго отношенія между полами къ упорядоченному состоянію; 2) мы не полагаемъ, чтобы у всѣхъ или даже у большинства народовъ былъ періодъ въ исторіи, когда родство по матери совсѣмъ не признавалось.

Макъ-Ленанъ поддерѣвляетъ весьма удачнымъ сопоставленіемъ фактовъ, такъ что послѣ появленія его статьи существованіе у древнихъ Эллиновъ формъ семейной организаціи болѣе архаическихъ, чѣмъ патриархальная семья, слѣдуетъ признать доказаннымъ ¹⁾. Данные, приводимыя Макъ-Ленаномъ, заимствованы имъ не только изъ такихъ мифовъ и преданій, относительно которыхъ существуетъ споръ, пелазгическаго ли они или эллинскаго происхожденія, но и изъ такихъ, эллинское происхожденіе которыхъ несомнѣнно. Такимъ образомъ данныя эти приобрѣтаютъ для нашихъ цѣлей особое значеніе, ибо относятся къ несомнѣнно арійскому элементу греческой народности ²⁾. Говоря объ изслѣдованіи древнѣйшихъ формъ семейной организаціи у Грековъ, упомянемъ для полноты о сочиненіи американца Моргана, „Ancient society“, хотя часть этого сочиненія, относящаяся къ Греціи, не имѣетъ особаго научнаго значенія. Для опредѣленія древ-

¹⁾ Укажемъ на любопытнѣйшія изъ приведенныхъ Макъ-Ленаномъ данныхъ. Въ доказательство признанія родства по женской линіи въ Гомерово время имъ приводится между прочими слѣдующіе факты: 1) Ликоонъ, сынъ Пріама, братъ Гектора, на котораго нападаетъ Ахиллъ, чтобы отомстить за убіеніе Патрокла, думаетъ умиловить разгнѣваннаго Ахилла замѣчаніемъ, что онъ не единоутробный братъ Гектора. 2) Тлеполеъ, сынъ Геркулеса, убилъ Ликимніа, брата Алкмены, матери Геркулеса, и принужденъ былъ бѣжать, такъ какъ другіе сыновья и внуки Геркулеса грозили ему местию. Если принять въ соображеніе, что месть принадлежала родичамъ, то выходитъ, что дѣти, внуки и правнуки Алкмены считались родичами ея брата. Далѣе, Макъ-Ленанъ указываетъ на то обстоятельство, что выраженіе «единоутробный» часто прилагается къ братьямъ и сестрамъ и считается выражающимъ болѣе близкую связь чѣмъ эпитетъ «единокровный». Наконецъ, Макъ-Ленанъ приводитъ данныя изъ послѣ-Гомерова времени, свидѣтельствующія о борьбѣ материнскаго начала съ отцовскимъ. Самыя убѣдительныя изъ этихъ данныхъ суть, по нашему мнѣнію, ссылки на известный споръ Ореста съ Эришиями въ Эвменидахъ Эсхилла и на показаніе Варрона (сохранившееся у Августина [De Civ. Dei XVIII, 9]) о наказаніи, наложенномъ на Аонянокъ: *ut nulla ulterius ferrent suffragia, ut nullus nascentium maternum nomen acciperet.*

²⁾ Эллинскій элементъ есть несомнѣнно арійскій элементъ греческой народности. Относительно происхожденія Пелазговъ между учеными существуетъ разногласіе. Впрочемъ, замѣтимъ, что въ послѣднее время многіе знаменитые ученые не признаютъ коренной разницы между Эллинами и Пелазгами (*Hermann*, *Griechische Alterthümer*, 5-te Auflage, SS. 7; *Curtius*, *Griechische Geschichte* I, S. 27, ff). *Arbois de Jubainville* въ своемъ недавно вышедшемъ сочиненіи «Les premiers habitants de l'Europe» считаетъ Пелазговъ Хамитами, но въ концѣ книги, въ виду сдѣланныхъ ему возраженій, отказывается отъ безусловнаго подержанія своего мнѣнія.

нѣйшей организаціи греческихъ родовъ и фратрій Морганъ прибѣгаетъ не къ фактамъ, и не на нихъ онъ строитъ свое ученіе: извѣстныя аналогическія черты греческихъ и хорошо ему знакомыхъ прокезскихъ родовыхъ организмовъ кажутся ему достаточными для признанія полнаго тождества всей организаціи тѣхъ и другихъ ¹⁾).

Едва ли кака-нибудь другая семейная организація была такъ изслѣдована, какъ римская. Въ этомъ легко убѣдиться, просмотрѣвъ относящуюся сюда литературу въ любомъ учебникѣ исторіи римскаго права или римскихъ древностей. Но, съ другой стороны, изслѣдована была преимущественно та форма семьи, которая выработалась въ древне-патриціанскомъ правѣ и долгое время составляла исключительное достоинство этого права. Эта-то форма семьи и была признана, какъ мы видѣли во введеніи къ настоящимъ очеркамъ, прототипомъ семейной организаціи вообще. Изслѣдованій, направленныхъ къ открытію болѣе архаическихъ формъ, въ древне-римскомъ правѣ почти нѣтъ. Я говорю почти, потому что, кромѣ указаннаго выше изслѣдованія Кленце о правахъ когнатовъ, сюда относятся только нѣкоторыя отдѣлы сочиненія Бахофена „Das Mutterrecht“ и одна глава въ изслѣдованіи Жиро-Телона „Les origines de la famille“. А между тѣмъ есть несомнѣныя данныя, указывающія на то, что патриархальная организація римской семьи не унаслѣдована римскимъ народомъ отъ національностей, изъ сліянія которыхъ произошелъ онъ, а сложилась уже въ Римѣ, въ нѣдрахъ первоначальной римской патриціанской общины, въ силу особыхъ историческихъ условій. Не даромъ Папиніанъ относитъ возникновеніе римской patria potestas къ началу государственной жизни Рима и приписываетъ установленіе ея законодательной дѣятельности первыхъ царей ²⁾. Отеческую власть, подобную патриційской, и принципъ агнатства, не принесла съ собою въ Римъ плеба — этотъ новый элементъ свободнаго, но не полноправнаго римскаго населенія, составившійся изъ покоренныхъ Римлянами жителей различныхъ сосѣднихъ городскихъ общинъ. По крайней мѣрѣ, какъ полагаютъ лучшіе представители науки исторіи римскаго права, римская patria potestas и начало агнатства долгое время были учрежденіями, чуждыми плебеймъ ³⁾. Изслѣдованія рим-

¹⁾ Chap. VIII, p. 215.

²⁾ Papinianus in coll. legum Mosaicarum et Romanarum, IV, 8. Cum patri lex regia dedit in filium vitae necisque potestatem. Ср. Dion, II, 26.

³⁾ *Karlowa*, Die Formen der roemischen Ehe und Manus, p. 45; *Mommsen*, Roem. Forschungen, p. 28, 356; *Vering*, Roem. Erbrecht., p. 54.

ской семейной организаціи въ направленіи, указанномъ Кленце, и на основаніи только что приведенныхъ данныхъ, принесли бы не мало пользы для сравнительной исторіи права, но уже теперь можно безошибочно сказать, что въ древне-римскомъ правѣ рядомъ съ патриархальной организаціей семьи сохранились слѣды болѣе архаическихъ семейныхъ формъ.

Намъ остается еще указать на изслѣдованія, относящіяся къ семейной жизни древнихъ Славянъ. Относительно этихъ изслѣдованій прежде всего необходимо сдѣлать общее замѣчаніе, что всѣ они написаны подъ вліяніемъ ученія старой школы о патриархальной семьѣ, какъ о первичной формѣ семейнаго строя вообще. Вотъ почему въ нихъ не обращено вниманія на богатый матеріалъ, свидѣтельствующій о болѣе архаическихъ семейныхъ формахъ у древнихъ Славянъ. Наши лѣтописи и Chronicon Козьмы Пражскаго несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что брачныя отношенія у нашихъ предковъ далеко не могутъ быть названы упорядоченными, что у нихъ замѣчаются слѣды общенія женъ, а при такихъ условіяхъ немислима была патриархальная организація семьи ¹⁾. Но изслѣдователи не стѣсняются этими свидѣтельствами: показанія нашихъ лѣтописей, что у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ не было брака, они объясняютъ тѣмъ, что въ глазахъ лѣтописца-монаха всякая форма брака, не соответствовавшая христіанской, считалась вѣббрачнымъ сожительствомъ, а описаніе Козьмы Пражскаго считаютъ плодомъ чистой фантазіи, далекой отъ всякой дѣйствительности ²⁾. Но, не смотря на этотъ предвзятый взглядъ, нельзя не признать, что историкъ права найдетъ въ изслѣдованіяхъ о древне-славянской семейной организаціи сводъ богатаго и въ значительной степени переработаннаго матеріала. Въ особенности выдаются изслѣдованія Мацѣевскаго (въ его исторіи

¹⁾ Свидѣтельства нашихъ лѣтописей я здѣсь не привожу—они слишкомъ извѣстны. Укажу на показаніе Козьмы Пражскаго (текстъ заимствую у г. Котляревскаго, Древности юридическаго быта балтійскихъ Славянъ, стр. 83): et ipsa connubia erant illis communia. Nam more pecudum singulos ad noctes novos probant humeneos, et surgente aurora trium gratiarum copulam, et ferrea rumpant vincula, et ubi nox quiesquam occuparat, ibi fusus per herbam frondosae arboris sub umbra dulces correbat somnos.

²⁾ Такъ выражается о показаніи Козьмы Пражскаго профессоръ *Котляревскій* (Древности, стр. 83), на томъ основаніи, что такое состояніе быта, когда совсѣмъ не было брака, неизвѣстно вовсе въ исторіи. Болѣе вѣрную оцѣнку достоверности лѣтописныхъ свидѣтельствъ находимъ у г. *Азаревича* («Русскій бракъ», въ *Журналъ Гражд. и Угол. Права*, V, 1880 года, стр. 89).

славянскихъ законодательствъ и въ статьѣ *Wielozenstwo u Slowian* въ *Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Slowian*, I, 1839, p. 239 sq.), Шпилевскаго (въ его сочиненіяхъ „Союзъ родственной защиты“ и „Семейныя власти“) и Котляревскаго (прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ очеркъ древне-славянскаго семейнаго быта въ его сочиненіи „Древности юридическаго быта балтійскихъ Славянъ“, стр. 73—152). Замѣтимъ также, что обычное право современнаго славянства, для изученія котораго собранъ богатый матеріалъ какъ въ русской, такъ и въ западно-славянскои литературѣ, несомнѣнно представляетъ слѣды древнѣйшей семейной организаціи.

Этимъ мы закончимъ наше обзорѣе трудовъ по древнѣйшей организаціи семьи у различныхъ арійскихъ народовъ. Мы не имѣли въ виду дать полный очеркъ литературы, но желали только указать, что въ послѣднее время у большинства арійскихъ народовъ открыты слѣды болѣе архаическихъ семейныхъ формъ, чѣмъ патриархальная семья. Переходимъ теперь къ главному предмету нашего изслѣдованія—къ семейному строю у древнихъ Кельтовъ и Германцевъ.

III.

У писателей классической древности мы находимъ лишь нѣсколько отрывочныхъ указаній на брачныя отношенія у древнихъ Кельтовъ. Мы не намѣрены, на основаніи этихъ отрывочныхъ данныхъ, строить какую бы то ни было теорію: замѣтимъ только, что у различныхъ кельтическихъ племенъ семья являла въ римское время различныя формы устройства, и что у племенъ, бывшихъ въ болѣе близкомъ общеніи съ римскимъ и греческимъ міромъ, существовала семейная организація, близко подходящая къ патриархальной, а у племенъ, болѣе отдаленныхъ отъ центра римско-эллипской культуры, сохранились болѣе архаическія формы семьи. Такъ, о Галатахъ Гай повѣствуетъ, что у нихъ существовала отеческая власть, подобная римской *patria potestas*, а относительно Галловъ то же самое утверждаетъ Цезарь ¹⁾. Иной строй господствовалъ, по показанію того же Цезаря, у британскихъ кельтовъ. Вотъ какъ этотъ строй описанъ Цезаремъ въ его комментаріяхъ *De bello Gallico* (V, 13): *Uxores habent deni duodenique inter se communes, et maxime fratres cum fratribus; sed si qui sunt ex his nati, eorum habentur liberi, quo primum virgo quacque*

¹⁾ *De bello Gallico*, VI, 19.

deducta est. Изъ этого показанія видно, что у древнихъ Бриттовъ господствовала полиандрія, причемъ имъ извѣстны были обѣ формы полиандрии, какъ семейная, такъ и та форма полиандрическаго брака, гдѣ мужа общей жены не связаны другъ съ другомъ родственными узами. Впрочемъ, необходимо отмѣтить, что, согласно повѣствованію Цезаря, семейная полиандрія уже вытѣсняла болѣе архаическую форму. Дѣти признавались принадлежащими тому мужчинѣ, который первый вступилъ въ половое отношеніе къ ихъ матери ¹⁾. Точно также Страбонъ утверждаетъ, что половыя отношенія у древнихъ Ирландцевъ не были упорядочены, что кровосмѣшеніе было у нихъ дѣломъ обыкновеннымъ ²⁾.

Гораздо болѣе обильнымъ и вѣрнымъ источникомъ для изученія древней организаціи семьи у Кельтовъ могутъ служить памятники древней Ирландіи и Валлиса. Къ нимъ мы и обращаемся. Древне-ирландскіе памятники сдѣлались доступны ученому европейскому міру посредствомъ перевода, предпринятаго по почину и по порученію англійскаго правительства ³⁾. Издано до сихъ поръ четыре тома, изъ которыхъ первые три содержатъ оба главные памятника древне-ирландскаго права, Великую книгу древняго закона, такъ-называемую *Senchus Mor*, и книгу „*Aicill*“ ⁴⁾, а четвертый различныя мелкіе трактаты о правѣ. Время возникновенія этихъ правовыхъ сборниковъ трудно опредѣлить съ точностью. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ кельтической старины, D'Arbois de Jubainville, полагаетъ, что правовыя нормы, содержащіяся въ Великой книгѣ древняго закона, сложились приблизительно въ первомъ столѣтіи нашей эры, а самый сборникъ составленъ въ пятомъ столѣтіи по Р. Хр. ⁵⁾. Что касается книги *Aicill*, то, по мнѣнію Вальроже ⁶⁾, она составлена между III и VII

¹⁾ Это показаніе Цезаря отвергалось изслѣдователями на томъ же основаніи, на какомъ изслѣдователи славянской старины отвергали показаніе Козьмы Пражскаго. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, возраженіе устраняется данными, добытыми изученіемъ быта современныхъ дикарей.

²⁾ *Wake*, Evolution of morality. I, p. 399.

³⁾ *Ancient laws of Ireland*, vol. I, 1863, vol. II, 1869, vol. III, 1873, vol. IV, 1879. О характеристикѣ этихъ памятниковъ ср. мою статью «О значеніи вѣщателей права въ первобытныхъ обществахъ, преимущественно у Кельтовъ и Германцевъ», въ X книгѣ Временника Дежидовскаго юридическаго лица.

⁴⁾ *Aicill* называется мѣстность, гдѣ возникли положенія данной книги.

⁵⁾ *D'Arbois de Jubainville*, Etudes sur le *Senchus Mor* въ *Nouvelle Revue historique de droit français et étranger*. 1880.

⁶⁾ *Valroger*, Les celtes, p. 495—498.

вѣкомъ по Р. Хр. Во всякомъ случаѣ, древнѣйшія части этихъ памятниковъ содержатъ въ себѣ право до-христіанской Ирландіи. Валлійскими законами мы пользовались также по переводу, сдѣланному въ 1841 году по почину англійскаго правительства¹⁾. Законы эти распадаются на законы сѣвернаго Валлиса или Венедотіи, юго-западнаго Валлиса или Диметіи и юго-восточнаго Валлиса или Гвента. Кромѣ того, существуютъ еще различные трактаты валлійскаго права, относительно которыхъ трудно опредѣлить, въ какой мѣстности Валлиса они дѣйствовали: содержатся они во второмъ томѣ правительственнаго изданія подъ общимъ наименованіемъ „Welsh Laws“. Равнымъ образомъ есть и древніе переводы валлійскихъ законовъ на латинскій языкъ. Манускрипты кодексовъ Диметіи и Гвента относятся къ XIII и XIV столѣтіямъ по Р. Хр., манускрипты же кодекса Венедотіи нѣсколько древнѣе. Право, содержащееся въ этихъ кодексахъ, сложилось несомнѣнно гораздо ранѣе и сохранило неоспоримые слѣды древнѣйшаго кельтическаго праваго строя.

Указавъ, такимъ образомъ, на источники нашего изслѣдованія, переходимъ къ самому изложенію.

Семейная организація покоится главнымъ образомъ на организаціи отношеній между ламами, а потому необходимо опредѣлить прежде всего основы этой организаціи.

Союзъ брачный у Кельтовъ является институтомъ слагающимся, не вполне устойчивымъ, не вполне отличеннымъ, въ особенности относительно юридическихъ послѣдствій, отъ внѣбрачнаго полового сожительства. Въ особенности ясно можно это прослѣдить въ положеніяхъ древне-ирландскаго права. Великая книга древняго закона *Senchus Mor* (*Ancient L. of Ireland, v. I, p. 41*), говоритъ, что до возникновенія содержащихся въ ней правовыхъ нормъ право общественныхъ союзовъ (*social connexion* англійскаго перевода), къ которому относятся и правоположенія, опредѣляющія отношенія мужчины къ женщинѣ, не было организовано, что общественные союзы не имѣли, слѣдовательно, правильнаго устройства. Такимъ образомъ въ памяти составителей и комментаторовъ разсматриваемаго сборника права сохранилось воспоминаніе, что въ глубокой древности брачныя отношенія представляли еще менѣе порядка, чѣмъ въ ихъ время, а между тѣмъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, бракъ и въ самой книгѣ древняго закона является институтомъ далеко не вполне сложив-

¹⁾ *Ancient Laws and Institutes of Wales, 2 vol. 1841.*

шимся. А именно, въ другомъ мѣстѣ нашего сборника читаемъ слѣдующее: Вопросъ. Сколько союзовъ для прокреаціи дѣтей признаются союзами равной степени? Отвѣтъ. Десять. Союзъ равнаго имущества; женщина на содержаніи мужчины; мужчина на содержаніи женщины съ обязанностью работать на нее; женщина, принятая по приказу; мужчина, посѣщающій женщину безъ обязанности работать, безъ приказа, безъ прибрѣтеннаго имущества, безъ сбора брачныхъ подарковъ между родственниками, называемыхъ „tinol“; союзъ съ похищенной женщиной; союзъ странствующаго воина; обманный союзъ; насильственный союзъ; союзъ издѣвки ради (Anc. L. of Ireland, vol. II, p. 357). Уже изъ поверхностнаго знакомства съ этимъ въ высшей степени неяснымъ мѣстомъ можно убѣдиться, что здѣсь сопоставлены самыя разнообразныя виды сожителства мужчины съ женщиной, изъ которыхъ одни являются союзами, отличающимися большею прочностью и большимъ постоянствомъ, чѣмъ другіе, носящіе несомнѣнный характеръ случайности и неустойчивости, и не могущіе ни подъ какимъ видомъ быть названы бракомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно употребляется этотъ терминъ. Но это становится еще болѣе яснымъ при внимательномъ изученіи составленнаго брегонами ¹⁾ комментарія на занимающее насъ мѣсто Великой книги древняго закона, въ которомъ излагается существо каждаго изъ сопоставленныхъ видовъ сожителства мужчины съ женщиной. А именно, союзомъ равнаго имущества называется союзъ мужчины и женщины, имѣющихъ равное состояніе, то-есть, равное количество земли, сельско-хозяйственныхъ орудій и домашней утвари, и при заключеніи брака пользующихся въ равной степени безъ ограниченій правами, принадлежащими свободнымъ лицамъ. Далѣе, различается брачный союзъ мужчины, имѣющаго состояніе, съ женщиной неимущей и живущей при мужѣ на его содержаніи, и женщины, имѣющей состояніе, съ неимущимъ мужемъ, живущимъ при женѣ, содержащимся на ея счетъ и обязаннымъ за это работать на жену. Всѣ эти три вида полового сожителства разсматриваются, какъ союзы въ извѣстной степени ²⁾ прочныя. Великая книга древняго закона точно опредѣляетъ взаимныя отношенія супруговъ во время брака и содержитъ подробныя опре-

¹⁾ Брегонами назывался классъ вѣщателей права въ древней Ирландіи. См. указанную выше мою статью.

²⁾ Я говорю въ «извѣстной степени», ибо при легкости развода ни одинъ изъ видовъ сожителства не можетъ быть названъ прочнымъ вполне

дѣленія о дѣлѣхъ имущества въ случаѣ прекращенія брачнаго сожителства. Затѣмъ слѣдуютъ тѣ виды сожителства, которые не могутъ быть подведены подъ категоріи правильно организованныхъ брачныхъ союзовъ. Сюда относятся: 1) тотъ видъ полового сожителства, который указанъ въ законѣ выраженіемъ „женщина, припята по приказу“, каковой терминъ означаетъ женщину, получающую содержаніе отъ мужчины по приказу ея родственниковъ¹⁾ или въ силу того, что она нанята имъ для полового общенія. А именно, въ комментаріи брегоновъ говорится, вопервыхъ, о женщинѣ, которую мужчина соблазнилъ въ домѣ ея родственниковъ, и, вовторыхъ, о женщинѣ, живущей самостоятельно и получающей содержаніе отъ мужчины съ обязанностью быть постоянно въ его распоряженіи (Ancient L. of Ireland, vol. II, p. 399 и 401). Подобный союзъ могли заключать не только неженатые, но и женатые съ согласія и дозволенія первой или главной жены и ея племени²⁾. 2) Союзъ мужчины съ женщиной, состоящій въ простомъ и частомъ посѣщеніи ея для полового общенія безъ обязанности содержать ее или находиться въ распоряженіи ея родственниковъ или работать на нее. 3) Союзъ съ похищенною женщиной, увезенною безъ вѣдома и согласія ея родичей, причемъ соблазнитель воспользовался неопытностью и невинностью дѣвушки. 4) Тайный союзъ съ женщиной безъ вѣдома и согласія ея родичей. 5) Союзъ странствующаго воина, не опредѣленный точно въ законахъ. 6) Насильственный союзъ, подъ которымъ подразумѣвается изнасилованіе, и 7) брачное сожителство, устроенное издѣвки ради. Здѣсь разсматривается тотъ случай, когда кто-либо издѣвки ради поженить умалишеннаго на умалишенной. Къ только что упомянутымъ половымъ сожителствамъ нужно причислить еще союзъ съ женщиной, обозначенной въ толкованіи брегоновъ терминомъ „indlis (Anc. L. of Ireland, vol. II, 401)“, то-есть съ замужней женщиной съ соизволенія ея мужа. Этотъ видъ упоминается въ Senchus Mor только вскользь, но тѣмъ не менѣе о немъ говорится какъ о явленіи весьма обыкновенномъ. Намъ могутъ возразить, что сопоставленіе этихъ различныхъ сожителствъ дѣлается въ Великой книгѣ

¹⁾ Что здѣсь идетъ рѣчь о приказѣ со стороны родственниковъ женщины, я заключаю изъ того, что далѣе, когда говорится о мужчинѣ, посѣщающемъ женщину безъ приказа, выраженіе это толкуется брегонами такъ: безъ приказа, то-есть, не повинуюсь приказу, то-есть, не находясь подъ начальствомъ ея родичей.

²⁾ Ancient L. of Ireland, vol. II, p. 401.

древняго закона только потому, что изъ всѣхъ этихъ союзовъ вытекають юридическія послѣдствія, которыя могутъ быть самаго разнообразнаго характера, а не потому, чтобы въ древней Ирландіи они приравнивались другъ къ другу по существу. Вѣдь и въ новѣйшихъ законодательствахъ упоминаются самыя разнообразныя незаконныя половыя сожителства, но не потому, чтобы они приравнивались по существу къ законному браку, а для совсѣмъ иныхъ цѣлей, главнымъ образомъ для опредѣленія взысканій и наказаній, являющихся послѣдствіемъ этихъ внѣбрачныхъ сожителствъ какъ правонарушеній. Подобное возраженіе можетъ быть признано вѣрнымъ только относительно причины помѣщенія между брачными сожителствами такъ называемаго насильственнаго и устроеннаго издѣвки ради союзовъ, ибо эти два союза въ дѣйствительности приводятся главнымъ образомъ для опредѣленія взысканія съ виновныхъ, но оно положительно невѣрно относительно причины сопоставленія другихъ видовъ полового сожителства, ибо всѣ эти остальные половые союзы рассматриваются какъ виды брачнаго сожителства, допущенные правомъ. Далѣе, на то, что отношенія между полами въ древней Ирландіи далеко не были упорядочены, указываетъ еще то обстоятельство, что какъ въ Великой книгѣ древняго закона, такъ и въ книгѣ *Aicill* постоянно упоминаются случаи, гдѣ мужчина живетъ одновременно съ одной главной женой и съ такъ называемою женщиной прелюбодѣйкой¹⁾, которая, хотя и не сравнивается вполне съ первой женой, но во всякомъ случаѣ пользуется такими же правами какъ и первая жена, но только въ ограниченномъ видѣ. По всей вѣроятности, и на это указываютъ какъ положенія объ „*indlis*“ такъ и нѣкоторыя другія мѣста сборниковъ²⁾, и женщина могла, не преступая закона, находиться одновременно въ брачномъ сожителствѣ съ нѣсколькими мужчинами. Наконецъ ко всему сказанному слѣдуетъ прибавить, что разводъ былъ дѣломъ въ высшей степени легкимъ, и что разводы были очень часто. Это несомнѣнно явствуетъ изъ слѣдующаго по-

¹⁾ Обозначеніе такой женщины-прелюбодѣйкой возникло въ позднѣйшее время подъ вліяніемъ церкви. На это указываетъ то обстоятельство, что терминъ прелюбодѣйка, по древне-ирландски «*adaltrach*», заимствованъ изъ латинскаго языка. Ср. *D'Arbois de Jubainville, Etudes sur le Senchus Mor, вь Nouvelle Revue de droit français et étranger, 1860.*

²⁾ *Ancient L. of Ireland, Vol. III, 203*, гдѣ условіемъ освобожденія женщины отъ ответственности за преступныя дѣйствія, совершенныя изъ ревности, является то, чтобы она сама не жила одновременно съ другимъ мужчиной.

ложевія Великой книги древняго закона (vol. II, p. 347): „Первый брачный даръ дочери (coibche) долженъ быть отданъ отцу и двѣ трети втораго брачнаго дара и одна треть третьяго брачнаго дара и въ такой уменьшающейся прогрессіи извѣстная часть каждаго послѣдующаго брачнаго дара отъ третьяго до двадцать перваго“. Нѣтъ сомнѣнія, что если право предвидѣло возможность полученія женщиной двадцать перваго брачнаго дара, то разводы должны были часто имѣть мѣсто. Браки съ неимущими женщинами обыкновенно заключались на непродолжительный срокъ, не долѣе какъ на одинъ годъ. Перваго мая ежегодно праздновалси великій языческій праздникъ (Belltene), причемъ сходилась молодежь и вообще мужчины и женщины, желающіе вступить въ половое сожительство, и заключались браки на одинъ годъ, до перваго мая слѣдующаго года. То же самое имѣло мѣсто въ великій осенній языческій праздникъ (Somhain) перваго ноября ¹⁾.

Такимъ образомъ, положенія древнихъ правовыхъ памятниковъ свидѣтельствуютъ, что бракъ далеко не былъ учрежденіемъ, покоящимся на неизблемомъ основаніи, и несомнѣнно являютъ остатки гетеризма и низшихъ полиандрическихъ и полигиническихъ формъ. Эти свидѣтельства памятниковъ подтверждаются и показаніями писателей. Св. Иеронимъ въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ: „Scoturum natio (дѣло идетъ здѣсь объ Ирландцахъ) uxores proprias non habet, sed, ut cuique libitum fuerit, secundum more lasciviunt“. Точно такъ же выражается Жиральдъ (Topographia Hiberniae, III, 19): „Nondum matrimonia contrahunt, non incestus vitant“. Еще въ царствованіе Елисаветы одинъ изъ корреспондентовъ совѣта доносилъ, что Ирландцы обыкновенно не впадаютъ въ прелюбодѣяніе, „не потому, чтобы они признавали и содержали цѣломудріе, но потому, что они рѣдко или почти никогда не заключаютъ браковъ“ ²⁾.

У валлійскихъ Кельтовъ, согласно дошедшимъ до насъ памятникамъ, понятіе и существо брака выяснено гораздо болѣе, а равнымъ образомъ точнѣе отличены брачные союзы отъ другихъ видовъ полового ввѣбрачнаго сожительства. Но въ то же самое время вездѣ въ древне-валлійскомъ правѣ встрѣчаемся съ указаніями, что это упорядоченіе отношений между полами произошло подъ вліяніемъ церкви. Бракомъ считается по валлійскому праву такой союзъ муж-

¹⁾ *D'Abois de Jubanville*, l. c., p. 188—189.

²⁾ *Wake*, *Evolution of Morality*, I, p. 401.

чины съ женщиной, при которомъ женщина передана мужчине ея родомъ съ перенесеніемъ на него тѣхъ правъ и обязанностей, которыя дотошъ принадлежали роду. Мужъ получалъ въ такомъ случаѣ жену посредствомъ дара и инвеституры со стороны рода, какъ выражаются памятники (by gift and investiture англійскаго перевода, Welsh Laws, Book XIX, Chapt. X, 30). Впрочемъ, для того, чтобы союзъ считался окончательно заключеннымъ, требовалась еще уплата дани, извѣстной подъ названіемъ „amobug“, владѣльцу территоріи, въ предѣлахъ которой жилъ родъ невѣсты (Dimetian Code, Book II, Chap. XVIII). Всѣ половыя сожителства, не удовлетворяющія указаннымъ условіямъ, не считались бракомъ и не сообщали сожителствующимъ относительно другъ друга тѣхъ правъ, которыя сообщались посредствомъ брака. Такъ, въ кодексѣ Диметіи (Dimetian Code, Book II, Chap. XVIII, 51) читаемъ: „отъ трехъ женщинъ мужъ не получаетъ вознагражденія за прелюбодѣіаніе: во первыхъ, отъ женщины, уведенной тайно; если она ставеть дѣлать съ другимъ мужчиной, что бы ей ни было угодно, она не обязана дать вознагражденіе тому, кто увелъ ее; во вторыхъ, отъ женщины, съ которой кто-либо сожителствуетъ какъ съ наложницей, что и извѣстно всему народу; что бы она ни сдѣлала, мужчина, который съ ней сожителствуетъ, не получаетъ отъ нея удовлетворенія; втретьихъ, отъ женщины кустарника и терновника (gwraig Uwyn a Pherth подлинника и woman of bush and brake англійскаго перевода) любовникъ не можетъ требовать вознагражденія, если она, взявъ другаго любовника, сотворить блудъ“. Равнымъ образомъ относительно пользованія правами состоянія мужа существовало различіе между законной женой и только что указанными женщинами, союзъ съ которыми не удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ законнаго брака. Женщина, законно переданная родичами мужу, съ момента передачи пользовалась правами, принадлежавшими ея мужу по состоянію. Кодексъ Венедотіи прямо постановляетъ, что разъ дѣвушка законнымъ образомъ передана мужу, то вознагражденіе за нанесенныя ей оскорбленія опредѣляются согласно состоянію мужа, а не брата, хотя бы consummatio matrimonii посредствомъ copula carnalis и не имѣло еще мѣста (Venedotian Code, Book II, Chap. I, 75). Напротивъ того, относительно жены, приобретенной уводомъ, и наложницы въ источникахъ существуетъ разногласіе, опредѣлять ли имъ вознагражденіе, по состоянію мужа или брата. Во всякомъ случаѣ, онѣ начинали получать вознагражденіе по состоянію мужа только съ того

момента, когда приобрѣтали право на получение отъ мужа такъ называемый *agweddi*, то-есть брачнаго дара, обезпечивавшаго женщину на случай вдовства и соотвѣтствовавшаго германскому *Witthum* и средне-вѣковому французскому *douaire* (*Welsh L., Book V, Chap. II, 120*). Казалось бы, что бракъ такимъ образомъ строго былъ отличенъ у валлійскихъ Кельтовъ отъ другихъ половнхъ вѣбрачныхъ сожителствъ мужчины съ женщиной, но на дѣлѣ выходило иначе. При извѣстныхъ условіяхъ уведенная женщина и наложница получали права законныхъ жень. А именно, если похищенная дѣвушка проживетъ съ похитителемъ семь лѣтъ, то она сравнивается съ законной женой (*Venedotian Code, Book II, Chap. II, 26 — 29*). То же самое имѣетъ мѣсто и относительно наложницы, взятой своимъ любовникомъ къ себѣ въ домъ. „Кто, говоритъ кодексъ Венедотіи (*Book II, Chap. I, 31*), проведетъ три ночи съ женщиной съ момента, когда тушатъ огонь, и до того момента, когда его снова зажигаютъ, тотъ да заплатитъ ей одного быка цѣною въ 20 и другаго быка цѣною въ 30 пенсовъ и третьяго быка цѣною въ 60 пенсовъ; а, если онъ возьметъ ее къ себѣ въ домъ, и она проживетъ съ нимъ до конца седьмаго года, то онъ долженъ дѣлиться съ ней какъ съ законной женой“. Далѣе, на то обстоятельство, что брачныя и вѣбрачныя половныя сожителства не различались строго въ древнемъ валлійскомъ правѣ, указываетъ и то, что по первоначальному правовому возрѣнію законнорожденные дѣти не отличались отъ дѣтей незаконныхъ, о чемъ мы будемъ имѣть случай говорить ниже. Законный бракъ строго отличенъ отъ вѣбрачныхъ грѣховныхъ сожителствъ только христіанскою церковью. Такъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ узаконеній, гдѣ незаконныя дѣти объявлены были лишенными правъ свободнаго состоянія и принадлежащими къ состоянію крѣпостному (*aillt*, состояніе, соотвѣтствующее сословію *villani* на контингентѣ Европы и *churls* англійскаго права), цѣлью закона представляется законодателемъ, дѣйствовавшимъ подъ очевиднымъ вліяніемъ духовенства: „предупредить неосмотрительные браки и неправильное и незаконное рожденіе дѣтей, сдерживая прелюбодѣяніе и блудъ въ кустарникѣ и терновникѣ“. Тѣмъ же вліяніемъ духовенства объясняется и слѣдующее положеніе, находящееся въ кодексѣ Димегіи и не встрѣчающееся въ болѣе древнемъ кодексѣ Венедотіи и въ кодексѣ Гвента: „Двѣ женщины, состояніе которыхъ не возвышается согласно состоянію ихъ мужа, а именно, несвободная женщина, прижившая дѣтей отъ кимра, или несвободная, тайно уве-

денная свободнымъ кимромъ: въ обоихъ случаяхъ господинъ несвободной всегда, когда пожелаетъ, можетъ отнять ее, какъ онъ можетъ отнять свою скотину: поэтому несвободное состояніе значить болѣе чѣмъ наложничество. Если же мужчина, который увелъ ее, женится на ней безъ согласія ухельвира (благороднаго человѣка, господина несвободной), то, такъ какъ право брака сильнѣе права несвободы, она пользуется всѣми правами состоянія мужчины, за котораго она вышла замужъ, а ея мужъ долженъ только заплатить господину ея законную цѣну или отдать другую несвободную, равную съ ней по цѣнѣ“.

Вообще половая нравственность у Кельтовъ не стояла высоко. Въ кодексѣ Венедотіи дошло до насъ извѣстіе, что въ то время, когда мужи арвонскіе находились въ полѣ, ихъ жены поголовно сожительствовали съ мужчинами изъ подвластнаго имъ несвободнаго населенія. Насколько преступныя связи съ замужними женщинами были явленіемъ обыкновеннымъ, видно изъ того, что въ кодексѣ Венедотіи устанавливается *sagaad* (такъ-называлась плата за оскорбленія) въ пользу короля за обольщеніе его жены, чего мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ германскихъ *leges barbarorum*. Далѣе, за прелюбодѣніе съ чужою женою платится мужу такой же *sagaad*, какъ и за всѣ остальные оскорбленія, только въ увеличенномъ размѣрѣ. Какъ на причину увеличенія платы указывается на то, что прелюбодѣніе порождаетъ вражду между родами, а слѣдовательно *sagaad* увеличивается, чтобы вполне удовлетворить оскорбленнаго мужа и тѣмъ предотвратить вражду. Впрочемъ, даже эта обязанность вознаградить мужа за обольщеніе жены не была окончательно установлена. Такъ, въ кодексѣ Диметіи (*Dimetian Code II, 37*) читаемъ, что Горонви, сынъ Морейддига, училъ, что мужчина, имѣющій связь съ женою другаго мужчины, при чемъ связь эта устанавливается не насильственно, а съ согласія самой женщины, ничего не платитъ мужу и именно потому не платитъ, что жена согласна: только въ случаѣ, если подобная связь сдѣлается общеизвѣстной въ народѣ, то жена должна заплатить *sagaad* мужу, въ случаѣ же неплатежа мужъ получаетъ право развестись съ нею. Отъ мужа, провинившагося въ прелюбодѣніи, жена имѣла такъ же право требовать извѣстную пеню (*gowun*); если же мужъ совершалъ прелюбодѣніе въ третій разъ, то она могла съ нимъ развестись. Если она предпочитала не требовать развода, то лишалась права требовать отъ мужа чего-либо за послѣдующія прелюбодѣнія, а слѣдовательно мужъ съ этого мо-

мента пріобрѣталъ право имѣть одновременно съ женой наложницъ. Дѣйственность въ невѣстѣ цѣнилась, правда, но далеко не предполагалась. Позорному наказанію подвергалась только та дѣвушка невѣста, оказавшаяся не невинной, которая выдана была замужъ съ увѣреніемъ, что она дѣйственица, въ чемъ и дано было поручительство. Въ прочихъ случаяхъ женихъ, нашедшій свою невѣсту лишенной невинности, или спокойно пребывалъ съ нею до завтрашняго утра, или, немедленно свидѣтельствовалъ передъ свадебными гостями о позорѣ. Въ первомъ случаѣ, онъ не могъ уже на другой день удержать что либо изъ слѣдующаго отъ него женѣ, во второмъ же случаѣ жена лишалась права требовать чего-либо отъ оскорбленнаго супруга.

При отсутствіи вполне сложившагося института брака немислимо было явленіе, которое считается одною изъ характеристическихъ чертъ патриархальной организаци: я говорю о полномъ переходѣ женщины въ семью и родъ ея мужа съ уничтоженіемъ всѣхъ связей, соединяющихъ ее съ ея прирожденной семьей и родомъ ея родителей. И въ дѣйствительности, древне-ирландскіе и валлійскіе памятники свидѣтельствуютъ, что кельтическая женщина, выходя замужъ, не прерывала окончательно связи съ своимъ родомъ и не поддала подъ неограниченную власть своего мужа.

Что женщина въ древней Ирландіи, выходя замужъ, оставалась членомъ своей прирожденной семьи и своего прирожденнаго рода, въ этомъ едва ли возможно сомнѣніе. Тамъ, гдѣ разводъ допускался по самымъ маловажнымъ причинамъ или даже иногда, какъ, наприкладъ, въ случаѣ обоюднаго согласія, безъ всякой причины и повода, гдѣ заключались срочные браки, между мужемъ и женой не могла возникать такая прочная связь, въ силу которой прежняя связь съ прирожденной семьей оказалась бы совершенно порванной. И по замужествѣ женщина продолжала считаться членомъ своего прирожденнаго рода. Вотъ почему, какъ мы указали выше, отецъ имѣлъ права на брачный даръ не только при первомъ замужествѣ своей дочери, но и при всѣхъ послѣдующихъ.

Сомнѣваться можно только относительно того, вѣрно ли высказанное нами положеніе въ примѣненіи къ валлійскому праву, гдѣ, какъ мы видѣли выше, брачный институтъ можетъ быть признанъ болѣе прочнымъ чѣмъ въ древней Ирландіи. Поэтому, продолженіе въ древне-валлійскомъ правѣ связи между замужней женщиной и ея родомъ должно быть доказано на основаніи точныхъ данныхъ, тѣмъ

болѣе, что въ валлійскихъ правовыхъ памятникахъ встрѣчаются положенія какъ бы противорѣчащія этому. А именно, въ кодексѣ Венедотіи (Book II, Chap. I, 87) читаемъ слѣдующее: „за каждое правонарушеніе, содѣянное женщиной, да заплатитъ ея родъ, какъ за мужчину, если только она не замужемъ; если же она замужемъ, то да платитъ она, а равнымъ образомъ и ея мужъ какъ samlwgw такъ и dirwy (виды денежной пени)“. Еще опредѣленіе свидѣтельствуемъ повидимому противъ нашего мнѣнія слѣдующее положеніе кодекса Диметіи (Book II, Chap. XVIII, 49): „Причина, по которой женщина платитъ всего одинъ amobug есть та, что она никогда не возвращается ни къ праву лорда земли, ни къ праву своего рода, но приобретаетъ право (privilege англійскаго перевода) своего мужа, за котораго выходитъ“. Но, противорѣчіе между этими положеніями древне-валлійскихъ правовыхъ сборниковъ и нашимъ воззрѣніемъ только кажущееся. При внимательномъ изученіи другихъ постановленій сборниковъ легко убѣдиться, что женщина, выходя замужъ, не переставала быть членомъ своего прирожденнаго рода. Переходъ отъ права рода къ праву мужа означаетъ только, что по выходѣ замужъ *stamad* женщины опредѣляется согласно состоянію ея мужа, и что за нѣкоторые правонарушения, содѣянные женщиной, родъ ея уже не привлекается къ отвѣтственности и не платитъ денежной пени, но это отнюдь не означаетъ, чтобы съ выходомъ замужъ всѣ связи съ прирожденной семьей окончательно прерывались. Напротивъ того, и по выходѣ замужъ главныя семейныя и родовыя права и обязанности остаются неприкосновенными. Такъ, въ случаѣ убіенія замужней женщины, ея *galanas*, то-есть плата за ея голову, опредѣляется согласно *galanas* ея брата, а не мужа, и идетъ въ пользу ея прирожденнаго рода, которому слѣдовательно и принадлежитъ право мести за нее (Venedotian Code, Book II, Chap. I, 16, Book III, Chap. I, 38 [по манускрипту, обозначенному въ официальномъ изданіи англійскаго правительства литерой B] ¹⁾). Далѣе, между обстоятельствами, позорящими родъ замужней женщины и нарушающими его права, кодексъ Диметіи (Book II, Chap. V, 7) приводитъ тотъ случай, когда мужъ вводитъ въ свой домъ другую женщину съ цѣлю замѣнить ею жену, или, когда онъ расточаетъ имущество жены. Значитъ, и по выходѣ замужъ родители женщины

¹⁾ Только *galanas* королевы опредѣляется согласно *galanas* короля ея мужа (Venedotian Code, Book III, Chap. I, 25).

обязаны были защищать ее, въ случаѣ притѣсненія со стороны мужа, и имѣть надзоръ за неприкосновенностью ея имущества. Объ этомъ свидѣлствуетъ также еще другое постановленіе кодекса Диметіи (Book II, Chap. XVIII, 47), изъ котораго видно, что мужъ давалъ родичамъ жены поручительство относительно ея *agwcdidi*. Точно такъ же родичи жены¹⁾ отвѣтствовали передъ мужемъ, если она предпринимала противъ него что-либо преступное. Наконецъ, изъ одного постановленія кодекса Диметіи неопровержимо, хотя и косвеннымъ образомъ, слѣдуетъ, что замужняя женщина продолжала считаться членомъ своего прирожденного рода. Въ этомъ постановленіи (Book II, Chap. XVIII, 48) говорится о томъ случаѣ, когда женщина послѣ выхода замужъ будетъ признана дочерью другаго мужчины, а не того, который считался дотолѣ ея отцомъ, и вслѣдствіе этого сопричислялась къ новому отцовскому роду. Еслибы, выходя замужъ, женщина порывала всѣ связи съ родомъ своего отца и всецѣло переходила въ родъ своего мужа, то приписка ея послѣ замужества и сопричисленіе къ новому отцовскому роду не имѣли бы викакого значенія. Въ вѣрности только что изложенныхъ нами воззрѣній мы убѣждаемся также и изъ того, что въ родѣ мужа женщина не пользовалась главными родовыми правами. Такъ, въ кодексѣ Гвента (Book II, Chap. XXVIII, 16) встрѣчаемся съ слѣдующимъ постановленіемъ, свидѣлствующимъ, что женщина не получала никакой части изъ *galanas* своего мужа: „когда женатый человѣкъ будетъ убитъ, то прежде выплачивается его *sagaad*, а потомъ *galanas*, потому что жена получаетъ треть его *sagaad* и ничего изъ его *galanas*“¹⁾.

Власть мужа надъ женой является властью производной отъ власти рода: она сообщается мужу родичами жены. Поэтому всякое самовольное овладѣніе женщиной, уводъ ея безъ согласія родичей, а также тайное съ ней сожителство считалось нарушеніемъ правъ рода въ древней Ирландіи (Ancient L. of Ireland, Vol. I, p. 181), за которое родъ имѣлъ право требовать удовлетворенія. Книга *Aicill*

¹⁾ Такимъ образомъ, изъ того обстоятельства, что жена прибрѣтала нѣкоторые принадлежавшія ея мужу по состоянію права, еще не слѣдуетъ, что она всецѣло приобщалась къ роду мужа. Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что, при наличности извѣстныхъ условій, иногда права свободного состоянія и сословныя права наоборотъ сообщались женой мужу. Такъ только тотъ изъ *alltud'ow* (поселившихся въ Валлійскъ чужеземцевъ) имѣлъ право на *sagaad*, который былъ женатъ на природной Кимрикѣ (Welsh. L. Book XIII, chap. II, 112).

(Ancient L. of Ireland, Vol. III, p. 541 sq.) содержитъ пространныя постановленія по этому предмету. Подъ заглавіемъ „Уводъ безъ дозволенія“ читаемъ: „Это относится къ женщинѣ уведенной; если она была уведена силой, плата за оскорбленіе должна быть заплачена ей самой, ея старшинамъ и родичамъ, согласно степени ихъ родства; и плата за голову должна быть заплачена, въ случаѣ ея смерти, какою бы смертію она ни умерла внѣ дома, будетъ ли то смерть обыкновенная или необыкновенная, отъ болѣзни ли она умретъ или въ родахъ, во всякомъ случаѣ плата за оскорбленіе и за голову да заплатится ея семьѣ, а если она не умретъ, то плата за оскорбленіе да уплатится ей и ея семьѣ. Если же она была изнасилована или соблазнена въ домѣ (то-есть, живя въ мѣстѣ своего рожденія и не покидая оное) и умерла въ домѣ, то плата за голову и плата за оскорбленіе платится ея семьѣ, если она умерла въ родахъ, а если она умерла отъ другой болѣзни, то имѣетъ мѣсто освобожденія отъ платы. Если же она уведена была съ ея согласія, то ей не платится ничего, но плата за оскорбленіе уплачивается ея старшинамъ и родичамъ, а равнымъ образомъ уплачивается и плата за голову, въ случаѣ ея смерти; какою бы смертію, обыкновенною или необыкновенною, она ни умерла внѣ дома до истеченія мѣсяца,—головщина и плата за оскорбленіе уплачивается ея семьѣ“¹⁾. Впрочемъ, для того, чтобы уводъ женщины считался нарушеніемъ правъ рода и влекъ за собою вознагражденіе, требовалось, чтобы со стороны родичей воспослѣдовалъ протестъ въ извѣстный опредѣленный срокъ. Въ книгѣ Aicill (Ancient L. of Ireland, Vol. III, p. 533) говорится: „старшина или другой родственникъ, присутствовавшій при томъ, какъ женщина была взята въ лѣсъ мужчиной, или посажена на лошадь въ долину, или въ корабль или лодку на водѣ, считается изъявившимъ согласіе, если онъ не протестовалъ въ теченіе 24 часовъ: въ такомъ случаѣ плата за оскорбленіе ему не уплачивается“. Если же уводъ совершался въ отсутствіи родственниковъ, то они не считались изъявившими согласіе до истеченія десяти дней. Впрочемъ, какъ только они узнавали объ уводѣ, то должны были предъявить протестъ въ теченіе сутокъ. Валлійскіе памятники прямо предоставляютъ роду право отнять у похитителя обратно тайно уведенную дѣвушку, даже

¹⁾ Приводя это извлеченіе изъ книги Aicill, мы позволяемъ обратить вниманіе читателя на крайне спутанное и полнее повтореній изложеніе древне-ирландскихъ памятниковъ права.

и въ томъ случаѣ, еслибы она пожелала остаться при немъ (Venedotian Code, Book II. Chap. I, 38. Dimetian Code, Book II. Chap. XVIII, 14—15). Такимъ образомъ, мужъ могъ имѣть власть надъ женою только съ соизволенія ея родичей, которые, какъ мы замѣтили выше, оставляли за собою право контроля надъ тѣмъ, какъ мужъ будетъ пользоваться предоставленною ему властію:

Не прерывая по выходѣ замужъ связи съ своимъ прирожденнымъ родомъ, находя у своего рода защиту отъ притѣсненій со стороны мужа, кельтическая женщина никогда не подпадала подъ неограниченную власть мужа ¹⁾. Власть, подобная *manus mariti* въ Римѣ, неизвѣстна кельтическому праву. Положеніе замужней женщины въ древне-ирландскомъ правѣ является въ высшей степени самостоятельнымъ. *Senchus Mor* (Ancient L. of Ireland, Vol. II, p. 351) постановляетъ, что жена можетъ противопоставить свое свидѣтельство свидѣтельству мужа, потому что, хотя законъ и уступаетъ главенство мужу, какъ болѣе сильному и благородному, но доказательства мужа не считаются вслѣдствіе этого болѣе вѣскими, такъ какъ въ сущности союзъ между супругами основанъ исключительно на договорѣ. Изъ дальнѣйшихъ, относящихся сюда постановленій *Senchus Mor* видно, что и главенство въ домѣ не всегда принадлежало мужу. Если лица, заключившія брачный союзъ имѣютъ равное имущество, то жена считается ровней мужа. Здѣсь семейныя дѣла рѣшаются по обоюдному соглашенію, и договоры, заключенные однимъ изъ супруговъ, не считаются законными безъ согласія другаго (Ancient L. of Ireland, Vol. II, p. 357), за исключеніемъ договоровъ, имѣющихъ цѣлю общее благосостояніе семьи, какъ, напримѣръ, условіе объ обработкѣ земли совместно съ своимъ законнымъ племенемъ, если брачная чета не въ силахъ сама воздѣлывать почву; наемъ земли; приобрѣтеніе корма для скота; сборъ для пиршествъ; покупка скота для приплода; приобрѣтеніе домашней утвари; приобрѣтеніе поросятъ; покупка сѣна и другихъ необходимыхъ вещей (Ancient L. of Ireland, Vol. II, p. 359). Въ бракѣ равнаго имущества (какъ его называютъ памятники) гос-

¹⁾ Вообще въ древне-кельтическомъ правѣ положеніе женщины въ семьѣ не могло быть вполне подневольнымъ, такъ какъ въ обществѣ положеніе ея было въ значительной степени независимое. Такъ изъ *Senchus Mor* мы узнаемъ, что между вѣнчателями права древней Ирландіи были женщины, напримѣръ, *Brigh Ambui* (Anc. L. of Ireland, Vol. I, 23), а въ древнемъ кодексѣ Венедотія встрѣчаемся съ слѣдующимъ постановленіемъ (Book II. Chap. XIX, 3): и онъ (глава рода) долженъ дѣйствовать съ согласіемъ родичей, мужчинъ и женщинъ.

подставляло такимъ образомъ полное равенство. Мужъ первенствовалъ только въ томъ случаѣ, если состояніе было его, а жена не имѣла собственнаго имущества (Ancient L. of Ireland, Vol. II, 381). Но, въ свою очередь мужъ, живущій при женѣ и содержащійся на ея счетъ, становился по наглядному выраженію памятниковъ, на мѣсто жены, а жена на мѣсто мужа, то-есть, первенство принадлежало здѣсь не мужу, а женѣ: мужъ получалъ только право на девятую часть хлѣба и сала, и то только если онъ прилежно работалъ и направлялъ семью мудрымъ совѣтомъ (Ancient L. of Ireland, Vol. II, p. 391). Въ древневаллійскомъ правѣ мы встрѣчаемся уже съ болѣе окрѣпшею властью мужа надъ женой. Во многихъ мѣстахъ валлійскихъ памятниковъ мужъ называется господиномъ и главою жены (Dimetion Code, Book II, Chap. XVIII, 5. Velsh laws, Book XIV, Chap. XIX, 4) ¹⁾. Но, въ то же самое время власти, подобной *manus mariti*, мы не встрѣаемъ. Карательныя права мужа относительно жены точно опредѣлены закономъ. Такъ, кодексъ Диметіи (Book II, Chap. XVIII, 5) постановляетъ, что въ случаѣ, если жена употребитъ относительно мужа бранное слово, она должна заплатить ему денежную пеню (*samlwrgw*), или онъ уполномочивается дать ей три удара розгой длиной съ его локоть, по какой угодно части тѣла за исключеніемъ головы. Въ кодексѣ Венедотіи (Venedotian Code, Book II, Chap. I, 39) точно опредѣлены случаи, въ которыхъ мужъ могъ бить жену, а именно: во первыхъ, когда она дарила кому-либо что-либо, что она не имѣла права подарить, во вторыхъ, когда мужъ заставлялъ ее въ какомъ нибудь тайномъ притонѣ съ постороннимъ мужчиной, и въ третьихъ, если она высказывала желаніе, чтобы мужу наплевали въ бороду (*for wishing drivel upon his beard* англійскаго перевода). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ за нанесеніе побоевъ мужъ долженъ былъ заплатить *sagaad* невинно наказанной женѣ. Вообще же, право тѣлеснаго наказанія не переходило въ *jus vitae ac necis* (Dimetian Code, Book II, Chap. VIII, 61). Независимое въ извѣстной степени положеніе замуженной женщины высказывается, наконецъ, и въ томъ, что она могла искать и отвѣчать на судѣ безъ участія и содѣйствія своего мужа по всѣмъ дѣламъ, касающимся земли, принадлежащей ей въ собственность (Dimetian Code, Book II, Chap. VIII, 95).

Переходимъ теперь къ другому отношенію семейнаго права, къ отношенію дѣтей къ родителямъ.

¹⁾ Эти выраженія, по всей вѣроятности, заимствованы изъ церковнаго права.

Въ патриархальной семьѣ власть родительская и власть отцовская—выраженія тождественныя. Мать въ патриархальной семьѣ не властвуетъ надъ дѣтьми: она вмѣстѣ съ ними обязана безусловнымъ повиновеніемъ домовладыкѣ. Изъ безграничной власти надъ женою вытекаетъ и безграничная власть надъ дѣтьми. Самымъ фактомъ рожденія отъ законной жены дѣти подпадаютъ подъ власть отца, безусловно ему принадлежащую. Правда, отецъ можетъ отречься отъ дѣтей, объявить ихъ зачатыми въ прелюбодѣяніи, но если онъ этого не дѣлаетъ, никто не можетъ усомниться въ законности ихъ рожденія, вытребовать ихъ отъ него. Отсюда презумція римскаго права: „*pater est quem iustae nuptiae demonstrant*“. Съ другой стороны, въ обществахъ съ патриархальною семейною организаціей незаконныя дѣти не имѣютъ ни отца, ни семьи. Попятно, что подобный порядокъ вещей можетъ существовать только тамъ, гдѣ бракъ покоится на прочныхъ основахъ, и гдѣ жена всецѣло переходитъ въ семью и родъ мужа. Это необходимыя условія возникновенія патриархальной отеческой власти. Ихъ мы въ древне-кельтскомъ правѣ не нашли. Поэтому насъ не должно удивить, что мы встрѣтимся въ ирландскихъ и валлійскихъ памятникахъ съ совсѣмъ инымъ опредѣленіемъ отношеній дѣтей къ родителямъ чѣмъ то, которое извѣстно намъ изъ покоящагося на патриархальныхъ основахъ древне-римскаго семейнаго права.

Въ древне-ирландскомъ правѣ мы встрѣчаемся прежде всего съ цѣлымъ рядомъ положеній, свидѣтельствующихъ о томъ, что для признанія кого-либо сыномъ или дочерью извѣстнаго отца мало было рожденія въ бракѣ и признанія со стороны отца, необходимо было еще заявленіе матери, что ребенокъ прижитъ ею отъ ея мужа. При рожденіи ребенка мужъ обращался къ женѣ съ вопросомъ „чей этотъ ребенокъ“ и только въ случаѣ отвѣта „твой“ получалъ право считать его своимъ (Anc. L. of Ireland, Vol. III, p. 315). Но и установленная такимъ образомъ связь между мужемъ извѣстной женщины и ребенкомъ сей послѣдней не считалась окончательно установленной. А именно, въ книгѣ *Aicill* находится цѣлый рядъ постановленій, изъ которыхъ явствуетъ, что мужчина, совершившій прелюбодѣяніе съ чужою женою и породившій ребенка, имѣлъ право вытребовать ребенка отъ мужа своей любовницы, презумптивнаго отца ребенка. Вотъ эти въ высшей степени оригинальныя постановленія: „Всякій рогоносецъ (*suckhold* англійскаго перевода) имѣетъ право на своего презумптивнаго сына до тѣхъ поръ пока онъ у него не будетъ куп-

лень, то-есть, роконосцу принадлежить его презумптивный сынъ до тѣхъ поръ пока онъ не будетъ у него купленъ его настоящимъ отцомъ, то-есть, до тѣхъ поръ пока за него не будетъ заплачена сумма, равняющаяся его вирѣ и пенѣ за оскорбленіе (*body price* и *honog price* англійскаго перевода) и полная плата за его воспитаніе, за все время, которое онъ провелъ съ нимъ, то-есть, съ презумптивнымъ отцомъ. Точно также ему, то-есть, презумптивному отцу, должно быть возвращено все то, что онъ заплатилъ за правонарушеніи, совершенныя ребенкомъ" (*Anc. L. of Ireland, Vol. III, p. 311*). Но если такимъ образомъ, съ одной стороны, не устанавливалось неразрывной связи между мужемъ известной женщины и рожденнымъ ею во время брака ребенкомъ, то, съ другой стороны, между ребенкомъ, рожденнымъ внѣ брака, и породившимъ его женщиной всегда могла быть установлена связь, чего и имѣла право требовать мать. „Ребенокъ, говоритъ книга *Aicill*, можетъ быть водимъ отъ одного мужчины къ другому до тѣхъ поръ пока свидѣтельство людей не уважаетъ ему отца (*Ancient L. of Ireland, l. c. 1*). Замѣчательно, что и здѣсь между ребенкомъ и женщиной, котораго свидѣтельство людей признало отцомъ ребенка, не устанавливалось неразрывной связи, ибо въ указанномъ нами мѣстѣ книги *Aicill* читаемъ далѣе: „отъ отца, патернитетъ котораго установленъ свидѣтельствомъ людей, ребенокъ не можетъ быть отнятъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ присужденъ другому отцу посредствомъ свидѣтельства (то-есть, суда) Божія. Присужденный известному отцу свидѣтельствомъ Божиимъ не можетъ быть отнятъ у него ни новымъ свидѣтельствомъ Божиимъ, ни свидѣтельствомъ людей, развѣ если за него согласится заплатить семь *сумһал*"²⁾. Такимъ образомъ незаконнорожденныя всегда могли быть признаны дѣтьми известнаго отца

¹⁾ Это препровожденіе ребенка отъ одного мужчины къ другому для отысканія отца, свидѣтельствующее о замѣчательно низкой степени половой ответственности въ древней Ирландіи, основывается, по замѣчанію брегеновъ, на древнемъ правовомъ правлѣ, изложенномъ въ яетрической формѣ и переданномъ англійскими переводчиками слѣдующи образомъ:

Free is the womb, that brings forth a birth
To produce a body
Whichever of a hundred persons
Removes it.

²⁾ Слово «*сумһал*» значить «дѣвушка рабыня» и означаетъ цену, равняющуюся стоимости подобной дѣвушки.

и приписаны къ его семьѣ и роду. Въ семь послѣднемъ случаѣ они пользовались семейными и родовыми правами вмѣстѣ съ законными дѣтьми. Такъ въ книгѣ *Aicill* встрѣчаются положенія о совмѣстномъ участіи, хотя и не въ равныхъ доляхъ, въ раздѣлѣ семейнаго имущества дѣтей отъ такъ-называемой женщины прелюбодѣйки (*adaltrach*) съ дѣтьми отъ первой или главной жены (*Ans. L. of Ieland, Vol. III, 401*). Это совмѣстное наслѣдованіе незаконнорожденныхъ съ законнорожденными сохранялось въ Ирландіи долгое время. По крайней мѣрѣ есть показаніе англійскаго генераль-прокуратора Дэвиса, относящееся къ довольно позднему времени и свидѣтельствующее объ этомъ ¹⁾. Изъ только что приведенныхъ данныхъ несомнѣнно явствуетъ, что установленіе патернитета не было связано въ древне-ирландскомъ правѣ съ законностью или незаконностью рожденія.

Тѣ же самыя начала можно прослѣдить и въ положеніяхъ валлійскаго права. Впрочемъ, эти начала являются здѣсь съ нѣсколько измѣненнымъ характеромъ. А именно, между извѣстнымъ мужчиной и дѣтьми его законной жены, прижитыми во время брака, устанавливается въ древне-валлійскихъ памятникахъ гораздо болѣе прочная связь чѣмъ въ ирландскомъ правѣ. Патернитетъ вытекаетъ здѣсь, по видимому, самъ собою изъ брака съ матерью дѣтей. Отречься отъ дѣтей своей законной жены, объявить ихъ зачатыми въ прелюбодѣяніи, можно было только посредствомъ торжественной присяги ²⁾ и то не всегда: если отецъ прокормилъ у себя въ домѣ ребенка своей законной жены въ теченіе одного года и одного дня, онъ лишился права отречься отъ него, ибо вскормленіе считалось признаніемъ. На сколько патернитетъ считался, по видимому, необходимымъ слѣдствіемъ брака, явствуетъ далѣе изъ того, что даже послѣ торжественнаго отреченія со стороны отца связь между нимъ и дѣтьми признавалась порванной только въ томъ случаѣ, если мать не протестовала. А именно, матери предоставлялось право посредствомъ присяги, принесенной вмѣстѣ съ 7 женщинами соприсяжницами, принудить отца, отрекшагося отъ сына, признать его. „*Si quis, dicitur вѣ такъ называемыхъ Leges Wallicae, negaverit filium esse suum, mater cum septem mulieribus*

¹⁾ *Valroger, Les Celtes* p. 527, note 3.

²⁾ Ср. *Leges Wallicae* (такъ называются переложенія древне-валлійскихъ сборниковъ на латинскій языкъ, сдѣланныя, по всей вѣроятности, для примѣненія въ вѣдомствѣ церкви и помѣщенные во 2-мъ томѣ собранія валлійскихъ памятниковъ, издавнаго англійскимъ правительствомъ) II, С. VIII (XIX).

ejusdem nobilitatis et dignitatis secum juramento affirmet, quod ipse, et non alius, filium ex se genuerit; et post tale juramentum jus est, ut recipiatur⁴. Но, могутъ намъ возразить, изъ только что приведенныхъ данныхъ явствуетъ противное: древне-кельтическія начала не видоизмѣнились, а совершенно исчезли изъ права Валлиса; не очевидно ли, что сынъ, рожденный отъ законной жены, связанъ въ валлійскомъ правѣ еще болѣе неразрывною связью съ отцомъ чѣмъ даже въ римскомъ законодательствѣ? Но при дальнѣйшемъ изученіи памятниковъ мы находимъ, что и въ Валлисѣ продолжали дѣйствовать древне-кельтическія начала. Это несомнѣнно явствуетъ изъ того, что если, съ одной стороны, отцу и трудно было отречься отъ ребенка своей законной жены, то, съ другой стороны, мать могла всегда, безъ ограниченія какимъ бы то ни было срокомъ, заявить, что ребенокъ прижитъ ею не отъ мужа, указать на другаго мужчину какъ на отца ребенка и потребовать приписки ребенка къ роду этого мужчины (Venedotian Code, Book. II, Chap. XXXI, g. Dimetian Code, Chap. XVIII, 48). Равнымъ образомъ, правила объ установленіи патернитета относительно дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, тѣ же, что и въ древне-ирландскомъ правѣ. Незамужняя женщина, прижившая дѣтей внѣ брака, могла потребовать признанія этихъ дѣтей мужчиной, на котораго она указывала какъ на отца. Валлійскіе законы содержатъ подробныя постановленія по этому предмету: „Если какая нибудь женщина, говоритъ древній кодексъ Венедотіи (Chap. XXXI, 2), пожелаетъ законнымъ образомъ приписать своего ребенка къ извѣстному мужчинѣ, какъ въ отцу, тогда ей необходимо сдѣлать слѣдующее: отправиться съ ребенкомъ въ церковь, гдѣ находится кладбище ея рода, подойти къ жертвеннику и, положивъ правую руку на жертвенникъ и мощи, а лѣвую на голову ребенка, поклясться прежде всего Богу какъ этимъ жертвенникомъ, такъ и мощами, а равнымъ образомъ и св. крещеніемъ ребенка, что никакой другой отецъ не породилъ этого ребенка въ ея утробѣ какъ такой-то мужчина, причемъ онъ долженъ быть названъ по имени. Такимъ образомъ приписывается ребенокъ въ Кимру какъ къ отцу“¹⁾. Въ случаѣ такого торжественнаго заявленія, мужчина, на котораго извѣстная незамужняя женщина указываетъ какъ на отца своего ребенка, могъ отречься отъ него только такимъ же торжественнымъ

¹⁾ Только что описанный обрядъ несомнѣнно относится къ глубокой древности и лишь облеченъ въ новую христіанскую форму.

образомъ (Venedotian Code, В. II, Chap. XXXI, 4). При извѣстныхъ условіяхъ отреченіе вообще было невозможно. Такъ, если ребенокъ прежде публично признанъ былъ отцомъ, или если отецъ на содержаніе его давалъ деньги (Welsh Laws В. XIII. Chap. II, 119). Въ случаѣ, если отца не было въ живыхъ, отречься отъ ребенка могъ глава рода съ шестью родичами—соприсяжниками (Venedotian Code, В. II, Chap. XXXI, 18), если же не было и главы рода, то отреченіе происходило посредствомъ торжественной клятвы 21 родича (Venedotian C., Book II, Chap. XXXI, 19). Признаніе ребенка совершалось или отцомъ или главою рода съ родичами, причѣмъ правая рука ребенка влагалась въ руки каждаго изъ родичей, а ребенокъ цѣловался съ родичами въ знакъ родства (Venedotian C., В. II, Chap. XXI, 25). Разъ приобщенныя къ семьѣ и роду, незаконнорожденные въ древнѣйшее время пользовались всѣми семейными и родовыми правилами наравнѣ съ законнорожденными. Наши сборники прямо свидѣлствуютъ, что всѣ ограниченія правъ незаконнорожденныхъ введены церковнымъ закономъ. „Церковный законъ, говоритъ древній кодексъ Венедотин (В. II, Chap. XVI, 2), постановляетъ, что никакой другой сынъ не можетъ получить отцовскаго наслѣдства, кромѣ старшаго сына, рожденнаго отцу законною женою; законъ же Говеля, наоборотъ, присуждаетъ отцовское наслѣдство младшему сыну какъ и старшему и объявляетъ, что грѣхъ отца или его противозаконное дѣяніе не можетъ быть предъявлено въ ущербъ сыну относительно отцовскаго наслѣдія. Хотя воззрѣнія церкви и повліяли на положенія другихъ валлійскихъ кодексовъ о незаконнорожденныхъ¹⁾, но все

¹⁾ Ср. Dimetian Code, В. II, Chap. XXII, 8: «Если собственникъ земли имѣетъ одного законнаго и одного незаконнаго сына, то законный наслѣдуетъ во всемъ, а незаконный остается безъ части». Даже если законный и незаконный сыновья прижиты съ одною и той же женщиной, означенное правило остается въ силѣ: «Три рода сыновей не наслѣдуютъ съ своими братьями отъ того же отца и той же матери: вопервыхъ, сынъ, зачатый въ кустарникѣ и терновникѣ, а посему незаконный; если впоследствии мать сына взята будетъ мужчиной (то-есть любовникомъ, отъ котораго она прижила сына) въ законныя жены посредствомъ дара со стороны рода, и у нихъ родится другой сынъ, сей послѣдній не обязанъ дѣлиться землею съ сыномъ, зачатымъ прежде него въ кустарникѣ и терновникѣ; вовторыхъ, если клерикъ возьметъ себѣ жену посредствомъ дара со стороны рода и приживетъ съ ней сына, а потомъ принесетъ обѣтъ священства и послѣ этого, будучи священникомъ, приживетъ сына съ тою же самою женщиной, сынъ прежде рожденный не обязанъ дѣлиться землей со вторымъ сыномъ, такъ какъ сей послѣдній прижитъ въ противность декрету (то-

же въ этихъ кодексахъ незаконнорожденныя не устраняются безусловно отъ отцовскаго наслѣдства, а также при конкуренціи съ законнорожденными. Иногда даже незаконнорожденныя наслѣдуютъ и при наличности законныхъ дѣтей; а именно, если законныя дѣти по тѣлеснымъ немощамъ не могутъ получить отцовскаго наслѣдства. Въ кодексѣ Диметіи постановляется: „если собственникъ земли имѣетъ одного наслѣдника безъ тѣлесныхъ недостатковъ, а другаго съ тѣлесными недостатками, какъ-то слѣпнаго, глухаго или калѣку, то не имѣющій тѣлесныхъ недостатковъ наслѣдуетъ всю землю, будетъ ли онъ законнорожденный или незаконнорожденный, ибо калѣка не можетъ исполнѣ отправлять службу, должную королю, въ судахъ и войскахъ“ (Dimetian Code, В. II, Chap. XXIII, 9). Полное устраненіе незаконнорожденныхъ отъ наслѣдства произошло уже при англійскомъ владычествѣ.

Изъ предшествовавшаго изложенія явствуется такимъ образомъ, что принадлежность дѣтей отцу не зависѣла отъ рожденія въ бракѣ или внѣ брака. Въ сущности, во всѣхъ приведенныхъ нами выше положеніяхъ ирландскаго и валлійскаго права проглядываетъ воззрѣніе, что дѣти главнымъ образомъ принадлежать матери и ея роду, и что связь между дѣтьми и отцомъ устанавливается по волѣ матери, дѣйствующей съ согласія и подъ руководствомъ своего рода. Разница между установленіемъ патернитета относительно законныхъ и незаконныхъ дѣтей состоитъ только въ томъ, что для признанія дѣтей женщины, состоящей въ законномъ бракѣ, дѣтьми ея мужа, не требуется торжественнаго, подкрѣпленнаго присягой заявленія матери: во всѣхъ другихъ отношеніяхъ дѣйствуютъ одни и тѣ же правила. Не забудемъ также, что и дѣти, рожденныя въ законномъ бракѣ, всегда могли быть отняты отъ отца простымъ заявленіемъ матери, что они не его дѣти, а что породилъ ихъ другой мужчина. По ирландскому праву, даже любовникъ замужней женщины, само собою разумѣется, съ ея согласія, могъ потребовать отъ мужа этой женщины дѣтей, которыхъ считалъ своими. Правда—и это не слѣдуетъ упускать изъ вида,—что въ то же время въ памятникахъ можно указать на явные слѣды борьбы между этимъ воззрѣніемъ на ребенка, какъ на принадлежащаго главнымъ образомъ матери, и новымъ воззрѣніемъ, согласно которому связь съ отцомъ гораздо важнѣе связи съ ма-

есть каноническому праву)». Dimetian Code, В. II, Chap. VIII, 27. Gwentian Code, В. II, Chap. XXXI, 4.

терью. Это объясняется тѣмъ, что время, въ которое сложились разсматриваемыя правовыя нормы, было переходнымъ временемъ. Въ бытъ и въ право кельтическихъ народовъ проникали новые элементы, отчасти образовавшіеся самостоятельно, вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія народной жизни, отчасти же принесенные извнѣ вмѣстѣ съ христіанствомъ.

Древне-кельтическія начала отразились и на опредѣленіи положенія дѣтей, которыя по чему-либо не были приписаны къ отцовскому роду, которымъ по какимъ-либо причинамъ ни мать, ни люди не могли указать отца. Въ патріархальныхъ обществахъ лица, не приписанныя къ извѣстному отцу, не имѣли семьи ¹⁾, а, не имѣя семьи, они не пользовались всѣми правами свободнаго человѣка. Въ кельтическомъ правѣ мы встрѣчаемся съ совѣтъ инымъ порядкомъ вещей. Здѣсь всѣ дѣти, относительно которыхъ патернитетъ не былъ почему-либо или не могъ быть вообще установленъ, причисляются къ роду и состоянію ихъ матери. Что это было такъ, въ этомъ не допускаютъ никакого сомнѣнія постановленія валлійскихъ памятниковъ. А именно, по валлійскому праву, къ роду и состоянію матери сопричисляется: 1) всякій сынъ, отъ котораго законнымъ образомъ отрекся его отецъ (Venedotian Code. В. II, Chap. XXXI, 8, 15); такъ сынъ свободной Кимрянки и такъ называемаго *alltud'a* (то-есть чужестранца, поселившагося въ Валлисѣ, и относимаго валлійскимъ правомъ къ полусвободному состоянію), въ случаѣ отреченія отъ него со стороны отца, получалъ всѣ права свободнаго природнаго Кимра; 2) сынъ, прижитый съ согласія рода незамужней женщиной ²⁾; такому лицу родъ его матери не могъ отказать въ надѣлѣ; только дѣтямъ, прижитымъ незамужнею женщиной безъ согласія ея рода, сей послѣдній могъ не дать участка земли; 3) сынъ дѣвушки, изнасилованной неизвѣстнымъ мужчиной, доколѣ отецъ его оставался неизвѣстенъ; 4) сынъ свободной Кимрянки, выданной ея родомъ замужъ за *alltud'a*; 5) сынъ дѣвушки, изнасилованной *alltud'омъ*, и 6) сынъ женщины, отданной въ видѣ залога по обязательствамъ своего отца въ

¹⁾ Въ патріархальномъ обществѣ лицо, не приписанное къ отцу, не могло имѣть семьи потому, что принадлежность къ семьѣ опредѣлялась только происхожденіемъ отъ мужчинъ семьи.

²⁾ Кельтическіе роды давали иногда женщинамъ разрѣшеніе совѣтствовать съ мужчинами безъ вступленія съ ними въ бракъ. За такое дозволеніе взималась, какъ кажется, родами и ихъ главами извѣстная плата (Anc. L. of Ireland, Vol. IV, p. 63—65).

чужую землю и сдѣлавшейся беременной во время пребыванія въ чужой землѣ (Venedotian C., B. II, Chap. I. 61, Chap. XV. 1. 2. 3. Dimetian C., B. II, Chap. VII. 21. Gwentian C., B. II, Chap. XXIX. 1. Welsh L. Book X, Chap. VII. 8. 20). Этимъ причисленіемъ дѣтей, не приписанныхъ почему-либо къ отцу, къ роду и состоянію матери и объясняется то, что въ Валлисѣ сынъ могъ быть иногда господиномъ своего отца. „Можетъ ли случиться, читаемъ въ кодексахъ Диметіи (Book III, Chap. III, 26), что сынъ будетъ господиномъ отца? Да. А именно, если ухельвиръ (благородный) выдастъ дочь за своего alltud'a, и у нихъ будутъ дѣти мужскаго пола. Если послѣ этого ухельвиръ умретъ, а сыновья alltud'a наследуютъ землю своего дѣда по праву со стороны матери, то таковыя будутъ господами своего отца“. Таковыя положенія древняго права Валлиса. Они измѣнены были только въ послѣдствіи подѣ влияніемъ каноническаго права, согласно которому тотъ только имѣлъ семью и считался полноправнымъ, кто рожденъ былъ въ бракѣ и имѣлъ законнаго отца. Когда воззрѣнія церкви проникли въ право, тогда всѣ дѣти, не приписанныя къ отцу или отверженныя отцомъ, перестали наследовать права состоянія матери, а начали прямо причисляться къ крѣпостному сословію (Welsh L., B. XIII, Chap. II. 66). Обращаясь къ праву древней Ирландіи, мы встречаемся съ господствомъ того же начала, по которому всѣ лица, не приписанныя къ отцу, приписывались къ роду и состоянію матери. Такъ, между подраздѣленіями рода, имѣющими право на надѣлъ, въ ирландскихъ законахъ приводится такъ называемый glasfine, то-есть дѣти женщины, выданной ея родомъ за чужестранца (Ancient L. of Ireland, Vol. VI, p. 285 и 291) На это же указываетъ и слѣдующее мѣсто изъ книги Aicill (Anc. L. of Ireland, Vol. III, p. 385): „сынъ, котораго породилъ объявленный вѣтъ закона до того времени, когда онъ былъ объявленъ вѣтъ закона, разсматривается какъ всякій другой законный сынъ отцовской семьи. Что же касается сына, который порожденъ послѣ объявленія его отца стоящимъ вѣтъ закона, то его обязательства падаютъ исключительно на родъ матери, который равнымъ образомъ получаетъ и право на плату за его голову“.

Что право на дѣтей принадлежало первоначально роду матери, что отцу оно могло быть уступлено только матерью и ея родомъ, это доказываютъ, наконецъ, и слѣдующія въ высшей степени оригинальныя положенія ирландскаго права. А именно, отецъ получалъ непосредственно право на дѣтей только тогда, если мать дѣтей была взята имъ въ жены съ согласія ея родителей: здѣсь уступка правъ

на женщину заключала въ себѣ и уступку правъ на ея приплодъ—дѣтей. Поэтому, въ случаѣ брака уводомъ, такъ какъ права на женщину не были уступлены, то не считались уступленными и права на дѣтей. Здѣсь отецъ особо отъ пріобрѣтенія права на мать долженъ былъ пріобрѣсти право на дѣтей, купивъ это право у родичей матери посредствомъ платежа суммы, равняющейся вѣрѣ дѣтей. Родичи матери, въ случаѣ, если она уведена была противъ ея воли, могли продать или не продать дѣтей по своему усмотрѣнію: если они желали ихъ продать, то отецъ обязанъ былъ ихъ купить. Если же уводъ женщины состоялся по соглашенію съ нею, то выборъ предоставлялся отцу, который могъ пожелать или не пожелать купить дѣтей: если онъ желалъ купить ихъ, то родичи матери должны были продать ихъ. Въ случаѣ уступки дѣтей безъ вознагражденія, отецъ обязанъ былъ вскормить и воспитать ихъ до совершеннолѣтія (Anc. L. of Ireland, vol. III, p. 541) ¹⁾. Впрочемъ, родъ уведеной женщины имѣлъ право только на дѣтей, зачатыхъ не позже мѣсяца послѣ увода: дѣти, зачатая по истеченіи мѣсяца послѣ увода, не принадлежали уже роду своей матери, а роду своего отца.

Равнымъ образомъ и власть родительская носить у Кельтовъ совершенно иной характеръ чѣмъ въ патриархально организованныхъ обществахъ. Древне-кельтическому праву неизвѣстна неограниченная родительская власть: права и обязанности родителей точно опредѣляются закономъ. Точно такъ же власть родительская въ большинствѣ случаевъ считается принадлежащей обоимъ родителямъ, какъ отцу такъ и матери. Дѣйствіе только что указанныхъ началъ въ особенности наглядно проявляется въ положеніяхъ древне-ирландскихъ правовыхъ памятниковъ. Здѣсь прежде всего необходимо обратить вниманіе на то, что *Senchus Mor*, предоставляя родителямъ одинаковыя права и возлагая на нихъ одинаковыя обязанности относительно дѣтей, разсматриваетъ связь между отцомъ и дочерью съ одной, и матерью и сыномъ, съ другой стороны—какъ особенно близкую (Anc. L. of Ireland, vol. II, p. 347). Смыслъ этого положенія, которое извѣдывателю, не усвоившему вполнѣ духа древне-ирландскаго права, можетъ показаться крайне страннымъ, становится вполнѣ яснымъ, если

¹⁾ Впрочемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ брегонцевъ, выборъ всегда предоставлялся родичамъ уведеной женщины, и отецъ, въ случаѣ, если родичи желали продать дѣтей, всегда долженъ былъ купить ихъ, при чемъ не обращалось вниманія на то, уведъ ли онъ ихъ мать силою или съ ея согласія.

принять въ соображеніе, что въ древней Ирландіи разводы были очень часты, а при разводахъ желательно было устроить дѣло такъ, чтобы въ каждой части раздѣлившейся семьи оставались мужчина-защитникъ и женщина-хозяйка. На близость связи между сыномъ и матерью указываетъ также и находящееся въ комментаріи къ *Senchus Mór* толкованіе слова „mathair, то-есть мать“. „Mathair, толкуютъ брегоны, значить: болѣе (mo) она помогаетъ (thoir) или скорѣе она помогаетъ чѣмъ отецъ (Anc. L. of Ireland, vol. II, p. 347)“. Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ комментаріи брегоньевъ на *Senchus Mór* связь сына съ матерью разсматривается какъ менѣе близкая чѣмъ связь сына съ отцомъ. „Если сынъ, говоритъ комментарий брегоньевъ, достаточно богатъ, онъ долженъ вполне содержать обоихъ, то-есть отца и мать; если сынъ не имѣетъ достаточно средствъ, чтобы содержать ихъ обоихъ, но достаточно, чтобы помогать имъ обоимъ, да помогаетъ онъ имъ; если же у него недостаточно состоянія, чтобы помогать имъ обоимъ, да оставить онъ мать свою во рву (въ ямѣ, въ мѣстѣ погребенія) и да отнесетъ отца съ собою на спичъ въ домъ свой“¹⁾. Однако, такъ какъ это замѣчаніе высказано не въ видѣ толкованія на опредѣленное мѣсто текста памятника, а только по поводу толкованія обязанностей сына относительно отца, то оно безошибочно можетъ разсматриваться какъ выраженіе позднѣйшихъ юридическихъ воззрѣній. Во всякомъ случаѣ, если даже предположить, что древне-ирландское право и на дало преимущества матери передъ отцомъ, а напротивъ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ объявляло связь между отцомъ и сыномъ болѣе близкою чѣмъ между матерью и сыномъ, то все-таки общимъ правиломъ необходимо будетъ признать предоставленіе одинаковой власти обоимъ родителямъ, отцу и матери. Это, напримѣръ, видно изъ того, что при такъ называемомъ сожителствѣ равнаго имущества право распоряженія участію дѣтей въ равной степени принадлежитъ обоимъ родителямъ. *Senchus Mór* объявляетъ обязательнымъ всякій договоръ, заключенный однимъ изъ супруговъ безъ согласія другаго, если этотъ договоръ относится къ перемѣщенію дѣтей у добраго и благонадежнаго воспитателя (Anc. L. of Ireland, vol. II, p. 347). Равнымъ образомъ власть отца опредѣляется такъ же какъ и власть матери. Отецъ имѣетъ право суда, доказательства и свидѣтельства относительно дочери. То же право и въ тѣхъ же выраженіяхъ приписывается брегонами ма-

¹⁾ Ancient Laws of Ireland, vol. II, p. 347.

тери относительно сына (Anc. L. of Ireland, vol. II, p. 347). Это право суда, доказательства и свидѣтельства ¹⁾ никогда не переходило въ *jus vitae ac necis*, которое положительно неизвѣстно ирландскимъ памятникамъ. Отецъ и мать не только не имѣютъ права убить ребенка, но даже плодъ не можетъ быть вытравленъ матерью какъ противъ воли отца, такъ и съ его согласія (Anc. L. of Ireland, p. 205 ff., appendix, p. 551). Здѣсь мы встрѣчаемся съ положеніями прямо противорѣчащими началамъ древне-римскаго права, гдѣ изгнаніе плода разсматривалось почти исключительно какъ нарушение правъ мужа на зачатого во чревѣ его жены ребенка (ср. Hrehogowicz, *Das Verbrechen der Abtreibung der Leibesfrucht*. Dorpat, 1876, p. 48 — 60, въ особенности p. 59). Такое различіе во взглядахъ древне-ирландскаго и древне-римскаго права объясняется тѣмъ, что въ древней Ирландіи отеческая власть покоилась на совершенно иныхъ основаніяхъ, чѣмъ въ древнемъ Римѣ. Характеръ отеческой власти у Ирландцевъ весьма наглядно явствуетъ далѣе изъ положеній великой книги древняго закона о передачѣ главенства въ домѣ престарѣлымъ отцомъ сыну (Ancient L. of Ireland, vol. III, p. 53, and 57). Престарѣлый отецъ могъ отдать свою землю сыну, при чемъ сынъ принималъ на себя обязанность кормить отца по смерти. Въ силу такой передачи между отцомъ и сыномъ устанавливались слѣдующія отношенія, несомнѣнно свидѣтельствующія о томъ, что въ домѣ главенствовалъ тотъ, кто былъ въ дѣйствительности кормильцемъ и защитникомъ домохладцевъ: если сынъ исполнялъ принятую на себя обязанность, онъ могъ оспаривать всѣ такъ называемыя дурныя ²⁾ обязательства своего отца (*bad contracts of*

¹⁾ Въ чемъ состояло право свидѣтельства отца, о которомъ упоминается въ древне-ирландскихъ памятникахъ, объ этомъ мы узнаемъ изъ положеній валлійскаго права. Въ кодексѣ Диметіи (*Book II, Chap. V, princ.*) читаемъ: «Три лица, свидѣтельству которыхъ, подкрѣпленному присягой, необходимо вѣрить..... Третье изъ этихъ лицъ — отецъ между своими двумя сыновьями (то-есть въ случаѣ возникновенія спора между его двумя сыновьями). Если онъ положитъ правую руку на голову сына, противъ котораго свидѣтельствуешь, и поклонится такъ «Богомъ, который содѣлалъ меня отцемъ, а тебя мнѣ сыномъ, истинно то, что я показываю относительно тебя и твоего брата, да имутъ ему вѣру». Замѣчательно, что для того, чтобы подобное свидѣтельство имѣло полную силу, необходимо было, чтобы оба сына были отъ одной матери.

²⁾ О различіи между такъ называемыми дурными и добрыми обязательствами (*bad and good contracts*) въ древне-ирландскомъ правѣ см. *Maine, Early history of institutions* p. 57, а такъ же *Ancient L. of Ireland, vol. III, p. 5 and 6.*

the father англійскаго перевода), то-есть всѣ обязательства, заключенныя его отцомъ безъ его согласія, и клонящіяся ко вреду хозяйства. Только въ томъ случаѣ, если сынъ не исполнялъ своихъ обязанностей, отецъ могъ отнять у него землю и отдать ее другому. Вообще власть надъ взрослыми сыновьями зависѣла отъ того обстоятельства, жили ли они при отцѣ, на его содержаніи, или нѣтъ. Разъ сынъ былъ видѣльсь, онъ переставалъ находиться подъ властью отца. Въ свою очередь отецъ, какъ мы только что видѣли, въ случаѣ, если онъ переставалъ работать и поступалъ на содержаніе сына, становился отъ него въ извѣстной степени зависимымъ. Наконецъ, въ памятникахъ мы встрѣчаемся съ общимъ положеніемъ, что не всякій сынъ обязанъ повиновеніемъ и уваженіемъ отцу, а только тотъ, относительно котораго отецъ въ свою очередь исполнялъ свои обязанности. Такъ, Senchus Mór прямо освобождаетъ сына отъ обязанности уваженія и повиновенія въ случаѣ, если отецъ проявилъ свою нелюбовь къ нему, не давъ, напримѣръ, ему участка при раздѣлѣ земли между сыновьями. Отъ этой обязанности освобождался также сынъ, который остался безъ земли по винѣ отца (въ силу того, что семейная земля отнята была за долги отца, сдѣланные не для нужды семейной, а для удовлетворенія личныхъ потребностей отца), или участокъ котораго отецъ обременилъ извѣстной повинностью въ пользу племеннаго старшины или въ пользу церкви (Anc. L. of Ireland, vol. III, p. 61). Переходя затѣмъ къ положеніямъ древне-валлійскаго права, мы и здѣсь не находимъ неограниченной власти отца. Въ древнихъ памятникахъ валлійскаго права упоминается только объ исправительныхъ наказаніяхъ, которымъ отецъ могъ подвергать сына. „Три пощечины да не будутъ отомщены, говорится въ одномъ постановленіи, а именно, вопервыхъ, пощечина, данная сыну отцомъ при наказаніи его за вицу и въ поученіе ему.. (Welsh Laws, Book XIII, Chap. II, 201)“. Впрочемъ, даже это право исправленія, соответствующее германской „admonestatio honesta“, принадлежало отцу только до достиженія сыномъ 14-лѣтняго возраста, съ каковаго времени, въ случаѣ нанесенія отцомъ побоевъ сыну, сей послѣдній имѣлъ право жаловаться на него и требовать

Термины дурное и доброе обязательство употребляются здѣсь какъ въ смыслѣ вреднаго и полезнаго, такъ и въ смыслѣ дѣйствительнаго и недѣйствительнаго обязательства.

уплаты какъ *dirwy*, такъ и *saraad'a*, то-есть платы за оскорбленіе (*Venedotian Code*, Book II, Chap. XXVII, 8).

Всѣ только что приведенныя положенія валлійскихъ и ирландскихъ правовыхъ памятниковъ свидѣтельствуютъ о принципиальномъ различіи кельтической семейной власти отъ власти римской. У Кельтовъ власть устанавливалась для блага подчиненныхъ главѣ дома лицъ, а этимъ главою было то лицо, которое въ дѣйствительности защищало домъ и кормило семью своею работою. Въ Римѣ, наоборотъ, домъ и семья должны были всецѣло служить интересамъ главы, власть котораго прекращалась обыкновенно только его смертію. Замѣтимъ при этомъ, что даже слѣдовъ патриархальной власти мы не встрѣчаемъ въ Ирландіи, а напротивъ, имѣемъ въ памятникахъ прямыя указанія на то, что самое понятіе патернитета было понятіемъ не вполне сложившимся. На это подробно указано нами выше. Такимъ образомъ, предположеніе тѣхъ изслѣдователей, которые полагають, что у кельтовъ мы имѣемъ дѣло съ разложившейся отцовской властью, лишено всякаго фактическаго основанія.

Перейдемъ теперь къ организаціи союза родственнаго по древне-кельтическому праву. И здѣсь мы не встрѣчаемся съ исключительнымъ господствомъ агнатическаго родства, этимъ наиболѣе характернымъ признакомъ патриархально организованныхъ обществъ. Напротивъ, въ памятникахъ мы имѣемъ прямыя указанія на то, что нѣкогда преобладало у кельтическихъ племенъ такъ-называемое утробное родство. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, главнымъ образомъ, тотъ счетъ родства, который находится въ кодексѣ Венедотіи, и съ которымъ мы будемъ имѣть случай познакомиться подробнѣе въ послѣдующемъ изложеніи.

Разсматривая организацію древне-кельтическаго родства, мы приходимъ къ убѣжденію, что даже тѣ дѣти, относительно которыхъ патернитетъ былъ вполне установленъ, и которыя, поэтому, назывались по отцу¹⁾, не были для рода своей матери чужими; вслѣдствіе установленія связи съ отцомъ, не порывалась связь съ матерью и ея родомъ. Изъ постановленій какъ ирландскаго, такъ и валлійскаго права, явствуетъ, что родичи по женской линіи связаны были другъ съ другомъ союзомъ родственной защиты и имѣли относительно другъ друга всѣ вытекающія изъ этого союза права и обязанности.

¹⁾ Ирландскія генеалогіи ведутся обыкновенно слѣдующимъ образомъ: тако-то, сынъ тако-то, сына тако-то и т. д.

Въ *Senchus Mor* говорится, что въ каждомъ истцѣ и каждомъ отвѣтчикѣ заинтересованы: родъ его отца, племенной старшина, церковь и родъ его матери (*Anc. L. of Ireland, vol. I, p. 261*). Далѣе, изъ того же памятника мы узнаемъ, что содержаніе малолѣтнихъ, большихъ, увѣчныхъ и умалишенныхъ было въ равной степени какъ обязанностью рода отца, такъ и обязанностью рода матери, и что для обезпеченія иска противъ извѣстнаго лица допускался захватъ имущества его родичей какъ со стороны отца, такъ и со стороны матери (*Anc. L. of Ireland, vol. I, p. 195*). Точно также и книга *Aicill* упоминаетъ о правѣ насильственнаго захвата имущества по поводу обязательствъ извѣстнаго лица у родичей его какъ по мужской, такъ и по женской линіи (*Anc. L. of Ireland, vol. III, p. 489*). Подробныя постановленія относительно занимающаго насъ вопроса содержатъ валлійскіе памятники. Въ нихъ мы встрѣчаемъ уже преобладаніе родства по мужской надъ родствомъ по женской линіи, но сіе послѣднее далеко не вытѣснено совершенно первымъ; напротивъ того, оно проявляется еще съ достаточною силою и имъ въ значительной степени опредѣляется значеніе лица въ обществѣ. Преобладаніе родства по мужской линіи надъ родствомъ по женской относится, главнымъ образомъ, къ наслѣдованію въ недвижимомъ имуществѣ, въ землѣ. Къ наслѣдованію въ землѣ, даже при полномъ отсутствіи мужскаго колѣна, женское колѣно не призывалось безусловно. Кодексъ Гвента (*Book II, chap. XXX, 24*) постановляетъ, что если кто будетъ требовать земли въ силу родства, то если онъ, доказывая родство, прибѣгнетъ три раза къ веретену (такъ называлось родство по женской линіи), требованіе его признается неосновательнымъ. Земельный надѣлъ отъ рода матери получали вообще только: 1) дѣти, которыя не были или не могли быть приписаны къ какому-нибудь мужчинѣ, какъ къ отцу, а сопричислялись къ роду матери (см. выше), 2) дѣти свободной кимрянки, выданной ея родомъ замужъ за *alud'a* или вообще за такое лицо, которое не могло оставить своему потомству въ наслѣдство землю (*Venedotian Code, B. II, chap. IV, 1*); 3) дѣти, утратившія доставшійся имъ отъ отца земельный надѣлъ, какъ землю крови¹⁾, за то, что они отомстили за одного изъ родичей своей матери (*Gwentian Code, B. II, chap. XXXIX, 1. Welsh Laws., B. XIV, chap. XLVI, 8*). Но за то въ другихъ отношеніяхъ преобладаніе род-

¹⁾ Землею крови называлась земля, уступленная убійцей, не могущимъ иначе заплатить головщину (*Dim. C., Book III, chap. III, 29*).

ства по мужской надъ родствомъ по женской линіи выступаетъ далеко не такъ рельефно. А именно, родичи по матери имѣютъ купно съ родичами по отцу право на полученіе головщины за убитаго и обязанность помогать при уплатѣ головщины. Правда, они получаютъ и платятъ только одну треть той доли головщины, которая слѣдуетъ родичамъ убитаго и падаетъ на родичей убійцы вообще, но тѣмъ не менѣе участіе ихъ въ высшей степени характеристично, ибо оно свидѣтельствуетъ о томъ, что между родственниками по женской линіи существовала исконная связь, столь же древняя, какъ и самая кровавая месть, и замѣнявшая сію послѣднюю въ случаѣ соглашенія платы за голову. Положенія валлійскихъ кодексовъ объ участіи родичей по женской линіи въ полученіи и платежѣ головщины столь характеристичны, что мы считаемъ необходимымъ привести ихъ здѣсь въ подробностяхъ. Самое замѣчательное изъ этихъ постановленій — § 12 глава I книга III кодекса Венедотіи, согласно которому, головщина распредѣляется слѣдующимъ образомъ. Прежде всего вся головщина дѣлится на три части: одну часть платитъ убійца со своими родителями и совершеннолѣтними дѣтьми ¹⁾, а двѣ трети падаютъ на остальныхъ родичей. Треть, падающая на убійцу, его родителей и дѣтей, распадается также на три части: двѣ части платитъ убійца съ дѣтьми, а одну часть уплачиваютъ родители, причемъ отецъ платитъ вдвое болѣе матери. Двѣ трети головщины, падающія на болѣе отдаленныхъ родичей, рассматриваются, въ свою очередь, какъ вѣчто цѣлое, и дѣлятся равнымъ образомъ на три части, изъ которыхъ одна часть уплачивается родомъ матери, а двѣ части родомъ отца. Распредѣливъ такимъ образомъ въ общихъ чертахъ головщину, кодексъ Венедотіи продолжаетъ: „такимъ образомъ головщина восходитъ отъ одного поколѣнія родичей по матери къ другому вплоть до седьмаго. А именно, дѣти одной матери суть братья, а потомки одной бабки ²⁾ двоюродные братья первой степени, а потомки одной прабабки двоюродные братья второй степени (то-есть, троюродные братья), а потомки одной праматери въ четвертой степени двоюродные братья

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ спискахъ, какъ, напримѣръ, въ рукописи, обозначенной редакторами правительственнаго изданія валлійскихъ памятниковъ литерой В, приводятся между участниками въ трети, платимой убійцей, и его братья и сестры.

²⁾ То-есть, лица, имѣющія одну общую бабу.

третьей степени, а потомки одной прама тери въ пятой степени двоюродные братья четвертой степени, а потомки одной прама тери въ шестой степени двоюродные братья пятой степени, а потомки одной прама тери въ седьмой степени двоюродные братья шестой степени, а головщина не идетъ далѣ этого поколѣнія ¹⁾. Если удостовѣрены будутъ только два или три поколѣнія, то да падетъ на нихъ головщина, а то, что не падетъ на нихъ, да распределится между семьями, отъ которыхъ происходитъ отецъ, полагая двѣ доли на родъ". Самый текстъ этой статьи указываетъ на то, что хотя родичи по отцу и платили большую часть головщины, но на часть, платимую родичами матери, обращалось особое вниманіе: родичи по матери точно исчисляются, а о родныхъ по отцу упоминается въ общихъ выраженіяхъ. Кромѣ того, счетъ родства вполнѣ архаическій по поколѣніямъ, а не по рожденіямъ, однимъ словомъ, такой, который ведетъ свое начало отъ тѣхъ временъ, когда дѣти составляли принадлежность не ихъ родителей, а цѣлой группы, и когда принадлежность опредѣлялась происхожденіемъ отъ женщинъ группы. Этотъ счетъ родства, если даже не придавать особаго значенія тому обстоятельству, что въ кодексѣ Венедотіи онъ именно примѣненъ къ родству по женской, а не къ родству по мужской линіи, не могъ возникнуть при исключительномъ господствѣ агнатическаго начала, ибо подобное исключительное господство агнатическаго начала предполагаетъ сильно развитую индивидуализацію семейныхъ и родственныхъ отношеній ²⁾.

¹⁾ Только что приведенное исчисленіе родства я старался передать по русски, придерживаясь, какъ можно ближе, англійскаго правительственнаго перевода, гдѣ относящееся сюда мѣсто изложено слѣдующимъ образомъ: «and so the galanas proceeds from maternity to maternity unto the seventh descent, or the seventh maternity: for the children of the first mother are brothers; and the children of the grandmother are first cousins; and the children of the greatgrandmother are second cousins; and the children of the mother in the fourth degree are third cousins; and the children of the mother in the fifth degree are fourth cousins; and the children of the mother in the sixth degree are fifth cousins; and the children of the mother in the seventh degree are sixth cousins; and galanas goes no further than that». Въ древней Россіи, какъ видно изъ Коричей, существовали термины родства, напоминающіе только что приведенные. Такъ, двоюродный братъ обозначался терминомъ стрыйный братъ и различались *первые*, *вторые* и т. д. стрыйные братья.

²⁾ Собственно говоря, памятники различаютъ два цикла родства: 1) родство

Получалась головщина родичами убитого въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ она уплачивалась родичами убійцы. Замѣчательно, что часть, заплаченную отцовскимъ родомъ убійцы, получалъ отцовскій родъ убитого, а часть, заплаченную материнскимъ родомъ убійцы, материнскій родъ убитого. При этомъ каждый изъ родовъ убійцы заключалъ отдѣльно съ соответствующимъ родомъ убитого миръ, подкрѣплявшійся присягою ста лучшихъ мужей рода убитого, удостоившихъ, что убійца прощенъ (Venedotian C., В. III, chap. I, 16).

Кодексы Диметіи и Гвента содержатъ относительно занимающаго насъ вопроса почти тождественныя съ находящимися въ кодексѣ Венедотіи постановленія. Только въ этихъ кодексахъ, содержащихъ право болѣе новой формаціи, родство исчисляется подробно какъ со стороны матери, такъ и со стороны отца, причемъ отцовское родство, очевидно, выступаетъ на первый планъ (Dimetian Code, В. II, chap. I, 14—30. Gwentian Code В. II, chap. I, 14).

Изъ только что приведенныхъ данныхъ несомнѣнно явствуетъ, что даже въ случаѣ полного причисленія къ отцовскому роду связь съ материнскимъ родомъ не прерывалась, напротивъ того, продолжалась, выражаясь въ платежѣ и полученіи головщины родичами со стороны матери. Иногда даже дѣти, причисленные къ роду отца, прямо считались принадлежащими въ равной степени и роду матери. „А сынъ женщины, говорится въ кодексѣ Гвента (В. II, chap. XXXIX, 55),—выданной ея родичами за врага рода, да будетъ общимъ между обоими родичами“.

Такова древне-кельтическая семейная и родовая организація, отличающаяся принципиально отъ такъ-называемой патріархальной организаціи, которую не мало ученыхъ признавали первичною формою семьи у всѣхъ арійскихъ народовъ.

Переходимъ теперь къ семейной организаціи у древнихъ Германцевъ.

близкое, и 2) родство отдаленное. Въ первомъ циклѣ родственныя отношенія въ значительной степени индивидуализированы, во второмъ они носятъ болѣе древній, групповый, поколѣнный характеръ.

В. Соколюкѣй.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВАНСКІЯ НАДПИСИ И ЗНАЧЕНІЕ ИХЪ ДЛЯ ИСТОРИИ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ ¹⁾.

Исторія Арменіи по ассирійскимъ памятникамъ.

IV.

Читая историческія надписи Ассирійскихъ царей, мы встрѣчаемъ въ нихъ извѣстія о неоднократныхъ походахъ ихъ на сѣверъ, въ тѣ области, которыя въ историческія эпохи были извѣстны подъ общимъ именемъ Арменіи. Цѣль настоящей главы — собрать въ одно всѣ извѣстія, касающіяся Арменіи и ея отношеній къ могущественному сосѣднему государству.

Всѣ эти надписи составляютъ, въ нѣкоторомъ родѣ, побѣдные бюллетени Ассирійскихъ царей, возвѣщающихъ современному и будущимъ поколѣніямъ о своихъ побѣдахъ въ сухомъ, канцелярскомъ тонѣ: пошелъ, побѣдилъ, разбилъ, взялъ добычу и т. д. Главною причиною войнъ выставляется обыкновенно то, что сосѣдъ забылъ страхъ Ассура, пересталъ платить дань или возмутился и т. п. Изъ такихъ

¹⁾ *Продолженіе.* См. *Ж. М. Н. П.* 1874 г. январь и июль, и 1875 г. январь. Эта глава давно уже готова была въ печати. Достоверныя газетныя извѣстія о новыхъ богатыхъ находкахъ надписей ассирійскаго и ванскаго письма, отправленныхъ въ Лондонъ, побудили меня на время пріостановить изданіе этой главы въ той надеждѣ, что если не всѣ новыя надписи, то по крайней мѣрѣ часть ихъ будетъ обнародована британскимъ музеемъ. Ожиданія мои не исполнились, и я, издавая эту главу почти въ томъ видѣ, въ какомъ приготовилъ ее года четыре назадъ, вѣнчаю первую часть своихъ изслѣдованій по ванскимъ надписямъ.

извѣстій, конечно, трудно составить мало-мальски связную исторію какой-либо страны. Тѣмъ не менѣе, свѣдѣнія, сообщаемыя ассирійскими надписями, для насъ драгоцѣнны въ томъ отношеніи, что населяютъ и оживляютъ въ исторіи Передней Азіи ту эпоху, о которой до сихъ поръ мы не имѣли никакихъ положительныхъ свѣдѣній и должны были довольствоваться одними баснями. Главное достоинство ассирійскихъ извѣстій заключается не столько въ ихъ правдивости, сколько въ современности и близости ихъ къ описываемой эпохѣ. Извѣстно, Ассирійцы не всегда говорили то, какъ было дѣло, побѣды ихъ не всегда были побѣдами, но выдумывать войны, имена лицъ и мѣстностей они не могли. Кромѣ того, по количеству и качеству взятой ими добычи, о чемъ они каждый разъ подробно возвѣщаютъ, они даютъ возможность судить о степени культурнаго состоянія тѣхъ странъ, откуда происходила добыча.

При этомъ невольно рождается вопросъ: доведено ли чтеніе ассирійскихъ надписей до такой степени точности, чтобъ историкъ могъ довѣриться этому чтенію и вѣрить фактамъ, добытымъ этимъ путемъ. Ассириология—наука новая. Она возникла всего лѣтъ 30 тому назадъ. Дешифровка ассирійскаго письма трудами талантливыхъ кунсологовъ двинулась быстро впередъ, а чтеніе пошло даже быстрее, чѣмъ слѣдовало бы желать для пользы науки. вмѣсто того, чтобъ довольствоваться сначала глубокимъ изученіемъ содержанія надписей безъ отношенія ихъ къ фактамъ, извѣстнымъ намъ изъ другихъ источниковъ, тѣ же кунсологи поторопились выступить съ скороспѣлыми историческими и географическими отождествленіями. Относительная легкость отождествленій, допускаемая свойствомъ ассирійскаго письма, породила легкое и дилетантское къ дѣлу отношеніе, которое скорѣе вредитъ чѣмъ приноситъ пользу наукѣ. Начала возникать пѣлая популярная литература, поставившая себѣ задачей отыскивать въ остаткахъ ассирійскихъ памятниковъ объясненіе всего, что оставалось темно въ исторіи. Такимъ образомъ найдена была въ нихъ близкая связь и съ библейскими сказаніями, и съ походомъ Киммеріянъ, и съ царями Лидійскими, и съ Готвами въ Месопотаміи и пр.

Если чтеніе ассирійскихъ надписей относительно общаго смысла ихъ содержанія несомнѣнно вѣрно, то нельзя сказать того же о чтеніи собственныхъ именъ. Эта часть—самый слабый пунктъ въ ассириологии, но на немъ собственно и основаны всѣ блестящія отождествленія и выводы. Письмо ассирійское, какъ мы уже говорили въ первой главѣ, силлабическое и гіероглифическое вмѣстѣ. наки, его составляющіе,

имѣютъ значеніе простыхъ слоговъ, сложныхъ слоговъ и гіероглифовъ. Мало того, одинъ и тотъ же знакъ имѣетъ значеніе трехъ или четырехъ простыхъ и сложныхъ слоговъ. Напримѣръ, 152-й знакъ въ Силлабарѣ Менана имѣетъ значеніе слоговъ: kur, mat, nal, nat, sat, и кромѣ того, идеографически означаетъ еще: рука, взять, идти, страна, придти. Другой знакъ (247-й) имѣетъ значеніе слоговъ: dan, zan, tan, kal, lar, gir, sin и др.

Какому производу при чтеніи собственныхъ именъ эти знаки могутъ дать мѣсто—понятно каждому. Положимъ, ассирійскій авторъ имѣлъ въ виду обозначить двумя знаками *x* и *y* имя города Нарви, состоящее изъ двухъ слоговъ: Нар и ва. На всѣхъ другихъ языкахъ изслѣдователь прочиталъ бы или точно это имя, или нѣчто близкое, если только самые знаки не подверглись искаженію. Въ ассирійскомъ письмѣ не то. Первый знакъ *x*, кромѣ значенія nar, имѣетъ еще значеніе: lur, lul, 'lir, rah, rag, а второй *y* значитъ еще ma. Такимъ образомъ, дешифровщику предстоитъ 18 случаевъ прочесть это имя повѣрно, прежде чѣмъ напасть на вѣрное чтеніе, для котораго необходимо имѣть основаніе, лежащее внѣ самаго чтенія, то-есть, знать, что въ данномъ случаѣ говорится о городѣ, извѣстномъ намъ изъ другихъ источниковъ. Но эта запутанность увеличивается еще болѣе, если знаки, кромѣ силлабическихъ, имѣютъ еще нѣсколько идеографическихъ значеній. Въ такихъ случаяхъ напасть на вѣрное чтеніе, и то не всегда, можно лишь при всестороннемъ изученіи памятника и при твердой увѣренности, что содержаніе его непременно относится къ той или другой исторической личности или къ извѣстной мѣстности.

Какъ же можно, спросить читатель,—довѣряться, послѣ этого, переводамъ надписей и основывать на нихъ свои выводы? На это можно отвѣчать въ двухъ словахъ. Чтеніе ассирійскихъ памятниковъ основано, главнымъ образомъ, на переводныхъ надписяхъ, сопровождающихъ ахеменидскіе тексты. Они дали первый и твердый ключъ къ чтенію ассирійскихъ письменъ, и въ данныхъ, добытыхъ этимъ путемъ, нѣтъ повода сомнѣваться. Сравнительная филологія семитическихъ языковъ и нѣкоторыя пособія, сохранившіяся отъ самихъ Ассирійцевъ, дали возможность въ достаточной степени точности изучить лексиконъ и грамматику ассирійскаго языка. Слабая сторона ассиріологии состоитъ не въ маломъ пониманіи текста, который въ общемъ прочитанъ вѣрно, а какъ мы уже говорили, въ чтеніи собственныхъ именъ. Вотъ на эти-то имена слѣдуетъ смотрѣть не какъ

на дѣйствительныя имена, когда-то существовавшія, а какъ на алгебраическія знаки х, у, з, искомое значеніе которыхъ только со временемъ будетъ найдено. Поэтому и въ нашемъ изслѣдованіи мы не настаиваемъ на томъ, что то или другое лицо непременно называлось такъ, какъ мы его называемъ. Напримѣръ, имя одного Вавскаго царя читалось сначала Апридурисъ, затѣмъ Белитдурисъ, позже Вагридурисъ, а теперь, по всей вѣроятности, будетъ читаться Седури или Сардури, такъ какъ это имя встрѣчается и въ ассирійскихъ надписяхъ.

Мы имѣемъ передъ собою завоевательную монархію, занятіемъ которой была война и война ежегодная. Желательно знать, въ какихъ отношеніяхъ она находилась къ интересующему насъ народу въ такую эпоху, о которой рѣшительно ничего неизвѣстно изъ другихъ источниковъ. Ассирійскіе источники важны для насъ, какъ современные документы, не подвергавшіеся даже перепискѣ послѣдующими поколѣніями, и большею частью официальные. Вѣрно ли передаютъ они всѣ факты—вопросъ другой. Нѣтъ сомнѣнія, Ассирійцы, какъ и другіе народы, въ грамотахъ, предназначаемыхъ для обнародованія, умалчивали о своихъ неудачахъ, умалчали свои пораженія, увеличивали и раскрашивали свои удачи и побѣды, однимъ словомъ—не всегда стѣснялись истиной. Но всѣ эти неточности не лишаютъ ихъ документа исторической важности. Неосновательное хвастовство ихъ опровергается или другими источниками, или общимъ смысломъ ихъ же сообщеній, а главные факты все же остаются фактами. Мы узнаемъ, что въ такомъ-то году, такого-то мѣсяца и даже числа (въ этомъ отношеніи точность Ассирійцевъ изумительна) объявлена война Вавилону, и война дѣйствительно была. А что, если надписи вмѣсто неудачъ и пораженій, говорятъ лишь объ однихъ подвигахъ Ассирійцевъ и о пораженіяхъ противниковъ, скрывая удачи первыхъ, то въ концѣ концовъ по послѣдствіямъ войнъ, а иногда по одному молчанію надписей, можно догадываться о вѣроятномъ исходѣ ихъ. Если даже результатъ войнъ не передается соотвѣтственно истинѣ, то для насъ все-таки остаются добытыми факты, имѣющіе важное историческое значеніе: война, страна, народъ, годъ и другія обстоятельства.

При опредѣленіи мѣстностей, встрѣчающихся въ ассирійскихъ памятникахъ, изслѣдователю предстоитъ не малая работа. Кунеологи передаютъ намъ весьма часто названія мѣстностей, которыя не имѣютъ даже и отдаленнаго сходства съ тѣмъ, что намъ извѣстно. Здѣсь, по нашему мнѣнію, необходимо распределить трудъ между дешифровщи-

комъ надписи и историкомъ. Пусть кунеологъ ограничится передачей точнаго смысла подлинника и вѣрною транскрипціей собственныхъ именъ. Дѣло историка опредѣлить, какую мѣстность понимали Ассирійцы подъ тѣмъ или другимъ названіемъ. Такъ какъ главное содержаніе историческихъ надписей Ассирійцевъ заключается въ маршрутѣ походовъ, то изслѣдователю необходимо съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить по картѣ за направленіями каждаго похода, сопоставлять между собою тѣ мѣста, которыя въ разныхъ походахъ трактуютъ объ одной и той же мѣстности, помнить или записывать географическія имена въ прямомъ и обратномъ порядкѣ, смотря по движенію войска впередъ или назадъ, пользоваться твердо извѣстными пунктами и другими положительными фактами. Твердо извѣстными пунктами мы называемъ названія морей, озеръ, большихъ рѣкъ, нѣкоторыхъ странъ и городовъ, положеніе которыхъ не подвержено сомнѣнію. При этомъ особенное вниманіе должно быть обращено на переходы черезъ рѣки Тигръ и Евфратъ. Только такимъ путемъ возможно установленіе твердыхъ пунктовъ, и отождествленія, сами собою вытекающія при такихъ обстоятельствахъ, можно считать пріобрѣтеніемъ для науки. Болѣе подробныя соображенія по этому поводу читатель можетъ найти въ нашей статьѣ: О мнимомъ походѣ Такладъ-Наласара къ берегамъ Инда. Съ картой Мидіи, Месопотаміи, Ю. Арменіи и Сиріи, по ассирійскимъ источникамъ. См. Труды третьяго международнаго съѣзда оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ, т. I. 1881, стр. 33—70.

Изъ предыдущихъ главъ мы знаемъ, что только при Аршакидской династіи (150 до Р. X. по 420 по Р. X.) Арменія объединилась въ государство, въ составъ котораго вошли всѣ земли, населенныя Армянами. Въ эту, и только въ эту эпоху политическія границы Арменіи совпадали вполне съ этнографическими границами ея населенія. На окраинахъ государства Армяне, безъ сомнѣнія, жили въ перемежку съ другими группами національностей. Въ это время Арменія граничила къ сѣверу почти всѣмъ теченіемъ Куръ; къ востоку отдѣляли ее отъ Азербейджана рѣка Кизиль-чай и западные берега Урміи до города Газы (Гавдзакъ); южные предѣлы Арменіи доходили въ то время до 37° сѣверной широты, включая въ себѣ города Амиду, Едессу, Низибисъ, Мардинъ и др. къ западу въ Малой Азіи принадлежала Арменіи часть Каппадокіи съ городами Кесаріей, Севастіей и Милитене, а также Малая Арменія до Лазистанскихъ горъ. Таковы были предѣлы Арменіи въ обширномъ смыслѣ. Хотя государство Ар-

мянское въ рѣдкіе только моменты своей исторіи такъ далеко распространяло свою власть, но и послѣ паденія Арменіи у Армянъ сохранилось убѣжденіе, что такія окраины, какъ южный берегъ Куры, часть Каппадокіи и сѣверная Месопотамія, принадлежали къ составу армянскихъ земель. Если мы бросимъ взглядъ на карту, то увидимъ, что даже и въ настоящее время главная масса армянскаго населенія живетъ въ тѣхъ же областяхъ, которые за 19 вѣковъ передъ симъ входили въ составъ армянскаго государства.

Такимъ образомъ, Армяне въ теченіе всего историческаго времени, то-есть, начиная съ VI столѣтія до Р. Х., жили и живутъ на одной и той же территоріи. Есть ли основаніе предполагать, что раньше этого времени не было Армянъ въ Арменіи? На этотъ вопросъ мы постараемся отвѣтить при дальнѣйшемъ изложеніи нашей задачи.

Ассирійцы во время своихъ походовъ на сѣверъ, къ истокамъ Тигра, встрѣчаютъ, начиная съ XI вѣка до Р. Х., сотни мелкихъ княжествъ и народцевъ, которые оказывали имъ энергическое сопротивленіе, но въ концѣ концовъ одерживаютъ надъ ними верхъ. Когда же они въ IX столѣтіи переходятъ за рѣку Арзаниасъ (Мурадъ-чай), то сталкиваются съ довольно сильнымъ народомъ, который они называютъ Урарту. Цари этихъ Урарту или Урартійцевъ даютъ имъ сильный отпоръ. При этомъ оказывается, что они дѣйствуютъ не одни, а въ союзѣ со многими другими народами или племенами, которые и послѣ тяжелыхъ пораженій, нанесенныхъ имъ Ассирійцами, остаются вѣрны Урартійцамъ, и въ теченіе всей ассирійской эпохи находятся въ сферѣ вліянія урартійской политики.

Сдѣлаемъ краткій очеркъ тѣхъ княжествъ и царствъ, которые встрѣтили Ассирійцы во время своихъ походовъ въ Арменію. Первая изъ армянскихъ областей, которая лежала къ сѣверу отъ Ассиріи, была обширная территорія Наири.

Наири, въ обширномъ смыслѣ, занимала гористую площадь, образуемую верхнимъ теченіемъ Тигра и нижнимъ Мурадъ-чая, простираясь на востокъ до горъ Заграса. Южныя ея границы, сколько можно понять изъ надписей, доходили до 37⁰ с. ш. Такимъ образомъ она вмѣщала въ себѣ четыре провинціи Армянскаго царства: Цопкъ, Агдзникъ, Моксъ и Корджайкъ. Въ тѣсномъ и болѣе употребительномъ смыслѣ Наири занимала западную половину вышеуказанной площади, оканчиваясь на востокѣ озеромъ Ванъ и Курдскими горами. Наири подраздѣлялась на множество мелкихъ областей, изъ которыхъ обратимъ вниманіе на Кассиари, Кирхи, Ензити, Замани, Нумми, Киррури,

Ариди, Симиси и др. Число отдѣльныхъ княжествъ было около сотни. Изъ городовъ замѣчательнѣе другихъ были Амидъ, Тушка, Анбаръ, Арзанія.

Восточная часть Наири южнѣе горъ, отдѣляющихъ бассейнъ Вана отъ Урміи, заключала въ себѣ два княжества: Арапха (Албанъ) по верховьямъ Большаго Заба, и Хупушка пѣскольکو восточнѣе, въ началѣ Загроса. Къ сѣверу отъ Хупушка и озера Урміи, лежало княжество Кирзанъ или Гузанъ, читаемое также Гильзанъ. А сѣвернѣе Арапхи находилось могущественное княжество Манна, на восточномъ берегу озера Вана съ городами Туруспа, Зирту. Всѣ эти области и города южной Арменіи и Курдистана принадлежали обширной территоріи Наири, съ которою Ассирійцы близко ознакомились уже до IX столѣтія. Съ этихъ же поръ Ассирійцы стали переходить черезъ Арзанію (Мурадъ-чай) въ сѣверную Арменію, въ которой встрѣтили слѣдующія царства и княжества.

Сѣверный берегъ Вана былъ занятъ княжествомъ Мусасиръ съ городомъ Запарі. Тотчасъ на сѣверъ за Арзаніемъ Ассирійцы встрѣчаютъ два княжества: Сухме и Даяни. У самаго большаго Арарата лежало княжество Мильдишъ. Всѣ эти княжества подчинялись царю могущественной страны Урарту, которую кунеелоги уже давно отождествляютъ съ Араратомъ и съ Алародами Геродота. Можно предполагать, что и князья Наирскихъ областей съ IX вѣка были въ зависимости отъ царей Урарту, главнымъ городомъ которыхъ былъ Арзаскунъ. Въ надписяхъ не упоминается, чтобъ Ассирійцы во время своихъ вторженій въ Урарту переходили черезъ Араксъ. Въ союзѣ съ Урартійскими царями находились часто: княжество Милидду, съ городомъ того же имени, впоследствии Мелитене, на правомъ берегу Евфрата; южнѣе Милидду, въ Таврскихъ горахъ обширная область Кумухъ, отождествляемая съ Commagene Римлянъ. Земли, лежащія между Евфратомъ и истоками Тигра, въ болѣе древнія времена также причислялись къ Кумуху.

Всѣ болѣе или менѣе важныя историческія надписи Ассирійцевъ въ настоящее время уже изданы въ разныхъ сборникахъ.

Главное мѣсто между ними занимаютъ сборникъ Лейярда—*Inscriptions in the Cuneiform character, from Assyrian monuments*, London 1851, и четыре большіе выпуска *The Cuneiform Inscriptions of Western Asia* (I. W. A.), изданные Британскимъ музеемъ съ помощью извѣстныхъ ассириологовъ Раулисона, Норриса, Смиса и др. Въ этихъ сборникахъ помѣщены одни только голые тексты. Почти

всѣ эти надписи переведены лучшими ассириологами, каковы Раудинсонъ, Оппертъ, Шрадеръ, Смисъ, Сайесъ и др., и обнародованы въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и монографіяхъ. Кромѣ того, существуютъ два сборника, въ которыхъ сосредоточены переводы большей части этихъ надписей. Одинъ изъ нихъ на французскомъ языкѣ, Менава—*Annales des Rois d'Assyrie*, Paris, 1874; другой на англійскомъ: *Records of the Past*, издаваемый Британскимъ музеемъ при участіи преимущественно англійскихъ кунеологовъ. Этого послѣдняго сборника вышло уже 11 томовъ, изъ которыхъ нечетные томы заключаютъ въ себѣ переводы съ ассирійскаго, а четные — съ египетскаго. Переводы сдѣланы на столько точно, сколько позволяло настоящее состояніе ассириологии, хотя для дѣйствительно вѣрной передачи текстовъ остается желать еще многого. Но и въ этомъ видѣ они оказываютъ важную услугу для древней исторіи Передней Азіи.

Въ своихъ походахъ Ассирійцы отличались необыкновенною осторожностью. Не обладая умѣніемъ удерживать свои завоеванія, они часто нѣсколько лѣтъ сряду дѣлали набѣги на одну и ту же страну. Цѣль этихъ экспедицій заключалась въ грабежѣ и въ опустошеніи мѣстностей, лежавшихъ въ сосѣдствѣ съ ихъ предѣлами. Къ такимъ мѣстностямъ принадлежала область Наири въ южной Арменіи. Въ эту область направлялись ассирійскія экспедиціи въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ. Но осторожность ихъ въ движеніи внутрь непріятельской страны была такъ велика, что послѣ вѣковой съ нею войны, цари Ассирійскіе въ своихъ надписяхъ нерѣдко говорятъ, что они пробрались въ такія области Наири, куда никто изъ предковъ ихъ не заходилъ. Въ то же время въ надписяхъ этихъ предковъ мы читаемъ не разъ, что вся страна Наири была ими пройдена вдоль и поперекъ. Медленно, но прочно расширяя свои предѣлы, они съ теченіемъ времени приобрѣли возможность предпринимать отдаленные походы, не удаляясь далеко отъ своихъ государственныхъ границъ. Но въ началѣ долгое время они не рѣшались владаться въ глубь гористыхъ мѣстностей Арменіи, и не смотря на прекрасно организованное войско, избѣгали всякихъ столкновеній съ могущественными сосѣдами Урарту и Эламомъ. Наступательную роль они обыкновенно приписываютъ себѣ, и только разъ при Асаргадонѣ говорятъ памятники о намѣреніи мидійскихъ племенъ вторгнуться въ Ассирію; но и въ этотъ разъ они были предупреждены Ассирійцами. Многолѣтняя ежегодная война съ сосѣдами, не смотря на частые успѣхи экспедицій, должна была

гибельно отразиться на физических качествах населенія и истощить весь запасъ народныхъ силъ Ассиріи.

Въ XIII и XII столѣтіяхъ до Р. Х., пользуясь временною слабостью Вавилона, Ассирійцы успѣли нѣсколько округлить свои владѣнія со стороны Месопотаміи и верхняго Тигра. Изъ завоевателей первымъ является Такладъ-Паласаръ I (около 1130 г.), который самъ разказываетъ намъ о своихъ походахъ въ надписи, найденной Лейардомъ въ Калахъ-Шергатъ (Ассуръ), въ развалинахъ древняго дворца Такладъ-Паласара I. Въ этой надписи въ первый разъ мы встрѣчаемъ подробное изложеніе походовъ. Въ ней послѣ довольно длиннаго воззванія къ богамъ Ассуру, верховному божеству Ассиріи, Самасу, Сину, Адару, Вину, Истару, царь переходитъ къ описанію своихъ завоеваній.

Въ первый свой походъ Такладъ-Паласаръ I выступилъ противъ Мускайевъ (Московъ?), которые въ числѣ 20,000 ратниковъ подъ предводительствомъ пяти царей вторглись въ Кумухъ. Мускаи были разбиты въ области Кассіари, города ихъ разграблены, 600 человекъ взято въ плѣнъ. Мы говоримъ объ этомъ походѣ потому, что Кумухъ (обыкновенно отождествляемый съ Комагеною) въ то время занималъ часть армянской территоріи, по лѣвому берегу Евфрата.

Въ слѣдующемъ году Такладъ предпринялъ походъ въ ближайшія мѣстности области Наири. Царь шелъ по лѣвому берегу Тигра къ его верховьямъ, по направленію къ области Кирки, вступилъ въ страны Итни, Ая, подошелъ къ горамъ, „острымъ какъ лезвіе меча и не дававшимъ прохода моимъ колесницамъ“. Далѣе царь проникъ довольно далеко въ южную Арменію, предавая огню и мечу все, что встрѣчалось ему на пути: „Области Саранитъ и Аманитъ, которыя никогда еще не изъявляли покорности, я наказалъ... Съ ихъ силами я помѣрился въ области Арума и разбилъ ихъ. Ряды ихъ ратниковъ я скосилъ какъ траву; я увезъ ихъ боговъ; я захватилъ ихъ имущества и сокровища; я сжегъ ихъ города, разрушилъ ихъ, обратилъ въ развалины; я наложилъ на нихъ тяжелое иго моей власти и заставилъ ихъ поклоняться Ассуру“.

Слѣдующій походъ былъ направленъ также противъ области Наири, къ верховьямъ Тигра, по лѣвому его берегу, въ мѣста, „куда не проникалъ ни одинъ изъ прежнихъ царей“. Онъ разбилъ сначала 23, позже еще 60 царей Наирскихъ, и пришедшія къ нимъ на помощь племена съ береговъ Верхняго моря. При этомъ онъ приводитъ имена областей и царей, которыхъ онъ побѣдилъ. Но такъ какъ большая

часть этихъ названій болѣе не встрѣчается въ надписяхъ, то и мы не станемъ перечислять ихъ. Эти цари были взяты въ плѣнъ и отпущены съ обязательствомъ доставлять по 1200 лошадей и 2000 быковъ. Подчинивъ себѣ всю обширную область Наири, царь двинулся къ городу Милидисъ (?), но не взялъ его, такъ какъ городъ представилъ заложниковъ.

Обезопасивъ себя съ сѣвера, Такладъ-Паласаръ направилъ свои походы въ другую сторону и не тревожилъ болѣе Арменіи. Въ концѣ своего царствованія онъ потерпѣлъ сильныя неудачи и потерялъ значительную часть своихъ завоеваній, особенно на югѣ.

Такимъ образомъ, первыя столкновенія Ассирійцевъ съ жителями Арменіи, подтверждаемыя современными документами, относятся къ XII вѣку до Р. Х., при чемъ завоевана была имъ область Наири.

Къ характеристикѣ географическихъ данныхъ въ разбираемыхъ нами надписяхъ слѣдуетъ отнести то обстоятельство, что въ самой незначительной территоріи Ассирійцы насчитываютъ десятки царствъ, сотни княжествъ, гдѣ въ наше время едва ли можно встрѣтить десятки жалкихъ деревень. Справедливость требуетъ замѣтить, что мѣстности, бывшія цѣлю первыхъ ассирійскихъ вторженій, были въ то время гораздо гуще населены, чѣмъ теперь.

Еще одно замѣчаніе. Ассирійскіе цари имѣли обыкновеніе въ завоеванныхъ странахъ и городахъ воздвигать свои изображенія, высѣченныя изъ мрамора или начертанныя на стѣнахъ отвѣсныхъ скаль, въ неприступныхъ горныхъ ущельяхъ. О подобныхъ памятникахъ они сами часто говорятъ въ своихъ надписяхъ, и называютъ мѣстности, гдѣ тотъ или другой изъ нихъ поставилъ свое изображеніе. Назовемъ нѣкоторыя изъ такихъ мѣстностей въ Арменіи и Мидіи: Ассуръ-Насиръ-балъ (882—858 гг.) въ бытность свою въ Наири поставилъ мраморное свое изображеніе съ описаніемъ подвиговъ, совершенныхъ имъ въ Наири, въ городѣ Тушка. Тотъ же царь воздвигъ свое изображеніе съ надписью въ городѣ Матіатти. Салманасаръ въ 856 г. поставилъ свое изображеніе въ странѣ Лалларъ у Вана, въ 850 г. у истоковъ Тигра, въ 842 г. у истоковъ Евфрата и въ другихъ мѣстахъ, въ 835 г. въ странѣ Хархаръ; Самси-Бинъ—въ 819 г. въ городѣ Сибарѣ, въ области Гиратъ-Бунда; Такладъ-Паласаръ II—въ городѣ Туруспѣ, въ области Урарту; Саргонъ—въ городахъ Кисаси, Изирту и пр. Еслибы мы могли открыть хоть часть этихъ царскихъ изображеній, то получили бы нѣсколько определенныхъ точекъ, могущихъ дать намъ возможность ориентироваться въ массѣ

неповнятыхъ именъ. Пока еще найдены только одинъ изъ этихъ памятниковъ. Асуръ-насиръ-баль, о которомъ мы только что упомянули, пишетъ въ своей надписи слѣдующее: „По рѣшению Асура, Самаса, Бина, боговъ, моихъ покровителей, я сосчиталъ свои колесницы и полки, и у истоковъ рѣки Супната, въ томъ мѣстѣ гдѣ отцы мои, Такладъ-Паласаръ (I) и Такладъ-Самданъ (888 г.), цари Ассирійскіе, воядвигли свои изображенія, и я приказалъ начертать свое изображеніе рядомъ съ ними“. Англійскій консулъ въ Діарбекирѣ, Тэйлоръ, путешествовавшій въ 1861—1863 годахъ въ Курдистанѣ, открылъ на берегахъ одного изъ истоковъ Тигра, Дибене-суили Зибене-су, близъ деревни Каркаръ, на одной отвѣсной скалѣ, прекрасно сохранившееся изображеніе Ассирійскаго царя съ небольшою надписью. Нѣсколько дальше находилось другое такое же изображеніе, но съ надписью не разборчивой вслѣдствіе негладкой поверхности камня. Эти изображенія и надписи оказались тѣ самыя, о которыхъ говоритъ Асуръ-насиръ-баль; но его собственное изображеніе сильно пострадало отъ дождевыхъ струй и непогоды. Надпись подъ изображеніемъ хорошо сохранившейся фигуры гласитъ: „Волею Асура, Самаса, Бина, великихъ боговъ, я Такладъ-Паласаръ, царь Ассиріи, сынъ Асуръ-Рисъ-Плима, царя Ассиріи, сына Мутакиль-небо, царя Ассиріи, побѣдитель народовъ отъ великаго моря Ахари (Запада, Финикіи) до моря Наири (Ванскаго озера). Я покорилъ Наири“. Изъ этой надписи мы узнаемъ, что рѣка Супната есть нынѣшняя рѣчка Зибене-су, что область, въ которой она находится, называлась Ассирійцами Наири, и что Наири былъ покоренъ Такладъ-Паласаромъ.

Обратимся снова къ походамъ Ассирійскихъ царей.

Послѣ Такладъ-Паласара I въ теченіе 200—250 лѣтъ мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о дѣлахъ и подвигахъ его преемниковъ, имена которыхъ и порядокъ наслѣдованія мы узнаемъ главнымъ образомъ изъ хронологическихъ таблицъ и изъ надписей позднѣйшихъ царей. Только съ IX столѣтія начинается снова рядъ длинныхъ надписей, заключающихъ въ себѣ подробные маршруты завоевателей.

Такъ, отъ Асуръ-насиръ-бала осталось нѣсколько надписей, изъ которыхъ самая большая найдена въ развалинахъ дворца въ Нимрудѣ на огромномъ монолитѣ, составлявшемъ полъ одной изъ комнатъ дворца. Въ этой надписи говорится между прочимъ о томъ, что до Асуръ-насиръ-бала въ Южную Арменію дѣлали вторженія предшественники его, Салма-асаръ I (1010) и Такладъ-Самданъ (888),

изображеніе котораго открыто на Суннатѣ. Подробности этихъ вторженій не дошли до насъ.

Разсмотримъ содержаніе этой надписи. Первый походъ Асур-на-сир-бала былъ направленъ въ тѣ части области Наири, куда до него не проникали войска: въ княжества Нумми, Киарри, Симису, Симиру и др. Во время его пребыванія въ Киарри жители княжествъ Кирзана и Хубушка привезли ему въ даръ лошадей, золото, серебро, желѣзныя полосы и инструменты (?). Изъ Киарри царь двинулся на западъ въ область Кирки и завладѣлъ городами Хулунъ, Хату, Халару, Нистунъ, Ирбиди, Арзаніе и др., расположенными на границахъ могущественныхъ странъ: Узу, Аруе, Арарди. Въ слѣдующемъ (882) году, 24-го числа мѣсяца Абу (юли), царь направился снова въ Наири и занялъ княжества Пипуръ и Пазате (на лѣвомъ берегу верхняго теченія Тигра). Вслѣдъ затѣмъ, перейдя Тигръ, онъ опустошилъ страну Кумухъ и потребовалъ отъ жителей Кумуха и отъ Мусковъ (Московъ) дани, состоявшей изъ стада рогатаго и мелкаго скота.

Волненія на западѣ заставили царя поспѣшить въ Сирію. Такъ какъ цѣль настоящей статьи заключается въ описаніи столкновенія Ассирійцевъ съ жителями армянскихъ областей, то мы займемся изложеніемъ только тѣхъ фактовъ, которые касаются Арменіи, оставляя въ сторонѣ походы Ассирійскихъ царей въ другія страны.

Едва царь успѣлъ вернуться въ столицу, какъ ему донесли, что княжества на верховьяхъ Тигра снова возмутились противъ него. Онъ тотчасъ же выступилъ въ походъ. Операционный базисъ Ассирійскихъ царей, воевавшихъ съ Наири, находился въ центрѣ Наири на берегахъ рѣки Сунната, о которой мы говорили выше. Возмутившіеся города лежали близко Асур-на-сир-баль легко и быстро потушилъ возстаніе, взявъ одинъ за другимъ города Мариру, Нирбу у горы Ухира, Ки-набу, Тила и предалъ ихъ огню и мечу: „Я разграбилъ ихъ имущество, стада быковъ и овецъ, сжегъ много добычи; многихъ взялъ въ плѣнъ; однимъ я отрубилъ руки и ноги, другихъ лишилъ ушей и носовъ, инымъ выкололъ глаза. Я сдѣлалъ двѣ кучи, одну изъ живыхъ плѣнниковъ, другую изъ головъ убитыхъ, и павалилъ ихъ до высоты стѣнъ ихъ города, я обезчестилъ ихъ сыновей и дочерей; я разрушилъ ихъ города и сжегъ огнемъ“. Съ предводителя возстанія, Хулая, была содрана кожа и пригвождена къ стѣнамъ города Дам-дамуна. Въ то же время были возобновлены укрѣпленія преданнаго Ассирійцамъ города Тушка или Тушканъ, въ которомъ царь построилъ себѣ дворецъ. Область Кирки была также опустошена. Въ теченіе

двухъ слѣдующихъ лѣтъ царь былъ занятъ экспедиціями въ Сиріи и въ Замуа, къ югу отъ Ассиріи.

Въ надписяхъ обыкновенно говорится о побѣдахъ Ассирійцевъ, о завоеваніи и сожженіи ими городовъ, о награбленной добычѣ, о наложенной дани. О сопротивленіи противниковъ говорится рѣдко, о пораженіяхъ Ассирійцевъ—никогда. Слѣдуетъ полагать однако, что пораженія и неудачи были, и что побѣды не всегда были тамъ рѣшительны, какъ о томъ говорится въ бюллетеняхъ. Частыя возмущенія покоренныхъ областей объясняются главнымъ образомъ неузнаніемъ Ассирійцевъ удерживать свои завоеванія. Иначе трудно объяснить себѣ тѣ частыя возстанія, о которыхъ повѣствуютъ надписи. Изъ предшествовавшаго изложенія мы видѣли, что армянскія области у верховья Тигра и вокругъ Ванскаго озера не разъ были покорены и опустошены еще за 200 слишкомъ лѣтъ при Таклад-Цаласарѣ I и его преемникахъ, а впоследствии снова неоднократно подвергались новымъ опустошеніямъ, войска истреблены, жители обложены данью, и по видимому, на долго усмирены. Однако лишь только ассирійское войско удалялось изъ края, тотчасъ слѣдовало возстаніе въ той или другой части области Наири. Нѣтъ сомнѣнія, жители Южной Арменіи были воинственны, высоко цѣнили свою независимость, и вѣрные своей тактикѣ, послѣ перваго же пораженія разбѣгались въ разныя стороны и скрывались въ неприступныхъ ущеліяхъ. При всемъ томъ, въ виду превосходства военной организаціи Ассирійцевъ и безчеловѣчныхъ опустошеній, совершаемыхъ ими, должны же были наконецъ смириться. На дѣлѣ выходило не такъ.

Въ то время, какъ Асур-насир-балъ занятъ былъ покореніемъ княжества Замуа, возстаніе снова распространилось въ Наири, въ областяхъ, за два года передъ тѣмъ покоренныхъ царемъ. Въ 879 г. царь перешелъ Тигръ и направился въ Кумухъ, гдѣ собралъ дань, состоящую изъ стада крупнаго и мелкаго скота и изъ мѣди. Оттуда онъ повернулъ на Востокъ, разорилъ городъ Мадіатъ (можетъ быть Мадіатъ въ Месопотаміи), вторгся въ область Касъари, занялъ нѣсколько городовъ, забирая преимущественно скотъ, металлы и дерево необходимое для построекъ. Вслѣдъ затѣмъ послѣ упорнаго сопротивленія былъ взятъ городъ Дитурра, и снова мы читаемъ: „Я взялъ городъ, я умертвилъ 800 человекъ, я отрубилъ имъ головы. Много плѣнныхъ попало въ мои руки, я сжегъ ихъ жилища. Передъ воротами города я воздвигъ стѣну изъ трюновъ плѣнныхъ, я посадилъ на колѣ 700 человекъ передъ главными воротами; я разграбилъ городъ, я его разру-

шилъ и обратилъ въ кучу развалинъ“ и проч. Такимъ же образомъ была опустошена область Кирки: „Я увелъ 2,000 плѣнныхъ; двумъ стамаъ плѣнныхъ я отрубилъ кисти рукъ... я разорилъ 250 городовъ и областей въ Наири; я обратилъ ихъ въ кучи развалинъ... Фуражъ и хлѣбъ я свезъ въ городъ Тупкапъ“. Въ области Замани, тоже въ Наири, должно быть, процвѣтала торговля и промышленность въ значительной степени, потому что Асур-насир-балъ забираетъ тамъ не только скотъ и мѣдъ въ грубомъ видѣ, но и колесницы, 460 лошадей съ сбруей и экипажи, серебро, золото, сто талантовъ желѣза, сосуда изъ мѣди и желѣза, 1000 одѣяній изъ шерсти и нитки (полотно), разные сорта дерева, золотыя украшенія дворца, 2000 быковъ, 5000 овецъ, мебель, и дочерей вельможъ съ богатымъ приданымъ...

Послѣдній походъ свой въ Наири царь совершилъ въ 866 году, когда онъ вторгся въ тѣ части области Касъари, „куда не проникалъ никто изъ царей, предковъ моихъ“. Затѣмъ, перейдя на правый берегъ Тигра въ сѣверную Месопотамію, онъ дошелъ до береговъ Евфрата. Безпокойства въ Кирки заставили его снова переправиться на лѣвый берегъ Тигра. Усмиривъ жителей Кирки, онъ двинулся на западъ и взялъ городъ Дамдамушу, жителей котораго онъ переселилъ въ Амиду, а плѣнныхъ воиновъ распялъ передъ главными воротами.

Описаніемъ этого похода оканчивается большая надпись Асур-насир-бала, хотя онъ царствовалъ еще семь лѣтъ то-есть до 858 г., до Р. X.

Завоеванія Асур-насир-бала въ Арменіи простирались до Загроса и сѣверныхъ береговъ Вана на востокъ и до рѣки Арзаніасъ на сѣверѣ. Черезъ эту послѣднюю рѣку онъ однако не переходилъ. Въ одной прекрасно сохранившейся надписи (Standart Inscrip. Layard) Асур-насир-балъ говоритъ, что онъ „завладѣлъ областями, лежащими между рѣкою Суннатъ и странюю Урарту“. Названіе этой страны, игравшей важную роль въ послѣдующихъ ассирійскихъ войнахъ, упоминается при этомъ, сколько намъ извѣстно, въ первый разъ въ надписяхъ.

Такимъ образомъ, всѣ походы Асур-насир-бала въ Арменіи ограничивались линіей Мурадъ-чая (Arzanias) и Загроса. Вѣрнѣйшій осторожной политикъ Ассирійцевъ — не вдаваться въ глубь непрителеской страны, не обезопасивъ тыла, царь въ теченіе 24 лѣтняго своего царствованія на столько успѣлъ изнурить ближайшихъ сосѣдей Ассиріи, что преемнику его можно было безъ опасенія перешагнуть за эту линію и вступить въ столкновеніе съ болѣе дальними и сильными

сосѣдями: на сѣверѣ за Мурадъ-чаемъ съ владѣтелями Урарту, а на востокѣ съ мидійскими князьями. Страна къ сѣверу отъ Мурадъ-чая и Ванскаго озера была въ то время раздѣлена на нѣсколько крупныхъ и на множество мелкихъ княжествъ, подчинявшихся въ военномъ отношеніи власти царей Урарту, главенство которыхъ признавала вся сѣверная Арменія.

Отъ преемника Асур-насир-бала Салманасара (857—822 г.) дошло до насъ нѣсколько надписей, изъ которыхъ главная „надпись Чернаго Обелиска“ открыта Лайардомъ въ Нимрудѣ и находится нынѣ въ Британскомъ музеѣ. Она переведена нѣсколько разъ извѣстными ассиріологами Раулинсономъ, Гинксомъ, Оппертомъ, Менапомъ и наконецъ, Сайсомъ. Копія съ текста помѣщена въ *Layard's Inscriptions of the Suneiform*. pl. 87—98. Въ этой надписи въ послѣдовательномъ порядкѣ, годъ за годомъ, въ краткихъ словахъ изложены результаты 31 похода.

Другая большая надпись „Монолитъ Салманасара“ найдена въ развалинахъ Курка, на правомъ берегу Тигра, въ нѣсколькихъ миляхъ къ западу отъ Діарбекира. Въ этой надписи гораздо подробнѣе изложены событія первыхъ четырехъ походовъ Салманасара. Копія съ текста помѣщена въ *W. A. I. III*, pl. 7 и 8. Она также переведена нѣсколько разъ Оппертомъ, Менапомъ и Сайсомъ.

Событія походовъ отъ VI до XV начертаны на одномъ изъ большихъ быковъ, украшавшихъ дворецъ въ Нимрудѣ. Эта надпись, какъ и предыдущая, во многихъ мѣстахъ повреждена и представляетъ значительныя пробѣлы. Копія съ текста помѣщена у Лайарда, pl. 46 и 47. О другихъ надписяхъ Салманасара, какъ не заключающихъ въ себѣ походовъ въ армянскія земли, мы не говоримъ.

Салманасаръ царствовалъ 34 года, отъ 857 по 822 г. Надпись Чернаго Обелиска передаетъ намъ результаты только 31 похода, такъ что о послѣднихъ его походахъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій. Первые 23 похода совершены подъ его личнымъ предводительствомъ; веденіе остальныхъ поручено было тартану Даявъ-Асуру, хотя царь и объ этихъ походахъ говоритъ отъ своего имени. Изъ всѣхъ его походовъ мы обратимъ вниманіе лишь на тѣ, которые имѣютъ близкое отношеніе къ землямъ, въ послѣдствіи извѣстнымъ подъ общимъ именемъ Арменія.

Первый походъ Салманасара (857—856 гг.) былъ направленъ на сѣверъ, въ ближайшія къ Ассирии мѣстности, Нинни, Симиси, Ариди и др., то-есть, въ Бохтанъ. Взявъ крѣпость Ариди и разграбивъ

страну, царь двинулся на востокъ въ область Хубушка, которая лежала къ юго-востоку отъ Ванскаго озера, на западномъ склонѣ Загроса, приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится курдская область Хаккіари. Владѣтель этой области, Какія, отступилъ въ горы и тамъ ожидалъ непріятеля. Произошла кровопролитная битва, въ которой, по обыкновенію, Ассирійцы остались побѣдителями. Собравъ дань и наложивъ новыя подати, царь подступилъ къ городу Зузувиѣ, принадлежавшему Араму, царю Урартійскому. Этотъ Арамъ (857, 842) замѣчательнъ тѣмъ, что при немъ Ассирійцы въ первый разъ приходятъ въ столкновение съ владѣніями Урартійскаго царя. Завладѣвъ Зузуніей и 14-ю отъ нея зависѣвшими городами, Салманасаръ продолжалъ экспедицію на сѣверъ и тамъ на восточномъ берегу Ванскаго озера воздвигъ свое изображеніе. Этимя приблизительно опредѣляется положеніе города Зузуніи между Хубушкою и Ванскою областію, то-есть, гдѣ нибудь въ нынѣшнемъ Албакѣ. Передъ возвращеніемъ въ столицу онъ потребовалъ и получилъ дань отъ Асу, князя страны Кирзани (приблизительно у Салмаса), къ сѣверу отъ Урміи.

Слѣдующій походъ былъ предпринятъ Салманасаромъ противъ Месопотаміи, но кончился войной съ Урарту. Въ сѣверной Месопотаміи между теченіями Баиха и Евфрата лежало могущественное княжество Бить-Адини, столицей котораго былъ Туль-барсинъ. Причины похода намъ неизвѣстны. Салманасаръ нѣкоторое время пробылъ въ этомъ городѣ и переименовалъ его въ Каръ-Салманасаръ. Точно также онъ поступилъ съ тремя другими городами, давъ имъ ассирійскія названія. Затѣмъ, перейдя Евфратъ, онъ занялся опустошеніемъ Сиріи. Но услышавъ о новомъ возмущеніи въ Наири, онъ изъ Сиріи переправился въ Бить-Замани и въ Ендзить (вѣроятно—позднѣйшій Андзить) и быстро усмирилъ возстаніе. Область Наири была на столько изнурена въ предшествовавшее царствованіе, что Салманасаръ безъ опасенія могъ перейти черезъ Арзанію (Мурадъчай) на сѣверъ, въ Урарту, гдѣ въ то время царствовалъ Арамъ, первый изъ извѣстныхъ намъ Урартійскихъ царей. Завладѣвъ по пути княжествами Сухме и Даяни, лежавшими за Арзаніей, царь подступилъ къ столицѣ Арама, Арзаскуну. Между тѣмъ Арамъ, оставивъ свою столицу, бѣжалъ въ горы Адури, куда за нимъ послѣдовалъ Салманасаръ и разбилъ его въ кровопролитной битвѣ, въ которой пало 3,400 Урартійцевъ. Затѣмъ взятъ былъ городъ Арзаскунъ и разграбленъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, воздвигнуто было

громадное изображеніе Салманасара съ надписью, гласившею о подвигахъ его въ странѣ Урарту. Ограничившись разореніемъ ближайшихъ мѣстностей, царь не рѣшился преслѣдовать Арама въ глубь Урарту. Онъ предпочелъ вернуться назадъ, но другимъ путемъ, то-есть, обогнувъ Ванское озеро черезъ знакомыя намъ княжества, Кирзани и Хубушка. Владѣтель Кирзани, Аса, какъ и въ первый походъ, съ готовностью согласился доставить лошадей, быковъ, козъ и проч. Но князь области Хубушка, вѣроятно, оказалъ сопротивленіе, потому что страна его была опустошена и лишилась 3,000 плѣнными и многочисленныхъ стадъ своихъ. Все это уведено было въ Ассирію.

Совершенно по тому же маршруту и съ такимъ же успѣхомъ былъ совершень третій походъ, въ 854.

Не касаясь нѣсколькихъ экспедицій, ограничивавшихся предѣлами Наири, упомянемъ о 15-мъ походѣ Салманасара, когда онъ въ 842 г. вторгся въ Урартійскія владѣнія Арама и опустошилъ область Тунибуль, Дайанъ и Азіу, дошелъ до истоковъ Евфрата и тамъ воздвигъ свое изображеніе.

Спустя 12 лѣтъ (въ 830 г.), въ надписи Чернаго Обелиска встрѣчается еще одинъ походъ (27-й) въ Урарту. На этотъ разъ престарѣлый царь не самъ ведетъ войско, а поручаетъ его своему тартану, Даянъ-Асурю, который по извѣстному намъ пути проникъ въ Наири и къ истокамъ Тигра. Перейдя Арзанію, онъ вторгся во владѣнія Урартійскія, однако не засталъ уже въ живыхъ Арама. Тогдашняго царя надпись называетъ Седури, который и былъ разбитъ послѣ упорнаго сопротивленія.

Въ 827 г. тотъ же тартанъ былъ отправленъ въ восточную Арменію. Перейдя Забъ, онъ вступилъ въ Хубушку, гдѣ царствовалъ уже не Каки, а Дата или Датана. Оттуда черезъ область Мадахиръ онъ двинулся въ Ванскія владѣнія (Манна или Ваппа). Владѣтель Ванскій, Удаки, оставивъ свою столицу Зирту (или Изирту), бѣжалъ. Цѣлью похода, какъ видно, былъ Ванъ, потому что тартанъ, опустошивъ эту область, предпринялъ обратный путь, и черезъ области Харру, Сурдирру, Парсуа воротился въ Ассирію.

Во главѣ 31-го похода стоялъ также тартанъ, который тѣмъ же почти путемъ, то-есть, черезъ Хубушку и Кирзани, проникъ въ Урарту и разорилъ тамъ 50 городовъ. Въ то же время была взята и разграблена столица княжества Мусасиръ (сѣвернѣе Вана), Запарі. Въ надписи не говорится, кто былъ въ то время царемъ Урартійскимъ,

Седури, или другой? Этимъ походомъ оканчивается надпись Чернаго Обелиска.

Такимъ образомъ, въ царствованіе Салманасара Ассирійцы въ первый разъ проникли въ Урарту, гдѣ въ 857 и 842 годахъ встрѣтились съ царемъ Арамомъ, а въ 830 г. съ преемникомъ его, Седури. При этомъ они говорятъ только о своихъ побѣдахъ надъ Урартійцами и объ опустошеніи ихъ страны. Хотя надписи говорятъ о нихъ положительно, нѣкоторыя соображенія дозволяютъ намъ однако сомнѣваться въ правдивости ихъ увѣреній. Вопервыхъ, въ концѣ этихъ побѣдоносныхъ походовъ они умалчиваютъ о взятой имъ добычѣ, о чемъ они имѣютъ обыкновеніе говорить послѣ каждой удачной экспедиціи. Въ вторыхъ, познакомившись съ извѣстною страной, они не оставляли ее въ покоѣ и до тѣхъ поръ разоряли ее частыми вторженіями, пока ослабленная и изнуренная область или страна не признавала себя побѣжденною. И потому слѣдовало ожидать, что послѣ Салманасара походы въ Урарту будутъ ежегодные. Между тѣмъ, въ надписяхъ его преемниковъ мы долгое время не встрѣчаемъ этихъ походовъ. Эти обстоятельства даютъ намъ нѣкоторое право заключать, что побѣды Салманасара были не совсѣмъ такъ рѣшительны, какъ онъ о нихъ говоритъ, и что Ассирійцы встрѣтили въ Урарту довольно сильный отпоръ.

Послѣдніе годы царствованія Салманасара прошли при внутреннихъ волненіяхъ въ государствѣ. Младшій сынъ его Асурданиналъ возсталъ противъ своего отца, и успѣлъ привлечь на свою сторону 24 значительныхъ города въ Ассиріи. Возстаніе было, наконецъ, усмирено, и въ 822 году Салманасару наслѣдовалъ сынъ его Самси-Бинъ. Отъ него дошла до насъ одна довольно большая надпись на обелискѣ, открытомъ въ Нимрудѣ и въ настоящее время находящемся въ Британскомъ музеѣ. Копія съ текста помѣщена въ W. A. I, I, pl. 29—34. Надпись переведена нѣсколько разъ Оппертомъ, Менапомъ, Сайсомъ и др.

Первый походъ Самси-Бина былъ, по обыкновенію, направленъ противъ Наири, который снова былъ опустошенъ по всѣмъ направленіямъ. Въ то время владѣнія Ассиріи простирались „отъ города Паддиру въ Наири до города Каръ-Салманасара, насупротивъ Каркамипа; отъ города Задди въ странѣ Аккадъ до страны Сумиръ; отъ города Ариди до области Сукни“.

Въ слѣдующемъ (821) году царь отправилъ въ Наири своего полководца Мулисъ-Асура, „который дошелъ до Западнаго моря. Онъ

отнялъ 300 городовъ у Сарсины, сына Мигдіара, 11 столицъ и 200 городовъ у Уснина; перебилъ ихъ войска; овладѣлъ ихъ сокровищами, богатами, сыновьями и дочерьми; разрушилъ города и предалъ ихъ огню. На возвратномъ пути онъ истребилъ много народу въ странѣ Сунбая и наложилъ дань лошадьми на всѣхъ князей наирскихъ“.

Предлогомъ къ третьему походу (820 г.) было возмущеніе города Сибаръ, столицы области Гиратъ-бунда, въ Адербейджанѣ. Церейдя Забъ, царь вступилъ въ Наири. Здѣсь онъ получилъ дань отъ владѣтеля Хубушки, Дадди, знакомаго намъ изъ предыдущаго царствованія, и отъ Сарсины. Забравъ лошадей въ областяхъ Сунба, Ванъ, Парсуа и углубившись въ Адербейджанъ, онъ опустошилъ огнемъ и мечемъ 500 городовъ. Жители частью бѣжали, частью укрѣпились въ городѣ Урасѣ, который однако не выдержалъ осады: крѣпость была взята, 9000 человекъ убито, 1200 захвачено въ плѣнъ, въ числѣ послѣднихъ также царь ихъ, Пиризатисъ. Послѣ того векоръ сдалась и столица Сибари, посреди которой поставлено изображеніе Самси-Бина съ надписью, гласившею о подвигахъ, совершенныхъ имъ въ Наири. Въ то время, когда царь находился въ Адербейджанѣ, 28 князей наирскихъ доставили ему дань. Приэтомъ надпись перечисляетъ имена какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ владѣній. Въ надписяхъ предшествовавшихъ царствованій мы не разъ встрѣчаемъ перечисленіе мелкихъ наирскихъ княжествъ. Названія ихъ всякій разъ иные. Такъ и здѣсь почти всѣ эти 28 названій встрѣчаются въ первый разъ, и потому мы не станемъ ихъ списывать.

Четвертымъ походомъ, противъ Халдеи, оканчивается большая надпись Самси-Бина. Объ остальныхъ годахъ его царствованія мы узнаемъ изъ хронологической таблицы, въ которой говорится о семи его послѣднихъ походахъ. Слѣдуетъ замѣтить, что во всѣхъ его надписяхъ ни разу не упоминается объ Урарту, хотя изъ его маршрутовъ видно, что онъ не разъ былъ вблизи этого государства.

Преемникомъ Самси-Бина былъ сынъ его, Бинъ-Нирари (809—790), долговременное царствованіе котораго протекло также въ постоянныхъ войнахъ съ сосѣдями. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло отъ него ни одной крупнои и обстоятельной надписи. Въ одномъ отрывкѣ говорится: „Онъ (то-есть, Бинъ-Нирари) подчинилъ себѣ всѣ страны, начиная отъ Силуны у Восточнаго моря... Иллипи, Хархаръ, Аразіасъ, Мису, Мадаи, Гиратъ-бунду, совмѣщавшую въ себѣ Мунну (Манца? Вапъ?), Парсуа, Алабрію, Абдадану, Наири до предѣловъ отдаленныхъ Андійскихъ племенъ и до гористой области у

Восточнаго моря...“ Все это названія азербейджанскихъ и южно-армянскихъ областей.

О походахъ Бинъ-Нирари мы узнаемъ изъ дошедшихъ до насъ хронологическихъ таблицъ, въ которыхъ записанъ годъ за годомъ перечень войнъ, веденныхъ Ассирійцами, начиная съ царствованія Самси-Бина до Такладъ-Паласара II включительно. Въ этихъ таблицахъ приведенъ рядъ 29 походовъ, предпринятыхъ Ассирійцами въ царствованіе Бинъ-Нирари. Между этими походами не встрѣчается ни одного, направленаго въ Урарту, но за то большая часть ихъ имѣла цѣлью земли южной Арменіи: два похода—въ область Ванъ, семь походовъ — въ область Наири, четыре похода — въ область Хубушку, три похода—въ Иту, три похода — въ Дири; итого 19 походовъ въ одну и ту же страну, десятки разъ завоеванную, опустошенную и присоединенную къ Ассиріи его предками. Направленія остальныхъ походовъ, за исключеніемъ Наири, для насъ непонятны. Въ одной небольшой надписи, касающейся царствованія Бинъ-Нирари, встрѣчается имя жены его „Самурамать, царицы Ассирійской“. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что эта царица была тою историческою личностью, вѣрнѣе которой сгруппировались легенды и создалась мифическая личность Семирамиды, игравшей важную роль и въ армянскихъ народныхъ сказаніяхъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что по смерти Салманасара II въ теченіе 49 лѣтъ Ассирійцы оставляютъ въ покоѣ Урарту и не вторгаются въ ея предѣлы. Въ концѣ этого періода, вѣроятно, могущество Урартійскихъ царей временно ослабѣло. Съ другой стороны, ближайшія къ Ассиріи области на столько были уже изнурены, что давали осторожнымъ завоевателямъ возможность удалаться отъ своихъ предѣловъ на значительное разстояніе. Какъ у всѣхъ предшествовавшихъ царей, такъ и у Салманасара III (780—770), все царствованіе прошло въ постоянныхъ войнахъ, какъ видно изъ хронологическихъ таблицъ. Однихъ походовъ въ Урарту предпринято было шесть. Но такъ какъ отъ этого царя не сохранилось другихъ надписей, то мы ничего не знаемъ о томъ, съ какими Урартійскими царями онъ воевалъ, и какъ успѣшны были эти походы. Слѣдующія затѣмъ 25 лѣтъ представляютъ въ исторіи Ассиріи эпоху нѣкотораго ослабленія завоевательной энергіи. Таблицы хотя и указываютъ на ежегодные походы, но эти войны ведутся частью противъ ближайшихъ сосѣдей, какъ Намри и Наири, частью же для усмиренія мятежныхъ городовъ внутри государства.

Завоеванія Асур-насир-бала и его воинственныхъ преемниковъ на востокъ и сѣверъ привели, наконецъ, къ совершенному опустошенію ближайшихъ областей въ этомъ направленіи и окончательному присоединенію ихъ къ Ассиріи. Съ этихъ поръ до самаго паденія Ассиріи ни въ надписяхъ, ни въ хронологическихъ таблицахъ не говорится болѣе о походахъ въ Наири, съ которою цари Ассирійскіе воевали слишкомъ 350 лѣтъ. Цѣлью походовъ дѣлается уже не Южная, а Сѣверная Арменія, Урарту, и война съ этою страной продолжается до самаго паденія Ассиріи.

Замѣчательное царствованіе Такладъ-Паласара II (744 — 726) снова подняло ослабѣвшій на время завоевательный духъ Ассирійцевъ. Онъ не только подчинилъ Ассиріи отпавшія въ послѣдніи царствованія земли, но смѣлостью своихъ отдаленныхъ походовъ даже превзошелъ многихъ своихъ предшественниковъ. Къ сожалѣнію, надписи его дошли до насъ въ весьма поврежденномъ видѣ. Лучше другихъ сохранилась надпись изъ первыхъ лѣтъ его царствованія (W. A. I. III, pl. 67). Въ сочиненіи Г. Смиса (Assyrg. Discover.) приведены отрывки тринадцати новыхъ надписей, пополняющихъ нѣкоторые пробѣлы въ нашихъ знаніяхъ о царствованіи этого завоевателя. Въ хронологическихъ таблицахъ, оканчивающихся описаніемъ его царствованія, исчисляются 17 его походовъ, изъ которыхъ прямое отношеніе къ нашему предмету имѣютъ только два похода: годы 742 и 734.

Нѣкоторыя подробности о первомъ изъ этихъ походовъ сохранились въ вышеназванныхъ отрывкахъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что царь Урартійскій Сардури образовалъ противъ Такладъ-Паласара коалицію изъ сосѣднихъ князей: Матіла, сына Агузи, Сулумама Милідскаго, Тархулара Гамгумскаго и Кустаспи Кумухскаго. Такладъ успѣшилъ наказатъ ихъ. Битва произошла въ Кумухѣ близъ Кастана и Халпи, и союзники, конечно, были разбиты. Самъ Сардури бѣжалъ въ горы. Царь преслѣдовалъ его, захватилъ 72,970 человекъ въ плѣнъ и взялъ его столицу Турусса, въ которой поставилъ свое изображеніе. Послѣ того онъ опустошилъ урартійскія владѣнія на 70 каспу (около 450 англ. миль) и загналъ Сардури къ Евфрату, къ предѣламъ его государства. При этомъ онъ захватилъ всѣ царскія украшенія Сардури, его экипажи, царскую колесницу, лошадей, муловъ и пр. Въ области Уллуба Такладъ построилъ городъ Асуръ-База и переселилъ въ армянскія горы жителей другихъ покоренныхъ странъ. Если все это происходило такъ, какъ говоритъ надпись, — то походъ этотъ, по справедливости, названъ въ хронологическихъ таблицахъ „избѣженіемъ урар-

тійскихъ войскъ". Не смотря на такой успѣхъ, этотъ походъ не имѣлъ, однако, рѣшительныхъ результатовъ, такъ какъ подъ 734 годомъ говорится о другомъ походѣ Такладъ-Шаласара II въ Урарту, подробности котораго, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны.

Со вступленіемъ на престолъ Саргона (721 — 704) начинается послѣдній и вмѣстѣ съ тѣмъ самый блестящій періодъ въ исторіи Ассиріи. Отъ него дошло до насъ наибольшее количество надписей, хотя и поврежденныхъ, но подробно рисующихъ богатую событіями жизнь этого государя. Изъ многихъ надписей, открытыхъ въ Хорсабадѣ Боттой, обратимъ вниманіе на двѣ болѣе крупныя. Первая (Inscription des Annales, Mén. 158) описываетъ въ хронологическомъ порядкѣ первые 15 походовъ Саргона. Другая (Inscription des Fastes, ib. 180) хотя гораздо подробнѣе первой, но безъ обозначенія послѣдовательнаго порядка походовъ, я представляетъ больше пробѣловъ и пропусковъ, чѣмъ первая. Эти надписи нѣсколько разъ переведены Опертомъ и Менапомъ. Отъ Саргона сохранилось, кромѣ того, множество короткихъ надписей, въ которыхъ хотя и не встрѣчается новыхъ фактовъ, но они важны для насъ потому, что представляютъ лучшее чтеніе нѣкоторыхъ именъ и уясняютъ смыслъ не совсѣмъ ясныхъ мѣстъ въ крупныхъ надписяхъ.

Бросимъ взглядъ на карту того времени, чтобы познакомиться съ сѣверными, сѣверо-восточными и сѣверо-западными сосѣдями, противъ которыхъ направлены были наступательныя дѣйствія ассирійскихъ царей послѣдняго періода. Границами Ассирійской монархіи къ концу VIII вѣка до Р. Х. были: на западѣ теченіе Евфрата; на сѣверѣ теченіе Мурадъ-чая, озеро Ванъ и горы области Албахъ, на востокѣ цѣпь Загросскихъ горъ, населенная мидійскими племенами. Все, что находилось внутри этихъ границъ, какъ, на примѣръ, область Наири, Хубушка и др. было уже окончательно присоединено къ Ассиріи и не составляло болѣе цѣли походовъ ея царей. Но страны внѣ этихъ предѣловъ, не смотря на неоднократныя опустошенія ихъ прежними Ассирійскими царями, успѣли къ концу VIII вѣка организовать въ болѣе или менѣе сильныя княжества. Убѣжденные кровавыми опытами предшествовавшихъ войнъ въ невозможности каждому изъ нихъ отдѣльно сопротивляться вторженіямъ ассирійскихъ силъ, эти княжества прибѣгли къ образованію союзовъ, которымъ они обязаны были тѣмъ, что успѣли сохранить свою независимость, не смотря на столѣтнюю еще кровопролитную борьбу съ Ассирійцами.

Тотчасъ къ сѣверу стѣ Мурадъ-чая и Вана начинались владѣнія

главнаго изъ этихъ княжествъ или царствъ, Урарту, съ которыми мы нѣсколько познакомились выше. Это царство, отождествляемое съ Айраратомъ армянскихъ писателей и съ Алародіей Геродота, занимало площадь, заключающуюся между верховьями Евфрата, Мурадъ-чаемъ, Ваномъ и Адербейджаномъ. Сѣверныя его границы того времени намъ неизвѣстны, но слѣдуетъ полагать, что онѣ доходили частью до Куры, хотя въ надписяхъ мы не встрѣчаемъ даже названія Аракса. Царство Урарту состояло изъ множества крупныхъ и мелкихъ княжествъ, управлявшихся своими отдѣльными князьями, но въ военномъ отношеніи признававшихъ верховную власть того рода, изъ котораго происходили урартійскіе цари. Династическое названіе ихъ намъ неизвѣстно; эпоха ихъ совпадаетъ съ временемъ господства полумионической династіи Гайкидовъ у М. Хоренскаго. Власть Урартійскихъ царей распространялась неоднократно и на южную Арменію, то-есть на области Наири Ванъ, Кирзанъ и др.

Говоря объ этническомъ составѣ жителей Урарту ученые причисляютъ ихъ къ какой-то туранской расѣ, и Ленорманъ отождествляя ихъ съ Алародійцами (это мнѣніе раньше другихъ было высказано Рауляисономъ), старается на основаніи филологическихъ данныхъ доказать принадлежность ихъ къ древне-грузинскому племени (объ этомъ уже говорено нами въ I главѣ). Эти же ученые утверждаютъ, что Армяне, исторически извѣстные съ VI вѣка до Р. Х. какъ жители Арменіи и владѣтели всей армянской территоріи, въ эпоху ассирійскихъ завоеваній не были еще въ Арменіи, а пришли туда позже, то-есть, другими словами: Урартійцы и Армяне не одинъ и тотъ же народъ и населяли Арменію въ различныя эпохи. Допустивъ такое мнѣніе въ видѣ предположенія, мы имѣемъ право спросить, въ какое же время могли явиться Армяне на смѣну Урартійцамъ? Мы знаемъ, что при Асурбанипалѣ, послѣднемъ ассирійскомъ завоевателѣ въ половинѣ VII вѣка, Урартійцы составляли еще грозную силу, не покоренную Ассирійцами. Вскорѣ послѣ того Ассирія пала подъ ударами Мидянъ и Манна (Урартійцевъ). Передъ самымъ паденіемъ Ниневіи появился въ Азіи народъ одинаково гибельный, какъ для Мидіи, такъ и для Ассиріи. Мы говоримъ объ извѣстномъ вторженіи Скивовъ или Саковъ въ царствованіе Киаксара. Пребываніе ихъ въ Передней Азіи было кратковременно, и они исчезли, оставивъ за собою слѣды опустошенія и пожаровъ. Вотъ единственный моментъ, когда на почвѣ Арменіи могли появиться Армяне, если они не были исконными, или по крайней мѣрѣ, древними жителями Арменіи.

Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ предположить, что Армяне составляли или часть Саковъ, оставшихся въ завоеванной территоріи, или отдѣльное племя, сопровождавшее Саковъ въ ихъ походахъ по не ушедшее вмѣстѣ съ ними. Но ни того, ни другаго нельзя допустить, такъ какъ оба эти предположенія совершенно противорѣчили бы тому, что намъ извѣстно изъ исторіи того времени.

Но если не въ этотъ моментъ, то откуда и когда могли вторгнуться Армяне, завосвать обширную территорію, безслѣдно уничтожить воинственный и могущественный народъ Урартійцевъ, въ теченіе столѣтій мужественно сопротивлявшійся такимъ завоевателямъ, каковы были Ассирійцы?

Припомнимъ, что это былъ періодъ образованія сильнаго Мидійскаго царства на самомъ рубежѣ Арменіи. Возможно ли допустить, чтобы въ это же время новый завоевательный народъ, покоривъ всю Арменію, не только не вступилъ въ враждебныя столкновения съ Мидіею, но помогъ ей справиться съ Ассиріею, присоединить къ себѣ ея сѣверныя области и самъ подчинился ей безъ всякаго сопротивленія. Въ надписяхъ Ассирійскихъ царей, внимательно слѣдившихъ за тѣмъ, что дѣлалось на сѣверѣ, мы не встрѣчаемъ даже намековъ на нѣчто подобное. Естественно, что ни Геродотъ, ни другіе историки не знали о такомъ крупномъ переворотѣ въ Передней Азіи, по самой простой причинѣ, потому что его вовсе и не было.

И вся эта гипотеза о позднѣйшемъ вторженіи Армянъ въ Переднюю Азію создана для того, чтобы доказать разноплеменность двухъ населявшихъ въ разное время Арменію народовъ: мнимо-туранскихъ Урартійцевъ древняго времени и арійскихъ Армянъ исторической эпохи.

Мнѣніе о туранскомъ происхожденіи древнихъ жителей Арменіи основывается, сколько намъ извѣстно, на формѣ собственныхъ именъ урартійскихъ, встрѣчающихся въ ассирійскихъ надписяхъ. Эти имена, будто бы, не заключаютъ въ себѣ ни арійскихъ, ни семитскихъ элементовъ. Основанія, по нашему мнѣнію, весьма шаткія, такъ какъ сами ассириологи не могутъ указать положительныхъ правилъ для точнаго чтенія собственныхъ именъ въ ассирійскихъ текстахъ.

Нѣсколько опредѣленнѣе выражено мнѣніе Фр. Ленормана о сущности урартійскаго языка въ его Ассириологическихъ Письмахъ. Прочитавъ на основаніи ассирійскаго Силлабара часть ванскихъ надписей, онъ, какъ мы уже видѣли въ первой главѣ, нашелъ въ нихъ изыскъ сходный съ тѣмъ, какимъ должны были говорить предки Гру-

ванскаго народа. Правда, ванскіе клинописные знаки во многихъ случаяхъ по наружному очертанію сходны съ ассирійскими, но и до сихъ поръ еще не доказано, чтобы они во всѣхъ случаяхъ имѣли тождественное съ ними звуковое значеніе.

Въ транскрипціи нѣсколькихъ рѣдкихъ собственныхъ именъ иные знаки въ обоихъ шрифтахъ оказались равнозначащими, но дальнѣйшее примѣненіе ассирійскаго Силлабара къ ванскимъ надписямъ дало столь мало удовлетворительные результаты, что въ настоящее время еще невозможно судить о характерѣ заключающагося въ нихъ языка. Съ другой стороны, намъ неизвѣстенъ тотъ языкъ, которымъ говорили до-историческіе Грузины, и слѣдовательно, сравненіе неизвѣстнаго съ неизвѣстнымъ едва ли можетъ повести къ удовлетворительнымъ выводамъ. Такимъ образомъ утвержденіе, что древніе Урартійцы этнически отличались отъ позднѣйшихъ Армянъ, еще не доказано. Между тѣмъ, существуетъ болѣе основаній склониться къ противоположному мнѣнію, то-есть, признать тождественность Урартійцевъ и Армянъ. Однимъ изъ болѣе важныхъ доводовъ мы встрѣчаемъ въ ассирійскихъ же надписяхъ, только другой, позднѣйшей эпохи. Извѣстно, что надписи Ахеменидовъ въ большинствѣ случаевъ, представляютъ группы надписей на трехъ языкахъ—древне-персидскомъ, скинскомъ или мидійскомъ и ассирійскомъ. Въ надписяхъ Дарія Гистаспа имя Армянъ въ первыхъ двухъ группахъ встрѣчается въ томъ же видѣ, въ какомъ оно встрѣчается до сихъ поръ: *Armina*, *Arminiya*, *Harminiya*, тогда какъ въ третьей группѣ, то-есть, въ ассирійскомъ переводѣ оно передано черезъ Урасту, то-есть, черезъ легкое видоизмѣненіе древнѣйшаго Урарту. Изъ этого видно, что Ассирійцы эпохи Ахеменидовъ продолжали называть жителей Арменіи почти также, какъ ихъ предки и что народъ, который назывался Армянами, современныхъ Персовъ и Мидянъ, былъ для нихъ тѣмъ же Урарту, какъ и въ болѣе древнія времена. Бываютъ случаи, что жители извѣстной страны сохраняютъ у сосѣдей свое древнее названіе, не смотря на то, что этнической составъ ихъ вслѣдствіе иммиграцій уже давно измѣнился. О такихъ вторженіяхъ, какъ о весьма крупныхъ фактахъ, исторія хранитъ кой-какія воспоминанія. Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ у Хоренскаго неоднократные намеки на то, что при завоеваніи своей территоріи Армяне нашли въ ней аборигеновъ, подчинившихся имъ. Но эти намеки относятся ко временамъ миическимъ, а не къ VII столѣтію до Р. X. О перемѣнѣ же

населенія Арменіи въ это относительно близкое къ намъ время, сколько намъ извѣстно, не сохранилось никакихъ воспоминаній.

Не составляя сами по себѣ самостоятельныхъ доказательствъ, древнія армянскія преданія о вѣковыхъ войнахъ Армянъ съ Ассирійцами, о Семирамидѣ и пр. получаютъ при указанныхъ нами доводахъ значеніе аргументовъ, не лишенныхъ нѣкоторой вѣрности.

Не смотря на все вышеизложенное, я въ настоящей статьѣ называю древнихъ жителей Арменіи не Армянами, а Урартійцами, и не потому, чтобъ я сомнѣвался въ ихъ тождественности, а потому лишь, что нѣтъ положительныхъ данныхъ о томъ, что историческое имя Армянъ современно ассирійскому Урарту. Какъ общее національное имя для обозначенія всѣхъ племенъ Армянскаго народа, оно могло возникнуть и позже.

О другихъ княжествахъ на почвѣ Урарту мы говорили выше. Здѣсь приведемъ только названія тѣхъ княжествъ, которыя хоть лежали внѣ предѣловъ собственнаго Урарту, но въ войнахъ съ Ассирійцами входили въ сферу урартійской политики. Таковы были самостоятельныя княжества, существовавшія въ Азербейджанѣ: Каралла, Зикирту, Аллабуръ, Иллипи, Харваръ. Къ западу отъ Урартіи, за Евфратомъ, въ союзѣ съ Урартійцами противъ Ассирійцевъ дѣйствовали постоянно слѣдующія области: Хилакку (Киликія), Муски, Табаль, Хаману съ городомъ Милидда (Мелитене), Гамгумъ, Каркамишъ.

Изъ прежнихъ столкновеній Ассирійцевъ съ Урартійцами припомнимъ слѣдующіе факты. Въ первые два похода въ Арменію въ 857 и 842 годахъ Салманасаръ II разбилъ Урартійскаго царя Арама и опустошилъ его владѣнія. Когда же онъ въ 830 году отправилъ въ Урарту войско подъ предводительствомъ своего тартана, то Арама уже не было въ живыхъ, а царствовалъ надъ Урартійцами Седури. Въ царствованіе Салманасара III (780—770) Ассирійцами предпринято было въ Урарту шесть походовъ. Ни о результатахъ этихъ войнъ, вѣроятно—благопріятныхъ Ассиріи, ни объ именахъ урартійскихъ владѣтелей намъ ничего не извѣстно. Въ войнахъ своихъ съ Арменіей Тагалъ-Паласаръ II встрѣтилъ противника въ Сардури, царѣ урартійскомъ, который, не смотря на организованный имъ союзъ сосѣдей, былъ на голову разбитъ Ассирійцами. Владѣнія его были опустошены, города сожжены и 7,300 чловѣкъ уведены въ неволю.

Энергичнѣе своихъ предшественниковъ наступалъ на Арменію Саргонъ (721—704). Онъ задаясь мыслію окончательно поработить Арменію и съ этою цѣлью неоднократно прибѣгалъ въ большихъ раз-

мѣрахъ къ той мѣрѣ, которая издавна практиковалась Ассирійцами, то-есть къ выселенію жителей на чужбину и къ заселенію опустошенныхъ пространствъ новыми жителями изъ отдаленныхъ мѣстностей. Но онъ встрѣтилъ въ урартійскихъ владѣтеляхъ энергическихъ противниковъ, умѣвшихъ мужественно переносить пораженія, не падавшихъ духомъ и не отказывавшихся отъ борьбы. Послѣ каждаго пораженія Урартійцы съ необыкновеннымъ искусствомъ и настойчивостью умѣли организовать противъ Ассирійцевъ новые союзы изъ князей, не разъ ими побѣжденныхъ. Во владѣніяхъ же князей, желавшихъ остаться вѣрными Ассирійцамъ, Урартійскіе цари возбуждали неудовольствіе подданныхъ, составляли заговоры, поддерживали партію сына противъ отца, брата противъ брата, низлагали ихъ и возводили на престолъ людей преданныхъ идеѣ самостоятельности и непримиримой борьбы съ Ассирійцами. Послѣдствіемъ такого взаимнаго ожесточенія была долгодлѣтная война, кончившаяся однако безъ рѣшительныхъ результатовъ. И самъ Саргонъ, какъ будто, сознается въ этомъ, говоря въ своихъ надписяхъ не о покореніи Урартійцевъ, а о веденіи съ ними войны: „Я покорилъ владѣнія Каралла, Сурда, города Кисаси, Хархара, Мидіи до Бикпо. Я подчинилъ Ассиріи область Иллици, и ведъ войны въ Урарту, я разорилъ Мусасиръ, покорилъ Андю“ и пр.

Изъ 15 извѣстныхъ намъ походовъ Саргона, о которыхъ сохранились извѣстія въ надписяхъ, пять были направлены противъ Урарту. Непримиримаго противника встрѣтилъ себѣ Саргонъ въ лицѣ Урзы, царя Урартійскаго. Подробности этихъ походовъ, сколько можно извлечь изъ сухаго изложенія надписей, заключаются въ слѣдующемъ:

Походъ III, годъ 719. Города Сундаху и Дурдукку возмутились противъ Иранзу, преданнаго Ассиріи владѣтеля Вана, и съ помощью Митати, князя области Зикирту, задумали отложиться отъ Ассиріи. Въ то же время города Сукія, Бана, Чапа, Абитикна, признали надъ собою власть Урартійскаго царя, Урзы. Саргонъ послѣшилъ наказать ихъ за эту измѣну. Онъ не только казнилъ главныхъ зачинщиковъ заговора, но и разрушилъ города, а жителей переселилъ въ Сирію и Финикію.

Походъ VI, годъ 716. Въ то время какъ Саргонъ занятъ былъ на южныхъ предѣлахъ своего государства, Урза успѣлъ образовать противъ Ассирійцевъ сильную коалицію. Онъ привлекъ къ общему дѣлу Багадати, князя Милідскаго, владѣтелей княжествъ Каралла, Зикирту и Вапа. Союзники захватили Азу, сына Иранзу преданнаго Ассирійцамъ владѣтеля Вана, умертвили его гдѣ-то въ горахъ, а власть надъ Ваномъ

передали брату его, Уллусуну. Узнавъ объ этихъ перемѣнахъ на рубежѣ своихъ владѣній, Саргонъ быстро вернулся въ Ванскую область, разбилъ союзниковъ, захватилъ Багадати и содралъ съ него кожу. Къ Уллусуну онъ былъ однако милостивъ, такъ какъ оставилъ за нимъ престолъ брата его, Азы. Между тѣмъ союзъ, составленный Урзой, не только не распался, но еще усилился вступленіемъ въ него князя области Аллабуръ. Вскорѣ на сторону союзниковъ перешель и Уллусунъ. Саргонъ, находившійся еще у Ванскаго озера, разорилъ владѣнія Уллусуна и съжегъ его столицу Изирту (столицу области Наири, какъ онъ говоритъ) и еще нѣсколько городовъ. Онъ снова простилъ Уллусуна, увеличивъ нѣсколько наложенную на него дань; князя же Аллабурскаго Итти съ семействомъ и съ частью жителей онъ переселилъ въ Хаматъ въ Сиріи.

Едва Саргонъ успѣлъ усмирить возстаніе Вана, какъ ему пришлось снѣшить на югъ Адербейджана, гдѣ жители Хархара, въ союзѣ съ Далтой, княземъ области Иллипи, стали развивать опасную для Ассиріи военную силу. Онъ разбилъ Хархарцевъ и завоевалъ области Араизи, Бетъ Раматуа, Урикатту, Сикрисъ, Сипарда, Уриаку. По срединѣ ихъ онъ построилъ Каръ-Саркинъ (крѣпость Саргона) для удержанія въ повиновеніи мидійскихъ племенъ, отъ 28 представителей которыхъ онъ получилъ значительную дань.

Изъ общаго смысла надписей Саргона выходитъ, что у Ассирійцевъ было обыкновеніе оставлять въ завоеванной странѣ старый образъ правленія, съ тѣмъ же царемъ во главѣ или съ другимъ лицомъ изъ его же семейства. Только для наблюденія за вѣрностью жителей и для сбора дани назначался особый чиновникъ въ качествѣ гражданскаго правителя. Оттого часто рядомъ съ княземъ или царемъ извѣстной области встрѣчаемъ еще намѣстника или правителя.

Походъ VII, годъ 716. Воспользовавшись удаленіемъ Саргона въ Адербейджанъ, неутомимый Урза снова соединился въ Уллусуномъ, который привлекъ на свою сторону Дайауку, назначеннаго Ассирійцами правителя Вана. Саргонъ тотчасъ поспѣшилъ на сѣверъ, отнялъ 32 крѣпости, уступленныя Уллусуномъ Урзѣ, и взялъ Дайауку въ плѣнъ. Забравъ значительное количество скота, онъ на возвратномъ пути черезъ Хубушку разорилъ нѣсколько городовъ, а жителей ихъ переселилъ въ Хаматъ.

Замѣчательно совершенное неумѣнье Ассирійцевъ удерживать свои завоеванія. Покоренный край оказываетъ покорность только пока ассирійскія войска его занимаютъ; удаленіе ихъ служитъ сигналомъ къ

возстанію. Такъ случилось и на этотъ разъ. Едва успѣлъ Саргонъ наказать Ванцевъ, какъ не задолго передъ тѣмъ покоренный Хархаръ и другія области у верховьевъ Сефидъ-руда возмутились противъ него. Это побудило Саргона вернуться назадъ и примѣрно наказать мятежниковъ: 4.820 человекъ было убито; часть жителей выселена, города разрушены и вновь построены подъ другими ассирійскими именами. Число крѣпостей вокругъ Каръ-Саркина было увеличено; мидійскіе города обложены новою данью.

Походъ VIII, годъ 714. Война открылась нападеніемъ Саргона на союзника Урзы Митати, князя области Зикирту въ Адербейджанѣ. Взять три города и 24 замка, онъ предалъ пламени Парду, столицу княжества. Митати бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти. Вскорѣ послѣ того Саргонъ встрѣтился съ Урзой, разбилъ войска его и захватилъ 250 человекъ изъ его семейства. Урза бѣжалъ въ горы Зихаръ, гдѣ блуждалъ около восьми мѣсяцевъ. Часть его владѣній въ сосѣдствѣ съ Вапомъ была присоединена къ княжеству Улдусуна Ванскаго, почему то постоянно милуемаго Саргономъ.

Хотя коренныя владѣнія Урартійцевъ находились на Араксѣ, въ семи-восьми переходахъ отъ Вана, Саргонъ, по видимому изъ осторожности не рѣшался и настолько углубляться въ непріятельскую страну. Онъ довольствовался опустошеніемъ ближайшихъ мѣстностей и областей, лежавшихъ въ окрестностяхъ Урміи. Разоривъ ихъ окончательно, онъ рѣшился двинуться противъ одного изъ могущественныхъ вассаловъ Урзы, Урзаны, князя области Мусасиръ на сѣверныхъ берегахъ Вана. Въ городѣ Мусасиръ хранилась высшая святыня Урартійцевъ, богъ (богиня?) Халди. Урзана, имя котораго дошло до насъ на одной печати, узнавъ о приближеніи Саргона, бѣжалъ въ горы, предоставивъ свою столицу на произволъ непріятеля. Занявъ Мусасиръ, Саргонъ захватилъ сокровища Урзаны, его женъ и дѣтей, 8,160 человекъ плѣнныхъ, большое количество ословъ и другаго скота. На жителей была наложена дань золотомъ, серебромъ и другими металлами. Въ то же время царь увезъ съ собой въ Ассирію боговъ урартійскихъ—Халди и Багапарту (или Багамазду).

Энергическій и мужественный Урза, не падавшій духомъ послѣ самыхъ сильныхъ пораженій, узнавъ о плѣненіи боговъ своихъ, впалъ въ отчаяніе и самъ поразилъ себя мечемъ своимъ. Приписывая смерть Урзы своимъ военнымъ успѣхамъ, Саргонъ при всякомъ случаѣ, въ разныхъ надписяхъ, повторяетъ этотъ фактъ.

Урза даже по словамъ надписей, говорящихъ только о могу-

иществъ и непобѣдимости Ассирійцевъ, является самымъ могущественнымъ и опаснымъ соперникомъ Саргона. Пораженія на него какъ будто не дѣйствовали. Послѣ каждаго проиграннаго сраженія онъ является сильнѣе прежняго. Силой или убѣжденіемъ онъ всюду вербовалъ союзниковъ и умѣлъ создать Саргону враговъ на всемъ пространствѣ отъ Киликіи до Каспія.

Походъ IX, годъ 713. Смерть Урзы не лишила союзниковъ мужества. Подданные Далты Иллипскаго, жители Беть-Дайаку и Караллы, изгнали ассирійскихъ намѣстниковъ и попробовали было отложиться. Саргонъ успѣшилъ возстановить спокойствіе въ этихъ областяхъ, усиливъ дань, платимую ими. Также поступилъ онъ съ возставшими племенами въ Адербейджавѣ и Мидіи. Улусунъ Ванскій, Далта Иллипскій и князь Аллабурскій внесли подати, а правители 45 мидійскихъ городовъ доставили 4,609 лошадей и значительное количество ослонъ и овецъ.

Войны, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, происходили на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Ассиріи. Неудачный Урза причинялъ не мало хлопотъ Саргону и въ сѣверо-западныхъ областяхъ: въ Хаману съ городомъ Милидду, въ Каркамишѣ, Мускахъ, Табалѣ, Хилаху и Гамгумѣ.

Еще въ 718 и 717 годахъ Саргонъ предпринималъ походы въ страну Мусковъ и въ Каркамишъ, владѣтели которыхъ грозили предѣламъ Ассиріи. „Во время моего V-го похода“, говоритъ онъ въ своихъ Аналиахъ (Mén. стр. 162) „Цисири, владѣтель Каркамиша, возмущился противъ великихъ боговъ. Онъ сдѣлалъ Митѣ, владѣтелю страны Мусковъ, предложенія враждебныя Ассиріи, и взялъ у него заложниковъ. Я вознесъ руки свои къ Ассурѣ, Господу моему, я изгналъ (Цисири) изъ его города, я наложилъ руки на его сокровища. Я заковалъ его въ желѣзныя цѣпи и завладѣлъ золотомъ и серебромъ его дворца. Съ нимъ вмѣстѣ я переселилъ въ Ассирію мятежныхъ жителей Каркамиша и ихъ богатства. Я взялъ у нихъ 50 колесницъ, 200 всадниковъ, 3,000 человекъ. Городъ Каркамишъ я населилъ Ассирійцами“.

Въ то время какъ Саргонъ занятъ былъ войной въ армянскихъ и мидійскихъ областяхъ, отъ него отпало нѣсколько княжествъ на сѣверо-западѣ Ассиріи. Къ сѣверу отъ Киликіи и къ западу отъ Мусковъ лежала область Табалъ. Князь этой области, Хулли, признавалъ себя данникомъ Саргона, за что получилъ руку его дочери и Киликію въ приданое. Стараніа Урзы привлечь Хулли на свою

сторону не увѣнчались успѣхомъ. Тогда онъ прибѣгнулъ къ обыкновенному средству, постоянно ему удававшемуся. Приверженцы его возмущили противъ Хулли его подданныхъ, свергли его съ престола, на который возвели сына его, Амбриса. Амбрисъ охотно заключилъ союзъ съ Урзой и съ Митой, княземъ Мусковъ, и объявилъ себя врагомъ Саргона. „Я сосчиталъ войско бога Ассурра и скошилъ всю страну Табалъ, какъ хлѣбъ. Амбариса, знатныхъ людей области, 100 колесницъ я увезъ съ собою въ Ассирію“. Въ Киликіи были построены крѣпости и подчинены ассирійскимъ намѣстникамъ.

Походъ X, годъ 712, кончился завоеваніемъ области Хаману съ городомъ Милидду. При этомъ захваченъ былъ владѣтель ея Тарунази и вмѣстѣ съ женой, сыновьями, дочерьми и 5,000 плѣнныхъ въ желѣзнымъ цѣпяхъ увезенъ въ Ассирію.

Область Хаману лежала къ западу отъ Евфрата и къ сѣверу отъ страны Мусковъ.

Походъ XI, годъ 711. Этотъ походъ былъ посвященъ завоеванію княжества Гамгумъ въ сосѣдствѣ съ Кумухомъ южнѣе Хаману. Муталлу, вѣроятно—по проискамъ Урартійцевъ, завладѣлъ престоломъ отца своего, Тархулара Гамгумскаго и объявилъ себя врагомъ Ассирии. Здѣсь также, какъ и въ другихъ мѣстахъ, мятежники разбиты, столица Маркази разграблена, страна опустошена. Надъ княжествомъ назначенъ ассирійскій намѣстникъ, а Муталлу уведенъ въ плѣнъ.

Слѣдующіе два похода Саргона имѣли цѣлью Вавилонъ и земли на сѣверномъ берегу Персидскаго залива. Только въ 708 году (XIV походъ), царь снова обратилъ свое вниманіе на сѣверо-западъ. Муталлу, князь Кумуха, заключилъ союзъ съ Аргистисомъ, царемъ урартійскимъ и уступилъ ему городъ Улидъ. Однако, испугавшись побѣдъ, одержанныхъ Саргономъ надъ Халдеями и Эламитами, онъ послалъ къ нему пословъ съ изъявленіемъ покорности. Не смотря на то, Саргонъ приказалъ квартировавшимъ на западѣ войскамъ своимъ опустошить его владѣнія. Сокровища его, состоявшія въ золотѣ, серебрѣ, въ шерстяныхъ и полотняныхъ тканяхъ, въ синихъ одеждахъ, въ пурпуровыхъ одѣяніяхъ, въ черномъ деревѣ, въ сандалѣ, въ драгоценностяхъ дворца и проч., были отправлены къ царю въ Калахъ. Кромѣ того, забраны были: его жены, дѣти, 150 колесницъ, 1,500 всадниковъ, лошади, ослы, мулы, верблюды, быки и овцы. Дань Кумуха была увеличена, и на немъ лежало обязательство выставить въ распоряженіе Саргона 150 колесницъ, 1,400 всадниковъ, 20,000 стрѣлковъ, 1,000 цитиносцевъ и (число стерто) людей, вла-

дѣющихъ копьемъ. Самъ Муталлу былъ оставленъ правителемъ страны въ качествѣ ассирійскаго намістника.

Походъ XV, годъ 707. Съ 713 года Саргонъ не былъ въ Адер-бейджапѣ. Между тѣмъ смуты, возникшія въ этой странѣ, привлекли вниманіе царя. Дѣло касалось княжества Иллипы, завоеваннаго, какъ мы видѣли, Саргономъ въ одинъ изъ предшествовавшихъ походовъ. „Пока живъ былъ Далта, князь Иллипскій, онъ былъ вѣренъ мнѣ. Но съ болѣзнями старости наступилъ его послѣдній день, и онъ послѣдовалъ по пути смерти. Нибіе и Исабара, сыновья его жентъ, заспорили о престолѣ, о правѣ на владѣніе страной и податями и приготовились къ войнѣ“. Нибіе обратился за помощію къ Эламскому царю Сутрукъ-вахунтѣ, а Исабара просилъ Саргона поддержать его. Саргонъ послѣшилъ послать къ нему свои войска, которыя, разогнавъ Эламитовъ, осадили Нибіе въ городѣ Марубисти. Городъ былъ взятъ и Нибіе въ цѣпяхъ уведенъ въ Ассирію. Возстапонивъ на престолѣ Исабару, Саргонъ поручилъ ему управленіе всѣмъ княжествомъ Иллипы.

Описаніемъ этого похода оканчивается большая надпись Саргона. О послѣднихъ годахъ его царствованія мы почти ничего не знаемъ, кромѣ постройки имъ новаго города Дуръ-Саркина и дворца въ немъ. Саргонъ былъ убитъ въ Лимму Пахиръ-Бела, правителя Амида въ 704 году, какъ видно изъ хронологическихъ таблицъ.

Мы подробнѣе остановились на экспедиціяхъ Саргона съ цѣлью указать съ одной стороны на ту важность, которую придавали Ассирійцы подчиненію себѣ армянскихъ земель, съ другой—чтобы выставить — на сколько возможно при настоящихъ источникахъ—упорное сопротивленіе, встрѣченное ими со стороны обитателей южной и сѣверной Арменіи. Мы видѣли, что въ 714 г. Саргонъ нанесъ Урартійцамъ рѣшительное пораженіе, при чемъ царь ихъ Урза въ отчаяніи лишилъ себя жизни. Слѣдовало полагать, что Ассирійцы вслѣдъ за тѣмъ участвъ свои походы въ Урарту и добьются окончательнаго ея порабощенія. Однако этого не было. Ихъ дѣйствія послѣ этого удачнаго дѣла обиаруживаются, напротивъ, такую перѣшительность въ движеніи впередъ, что мы принуждены приписать смерть Урзы не побѣдамъ Ассирійцевъ, а другимъ неизвѣстнымъ намъ причинамъ.

Пачиная съ IX похода, то-есть, съ 713 г., Саргонъ не только не повторяетъ своихъ вторженій въ Урарту, но до 709 года не упоминаетъ даже объ имени преемника Урзы. Въ то же время всѣ его послѣдующія экспедиціи направлены противъ странъ, бывшихъ союз-

ницами Урартійцевъ и входившихъ въ сферу ихъ политики. Вліяніе Урартійцевъ, какъ мы уже видѣли, распространялось не только на всѣ земли сѣверной и южной Арменіи, но и на весь Азербейджанъ на востокъ и до Киликіи и теченія Галиса на западѣ.

Выше мы говорили о томъ, что Саргонъ утвердилъ на престолѣ Иллины одного изъ претендентовъ, умолявшихъ его о помощи. Преданность Исабара была однако непродолжительна, потому что снявъ и преемникъ Саргона, извѣстный Сенахерибъ (704—680 гг.), на второмъ году своего царствованія принужденъ былъ предпринять отдѣльный походъ для его усмиренія. „Я направилъ свои стопы противъ страны Иллины. До моего прихода, Исабара, оставивъ свои сокровища, бѣжалъ на острова (Урміи?). Я, какъ буря, пронесся по его обширнымъ владѣніямъ. Я разрушилъ города Марсамбистъ и Аккуду, его крѣпости и 34 города.... Я навлекъ на Иллины всевозможныя бѣдствія; я увелъ въ плѣнъ всѣхъ жителей, большихъ и малыхъ, дѣтей и женщинъ, лошадей, ословъ“ и пр.

Открытыя враждебныя столкновенія Ассирійцевъ съ Урартійцами прекратились собственно восьмымъ походомъ Саргона. Испытавъ ихъ стойкость и мужество и не имѣя обыкновенія далеко углубляться въ непріятельскія земли, не обезопасивъ тыла, преемники Саргона по видимому, окончательно отказались отъ мысли покорить сѣверную Арменію. Однако, чтобы слѣдить за всѣми движеніями своей сосѣдки, они учредили постоянный за нею надзоръ. Пограничнымъ намѣстникамъ было приказано отправлять отъ времени до времени соглашения подъ видомъ гонцовъ и доносить двору о всѣхъ замѣчаемыхъ ими намѣреніяхъ Урартійцевъ.

Такъ при Сенахерибѣ амидскій губернаторъ, Пахиръ-Пель, посылаетъ ему депешу подобнаго содержанія. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о характерѣ такихъ депешъ, мы приводимъ ее цѣликомъ, въ томъ видѣ, какъ она помѣщена у Списа (Assyrg. Discur. 309), который перевелъ только первую ея часть: „Царю, господину моему, твой рабъ Пахиръ-Пель. Миръ царю, господину моему, миръ владѣніямъ царя, миръ его крѣпостямъ. Сердце царя, господина моего, да будетъ здорово. Относительно новостей изъ Урарту, я отправилъ туда *daili* (?). Онъ воротился и сообщилъ, что его прислали губернаторъ области Бутувни и товарищъ его. Въ городѣ Харда онъ получилъ конвой, который сопровождалъ его изъ города въ городъ до города Туруспа. Прежде твоего письма прибылъ сюда посланный отъ Аргистиса узнать о дѣлѣ, о которомъ я тебя увѣдомлялъ. Твоего рѣшенія

объ этомъ дѣлѣ не было. Лошадей, назначенныхъ для посланника я отправилъ“.

Вотъ все, что сохранилось объ отношеніяхъ Санхериба къ Урарту, если не считать того библейскаго и армянскаго сказанія, по которому сыновья Санхериба, Адрамелехъ и Сарасаръ, умертвивъ своего отца, бѣжали въ Арарадъ, то-есть въ Урарту.

Въ надписяхъ сына и преемника Санхерибова, Асуръ-ахидина, библейскаго Ассаргадона (680—669 гг.), мы не встрѣчаемъ ничего, касающагося Арменіи. Вниманіе его, главнымъ образомъ, было обращено на югъ—на Халдею и Египеть. Замѣчательно въ его надписяхъ одно мѣсто (Мѣп. 244), изъ котораго видно, что мидійскія племена уже въ его царствованіе чувствовали себя на столько сильными, что собирались напасть на Ассирію. Самъ онъ такъ повѣствуетъ объ этомъ фактѣ: „До сихъ поръ они (Мидійцы) не соединялись противъ моихъ отцовъ; но (въ это время) они напали на Ассирію. Страхъ Асура, моего господина, ихъ поразилъ, и они привезли въ мою столицу, Нпневію, своихъ крупныхъ животныхъ и мѣдъ изъ своихъ рудниковъ“ и пр.

Послѣднимъ завоевателемъ и предпослѣднимъ царемъ Ассиріи былъ Асурбанипаль, продолжительность царствованія котораго не извѣстна въ точности. Полагаютъ, что онъ правилъ отъ 669 по 627 годъ. Между жестокими царями Ассиріи онъ былъ однимъ изъ самыхъ жестокихъ, но въ то же время онъ отличался покровительствомъ литературѣ и искусствамъ. Отъ него, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ надписей, сохранилась одна большая и обстоятельная, нѣсколько разъ переведенная Смесомъ. Въ ней съ большими подробностями разказываются походы Ассирійскаго царя въ Египеть, Сирію, Еламъ, Вавилонъ и въ Аравію.

Относительно армянскихъ земель мы узнаемъ изъ нея не много: говорится только объ одномъ его побѣдоносномъ походѣ въ Ванъ (Манна), около 664 года. Мы уже не разъ замѣчали, что эта область, не смотря на свое близкое сосѣдство съ Ассиріей, въ теченіе четырехъ вѣковъ была цѣлью ассирійскихъ походовъ и на столько сохранила въ себѣ силу сопротивленія, что послѣдній ассирійскій завоеватель считалъ необходимымъ предпринять туда отдѣльный походъ, имѣвшій, по обыкновенію, удачный для Ассирійцевъ исходъ. Такъ разказывается этотъ походъ въ большой надписи Асурбанипала, переведенной Смесомъ (Assyr. Discov. 333): „Въ четвертый мой походъ я

собралъ мою армію; противъ Ахсера ¹⁾, царя Минни (Манна, Ванъ) я направилъ свое движеніе. По повелѣнію Асура, Сина, Шамаса, Вула, Бела, Небо, Иштары Нивевійской, Сарать-Китмури, Арбельской Иштары, Нинипа, Нергала и Нуску, вступилъ я въ страну Минни и прошелъ по ней побѣдоносно. Его большіе города и безчисленное множество малыхъ городовъ, посреди Изирту, я взялъ, разрушилъ, разграбилъ и сжегъ. Людей, коней, ословъ, быковъ и овецъ изъ этихъ городовъ я вывелъ и сдѣлалъ ихъ своею добычей. Услыша о моихъ успѣхахъ, Ахсера покинулъ свою столицу, Изирту, бѣжалъ въ свой замокъ Истати и въ немъ скрылся. Я взялъ этотъ округъ, опустошилъ и занялъ возвышенныя мѣста. Ахсера не испугался моего могущества и повелѣнія Иштары Арбельской, которая съ самаго начала изрекла: „Я разрушительница Ахсеры, царя Минни, и какъ я повелѣла, такъ и совершится“. Она выдала его въ руки его служителей, и возбудила противъ него его подданныхъ. Служители его въ виду города умертвили его и разорвали на куски тѣло его. Они истребили его братьевъ, родственниковъ и поколѣнія его отца мечемъ. Послѣ того возсѣлъ на престолѣ сынъ его Ваалли (Самалли), могуществомъ Ассури, Сина, Шамаса и пр. Онъ призналъ и подчинился моему игу. Онъ отправилъ въ Нивевію старшаго сына своего, Ерисинни и облобызалъ мои ноги. Я оказалъ ему благосклонность и отправилъ къ нему посланника. Свою родную дочь онъ отправилъ ко мнѣ какъ наложницу. Прежнюю подать, которую они перестали платить со времени моихъ отцовъ, они доставили мнѣ. Сверхъ прежней дани я наложилъ на нихъ обязательство доставлять тридцать лошадей“. О другихъ походахъ его въ Армянскую землю мы не знаемъ.

Мы уже видѣли, что со времени Саргона Ассирійцы прекратили свои вторженія въ Урарту, и нашли выгоднѣе для себя поддерживать съ ними дружественныя сношенія. Это видно изъ того мѣста надписи (строки 22—30, X столбца), гдѣ говорится: „Садури, царь Урарту. Цари отцы его находились въ дружественныхъ сношеніяхъ съ моими отцами. Услыша о великихъ подвигахъ, прославившихъ меня, Садури, какъ сынъ къ отцу, обращался ко мнѣ и въ этихъ словахъ прислалъ мнѣ привѣтъ: „Привѣтъ царю, господину моему“. Съ почтительностью и покорствомъ онъ послалъ мнѣ многочисленныя подарки“. Не было примѣра, чтобъ кто-либо изъ Ассирійскихъ царей такъ мягко

¹⁾ Ср. съ *Iksersa*, *Ikserissa*, мидійскою формой имени *Ксеркса*; см. *Oppert*, *Le peuple et la langue des Mèdes*, p. 252.

и сердечно отзывался о чужестранцѣхъ. Мнѣ всего можно было ожидать такой нѣжности отъ Асурбанипала, жестокаго побѣдителя Египтянъ, Сирійцевъ, Эламитовъ и другихъ народовъ. Очевидно, страхъ, внушаемый Урартійцами, былъ причиной этой долготѣней съ ними дружбы со стороны Ассирійцевъ.

На одной изъ стѣнъ Асурбанипалова дворца, покрытыхъ изображеніями, представленъ царь, сидящій на колесницѣ и принимающій пословъ. Надъ изображеніемъ находится слѣдующая надпись: „Я, Асурбанипаль, царь Ассиріи. Вельможи Урзы, царя Урарту, пришли просить меня о дружбѣ. Набудамика и Умбадара, вельможъ эламскихъ, я въ оковахъ въ ихъ присутствіи поставилъ. При нихъ я приказалъ вырвать языкъ и разодрать кожу Ману-ки-ахи и Шивинъ-узали“. Дѣло происходило послѣ удачно кончившейся эламской войны. Послы, вѣроятно, прибыли съ поздравленіями отъ Урзы Урартійскаго, и царь, желая выказать имъ свое особенное расположеніе, приказалъ казнить въ ихъ присутствіи плѣнныхъ эламскихъ вельможъ.

Этимъ сообщеніемъ кончаются всѣ извѣстія Ассирійцевъ объ Урарту и другихъ жителяхъ древней Арменіи. Впрочемъ, вскорѣ прекратилось и самое существованіе Ассирійской монархіи. Въ 606 (608?) году Кіаксаръ Мидійскій, при помощи Вавилонянъ, взялъ Ниневію и тѣмъ положилъ конецъ вѣковымъ вторженіямъ въ предѣлы сосѣдей этого завоевательнаго народа, расположившагося лагеремъ въ долину средняго Тигра.

Не разъ мы въ теченіе нашего изложенія имѣли случай замѣчать, что нападеніямъ Ассирійцевъ съ самыхъ древнихъ временъ одинаково подвергались какъ мидійскія, такъ и южно-армянскія племена, и не разъ говорится о нихъ въ надписяхъ, какъ о народахъ окончательно покоренныхъ и подчиненныхъ Ассиріи. Въ противоположность Наирцамъ, Урартійцы съ перваго съ ними столкновенія еще при Салманасарѣ II умѣли внушить Ассирійцамъ такой страхъ, что съ половины царствованія Саргоша и до самаго паденія монархіи, мы не встрѣчаемъ въ надписяхъ походовъ, направленныхъ противъ ихъ собственныхъ владѣній. Правда, такіе походы были дѣлаемы въ Манна и въ другія области южной Арменіи, находившіяся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Урартійцамъ, но Ассирійцы, впадая на эти послѣднія, непонятнымъ для насъ образомъ умѣли сохранить дружбу съ первыми.

По увѣренію Геродота, Мидійцы, при помощи Вавилонянъ, въ 606 году взяли Ниневію и тѣмъ прекратили существованіе Ассиріи. Объ

Урартійцахъ и другихъ племенахъ при этомъ умалчивается, хотя трудно предположить, чтобъ въ такомъ важномъ событіи, какъ распадѣніе ассирійской монархіи, не приняли участія самыя сильныя изъ сосѣдей ассирійскихъ, именно Урартійцы.

Въ отрывкѣ одной надписи, переведенной Сайсомъ (Sayce) и помѣщенной въ *Records of the Past*, говорится о Кастариту¹⁾, царѣ Мидійскомъ, который, при помощи Киммеріянъ, жителей Манна и племени Сапарда, угрожалъ Ниневіи. Дѣло происходило при Асаргадонѣ II, то-есть, почти въ моментъ паденія Ассиріи. Нѣтъ сомнѣнія, что эта угроза заключалась въ послѣднихъ приготовленіяхъ Кіаксара къ завоеванію Ниневіи, и въ нихъ участвовали жители Манна, то-есть, жители южной Арменіи.

Извѣстіе, сохранившееся у Моисея Хоренскаго объ участіи армянскаго царя Паруйра въ завоеваніи Ассиріи, по нашему мнѣнію, лишено историческаго основанія, такъ какъ оно придумано съ цѣлью доставить и Армянамъ участіе въ такомъ важномъ событіи въ передней Азіи, въ которомъ, по мнѣнію Ктезія, главныя роли распредѣлены были между Арбакомъ и Белезисомъ. Но такъ какъ въ 715 году не было никакого завоеванія Ассиріи Мидійцами, то участіе въ этомъ завоеваніи Армянъ можно считать фикціей Моисея Хоренскаго или его источника.

Изъ ассирійскихъ источниковъ мы добыли имена слѣдующихъ царей Урартійскихъ:

Арамъ 857, 842.

Седури 830.

Сардури 742.

Урза 719—714.

Аргистисъ 708.

Садури 645.

Урза 635.

Изъ первой главы настоящаго труда (Ж. М. Нар. Пр. 1874 года, январь) мы уже знаемъ, что въ клинообразныхъ надписяхъ, начертанныхъ на скалахъ вокругъ города Ваца, встрѣчаются имена нѣсколькихъ царей, которые царствовали въ теченіе извѣстнаго періода, при

¹⁾ Это имя въ персидской клинописи читается *Uvakhshatara*, въ мидійской—*Vakistara*, такъ что ассирійская форма, если только она правильно прочитана, происходитъ изъ мидійской съ опущеніемъ перваго слога *va*. Ср. *Sattarita* у *Oppert*, *Le peuple et la langue des Mèdes*, p. 147.

чемъ власть переходила отъ отца къ сыну, въ продолженіе пяти поколѣній.

Вотъ эти имена, какъ они читаются при настоящихъ нашихъ свѣдѣніяхъ о ванскомъ письмѣ:

- 1) Белитдурисъ (вѣроятнѣе: Седури или Сардури), сынъ Лутибри.
- 2) Избуинисъ, сынъ Белитдуриса.
- 3) Минуасъ, сынъ Избуиниса.
- 4) Аргистисъ, сынъ Минуаса.
- 5) Белитдурисъ II, сынъ Аргистиса.

Вопросъ заключается въ томъ, въ какомъ отношеніи находятся эти шесть именъ къ урартійскимъ царскимъ именамъ, вычитаннымъ нами изъ ассирійскихъ памятниковъ. Кунееологи, и главнымъ образомъ Фр. Ленорманъ, который подробнѣе другихъ занимался исторіей Арменіи по клинописнымъ источникамъ, увѣряютъ, что всѣ эти имена принадлежатъ царственнымъ лицамъ одного и того же семейства и относятся къ періоду отъ IX до VII столѣтія до Р. Хр., и что въ теченіе этого времени лица обѣихъ группъ царствовали одно послѣ другаго. При этомъ предполагается, что монархическій принципъ былъ такъ сильно въ то время развитъ въ Урарту, что на всемъ пространствѣ сѣверной Арменіи одновременно царствовалъ только одинъ царь.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется г. Ленорману преемственность означенныхъ царей, причемъ извѣстный историкъ подъ именами Белитдуриса II, Избуиниса и Минуаса разумѣетъ не по одному, а по два и даже по три царя:

- 1) Арамъ 857, 842.
- 2) Седури 830.
- 3) Лутибри.
- 4) Белитдурисъ I.
- 5) Избуинисъ I.
- 6) Сарда 742.
- 7) Минуасъ I.
- 8) Урза 719—714.
- 9) Аргистисъ 708.
- 10) Избуинисъ II.
- 11) Ихсарисъ или Ахсера.
- 12) Белитдурисъ II (Сардури, Асс. памятн.) 645.
- 13) Избуинисъ III.
- 14) Минуасъ II.

Здѣсь въ числѣ 14 Урартійскихъ царей встрѣчаемъ на одиннадцатомъ мѣстѣ И х с а р и с а (Ахсера, по чтенію Менана и Смиса). Намъ непонятно, на какомъ основаніи г. Ленорманъ въ число Урартійскихъ царей помѣстилъ царя Ванскаго. Въ надписяхъ Асурбанипала, который воевалъ съ Ахсера, этотъ послѣдній ни разу не названъ царемъ урартійскимъ, а постоянно царемъ Манна (или Минни, какъ транскрибируетъ большинство кунеологовъ это имя, имѣя въ виду библейскій народъ Минни). Еслибъ онъ во всѣхъ случаяхъ отождествлялъ Манна съ Урарту, то ему слѣдовало бы въ число Урартійскихъ царей принять не только Ахсера, но и Иравзу, Азу, Уллусуна и другихъ, имена которыхъ приведены въ нашемъ изложеніи.

Въ царствованіе Асурбанипала мы видѣли, какъ этотъ завоеватель дорожилъ дружбой Урартійскихъ царей, и даже въ одномъ мѣстѣ выразилъ, что отцы Сардури, царя урартійскаго, всегда находились въ дружественныхъ отношеніяхъ къ его отцамъ, и что самъ Садури относился къ нему, какъ сынъ къ отцу (Ménap, p. 275). Этотъ же самый Асурбанипалъ, поддерживая дружбу съ Урартійцами, ведетъ однако ожесточенную войну съ Ахсера Манскимъ, и послѣ кровопролитныхъ битвъ, подчиняетъ его и беретъ себѣ его внучку въ наложницы. Изъ сказаннаго съ достаточною ясностью вытекаетъ, что Ахсера никоимъ образомъ не могъ быть царемъ Урартійскимъ.

Хотя область Манна весьма часто находилась въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Урарту, но нѣтъ указаній на то, чтобы цари Урартійскіе когда-либо называли себя царями Манна. Мы полагаемъ поэтому, что имя И х с а р и с а должно быть вычеркнуто изъ серіи Урартійскихъ царей.

Родственные отношенія нѣкоторыхъ изъ этихъ царей г. Ленорманъ представляетъ въ слѣдующемъ видѣ:

Если мы въ списокѣ г. Ленормана къ нѣкоторымъ именамъ представимъ хронологическія данныя, добытыя изъ ассирійскихъ памятниковъ (такъ оно и сдѣлано выше), то получимъ довольно вѣрное представленіе о времени царствованія тѣхъ царей, имена которыхъ встрѣчаются въ ванскихъ надписяхъ. Вопросъ о преемственности Урартійскихъ царей разработанъ г. Ленорманомъ съ замѣчательною эрудиціей. Остроумныя комбинаціи, созданныя имъ для поддержанія своего предположенія, довольно правдоподобны. При существующихъ средствахъ едва ли можно сдѣлать болѣе того, что сдѣлано имъ для пониманія смысла недоступныхъ чтенію надписей.

При всемъ томъ, нѣкоторое недоумѣніе возбуждаетъ слѣдующее обстоятельство. Главнымъ основаніемъ для составленія изъ двухъ группъ одной непрерывной серіи 13 царей служитъ для г. Ленормана имя Аргистиса, встрѣчающагося въ обѣихъ группахъ. Первая группа добыта изъ ассирійскихъ памятниковъ и принадлежитъ Урартійскимъ царямъ, съ которыми Ассирійцы воевали въ сѣверной Арменіи. Столицей ихъ былъ Арзаскунь къ сѣверу отъ Мурадъ-чая. Вторая группа именъ встрѣчается въ ванскихъ надписяхъ на скалахъ Вана. Тождество Манна ассирійскихъ надписей съ городомъ Ваномъ нашего времени есть только предположеніе, а не доказанный фактъ. Зная, какъ часто область Манна бывала во власти Ассирійцевъ, мы сомнѣваемся, чтобы въ ней долгое время могла существовать столица независимыхъ Урартійцевъ, такъ чтобы пять или шесть царей послѣдовательно въ ней царствовали, не бывъ обезпечены вторженіями Ассирійцевъ.

Мы уже раньше говорили, что жители древней Арменіи, какъ сѣверной, такъ и южной, въ этнографическомъ и религіозномъ отношеніяхъ принадлежали къ одной расѣ и культурѣ. Спрашивается, почему Аргистисъ одной группы долженъ быть непременно тождественъ съ Аргистисомъ другой? Развѣ не могло одно и то же имя встрѣчаться и у Урартійцевъ и у жителей области Манна? Почему Урартійцы, центръ могущества которыхъ находился въ сѣверной Арменіи, вдругъ очутились у Ванскаго озера, гдѣ мы ихъ ни разу не встрѣчаемъ въ надписяхъ. Хотя памятники ванскаго письма встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ Арменіи (см. I главу), но нигдѣ не сосредоточено такое ихъ количество (40 изъ 60) какъ въ окрестностяхъ Ванскаго озера. Еслибы авторами ихъ были цари Урартійскіе, то по всей вѣроятности, главная масса надписей встрѣчалась бы въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя были

исконными родовыми владѣніями Урартійцевъ, а не въ завоеванной области. Далѣе, въ ассирійскихъ памятникахъ Урза, братъ Аргистиса, выставленъ однимъ изъ самыхъ воинственныхъ и энергическихъ царей Урарту. Въ ванскихъ же надписяхъ Аргистиса, его отца и сына ни разу не упоминается это имя, или по крайней мѣрѣ не было до сихъ поръ открыто. Едва ли имя такого царя было бы обойдено, еслибъ онъ дѣйствительно принадлежалъ къ семейству царей, начертавшихъ ванскія надписи. И такъ, гораздо вѣроятнѣе, что Аргистисы въ обѣихъ группахъ именъ, лица разныхъ династій; а съ уничтоженіемъ ихъ тожества, прекращается и главное основаніе для слитія именъ обѣихъ группъ въ одну непрерывную серію царей.

Выше, въ главѣ III, мы разобрали имена первой династіи Армянскихъ царей Гайкидовъ. Мы видѣли, что первая десятъ именъ заимствованы изъ армянскихъ этическихъ сказаній. Только имя Арама могло сохраниться изъ дѣйствительно историческихъ воспоминаній Армянъ. Слѣдующія тридцать именъ составлены въ pendant къ именамъ тридцати Ассирійскихъ царей у Ктезія, отъ Ниніаса до Сарданапала, при чемъ современникомъ Велезиса и Арбака названъ армянскій Паруйръ.

Такимъ образомъ, новѣйшими открытіями кунелогіи упраздняется та часть исторіи древней Арменіи до Тиграпа, которую сохранилъ и передалъ намъ Моисей Хоренскій въ первой главѣ своего историческаго труда. Въ замѣву ея являются извѣстія клинописныхъ памятниковъ, имѣющихъ за собою преимущества реальности и современности разсказываемыхъ событіямъ. Сколько-нибудь связной исторіи нельзя было извлечь изъ сухихъ донесеній ассирійскихъ надписей, но кое-какія данныя, рисующія дѣйствительное положеніе дѣлъ въ отдаленную историческую эпоху, мы все-таки изъ нихъ получаемъ. Мы знакомимся съ политическимъ раздѣленіемъ страны, съ именами царствъ и княжествъ, съ именами царей и князей, съ ихъ эпохой, съ кой-какими географическими данными, узнаемъ — въ какое время и съ какими Ассирійскими царями вели войны жители занимающаго насъ края, съ кѣмъ они заключали союзы, въ чемъ заключались главныя ихъ занятія и пр. Мы вполне согласны, что этого очень мало для исторіи народа и страны, но въ Исторіи Хоренскаго относительно интересующей насъ эпохи фактовъ никакъ не болѣе. Не забудемъ при этомъ и того, что хотя многое изъ надписей уже открыто и прочитано, по десятиро большее находится еще въ нѣдрахъ земли и сдѣлается впоследствии

достояніемъ науки. Кромѣ того, въ открытыхъ и доступныхъ уже памятникахъ провицательный изслѣдователь прочтеть со временемъ гораздо болѣе того, что мы могли въ нихъ прочесть ¹⁾).

¹⁾ Я только что получилъ изъ Лондона отъ г. Говорта извѣстіе, что извѣстный ассиріологъ Салесъ готовитъ къ печати «Древнюю Исторію Арменіи» на основаніи новыхъ надписей, еще не изданныхъ и не переведенныхъ.

К. Наткановъ.

ГОРОДСКІЯ ОБЩИНЫ ДАЛМАЦІИ ВЪ X — XI ВВ.

Вопросъ о происхожденіи городскихъ общинъ въ средніе вѣка составляетъ одинъ изъ капиталнѣйшихъ вопросовъ исторіи этого времени. Его сущность сводится къ тому, чтобъ опредѣлить, какое вліяніе имѣли на происхожденіе коммунальныхъ учрежденій муниципальныя формы Римской имперіи и древне-германское общественное устройство. Романисты и германисты высказали совершенно различныя воззрѣнія по поводу вліянія того и другаго элемента, и ихъ споръ не можетъ считаться оконченнымъ до настоящаго времени. Мы думаемъ, что правильное рѣшеніе этого вопроса невозможно будетъ до тѣхъ поръ, пока къ изслѣдованію его не будетъ приложенъ тотъ методъ, который оказалъ уже значительную пользу при разъясненіи многихъ темныхъ историческихъ вопросовъ, методъ сравнительный. Нѣтъ сомнѣнія, что сравнительное изученіе муниципальнаго строя славянскихъ и германскихъ общинъ, сравнительное изученіе ихъ статутовъ много будетъ способствовать точному опредѣленію роли романскаго элемента въ образованіи средневѣковыхъ городскихъ общинъ.

Почти одновременно съ вторженіемъ Лонгобардовъ въ Италію, съ вторженіемъ, которому приписываютъ огромное вліяніе на судьбу италянскихъ муниципій, шла славянская колонизація Балканскаго полуострова. Подобно Лонгобардамъ, Славяне встрѣтили на занятыхъ ими земляхъ римскія муниципіи; подобно Лонгобардамъ, они вошли въ составъ городского населенія. Въ какія юридическія отношенія стали туземное и пришлое населенія, какъ измѣнился римскій муниципальный строй подъ вліяніемъ новаго, пришлаго элемента, другими словами—какова была историческая судьба муниципій болгарскихъ, часть ссхiv, отд. 2.

сербскихъ и хорватско-далматинскихъ,—вотъ вопросы, на которыхъ съ полнымъ правомъ можетъ остановиться свое вниманіе славянскій историкъ. Въ наиболѣе благоприятныя условія для изслѣдованія поставлена исторія хорватско-далматинскихъ общинъ. Мы имѣемъ историковъ отдѣльныхъ общинъ (*Thoma Archidiaconus Spalatensis Historia Salonitana*), изданія нѣсколькихъ общинныхъ статутовъ, документы, опредѣляющіе внутреннюю жизнь общины и ихъ отношенія къ сосѣднимъ государствамъ, отъ которыхъ онѣ зависѣли. Всѣ эти матеріалы уже обнародованы, но ими далеко не исчерпываются источники для исторіи далматинскихъ общинъ; часть статутовъ находится еще въ рукописяхъ, документы Венеціанскаго архива изданы еще далеко не всѣ; далматинскія общины съ XIII—XIV вв. имѣли свои собственные архивы; имѣли архивы и монастыри и церкви (изъ послѣднихъ много заимствовала Люцій для своего труда „*Memorie Istoriche della citta di Trau*“). Когда будутъ собраны и приведены въ систему всѣ названные источники, можно будетъ представить цѣльную картину развитія муниципальных учреждений въ Далмаціи, но очеркъ ея можно набросать и теперь; поэтому сравнительное изученіе германскихъ и славянскихъ городскихъ общинъ удобнѣе всего начать съ хорватско-далматинскихъ. Основные факты вѣднѣйшей исторіи этихъ общинъ опредѣляютъ отдѣльныя работы, на которыя должно распасться изслѣдованіе ихъ развитія и взаимодѣйствія романскаго и славянскаго элементовъ.

Такъ какъ далматинскія общины входили первоначально въ составъ Римской имперіи, по раздѣленіи ея перешли къ Византіи, нѣкоторое время зависѣли отъ Готовъ, испытали на себѣ вліяніе аварскихъ вторженій, съ VII вѣка пришли въ постоянное соприкосновеніе съ Славянами, завися въ то же время отъ Византіи, а съ XII вѣка зависѣли то отъ Угрии, то отъ Венеціи,—то первую задачей историка является опредѣленіе того вліянія, которое имѣло на внутреннюю жизнь общинъ измѣненіе въ ихъ вѣднѣйшихъ отношеніяхъ. Готы и Угры не произвели измѣненій во внутреннемъ строѣ общинъ первые—потому, что не долго господствовали въ Далмаціи, вторые же потому, что не вмѣшивались во внутреннюю жизнь общинъ, ограничившись замѣной пріоровъ графами въ началѣ XII вѣка. Гораздо важнѣе вліяніе Венеціи и Италіи вообще. Внутренній строй общинъ, взаимныя отношенія органовъ муниципальнаго самоуправленія, законодательство испытали сильное давленіе со стороны Венеціи. Обще-итальянскія городскія учрежденія также имѣли значительное вліяніе на измѣненія

во внутреннемъ строе даламатинскихъ общинъ. Извѣстно, что въ первой половинѣ XIII вѣка въ Сплитѣ является подеста изъ Анконы, и община устраивается совершенно по образцу итальянскихъ, управлявшихся подестами, что первый подеста приступилъ къ кодификаціи обычнаго права Сплита и издалъ „*Capitularium*“, дополнивъ его другими постановленіями въ области гражданскаго и частнаго права, судопроизводства, наказаній, что этотъ *Capitularium* Сплитскій былъ образцомъ для Трогирскаго и другихъ ¹⁾. Статуты общинъ не прежде, такимъ образомъ, могутъ дать матеріалъ для характеристики первоначальныхъ отношеній славянскаго и романскаго элемента въ общинахъ Далмаціи, какъ по выдѣленіи изъ нихъ всего того, что было привнесено извнѣ подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ Италіи. То же нужно сказать и относительно муниципальныхъ учрежденій.

Для настоящаго этюда мы избрали эпоху, въ которую не закончился еще процессъ образованія новыхъ итальянскихъ общинъ, и послѣднія не могли еще сдѣлаться образцомъ подражанія для даламатинскихъ, въ которую общины не имѣли еще широкихъ сношеній съ Италіей, и временная зависимость ихъ отъ Венеціи выражалась только платой незначительной дани, въ которую, такимъ образомъ, мы можемъ наблюдать только взаимодействіе римско-византійскаго и славянскаго элементовъ. Наши источники ограничиваются документами, помѣщенными въ „*Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae*“ (1874) Кукулевича-Сакцинскаго. Они даютъ намъ возможность опредѣлить въ общихъ чертахъ племенной составъ городского населенія, положеніе славянскаго элемента въ общинахъ, муниципальное устройство, отношенія общинъ къ центральной власти въ хорватскомъ государствѣ и возстановить въкоторыя черты обычнаго права, преимущественно гражданскаго.

Въ памятникахъ XI вѣка жители даламатинскихъ общинъ называются „*homines latini*“ ²⁾, но это не значитъ, что въ общинахъ не было славянскаго элемента. Достаточно просмотрѣть подписи подъ общинными документами, обратить вниманіе на встрѣчающіяся въ нихъ собственные имена и мѣстныя названія, чтобъ убѣдиться въ значительномъ присутствіи славянскаго элемента въ общинахъ Далмаціи. Изъ этихъ именъ и названій можно составить цѣлый словарь.

¹⁾ Thoma Archidiaconus, Hist. Salon. *Schwandtler*, Ser. r. Hung., III, 593.

²⁾ *Codex diplom. doc.*, CXVI, p. 105.

Для примѣра можемъ указать на встрѣчающіеся въ грамотахъ Зары, Крка, Раба, Осора, Сплита имена: Dabro, Dabrizza, Drago, Stredrago, Pribina, Techamila, Milica, Striectehus, Zremilus. Что присутствіе этого элемента въ общинахъ было весьма значительно, видно изъ того, что нѣкоторые документы писались *rustico sermone*¹⁾ (то-есть, на славянскомъ языкѣ) и потомъ, вѣроятно, переводились на латинскій. Этотъ же фактъ доказываетъ, что Славяне еще не латинизировались. Въ пользу послѣдняго вывода говоритъ также подпись кириллицей на одномъ дубровницкомъ документѣ XI вѣка²⁾. Дѣло Кирилла и Меодія способствовало и здѣсь, какъ вездѣ, обособленію славянской національности.

Находившееся въ далматинскихъ общинахъ славянское населеніе не было господствующимъ классомъ; это видно изъ того, что между рабами, принадлежавшими далматинскимъ побилямъ, встрѣчаются въ значительномъ количествѣ Славяне. Изъ 15 именъ рабовъ, упоминаемыхъ въ завѣщаніи зарскаго пріора Андрея (919 г.), половина несомнѣнно славянскаго происхожденія³⁾. Оно не было также и подчиненнымъ классомъ, такъ какъ личности славянскаго происхожденія были пріорами⁴⁾, трибунами⁵⁾, упоминаются въ числѣ побилей той или другой общины⁶⁾. Такъ какъ оно не было ни господствующимъ, ни подчиненнымъ классомъ, то оно, очевидно, соединено было съ романскимъ населеніемъ на началахъ равноправности. Еслибъ отъ X вѣка сохранилось болѣе документовъ, то мы могли бы съ несомнѣнностью установить фактъ, что значеніе славянскаго элемента въ жизни общинъ Далмаціи идетъ прогрессивно, увеличиваясь съ X до конца XI вѣка, такъ какъ въ документахъ X вѣка мы встрѣчаемъ только три имени славянскаго происхожденія между трибунами общины Зары, а въ концѣ XI вѣка встрѣчаемъ Славянъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ Латинянъ между представителями общинной власти—пріорами, и пріорское достоинство, не смотря на систему свободныхъ выборовъ, передается иногда наследственно въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ. Въ Зарѣ съ 986 по 1036 г. пріоратъ былъ сосредоточенъ въ фамиліи

1) Codex diplom. doc., CXLIX, p. 130.

2) Ibid., CXIV, p. 103.

3) Ibid., CIX, 76.

4) Ibid., p. 118, 124, 136, 149 и др.

5) Ibid., p. 76, 95 и др.

6) Ibid., p. 95, 103 и др.

Мадія, на славянское происхождение которой указываютъ славянскія имена ея членовъ (Dabro, Vekenega), а также и то, что Мадій называется когватомъ короля Крешимира ¹⁾. Нѣкоторые изъ членовъ этой фамиліи были, сверхъ того, епископами Зары ²⁾. Съ 1066 года до 1096 приоратъ сосредоточенъ на фамиліи Драго, дѣдъ и внуки; члены этой фамиліи также были епископами ³⁾.

Составленное изъ романскаго и славянскаго элементовъ населеніе далматинскихъ общинъ является уже въ X вѣкѣ раздѣленнымъ на *nobiles* и *populus*. Взаимныя отношенія этихъ классовъ городского населенія становятся извѣстны только съ конца X вѣка. Въ это время нобили составляютъ уже, кажется, специальный совѣтъ пріора, съ которымъ послѣдній рѣшаетъ спорныя дѣла. Единственный документъ, упоминающій о совѣтѣ нобилей, не даетъ возможности опредѣлить составляли ли нобили постоянный совѣтъ пріора или приглашались только временно, а также простиралась ли ихъ компетентность на всѣ дѣла общины или только на дѣла нобилей.

Въ XI вѣкѣ нобили пользуются исключительнымъ правомъ занимать городскія должности трибуновъ, *judicatores*; это видно изъ того, что въ тѣхъ документахъ, гдѣ находятся подписи этихъ чиновниковъ, выше обыкновенно говорится: „*prior cum suis nobilibus*“ ⁴⁾. Ниже мы подробнѣе разсмотримъ положеніе нобилей и ихъ отношеніе къ народу.

Главнымъ источникомъ существованія какъ для нобилей, такъ и для простыхъ гражданъ, было земледѣліе. Каждый гражданинъ былъ землевладѣлецъ-собственникъ. Земли давали возможность гражданамъ заниматься также винодѣліемъ и скотоводствомъ. Что виноградниковъ было очень много вокругъ городовъ, видно изъ постояннаго упоминанія о нихъ въ дарственныхъ грамотахъ и завѣщаніяхъ ⁵⁾. На значительное развитіе скотоводства указываетъ то, что нобили, какъ зарскій пріоръ Андрей (919 г.), имѣли до 1000 головъ скота ⁶⁾. Рабы обрабатывали землю и пасли скотъ нобилей; въ завѣщаніяхъ они дѣлятся между наслѣдниками наравнѣ съ прочимъ движимымъ и не-

¹⁾ Cod. diplom. doc., CLV, p. 126.

²⁾ Ibid., CLIX, p. 129.

³⁾ Ibid., CCXXIII, p. 184.

⁴⁾ Codex diplom. doc., CXLVIII—CXLIX, p. 129, 130.

⁵⁾ Ibid., LXXXIX, CCIX, p. 75, 170.

⁶⁾ Ibid., LXXXIX, p. 75, 76.

движимымъ имуществомъ ¹⁾. Изъ числа ихъ выдѣлялся классъ отпущенниковъ по завѣщаніямъ. За недостаткомъ источниковъ, трудно сказать, какое положеніе занимали они въ общинѣ, получивъ свободу. Иногда господинъ, отпуская по завѣщанію для спасенія своей души рабовъ, надѣлялъ ихъ недвижимою собственностью, напримѣръ, виноградниками ²⁾. Низшій классъ городского населенія, вѣроятно, самъ обрабатывалъ свои участки. Промышленность существовала уже въ общинахъ, удовлетворяя даже потребностямъ роскоши (существованіе золотыхъ дѣлъ мастеровъ констатируется грамотами), но ремесленники были въ то же время и землевладѣльцами ³⁾. Нѣкоторыя отрасли добывающей промышленности производились компаніями, передававшими свой промыселъ наслѣдственно ⁴⁾. Такова была, напримѣръ, корпорація зарскихъ рыбаковъ (*piscatores, seu gripatores*), состоявшая изъ Славянъ; она совершаетъ даренія, какъ юридическое лицо ⁵⁾. Довля производилась сообща, и полученный уловъ дѣлился между артельниками ⁶⁾. Иногда такія корпораціи (артели) составлялись изъ побилей и брали на откупъ угодыя и ловли, составлявшія собственность общины ⁷⁾. Въ какомъ отношеніи стояли эти артели въ „*corporati*“ и „*collegiati*“ императорской эпохи, трудно сказать за крайнею скудостью извѣстій. Наслѣдственность, характеризующая корпорацію зарскихъ рыбаковъ, намекаетъ отчасти на генетическую связь между корпораціями императорской эпохи и далматинскими корпораціями XI вѣка.

Общинное устройство показываетъ, что нобили и народъ пользовались не одинаковыми правами въ дѣлахъ управления. Полное собраніе гражданъ составляло общій совѣтъ города. По нѣкоторымъ указаніямъ можно думать, что составъ его не опредѣлялся извѣстнымъ возрастомъ членовъ. Въ 1044 году въ Дубровникѣ для рѣшенія нѣкотораго вопроса приглашенъ былъ общій городской совѣтъ, въ составъ котораго вошли *nobiles atque ignobiles, tam senes, juvenes, adolescentuli, quam et pueri* ⁸⁾. Участіе общаго народнаго со-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Codex dipl. doc., CCIX, p. 173

⁴⁾ Ibid., CXXXII, p. 116.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ Ibid., CV, p. 95.

⁷⁾ Ibidem.

⁸⁾ Ibid., CXXVIII, p. 112.

бранія безусловно требовалось при заключеніи политическихъ договоровъ съ сосѣдными государствами. Договоры Крка, Раба, Осора въ 1018 году съ Венеціей заключены были отъ лица всего населенія общинъ¹⁾; то же было въ 1075 году при заключеніи договора между Сплитомъ, Трогиромъ, Зарой, Бѣлградомъ и Венеціей²⁾, въ 1097 году при заключеніи отдѣльнаго договора между Сплитомъ и Венеціей³⁾. Согласіе общаго совѣта требовалось также при томъ или другомъ употребленія общинной собственности, состоявшей изъ острововъ, пустошей, угодій, церквей, — на примѣръ, при назначеніи части этой собственности въ даръ монастырямъ⁴⁾, при опредѣленіи десятины въ пользу монастырей съ той или другой отрасли добывающей промышленности⁵⁾, при освобожденіи монастырей отъ общинныхъ повинностей⁶⁾; но въ упомянутыхъ случаяхъ согласіе народнаго собранія не было безусловно необходимо.

Наши источники не даютъ возможности точно опредѣлить, въ какой мѣрѣ активно было участіе народнаго собранія въ рѣшенія тѣхъ или другихъ вопросовъ общиннаго самоуправленія; но есть указанія, что народу предлагалось уже готовое формулированное рѣшеніе, и ставился вопросъ: принимаетъ или не принимаетъ онъ его. Въ 1072 году рѣшеніе Зарскаго собора, подтверждавшее за жепскимъ монастыремъ св. Маріи право владѣнія островомъ Zelve, было обнародовано, и у собранія спрашивали: „*si placeret*“, на что послѣдовалъ отвѣтъ „*placet*“⁷⁾. Въ 1096 году рѣшеніе пріора Зары отказаться отъ нѣкоторыхъ доходовъ было объявлено въ церкви и народъ выразилъ свое одобреніе криками: „*fiat, fiat!*“⁸⁾. На то же указываетъ зарская грамота 1036 года, въ которой говорится, что пріоръ съ нобіями „*studuerunt*“ удовлетворить просьбѣ аббата монастыря св. Хрисогона, и ихъ рѣшеніе было подтверждено „*de voluntate cunctorum civium*“⁹⁾. Но даже такое пассивное участіе народнаго собранія требовалось не

1) Codex dipl. doc., CVIII—CXI, p. 99—101.

2) Ibid., CLXXXIII, p. 149.

3) Ibid., CCXXVIII, p. 187.

4) Ibid., CIV, p. 94.

5) Ibid., CLXXXVIII, p. 154.

6) Ibid., CLXXXIII, p. 145.

7) Ibid., CLXIX, p. 143.

8) Codex dipl. doc., CCXXV, p. 186.

9) Ibid., CXXIV, p. 110.

во всѣхъ общинахъ. Въ Дубровникѣ (1023 года)¹⁾ и Сплитѣ (1069 года)²⁾ пріоръ съ нобилими безъ участія народа распоряжаются общинною собственностью. Въ мелкихъ общинахъ—Рабѣ³⁾ и Пагѣ⁴⁾ (*communitas kesensis*) въ подобныхъ случаяхъ присутствуетъ активно весь народъ. Нужно думать поэтому, что еще въ XI вѣкѣ произошла та разница, которая замѣчается въ XIII и XIV вв. между мелкими и крупными общинами и заключается въ томъ, что первыя болѣе демократичны, чѣмъ послѣднія.

Опредѣливъ политическія права простыхъ гражданъ или народа, переходимъ къ опредѣленію того положенія, которое занимали въ общинахъ нобили.

Источники даютъ возможность констатировать тотъ фактъ, что нобили раздѣляли съ пріоромъ судебную функцію. Въ 1068 г. пріоръ съ нобилими рѣшаетъ тяжбу между монастыремъ св. Христогона и однимъ изъ зарскихъ гражданъ⁵⁾, въ 1088 г.—долговую тяжбу между членами одной зарской фамиліи⁶⁾, въ 1091 году—споръ между родственниками изъ-за наслѣдства⁷⁾, въ 1096 году возвращаетъ монастырю захваченное у него владѣніе⁸⁾. Раздѣляя съ пріоромъ судебную функцію, нобили въ нѣкоторыхъ общинахъ безъ участія народнаго собранія распоряжаются общинною собственностью. Въ 1023 году пріоръ и нобили Дубровника даютъ новоустроенному бенедиктинскому монастырю островъ⁹⁾; въ 1069 году пріоръ и нобили Сплита даютъ землю женскому монастырю, освобождаютъ его отъ общинныхъ повинностей, опредѣляютъ его права и привилегіи и экономическое отношеніе къ мѣстному населенію¹⁰⁾. Сверхъ того, нобили ограничиваютъ дѣятельность пріора. Только съ ихъ согласія пріоръ Зары въ 1096 году могъ отказаться въ пользу монастыря св. Христогона отъ части принадлежащихъ ему доходовъ¹¹⁾. Всѣ эти факты указываютъ на

¹⁾ Ibid., CXIV, p. 103.

²⁾ Ibid., CLVI, p. 134.

³⁾ Ibid., CXXXVIII, p. 121.

⁴⁾ Ibid., CLXVI, p. 140.

⁵⁾ Ibid., CLI, p. 131.

⁶⁾ Ibid., CCXIX, p. 181.

⁷⁾ Codex dipl. doc., CCXXIII, 185.

⁸⁾ Ibid., CCXXVI, 187.

⁹⁾ Ibid., CXIV, 103.

¹⁰⁾ Ibid., CLVI, 134.

¹¹⁾ Ibid., CCXXV, 186.

руководящую роль нобилей въ общинахъ Далмаціи. Значеніе ихъ, какъ правящей корпораціи, выражается весьма ясно въ одномъ трогирскомъ документѣ 1064 года, гдѣ за обычнымъ въ началѣ каждаго документа того времени указаніемъ современнаго императора Византійскаго, пріора и епископа Трогирскихъ слѣдуетъ „omnibusque nobilibus“¹⁾. Тотъ же характеръ имѣетъ заключеніе одной дубровницкой грамоты 1023 года „Nos est speciale (judiciale, по другому чтенію) decretum promulgatum a nobis omnibus iudicibus nobilibusque supradictae civitatis“²⁾. Здѣсь, кажется, „нобили и судьи“ употреблены, какъ тождественныя по существу выраженія. Такое употребленіе будетъ для насъ понятно, если мы обратимъ вниманіе на указаннныя уже выше случаи раздѣленія судебной функціи между пріоромъ и нобиллями. Органами муниципальнаго самоуправленія являются, такимъ образомъ, общій совѣтъ и совѣтъ нобилей. Мы выше уже замѣтили, что по отношенію къ общему совѣту не существовало системы представительства, и онъ состоялъ изъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ гражданъ, при чемъ за гражданское совершеннолѣтіе принимался очень молодой возрастъ (pueri, adolescentuli); то же нужно сказать и относительно совѣта нобилей. Если въ данной аристократической фамиліи было нѣсколько совершеннолѣтнихъ лицъ, то всѣ они имѣли право участвовать въ совѣтѣ нобилей. Это доказывается подписями нобилей на актахъ, составленныхъ подъ ихъ вліяніемъ: „signum manus Candidi et filiorum ejus“, „S. m. Dode et nepotum ac filiorum ejus“³⁾. Кромѣ совѣта нобилей, въ Зарѣ, кажется, былъ еще другой совѣтъ, стоявшій между первымъ и пріоромъ—совѣтъ трибуновъ. Въ пользу такого предположенія говоритъ выраженіе: „cum suis nobilibus“⁴⁾, такъ какъ тамъ, гдѣ предполагается совѣтъ нобилей, употребляются обыкновенно выраженія: „prior cum omnibus (cunctis, pluribus) nobilibus“. Разсматривая подписи тѣхъ документовъ, въ которыхъ встрѣчается первое выраженіе, мы видимъ, что онѣ сдѣланы главнымъ образомъ трибунами⁵⁾. Въ пользу этого предположенія говоритъ также и то обстоятельство, что выраженіе „cum suis nobilibus“ исчезаетъ съ зарскихъ грамотъ, какъ только на нихъ перестаютъ встрѣчаться подписи трибуновъ, другими словами—какъ только трибуны прекра-

¹⁾ Ibid, CXLII, 124.

²⁾ Ibid., CXIV, 103.

³⁾ Codex dipl. doc., CCXXV, p. 186.

⁴⁾ Ibid., CV, p. 95.

⁵⁾ Ibidem.

щаютъ свое существованіе. Значеніе этого совѣта, судя по тѣмъ случаямъ, въ которыхъ мы наблюдаемъ его дѣятельность, было судебное. Переходимъ теперь къ общинной магистратурѣ.

Во главѣ городской магистратуры стоитъ пріоръ. Съ половины XI вѣка мы видимъ пріоровъ уже во всѣхъ общинахъ: въ Зарѣ, Сплитѣ, Трогирѣ, Бѣлградѣ, Рабѣ, Кркѣ, Осорѣ. Не такъ было въ концѣ X и въ первой четверти XI вѣка. Въ 1000 году въ Сплитѣ вмѣсто пріора упоминается *principes* ¹⁾, въ 1023 г. въ Дубровникѣ *praeses* ²⁾. Сверхъ того, въ первой и въ началѣ второй половины XI вѣка пріоровъ въ каждой общинѣ было по одному; впоследствии же явилось по два пріора, и въ концѣ XI вѣка одинъ изъ нихъ называется *senior*; другой *junior* ³⁾. Въ первый разъ два пріора являются въ Рабѣ въ 1060 г. ⁴⁾, если не упоминать существованія трехъ пріоровъ въ Бѣлградѣ въ 1059 г. ⁵⁾ и двухъ въ теченіе одного года въ Зарѣ въ 1056 г. ⁶⁾. Затѣмъ мы встрѣчаемъ по два пріора въ Сплитѣ въ 1069 г. ⁷⁾, въ 1097 г. ⁸⁾, въ Зарѣ въ 1072 ⁹⁾, 1075 ¹⁰⁾ и 1096 годахъ ¹¹⁾. Къ концу XI вѣка обычай имѣть по два пріора, кажется сдѣлался господствующимъ въ Далмаціи. Достоинство пріора было избирательнымъ. Это видно изъ хартій, которыя получили далматинскія общины при переходѣ подъ власть Угріи. Относительно Зары извѣстно, что во второй половинѣ XI вѣка пріоры избирались на десять лѣтъ. Пріоръ Драго въ 1091 г. говоритъ, что онъ избранъ въ третій разъ ¹²⁾, а въ первый разъ онъ былъ избранъ около 1070 г. Мы не можемъ сказать, всегда ли въ Зарѣ держались этого обычая и былъ ли онъ въ употребленіи въ другихъ общинахъ. Не смотря на эту срочность пріорскаго достоинства, мы замѣчаемъ въ тѣхъ общинахъ, имена пріоровъ которыхъ сохранились, стремленіе сдѣлать его пожизненнымъ и даже наследственнымъ. Въ Зарѣ съ 969 г. пріоромъ

¹⁾ Cod. diplom. doc., CVII, p. 97.

²⁾ Ibidem., doc., CXIV, p. 103.

³⁾ Ibidem., doc., CCXXVIII, 187.

⁴⁾ Ibidem., doc., CXXXVIII, 122.

⁵⁾ Ibidem., doc., CXXXVI, 120.

⁶⁾ Ibidem., doc., CXXXI—II, 115, 116.

⁷⁾ Ibidem., doc., CLVI, 135.

⁸⁾ Ibidem., CCXXXVIII, 187.

⁹⁾ Ibid., CLXXII, 145.

¹⁰⁾ Ibid., CLXXXIII, 149.

¹¹⁾ Ibid., CCXXV, 186.

¹²⁾ Cod. dipl. doc., CCXXIII, p. 184.

былъ Мадій ¹⁾, потомъ около 1024 г. внукъ его (или племянникъ) Мадій II ²⁾, потомъ сынъ послѣдняго Григорій (1034—1036 гг.) ³⁾; во второй половинѣ XI вѣка въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ пріоратъ сосредоточивается въ лицѣ Драго старшаго и его внука (или племянника) того же имени, которые также находились въ родственныхъ отношеніяхъ къ фамиліи Мадія, такъ какъ Драго старшій называется *consanguineus* Сиссае, внуки или племянницы) пріора Мадія ⁴⁾ То же стремленіе къ пожизненности и наследственности замѣчается въ Спитѣ, гдѣ около 1020 г. пріоромъ былъ Престанцій ⁵⁾, около 1060 г. его сынъ Сирень ⁶⁾, съ 1069 до 1086 г. пріорами были Валица и его сынъ Дуймъ ⁷⁾.

Соотвѣтствующее пріору положеніе занималъ въ Брациѣ, которая не имѣла пріора, *judex*, такъ же окруженный нобіями и вмѣстѣ съ ними управляющій дѣлами общины ⁸⁾. Во второй половинѣ XI вѣка мы замѣчаемъ уже переходъ къ тому виду магистратуры, съ которымъ являюся общины съ XII вѣка. Въ 1072 г. мы встрѣчаемъ въ Рабѣ вмѣсто пріора уже графа (*comes* ⁹⁾).

Источники даютъ намъ мало матеріаловъ для опредѣленія функций пріора. Извѣстно, что ему принадлежала судебная функція ¹⁰⁾, что онъ имѣлъ власть исполнительную ¹¹⁾; также не ясны и его экономическія отношенія къ общинѣ; только въ одномъ документѣ упоминается, что въ его пользованіе предоставлена была часть общинной поземельной собственности ¹²⁾.

Слѣдующее мѣсто за пріоромъ занимаютъ трибуны. Для опредѣленія ихъ значенія нужно принять во вниманіе слѣдующія обстоятельства: а) трибуны встрѣчаются, какъ коллегія, только въ Зарѣ; б) какъ коллегія, существуютъ только до половины XI вѣка; в) за

¹⁾ Ibid., doc., CI, p. 90.

²⁾ Ibid., doc., CXLVIII, 129.

³⁾ Ibid., doc., CXX, 107.

⁴⁾ Ibid., doc., CXLIV, 125.

⁵⁾ Ibid., doc., CXIII, 102.

⁶⁾ Ibid., doc., CXXXIX, 122.

⁷⁾ Ibid., doc., CLVI, 135; CCXVI, 180.

⁸⁾ Cod., dipl., doc., CXCVIII, 161.

⁹⁾ Ibid., doc., CLXVI, 141.

¹⁰⁾ Ibid., doc., CCXXXIII, 184 и др.

¹¹⁾ Ibid., doc., CCXXXIII, 184.

¹²⁾ Ibid., doc., CCXXV, 186.

именемъ трибуна слѣдуетъ нерѣдко мѣстное указаніе: „t. de Arsaro“¹⁾, „t. Maria in aso“, „t. de Cula“²⁾, „t. spalatinus“, „t. Cernescae“³⁾, d) эти мѣстныя указанія исчезаютъ, какъ только въ Сплитѣ и Рабѣ появляются свои пріоры; e) первый извѣстный намъ пріоръ Раба былъ въ то же время и трибуномъ⁴⁾; f) присутствіе помѣстныхъ трибуновъ при составленіи зарскихъ актовъ не случайно, потому что трибунъ Раба встрѣчается на двухъ документахъ 969 г.⁴⁾ и 986 г.⁵⁾; g) первое указаніе на пріора въ Сплитѣ встрѣчается въ 1020 году⁶⁾, въ 1000 г. тамъ былъ еще *princeps*⁷⁾. На основаніи этихъ данныхъ мы предполагаемъ, что 1) подъ управленіемъ зарскаго пріора въ X вѣкѣ состояли, кромѣ Зары, Сплитъ и Рабъ, 2) трибуны были подчиненные пріору начальники этихъ городовъ, а также представители отдѣльных частей Зары (de Cula, Maria in aso, Cernesche, Bellata), 3) съ начала XI вѣка Сплитъ и Рабъ освободились изъ-подъ политической юрисдикціи Зары и начали управляться самостоятельно, при чемъ представитель сплитской магистратуры назывался сначала *princeps*, а потомъ пріоръ; пріоръ же Раба образовался изъ прежняго трибуна, на что указываетъ первоначальное смѣшеніе въ одномъ лицѣ функцій пріора и трибуна.

Допустивъ это предположеніе, мы въ состояніи будемъ объяснить, почему въ другихъ общинахъ не было коллегіи трибуновъ, почему въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ говорится „*prior cum suis nobilibus*“, мы встрѣчаемъ подписи однихъ трибуновъ и почему съ 40 годовъ XI вѣка мы не встрѣчаемъ уже болѣе коллегіи трибуновъ. Коллегія трибуновъ встрѣчается только въ Зарѣ потому, что она была политическимъ центромъ Далмаціи; она состояла изъ представителей власти въ общинахъ, находившихся еще подъ зарскою юрисдикціей, и въ отдѣльных частяхъ Зары; она потеряла значеніе и уничтожилась подъ вліяніемъ отдѣленія отъ Зарской юрисдикціи, зависѣвшихъ отъ нея общинъ и сліянія отдѣльных частей самой Зарской общины. Уже въ X вѣкѣ трибунатъ былъ близокъ къ разложенію и представлялъ, по всѣмъ признакамъ, только остатки стараго строя. Въ концѣ XI

1) Ibid., doc., CI, 91.

2) Ibid., doc., CIV, 95.

3) Ibid., doc., CVIII, 99.

4) Cod. dipl., doc., CI, p. 91.

5) Ibid., doc., CIV, 95.

6) Ibid., doc., CXII, 102.

7) Ibid., doc., CVII, 97.

вѣка мы встрѣчаемъ трибуновъ только по одному, но ужь и въ другихъ общинахъ, кромѣ Зары ¹⁾). Въ это время трибуны раздѣляли съ пріоромъ исполнительную власть. Пріоръ съ трибуномъ въ Зарѣ, на-примѣръ, вводятъ извѣстное лицо во владѣніе наслѣдствомъ сообразно состоявшемуся ранѣе рѣшенію совѣта нобилей ²⁾). Другіе члены городской магистратуры: *judex*, *judicator*, *advocatus*, *notarius*, *scriptor* извѣстны только по именамъ; сущность ихъ обязанностей нельзя опредѣлить за недостаткомъ источниковъ. Намъ остается теперь опредѣлить отношенія общинъ къ центральной власти въ Византіи, Хорватіи и Венеціи.

Со времени Василия Македонянина далматинскія общины колебались между Византіей, Хорватіей и Венеціей. Василій Македонянинъ отказался отъ дани, которую платили общины византійскому стратигу въ пользу хорватскаго великаго жупана Здѣслава. Хорватскіе короли пользовались ею до половины X вѣка. Въ концѣ X вѣка общины опять были поставлены въ политическую зависимость отъ Византіи, а потомъ переходятъ къ Венеціи и остаются подъ ея вліяніемъ до половины XI вѣка. Съ этого времени онѣ колеблются между Венеціей и Хорватіей до подчиненія послѣдней Угріи.

Представителемъ Византійскаго императора въ Далмаціи былъ или проконсулъ ³⁾, или стратигъ ⁴⁾, или катепанъ ⁵⁾). Титулы эти обыкновенно соединялись съ пріоратомъ Зары въ одномъ лицѣ; по существу своему они имѣютъ военный характеръ, но въ X и XI вв. представляютъ только фикцію, намекъ на когда-то существовавшее реальное значеніе. Въ принципѣ общины признавали за центральной властью имперіи право рѣшать тяжбы между общинами и отдѣльными лицами или корпораціями, какъ это видно изъ выраженія зарской грамоты 986 г. „*habeatis licentiam cum hac cartula traditionis in iudicium venire atque monstrare ante imperatorem, ante regem*“ ⁶⁾).

Зависимость общинъ отъ Венеціи выражалась въ платѣ ежегодной

¹⁾ Cod. dipl. doc., CLXXXIII, 149.

²⁾ Ibid., doc., CCXXIII, 185.

³⁾ Cod. dipl. doc., CIV, 94.

⁴⁾ Ibid., doc., CXXIV, 110.

⁵⁾ Ibid., doc., CXLVIII, 128.

⁶⁾ Cod. dipl. doc., CIV, 94.

незначительной дани ¹⁾, въ военной помощи ²⁾ и въ вѣкоторомъ стѣсненіи свободы сношеній съ иностранцами. Въ 1075 г. общины обязались, напимѣръ, не допускать подъ угрозой смертной казни, чтобы кто-либо приводилъ въ Далмацію иностранцевъ ³⁾. Въ одной рукописи хроники Давдоло (Codex Ambrosianus) находится приписка, что по завоеваніи Далмаціи въ 998 г. дожъ Орсеола II назначилъ въ далматинскія общины венеціанскихъ префектовъ ⁴⁾, но эта приписка не заслуживаетъ довѣрія, такъ какъ противорѣчитъ общему характеру отношеній Венеціи къ далматинскимъ общинамъ. Назначеніе Венеціанскимъ правительствомъ властей общинныхъ подготавливалось медленно и явилось только въ XIII вѣкѣ.

Отношенія общинъ къ центральной власти въ Хорватскомъ государствѣ выясняются отчасти только съ половины XI вѣка. Съ этого времени отношенія эти устанавливаются въ слѣдующемъ видѣ: король опредѣляетъ границы общинъ въ церковномъ и политическомъ отношеніяхъ; такъ было, напимѣръ, въ Рабѣ, гдѣ съ подчиненіемъ церковной юрисдикціи Рабскаго епископа острова Пага на послѣдній распространилась и власть графа общины Раба ⁵⁾; король освобождаетъ населеніе общинъ отъ платы пошлинъ за право торговли въ предѣлахъ Хорватіи ⁶⁾; разрѣшаетъ распри между общинами и отдѣльными лицами или корпораціями въ тѣхъ случаяхъ, когда обиженная сторона, обратившись два раза къ властямъ общины, не получить отъ нея удовлетворенія ⁷⁾; освобождаетъ монастыри отъ общинныхъ повинностей, отъ зависимости по отношенію къ мѣстнымъ властямъ, но уже „*prigione, s'iego ac populo fonte, cogente et collaudante*“ ⁸⁾; утверждаетъ общинные акты въ тѣхъ случаяхъ, когда этого пожелаетъ сама община ⁹⁾. За это внимательство короля въ дѣла общинъ представители послѣднихъ пріоры и нобили допускаются къ участию въ дѣлахъ короля наравнѣ съ хорватской аристократіей. Короля окружала „*pop modica turba nobilium tam Croato-*

¹⁾ Ibid., doc., CVIII—CXI; 99—101.

²⁾ Ibid., doc., CCXXVIII, 187.

³⁾ Ibid., doc., CLXXXIII, 149.

⁴⁾ Murat. XII, 229, 230.

⁵⁾ Cod. diplom. doc., CLXV, p. 140.

⁶⁾ Ibid., doc., CXCVII, p. 161.

⁷⁾ Ibid., doc., CXXXVIII, p. 122.

⁸⁾ Ibid., doc., CXXXV, p. 118.

⁹⁾ Ibid., doc., CLVIII, p. 136.

rum, quam Dalmatinorum“ ¹⁾); пріоры общинъ состоятъ въ свитѣ короля, съ которою онъ совѣтуется во всѣхъ своихъ дѣлахъ ²⁾); нѣкоторые изъ нихъ находились въ феодальныхъ отношеніяхъ къ королямъ Хорватскимъ; такой характеръ носятъ отношенія Крешимира къ Мадію, пріору Зары. Земля, данная Мадію королемъ, по прекращеніи мужскаго потомства или по другой какой причинѣ переходитъ обратно къ королю и онъ жертвуетъ ее въ одинъ изъ далматинскихъ монастырей. Мы не имѣемъ другихъ современныхъ извѣстій, касающихся отношеній общинъ къ центральной власти въ Хорватскомъ государствѣ. Врагніе дѣлаетъ предположеніе, что короли хорватскіе, сверхъ того, имѣли право утверждать пріоровъ, избранныхъ общинами, но помимо того, что такое предположеніе основано на позднѣйшихъ порядкахъ, сложившихся уже во время перехода общинъ подъ власть Угрии, ему противорѣчатъ и указанія, дошедшія изъ той эпохи, которой мы занимаемся. Въ одной изъ грамотъ XI вѣка мы встрѣчаемъ выраженіе: „In Christi nomine. Ego Drogus, gratia ejus, priog Jadegae“... ³⁾), которое ясно указываетъ на независимое положеніе общинъ при выборахъ пріоровъ.

Переходимъ къ характеристикѣ юридическаго быта общинъ.

Въ теченіе X и XI вв. въ общинахъ употреблялось римское и обычное право; первое въ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, въ наказаніи государственныхъ преступниковъ ⁴⁾); второе (mos antiquum) въ дѣлахъ гражданскихъ. Яснѣ всего выступаетъ въ памятникахъ семейное право. Ссылаясь на кодексъ, мы беремъ первыя появившіяся указанія, не приводя всѣхъ.

Недвижимость въ принципѣ признавалась принадлежащею цѣлой семьѣ, въ составъ которой входили: прадѣдъ, дѣдъ, братья; жена, тещь, снохи; мать, мачиха, сестры матери, consobrini, cognati. Принципіально всѣ они имѣли право голоса въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-либо изъ семьи отчуждалъ что-либо изъ недвижимости ⁵⁾).

Право женщины на извѣстную часть недвижимой собственности констатируется многочисленными свидѣтельствами источниковъ. Женщина имѣетъ свою долю въ соловарняхъ наравнѣ съ другими чле-

¹⁾ Ibid., doc., CLIX, 136.

²⁾ Ibid., doc., CLII, 232.

³⁾ Codex diplom, CLXXIII, p. 145.

⁴⁾ Ibid., CLXXXIII, p. 150.

⁵⁾ Ibid., CXCII, p. 156.

нами семьи и распоряжается ею по усмотрѣнію ¹⁾). Вдова, если не выходитъ замужъ, имѣетъ право на наслѣдство мужа, и судъ, руководясь обычнымъ правомъ, защищаетъ ее въ тѣхъ случаяхъ, когда свекоръ выражаетъ намѣреніе лишить ее наслѣдства ²⁾). Согласіе наслѣдниковъ женщины и мужчинъ требуется безъ всякаго различія между ними въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется отчужденіе такой собственности наслѣдственной, которая не можетъ быть дѣлима, на примѣръ, при отчужденіи церкви ³⁾). Въ составъ приданого невесты входятъ также и недвижимая собственность: пахатныя земли и виноградники, которые по смерти ея остаются во власти мужа ⁴⁾). Въ памятникахъ различается наслѣдственная недвижимая собственность отъ отца и отъ матери ⁵⁾). Признаніе за женщиной права на недвижимую собственность и въ равной долѣ съ мужчинами съ особенною ясностью выступаетъ въ завѣщаніяхъ. Здѣсь все движимое и недвижимое: орудія, скоть, рабы, пахатныя земли, сады, виноградники, наслѣдственное или благопріобрѣтенное, дѣлится поровну между сыновьями и дочерьми. Аккуратность въ равномъ раздѣлѣ доходитъ до того, что дочери, на примѣръ, получившей мѣншей домъ, чѣмъ другіе наслѣдники, дается въ придачу садъ. На случай смерти одного изъ наслѣдниковъ, въ завѣщаніи дѣлается распоряженіе, чтобы доля его была раздѣлена поровну между оставшимися.

Жена въ завѣщаніи не получаетъ, при существованіи дѣтей, особой доли, но считается *particeps* въ доляхъ своихъ дѣтей до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ вторично замужъ ⁶⁾). Не имѣя дѣтей, она считается наслѣдницей мужа; неизвѣстно только, наслѣдуетъ ли она всю его собственность или только часть. Ея права сохраняются до тѣхъ поръ, пока она не выйдетъ вторично замужъ ⁷⁾). Подобно мужчинамъ, женщина имѣетъ право распоряжаться своей недвижимой собственностью посредствомъ завѣщанія ⁸⁾). Сообразно съ своими экономическими правами, женщина пользуется значительнымъ вліяніемъ въ семьѣ. Расторженіе брака, на примѣръ, при желаніи мужа поступить

¹⁾ Codex. doc., CI, p. 91.

²⁾ Ibid., doc., CCXXIII, 181, 185.

³⁾ Ibid., doc., LXXXIX, p. 75, 76.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ Codex dipl., doc., LXXXIX, p. 75, 76.

⁷⁾ Ibid.

⁸⁾ Ibid., doc., CI, p. 90, 91.

въ монастырь, совершается съ позволенія жены ¹⁾. То же позволеніе жены требуется въ тѣхъ случаяхъ, когда мужъ отчуждаетъ что-нибудь изъ своей собственности ²⁾. Съ другой стороны, когда жепница почувствуетъ желаніе отречься отъ міра, то приводитъ свое желаніе въ исполненіе послѣ предварительнаго совѣщанія съ родственниками ³⁾: очевидный признакъ крѣпости семейнаго союза. Последняя выступаетъ очень рѣзко въ дѣлахъ, касающихся отчужденія собственности. Отчужденіе, напримѣръ, продажа, совершается съ согласія дѣда, бабки, отца ⁴⁾, брата ⁵⁾, сына ⁶⁾, вообще всѣхъ родичей (*consanguinei, parentes*) ⁷⁾. Такъ какъ съ подобными же чертами семейное право является и у Хорватовъ въ X и XI вв., то несомнѣнно обычное право общинъ было славянское, въ которое вошли однако нѣкоторые элементы и римскаго; въ числу послѣднихъ нужно отнести завѣщаніе, которое разсматривается уже въ началѣ X вѣка, какъ обычай предковъ ⁸⁾.

Подведемъ теперь итогъ всему сказанному. Въ разсматриваемую нами эпоху присутствіе въ общинахъ славянскаго элемента очевидно. Этотъ элементъ чувствуется во всей жизни общинъ; онъ наполняетъ собою ряды аристократіи и высшей магистратуры, вноситъ въ общины преобладаніе своего права. Но въ общинахъ сохраняются и слѣды стараго порядка. Въ X и XI вѣкахъ мы наблюдаемъ, какъ завершается процессъ разложенія стараго строя. Въ эту эпоху Далмація превращается изъ провинціи въ конгломератъ независимыхъ общинъ. Слѣды стараго провинціального строя мы замѣтили въ зависимомъ положеніи нѣкоторыхъ общинъ (Сплита и Раба) отъ Зары, прекратившемся или въ концѣ X или въ началѣ XI вѣка. Слѣды того же строя мы видимъ въ существованіи въ Далмаціи проконсула или стратига. Городская магистратура (*tribuni, praeses, principes, prior, iudex*) остается римскою по названіямъ, но сущность ея измѣняется. Изъ сравненія съ провинціальнымъ устройствомъ Италіи послѣ побѣды Грековъ надъ Готами и съ устройствомъ находившейся подъ

¹⁾ Ibid., doc., CXVII, p. 105.

²⁾ Ibid., doc., CCXV, p. 179.

³⁾ Ibid., doc., CXLIV, p. 125.

⁴⁾ Ibid., doc., CCVII, p. 167.

⁵⁾ Ibid., doc., CCIX, p. 173.

⁶⁾ Ibid., doc., CCIX, p. 172.

⁷⁾ Codex dipl., doc., CXCV, p. 158.

⁸⁾ Ibid., doc., LXXXIX, p. 75.

властью Византіи, части Италіи въ эпоху Лонгобардовъ мы видимъ сходство между италіанскимъ и далматинскимъ политическимъ строемъ. Мы видимъ въ Италіи тѣхъ же tribuni, praesides, judices, что „въ Далмаціи; но разница заключается въ томъ, что тамъ устройство носить военный характеръ; здѣсь же всѣ эти магистраты имѣютъ чисто гражданскій характеръ и только названія ихъ (stratigus, tribunus) напоминаютъ прошлый характеръ. Они избирательны, пожизненны и, иногда, наследственны. По совершилось ли послѣднее явленіе подъ вліяніемъ славянскаго элемента? Во внутреннемъ строѣ общинъ очевидное въ нѣкоторыхъ общинахъ преобладаніе аристократіи составляетъ также, вѣроятно, остатокъ прежняго муниципальнаго устройства. Въ актахъ Сплитскаго собора 925 г. мы встрѣчаемъ еще выраженіе „odro“ для обозначенія нобилей. Такимъ же остаткомъ прежняго строя, по видимому, являются и промышленныя наследственныя корпораціи.

И. Смирновъ.

КЪ АРХЕОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ ИЛЬМЕНСКАГО БАССЕЙНА.

Побережья озера Ильменя и рѣкъ Волхова, Ловати Пола, и др., словомъ—мѣстности, принадлежащія къ Ильменскому бассейну, представляютъ собою одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи краевъ на сѣверѣ Россіи. Здѣсь впервые Славяне Русскіе успѣли достигнуть извѣстной степени гражданственности, здѣсь развился зародышъ могучаго славянскаго государства, здѣсь зародились тѣ принципы, которые привели черезъ тысячу лѣтъ Славянское племя къ берегамъ Великаго океана и подножьямъ стѣнъ Небесной имперіи. Уже въ силу этого одного обстоятельства особенное вниманіе нашей исторической науки должно быть обращено на этотъ край. Изученіе тѣхъ географическихъ и этнологическихъ условій, которыя обусловливали развитіе и ростъ молодаго государства, — первая задача русской исторіи; для рѣшенія же этой задачи необходимы всѣ пособія, какими обладаетъ современная историческая наука, и въ томъ числѣ археологія съ антропологіей занимаютъ первое мѣсто. Къ сожалѣнію, по этимъ двумъ отраслямъ знанія сдѣлано такъ не много для мѣстностей Ильменскаго бассейна, что извлечь изъ имѣющихся данныхъ хотя одинъ вполне положительный выводъ едва ли возможно. Даже съ описательной точки зрѣнія—матеріаловъ для изученія этой области почти совершенно не имѣется. А между тѣмъ множество находящихся здѣсь кургановъ различнаго археологическаго значенія, нѣсколько старинныхъ городищъ, богатые антропологическіе матеріалы, нѣсколько десятковъ названій мѣстностей, посящихъ на себѣ слѣды старины, этнографическія, лингвистическія и другія

данныя, все это ждетъ разработки и обслѣдованія. Жатва велика, а дѣлателей мало; по крайней мѣрѣ, кромѣ д-ра Л. К. Ивановскаго, гг. Кулжинскаго, Самоквасова и еще немногихъ лицъ, отчасти затронувшихъ богатые научныя залежи этого края, едва ли можемъ мы указать на другихъ изслѣдователей. Поэтому считаемъ нелишнимъ изложить здѣсь нѣсколько данныхъ, которыя намъ удалось собрать въ экскурсіи, совершенной въ 1879 и 1880 годахъ; дѣлаемъ это въ томъ убѣжденіи, что всякая прибавка къ собраннымъ матеріаламъ можетъ быть бесполезна для науки, лишь бы только собиратель относился къ своей задачѣ осторожно и добросовѣстно.

I.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію результатовъ и матеріаловъ, добытыхъ нами, бросимъ бѣглый взглядъ на общую топографію Ильменскаго бассейна.

Центромъ всего бассейна и пріемникомъ многоводной системы его служить самое озеро Ильмень, имѣющее въ длину около 40 верстъ, а въ ширину нѣсколько болѣе. Берега его весьма разнообразнаго характера: на сѣверо-западѣ и на юго-западѣ они отличаются, болѣе или менѣе, возвышеннымъ наклономъ и покрыты или полями, или хорошими пастбищами, тогда какъ къ сѣверо-востоку и особенно на юго-востокъ и югъ представляютъ мѣстами сплошное болото, прорѣзанное многими десятками рѣкъ и рѣченоекъ, или вязкія, покрытыя скудною растительностью пространства. На сѣверѣ Ильмень образуетъ лиманъ, изъ котораго начинается рѣка Волховъ, эта главная артерія торговли Великаго Новгорода. По обоимъ берегамъ Волхова, небогатаго притоками, идетъ болѣе или менѣе плодородная рѣчная долина, обнаженная вѣками отъ лѣсу и не имѣющая нигдѣ болѣе 20 верстъ въ ширину; границы ея съ востока и запада составляютъ огромные лѣса и болота, которыми такъ богата Новгородская область. Эта долина во времена процвѣтанія Великаго Новгорода была сплошь населена, приблизительно до параллели Чудовской станицы, какъ то доказываютъ и доселѣ ея болѣе или менѣе густое населеніе, рядъ кургановъ и нѣсколько городищъ. Густо была населена также и сѣверо-западная часть побережья Ильменя, что свидѣтельствуется уже однимъ обиліемъ монастырей въ этой мѣстности: въ старину ихъ насчитывалось болѣе десяти. Рѣка Веренда можетъ считаться южною границею густаго населенія на сѣверо-западѣ Ильменя, такъ какъ глухіе лѣса и топи донныя дѣлаютъ почти необитаемою мѣстность между Иль-

менемъ, Шелонью и р. Струпицкою, впадающею въ Шелонь. На сѣверо-востокъ отъ озера до самаго южнаго его побережья шли мѣста крайне неудобныя для заселенія, которыя и понынѣ еще почти не обитаемы. Болотистые берега, мокрые лѣса (мокреди), перемѣшанные съ болотами, занимаютъ почти все восточное побережье Ильменя, богатое водами и перерѣзанное во всѣхъ направленіяхъ сотнями рѣкъ и рѣчекъ. Еще между Новгородомъ и Мстою, на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ, или болѣе или менѣе удобныя мѣста для поселенія, но самая дельта Мсты, не смотря на все значеніе этой рѣки для новгородской торговли, какъ и все восточное побережье, была также мало населена прежде, какъ и нынѣ. На всемъ этомъ пространствѣ не встрѣчается ни одного городища, ни одной сопки, ни одного даже мѣстнаго названія древняго происхожденія; всѣ деревни и села этой мѣстности носятъ наименованія позднѣйшаго образованія. Самымъ же удобнымъ мѣстомъ сидѣнія Славянъ Ильменскихъ были, разумѣется, южныя побережья Ильменя, мѣста, заключенныя между Шелонью на западѣ и Ловатью на востокѣ, а къ югу переходившія въ болѣе или менѣе плодородныя и удобныя для поселенія рѣчныя долины Ловати, Рѣды, Порусь, Полисти и Холми. Эти мѣста, по справедливому замѣчанію Соловьева, были главными селищами славянскихъ племенъ, а къ сѣверу и западу отъ нихъ шли болотистыя лѣсныя пространства, заселенныя Финскими племенами. Разсмотрѣніемъ мѣстныхъ условій этого пространства мы поэтому должны заняться подробнѣе, тѣмъ болѣе, что здѣсь, какъ увидимъ дальше, осталось болѣе всего памятниковъ древности.

Если взглянемъ на нынѣшнюю топографическую карту этихъ мѣстностей, то увидимъ, что топографическія условія ихъ остались такими же нынѣ, какими были и въ древнія времена славянской колонизаціи, чего и слѣдовало ожидать, зная изъ изслѣдованій академика К. С. Веселовскаго, что климатъ сѣверной Россіи въ сравнительно небольшой древности, какую мы имѣемъ въ виду, почти нисколько не былъ суровѣе или мягче теперешняго. Между Шелонью съ сѣверо-запада и Ловатью съ востока простирается болѣе или менѣе ровное, сухое и хлѣбородное пространство, которое съ сѣвера рѣшительно замыкается Шелонью и Ильменемъ, съ востока Ловатью, съ запада р. Колошкою, впадающею въ Шелонь справа, и линіей, проведенною нѣсколько отъ верховьевъ ея къ югу по крайнимъ лѣсовъ; къ югу оно переходитъ въ болѣе или менѣе плодородныя долины рѣкъ, впадающихъ въ Ильмень съ юга, и ихъ притоковъ. На

западѣ это пространство, начиная отъ рѣки Полисти и почти до самыхъ границъ пылѣншей Новгородской губерніи, переходитъ, и притомъ уже не отдѣльными долинами, а широкою полосою верстъ въ 25—30 шириною къ югу, до паралели с. Маркова, въ мѣстность богатую особенно названіями древняго славянскаго происхожденія. На этомъ пространствѣ, пересѣченномъ нѣсколькими значительными рѣками и множествомъ маленькихъ рѣчекъ¹⁾, начинающихся изъ болотъ и лѣсовъ, окружающихъ ихъ верховья, а частью изъ возвышенностей Валдайской (съ юго-востока) и Холмской (съ юга-запада),—находился всѣ условія, благоприятствующія какъ первичной колонизаціи, такъ и болѣе прочному заселенію этихъ мѣстностей. Кромѣ лучшихъ въ бассейнѣ Ильменя мѣстъ для хлѣбопашества, эти пространства по рѣчнымъ долинамъ представляютъ прекрасные поемные дуга²⁾, имѣютъ много рыбныхъ лововъ, особенно по Шелони и Ловати и въ Тулебелскомъ заливѣ (по воспоминаніямъ рыбащей); на ихъ поляхъ успѣшно произрастаетъ пшеница, гречиха и ленъ. Эти же мѣстности до сихъ поръ богаты садами³⁾, въ которыхъ растутъ до десяти сортовъ однихъ яблокъ, богаты были издревле и лучшимъ строевымъ лѣсомъ. Въ лѣсахъ, растущихъ между Шелонью и Ловатью, попадаются доселѣ въ значительномъ количествѣ орѣхъ, осина и дубъ⁴⁾; дикій хмѣль обвиваетъ дубовые лѣски по Тулеблѣ, до сихъ поръ богатые пчелами и дикими ульями, которыми такъ мало поль-

¹⁾ Таковы, напримѣръ, рѣчки Колошка, Сосница (притокъ Шелони), Саватейка, Псижа, Перехода, Чернецъ, Тулебля (впадаетъ въ озеро), Порусья (притокъ Полисти), Рядя (притокъ Ловати) и др. Всѣ эти рѣки и рѣчки, судя по остаткамъ ихъ прежняго ложа, а также по новѣйшимъ напластованіямъ, прежде были гораздо значительнѣе и даже судоходны (какъ это живеть въ памяти народной и отчасти видно изъ лѣтописей), когда еще не такъ были вырублены лѣса на ихъ верховьяхъ.

²⁾ Поемные дуга по р. Полисти до сихъ поръ составляютъ главный доходъ Старорусскаго земства.

³⁾ Такъ что многіе крестьяне этой мѣстности даже въ самое послѣднее время живутъ однимъ плодоводствомъ. Преданіе говоритъ, что издревле всѣ равнины, напримѣръ, у с. Лесохнова (къ западу отъ Старой Русы), были покрыты садами.

⁴⁾ Подъ самою Русою почти въ наши времена была вырублена прекрасная дубовая роща. Объ обиліи дуба въ южной части Ильменскаго бассейна свидѣлствуютъ многочисленныя названія въ родѣ слѣдующихъ: Дубки, Дубовицы, Дубы, Дубково, Дубяцы и т. п., встрѣчающихся въ южной части Ильменскаго бассейна.

зуются жители. Въ углу, образуемомъ впаденіемъ рѣки Порусы въ Полисть, кромѣ того, находятся одни изъ богатѣйшихъ на сѣверѣ Россіи соляные источники, изъ которыхъ прежде извлекали огромное количество поваренной соли ¹⁾. Ко всѣмъ этимъ естественнымъ богатствамъ мѣстности между Шелонью и Ловатью надо прибавить и удобства путей сообщенія; прекрасно развитая рѣчная система, небольшіе волоки, отдѣляющіе верховья рѣкъ Ильменскаго бассейна отъ рѣкъ бассейновъ Двинскаго, Волжскаго и Днѣпровскаго, сухіе высокіе берега большей части значительныхъ рѣкъ, и наконецъ, Ильмень—этотъ главный узелъ всей озерной области, которой естественныя границы опредѣляются только удобными невысокими волоками,—все это ставитъ область, занимаемую нынѣ приблизительно сѣверною частью Старорускаго уѣзда, въ весьма выгодныя культурныя условія. Не мудрено поэтому, что здѣсь—какъ мы увидимъ нѣсколько далѣе—находятся болѣе сотни кургановъ, нѣсколько большихъ и малыхъ городищъ и нѣсколько десятковъ мѣстныхъ названій, носящихъ на себѣ древне-славянскій отпечатокъ.

Къ числу мѣстностей Ильменскаго бассейна, наиболѣе представлявшихъ удобства для начальнаго и болѣе осѣдлаго заселенія, надо причислить широкія рѣчныя долины рѣкъ Ларинки и Черной, впадающихъ въ Полу съ правой стороны, долины, переходящія широкою полосой въ долину Пола и ограниченныя съ сѣвера и особенно съ востока такими топями и трясиными, что пройти ихъ лѣтомъ совершенно невозможно. Эти мѣстности также богаты курганами и наименованіями, которыхъ происхожденіе надо отнести къ временамъ почтенной древности. Тѣми же самыми свойствами отличается также на западѣ рѣчная долина впадающей въ Шелонь Мшаги, составляющая естественное продолженіе хлѣбороднаго пространства между Ловатью и Шелонью.

Всѣ перечисленныя нами мѣстности были мѣстами главныхъ селбищъ Ильменскихъ Славянъ, центромъ ихъ городства и могущества, центромъ, отъ котораго, какъ по радіусамъ, вдоль по рѣчнымъ долинамъ на сѣверъ, востокъ и западъ распространялась славянская ко-

¹⁾ По нѣкоторымъ записямъ и мѣстнымъ преданіямъ, добыча этого продукта была колоссальна сравнительно съ настоящею; многочисленныя гидравлическія приспособленія въ родѣ бассейновъ, отводныхъ каналовъ и даже трубъ свидѣтельствуютъ объ этомъ. Соляныя залежи и источники доднесь обильны, но эксплуатація соли находится въ неумѣлыхъ рукахъ.

лонизация. Начавшись съ береговъ Чернаго моря и Днѣпра, славянское движеніе мало по малу, но систематически и прочно охватывало своими волнами берега рѣкъ юго-западной и западной Россіи, пока не достигло волоковъ, отдѣляющихъ бассейны Западной Двины, Волги, Днѣпра и озера Ильменя приблизительно тамъ, гдѣ по лѣтописямъ сидѣли Кривичи. Обиліе кургановъ въ этихъ мѣстностяхъ и городищъ доказываетъ, что Славяне успѣли прочно основаться въ этихъ мѣстностяхъ, прежде чѣмъ двинуться по рѣкамъ Ильменскаго бассейна къ сѣверу. Не имѣвъ возможности изучить городища въ области волоковъ, раздѣляющихъ бассейны, мы не будемъ распространяться о тѣхъ путяхъ, которые могло принять славянское движеніе какъ на сѣверо-западъ, такъ и на западъ по направленію рѣкъ бассейна Чудскаго озера, а потому прямо перейдемъ къ вопросу о ходѣ славянской колонизации на сѣверѣ по теченію рѣкъ, впадающихъ съ юга въ Ильмень, и прежде всего разсмотримъ распределеніе въ этой области кургановъ и городищъ, весьма поучительное съ точки зрѣнія исторической.

Начиная отъ Холма по Ловати, главной артеріи славянской колонизации въ при-Ильменскомъ бассейнѣ, идетъ рядъ кургановъ (по мѣстному—сопокъ), среди котораго разсѣяно нѣсколько городищъ; изъ нихъ замѣчательны особенно городища при деревняхъ Городкѣ, Веряско ¹⁾ и Курское городище. Эти городища, состоя въ связи съ группами кургановъ, находящихся около нихъ, образуютъ съ ними отдѣльные центры, служившіе какъ бы опорными пунктами для дальнѣйшаго движенія Славянскаго племени къ сѣверу. Начиная отъ с. Рамушева (первой станціи отъ Руси по Демьянской дорогѣ) къ югу вверхъ по Ловати, чуть не на каждыхъ пяти верстахъ попадаются какъ одиночныя сопки, такъ и цѣлыя группы ихъ: въ Коровичѣ ихъ 10, въ Кулаковѣ—2, въ Шелгуновѣ—1, въ Селяхѣ—3, въ Пересѣ—3, въ Коломнѣ—2, Терebinьѣ—6, Залучьѣ—1, Середкѣ—3, Княщицѣ—1 и т. д. Такое же обиліе кургановъ и по берегамъ рѣки Поля и ея притока Поломети. Въ бассейнѣ верховья Поля находятся также три значительныя городища: Любна на Поля, Марevo на р. Маревкѣ (впадающей въ Полю), и Молватица на р. Шеберихѣ (также притокѣ Поля), не говоря уже о нѣсколькихъ, почти срав-

¹⁾ Городище Веряско было изслѣдовано г. Самоковасовымъ. См. его «Древніе города Россіи».

ненныхъ съ землею. Городище Молватицы съ сѣвера защищено тремя сопками различной величины, о значеніи которыхъ мы скажемъ нѣсколько далѣе. Курганы имѣются у деревень Мануиловой—1, Ловасиць—1, Дубковъ—1, Роговъ—2, Ростани—3, Игватиць—2, Любны—2, Великушь—2 и т. д.; всѣ они вмѣстѣ составляютъ цѣлый рядъ кургановъ по обоимъ берегамъ Поля. Богато сопками и южное побережье Ильменя между рѣками Шелонью и Ловатью. Въ этой области курганы разсыпаны не такъ правильно по берегамъ рѣкъ, какъ въ другихъ частяхъ Ильменскаго бассейна. Это объясняется отчасти тѣмъ, что славянская колонизація, дойдя по Ловати до узла всей рѣчной системы южнаго Ильменскаго бассейна, приблизительно до того мѣста, гдѣ теперь лежитъ Старая Руса, начала подвигаться постепенно къ западу и востоку поперекъ теченію небольшихъ рѣкъ, впадающихъ въ озеро и значительныя рѣки. Здѣсь попадаются также какъ одиночныя курганы, такъ и цѣлыя группы ихъ. У Лунышина одна сопка, у Солонска Стараго—2, у Конѣчка—1, у Большой Витони ихъ 6, у Малой Витони—2, въ Горцахъ—2, у Подгоць—5, у Солоницка ихъ было 9, у Лукъ—4, у Городцовъ—1, у Царника—1, у Коростыни—2 и т. д. Нѣсколько одиноко въ юго-западной части этого пространства стоятъ сопки у деревень Горки и Шиловой горы на р. Шасти, въ области особенно богатой древне-славянскими наименованіями мѣстностей.

Изъ кургановъ находящихся на другихъ рѣкахъ южной части Ильменскаго бассейна, можно указать на сопки у Котова—1, Нагаткина—2, Лисыхъ горокъ—2, Васильевщины—1, Рябова—2, Фаддеева—1, расположенныя на берегахъ р. Порусы, на сопки у Великаго села (одна почти вся разрыта), Рѣнушина—2, стоящія на р. Рѣдѣ, курганъ у с. Громкова на р. Робѣ (впадающей въ Ловать), и на сопки у д. Бѣлой и Жезванникова, стоящія на берегу р. Андровихи, впадающей въ Холвь (въ Полисть); совсѣмъ отдѣльную группу кургановъ составляютъ сопки, расположенныя въ бассейнѣ Ларинки въ области, имѣвшей густое населеніе въ древности, какъ и нынѣ; у деревень Выползовой, Ладышкиной, Сельца, Толоквянца, большаго Яблонова по кургану, у д. Ларинки—4, и наконецъ, въ д. Соббахъ—1; этимъ характеризуется вполнѣ долина р. Ларицы, сливающаяся на югъ съ долиною р. Поля.

Въ сѣверной части Ильменскаго бассейна, какъ городищъ, такъ и кургановъ, гораздо менѣе. На протяженіи всего теченія Волхова

находится только 5 городищъ, изъ которыхъ 3 ¹⁾ расположены ближе къ Ладожскому озеру, чѣмъ къ Ильмену, а потому, собственно говоря, и не относятся къ нашему разсмотрѣнію. Четвертое и самое знаменитое городище находится къ югу отъ Новгорода на 1 версту вверхъ по Волхову при с. Городищѣ. Это городище издавна уже слыветъ за мѣсто прежняго Новгорода или просто—города; за это говорить и много вѣковъ сохранившееся преданіе, и кое-какія указанія лѣтописи, и географическое его положеніе, вполнѣ удобное для основанія города. Въ 8-ми верстахъ внизъ по Волхову, не доходя до Варлаамскаго монастыря, находится второе городище, такъ-называемый Холопій городокъ, съ которымъ народная память связываетъ воспоминаніе объ убитой въ немъ прекрасной княгинѣ. Недалеко отъ предмѣстья Славки г. Самоквасовъ находятъ еще городище, котораго мы, впрочемъ, призвать не можемъ. Возлѣ с. Сергіевскаго на берегу р. Веренды недалеко отъ ея впаденія въ озеро находится еще одно городище весьма богатое, по видимому, памятниками древности. У Бронницъ на Мстѣ существуетъ также городище, болѣе или менѣе сохранившееся; въ немъ намъ удалось найти нѣсколько важныхъ антропологическихъ данныхъ. Въ западной части междурѣчнаго пространства въ бассейнѣ р. Мшаги при с. Старомъ Медвѣдѣ находятся два городища съ каменными основаніями, которыя съ прилежащими къ нему сопками и курганомъ при с. Ускибѣ составляютъ отдѣльную и оригинальную группу.

Курганы сѣверной части Ильменскаго бассейна нельзя распредѣлить ни въ какія опредѣленныя группы уже по тому одному, что они очень немногочисленны и расположены вездѣ почти одиночно, исключая только нѣсколькихъ группъ Мстинскихъ сопокъ въ предѣлахъ Крестецкаго уѣзда. По Волхову собственно, до Чудовской станціи включительно, намъ извѣстно всего три кургана: у Слутки, у Змѣйскаго и у Хутыни (Лисицкая гора), а на притокаѣ Волхова Вишерѣ—3 кургана у Родіонова; другихъ кургановъ въ этихъ предѣлахъ мы по крайней мѣрѣ не знаемъ. Не то нужно сказать о рѣчной долині р. Мсти; у Глѣбова уже мы встрѣчаемъ курганы, по имени которыхъ во время аракчеевщины поселокъ № 17 назывался Сопками. Чѣмъ далѣе мы поднимаемся вверхъ по теченію на востокъ, тѣмъ болѣе начинаемъ встрѣчать кургановъ, расположенныхъ здѣсь уже

¹⁾ Первое у Старой Ладogi, второе въ 2 в. внизъ по Волхову при впадснiи Короповскаго ручья, и третье въ 9 в. вверхъ у д. Дубовики.

группами. Въ Парняхъ ихъ 4, въ Захаровѣ—2, въ Пришкинѣ—3, въ Рыдинѣ—7, въ Далевѣ—3 (на р. Халовѣ, впадающей во Мсту), въ Матвѣвщинѣ—3, въ Жерновкахъ—2, въ Волмѣ—11, въ Медвѣдѣ—3, въ Лвзяхъ—2, въ Перелѣскѣ—5, въ Золотомъ камнѣ—17 и т. д. ¹⁾; у дд. Пѣховой, Городка, Матвѣйковой, Дворищахъ, Полящахъ и др. наоборотъ всего по одному кургану. Обиліе кургановъ на Мствѣ имѣеть для насъ весьма большое значеніе въ виду того, что многіе изъ нихъ богаты антропологическимъ матеріаломъ. Въ бассейна Мсты болѣе 200 сопокъ находится еще въ Валдайскомъ уѣздѣ и болѣе 50—въ южной части Крестецкаго уѣзда. Не будучи знакомы съ ихъ расположеніемъ, мы только въ общихъ словахъ заявляемъ о существованіи кургановъ въ этой области.

Области Ильменскаго бассейна, богатая курганами и городищами, соразмѣрно тому богата и мѣстными названіями, происхожденіе которыхъ можетъ быть объяснено только древнимъ славянскимъ языкомъ. Не входя въ длинныя разсужденія по поводу нѣсколькихъ сотъ топографическихъ терминовъ, укажемъ только на нѣсколько десятковъ ихъ въ мѣстностяхъ, извѣстныхъ намъ по обилію находящихся въ нихъ архаическихъ остатковъ, чтобы дать понятіе о томъ, что параллельно съ географическими удобствами этихъ мѣстностей для поселенія и количествомъ сопокъ идетъ также и количество архаическихъ наименованій.

Такъ по Волкову и въ ближайшемъ бассейнѣ его мы встрѣчаемъ названія: Кунино, Лвошня, Колмово, Бречно, Мстище, Хутынь, Волоотово, Ушерска, Слутка, Контвицы, Витка, Лелявина, Руса, Вылеги, Вергежа, Дымно, Званки, Пшеничище, Вяя, Хотитова, Ваваль, Велья и т. п. Въ сѣверо-западной части Новгородской губерніи къ западу отъ Ильменя встрѣчаются наименованія: Горынева, Батурино, Суповновъ боръ, Ракома, Морильвица, Морино, Ярунова, Нероновъ боръ, Здрынога, Любовжа, Люболады, Перынь и т. д. Въ долинѣ р. Мшаги мы находимъ Велебицы, Минюши, Ускибье, Угороды, Клевенець, Видогощъ, а въ долинѣ р. Луги—Будыни, Самокража, Радожа, Кусони, Середогощъ, Велегочъ, Лобожа, Хогени, Марипо; въ долинѣ р. Колошки находятся Угощъ, Свинордъ, Учно, Выбетъ, Серень боръ, Морсино, Ратицы, а между Колошкою и Псижею—Перница, Вологъ, Хотежа, Шуръ, Рно, Чуракова, Порослава, Бозино, Дорглець, Воежь,

¹⁾ Перечисляя мѣста съ курганами, мы разумѣли также и пункты, не находящіяся на самой Мствѣ.

Славитино и т. д.; между Шелонью и Ловатью въ мѣстахъ, служившихъ главными селищами Славянъ Ильменскихъ мы встрѣчаемъ Подгощи, Ладошина, Любини, Волошино, Парникъ, Витонь, Ретле, Бурги, Корчице, два Лядина, Вологика, Учна, Шишиморова, Гославъ и т. д., а южнѣе параллели Русы: Морильница, Вѣлоусовъ Боръ, Турова, Туренки, Русинова, Щетипъ боръ, Рукаты, Святогорна, и т. д. То же обиліе подобныхъ наименованій встрѣчается и по долинамъ рѣкъ въ южной части Ильменскаго бассейна. Такъ на Полисти мы находимъ Виджа, Лѣши, Гридияна, Присморжье, Ясна, Взеляды, Бѣлоболка, Ратно и др., на р. Порусь—Учна, Ратцы, Высприце, Ожедова, Волосовщина, Перунъ и др., на Рѣдѣ—оз. Горыньское, Кіева, Килжева, Острей, Сьуратова, Вѣшанка, Лопари, Чудское озеро Рдѣйско и др.; на Ловати—Царфино, Гридино, Азовая, Рамушево, Рѣтцы, Черенчицы, Веряски, Ходшня, Селяха, Шотова, Будоницы, Пересы, Терebinьне Курское, Дорогоны, Княщина, Бушевна и др., на р. Полѣ—Волоська, Ловасицы, Ярцова, Росина, Морина, Туганова, Уполозы, Сорокопейная, Ростани, Росводова, Колома, Хахиль, Цепена, Бухъ, Тоболка, Волбовичи, Любна, Великуша, Новая Руса, Усть, Мареве, Видомѣръ, Растани, Ляды, Велилы, Адамова, Ляда, двѣ Роды и др., и наконецъ, въ бассейнѣ р. Ларинки, Воложа, Растани, Навелье, Ложины, Кстечки, Ларинка, Пресленка, Турій Дворъ, Ладышкина, Свиной, Обша, Лялипа и др. На притокѣ Волхова-Тигодѣ и въ его бассейнѣ замѣчательны наименованія: Чудля, Руссколожа, Сустье-Полянка, Дидовая Грустыня, Ляды, а на Мстѣ—Бронницы, Холынь, Божонки, Чурилова, Самокражи, Морозовичь, Рыдина, Волмы, Божеводы, Узи, Сутоки, Лзы, (въ ея бассейнѣ). Къ востоку отъ Ильмени въ мѣстности бѣдной курганами мы все-таки встрѣчаемъ наименованія чисто славянскаго происхожденія, въ родѣ слѣдующихъ: Чертовщина, Хохульки, Мирослава, Добрости, Немилы, Славить, среди чуждыхъ и даже не славянскихъ названій, какъ напримѣръ: Купевера, Веркасье, Кветинъ, Вейско, Клогуга, Курна и др.; эти послѣднія по всей вѣроятности финскаго или угорскаго происхожденія.

II.

Предложивъ очеркъ географическаго распредѣленія городищъ, кургановъ и мѣстныхъ наименованій въ различныхъ областяхъ Ильменскаго бассейна, мы можемъ теперь познакомить вкратцѣ читателей и съ тѣми особенностями, которыя представляютъ земляныя со-

оруженія этой мѣстности, какъ въ морфологическомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, особенно съ точки зрѣнія антропологической.

Начнемъ съ городищъ. Всѣ городища Ильменскаго бассейна, осмотрѣнные нами, не представляютъ никакихъ исключеній изъ другихъ городищъ славянскихъ ни въ отношеніи формы, ни въ отношеніи мѣстности и географическаго положенія. Всѣ они расположены такъ, что могутъ если не господствовать надъ окружающею мѣстностію, то по крайней мѣрѣ служить опорнымъ базисомъ для обитателей ея въ случаѣ непріятельскаго нападенія; сообразно съ этимъ назначеніемъ они располагаются всегда на мѣстахъ болѣе или менѣе непрístupныхъ, преимущественно на возвышенностяхъ, съ которыхъ удобно не только защищаться, но и предупреждать нападенія непріятеля. Городища при дд. Городкѣ, Веряско, Курское и Бронницкое, а также и Новгородское, расположены такъ удобно въ стратегическомъ отношеніи, что надо отдать справедливость ихъ строителямъ относительно совершеннаго знанія топографіи мѣстности и пониманія всевозможныхъ обстоятельствъ, которыя такъ или иначе предупреждались бы уже однимъ расположеніемъ этихъ опорныхъ пунктовъ. Расположенныя на высокомъ берегу величайшихъ рѣкъ Ильменскаго бассейна, въ мѣстахъ, наиболѣе важныхъ, какъ въ торговомъ, такъ и въ стратегическомъ отношеніи среди мѣстностей, особенно богатыхъ курганами, то-есть, выражаясь иначе, въ областяхъ наиболѣе плодородныхъ, а слѣдовательно, и населенныхъ, городища представляли собою не только опорные базисы для дальнѣйшаго развитія и установки осѣлости около нихъ, но служили исходными пунктами, метрополіями для высылки новыхъ колоній въ земли съ финско-угорскимъ населеніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и влючами къ торговымъ дорогамъ сухопутнымъ и рѣчнымъ. Г. Самоквасовъ въ своемъ изслѣдованіи о городахъ русскихъ достаточно подробно разобралъ, что нужно понимать подъ славянскими городами и городищами, такъ что мы имѣемъ полное право видѣть въ каждомъ городищѣ остатки славянскаго города и вслѣдъ за авторомъ отвергать знаменитую теорію Ходаковского, по которой Славяне жили въ лѣсахъ, и болотахъ, не имѣя городовъ и строя такъ-называемыя городища только для отправленія богослужебныхъ обрядовъ, въ родѣ италійскихъ *Cucus*, священныхъ насыпей. Соглашаясь вполне съ теоріей г. Самоквасова, замѣтимъ однако, что абсолютно отрицать значеніе городищъ какъ пунктовъ, предназначенныхъ для отправленія религіозныхъ церемоній, нельзя уже по тому одному, что у всѣхъ народовъ культъ того или другаго божества со-

средоточивался въ пунктахъ наиболѣе населенныхъ, какими, по теоріи самого г. Самоквасова, у Славянъ были города. Насъ утверждаетъ еще болѣе въ нашемъ мнѣніи то, что въ двухъ городищахъ, именно съ Молвотицахъ и Веряскомъ, мы нашли странныя сооруженія, которыя, по нашему мнѣнію, должны быть отнесены къ религіозному культу.

Въ правой сѣверной сощкѣ Молвотицкаго городища на обвалѣ, на глубинѣ $\frac{3}{4}$ аршина, мы оцупали стальнымъ щупомъ (которымъ намъ послужилъ помполъ отъ ружья) твердую плоскую поверхность. Раскопавъ на сколько возможно осторожно это мѣсто и притомъ снимая землю послойно, мы дошли до такого сѣченія, которое на пространствѣ круга, имѣющаго 1 аршинъ въ діаметрѣ, было усыпано угольями и полубогорѣлыми сучьями и обложено по периферіи вѣнцомъ камней болѣе или менѣе одинаковой величины. Одинъ изъ камней былъ довольно плоскій и видимо обработанъ рукою человѣка, тогда какъ другіе оказались обыкновенными булыжниками; угли, на сколько можно было замѣтить, были не недавняго происхожденія; остатковъ жезельныхъ костей или какихъ-либо другихъ мы найти не могли. Почти такое же сооруженіе встрѣтили мы и во внутренней части Веряскаго городища, но не такъ хорошо сохранившимся. Замѣтивъ на обвалѣ нишу съ угольями, ограниченную камнями, и нѣсколько камней у подножья обвала, мы также осторожно сняли слои и нашли полукругъ, усыпанный угольями и увѣнчанный камнями, изъ которыхъ большой плоскій булыжникъ, расположенный, какъ и въ Молвотицахъ, симметрично относительно круга, замѣнялъ плоскій кругъ Молвотицкій.

Не имѣя ни средствъ, ни нравственнаго права производить археологическія раскопки въ большихъ размѣрахъ, мы не могли разрыть вполнѣ ни одного кургана въ указанныхъ сейчасъ мѣстностяхъ и довольствовались только тѣмъ, что находили на поверхности сопокъ и въ небольшой глубинѣ, которую разрыть могли сами, а также тѣми обвалами, ямами, естественными промоинами и склопами, какіе встрѣчаются на большинствѣ кургановъ. Тѣмъ не менѣе, сколько мы знаемъ, вездѣ въ Россіи не было найдено подобныхъ сооруженій. Фактъ находенія ихъ въ городищахъ долженъ быть, слѣдовательно, поставленъ одиноко, а примѣнительно къ такой его исключительности должно быть поставлено и его объясненіе. Что это не обыкновенное кострище—это очевидно уже по одной формѣ; символическое значеніе круга въ славянской мѣологии и плоскій камень Молвотицкаго и Веряскаго круговъ должны быть приняты во вниманіе; отсутствіе другихъ вещественныхъ остатковъ — также. Замѣтимъ кстати,

что г. Самоквасовъ на основаніи, какъ собственныхъ изслѣдованій, такъ и раскопокъ г. Ивановскаго, утверждаетъ положительно, что въ новгородскихъ курганахъ не было открыто кострищъ, и что въ городищахъ, изслѣдованныхъ имъ, также „кострищъ и углей нѣтъ“. О кострищахъ въ новгородскихъ курганахъ мы поговоримъ, впрочемъ, нѣсколько далѣе, а теперь вернемся къ значенію городищъ.

Городища по Волхову, Шелони, Мстѣ, Ловати и Полѣ должны были имѣть также громадное торговое значеніе. Стоя на самыхъ удобныхъ пунктахъ теченія этихъ рѣкъ, а также на распутьи дорогъ, ведшихъ на западъ и на востокъ—и „въ Кривичи“, и къ Финнамъ, они по необходимости дѣлались также и торжищами, ярмарочными пунктами. Курганы, идущіе по берегамъ рѣкъ и какъ бы соединяющіе городища между собою и съ областями, наиболѣе населенными, служатъ какъ бы вѣхами, указывающими на путь, котораго надо держаться, чтобы не плутать въ роскошно развѣтвленной рѣчной системѣ Ильмени, спустившись съ волоковъ, которые разграничиваютъ бассейны Волги, Днѣпра, Западной Двины и Ильмени.

Мы говорили уже о томъ, что городища располагаются преимущественно на мѣстахъ возвышенныхъ, но они встрѣчаются и въ низменныхъ болотистыхъ пространствахъ, если топографическія условія данной мѣстности дѣлаютъ ихъ при этомъ неприступными. Такъ, городища Холопій городокъ на Волховѣ и Сергіевское недалеко отъ западнаго берега Ильмени стоятъ въ мокреди, которая по веснамъ залита водой и недоступна. Но каковы бы ни были топографическія условія даннаго городища, оно всегда еще укрѣпляется искусственно, по крайней мѣрѣ, земляными насыпями. Если нѣтъ по близости оврага или рѣчки, то дѣлаются и искусственныя гидравлическія сооруженія, валы же и бастионы сооружаются почти всегда. Обыкновенно „площадью городища (например, Веряскаго, Молвогичъ, городища Новгородскаго) служитъ скать или отрѣзокъ горы, отдѣленный отъ подошвы и окружающей мѣстности валомъ и рвомъ, а со стороны естественными укрѣпленіями, ровно обрѣзанными, такъ что подступы невозможны“. Такъ описываетъ русскія городища г. Самоквасовъ вообще, и надо согласиться, что это опредѣленіе болѣе или менѣе примѣнимо и къ каждому городищу Ильменскаго бассейна въ частности. Городища иногда, особенно со стороны болѣе доступной, чѣмъ другія, окружаются одною или нѣсколькими сопками, имѣющими значеніе бастионовъ или передовыхъ укрѣпленій. Эти сопки обыкновенно укладываются на периферіи и у подошвы въ особенности—камнями различ-

ной величины, значеніе которыхъ понятно само собою. Разрывать эти курганы почти не представляетъ никакого археологическаго интереса; мы, по крайней мѣрѣ, зондируя во многихъ мѣстахъ поверхность этихъ защищающихъ сопокъ, не нащупывали никогда ничего. Такими курганами снабжены, на примѣръ, городища у Старога Медвѣдя въ бассейнѣ рр. Мшаги (древн. Ишаги), и Молвотицы. Въ виду того, что эти сопки лежатъ очень близко къ городищамъ, такъ что въ древности могли быть соединены тыномъ или изгородью, намъ кажется неосновательнымъ мнѣніе г. Самоквасова, что городища съ группою сопокъ возлѣ нихъ — болѣе новаго происхожденія, время употребленія огнестрѣльныхъ орудій. Вопросъ этотъ заслуживаетъ еще большаго вниманія уже по тому одному, что городища у Старога Медвѣдя и Молвотицъ по антропологическимъ даннымъ должны быть признаны за одни изъ самыхъ древнихъ въ Ильменскомъ бассейнѣ.

Величина и форма городищъ довольно разнообразна. По словамъ г. Самоквасова, величина площади славянскихъ городищъ измѣняется отъ 200 до 1000 шаговъ въ окружности. Въ Ильменскомъ же бассейнѣ есть, на примѣръ, городище Сергіевское, которое имѣетъ всего 120 шаговъ въ окружности и Молвотицкое, котораго первая часть, по измѣреніямъ г. Кулжинскаго ¹⁾, 860 саж., вторая — 89, третья—2900, и четвертая—4853 саж. въ окружности. Изъ различныхъ формъ площади городищъ Славянъ Ильменскихъ особенно заслуживаетъ вниманія треугольная. Городища на Ловати, Короповскій городокъ на Волховѣ, при погостѣ Маревѣ на р. Маревкѣ и третья часть городища Молвотицкаго имѣютъ трехугольную форму, тогда какъ Сергіевское насыпано въ формѣ правильнаго полукруга. На сколько имѣетъ значеніе самая форма городищъ — сказать трудно, но намъ кажется, что въ этомъ отношеніи не одно личное усмотрѣніе строителей играло первенствующую роль. На площади городищъ и въ ихъ внутреннихъ частяхъ (въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ городища сопровождаются прибавочными сопками) встрѣчаются среди земли, песку, щебня также уголь, зола, кирпичи, кости и много черепковъ. Въ отношеніи послѣднихъ надо быть очень осторожнымъ при разборѣ археологическихъ находокъ, попадающихъ на поверхности городища. Такъ, въ Маревскомъ городищѣ мы натолкнулись на груды черепковъ, которую и принялись усердно разбирать, пока послѣ продолжительнаго труда не убѣдились, что они имѣли срав-

¹⁾ А. И. Кулжинскій въ *Извѣст. Импер. Археол. Общества*.

нительно недавнее происхождение. Догадка наша подтвердилась черезъ нѣсколько времени, когда одинъ крестьянинъ объяснилъ намъ, что прежде въ ихъ деревнѣ былъ обычай складывать у городища, которое, по ихъ мнѣнію, было чѣмъ-то въ родѣ прежняго завода, всю разбитую глиняную посуду. Въ Маревскомъ городищѣ щупомъ мы наткнулись на какой-то обломокъ, который оказался частью глинянаго горшка. Главный интересъ этой находки заключался въ томъ, что стѣнки этой посуды, составляя часть цилиндрической поверхности, были проложены послойно глиной и лубомъ, при чемъ послѣдній достаточно еще сохранился, не смотря на массу перегноя. Въ отношеніи костей, попадающихся на площадяхъ городищъ, надо замѣтить, что это по большей части остатки пищи въ родѣ кухонныхъ остатковъ Скандинавскаго и Ютландскаго полуострововъ — къёккен-меддингъ. На счетъ настоящихъ костей, встрѣчающихся въ грунтѣ городищъ, мы скажемъ нѣсколько словъ далѣе. Какъ бы ни были пока малочисленны археологическія находки въ городищахъ, но ихъ достаточно для того, чтобъ опровергнуть вполне теорію Шлецера о дикости Славянъ, обитавшихъ въ лѣсахъ и болотахъ и основанную на ней гипотезу Ходаковскаго о значеніи городищъ только какъ остатковъ богослужебныхъ, *lucus*, капищъ Славянъ. Справедливо поэтому говорить г. Самоквасовъ, что „лѣтописныя данныя, изслѣдованія Калайдовича въ Рязанской губерніи, Кеппена въ земляхъ западныхъ Славянъ, Пассека въ Харьковской губерніи и гр. Уварова въ области древнихъ Мерянъ доказываютъ, что городища — остатки городовъ, центры древнихъ жилищъ“. Намъ кажется, что одно присутствіе кухонныхъ остатковъ въ значительномъ количествѣ на площади изслѣдованныхъ нами городищъ, не говоря уже о другихъ мелкихъ находкахъ, которыя тамъ попадаются, свидѣтельствуетъ противъ теоріи Шлецера и Ходаковскаго. Несостоятельность ея, впрочемъ, еще болѣе обнаруживается тѣмъ, что она сама ровно ни на чемъ не основана, кромѣ нѣсколькихъ мѣстъ изъ Юрнианда, и пока ровно ничѣмъ не подтверждена.

III.

Курганы Ильменскаго бассейна представляютъ гораздо болѣе археологическаго и антропологическаго матеріала, чѣмъ тамошнія городища. Уже географическое распредѣленіе кургановъ въ томъ краѣ показало намъ, что они здѣсь, какъ и во всемъ свѣтѣ, располагаются преимущественно по теченію рѣкъ. Слѣдя внимательно за распредѣ-

часть ссхiv, отд. 2. 9

леніемъ сопокъ по рѣчнымъ берегамъ, можно замѣтить и другую его особенность. Рядъ кургановъ, тянущійся вдоль по теченію данной рѣки, или вдругъ прерывается, или наоборотъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ принимаетъ своеобразный видъ группировки; подъ рядъ слѣдуютъ нѣсколько мѣстъ, на которыхъ сопки группируются. Такъ на примѣръ, на Ловати рядъ одиночныхъ кургановъ смѣняется цѣлыми ихъ группами: у д. Терebinи ихъ 6, у д. Середки ихъ 3, у дд. Селяхи и Пересъ тоже по 3, на Мстѣ и ея притокахъ также, между одиночными сопками Пехова, Сельца, Плутцовъ и др. встрѣчаются группы ихъ въ 3 (Далево, Медвѣдь), 4 (Коньково, Парни), 5 (Перелѣсокъ, Коломна), 7 (Рыдино), 11 (Волма), 17 (Золотой Камень) и т. д. Разумѣется, это распределеніе кургановъ должно имѣть свое значеніе: въ области Ильменскаго бассейна подобная группировка сопокъ имѣетъ мѣсто во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мѣстность болѣе плодородна, чѣмъ въ другихъ ближайшихъ окрестностяхъ. Перечисленные нами пункты съ группами кургановъ дѣйствительно находятся въ мѣстахъ болѣе или менѣе плодородныхъ ¹⁾; то же самое замѣчаемъ и въ другихъ областяхъ разсматриваемаго нами бассейна. Въ плодородныхъ издревле, а слѣдовательно, искони и населенныхъ мѣстностяхъ между Шелонью и Ловатю мы встрѣчаемъ у Подгопцъ, 5 сопокъ, у Солоницка ихъ было 9, у Большой Витони ихъ 6, у Лобышъ — 6, между Луками и Коломою — 4 и т. д. Въ Демьянскомъ уѣздѣ въ самыхъ хлѣбородныхъ доселѣ мѣстностяхъ встрѣчаются группы кургановъ: у Песковъ ихъ 7, у Городка—9, у Рябушекъ—10, у Рыкова около 12, у Хозюпина—21 и т. д. Въ мѣстахъ наиболѣе плодородныхъ и населенныхъ, не говоря уже о борьбѣ народностей за обладаніе ими, было, разумѣется, больше моментовъ, обусловливающихъ насыпаніе сопокъ и окопаніе городищъ.

Что касается формы кургановъ, то хотя и не выяснено до сихъ поръ въ археологіи — какое значеніе имѣла та или другая форма, тѣмъ не менѣе необходимо признать, что форма кургана обусловливалась его назначеніемъ: иначе было бы непонятно — почему въ одномъ и томъ же мѣстѣ встрѣчаются различныя формы сопокъ, а это замѣчается даже въ отдѣльныхъ группахъ и въ рядомъ стоящихъ кур-

¹⁾ Для доказательства позволяемъ себѣ привести нѣсколько данныхъ изъ урожая 1880 г.: у низовьевъ Ловати урожай былъ самый—2—3, тогда какъ по среднему теченію, гдѣ наиболѣе встрѣчается сопокъ, онъ доходилъ до самыхъ—5—8. То же самое и на Мстѣ.

ганахъ. Въ области Ильменскаго бассейна формъ сопокъ нѣсколько; изъ нихъ главные типы—остроконечныя и плоскія. По формѣ основанія ихъ можно раздѣлить на круглыя, продолговатыя и полукруглыя. Изъ сочетанія того и другаго типа получаются: плоскокруглыя, острокруглыя, эллипсоидныя и т. д. По большей части сопки имѣютъ круглое основаніе и болѣе или менѣе приостренную вершину. Размѣры ихъ у основанія и высота чрезвычайно разнообразны. Бываютъ сопки въ окружности 8 саж. и даже 5 саж. (таковы двѣ Больше-Витонскія), сопки болѣе 300 саж. въ окружности (у Шинкова и Егорья въ Демьянскомъ уѣздѣ) и даже въ 4853 саж. (по измѣреніямъ г. Кулжинскаго, если считать за сопку одну изъ частей Молвотицкаго городища). Въ высоту курганы эти имѣютъ отъ 2¹/₂ аршинъ до 10,15 и даже болѣе (при д. Егорьѣ) сажень.

Напротивъ того, есть цѣлыя группы кургановъ, всѣ члены которыхъ одной формы и болѣе или менѣе равномѣрны: такова, на примѣръ, группа изъ 5 кургановъ у д. Подгощъ, изъ 6 — у Лобынь; но еще болѣе группъ сопокъ, имѣющихъ различную величину, но одинаковую форму. 10 кургановъ у Коровичина, 10 у Рябушекъ, 9 у Городка, 20 у Заселья, 26 у Шинкова, не говоря уже о множествѣ группъ въ 3 и 4 сопки, могутъ представить тому примѣры. Какъ образецъ группы кургановъ, которой всѣ почти члены отличаются другъ отъ друга или формой, или величиной, можно привести 21 сопку у Хозянина (во второмъ стайѣ Демьянскаго уѣзда). Обыкновенно впрочемъ такого разнообразія не замѣчается, и все отличіе членовъ данной группы состоитъ въ принадлежности ихъ къ различнымъ типамъ. Изъ двухъ сопокъ Бѣляевщины одна продолговатой, могилообразной формы, а другая—плоско-круглой; при д. Рыковѣ — 6 плоскихъ и 3 остроконечныхъ кургана, при д. Лоринки—2 остроконечныхъ и 2 плоскихъ, при Шинковѣ—1 круглый и 2 плоскихъ и 23 въ видѣ сахарной головы.

Форма сопокъ продолговатаго, могилообразнаго типа заслуживаетъ особаго вниманія по тому обстоятельству, что въ различныхъ насыпяхъ этой формы мы находили черепя почти однихъ и тѣхъ же краіемерическихъ размѣровъ. Поэтому мы считаемъ не лишнимъ указать на нѣсколько продолговатыхъ кургановъ, тѣмъ болѣе что ихъ сравнительно немного въ разсматриваемой нами части Ильменскаго бассейна. Одинъ изъ Больше-Витонскихъ, одинъ при д. Пескахъ (Демьянскаго уѣзда), 2 при д. Боровичахъ, 1 при д. Бѣляевщинѣ и по одному при дд. Давиловѣ, Щечновѣ, Дубкахъ, Мануиловѣ, Ла-

дышкинѣ, Селеевѣ и Стехновѣ, вотъ и всѣ курганы, которые мы можемъ подвести къ продолговатому типу.

Оригинальна и особенно рѣдка форма полукружная. Графъ Тышкевичъ, какъ о рѣдкости, упоминаетъ, что Врангель нашелъ въ Гдовскомъ уѣздѣ курганъ, насыпанный въ полукружье. Г. Самоквасовъ говоритъ также о насыпанныхъ въ полукружье городищахъ. Мы видѣли уже выше, что Сергіевское городище сыпано въ формѣ правильнаго полукруга. Валу въ которыхъ городищъ въ родѣ Молвотицъ (теперь уже сильно пострадавшіе) также приближаются къ этой формѣ; поэтому намъ кажется, что такую форму придавали сопкамъ, имѣвшимъ назначеніе оборонительныхъ валовъ и батарей. Догадка эта отчасти подтверждается тѣмъ, что вѣшняя сторона этихъ кургановъ обкладывается камнями. Къ этому типу относятся двѣ кольцеобразныя сопки при д. Подгорьѣ (Демьянскаго уѣзда).

Говоря о различныхъ формахъ кургановъ, необходимо замѣтить, что всѣ они болѣе или менѣе пострадали и отъ времени, и отъ атмосферическихъ вліяній, и отъ ругъ человѣка. Это необходимо имѣть въ виду потому, что на нѣкоторыхъ сопкахъ находятся продольныя и поперечныя борозды, которыя могутъ быть на столько глубоки, что придаютъ кургану многовершинность. Такъ Шульгина гора (въ Демьянскомъ уѣздѣ) состоитъ дѣйствительно изъ 7 насыпей, что можно доказать присутствіемъ камней у основанія каждой; огромный плоскій курганъ у д. Шивковой, въ 370 саж. въ окружности, имѣетъ на своей верхней площади 6 небольшихъ сопокъ въ 2 саж. высоты каждая, но такихъ сложныхъ и многовершинныхъ кургановъ не много. Одинъ изъ Витонскихъ, одинъ изъ Коростынскихъ, одинъ изъ Мало-Витонскихъ, два изъ Подгощинскихъ и многіе другіе только кажутся двухвершинными вслѣдствіе глубокихъ бороздъ и промоинъ. Надо также различать и искусственные скаты, образовавшіеся подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ причинъ отъ естественныхъ обваловъ, что можетъ имѣть значеніе въ археологическомъ отношеніи. Той же самой осторожности требуютъ ямы и колдобины, встрѣчающіяся на склонахъ кургановъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ онѣ искусственныя и вырыты съ различною цѣлью—или кладонскателями, или чтобъ утилизировать сухую, часто песчаную почву сопки, напримѣръ, для храненія картофеля. Не смотря на это, попадаются, особенно на вершинахъ кургановъ, ямы или углубленія, по всей вѣроятности—сдѣланныя еще строителями, что мы заключаемъ на основаніи констатированнаго факта на Котовскомъ курганѣ (не-

далеко отъ Старой Русы). На вершинѣ этого кургана (на которомъ, по преданію, издревле стоялъ идолъ, провалившійся съвозъ землю) находится довольно значительное углубленіе. Въ 1878 г. мы нашли на самомъ днѣ подъ слоемъ перегной настоящей кострище съ остатками пережженныхъ и обуглившихся костей. Тамъ и сямъ на периферіи этого углубленія замѣчались камни, какими обыкновенно укладываются курганы съ наружной стороны, и мѣста камней, вывороченныхъ съ какою-нибудь цѣлю. Перебравъ, по возможности, все камни, мы ничего не нашли подъ ними. Во всякомъ случаѣ данныхъ въ пользу того, что углубленіе это произошло при самомъ построеніи кургана, гораздо болѣе, чѣмъ для предположенія о позднѣйшемъ его происхожденіи; нѣкоторая глубина кострища, его положеніе и остатки костей, по нашему мнѣнію, говорятъ въ пользу перваго предположенія.

Относительно матеріала, изъ котораго сыпались городища и сопки, мы сказать многого не можемъ, потому что не проникали глубоко ни въ одну изъ нихъ, но на сколько можно судить по сдѣланнымъ нами опытамъ раскапыванія, они сыпались изъ мѣстнаго матеріала—земли, песку, щебня, гравія и т. п., хотя и есть исключенія. Эти исключенія состоятъ въ томъ, что во многихъ курганахъ Старорусскаго и Демьянскаго уѣздовъ матеріалъ вершины отличается отъ почвы, на которой стоитъ ихъ основаніе. Сопка, напримѣръ, стоитъ на обыкновенной пахатной или суглинистой почвѣ, а верхъ кургана песчаный или щебневый. Въ ближайшей окружности послѣдняго матеріала нѣтъ, по крайней мѣрѣ на поверхности земли; онъ въ обиліи находится гдѣ-нибудь недалеко возлѣ рѣчки или холма; приходится поэтому допустить, что строители кургановъ въ иныхъ случаяхъ предпочитали лучше издалека наносить потребный матеріалъ, чѣмъ пользоваться мѣстнымъ. Это обстоятельство должно имѣть какое-нибудь объясненіе; на сколько намъ удавалось прослѣдить курганы, заключающіе остатки человѣческіе и въ особенности могильные, то-есть, такіе, въ которыхъ покойники погребались (а не такіе, гдѣ только ставились погребальныя урны-могильницы), эти сопки всегда состоятъ изъ песку, щебня и гравія, тогда какъ курганы пусты сыпаны изъ мѣстнаго матеріала, обыкновенно изъ земли. Замѣтимъ при этомъ, что на разрывахъ и обвалахъ кургановъ послѣдняго рода, то-есть, земляныхъ, обыкновенно поросшихъ нивѣ прекрасною зеленью, можно воспользоваться способомъ академика Рупрехта, предложеннымъ имъ для при-

близительнаго опредѣленія древности наслоенія почвы посредствомъ анализа слоевъ перегной.

IV.

Въ отношеніи къ внутреннему содержанію кургановъ новгородскихъ и старорусскихъ мы можемъ сказать немногое вслѣдствіе крайне ограниченныхъ размѣровъ нашихъ раскопокъ, и если мы позволяемъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя заключенія, то они будутъ касаться преимущественно вопросовъ антропологическихъ.

Способъ нашего изученія сопокъ Ильменскаго бассейна преимущественно къ нашимъ средствамъ и силамъ состоялъ въ слѣдующемъ: на сколько возможно тщательно мы изучали внѣшній видъ кургана и осматривали всѣ его склоны, обвалы, ямы, рывины, канавы, идущія около него, его подошву. Нерѣдко даже это поверхностное изученіе доставляло намъ нѣкоторыя данныя, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда, благодаря частичнымъ раскопкамъ и обваламъ, намъ удавалось проникнуть въ болѣе глубокія части кургановъ. Въ этихъ случаяхъ намъ удавалось находить нетронутыми цѣлыя части человѣческихъ скелетовъ и другіе предметы. Не довольствуясь, однако, только осмотромъ кургановъ, мы употребляли и зондированіе, при чемъ щупомъ намъ служилъ шомполъ отъ ружья, нарочито нѣсколько приспособленный. Когда посредствомъ его намъ удавалось прощупать что-либо, то мы расширяли нѣсколько ходъ и на остріе зонда насаживали свинцовыя пульки, при помощи которыхъ пытались узнать—съ чѣмъ имѣемъ дѣло. Винтовой патронъ, легко прилаживаемый къ нашему зонду, помогалъ намъ при распознаваніи костей. Если съ помощью этихъ и тому подобныхъ діагностическихъ приемовъ опредѣлялось что-нибудь интересное, то ручная кирка и широкій ножъ доканчивали дѣло. Памятуя всегда правило, что по возможности надо щадить памятники такой глубокой древности, какъ курганы, тамъ, гдѣ нельзя произвести ихъ раскопку по всѣмъ правиламъ археологической науки, мы можемъ, положивъ руку на сердце, сказать, что не испортили ни одного кургана. Гдѣ можно было добыть что нибудь—мы добывали; гдѣ это было намъ не по силамъ—мы оставляли для будущихъ изслѣдователей. Къ сожалѣнію, частичныя раскопки кургановъ съ различными практическими и мимо-научными цѣлями такъ часты, что мы, не смотря на все несовершенство своихъ методовъ изслѣдованія, могли видѣть и изучать довольно глубокія части не одного десятка сопокъ. Въ виду того, что мы по преимуществу пользовались матеріаломъ, болѣе или менѣе ле-

жащимъ на поверхности, будетъ понятно, что главную часть нашихъ находокъ составляютъ уголья, горшечные осколки и кости, какъ предметы ненужные; всѣ остальные предметы, какіе встрѣчаются въ курганахъ, обыкновенно тотчасъ же растаскиваются, какъ только показываются на свѣтъ.

Мы говорили уже выше, что не можемъ согласиться съ г. Самоквасовымъ, который, на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій и изслѣдованій г. Ивановскаго, отрицаетъ существованіе кострищъ въ новгородскихъ курганахъ и даже углей въ городищахъ. Относительно послѣднихъ мы уже привели факты выше, а отчасти коснулись и перваго вопроса, говоря о Котовскомъ курганѣ и его воронкообразномъ углубленіи, на днѣ котораго, подъ небольшимъ слоемъ перегноя, мы нашли настоящее кострище съ остатками пережженныхъ человѣческихъ костей. Подобная находка притомъ вовсе не представляетъ ничего исключительнаго, такъ какъ мы находили то же самое и въ другихъ сопкахъ. Надо различать только находки однихъ углей отъ находокъ углей съ пережженными костями, такъ какъ нахожденіе тѣхъ и другихъ кострищъ было неодинаково. Припомнимъ при этомъ также и то, что съ углями могутъ встрѣчаться кости и животныхъ или какъ кухонные остатки, или какъ остатки отъ древнихъ жертвоприношеній. Разобраться во всѣхъ этихъ трудностяхъ иногда бываетъ даже невозможно, особенно когда кости отъ дѣйствія пламени и времени потеряли свою форму и даже разсыпались въ золу. Кострище, подобное Котовскому, то-есть, какъ бы обложенное камнями, и подобное кругамъ Молвотицкаго и Веряесскаго городищъ, мы нашли также на юго-западномъ обрывѣ Лупышинской сопки, весьма богатой человѣческими костями. Оно представляло довольно порядочную груду угля и золы, заключенную болѣе или менѣе между камнями различной величины. Вполнѣ опредѣлить форму было невозможно потому, что эта часть кургана была разрушена, но судя по нѣкоторой части кострища, съ большою достовѣрностью можно призвать, что оно имѣло форму круга. Жженыхъ костей мы также не нашли, не смотря на то, что курганъ полонъ человѣческихъ костей. Груды углей, но безъ каменной обкладки, мы вырыли изъ одной изъ Хозюпинскихъ сопокъ, полуразрутой Коростынской и Великосельской; небольшія кучки угля среди песку и щебня мы встрѣчали на вершинѣ одной изъ Рябушкинскихъ, у двухъ Рыковскихъ, одной Коровичинской и на откосѣ восточной части Шульгиной горы. Среди всѣхъ перечисленныхъ нами угольныхъ кучъ мы однако не нашли и слѣда жженныхъ костей, а изъ этого

нужно заключить, что найденные нами угольные остатки не суть собственно кострища, если называть послѣдними только массы углей съ пережженными костями. Тѣмъ не менѣе, мы не сомнѣваемся, что угольные кучи, о которыхъ мы говоримъ, имѣютъ древнее происхожденіе; для разъясненія этого вопроса мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что видимое отсутствіе костей не означаетъ дѣйствительнаго ихъ отсутствія изначала.

Въ пользу древности этихъ кучъ угля и зола свидѣтельствуетъ главнымъ образомъ то, что онѣ не находились на поверхности, а на нѣкоторой глубинѣ и всегда подъ слоємъ перегноя, которому надо дать не менѣе нѣсколькихъ сотенъ лѣтъ. Въ томъ же случаѣ, когда уголище находится на поверхности, какъ это мы нашли на обвалѣ Лунышинской сопки, надо принять во вниманіе другія обстоятельства: каменная обкладка, кругообразная форма и массы костей надъ и подъ уголищемъ давали для насъ важныя указанія. Гораздо труднѣе доказать, что отсутствіе костей въ настоящее время не означаетъ отсутствія ихъ и изначала. Съ одной стороны, кости человѣка и животныхъ дѣйствительно могутъ до такой степени разрушаться какъ подъ влияніемъ жара, такъ и съ теченіемъ времени, что ихъ даже трудно бываетъ отличить отъ неорганическихъ остатковъ, а съ другой — возникаетъ сомнѣніе, могли ли трупы быть сожигаемы такъ полно, чтобъ отъ нихъ не оставалось и слѣда, когда основный принципъ сожиганія покойниковъ у всѣхъ народовъ, производившихъ трупосожженіе, требуетъ, чтобъ остатки покойнаго могли быть собраны. Многочисленныя археологическія изысканія показали, что среди самыхъ обширныхъ кострищъ встрѣчаются все-таки остатки, сохраняющіе по крайней мѣрѣ форму костей; при взглядѣ же на тѣ небольшія кучки угля, которыя мы описали выше, какъ то не вѣрится даже, чтобы здѣсь когда-нибудь могъ быть сожженъ человѣкъ, такъ чтобъ отъ него не осталось и слѣда. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, необходимо признать, что въ курганахъ новгородскихъ встрѣчаются и одни уголья безъ слѣда жженыхъ костей.

Что это за остатки, каково ихъ значеніе, въ какой степени они распространены у другихъ Славянъ — вотъ вопросы, необходимо возникающіе отсюда. Къ сожалѣнію, пока отвѣтить на нихъ не представляется никакой возможности уже потому, что изслѣдователи мало придаютъ значенія отдѣльнымъ кучкамъ угля и зола, заложеннымъ въ массѣ кургановъ. Въ виду того, что эти кучки не особенно обыкновенны и встрѣчаются какъ въ курганахъ, содержащихъ кости, такъ

и въ пустыхъ, и притомъ всегда въ толщѣ насыпи, надо допустить неслучайное ихъ образованіе, и мало того, неслучайное и значеніе ихъ. Вѣроятноѣ всего ихъ сблизить съ господствовавшимъ культомъ небеснаго огня и представителя его—огня земнаго.

Фактъ находенія въ нѣкоторыхъ курганахъ Ильменскаго бассейна настоящихъ кострищъ съ остатками жженныхъ костей человѣческихъ имѣетъ большое значеніе въ виду заявленія г. Самохвасова, что Новгородскіе Славяне не сожигали своихъ покойниковъ, а погребали ихъ. Здѣсь опять можетъ возникнуть вопросъ: надо ли относить строителей кургановъ къ Славянскому племени. Но такъ какъ для рѣшенія этого вопроса необходимо разсмотрѣніе антропологическихъ данныхъ, то мы отнесемъ свой отвѣтъ къ концу нашего разсужденія. Остатки жженныхъ костей мы находили только въ песокъ, но, по разказамъ другихъ, ихъ выкапывали и въ глиняныхъ сосудахъ. Въ сѣверной части Солонской сопки, третьей Соловицкой, въ двухъ Локотскихъ и одной изъ остроконечныхъ Ларинскихъ эти остатки найдены нами. Въ Солонскомъ курганѣ были вырыты: большое берцо почти цѣльное, часть темянной и масса мелкихъ осколковъ; въ Локотской—цѣлая нижняя челюсть съ атрофированными зубными ячейками и старческою формою измѣненія, а въ остальныхъ—лишь обломки костей, только внимательное разсмотрѣніе которыхъ доказывало ихъ принадлежность человѣку. Остатки эти были окружены почти во всѣхъ случаяхъ (кромѣ одного) массою углей, заложенныхъ прямо въ толщѣ кургана; только кости Соловицкой сопки лежали прямо въ землѣ, но за то недалеко отъ нихъ можно было найти обломки какой-то глиняной посуды, обломки которой составляли часть цилиндрической поверхности. Разумѣется, этимъ нельзя еще констатировать фактъ положенія смертныхъ останковъ послѣ сожженія въ урну у Ильменскихъ Славянъ; но если прибавить къ этому показанія крестьянъ дер. Горцы, которые утверждали, что они, при раскопкѣ своего кургана, выкопали большой глиняный горшокъ, наполненный жженными человѣческими костями¹⁾, то эти два указанія надо имѣть въ виду въ надеждѣ на будущія разъясненія. Мы, съ своей стороны, твердо убѣждены, что Ильменскіе Славяне въ курганное время и сожигали, и погребали покойниковъ, хотя послѣдняя форма была болѣе употребительною. Г. Европеусъ²⁾, на основаніи собственныхъ находокъ,

¹⁾ Осколки этого горшка и нѣсколько костей, сложенные въ кучу, мы видѣли сами; кости были несомнѣнно человѣческія.

²⁾ Д. *Европеусъ*, Нѣсколько соображеній о древнихъ обитателяхъ Европы.

констатируетъ фактъ сожженія труповъ въ Присвирьѣ. „Въ предѣлахъ Олонецкой губерніи“, говоритъ онъ, — „и въ прилежащихъ мѣстахъ сожженіе труповъ производилось въ курганное время, по видимому, надъ военными людьми“. Имѣя же въ виду, что по всѣмъ даннымъ, какъ это мы еще увидимъ далѣе, Славяне Присвирьѣ и Обонежьи были выходцами изъ земли Славянъ Ильменскихъ, мы можемъ безъ всякой натяжки распространить выводъ г. Европеуса и на этихъ послѣднихъ.

Встрѣчаются ли въ курганахъ Ильменскаго бассейна какія-нибудь каменные могилы, въ которыхъ погребались покойники или ставились урны съ дорогимъ прахомъ,—это вопросъ, на который отвѣчать трудно. Правда, въ дер. Горцахъ нѣсколько крестьянъ утверждали чуть не клятвою, что, разрывая сопку для исканія клада, они дорылись до какой-то каменной гладкой плиты, которую побоялись сдвинуть изъ страха заклятія; правда, что и нашъ щупъ оцущалъ что-то довольно гладкое и твердое, какъ камень, но изъ этого пока еще ничего не слѣдуетъ. Гораздо интереснѣе и заслуживаютъ большаго вниманія встрѣченныя нами въ полураскопанныхъ нѣкоторыхъ сопкахъ, въ глубинѣ ихъ, поверхности, обложенныя по окружности камнями, на которыхъ можно констатировать слѣды углицъ. Эти поверхности, составляя какъ бы покрывку маленькаго возвышенія, на которомъ онѣ расположены, могутъ разсматриваться съ этими послѣдними какъ аналогичныя съ каменными гробницами другихъ народовъ. Строя небольшую гипотезу, можно съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ принимать даже сопки, обложенныя камнями по всей поверхности, иногда довольно прочно и красиво въ нѣсколько рядовъ, за насыпи, соотвѣтствующія каменнымъ гробницамъ и какъ бы замѣняющія эти послѣднія. По крайней мѣрѣ Крашевскій ¹⁾ считаетъ, встрѣчающіяся въ Мазовіи и Литвѣ могилы, даже только обложенныя камнями, за аналогичныя съ могилами каменной эпохи—Steindisfer Германцевъ. Соглашаясь только отчасти съ Крашевскимъ, мы не можемъ не замѣтить, что окладка кургановъ камнями на поверхности можетъ быть обусловлена различными причинами. Не входя въ разборъ мѣстныхъ преданій, утверждающихъ, что въ той или другой сопкѣ (напримѣръ, большой Солоницкой) находятся огромныя каменные погреба, заключающіе въ себѣ клады, мы оставляемъ въ сторонѣ этотъ интересный вопросъ, хотя надо сознаться, что въ этихъ преданіяхъ чуетса доля правды.

¹⁾ Гр. Тышкевичъ, О курганахъ въ Литвѣ.

Что касается нашихъ находокъ, то вещей металлическихъ мы находили очень немного. Интересно то обстоятельство, что во всѣхъ тѣхъ насыпяхъ, гдѣ мы находили длинноголовые черепа, никогда не было и слѣда металла; въ курганахъ же съ черепами брахицефалическими попадались даже желѣзныя вещи, напримѣръ, нѣчто въ родѣ гвоздей. Желѣзныя пластинки различной длины и формы, нѣчто въ родѣ дверной скобы, пластинка съ отверстіями, найденная въ Соловницкомъ курганѣ (полуразрытомъ), нѣчто въ родѣ ножа (въ Черепчицкой сонкѣ) и другія желѣзныя вещи, не имѣющія опредѣленнаго значенія, были единственными нашими находками. Химическій анализъ желѣза, произведенный г. Башиловымъ, показалъ, что оно состоитъ главнымъ образомъ изъ болотной руды, что и слѣдовало ожидать по богатству Ильменскаго бассейна подобною рудою. Каменныхъ орудій съ явными типическими признаками находить на поверхности кургановъ намъ не удавалось, хотя въ нѣкоторыхъ приостренныхъ камняхъ различной формы и величины можно видѣть слѣды каменнаго вѣка. Къ числу послѣднихъ надо было отнести и круглые и эллипсоидные голыши, иногда попадающіеся въ курганахъ, потому что ихъ нѣтъ въ окружающей почвѣ. Значеніе ихъ какъ пращевыхъ, метательныхъ снарядовъ понятно. Главную находку нашу изъ каменныхъ вещей составляетъ широкая треугольной формы съ приостренными краями пластинка изъ твердаго известняка съ слѣдами искусственной обработки, круглое отверстіе которой на одномъ изъ угловъ показывало ея значеніе. Упомянемъ также и о тѣхъ небольшихъ кусочкахъ раковистаго известняка, которыхъ у насъ набралось до 12. Интересъ этой находки заключается въ слѣдующемъ. Известнякъ этотъ довольно разнообразнаго цвѣта и весь испещренный отчасти сохранившимися доселѣ раковинками и панцырями мягкотѣлыхъ, а отчасти только слѣдами ихъ, имѣетъ очень красивый раковистый изломъ и мрамороподобную поверхность, какъ бы покрытую орнаментами. На сколько намъ удавалось замѣтить, находится онъ въ огромномъ количествѣ и довольно большихъ размѣровъ только на берегу Ильменя. Около с. Коростыни (на южномъ берегу озера) кусковъ такого известняка можно набрать множество и составить порядочную коллекцію раковинчатыхъ кусковъ самаго разнообразнаго узора. Находка кусочковъ этого известняка въ курганахъ, отстоящихъ на десятки верстъ отъ Ильменя, среди почвы, не носящей вовсе характера аллювиальной, доказываетъ очевидно участіе въ этомъ дѣлѣ челоуѣка. Два такихъ кусочка вмѣстѣ съ описанною каменною пластинкою были найдены на

основаніи Подсоюнской сопки, разрытой для добыванія гравія на глубинѣ полдуршина. Остальные, большею частью по два и по три, были выкопаны изъ Терebinьскаго кургана (3), второй вторичной Шинковой сопки (2), Ладышкинской и Коровичинской по одному и Яблоновской (2). Можно допустить предположеніе, что эти красивые кусочки известняка, формы нѣсколько закругленной и одинаковой величины, служили древнему человѣку или какъ украшеніе, или же какъ талисманъ.

V.

Обращаемся теперь къ описанію находокъ, составлявшихъ для насъ всегда главную цѣль, находокъ,—которыхъ одно названіе спасало отъ расхищенія, и которыя потому встрѣчаются въ значительномъ количествѣ. Мы говоримъ о костяхъ человѣческихъ и животныхъ.

Ни одними археологическими находками такъ не богаты курганы, какъ человѣческими костями, и въ этомъ выражается вообще одинъ изъ главныхъ принциповъ насыпанія кургановъ у всѣхъ почти народовъ міра. Насыпи, могилница надъ трупомъ или прахомъ покойнаго сооружались, начиная отъ сѣвера Европы и Азіи (скандинавскіе и сибирскіе курганы) до странъ тропическихъ Африки и Америки (берберійскія и мексиканскія насыпи). Славяне особенно любили насыпать надъ своими отцами и дѣдами курганы, которые въ разныхъ мѣстахъ Русской земли называются различными именами. Волотовки, могилы, могилки, мары, марены, роблеяницы, сопки, копцы, холмица, литовскія, татарскія и шведскія могилы—все это тѣ же самыя курганы, которые въ области Ильменскаго бассейна называются повсемѣстно сопками (слово, очевидно, одного происхожденія съ глаголомъ: сыпать). Слово курганъ въ этой мѣстности даже неизвѣстно въ простонародьи, не смотря на то, что оно употреблялось по крайней мѣрѣ въ книжномъ языкѣ уже давно. Такъ, въ Новгородской лѣтописи подъ 1224 годомъ упоминается „половьчскій курганъ“. Однимъ изъ древнихъ названій кургановъ было также холмище и коломище, которое напрасно г. Европеусъ производитъ отъ финскаго *kalmisto*—могилице ¹⁾. Не у Финновъ или Угровъ Славяне заимствовали обычай сыпать курганы, а принесли его изъ своей арійской прародины. Самыя названія этихъ

¹⁾ Д. Европеусъ, Объ Угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней сѣверной Россіи. Въ Новгородской губерніи камни, лежащіе при основаніи сопокъ и образующіе кольцо ихъ окружающее, называются *коло*, *коломище*.

насыпей показывают скорѣе восточное происхождение ¹⁾. Финскія названія кургановъ *korko* и *hautakorko* не имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ славянскими названіями этихъ могильныхъ насыпей.

Курганы, такимъ образомъ, въ значительномъ большинствѣ сыпались съ цѣлью служить надгробными памятниками надъ прахомъ погребенныхъ подъ ними. Сообразно съ этимъ назначеніемъ большинство ихъ заключаетъ въ себѣ человѣческіе остатки. Въ сопкахъ Ильменскаго бассейна надо различать нѣсколько категорій кургановъ, и параллельно съ этимъ, и цѣли ихъ сооруженій, а потому процентъ кургановъ, заключающихъ въ себѣ кости, значительно ниже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Не смотря на то, мы все-таки можемъ указать нѣсколько десятковъ кургановъ, въ которыхъ достоверно находились кости, и преимущественно кости человѣческія; во многихъ сопкахъ встрѣчаются также лошадиныя кости, очень рѣдко бычачьи; останковъ другихъ животныхъ мы не встрѣчали. Затѣмъ могильныя насыпи, заключающія въ себѣ человѣческія кости, должно раздѣлять на могилы для одного человѣка и на могилы общія, покрывающія смертные останки нѣсколькихъ или многихъ людей. Могилы первой категоріи насыпались, безъ сомнѣній, надъ людьми, чѣмъ-нибудь выдававшимися при жизни. Народная память указываетъ даже имена нѣкоторыхъ изъ этихъ героевъ. Такъ, въ Олонецкой губерніи есть могилица, подъ которыми — по народному преданію — погребены: Памень-богатырь, Улей-богатырь — имена очевидно финскаго происхожденія: финск. *raimien*, пастухъ, впрочемъ слово, по мнѣнію г. Алквиста, происходящее изъ литовскаго языка; финск. *uljas* значитъ великанъ, также какъ и имена братьевъ-богатырей Веси и Перши, коихъ могилы, по словамъ г. Ефименка ²⁾, находятся на берегахъ р. Шорды. Такихъ одиночныхъ богатырскихъ кургановъ мы, по своимъ недостаточнымъ средствамъ, изслѣдовать не могли надлежащимъ образомъ, а потому многія изъ тѣхъ насыпей, которыя мы считаемъ пустыми, могутъ оказаться содержащими кости одного или нѣсколькихъ человѣкъ въ глубинѣ могилы. О значеніи пустыхъ кургановъ мы еще будемъ имѣть случай сказать нѣсколько далѣе.

Главную массу всего антропологическаго матеріала, бывшаго у

¹⁾ Слово курганъ, по Мухлинскому, происходитъ отъ персидск. *gūr* или тюркск. корня — *kūr* (всякое возвышеніе). По Крашевскому, новоперсидск. *gūchanē* означаетъ домъ могилы.

²⁾ *Извѣстія Импер. Археол. Общества.*

насъ подъ руками, мы собрали изъ такъ-называемыхъ „общихъ могилницъ“. Эти сопки могутъ заключать остатки какъ нѣсколькихъ человѣкъ, такъ и множества погребенныхъ; нѣкоторые курганы до того богаты костями, что, кажется, они покрываютъ цѣлую кучу человѣческихъ останковъ. Такова, напримѣръ, Луншинская сопка; изъ нея въ трехъ мѣстахъ, начиная расконку простымъ ножомъ, мы получили три совершенно почти цѣлые черепа, шесть цѣлыхъ большеберцовыхъ костей, пять плечевыхъ, три лучевыхъ и множество другихъ нецѣльныхъ. Курганы, подобные Луншинскому, по всему вѣроятію, насыпались на поляхъ сраженій, надъ могилами убитыхъ соратниковъ, а быть можетъ, и враговъ. Интересное сопоставленіе трехъ череповъ Луншинской сопки, имѣющихъ для головнаго указателя ¹⁾ отношенія 70, 78 и 81: 100, то-есть, череповъ долихокефалическаго и почти брахикефалическаго (овальнаго по Велькеру), позволяетъ по крайней мѣрѣ предполагать, что погребенные здѣсь принадлежали не къ одному племени, если черепа ихъ имѣютъ различные противоположные краниометрическіе типы. Подобныхъ примѣровъ, хотя не столь рѣзкихъ, мы можемъ привести нѣсколько. Такъ, въ Теребиньевскомъ курганѣ, тоже богатомъ костями, мы нашли четыре черепа съ головными индексами 72, 76, 82, 84, представляющими разныя градаціи перехода долихокефалии къ брахикефалию и едва ли принадлежавшими людямъ одного и того же племени.

Прежде чѣмъ разсмотрѣть антропологическій матеріалъ во всей его подробности, считаемъ необходимымъ предпослать указаніе тѣхъ кургановъ, въ которыхъ мы или другія лица встрѣчали человѣческія кости. Въ сопкахъ у д. Ускибья, двухъ Подгощинскихъ, трехъ Соловницкихъ, Солобской первой и второй, двухъ Лобынскихъ, двухъ Рябовскихъ, Оаддѣвской, Мало-Витонской и 3 Больше-Витонскихъ, Луншинской, Шиловской, Коломенскихъ двухъ, Теребиньскихъ четырехъ, Залучьевской, Нагаткинской, Боровицкой, Ладышкинской, Стехновской, Рыковской, двухъ Коньковскихъ, обѣихъ Лезинскихъ и нѣкоторыхъ другихъ мы выкапывали кости сами.

Г. Кульжинскій находилъ кости въ курганахъ при дд. Горки, Ускибье, Соловницѣ, Солобскѣ, Оаддѣвѣ, Подсоюнѣ, Коломнѣ, За-

¹⁾ Головнымъ указателемъ или индексомъ называется отношеніе наибольшей ширины черепа къ его наибольшему переднезаднему поперечнику; формула его = $\frac{\text{наиб. шир.} \times 100}{\text{передн. задн. поперечн.}}$

лучьѣ, Мануиловъ, Городкѣ, Сурикахъ; по словамъ мѣстныхъ обитателей, видѣли и выпахивали кости также изъ кургановъ Громкова, Булакова, Толокинца, Филипповой горы и др. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ костесодержащихъ сонцахъ на ряду съ человѣческимъ находили еще и кости животныхъ,—по преимуществу лошадиныя. Если справедливо предположеніе, что общія могилы насыпаны надъ тѣлами погибшихъ въ сраженіяхъ, то очень понятно, что и конскія кости перемѣшаны съ людскими. Одно только обстоятельство смущаетъ насъ; именно—въ Залучевскомъ курганѣ, гдѣ мы нашли три явно долихокефалическіе черепа, находились и двѣ лошадиныя берцовыя кости и половина челюсти съ двумя коренными зубами. Тамъ какъ длинноголовые черепа надо отнести ко временамъ довольно отдаленнымъ и къ народамъ, едва ли умѣвшимъ приручать животныхъ—искусство, принесенное арійскими короткоголовыми народами,—то и присутствие конскихъ костей на ряду съ костями долихокефалическаго человѣка кажется подозрительнымъ. Подозрѣніе это еще болѣе усиливается даже на глазъ видимою неодинаковою ихъ свѣжестью; лошадиныя кости кажутся сочнѣе и моложе человѣческихъ. Это обстоятельство даетъ намъ случай сказать нѣсколько словъ объ опредѣленіи свѣжести костей, о приблизительной ихъ древности, а также и о томъ, что въ каждомъ данномъ курганѣ могутъ находиться тѣла людей, одновременно погребенныхъ. Постараемся все это разбяснить примѣрами.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ французскихъ журналовъ мы прочитали объ открытіи химикомъ Куэрбомъ способа приблизительнаго опредѣленія древности человѣческихъ костей. Способъ этотъ основанъ на открытомъ Фогельзандомъ явленіи, что кость человѣка при извѣстныхъ условіяхъ черезъ 11 столѣтій представляетъ только слѣды органическаго вещества. Принимая, согласно съ Берцелиусомъ, что свѣжая кость содержитъ въ себѣ около 33% органическаго вещества, и имѣя въ виду открытіи Фогельзанда, Куэрбъ предположилъ, что зарытая кость въ теченіе столѣтія теряетъ около 3 частей своего органическаго вещества, и что если цифру, выражающую потерю органическихъ соединенийъ въ кости, раздѣлить на три, то частное покажетъ возрастъ или древность кости въ столѣтіяхъ. Въ нѣсколькихъ случаяхъ Куэрбу удалось подтвердить свое предположеніе химическимъ анализомъ костей извѣстной древности¹⁾.

¹⁾ Такъ, Куэрбъ разложилъ часть femoris скелета, найденнаго въ каменной гробницѣ въ валу замка Вертейль, и нашелъ, что въ кости ея заключалось вмѣсто

Заинтересовавшись этимъ открытіемъ Куэрба, мы стали пробовать примѣнять его способъ на костяхъ болѣе или менѣе извѣстной древности, тѣмъ болѣе, что имѣли почву и другія условія совершенно такія же, какъ у Куэрба. Провѣрка эта была производима надъ костями прежняго старорусскаго Успенскаго кладбища, которое лѣтомъ 1880 г. было разрываемо для постановки на его мѣстѣ церкви.

Могильныя плиты, древность гробовыхъ досокъ, остатки одежды и другія вещи, найденныя въ землѣ вмѣстѣ съ костями, позволяли намъ ориентироваться на счетъ времени погребенія тѣхъ или другихъ костей; въ двухъ случаяхъ мы находили при черепахахъ монеты XVII и XVIII столѣтій ¹⁾, что лучше всего доказывало время погребенія. Результаты нашихъ провѣрочныхъ опытовъ оказались чрезвычайно близкими къ результатамъ Фогельзанда и Куэрба. Все дѣло заключается въ томъ, что различныя анализы свѣжихъ костей у различныхъ авторовъ не одинаковы; такъ, у Берцеліуса показано въ свѣжей кости 33%, а у другихъ около 35% и даже 30% ²⁾. Мы принимали во вниманіе только анализъ Берцеліуса. Высушивая добытую кость и потомъ сжигая ея въ графитовомъ тиглѣ, мы брали разность ся вѣса до сожженія и послѣ сожженія. Разность эта и показывала абсолютную убыль органическаго вещества, обуглившася полъ вліяніемъ жара; абсолютную убыль уже легко было выразить въ процентномъ содержаніи. Въ 22 анализахъ, произведенныхъ надъ восемью костями, получились одинаковые результаты, точные до десятыхъ. Въ тѣхъ двухъ случаяхъ, когда древность кости была засвидѣтельствована годомъ монеты, и въ третьемъ, гдѣ первыя 2 цифры, уплѣвшія на обломкѣ плиты, давали точныя указанія, результатъ химическаго анализа дѣйствительно поразителенъ. Кости, извлеченныя изъ земли, послѣ сожженія дали убыль въ 6, 4¹/₂, 4³/₄ и 6¹/₂ % соотвѣтственно ихъ легкости отъ 260 до 150 лѣтъ, то-есть, результатъ почти тождественный съ результатами Куэрба и Фогельзанда.

33% всего только 10% органическаго вещества. Такъ какъ потеря органическихъ соединеній равнялась 23%, то Куэрбъ заключилъ, что кости пролежали въ землѣ около 750 лѣтъ. Лео Друеножъ, членъ Бордосской академіи, подтвердилъ вскорѣ археологически мнѣнія Куэрба.

¹⁾ Монеты эти, вѣроятно, были положены на глаза покойниковъ, какъ это дѣлается и нынѣ.

²⁾ Эта разница главнымъ образомъ зависѣла отъ того, что разные авторы не высушивали надлежащимъ образомъ костей. Часть воды, заключающаяся въ связанномъ состояніи, съ органическими веществами увеличивала ихъ пайность въ кости.

Провѣривъ такимъ образомъ, на сколько было возможно, этотъ способъ опредѣленія приблизительной древности погребенныхъ костей, мы вздумали приложить его и къ костямъ, добытымъ изъ кургановъ. Разумѣется, здѣсь при разнообразіи условій атмосферическихъ и теллурическихъ нельзя было и думать о такихъ достаточно близкихъ цифрахъ, какія получались при изслѣдованіи кладбищенскихъ костей; но сообразно съ другими условіями и надежды наши не такъ были обширны. Намъ могутъ возразить, что матеріалъ, изъ котораго сыпаны курганы, неодинаковъ, что имъ можетъ служить и песокъ, и глина, и щебень, и гравій, и пахатная земля, и перегнойныя вещества, заключающія въ себѣ креновую и гуминовую кислоты, способныя дѣйствовать растворяющимъ образомъ даже на неорганическія составныя части костей; могутъ возразить и то, что самыя мѣстныя условія *ceteris paribus*, въ родѣ подпочвенной воды, особаго благопріятнаго всасыванія вслѣдствіе хорошаго провѣтриванія почвеннаго воздуха, разныя колебанія температуры, зависящія отъ теллурическихъ причинъ, и много еще другихъ условій необходимо вліяютъ на точность результата. Все это такъ, но мы далеко не ко всѣмъ курганамъ и условіямъ примѣняемъ способъ Куэрба, да и примѣняемъ его только для приблизительнаго, а не окончательнаго сужденія о древности вырываемыхъ костей. Притомъ мы высказываемся только нѣсколько опредѣленно о костяхъ такихъ кургановъ, какъ Лунышинскій, которыхъ мѣстныя условія близко подходятъ къ условіямъ почвы Успенскаго кладбища, достаточно нами изученнымъ; говоримъ крайне осторожно о костяхъ кургановъ, сыпанныхъ изъ смѣшаннаго матеріала, и совершенно умалчиваемъ о древности костей, извлеченныхъ изъ почвы, богатой перегнойными началами, хотя, строго говоря, никакой ошибки не будетъ, если и относительно послѣднихъ мы рѣшимся замѣтить, что та кость старше, которая потеряла больше органическаго вещества.

Не распространяясь далѣе о выгодахъ способа Куэрба, употребляемаго съ осторожностью, замѣтимъ только, что, не смотря на всѣ возраженія, которые могутъ быть сдѣланы противъ него, онъ все-таки представляетъ первую и довольно хорошую попытку примѣнить химическій анализъ къ антропологии. Дальнѣйшія работы въ этомъ направленіи, по всей вѣроятности, дадутъ лучшіе результаты, и есть надежда, что, если не огульное опредѣленіе количества органическаго вещества въ кости, то болѣе тонкій анализъ химическихъ составныхъ частей ея дастъ болѣе вѣрный критеріумъ. Такъ, по сообщенію,

которое сдѣлалъ намъ профессоръ Доброславинъ, — въ недавно произведенныхъ въ Берлинѣ опытахъ оказалось, что черезъ столѣтіе желатина кости вовсе не убыла, другія же соединенія относились не такъ. Опредѣленіе количественной убыли съ теченіемъ времени болѣе плотныхъ неорганическихъ соединеній кости въ родѣ труднопоглощающихся известковыхъ солей, фосфорной угольной кислоты и фтористаго кальція, по всей вѣроятности, имѣютъ значеніе еще болѣе важное, чѣмъ огульное опредѣленіе количества всѣхъ органическихъ веществъ.

Руководствуясь изложенными соображеніями, мы подвергли количественному анализу всѣ кости, добываемыя изъ кургановъ. Для ускоренія работы мы клали въ каждый тигель по нѣсколько кусочковъ костей, отдѣляя ихъ другъ отъ друга графитными перемычками. Такимъ образомъ было произведено нѣсколько десятковъ анализовъ. Полученные результаты очень интересны въ томъ отношеніи, что для костей одного и того же кургана получалось различное содержаніе органическаго вещества. Въ этихъ случаяхъ, разумѣется, было бы крайней натяжкой объяснять эти разницы какими-либо загадочными мѣстными вліяніями, специфически отличающимися отъ вліяній, дѣйствующихъ на одни и тѣ же данныя на разстояніи нѣсколькихъ футовъ или дюймовъ. Всего проще и естественнѣе эти разности объясняются неодновременнымъ погребеніемъ въ данную почву тѣхъ или другихъ костей. Для того, чтобы нагляднѣе показать различное процентное содержаніе въ костяхъ одной и той же сопки, приводимъ небольшую табличку, составленную на основаніи многихъ анализовъ и взвѣшиваній ¹⁾.

¹⁾ Въ слѣдующей таблицѣ 0% означаетъ или нулевое, или минимальное количество органическаго вещества, открываемаго только другими реакціями.

Название кургана.	Название кости.	Процентное содержание органических веществ.	Некоторые местные условия.
Лунышино	Ossa femoris etc.	0%, 10, 20, 23, 25	Песокъ, мелкій щебень; на глубинѣ 1/2 ф.—3
	Ossa pariet. et vertebrae etc.	0%, 9, 21, 24	
Соловицко 3-й	Ossa manus	0%, 20, 22	Песокъ, гравій и перегной; на поверхности и на глуб. 1/2 ф.—4 ф.
Солобскъ-Старый	Costae, vertebrae	0%, 14, 23, 26	Песокъ, глина и черноземъ; на глуб. 1/2 ф. Смѣшанная почва; на глуб. 1/2 фута.
	Конечекъ	Vertebrae, olecranon.	
Теробиньи	Ossa longa	0%, 4, 8, 14, 19, 24	У подошвы, богатой перегноемъ; на глуб. 2 д.—3 ф.
Ладышкино	Ossa spongiosa	12, 18, 26	Песокъ и глина; на глубинѣ 2 футовъ.
Большая Вятонь	Ossa longa	0, 12, 24	На половину черноземъ; на глуб. 1 1/2 ф.
	Ossa spongiosa	0, 24, 23, 5	
Стехнова	Ossa cranii.	18, 23, 25, 26	Въ перегной; на поверхк. и на глуб. 1 1/2 ф.
Залучье	Ossa pelvis	0, 4, 6	Песокъ и щебень; на глубинѣ 3 ф.
Рябово 2-й	Ossa longa	0, 20, 24	Черноземъ съ пескомъ; на глубинѣ 1 ф.
Коломна	Costae, vertebrae	0, 10, 23	Пахатная земля; на глубинѣ 2 ф.
Лобыни	Ossa longa	0, 14, 16	Смѣшанная почва; на глубинѣ 3, 5 ф.
Өаддѣево	Ossa cranii	0, 8, 18, 23	Смѣшанная почва; на поверхности.

Изъ этой таблицы какъ нельзя болѣе ясно слѣдуетъ, что кости одного и того же кургана, слѣдовательно, поставленныя въ болѣе или менѣе одинаковыя условія, могутъ отличаться другъ отъ друга процентнымъ содержаніемъ органическаго вещества въ такихъ широкихъ предѣлахъ, что становится непоэтичнымъ, чтобы онѣ принадлежали къ одному и тому же времени. Если въ костяхъ Лунышинской, Солобской, Теребиньевской, Стехновской, Фаддѣевской и другихъ сопкахъ колебаніе процентнаго содержанія органическаго вещества можетъ простираться отъ 0% до 23% и болѣе, и если кости эти лежатъ недалеко одна отъ другой и даже смѣшаны, то очевидно, при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, есть еще факторъ, обуславливающий эти различія. Этимъ факторомъ, очевидно, можетъ быть только время. Не будемъ пытаться опредѣлять по способу Куэрба и Фогельзанда количество времени, потребнаго для исчезновенія того или другаго процента органическихъ соединеній изъ костей, потому что для насъ важна не абсолютная, а относительная его величина. Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что всѣ по крайней мѣрѣ осязаемыя условія для сгаранія органическихъ соединеній одинаковы въ нѣкоторыхъ курганахъ (напримѣръ, Лунышинскомъ, Солобскомъ, Залучьевскомъ) съ условіями, представляемыми почвою Успенскаго кладбища, изученною нами по отношенію ея къ окисленію и разложенію органическихъ продуктовъ,—не будетъ большою натяжкой передать процентное содержаніе въ цифрахъ, относящихся ко времени. 26% содержаніе органическаго вещества въ кости будетъ соответствовать почти 225 лѣтней ея древности, 24%—300 лѣтней, 21%—400 лѣтней, 18%—500 лѣтней, 15%—600 лѣтней и наконецъ, 0% содержаніе будетъ относиться къ кости, пролежавшей въ землѣ болѣе чѣмъ 11 столѣтій.

Не увлекаясь слишкомъ послѣдними цифрами, разберемъ еще значеніе неодновременнаго погребенія костей въ нѣкоторыхъ курганахъ Ильменскаго бассейна и постараемся объяснить по возможности этотъ, по видимому, странный фактъ. Въ силу извѣстнаго обычая Славяне, какъ и другіе народы, насыпали высокія могилы надъ прахомъ своихъ покойниковъ, творя на вершинахъ ихъ тризны въ честь погребеннаго. Съ теченіемъ времени, и особенно съ принятіемъ христіанства, старавшагося подавить всякое воспоминаніе о язычествѣ, обычай сыпать курганы прекратился самъ собою, но почитаніе этихъ древнихъ могилъ осталось еще на многія столѣтія. Въ силу старинныхъ традицій, быть можетъ, и въ впервые вѣка христіанскій эпохи Славяне или Чудь Ильменская клали своихъ покойниковъ, разумѣется, не

всѣхъ, а только чѣмъ-либо возвышавшихся надъ толпою, въ готовящіяся могилица рядомъ съ погребенными тамъ издавна. Это, безъ сомнѣнiя, считалось великою честью, и не даромъ говоритъ народная молва, что и знаменитые разбойничьи атаманъ приказывали себя хоронить подъ высокими курганами. Быть можетъ также, что Славяне или Чудь Новгородская пользовались сухою почвою кургановъ для зарыванiя труповъ во время эпидемiй и во время неприяТЕЛЬскихъ нашествiй, какъ объ этомъ сохраняются и до днесь преданiя, связующiя большинство старо-русскихъ кургановъ съ литовскимъ разоренiемъ, а также съ какимъ-то великимъ моромъ, истребившимъ множество жителей. Свидѣтельство посланiя Московскаго митрополита въ Новгородскую область въ 1534 г. (Дополн. къ Ак. Ист., I), что въ Чуди мертвыхъ кладутъ по курганамъ и коломищамъ (холмищамъ, по объясненiю г. Аристовъ), никакъ не можетъ имѣть другаго значенiя, какъ то, что покойниковъ въ Новгородской области даже въ XVI вѣкѣ погребали иногда въ курганахъ. Но изъ засвидѣльствованiя факта погребенiя далеко не слѣдуетъ фактъ насыпанiя могильныхъ коломищъ. Если въ Дунышинской, Витонской и другихъ сопкахъ на руду съ костями, которыя дѣйствительно можно относить по процентному содержанiю органическихъ соединенiй ко временамъ болѣе новымъ и даже къ XVI вѣку, попадаютъ кости, которыхъ древность доказывается до-лихокефалией, то становится несомнѣннымъ, что данный курганъ былъ насыпанъ только надъ послѣдними. Къ тому же приводитъ и обстоятельство — недостаточно впрочемъ прослѣженное нами, что обыкновенно кости болѣе древнiя попадаютъ какъ въ наибольшихъ глубинахъ, такъ и ближе къ подошвѣ кургановъ: обстоятельство, не лишнее значенiя. Подобный смыслъ имѣетъ, по нашему мнѣнiю, и другой фактъ, по видимому, не рѣдко замѣчаемый при изученiи сопки Ильменскаго бассейна, именно—что нѣкоторые курганы представляютъ довольно разнообразный материалъ. Песокъ, щебень, глина, гравий, черноземъ и другiя начала своимъ послѣдовательнымъ расположенiемъ съ одной стороны, и не симметрическою насыпкою—съ другой, не разъ наводили насъ на мысль о послѣдовательныхъ наслоенiяхъ, а слѣдовательно, на предположенiе о добавочныхъ насыпкахъ. Мы говорили уже, что материалъ, изъ котораго ссыпались курганы, по всей вѣроятности, имѣлъ какое-нибудь значенiе, хотя въ смыслѣ практическомъ; но изъ этого факта необходимо вытекаетъ слѣдствiе, что строители могильныхъ насыпей заботились объ однообразiи и чистотѣ

матеріала. О подобныхъ же стремленіяхъ во времена добавочныхъ насыпокъ, когда строеніе кургановъ потеряло почти свое значеніе, распространяться нечего. Мы не безъ умысла говоримъ нѣсколько подробно о всѣхъ этихъ кажущихся мелочахъ, потому что онѣ, по нашему мнѣнію, имѣютъ не только значительный интересъ, но и дѣйствительное значеніе. Приблизительное опредѣленіе древности костей, хотя относительной, ихъ положеніе по отношенію къ различнымъ наслоеніямъ, изученіе этихъ послѣднихъ въ смыслѣ послѣдовательности,—все это можетъ дать много указаній для археологіи, тѣмъ болѣе, что на это почти не обращалось никакого вниманія.

Говоря объ остаткахъ человѣческихъ, находимыхъ въ сопкахъ Ильменскаго бассейна, мы не можемъ не упомянуть еще объ обстоятельстве, также заслуживающемъ вниманія. Въ мѣстномъ населеніи распространено убѣжденіе, что въ курганахъ покоятся люди необыкновенныхъ размѣровъ, превосходящихъ самый высочій ростъ человѣскій. Убѣжденіе это поддерживалось и поддерживается выкапываемыми по временамъ при частичныхъ раскопкахъ костями необыкновенной величины. Г. Кулжинскій говоритъ, на примѣръ, что въ сопкѣ при д. Оаддѣевѣ нашли недавно человѣскій огромный черепъ съ разстояніями между глазными ямками въ 4 вершка и голенную кость ¹⁾ въ 1½ арш. длиною, которыя были снова зарыты. Намъ приходилось также не разъ во многихъ мѣстахъ слышать подобныя заявленія даже отъ людей болѣе или менѣе интеллигентныхъ. Долго мы недоумѣвали на счетъ этихъ гигантскихъ костей, пока случай не доставилъ намъ возможности изслѣдовать одну изъ такихъ костей-сопѣлокъ, которую одинъ изъ мѣстныхъ археологовъ призналъ за берцо человѣка-исполина. Но дѣло въ томъ, что видѣвшіе и наблюдавшіе подобныя диковинки были плохіе анатомы и еще худшіе антропологи. Смѣшившая лошадиныя кости съ человѣческими, они распространили фавбу о погребенныхъ богатыряхъ, какъ наблюденный и проверенный ими фактъ. Изслѣдованная нами исполинская кость оказалась бедраюю костью рослаго коня и была найдена въ Солопскомъ курганѣ. Приведемъ встатѣ нѣсколько данныхъ относительно роста людей, погребенныхъ въ сопкахъ Ильменскаго бассейна. Измѣреніе дѣлалось почти во всѣхъ случаяхъ только на основаніи формулъ, дан-

¹⁾ По мѣстному выраженію, козвнныя, бедренныя и берцовыя кости называються сопѣлками, тогда какъ кости черепа—чашами.

ныхъ Гексли и Гёмфри ¹⁾ для измѣренія общаго роста по отношевію къ нему туловища и конечностей.

Кости Солобска . . .	дали	1,650 м.;	1,630 м.;	1,668 м.
» Лунышиша . . .	»	1,710 »	1,690 »	1,720 » 1,630 м.
» Лисьихъ горокъ »		1,600 »	1,630 »	1,580 »
» Фаддѣва . . .	»	1,660 »	1,620 »	1,690 »
» Задучья . . .	»	1,720 »	1,700 »	1,630 »

Эта табличка показываетъ, что ростъ людей, прахъ которыхъ по-коится подъ новгородскими курганами, не только не превосходитъ обыкновеннаго человѣческаго роста, но бываетъ ниже средняго и даже низкаго. Еще скелеты Лунышинской сопки могутъ быть причислены къ высокімъ; за то скелеты Лисьихъ горокъ принадлежатъ людямъ роста ниже средняго и низкаго. Замѣтимъ при этомъ, что приблизительная величина роста нашихъ предковъ должна быть увеличена нѣсколькими миллиметрами, такъ какъ мягкія части, отсутствующія на скелетѣ, увеличиваютъ ростъ живаго человѣка. Черепъ съ четырехвершковымъ межглазнымъ промежуткомъ долженъ быть отнесенъ къ области фабуль, тогда какъ разказы о длинныхъ и узкихъ черепахъ (головахъ, по мѣстному прозванію) имѣютъ свое основаніе, какъ народныя выраженія краниометрическаго типа.

Въ краниометрическомъ отношеніи курганы Ильменскаго бассейна представляютъ еще болѣе интереса. Д-ръ Л. К. Ивановскій своими раскопками многихъ сопокъ въ сѣверо-восточной части древней Новгородской области уже показалъ, какой богатый антропологическій матеріалъ заключается въ нихъ, и чего можетъ ожидать русская исторія отъ возможно полнаго знакомства съ черепами этой области. Не будучи достаточно знакомы съ цифровыми данными д-ра Ивановскаго, не можемъ привести ихъ здѣсь, хотя, на сколько намъ извѣстно, долихокефаличность многихъ череповъ изъ кургановъ этой области была имъ доказана краниометрически.

Долихокефаличность значительной части череповъ, добытыхъ нами изъ сопокъ Ильменскаго бассейна, представляетъ также главную антропологическую ихъ особенность, такъ какъ ея присутствіе даетъ намъ право сопоставить черепа изслѣдуемой мѣстности съ длинно-головыми черепами кургановъ средней и западной Россіи. Съ другой стороны, присутствіе рядомъ съ долихокефалическими черепами и че-

¹⁾ Гексли, Положеніе чловѣка въ природѣ. Переводъ А. Бекетова; Гёмфри, At Treatise on the Human Skeleton 1858.

реповъ брахикефалическихъ даетъ возможность опредѣлить отношеніе ихъ между собою. Такъ какъ тотъ и другой краниометрической типъ не можетъ принадлежать одному и тому же народу въ данное время, то изъ одного совместнаго существованія въ данномъ курганѣ череповъ различныхъ типовъ можно вывести, что подъ нимъ погребены люди, принадлежавшіе не только къ различнымъ національностямъ, но и не къ одной и той же расѣ. Это есть необходимое слѣдствіе изъ подобныхъ краниометрическихъ данныхъ, дающихъ, кромѣ того, еще и другіе результаты, которыхъ сущность будетъ понятнѣе изъ разсмотрѣнія череповъ въ краниометрическомъ отношеніи. Въ основаніе дальнѣйшихъ разсужденій мы положимъ слѣдующую таблицу, въ составъ которой вошли цифровыя данныя, полученныя нами при изученіи череповъ, найденныхъ въ различныхъ курганахъ.

Головной индексъ череповъ.

Изъ кургана Лувшина . . .	I=70; II=78; III=81.
» Солобска . . .	I=75; II=82.
» Лъзи . . .	I=82; II=82,5; III=82,8.
» Тербишей . . .	I=72; II=76; III=82; IV=84.
» Рыдина . . .	I=73; II=80.
» Рыкова . . .	I=75; II=75,5.
» Шиловой горы . . .	I=82,8; II=83,5.
» Лобнинъ . . .	I=82,5; II=83.
» Залучья . . .	I=69; II=70,2; III=74; IV=81.
» Горцовъ . . .	I=82; II=83,4; III=83,6.
» Локотска . . .	I=80.
» Нагаткина . . .	I=82; II=82,5.
» Большой Витови . . .	I=72; II=76.
» Подгощъ . . .	I=69,2; II=70; III=72.

Принимая раздѣленіе Пбля Брока, что черепа съ головнымъ указателемъ меньше 75 будутъ длинноголовыми, черепа съ указателемъ до 77,77 — подъ длинноголовыми, черепа съ указателемъ до 88,00 — среднеголовыми, черепа съ указателемъ до 83,33 — подъ короткоголовыми, и черепа съ указателемъ выше 83,33 — короткоголовыми, получимъ на 35 измѣренныхъ нами череповъ 12 настоящихъ долихокефалическихъ, 3 субдолихокефалическихъ, 3 среднеголовыхъ, 13 суббрахикефалическихъ и 4 настоящихъ короткоголовыхъ. Выражая эти цифры въ процентномъ содержаніи, мы получимъ для долихокефалии вмѣстѣ съ поддлинноголовостью — 42,85%, для брахикефалии съ подкороткоголовостью — 48,57%; для мезокефалии тогда остается всего 8,68% всего числа череповъ. Разсматривая черепа различныхъ ти-

повь по отношенію къ ихъ совмѣстному нахожденію, увидимъ въ этомъ отношеніи чрезвычайную оригинальность, едва ли встрѣчающуюся въ другихъ мѣстахъ. Увидимъ, что, съ одной стороны, существуютъ курганы, заключающіе въ себѣ черепа одного и того же типа — долихокефалическаго или брахикефалическаго, а съ другой — существуютъ и такіе курганы, черепа которыхъ имѣютъ крайне противоположные головные индексы. Такъ курганы при д. Лъзяхъ, Шиловой горѣ, Лобыняхъ, Горцахъ, Начаткинѣ заключаютъ въ себѣ черепа только короткоголоваго типа съ указателями отъ 82 до 83,5, а сопки Рыкова, Большой Витони и Подгощъ — только долихокефалическіе черепа съ индексомъ отъ 69,2 до 76; курганы же у Дунышина, Солобска, Тереминей, Рыдина и Залучья совмѣщаютъ въ себѣ черепа различныхъ типовъ съ такими крайними указателями, какъ 69 и 84. Хотя брахикефалія, по видимому, и беретъ перевѣсъ надъ долихокефаліей (17 на 15) вообще, какъ это видно изъ предыдущаго, но этому — думаемъ — не слѣдуетъ придавать абсолютнаго значенія потому, что надо имѣть въ виду возможность вторичнаго погребенія и болѣе глубокое положеніе долихокефалическихъ череповъ вообще. Къ этому надо еще прибавить, что мы не проникали въ самую толщу кургановъ, а дѣлали поиски только ближе къ периферіи. Изъ всего же сказаннаго, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ, что если долихокефалія была такъ ясно выражена въ находкахъ, относящихся къ болѣе поверхностнымъ слоямъ, то перевѣсъ ея надъ брахикефаліей вообще, но всей вѣроятности, имѣетъ мѣсто и въ курганныхъ черепкахъ Ильменскаго бассейна, какъ это доказано для мѣстностей средней Россіи. Профессоръ Богдановъ ¹⁾ для череповъ Московской губерніи принимаетъ 56,4% длинноголовости, если соединить долихокефалію съ субъ-долихокефаліей, и всего 22% короткоголовости, оставляя на долю среднеголовыхъ (Orthoscephali) еще цѣлыхъ 20,7%; оволо тѣхъ же самыхъ цифръ стоятъ черепа и другихъ смежныхъ съ Московскою губерніей мѣстностей; къ подобнымъ же цифрамъ, нужно ожидать, будутъ сведены и наши 42,85%, 47,57% и 8,68%. Весьма поучительно при этомъ, что, съ одной стороны, изъ 35 череповъ мы не нашли ни одного съ такою крайнею длинноголовостью, какъ находилъ проф. Богдановъ въ московскихъ курганахъ съ индексомъ въ 65 (у насъ наименьшими были указатели Подгощинскаго и Залучьевскаго чере-

¹⁾ А. Богдановъ, Матеріалы для антропологии курганнаго періода въ Московской губерніи. Изв. Имп. Общ. Люб. Еств. 1867 г.

повъ—69 и 69,2), а съ другой—что всего приходилось 11,4% чистой брахикефалии, при чемъ только одинъ черепъ имѣлъ указателемъ 84, а всѣ остальные только около 83,5 (въ курганныхъ черепахъ Московской губерніи индексъ обыкновенно около 84—85). О значеніи этого обстоятельства мы еще поговоримъ далѣе.

Не меньшій интересъ представляетъ и изученіе прогнатизма курганныхъ череповъ, имѣющее значеніе для опредѣленія степени развитія лицевыхъ частей черепа, которою характеризуется большая или меньшая животность человѣческихъ типовъ. Измѣряя лицевой уголъ по Камперу, предыдущіе черепа можно распределить въ слѣдующемъ порядкѣ:

Лицевой уголъ до 72,00°.

I и II Лувшинскіе черепа=71,6 и 70,9; I и II Подгочинскіе=70,9 и 71,2; Залучевскій I=71,4; Теребиньевскій I=72; Больно-Витонскіе I и II = 70,5 и 71,5.

Лицевой уголъ до 72,5°.

Подгочинскій III=72,2; Теребиньевскій II=72,4; Рыдвинскій I=72,1; Рыковскій I и II = 72,3 и 72,4; Залучевскіе II и III = 72,2 и 72,3; Солобскій I = 72,4.

Лицевой уголъ до 73°.

Локотской I=72,6; Лувшинскій III=72,9; Солобскій II=72,6; Нататвинскій I=72,9; Горекскій II=72,9.

Лицевой уголъ до 73,5°.

Солобскій II=73,1; Лызинскіе I и II=73,3 и 73,5; Теребиньевскій III=73,4; Шиловой горы I=73,25; Горекскій I и III=73,4 и 73,5.

Лицевой уголъ до 74°.

Лызинскій III=73,7; Шиловой горы II=73,6; Лобинскій I=73,7; Залучевскій IV=74.

Лицевой уголъ до 74,5°.

Нататвинскій II=74,2; Лобинскій II=74,4; Теребиньевскій IV=74,5.

Разсматривая эту таблицу, легко замѣтить, что лицевой Камперовскій уголъ курганныхъ череповъ, измѣняя свою величину отъ 70,5° (I Больше-Витонскій) до 74,5° (IV Теребиньевскій), имѣть въ среднемъ около 73,2°—величину, довольно приближающуюся къ величинѣ лицеваго угла, опредѣленной проф. Богдановымъ на черепахъ московскихъ кургановъ въ 73,8°. Сопоставляя величину Кам-

перова угла съ головнымъ указателемъ, легко также замѣтить, что долихокефалическіе черепа имѣютъ лицевой уголъ болѣе острый, а брахицефалическіе—приближающійся болѣе къ прямому. Такъ, крайней долихокефалии нашей серіи череповъ соотвѣтствуетъ одинъ изъ меньшихъ Камперовыхъ угловъ, тогда какъ черепа брахицефалическіе имѣютъ для него въ среднемъ величину болѣе 73,5. Такимъ образомъ длинноголовые черепа кургановъ Ильменскаго бассейна приближаются болѣе къ животному типу, имѣя болѣе выдавшіяся впередъ челюсти, а короткоголовые—наименѣе прогнатичны.

Если принять въ расчетъ, что въ курганахъ попадаются черепа съ такими крайними головными индексами, какъ 69 и 83,5, при чемъ тѣхъ и другихъ встрѣчается почти одинаковое количество, — то естественно возникаетъ вопросъ о значеніи такого совмѣстнаго присутствія череповъ различныхъ типовъ. Разумѣется, при такомъ значительномъ количествѣ тѣхъ и другихъ, нечего и говорить о возможныхъ и невозможныхъ случайностяхъ, о патологическихъ или искусственно измѣненныхъ черепахъ, а потому является настоятельная необходимость признать, что черепа различныхъ краниометрическихъ типовъ принадлежатъ людямъ различныхъ расъ. Располагая въ рядъ головные индексы череповъ того и другаго типа, мы наталкиваемся прямо на доказательство такого предположенія. Постепенность перехода одного черепнаго типа въ другой, особенно замѣтная въ черепахъ, которые мы назвали среднеголовыми (*mesaticephalii*), служить въ этомъ случаѣ несомнѣннымъ доказательствомъ, въ пользу котораго говорятъ еще градаціи величинъ Камперова угла и другихъ краниометрическихъ особенностей череповъ, стоящихъ на границѣ долихокефалии съ брахицефалией. Сравнительно небольшой процентъ (8,68), приходящійся на долю среднеголовыхъ череповъ въ нашей серіи и объясняющійся способомъ добыванія послѣдней, никакъ не можетъ служить противъ нашего предположенія, тѣмъ болѣе, что и въ болѣе значительныхъ коллекціяхъ процентъ мезатокцефалии не великъ. Такимъ образомъ, мы смѣло можемъ сдѣлать общій выводъ изъ всѣхъ предыдущихъ разсужденій, что въ курганахъ Ильменскаго бассейна, какъ и въ курганахъ средней Россіи, находятся черепа длинноголовые, короткоголовые и среднеголовые, составляющіе какъ бы переходъ между первыми и вторыми. Къ объясненію значенія этого переходнаго типа мы теперь и должны обратиться. Гдѣ бы намъ ни приходилось встрѣчаться съ средними или переходными типами, вездѣ эти послѣдніе не только предполагаютъ существованіе

по крайней мѣрѣ двухъ крайнихъ типовъ, но еще свидѣтельствуютъ о переходѣ послѣднихъ одного въ другой, о ихъ взаимномъ смѣшеніи, обуславливающимъ происхожденіе данныхъ вторичныхъ переходныхъ формъ. Въ краниометріи этотъ постулатъ примѣняется съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ биологіи вообще; тамъ изъ присутствія переходныхъ формъ заключаютъ о первичныхъ типахъ; здѣсь на основаніи мезатокефалии, сопутствующей долихокефалии и брахикефалии, необходимо нужно допустить, что первая образовалась изъ сліянія двухъ послѣднихъ. Въ курганное время, значитъ, жили въ Ильменскомъ бассейнѣ болѣе или менѣе одновременно два народа—длинноголовый и короткоголовый, различавшіеся между собою, какъ два вида или двѣ разновидности; отъ смѣшенія ихъ между собою сперва выродился типъ среднеголовый; потомъ короткоголовость взяла перевѣсъ, такъ какъ настоящій обитатель этихъ мѣстностей и потомокъ курганнаго племени—брахикефалъ съ индексомъ большимъ 83. Десять череповъ, измѣренныхъ нами, показали, что обитатели г. Старой Русы нѣсколько вѣковъ уже имѣютъ для головного индекса 83,6; 83,8 и 84 ¹⁾; пять современныхъ череповъ изъ новгородскихъ кладбищъ дали отношенія индексовъ для 83,8; 84 и 84,2 ко 100. Приблизительно тѣ же самыя отношенія даютъ измѣренія, произведенныя не разъ на головахъ живыхъ людей въ разныхъ частяхъ Ильменскаго бассейна. Съ другой стороны мы видимъ также, что и курганные черепа даютъ индексы въ 83,4, 83,5 и 83,6, не смотря на то, что рядомъ съ ними находятся и длинноголовые черепа съ индексомъ около 70. Уже одно это наводитъ на мысль, что брахикефалы кургановъ—настоящіе предки нынѣшнихъ обитателей разсматриваемой нами области. Предположеніе наше подтвердится вполне, если мы изучимъ, напримѣръ, рядомъ съ современнымъ черепомъ изъ какого-нибудь кладбища короткоголовый курганный черепъ съ индексомъ въ 83,5. Сходство того и другаго будетъ поразительно не только въ общемъ, но и въ деталяхъ. Различныя узаватели (лицевой, глазничный и др.), длина темянной дуги и затылочной, ширина лба и лица, скуловое разстояніе, величина основанія черепа и другія краниометрическія данныя будутъ до того сходны въ обоихъ изслѣдуемыхъ черепахъ, что ихъ вполне можно поставить рядомъ, какъ два

¹⁾ Черепа эти были добыты при раскопкѣ Успенскаго кладбища; процентное содержаніе въ нихъ органическаго вещества показывало, что они лежали въ землѣ болѣе столѣтія.

одинаковые экземпляры. Не то должны мы будемъ сказать про черепа среднеголовые и тѣмъ болѣе долихокефалическіе. Уже на первый взглядъ они сильно отличаются отъ брахикефалическихъ череповъ, какъ современныхъ, такъ и курганныхъ; изученіе же ихъ въ краниометрическомъ отношеніи покажетъ еще большую разницу, разбирать которую было бы излишне въ нашемъ очеркѣ. Такимъ образомъ, въ курганное время мы имѣемъ въ бассейнѣ Ильмени два совершенно отличные другъ отъ друга народа: одинъ — по своимъ анатомическимъ признакамъ близко подходящій къ современнымъ обитателямъ этой мѣстности, и другой—сродный курганному человѣку всей Европы.

А. Елисѣевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Исторія Россіи. Сочиненіе Д. Иловайскаго. Части I и II. Москва. 1876—1880.

Вышедшія двѣ части предпринятой Д. И. Иловайскимъ полной „Исторіи Россіи“ составляютъ округленное цѣлое. Ими обнимается первый историческій періодъ—Кіевско-Владимірскій: далѣе—періодъ собиранія Русскаго государства подъ самодержавную руку Москвы, ранѣе—темное и полумифическое существованіе Руси.

Теперь, съ появленіемъ второй части, достаточно обрисовались существенныя черты этого труда. На нашей исторической критикѣ лежитъ долгъ остановить на немъ свое серьезное вниманіе, попытаться выяснить его особенности и указать его мѣсто въ средѣ другихъ подобныхъ произведеній русской ученой литературы.

Успѣхъ и значеніе каждаго новаго историческаго предпріятія, помимо свойственныхъ ему достоинствъ, у насъ всегда во многомъ обуславливался тѣмъ, на сколько это произведеніе отвѣчало той или иной изъ существовавшихъ потребностей. Первымъ замѣчательнымъ трудомъ въ этомъ отношеніи, по справедливости, считается знаменитая „Исторія государства Россійскаго“ Карамзина, сразу же по отпечатаніи первыхъ восьми томовъ разошедшаяся въ количествѣ трехъ тысячъ экземпляровъ—цифра громадная, если взять во вниманіе умственное состояніе современнаго Карамзину общества и его отношеніе къ серьезнымъ русскимъ книгамъ. Вопросъ о значеніи русской исторіи впервые выдвинулся тогда на общественное сужденіе, и весь громадный трудъ Карамзина есть не что иное какъ блестящая диссертация на тему: „или вся новая исторія должна безмолвствовать, или

россійская имѣеть право на вниманіе“ (предисловіе къ Ист. Г. Р.). Поставивъ себѣ подобную задачу, ревнивый патріотъ, при всемъ желаніи мыслить и писать „какъ современникъ“, то-есть, безпристрастно, оказался субъективнымъ до тенденціозности. Какъ вѣрно замѣчено г. Галаховымъ, на всѣ лица и событія онъ посматрѣлъ съ точки зрѣнія трехъ особенно цѣнныхъ имъ принциповъ—вравственаго устава, господствующаго надъ всѣми другими законами и побужденіями, государственнаго порядка, возможнаго только подъ условіемъ самодержавія, и консерватизма, допускающаго нововведенія лишь при полномъ согласіи ихъ съ „умоначертаніемъ“ народа, со всѣмъ прежнимъ строемъ жизни. Чтò удовлетворяло указаннымъ принципамъ—онъ ставилъ на пьедесталь, чтò расходилось съ ними—онъ низводилъ до ничтожества, а потому и освѣщеніе вышло у него не совсѣмъ историческое. Цѣлые періоды остались безъ надлежащаго осмысленія, какъ напримѣръ, періодъ отъ Ярослава до Ивана III, въ который, по словамъ Карамзина, „Россія гибла отъ разновластія“ („Записка о древней и новой Россіи“); недостаточно выяснена роль личностей иногда первостепенной важности, напримѣръ, Владиміра Мономаха, Ивана Грознаго, Бориса Годунова и др.; такъ, вся неудача послѣдняго объяснена лишь тѣмъ, что онъ, совершивъ убійство Дмитрія царевича, „не имѣлъ добродѣтели“, былъ преступень, между тѣмъ какъ, разумѣется, главная вина Бориса заключалась въ томъ, что онъ взялъ задачу не по себѣ: стоялъ не выше другихъ, былъ первый между равными, и не ему, конечно, было уладить бродившіе бурливые элементы, указать имъ путь и направленіе. вмѣстѣ съ тѣмъ, при стройномъ (въ логическомъ отношеніи) и полномъ изложеніи внѣшней политической исторіи, у Карамзина почти совсѣмъ опущена внутренняя, впрочемъ, уже по другимъ причинамъ. При тогдашней неразработанности нашей исторической науки Карамзину едва ли и можно было сдѣлать что-нибудь болѣе. За то явились различныя „случаи, картины, характеры“, по словамъ Карамзина, заслуживающіе всеобщаго вниманія: уже Игорь и Святославъ попали въ „великаны“, уже при Владимірѣ Великомъ и Ярославѣ I Мудромъ „Россія, рожденная, возвеличенная единовластіемъ, не уступала въ силѣ и гражданскомъ образованіи первѣйшимъ европейскимъ державамъ того времени“, и при Юаніѣ III „исторія наша пріобрѣтаетъ достоинство истинно государственной“. Это „государствованіе“, по сознанію Карамзина,—„есть рѣдкое богатство для исторіи: по крайней мѣрѣ не знаю монарха достойнѣйшаго жить и сіять въ ея свѣтилицѣ. Лучи

его славы падаютъ на колыбель Петра“ (Предисловіе). „Не здѣсь (въ исторіи Іоанна III), но въ исторіи Петра должно изслѣдовать, кто изъ сихъ двухъ вѣщеносцевъ поступилъ благоразумнѣе или согласнѣе съ истинною пользою отечества“. Такія похвалы Иванъ III заслужилъ за то, что удовлетворилъ второму и третьему принципу исторіографа. Митрополитъ Филиппъ, удовлетворявшій первому принципу, мужъ, безспорно высокой нравственной стойкости, но не имѣвшій значенія въ ходѣ исторіи, поставленъ выше всѣхъ героевъ міра, потому что „умереть за добродѣтель есть высшая добродѣтель человѣческой мудрости“.

Кригика скоро увидѣла односторонность исторіи Карамзина—на первыхъ порахъ, конечно, въ ея внѣшнемъ составѣ, въ томъ, что въ ней политическая исторія развита въ ущербъ бытовой; тѣмъ не менѣе вліяніе этого сочиненія было громадное. Она породила массу спеціалистовъ; каждый изъ нихъ учился по ней фактамъ, обработкѣ памятниковъ, изложенію; въ юности вѣ воспитывала она патріотическія чувства; преподаватели отечественнаго языка учились по ней стилю, оборотамъ и логическому построенію рѣчи. Самъ Пушкинъ, сначала пронизывавшій надъ направленіемъ исторіи Карамзина, съ появленіемъ XI-го тома до того увлекся ею, что почерпнулъ въ ней вдохновеніе для созданія своего „Бориса Годунова“, въ которомъ, по его собственному сознанію, слѣдовалъ Карамзину въ „свѣтломъ развитіи происшествій“. Это „свѣтлое развитіе“ и было главнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ распространенія вліянія исторіи Карамзина въ читающей публикѣ: гдѣ недоставало научности, тамъ вознаграждала художественность.

Съ теченіемъ времени стала однако развиваться потребность въ собственно научной исторіи; удовлетворить этой потребности предпринялъ С. М. Соловьевъ. Человѣкъ большаго, чистаго русскаго ума, широкой эрудиціи, твердаго характера, онъ ежегодно съ 1851 года вплоть до своей смерти дарилъ русской литературѣ по тому своей „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. Во всѣхъ 29 томахъ онъ неуклонно слѣдовалъ своей строго-научной задачѣ. „Не дѣлать“, висалъ онъ еще въ предисловіи, — „не дробить русскую исторію на отдѣльныя части и періоды, но соединить ихъ; слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ; не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодействіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію,“—вотъ обязан-

ность историка въ настоящее время, какъ понимаетъ ее авторъ. И эпоху за эпохой, вѣкъ за вѣкомъ изображаетъ онъ намъ, показывая все богатство историческихъ фактовъ и ихъ внутреннюю связь. Поборникъ родовой теоріи, Соловьевъ не навязывалъ ее фактамъ, а выводилъ ее изъ нихъ, и во второй половинѣ своихъ томовъ онъ постепенно развилъ ее въ чисто государственную. Даже великій преобразователь является у него личностью не оторванною, какъ у Карамзина, отъ своего народа, а въ полномъ смыслѣ императоромъ-родоначальникомъ, широкимъ выразителемъ національныхъ стремленій своей родной среды. Къ сожалѣнію, выполненіе научной задачи не оставляло Соловьеву времени для вѣшней отдѣлки: доступныя и не однимъ спеціалистамъ, художественно обработанныя мѣста попадаются въ ней очень рѣдко, и это обстоятельство помѣшало ея широкому распространенію среди читателей, какого по справедливости она заслуживала. „Самый объемъ книги“, отзываясь о ней проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, — „ужь прецѣдствовалъ ея распространенію; способъ изложенія, въ которомъ краснорѣчивыя страницы смѣняются сухими выписками и изящно выраженные глубокіе взгляды стоятъ рядомъ съ мелкими подробностями, не слитыми въ одну общую картину, большая подробность въ сообщеніи свѣдѣній новыхъ и значительная краткость въ передачѣ фактовъ уже извѣстныхъ драгоценны для спеціалиста, для котораго теперь исторія Соловьева служитъ иногда источникомъ (извѣстная добросовѣстность автора позволяетъ за недоступностію самихъ подлинниковъ пользоваться его извлеченіями)—но отталкиваютъ отъ его страницъ простаго читателя, желающаго встрѣчать въ книгѣ такого рода не пополненіе своихъ свѣдѣній, а совокупность всего, что относится къ данному факту; а между тѣмъ, не только изложенія всего извѣстнаго, но даже указаній на то, гдѣ что можно найдти, не встрѣтитъ читатель въ книгѣ Соловьева. Вотъ почему это монументальное, составляющее эпоху въ нашей наукѣ произведеніе не удовлетворило однако требованіямъ публики и не составило любимаго чтенія для подростающаго поколѣнія, какимъ была въ дни нашего дѣтства „Исторія государства Россійскаго“. Она ученый арсеналь. Восполнить пробѣлы труда Соловьева взялись другіи лица. Указать литературу предмета и критически оцѣнить современное состояніе главныхъ историческихъ вопросовъ предпринялъ г. Бестужевъ-Рюминъ, а представить художественно обработанное историческое повѣствованіе задумали Н. И. Костомаровъ и Д. И. Иловайскій.

„Русская исторія“ (ч. I. С.-Пб. 1872 г.) г. Бестужева-Рюмина дѣйствительно представляетъ самый полный сводъ и самую безпристрастную оцѣнку всего написаннаго по этому предмету, и въ этомъ ея главная заслуга и достоинство. И спеціалистъ, и приступающій къ серьезному изученію отечественной исторіи найдетъ въ ней незамѣнимыя указанія. Другая заслуга этого труда состоитъ въ томъ, что въ ней явленія вѣшной и внутренней жизни строго разграничены, и послѣднимъ отведено самое просторное мѣсто. Остается пожалѣть, что этотъ высоко полезный трудъ, особенно въ дѣлѣ введенія всѣхъ въ сокровище научной разработки исторіи, пока еще не продолжался.

Г. Костомаровъ давно выдѣлился между нашими историками своимъ художественнымъ талантомъ, благодаря которому его произведенія читаются даже тѣми, кто расходится съ его фѣдеративными и т. п. теоріями. Проблески этого таланта отразились и въ его еще неоконченномъ трудѣ: „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“, но именно только проблески. При всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ научныхъ и психологическихъ, созданіе не отличается стройностію, выдержанностію, подчасъ носитъ печать какъ бы небрежности, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе; большая часть очерковъ слишкомъ загромождена перечнями лицъ предшествовавшихъ или современныхъ описываемому дѣятелю, да къ тому же главные дѣятели—еще далеко не исторія въ ея многостороннемъ объемѣ. Такимъ образомъ, для спеціалиста сочиненіе г. Костомарова даетъ мало, а для простыхъ читателей она представляетъ тяжелое, недостаточно увлекательное чтеніе.

Послѣднимъ по времени опытомъ въ сейчасъ указанномъ направленіи является „Исторія Россіи“ г. Иловайскаго. Этотъ новый трудъ нашего извѣстнаго, высоко даровитаго историка оказывается столь же удачнымъ, какъ и многочисленный рядъ его прежнихъ сочиненій; простота и художественность изложенія, свойственныя вообще трудамъ автора, и строго-научное направленіе—отличительныя качества и его новаго сочиненія. Такъ выразился, и совершенно справедливо, проф. Иконниковъ въ своей рецензіи на первую часть „Исторіи“ г. Иловайскаго (Р. Старина, 1876 г., кн. X).

Соединеніе научныхъ достоинствъ съ изяществомъ изложенія самъ авторъ ставитъ необходимымъ условіемъ историческаго труда, подобнаго имъ предпріятому. „Изученіе источниковъ и пособій“, говоритъ онъ въ предисловіи къ первому тому, — „ихъ взаимная повѣрка или критическое къ нимъ отношеніе, возстановленіе событій въ ихъ

истинномъ видѣ, разъясненіе ихъ причинъ и слѣдствій, опредѣленіе естественныхъ и общественныхъ условій и различныхъ вліяній, вѣрная, по возможности, безпристрастная, оцѣнка дѣятелей и обстоятельствъ и т. п.—вотъ научная прѣготовительная сторона историческаго труда. За выполненіемъ этой стороны слѣдуетъ работа, такъ сказать, творческая. Изобразить событія, обстоятельства и лица такими, какими они представляются воображенію самого историка, при чемъ соблюсти историческую перспективу, то-есть, выдвинуть на передній планъ важное и существенное; не быть подавлену матеріаломъ, а на оборотъ, овладѣть имъ и подчинить его себѣ; дать каждой части свое мѣсто; найти всему соответствующее выраженіе въ языкѣ; усвоить своему изложенію достойный высокой задачи, благородный стиль, и согрѣть это изложеніе своимъ собственнымъ теплымъ участіемъ, своею любовью къ предмету — вотъ тотъ художественный идеаль, къ которому долженъ стремиться историческій писатель“.

Достиженіе такой задачи во многомъ облегчается для автора его точкою зрѣнія на исторію. Историческую жизнь—полагаетъ онъ — народъ проявляетъ въ своихъ представителяхъ, для которыхъ народная масса служитъ только этнографическою почвой, выдѣляющею изъ себя дѣйствующихъ лицъ. Для освѣщенія такъ поставленныхъ элементовъ исторіи, автору отърывается полная возможность въ наглядной группировкѣ фактовъ и въ томъ, чтобы не теряясь въ безконечной сложности историческаго матеріала, при обзорѣ бытовыхъ сторонъ брать наиболѣе существенное и достовѣрное.

На сколько авторъ успѣлъ выполнить свою задачу — достаточно обнаружится, если мы обрисуемъ объемъ его фактовъ, прослѣдимъ внутреннюю нить, которою онъ руководствовался въ ихъ подборѣ и связываніи, и выяснимъ его взглядъ на лица, пользуясь притомъ чаще всего словами автора, для болѣе непосредственнаго ознакомленія со способомъ его изложенія.

Начальный періодъ русской исторіи, какъ извѣстно, постоянно болѣе всѣхъ остальныхъ привлекалъ къ себѣ вниманіе нашей исторической науки, породилъ обширную литературу и вызвалъ множество взглядовъ, нерѣдко діаметрально противоположныхъ. До сихъ поръ не стоворились даже о вопросахъ первостепенной важности, и прежде всего, о томъ, кто были первые наши князья—свои или чужіе; какой политической порядокъ былъ господствующимъ—государственный (Татищевъ, Шлецеръ, Карамзинъ, Полевой, Самоквасовъ), родовой (Эверсъ,

Рейцъ, Соловьевъ, Кавелинъ, Никитскій), общинный (Аксаковъ, Бѣляевъ, Лешковъ, Костомаровъ, Градовскій, Сергѣевичъ, Бестужевъ-Рюминъ), задружно-общинный (Леонтовичъ), или еще иной какой. Разобраться въ массѣ разнорѣчивыхъ извѣстій, устоять посреди встрѣчныхъ теченій и не быть тенденціознымъ—для этого требуется много условій.

Г. Иловайскій съ рѣдкою смѣлостью отстранилъ все, что онъ считаетъ носящимъ на себѣ печать преданія или мифа, и сталъ на почву фактовъ, за достовѣрность которыхъ, по его убѣжденію, можетъ ругаться современная наука.

Чуждый прежней традиціи, онъ начинаетъ свое послѣдовательное изложеніе не такъ-называемымъ призваніемъ князей, а русскою осадю Царьграда въ 865 году—событіемъ, которое засвидѣтельствовано греческими писателями и послужило исходнымъ пунктомъ для русской лѣтописи; съ него же и кіевскій лѣтописецъ начинаетъ собственное повѣствованіе о Руси. „Какъ посреди ночной мглы иногда внезапный блескъ молніи прорѣзываетъ тучи и на мгновеніе озаряетъ окрестность, такъ нападеніе 865 года на Константинополь является для насъ яркимъ лучомъ свѣта на горизонтѣ начальной русской исторіи, покрытой густымъ туманомъ. Басни и домыслы нашихъ старинныхъ книжниковъ только усилили этотъ туманъ и дали ложное направленіе тѣмъ позднѣйшимъ изслѣдователямъ, которые пытались разъяснить древнѣйшія судьбы Русскаго народа“ (I, 16).

Къ разряду такихъ „басенъ и домысловъ“ отнесено г. Иловайскимъ сказаніе лѣтописца о призваніи въ 862 году князей Новгородцами, вслѣдствіе чего авторъ и опускаетъ его въ своемъ повѣствованіи; онъ отрицаетъ это „призваніе“ господъ, откуда бы то ни было. Свой взглядъ онъ съ подробностію развилъ въ особомъ трудѣ — „Розысканія о началѣ Руси“, гдѣ доказывается стародавнее, постепенное и естественное происхожденіе русскаго государственнаго быта, и на основаніи различныхъ историческихъ извѣстій, связывается славянский народъ — Русь съ Роксаланами Страбона, Тацита, Иорнанда и др. Эта книга, заключающая собраніе изслѣдованій и статей автора о варяго-русскомъ вопросѣ, назначена служить введеніемъ къ его „Исторіи Россіи“. Въ послѣдней же, во избѣжаніе подробностей и безъ всякой полемики (исключеніе составляютъ примѣчанія къ книгѣ), догматически излагаются добытые авторомъ результаты. Поэтому и мы не видимъ необходимости владаться въ разборъ ученія г. Иловайскаго и ограничиваемся указаніемъ только на сущность его. По мнѣнію

автора, „нападеніе 865 года и современныя о немъ свидѣтельства неоспоримо указываютъ на многочисленное, воинственное племя Русь, которое издавна обитало въ юго-восточной Европѣ, именно въ странахъ приазовскихъ и приднѣпровскихъ, появляясь въ исторіи предыдущихъ вѣковъ подъ именами Роксоланъ и Антовъ, а иногда скрываясь подъ болѣе общими названіями Скивовъ и Сарматовъ. Много перемѣнъ испытало это племя, много борьбы и усилій должно было оно вынести, прежде нежели успѣло окрѣпнуть и создать могучее ядро, изъ котораго развилась русская государственная жизнь и русская національность. Народы пришлые и туземные, чуждые и родственные попеременно тѣснили Славяно-русское племя, иногда подчинили его себѣ, отрывали отъ него ту или другую вѣтвь, но никогда не могли его сломить. Нѣмецкіе Готы, финскіе Угры, славянскіе Болгаре, черкесскіе Авары и Хазары, одни за другими или въ союзѣ другъ съ другомъ наступали на Антовъ-Русь и угнетали ее. Но все вынесло, все преодолѣло это упругое племя, пока не пробилось на широкую дорогу своей исторической жизни. Эта трудная и долгая школа закалила его характеръ и подготовила его къ послѣдующимъ испытаніямъ... Главная его вѣтвь издавна утвердилась на среднемъ теченіи Днѣпра, къ сѣверу отъ пороговъ, въ краѣ обильномъ цвѣтущими полями, рощами и текучими водами, въ сторонѣ отъ южныхъ степей, слишкомъ открытыхъ вторженію кочевыхъ народовъ. Въ этомъ краю оно построило себѣ крѣпкіе города и положило начало государственному быту съ помощью своихъ родовыхъ князей. Здѣсь Русь развила свою способность къ государственной жизни. Отсюда посредствомъ своихъ дружинъ она постепенно распространила свою объединительную дѣятельность на родственныя ей племена восточныхъ Славянъ. Какъ одно изъ наиболѣе даровитыхъ и предприимчивыхъ Аріійскихъ племенъ, Славянская Русь съ одинаковымъ успѣхомъ предавалась мирнымъ и воинственнымъ занятіямъ, грабежу и торговлѣ, сухопутнымъ и морскимъ предпріятіямъ; дружинники русскіе съ одинаковою отвагою владѣли конемъ и лодкою, мечемъ и парусомъ. Ихъ смѣлые судовые походы по рѣкамъ и морямъ въ IX и X вѣкахъ сдѣлали громкимъ русское имя на востокъ и на западъ“ (I, 16, 17, 18). Однимъ изъ такихъ особенно блестящихъ походовъ, когда Русь впервые является силой и настойчиво заставляетъ говорить о себѣ, и былъ упомянутый выше походъ подъ Царьградъ.

Такимъ образомъ, по ученію г. Иловайскаго, „начало Руси“ от-

крывается совѣтъ въ иномъ мѣстѣ, не тамъ, гдѣ обыкновенно находили его, и пути ея развитія идутъ не съ сѣвера, а съ юга.

„Превосходство Русскаго племени“, продолжаетъ авторъ, — „съ особою силою выразилось въ его объединительныхъ стремленіяхъ, въ постепенномъ и неуклонномъ собираніи воедино своихъ широко раскинувшихся вѣтвей. Объединеніе совершалось подъ предводительствомъ того княжескаго рода, который утвердился въ Кіевѣ. Въ Кіевской области сосредоточилось наиболѣе энергичное, наиболѣе предприимчивое россалапское племя, Поляне или Росъ въ тѣсномъ смыслѣ. Оно продолжало сохранять свою любовь къ судоходству и свои связи съ берегами Азовскаго моря, бывшими колыбелью этого племени. Тамъ еще жили значительныя его поселенія. Дружины Полянъ-Русп ходили почти во всѣ стороны вверхъ и внизъ по теченію рѣкъ, налагая дани на своихъ сосѣдей... Постепенно углубляясь далѣе на сѣверъ, Русь перешла волоки; спустившись по Ловати, завладѣла берегами озера Ильменя и водворилась въ главномъ средоточіи Ильменскихъ Славянъ, въ знаменитомъ Новгородѣ, при истокѣ рѣки Волхова. Отсюда по Волхову, Ладожскому озеру и по рѣкѣ Невѣ она открыла себѣ путь для сношеній съ народами Скандинавіи. Другой водный путь въ Балтійское море пролегалъ по Западной Двинѣ. Ключомъ къ этому пути служилъ городъ Полоцкъ, и онъ къ началу X вѣка находился уже во владѣніи Русскихъ князей“ (I, 19).

Русь не довольствовалась Днѣпровскими и Ильменскими Славянами. Она проникла на Оку и верхнюю Волгу, и здѣсь среди финскихъ народцевъ также основала свои поселенія и свое владичество.

Менѣе успѣшно шло распространеніе русскаго господства на югъ и юго-западъ. Здѣсь, въ области Днѣстра, Буга и Нижняго Днѣпра, жили хотя и родственные народы, но уже другой славянской отрасли, не россалапской, а — какъ полагаетъ г. Иловайскій — болгарской: Уличи, Тиверцы и отчасти Древляне и Воляныне. Покорить эти народы было нелегко, и у русскихъ лѣтописцевъ мы находимъ отголоски упорной борьбы, кипѣвшей когда-то между ними и властолюбивою Русью. Переѣвъ остался за послѣднею, и она успѣла сосредоточить и развить свои силы въ то время, какъ означенные народы были раздроблены на многія владѣнія и общины. Результатомъ борьбы Русскихъ князей съ турко-хазарскими каганами было то, что Русь утвердила свое владичество на берегахъ Босфора Киммерійскаго, то есть, въ Корчевѣ и Тмутракии. „Такимъ образомъ постепенно, въ

теченіе нѣсколькихъ столѣтій, Кіево-русскіе князья распространили свое господство отъ Ильмена до Тамани“ (I, 20).

Такъ какъ организующимъ центромъ является въ этомъ періодѣ Кіевъ (не даромъ онъ, а не Новгородъ, названъ „матерью русскихъ городов“), то естественно и все это начальное время собиранія Руси получаетъ у г. Иловайскаго названіе „Кіевского періода“. Это дѣленіе нашей исторіи по столицамъ, въ противоположность дѣленію по событіямъ, папоминаетъ мысль К. С. Аксакова въ одной изъ статей его по поводу „Исторіи“ Соловьева,—конечно, лишь въ общихъ чертахъ. Аксаковъ смотритъ на столицу, какъ на городъ, переживающій съ народомъ извѣстную эпоху, и отнимаетъ у нея всякое деспотическое или централизующее значеніе. Г. же Иловайскій, отдавая должное области, видитъ въ столицѣ несравненно болѣе, почему съ особеннымъ вниманіемъ и слѣдитъ за ея судьбой и за ролью ея политическаго представителя — великаго князя. Книга даетъ въ этомъ отношеніи много интереснаго, въ смыслѣ освѣщенія историческихъ фактовъ. Таково, напримѣръ, слѣдующее замѣчаніе: „Договоры Олега и Игоря заставляютъ насъ предполагать, что въ Русской землѣ уже въ тѣ времена господствовало дѣленіе на удѣлы между членами княжескаго рода, и что князья Русскіе подчинялись старшему изъ нихъ, сидѣвшему на Кіевскомъ столѣ. Впрочемъ, въ числѣ этихъ князей, можетъ быть, встрѣчаются и такіе, которые не принадлежали собственно къ роду Кіевскаго великаго князя, а были потомки мѣстныхъ родовъ, признававшіе надъ собою его верховенство. Въ такомъ случаѣ, у Кіевскихъ князей, конечно, существовало стремленіе при первомъ удобномъ случаѣ посадить на мѣстѣ этихъ вассальныхъ владѣтелей того-либо изъ своихъ родичей—въ чемъ главнымъ образомъ и состояло объединеніе Славяно-русской земли. Удѣлы давались не только князьямъ, но и княгинямъ... Обязанности подчиненныхъ племенъ къ Кіевскому князю, конечно, выражались данью которую они ему платили; князь за то давалъ имъ судъ и расправу, и защищалъ отъ нападенія соседнихъ народовъ. Эти взаимныя отношенія представляли первобытный видъ того государственнаго порядка, который развился впоследствии на Русской землѣ“ (I, 36—37).

А вотъ другое замѣчаніе, относящееся къ событіямъ послѣ Святослава и въ послѣдствіяхъ дѣленія его владѣній между его сыновьями: „Произошло обычное явленіе, которое не разъ повторялось послѣ того, повторялось, конечно, и прежде. Кіевскій князь не хотѣлъ ограничиваться только званіемъ старшаго князя, по стремился

быть дѣйствительнымъ господиномъ всей Русской земли. Слѣдовательно, едва только начинается русская исторія, мы уже видимъ борьбу единодержавія съ удѣльнымъ порядкомъ, и въ то же время борьбу сѣвера съ югомъ, Новгорода съ Кіевомъ“ (I, 60—61).

Укажемъ еще на нѣкоторыя сужденія автора: Владиміръ, этотъ „по истинѣ великій человѣкъ“ своего времени (I, 88), совершилъ объединеніе, которое однако, по тѣмъ же причинамъ, опять прекратилось даже раньше смерти князя, но снова, за исключеніемъ княжества Полоцкаго, было восстановлено его сыномъ Ярославомъ, при которомъ „Русь занимала не послѣднее мѣсто (по Карамзину, какъ помнимъ, не уступала тогдашнимъ „первѣйшимъ“ державамъ) въ международныхъ отношеніяхъ Европы, и жила общею европейскою жизнію“ (I, 103). Ярославъ соединилъ въ своемъ владѣніи почти всѣ русскія земли. Но это единовластіе было личное и временное. Подобно Владиміру Великому, онъ восстановилъ единство русскихъ земель только для того, чтобъ укрѣпить ихъ за своимъ собственнымъ семействомъ, а не для того, чтобы водворить на Руси единоедержавіе. Нравы и понятіе восточныхъ Славянъ того времени были слишкомъ далеки отъ подобной мысли; никакія распоряженія, никакія завѣщанія въ этомъ смыслѣ не могли оказаться дѣйствительными. Понятіе о Руси, какъ о единомъ, нераздѣльномъ владѣніи, о единомъ государствѣ, еще не сложилось. Еслибы Кіевскій князь вздумалъ всю Русскую землю отдать одному сыну, то остальные сыновья и родственники не признали бы такого распоряженія и общими силами подняли бы противъ него оружіе. Государственное начало и единеніе Русскихъ земель—повторяемъ—поддерживались только тѣмъ, что онѣ находились во владѣніи одного княжескаго рода, и что князь, сидѣвшій въ Кіевѣ, считался старѣйшиной всѣмъ князьямъ Русскимъ“ (I, 107—108).

Ясно, авторъ держится собственно родовой теоріи. Поднятая Эверсомъ и Рейцомъ, развитая Кавелинымъ, обоснованная Соловьевымъ, она, благодаря какъ авторитету послѣдняго, такъ и расширенію и популяризаціи г. Иловайскаго, нѣтъ сомнѣнія, надолго удержитъ за собою преимущественное значеніе, хотя до сихъ поръ остаются въ силѣ и возраженія противъ нея, достаточнаго опроверженія которыхъ мы не встрѣтили и въ сочиненіи почтеннаго автора новой „Исторіи Россіи“. Обыкновенно родовую теорію упрекаютъ въ томъ, что она смѣшиваетъ историческія формы быта съ окаменѣlostями: къ историческому времени родовая клѣточка уже изжила свое бытіе, такъ

какъ „идея кровнаго родства господствуетъ только у племенъ не осѣдлыхъ“. Далѣе, родовая теорія смѣшиваетъ семью и родъ, существующій у однихъ кочевниковъ, у которыхъ есть родъ, но нѣтъ семьи: у славянскаго рода „не было ни юридической, ни политической организаціи“. Еслибъ у нашихъ предковъ все значилъ родъ, то великимъ княземъ постоянно долженъ бы считаться старшій въ родѣ, между тѣмъ какъ очень часто имъ былъ или наиболѣе сильный, или болѣе популярный, а впоследствии, съ княженіемъ Владиміра Мономаха, этотъ титулъ какъ бы прикрѣпляется къ потомству Всеволода, третьяго сына Ярослава; да и избраннымъ князьямъ иногда „указывали путь“. Князья всегда должны были прислушиваться къ голосу вѣча, приноравливаться къ племеннымъ особенностямъ своихъ подчиненныхъ. Еще вопросъ, возможно ли было бы самое дѣленіе на удѣлы, еслибъ оно не требовалось самобытностью племенъ; по крайней мѣрѣ, какъ ни измѣнялись географическія границы владѣній, въ большинствѣ онѣ совпадали съ этнографическими. Признаки же родовыхъ началъ, сказывавшихся, по видимому, въ отношеніяхъ князей между собою и въ организаціи служилыхъ чиновъ, можно легко объяснить влияніемъ задружнаго быта.

Но возвращаемся къ обзору труда г. Иловайскаго.

„Ярославъ, подобно отцу, дѣду и прадѣду, еще при жизни своей раздавалъ сыновьямъ въ управленіе или въ намѣстничество свои земли“. Слѣдствія раздѣленія вышли еще значительнѣе, чѣмъ прежде. „Послѣ Ярослава недолго продолжался внутренній миръ на Руси, хотя три его сына жили пока въ согласіи между собою. Но у нихъ нашлись родственники, которые не хотѣли помириться съ ихъ львиными частями при раздѣлѣ земель, и вотъ мало по малу открылся долгій, непрерывный рядъ княжескихъ междоусобій изъ-за удѣловъ или волостей“ (I, 108, 109—110). Словомъ, тутъ — по кнѣжю нашего историка — начинается такъ-называемый удѣльно-вѣчевой періодъ—по однимъ, самый печальный, по другимъ — отрадный, поэтический, во всякомъ случаѣ крайне трудный для занимательнаго изложенія и съ этой стороны всегда составлявшій камень преткновенія для нашихъ историковъ. Г. Иловайскій—надобно отдать ему справедливость—въ этомъ отношеніи много сдѣлалъ для читателя, главнымъ образомъ своею особенною группировкою фактовъ, благодаря которой исторія русской политической жизни того времени и ея дробленіе между разными центрами становятся довольно наглядными и осмысленными. Свой очеркъ онъ приурочиваетъ или къ борьбѣ съ виши-

ними врагами (гл. V: Половцы и Владиміръ Мономахъ), или къ внутреннему быту (гл. VI: Печерскіе подвижники, гл. VII: Начало княжьей словесности и законодательства), или къ пробужденію областныхъ интересовъ (гл. VIII: Развитие областной самостоятельности), или родовымъ распрямъ (гл. IX: Дядя и племянникъ), или наконецъ, къ невгодамъ Кіева (гл. X: Упадокъ Кіевского княженія), при чемъ, группируя все около одного центра, онъ нигдѣ не оставляетъ ни на минуту вопроса о Кіевѣ.

Впрочемъ, въ удѣльно-вечеровомъ періодѣ Кіевъ, по замѣчанію автора, служитъ не столько заправляющею силой, сколько „яблокомъ раздора“. Онъ былъ всемъ дорогъ какъ главное мѣсто религіозной святини, просвѣщенія и какъ самый почетный княжескій столъ. „Кіевъ, это средоточіе русской политической жизни, по естественному ходу исторіи сдѣлался и средоточіемъ русскаго православія, главнымъ мѣстомъ русскихъ святыхъ. Въ самомъ Кіевѣ красовались храмы Десятинный и Софійскій съ гробницами Владиміра и Ярослава. Въ сѣверномъ его пригородѣ, то-есть, въ Вышгородѣ, находились раки чисто русскихъ святыхъ, Бориса и Глѣба, а въ южныхъ окрестностяхъ сіяла Печерская обитель съ могилами также чисто русскихъ святыхъ, Антоція, Θεодосія и многихъ другихъ подвижниковъ, погребенныхъ въ ея знаменитыхъ пещерахъ. Мало по малу съ отдаленныхъ концовъ Руси народъ привыкъ стекаться въ Кіевъ на поклоненіе его святынямъ“ (I, 165—166). Полная и всесторонняя лѣтопись, въ свою очередь, естественно должна была явиться въ средоточіи Русской земли, вблизи главнаго Русскаго князя, то-есть, въ стѣльномъ Кіевѣ (I, 178). Кіевскимъ князьямъ, особенно Владиміру Мономаху—полагаетъ авторъ—было очень желательно имѣть такую лѣтопись, которую въ угоду имъ и составляетъ ученый игумень Выдубецкаго монастыря, Сильвестръ, до того угодившій князю своимъ трудомъ, что Мономахъ велитъ его поставить епископомъ въ Переяславль. (I, 178—182). Въ приложеніи къ тексту (примѣч. 59) авторъ приводитъ различныя доказательства въ пользу своего мнѣнія. Отсылая для подробнаго ознакомленія съ ними къ самой книгѣ, нельзя однако не отмѣтить того многознаменательнаго факта, что въ пользу мнѣнія о происхожденіи лѣтописи отъ Сильвестра склопается въ послѣднее время большинство нашихъ ученыхъ историковъ.

Авторъ искусно слѣдитъ за ролью великихъ князей Кіевскихъ послѣ Мономаха и за тѣмъ, какъ съ ослабленіемъ ихъ власти самый городъ Кіевъ утрачиваетъ свое значеніе. Послѣ Мономаха Кіевскіе

князья продолжали носить званіе „великаго князя“ и стояли „во главѣ всей Русской земли“. Носившій этотъ титулъ „заботится о земскомъ строѣ, устанавливаетъ судъ и расправу. Онъ окруженъ боярами или старшею дружиною, съ которою совѣтуется о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, подтверждаетъ старые уставы или производитъ въ нихъ перемѣны. Въ дѣлахъ земскихъ онъ особенно совѣтуется съ тысящниками .. Иногда великій князь для рѣшенія важнѣйшихъ земскихъ дѣлъ собираетъ старшихъ между удѣльными князьями, какъ напримеръ, Изяславъ I и Святополкъ II. Но Ярославъ и Владиміръ Мономахъ, умѣвшіе на дѣлѣ быть главою княжескаго дома, издаютъ уставы для всей Русской земли, не спрашивая непремѣннаго согласія князей удѣльныхъ“ (I, 185). Но такая политическая роль великаго князя была больше въ идеѣ. Не многіе изъ нихъ стояли на высотѣ своего призванія. Еще Мстиславъ I, сынъ Владиміра Мономаха, „подобно отцу, умѣлъ держать въ страхѣ сосѣднихъ варваровъ и въ повиновеніи младшихъ князей, а строитивыхъ родичей строго наказывалъ“ (I, 196); съ его же смертію положеніе ухудшилось. „Хотя семья Мономаховичей и владѣла большею частію Руси, но и самая эта семья, въ свою очередь, раздѣлилась на разныя поколѣнія, которыя соперничали другъ съ другомъ. Поэтому періодъ, послѣдующій за смертію Мстислава I, представляетъ постоянное обособленіе русскихъ областей подъ управленіемъ нѣкоторыхъ вѣтвей княжескаго дома, которыя все болѣе и болѣе принимаютъ характеръ мѣстныхъ самостоятельныхъ династій. Въ основаніе этого обособленія легло дѣленіе, утвержденное Любецкимъ съѣздомъ. Кіевскій князь уже не можетъ, какъ прежде, раздавать удѣлы и перемѣщать младшихъ князей съ одного конца Руси на другой. Понятіе о старшинствѣ въ цѣломъ потомствѣ Игоревичей запутывается вслѣдствіе ихъ чрезвычайнаго размноженія и раздѣленія; все чаще и чаще возникаетъ изъ-за него соперничество племянниковъ съ дядями. Кіевъ начинаетъ переходить изъ рукъ въ руки, при чемъ сохраняется еще нѣкоторая тѣнь родоваго права; но въ сущности дѣйствуетъ уже право наиболѣе сильнаго или наиболѣе отважнаго. Древняя метрополія русскихъ городовъ, хотя и продолжаетъ еще служить средоточіемъ русской образованности, но уже мало по малу утрачиваетъ значеніе того средоточія, которымъ она служила въ политической жизни Русскаго народа“ (I, 200).

Наиболѣе важный шагъ, увлекшій Кіевъ къ паденію, г. Иловайскій видитъ въ эгоистической политикѣ Всеволода Ольговича, стре-

мившагося къ разъединенію своихъ родичей. Его „узкая политика самосохраненія не замедлила принести свои плоды въ отношеніяхъ Кіева къ русскимъ областямъ. Постоянно занятый собственною безопасностію, великій князь все менѣе и менѣе могъ оказывать вліянія на другія области, особенно на тѣ, которыя были отдалены отъ него и по самому географическому положенію. Межь тѣмъ какъ Черниговъ, Смоленскъ, Волынь еще принимали непосредственное участіе въ судьбахъ Кіева, на сѣверо-востокъ начинали жить своею особою политическою жизнію земли Суздальская и Рязанская; а на сѣверѣ Новгородъ приобрѣталъ право призывать князей изъ той или другой вѣтви княжескаго рода, по своему усмотрѣнію, и все болѣе ослаблялъ свои связи съ Кіевомъ. На сѣверо-западѣ Полоцкая земля, съ возвращеніемъ собственныхъ князей, окончательно выдѣлялась изъ общаго состава Руси. На юго-западѣ такую же особою политическою жизнію начинала жить Русь Червоная или Галицкая“ (I, 208). И если еще поддерживался внѣшній политическій авторитетъ Кіева, то частію вслѣдствіе ослабѣвшаго напора юго-восточныхъ дикарей, а частію благодаря водворившейся въ Польшѣ удѣльной системѣ, которая „ослабила ея политическое значеніе и слишкомъ на полтора столѣтія задержала распространеніе польскихъ предѣловъ на востокъ“ (I, 213). Въ самомъ Кіевѣ утрачивалось уваженіе къ княжескому достоинству. Такъ, послѣ пораженія Ольговичей Кіевляне вмѣстѣ съ побѣдителями разграбили имущество разбогатѣвшихъ дружинниковъ Всеволода и Игоря. „Подобное возмездіе“, замѣчаетъ нашъ авторъ,— „было въ нравахъ того времени; но нельзя въ этомъ случаѣ не видѣть также и проявленія необузданнаго народнаго своеволія, при явномъ ослабленіи великокняжескаго достоинства. Соперничество князей изъ-за Кіевскаго стола неизбѣжно заставляло ихъ дѣлать разныя поблажки страстямъ и порывамъ толпы, чтобы упрочить за собою народное расположеніе“ (I, 215—216).

И такъ, Кіевъ надалѣ. Одному „Ростиславу подъ конецъ своего княженія дѣйствительно удалось жить въ ладу со всѣми и хотя на короткое время водворить тишину въ Русской землѣ, успокоивъ безконечныя распри о волостяхъ и великомъ княженіи. Тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ поднялись эти распри вновь послѣ смерти Ростислава. То былъ послѣдній представитель княжескаго рода, еще сохранявшій до нѣкоторой степени значеніе великаго князя Кіевскаго, значеніе главнаго звена между многочисленными потомками Владимира Великаго, между отдѣльными частями Руси. По крайней мѣрѣ

это былъ послѣдній Кіевскій князь, котораго старшинство признавали почти всѣ удѣльные. Послѣ его смерти прежнее значеніе Кіевского стола быстро и окончательно рушится“ (I, 248). Во второй половинѣ XII вѣка даже князья переставали считать его лакомымъ кускомъ. Они сознательно начали унижать его и предпочитали свои удѣлы. Особенный ударъ нанесъ ему Андрей Боголюбскій, котораго „болѣе привлекалъ сѣверо-востокъ своею тишиною и покорностію“. Сдѣлавшись старшимъ княземъ, онъ „не захотѣлъ самъ занять Кіевъ; онъ предпочелъ остаться во Владимірѣ на Клязьмѣ, а первый отдалъ своему брату, подобно тому, какъ давалъ удѣлы другимъ младшимъ родственникамъ. До такой степени упало значеніе Кіевского стола въ глазахъ сѣвернаго князя! Съ того момента, когда Владиміръ былъ предпочтенъ Кіеву, ясно обозначился поворотъ въ исторической жизни Русскаго народа: ея средоточіе съ юга переходило на сѣверо-востокъ“ (I, 253—254).

Хотя предъ смертью Андрея стольный городъ возвратилъ себѣ самостоятельность, однако—замѣчаетъ г. Иловайскій—онъ не могъ уже выполнять своего назначенія: Кіевскій князь, даже собравъ подручныхъ ему южныхъ князей, оказался не въ состояніи охранять юго-восточныя границы. Неудачный походъ Святославичей, воспѣтый въ Словѣ о Полку Игоревѣ“, „дастъ поэту случай указать на главную причину торжества варваровъ, на рознь и усобицы Русскихъ князей“ (I, 266). Временные успѣхи Святослава III не привели ни къ чему: оставивъ на произволъ варварамъ дальнія окраины, въ томъ числѣ Тмутараканскій удѣлъ, Кіевскимъ князьямъ „приходилось думать только о защитѣ ближнихъ окраинъ. А вновь наступившія князья междоусобія снова дали Половцамъ возможность не только разорить эти укранны безнаказанно, но и грабить самую столицу древней Руси“ (I, 274). Всеволодъ III уже правилъ Кіевомъ издали. Торжественное посаженіе на его столъ новаго князя Рюрика Ростиславича „совершилось не иначе, какъ съ согласія великаго князя Владиміро-Суздальскаго: послѣдній прислалъ и своихъ мужей, чтобъ утвердить Рюрика на Кіевскомъ столѣ. Ростиславичи признали старшинство Всеволода въ цѣломъ родѣ Мономаха, и Всеволодъ III могъ бы самъ занять Кіевъ; но онъ шелъ по стопамъ своего старшаго брата Андрея Боголюбскаго и предпочиталъ оставаться на сѣверѣ, а Кіевъ держать отъ себя въ зависимости“ (I, 275). Столицу не щадили и собственные князья. Тотъ же Рюрикъ, сверженный Романомъ Волыцкимъ, женатый на половецкой княжнѣ, соединяетъ съ Ольговичами и

Половецкими ханами, „взявъ (1203 г.) Кіевъ приступомъ, и забывъ всякую совѣсть, отдалъ его на разграбленіе своимъ степнымъ союзникамъ.... Это разграбленіе было горше перваго: тогда непріатели, грабившіе городъ, были Русскіе и православные, которые не могли свирѣпствовать съ такимъ неистовствомъ, какъ степные дикари. Послѣ этого втораго разоренія богатство и значеніе древняго Кіева упали еще болѣе“ (I, 279—280). Авторъ уже не считаетъ нужнымъ подробно излагать послѣдующую судьбу Кіева и ограничивается тѣмъ, что досказываетъ ее въ нѣсколькихъ словахъ.

Такимъ образомъ, къ концу Кіевскаго періода палъ городъ, отъ котораго заимствовано его имя: онъ только разжигалъ междоусобія, главное зло древней Руси, и доставался то однимъ, то другимъ владѣтелямъ. А между тѣмъ начиналось новое время, и признаки его, въ связи съ очеркомъ упадка Кіева, г. Иловайскій изображаетъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Посреди описанныхъ междукняжескихъ отношеній все болѣе и болѣе выработывалась отдѣльность русскихъ областей, при помощи разнообразія въ характерѣ населенія и въ другихъ мѣстныхъ условіяхъ. Каждая изъ этихъ областей начинала жить своею собственною историческою жизнію, имѣя во главѣ особую вѣтвь княжескаго дома. Каждая изъ этихъ вѣтвей болѣе или менѣе сохраняетъ тотъ же обычный порядокъ старшинства, изъ-за котораго иногда возникаетъ такое же соперничество, какое происходило изъ-за Кіева. А послѣдній между тѣмъ окончательно терялъ свое значеніе старѣйшаго стола. Будучи постоянно яблокомъ раздора между различными поколѣніями Игоревичей, онъ не утвердился ни за однимъ изъ нихъ. Мало того, онъ достается иногда уже не старшимъ князьямъ, а ихъ младшимъ родственникамъ. Сила и значеніе Кіевскаго князя опредѣляются уже не самимъ Кіевскимъ столомъ, а тѣми родовыми, наследственными волостями, которыми этотъ князь располагалъ. Однако Кіевъ все еще продолжалъ быть посредствующимъ звеномъ, которое связывало отдѣльныя и даже отдаленныя части Россіи. Онъ все еще служилъ главнѣйшимъ средоточіемъ древне-русской образованности, пока не надвинулась съ востока новая темная сила и въ конецъ не разрушила матери русскихъ городовъ“ (I, 282).

Около этого же времени—припоминаетъ г. Иловайскій—палъ и Ковстацкинополь, духовная глава Кіева, съ которымъ у русской столицы всегда были самыя тѣсныя отношенія. Оттуда Кіевъ почерпалъ свои религіозныя и просвѣтительныя силы; одновременно вели они смертную

борьбу съ восточными варварами Турецкаго племени. Связь Кіевской Руси съ Византіею авторъ отгѣнилъ съ особенною полнотою и пастойчивостію, такъ что, начавъ съ Руси подь Царьградомъ, онъ и заканчиваетъ первую часть своей „Исторіи“ повѣствованіемъ о подчиненіи Византіи Латинянамъ. Подточенные политически и матеріально, оба бойца за европейски-просвѣтительныя начала вмѣстѣ склонили свои гордыя головы. Такого широкаго, стройнаго и яснаго изображенія роли и судьбы Кіева не встрѣчается ни въ одномъ изъ сочиненій по русской исторіи, и въ этомъ отношеніи г. Иловайскому принадлежитъ весьма почетная заслуга.

Второй томъ сочиненія г. Иловайскаго посвященъ такъ-называемому Владимірскому періоду; названіе это можетъ указывать на то, что это — періодъ пригизаній Суздальско-Владимірскихъ князей, но еще вѣрнѣе будетъ сказать, что это — по преимуществу время развитія областной самостоятельности. Такъ и смотритъ на это время г. Иловайскій: тогда, говорятъ онъ, — „Русь почти не имѣла политическаго средоточія“ (II, 288); каждая область старалась обособиться — за исключеніемъ Кіева и Новгорода, остававшихся „такъ сказать, въ общемъ владѣніи потомковъ Владиміра Великаго“ (II, 287); вездѣ какъ бы въ качествѣ мѣстныхъ династій укоренились различныя вѣтви княжескаго рода. Болѣе сильныя центры стремились стянуть къ себѣ сосѣднія области. Полоцкъ, Черниговъ, Литва и друг. расширяютъ свои требованія; Владиміро-Галицкое княжество задумало уже о господствѣ надъ всѣми: князя Романа волынской дѣтописецъ величаетъ „самодержцемъ всей Русской земли“; князь Даніилъ принялъ королевскій титулъ. Суздальско-Владимірскіе князья лишь съ болѣе сильнымъ тактомъ и на болѣе твердой почвѣ проявили стремленіе къ преслѣдованію общерусскихъ интересовъ, отчего ихъ усилія и принесли болѣе зрѣлый плодъ. Вотъ въ короткихъ словахъ основная точка зрѣнія автора на этотъ періодъ.

Угломъ зрѣнія автора объясняется, вѣроятно, и то, что повѣствованіе о Владимірскомъ княжествѣ не занимаетъ здѣсь такого большаго мѣста, какъ повѣствованіе о Кіевскомъ въ I-й части. Здѣсь кстати будетъ указать на одну почтенную особенность сочиненія г. Иловайскаго, замѣтную въ обѣихъ его частяхъ: подробное обозрѣніе всѣхъ русскихъ областей и нѣкоторыхъ сосѣдей, игравшихъ важную роль въ жизни этихъ земель — Половцевъ, Литвы, Ливонскихъ Нѣмцевъ, Финновъ, Камскихъ Болгаръ и друг., ни въ одномъ полномъ историческомъ трудѣ не сдѣлано такъ подробно, какъ въ

этомъ; въ обзорѣ земель обращено большое вниманіе, вмѣстѣ съ ихъ политическою жизнью, на географію, этнографическіе элементы, памятники древности; даются описанія всѣхъ главныхъ городовъ (Кіева, Владиміра, Суздаля, Новгорода, Галича и друг.) и многихъ второстепенныхъ (Вышгорода, Бѣлгорода, Путивля и друг.); обрисовываются общіе виды мѣстностей; почти во всѣхъ этихъ очеркахъ, кромѣ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ литературы предмета, проглядываютъ и личныя наблюденія автора. Какъ очеркъ сосѣднихъ странъ расширяетъ рамки картины, дѣлая ее болѣе ясною и осмысленною, такъ внесеніе географически-этнографическаго элемента выясняетъ многія областныя народныя черты и дѣлаетъ болѣе понятными и наглядными даже многія изъ едва замѣтныхъ прежде частности; для примѣра укажемъ плачущую Ярославну, которая вышла на южное заборало (стѣну) Путивля, откуда отсрываются виды прямо на широкія половецкія степи.

Но отъ широты картины не терается въ изложеніи г. Иловайскаго значеніе центра. Роль Владиміра, сообщающая свой колоритъ всему періоду, обрисована имъ очень выпукло:

„Въ самомъ средоточіи восточно-европейской равнины, между Клязьмой и сѣвернымъ загибомъ Волги залегаетъ страна, послужившая колыбелью той Ростово-Суздальской народности, которая впоследствии сдѣлалась извѣстна подъ именемъ Великой Руси, а вмѣстѣ съ нею, и того государственнаго строя, который въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ распространился на всю помянутую равнину... Древнѣйшіе или знатнѣйшіе города Суздальскаго края вопреки тому, что мы видѣли въ большей части другихъ русскихъ земель, встрѣчаются не на широкомъ судовомъ пути, не на самихъ берегахъ Волги, а нѣсколько въ сторонѣ, на берегахъ озеръ или незначительныхъ рѣкъ; таковы: Ростовъ, Суздаль, Черыяславль-Залѣсскій и Юрьевъ-Польскій. Это явленіе объясняется тѣмъ, что первые обитатели края Меряне, какъ истые Финны, несклонные къ судоходству, не любили селиться на большой открытой дорогѣ, а выбирали мѣста глухія, уединенныя, расположенныя вдали отъ бойкаго движенія и бранныхъ тревогъ. Славянорусское племя, нашедши уже значительныя поселенія внутри края, естественно старалось прежде всего занимать ихъ и укрѣплять за собою построеніемъ кремлей и остроговъ, въ которыхъ появились княжескіе и боярскіе терема, а съ принятіемъ христіанства и соборные храмы. Въ то же время Суздальская Русь не упустила изъ виду береговъ широкой Волги и по-

ставила на нихъ цѣлый рядъ новыхъ городовъ. Но послѣдніе были слишкомъ отдалены отъ южной Руси. А потому, пока существовали живыя тѣсныя связи съ Приднѣпровьемъ, и продолжалось тяготѣніе русскихъ областей къ славному Киеву, изъ русскихъ колоній Суздальскаго края взялъ верхъ падъ другими Владиміръ, лежавшій южнѣ помянутыхъ городовъ“ (II, 256, 257—258).

Лучшими выразителями стремленій Владиміра являются у нашего историка, конечно, Андрей Боголюбскій и Всеволодъ III Большое Гнѣздо. Разность въ ихъ политическихъ тенденціяхъ авторъ отгѣнилъ очень рельефно, но быть можетъ, нѣсколько преувеличилъ ихъ государственныя способности, такъ какъ, очевидно, посмотрѣлъ на ихъ дѣятельность съ точки зрѣнія событій, совершившихся уже при Московскихъ князьяхъ.

„Главное значеніе Андрея Боголюбскаго въ Русской исторіи“, говоритъ г. Иловайскій,— „основано на его государственныхъ стремленіяхъ. Онъ является передъ нами первымъ Русскимъ княземъ, который ясно и твердо началъ стремиться къ водворенію самодержавія и единодержавія. Вопреки родовымъ княжескимъ обычаямъ тѣхъ временъ, онъ не только не раздавалъ своимъ родственникамъ удѣловъ въ Суздальской землѣ, но даже выслалъ изъ нея въ южную Русь троихъ братьевъ, Мстислава, Василька, Михаила, и еще двухъ племянниковъ Ростиславичей. А вмѣстѣ съ ними изгналъ и старыхъ отцовскихъ бояръ, которые не хотѣли исполнять его волю, и стояли за соблюденіе старинныхъ обычаевъ по отношенію къ себѣ и къ младшимъ князьямъ. Лѣтописецъ подъ 1161 годомъ прямо говоритъ, что Андрей изгналъ ихъ „хотя самовластецъ быти всей земли Суздальской... Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ князь владѣлъ умомъ по истинѣ государственнымъ, и что въ данномъ случаѣ онъ повиновался не одной только личной жаждѣ власти“. Его могли побуждать стремиться къ самодержавію сознаніе вреда отъ дробленія русскихъ земель, преданіе о могущественныхъ князьяхъ стараго времени, особенно о Владимірѣ и Ярославѣ, опыты собственной жизни, примѣры Ярослава Осмомысла и Греческой имперіи, знакомство съ библейскими царями; наконецъ, „опору своимъ самодержавнымъ стремленіямъ онъ могъ найдти въ самомъ населеніи сѣверо-восточнаго края, разсудительномъ и трудолюбивомъ, которому уже сдѣлались чужды нѣкоторыя безпечныя привычки южной Руси. Какъ бы то ни было, все остальное время своего княженія Андрей, по видимому, владѣлъ Суздальскою землею безраздѣльно и самовластно, благодаря чему, онъ

и явился самымъ сильнымъ изъ современныхъ князей, и могъ держать въ зависимости не только своихъ мурома-рязанскихъ сосѣдей, но также имѣть вліяніе на судьбы другихъ русскихъ земель“ (II, 204—205).

Попытка Андрея къ единовластію, какъ извѣстно, кончилась неудачно, что и подтверждаетъ выраженное нами мнѣніе о преувеличеніи авторомъ „государственнаго ума“ Андрея. Не надобно опускать изъ виду, что намъ неизвѣстно, какъ поступилъ бы Боголюбскій съ своими владѣніями при своей смерти, и ни откуда не видно, чтобы онъ отдалъ ихъ въ одні руки. Въ интересномъ свѣтѣ выставляетъ авторъ роль боярства, въ связи съ объясненіемъ личности Всеволода III. Боярство, погубивъ Андрея, звало къ себѣ его преемниковъ по ряду; по ряду же имъ былъ призванъ и Всеволодъ III, который однако сумѣлъ поскрутить своевольное боярство. Здѣсь—особенность сѣверо-восточной руки сравнительно съ Кіевскою. „Боярство и дружина на сѣверѣ получаютъ отгѣнокъ болѣе земскій, чѣмъ на югѣ, болѣе осѣдлый и землевладѣльческій; они ближе стоятъ къ другимъ словіямъ и не представляютъ такого преобладанія въ ратной силѣ, какъ на югѣ. Подобно новгородскому, суздальское ополченіе — это по преимуществу земская рать, съ боярами и дружиной во главѣ. Сѣверо-восточная дружина менѣе отдѣляетъ свои выгоды отъ интересовъ земли; она болѣе сплачивается съ остальнымъ населеніемъ и болѣе содѣйствуетъ князьямъ въ ихъ политическихъ и хозяйственныхъ заботахъ. Однимъ словомъ, въ сѣверо-восточной Руси мы видимъ начатки болѣе государственныхъ отношеній. Нѣкоторыя черты суздальскаго боярства какъ-будто напоминали честолюбивыя стремленія современнаго ему боярства галицкаго. Но на сѣверѣ оно не могло найти такой же благопріятной почвы для своихъ притязаній. Населеніе здѣсь отличалось менѣе впечатлительнымъ и подвижнымъ, болѣе разсудительнымъ характеромъ; по сосѣдству не было Угровъ и Поляковъ, связи съ которыми питали и поддерживали внутреннія крамолы. Нпротивъ, какъ скоро Суздальская земля успокоилась подъ твердымъ, умнымъ правленіемъ Всеволода III, сѣверное боярство сдѣлалось усерднымъ его помощникомъ. Будучи хладнокровнаѣ и осторожиѣе своего старшаго брата, Всеволодъ не только не вступалъ въ открытую борьбу съ боярствомъ, но ласкалъ его, соблюдалъ по наружности старыя обычаи и отношенія и пользовался его совѣтами въ земскихъ дѣлахъ. Въ лицѣ Всеволода III вообще мы видимъ князя, который представилъ замѣчательный образецъ сѣвернаго или великорусскаго характера, дѣятельнаго, расчетливаго, домовитаго,

способнаго къ неуклонному преслѣдованію своей цѣли, къ жестокому или мягкому образу дѣйствія — смотря по обстоятельствамъ, однимъ словомъ, тѣ именно черты, на которыхъ построилось государственное зданіе Великой Россіи“ (II, 223—224).

Не будемъ приводить другихъ замѣчаній автора о томъ же князѣ; но замѣтимъ, что и самъ г. Иловайскій въ заключеніе его характеристики говоритъ слѣдующее: „По обычаю старыхъ Русскихъ князей, онъ раздѣлилъ между ними свои земли и даже обнаружилъ при этомъ недостатокъ государственной дальновидности, въ чемъ несомнѣнно уступалъ своему брату Андрею“ (II, 233). Какъ извѣстно, это раздѣленіе вызвало новое междоусобіе, и въ этомъ обстоятельстве мы опять позволимъ себѣ видѣть доказательство тому, что и Всеволода III нельзя особенно превозносить надъ его современниками. По нашему мнѣнію, онъ болѣе напоминаетъ лучшихъ, бывшихъ до него Кіевскихъ князей, и только отчасти можетъ считаться прототипомъ послѣдующихъ „собирателей“ Руси.

Прежде чѣмъ изобразить татарскій погромъ, надвинувшійся на раздѣленную Русь, авторъ переноситъ читателя въ глубину монголо-азиатскихъ степей и представляетъ картину возникновенія монголо-татарской орды, а потомъ, изобразивъ погромъ, обрисовываетъ Кипчакское царство. По богатству бытовыхъ чертъ очеркъ этотъ — самый лучшій между другими, рисующими пограничные народы. Особенно хорошо сопоставленіе монголо-татарской силы съ русскою въ моментъ пораженія послѣдней. Монголо-татары, какъ характеризуетъ ихъ авторъ, — представляли замѣчательную военную силу: прежде раздробленные и потому слабые, къ этому времени они, благодаря Темуджину, получили единство власти и воли и развили въ себѣ рѣдкія воинскія способности: совершали быстрые переходы, появляясь тамъ, гдѣ непріятель и не ожидалъ ихъ, искусно вели развѣдку мѣстностей, осаду городовъ; на Россію шли по заранѣ обдуманному плану и т. д. „Что же могла противопоставить этой огромной сосредоточенной силѣ древняя раздробленная Русь? Борьба съ кочевниками турецко-татарскаго корня была для нея уже привычнымъ дѣломъ. Послѣ первыхъ натисковъ и Печенѣговъ, и Половцевъ раздробленная Русь потомъ постепенно освоилась съ этими врагами и взяла надъ ними верхъ. Однако она не успѣла отбросить ихъ назадъ въ Азію или покорить себѣ и воротить свои прежніе предѣлы, хотя кочевники эти были также раздроблены и также не подчинялись одной власти, одной волѣ. Каково же было неравенство въ силахъ съ надвигавшеюся

теперь грозною монголо-татарскою тучей! Въ военномъ мужествѣ и боевой отвагѣ русскія дружины, конечно, не уступали Монголо-Татарамъ, а тѣлесною крѣпостію несомнѣнно ихъ превосходили. Притомъ Русь безспорно была лучше вооружена; ея полное вооруженіе того времени мало чѣмъ отличалось отъ вооруженія нѣмецкаго и вообще западно-европейскаго. Между сосѣдями она даже славилась своимъ боемъ. Такъ, по поводу похода Давида Романовича на помощь Конраду Мазовецкому противъ Владислава Старого, въ 1229 г., волынской лѣтописецъ замѣчаетъ, что Конрадъ „любилъ русскій бой“ и полагался на русскую помощь болѣе, чѣмъ на своихъ Ляховъ. Но составлявшія военное сословіе древней Руси княжія дружины были слишкомъ малочисленны для отпора напавшимъ теперь съ востока новымъ врагамъ; а простой народъ въ случаѣ надобности набирался въ ополченіе прямо отъ плуга или отъ своихъ промысловъ, и хотя отличался стойкостію, обычною всему Русскому племени, но не имѣлъ большого навыка владѣть оружіемъ или производить дружныя, быстрыя движенія. Можно, конечно, обвинять нашихъ старыхъ князей въ томъ, что они не поняли всей опасности и всѣхъ бѣдствій, грозившихъ тогда отъ новыхъ враговъ, и не соединили свои силы для дружнаго отпора. Но, съ другой стороны, не должно забывать, что тамъ, гдѣ предшествовалъ долгій періодъ всякаго рода разъединенія, соперничества и развигія областной особности, тамъ никакая чело-вѣческая воля, никакой геній не могли совершить быстрое объединеніе и сосредоточеніе народныхъ силъ. Такое благо дается только долгими и постоянными усиліями цѣлыхъ поколѣній при обстоятельствахъ, пробуждающихъ въ народѣ сознаніе своего національнаго единства и стремленіе къ своему сосредоточенію. Древняя Русь сдѣлала то, что было въ ея средствахъ и способахъ. Каждая земля, почти каждый значительный городъ мужественно встрѣчали варваровъ и отчаянно защищались, едва ли имѣя притомъ какую-либо надежду побѣдить. Иначе не могло и быть. Великій историческій народъ не уступаетъ внѣшнему врагу безъ мужественнаго сопротивленія, хотя бы и при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ“ (II, 377—378).

Эта сравнительная оцѣнка русскихъ и татарскихъ силъ дополняется у автора еще параллелью, которую онъ проводитъ между отношеніями сѣверной и южной Руси къ врагу. „Замѣчательно“, говоритъ онъ, — „что южная Русь сравнительно съ сѣвальною оказала гораздо слабѣйшее сопротивленіе варварамъ. На сѣверѣ старшіе князья, Рязанскій и Владиміревскій, собравъ силы своей земли, отважно вступили въ

неравную борьбу съ Татарами и погибли съ оружіемъ въ рукахъ. А на югѣ, гдѣ князья издавна славились военною удачею, мы видимъ иной образъ дѣйствія. Старшіе князья, Михаилъ Всеволодовичъ, Даниилъ и Василько Романовичи, съ приближеніемъ Татаръ, покидаютъ свои земли, чтобъ искать убѣжища то въ Угрии, то въ Польшѣ. Какъ будто у князей южной Руси достало рѣшимости на общій отпоръ только при первомъ нашествіи Татаръ, и Калкское побоище навело на нихъ такой страхъ, что участники его, тогда еще молодые князья, а теперь уже старшіе, боятся новой встрѣчи съ дикими варварами; они представляютъ своимъ городамъ обороняться въ одиночку и гибнуть въ непосильной борьбѣ. Замѣчательно также, что эти старшіе южно-русскіе князья продолжаютъ свои распри и счеты за волости въ то самое время, когда варвары уже наступаютъ на ихъ родовыя земли“ (II, 387—388).

Отдавая, такимъ образомъ, предпочтеніе сѣверо-восточной Руси въ ея борьбѣ съ татарскимъ нашествіемъ, авторъ выставляетъ на видъ и то обстоятельство, что сѣверо-восточная Русь обнаруживаетъ и болѣе здравый политическій смыслъ, лучше южной выполняетъ свою миссію. Въ то время, какъ вся дѣятельность Даниила Галицкаго даетъ непрочные результаты, въ сѣверо-восточной Руси выдвигается Александръ Невскій, этотъ даровитый представитель великорусской природы, равно способный къ повинновенію и властвованію, къ упругости и гибкости характера по обстоятельствамъ: его дѣятельность, чрезвычайно богатая и блескомъ, и тактомъ, и послѣдствіями, прекрасно оцѣнена г. Иловайскимъ: „Александръ силою меча укротилъ всѣхъ трехъ западныхъ враговъ Руси. Но иваче приходилось ему дѣйствовать на другомъ поприщѣ, со стороны азіатскихъ варваровъ... Главное значеніе Александра въ русской исторіи основано на томъ, что его дѣятельность совпала со временемъ, когда характеръ монгольскаго ига только что опредѣляется, когда устанавливались самыя отношенія покоренной Руси къ ея завоевателю. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что политическая ловкость Александра много повліяла на эти устанавливающіяся отношенія. Въ качествѣ великаго князя онъ умѣлъ не только отклонять новыя татарскія нашествія и давать нѣкоторый отдыхъ народу отъ страшныхъ погромовъ, но и знаками глубокой покорности, а также обѣщаніемъ богатыхъ даней, умѣлъ отстранять болѣе тѣсное сожителство съ варварами и удерживать ихъ въ отдаленіи отъ Руси. И безъ того, по своей дикости и стенимъ привычкамъ, нерасположенныя къ городской жизни, особенно въ сѣверныхъ лѣсистыхъ и

болотистыхъ странахъ, непривычныя къ сложной администраціи народовъ осѣдлыхъ и болѣе общественныхъ, Татары тѣмъ охотнѣе ограничились временнымъ пребываніемъ въ Россіи своихъ баскаковъ и чиновниковъ съ ихъ свитою. Они не тронули ни ея религіи, ни ея политическаго строя и совершенно оставили власть въ рукахъ мѣстныхъ княжескихъ родовъ. Хань и вельможи ихъ находили столь удобнымъ и легкимъ пользоваться огромными доходами съ покоренной страны, не утруждая себя мелкими заботами суда и управленія, а главное—оставаясь среди своей любимой степной природы. Александръ дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ усердно и удачно; отстраняя Татаръ отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи, ограничивъ ее только вассальными отношеніями и не допуская никакого послабленія княжеской власти надъ народомъ, онъ, конечно, тѣмъ самымъ содѣйствовалъ будущему усилеію и освобожденію Руси. По видимому, онъ ловко умѣлъ также уклоняться отъ извѣстной обязанности подчиненныхъ владѣтелей водить свои дружины на помощь хану въ его войнахъ съ другими народами. Повторяемъ, то былъ блистательный представитель великорусскаго типа, который съ одинаковою ловкостью умѣетъ и повелѣвать, и подчиняться, когда это нужно“ (II, 416, 425—426).

Такой взглядъ автора на Александра Невскаго естественно приводитъ къ заключенію, что если Владиміро-Суздальская земля выдвинула изъ себя подобную личность, то немудрено, что въ той же землѣ зародилась мысль о постепенномъ сверженіи ига и о собираніи воедино всей Русской земли. Въ Александрѣ Невскомъ—программа для всей послѣдующей дѣятельности сѣверо-русскихъ князей и залогъ ихъ успѣха.

Не лишено интереса, что авторъ, такъ ясно обрисовавъ несчастія Руси вслѣдствіе ея дѣленія, смотритъ однако на дробленіе не особенно мрачно: онъ видитъ въ немъ и благотворное начало: „Раздробленіе древней Руси на удѣлы, столь невыгодное для нея въ отношеніи къ иноплеменнымъ народамъ, имѣло другія, благопріятныя стороны въ отношеніи гражданственномъ. Оно обусловливало существованіе не одного, а многихъ средоточій, изъ которыхъ распространялись на окрестныя области начатки просвѣщенія и христіанскихъ нравовъ. Каждый значительный стольный городъ служилъ такимъ средоточіемъ. Каждый князь въ своемъ удѣлѣ долженъ былъ непосредственно помогать и дѣлу церкви, и книжному просвѣщенію, и дѣлу правосудія, способствовать успѣхамъ искусствъ, промышленности, тор-

говли, и всякой отрасли общественного порядка. Каждый дворъ княжій былъ не только собраніемъ опытныхъ, умныхъ бояръ и дружинниковъ или привлекалъ людей книжно образованныхъ, но и по естественному теченію дѣль, служилъ источникомъ и образчикомъ болѣе смягченныхъ нравовъ. Какъ и вездѣ при монархическомъ строѣ, отсюда распространялись на окрестную область начатки образованности, гражданскихъ обычаевъ и отношеній. Такъ какъ каждое изъ сихъ средоточій имѣло чисто русскій характеръ, то слѣдовательно, вмѣстѣ съ распространеніемъ русской образованности подвигалось впередъ почти одинаковое, дружное обрусѣніе разнообразныхъ земель, подчиненныхъ дому Владиміра Великаго“ (II, 346).

Удачно указаны г. Иловайскимъ условія, поддерживавшія внутреннее національное единство раздробленной Руси и намѣчены начало и развитіе своеобразной русской гражданственности, которая—полагаетъ авторъ—отразилась по преимуществу въ такихъ дошедшихъ до насъ созданіяхъ искусства, какъ Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ и Слово о Полку Игоревѣ. Въ первомъ авторъ усматриваетъ „начало собственно русскаго вкуса, на развитіе котораго издревле вліяло не одно художество греческое, но также восточное, въ особенности персидское“ (II, 260).

Что касается образованности, то на нее авторъ смотритъ еще радужнѣе. Во многомъ онъ пользуется свѣдѣніями Татищева, которымъ другіе историки обыкновенно придаютъ мало вѣроятія. „Дошедшія до насъ произведенія русской словесности до-татарской эпохи большею частію обнаруживаютъ въ сочинителяхъ значительную начитанность, то-есть, не только знакомство съ книгами Св. Писанія, библейскими и евангельскими, но и съ литературою греческою вообще. Это знакомство, конечно, приобрѣталось при помощи постоянно размножавшихся славянскихъ переводовъ... Хотя грамотность еще не была широко распространена на Руси, однако дѣло книжнаго просвѣщенія по всѣмъ признакамъ шло успѣшно. Обученіемъ грамотности занималось, конечно, духовенство... Кромѣ чтенія, письма, счета и церковнаго пѣнія, въ вѣкоторыхъ епископскихъ школахъ обучали и греческому языку... Не одни дѣти духовенства посѣщали школы, основанныя при соборныхъ церквахъ, но также дѣти дружинниковъ и горожанъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется то явленіе, что въ до-татарскій періодъ книжное просвѣщеніе не было исключительно сосредоточено въ средѣ духовнаго сословія... Авторъ Слова о Полку Игоревѣ очевидно былъ дружинникъ, но въ то же время человѣкъ

книжно весьма образованный, знакомый съ произведеніями русской и болгарской, а слѣдовательно, и греческой словесности. Его высокій поэтический даръ блещетъ въ каждомъ оборотѣ рѣчи, въ каждомъ сравненіи и уподобленіи, не смотря на то, что твореніе его дошло до насъ съ значительными искаженіями и пропусками... Слово о Полку Игоревѣ есть живой отрывокъ изъ древне-русской жизни; на ряду съ изящнымъ Владиміро-Дмитріевскимъ соборомъ и другими важнѣйшими памятниками, оно служитъ нагляднымъ доказательствомъ той сравнительно высокой степени, до которой достигла русская гражданственность въ эпоху предтатарскую... Тѣсныя связи съ Византіей вліяли непосредственно на усвоеніе книжнаго просвѣщенія, искусствъ и промышленности греческой; развитію книжнаго дѣла помогали отчасти и связи съ единоплеменными Дунайскими Болгарами, отъ которыхъ мы получили многіе славянскіе переводы. Далѣе, Русь воспринимала въ себя начатки и западно-европейской гражданственности при посредствѣ торговыхъ, военныхъ и другихъ связей съ Венгріей, Польшей, Германіей и Скандинавіей. Съ востока черезъ Камскую Болгарію и Хазарію мы получали произведенія арабско-мусульманской цивилизаціи, которыя также оказывали нѣкоторое вліяніе на наше искусство и промышленность“ (II, 335—347).

Гдѣ же причина, что эта образованность не созрѣла тогда же въ спѣлый плодъ?

„При своей богато-одаренной, воспримчивой натурѣ“—отвѣчаетъ авторъ на этотъ вопросъ, — „Русское племя умѣло до извѣстной степени усваивать помянутыя начала и вліянія и на основѣ собственныхъ преданій, обычаевъ и вкусовъ выработать своеобразную самобытную гражданственность. Все обѣщало ей блестящее развитіе, которое могло поставить восточную Европу наравнѣ съ западною. Но злѣйшимъ врагомъ этой гражданственности была сосѣдняя степь съ ея кочевыми варварами. Уже Печенѣги и особенно Половцы задержали успѣхи русской образованности. Затѣмъ, едва Русь справилась съ этими врагами и начала обратное движеніе на степь, какъ изъ Азіи надвинули новыя тучи степныхъ варваровъ, противъ которыхъ оказался несостоятельнымъ политическій строй удѣльно-вѣчевой Руси. Русская гражданственность подверглась жестокому погрому, а послѣ него наступила тяжелая, долгая борьба за національную самобытность, сопровождаемая развитіемъ крѣпкой государственной организаціи, для чего потребовались всѣ народныя силы и средства“ (II, 347).

Такимъ образомъ, авторъ постоянно проявляетъ теплое отношеніе

въ древней Руси, стремленіе уловить ея существенныя черты, ея наиболѣе симпатичныя стороны и выставить на видъ замѣчательнѣйшія ея созданныя личности: свойства очень дорогія въ книгѣ, предназначенной имѣть воспитательное значеніе. Взгляды автора, его симпатіи и антипатіи невольно прививаются тѣмъ, кто знакомится съ ними.

Особенно удались г. Иловайскому характеристики нѣкоторыхъ историческихъ лицъ. Кромѣ уже указанныхъ выше, заслуживаютъ полнаго вниманія характеристики Святослава и Ярослава, Владиміра Мономаха, князей Галицкихъ Владимірка, Романа, Данила и друг. Эти лица являются подъ перомъ автора не отвлеченными, обладающими только общечеловѣческими свойствами, какъ у Карамзина, но дѣйствительно жившими, живыми, чисто русскими, съ ихъ тогдашними міровоззрѣніями, вѣрованіями, обычаями и стремленіями, въ ихъ дѣйствительно-исторической обстановкѣ.

Способъ изложенія нашего историка—догматическій, какъ результатъ добросовѣстнаго изученія источниковъ и литературы предмета повѣствованія. Вся черновая работа опущена, часть ея отнесена къ примѣчаніямъ, что напоминаетъ приемъ Карамзина. Въ примѣчаніяхъ указана масса источниковъ и пособій, по мѣстамъ предложены цѣлыя изслѣдованія, устанавливается точка зрѣнія на спорные или сомнительные вопросы. Такъ, въ примѣчаніяхъ къ I-й части критически разобраны извѣстія о нападеніи Русскихъ на Царыградъ въ 865 году (прим. 2-е), свидѣтельства о крещеніи Руси (примѣч. 3-е, 24-е) и Ольги (примѣч. 14-е), о войнѣ Святослава въ Болгаріи (прим. 18-е), о языческой религіи Русскихъ Славянъ (прим. 22-е), о происхожденіи сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ (прим. 58-е); приведены основанія, по которымъ начальная Кіевская лѣтопись должна быть признана принадлежашею не монаху Нестору, о Выдубецкому игумену Сильвестру (прим. 59-е), и друг. Въ примѣчаніяхъ ко II-й части отличаются новостью разъясненія о названіи мѣстности Угорское подъ Кіевомъ (прим. 1-е), изслѣдованія о каменныхъ бабахъ (примѣч. 14-е и друг.); замѣчательны обстоятельностью разсужденія о языкѣ древней Руси (прим. 4-е) и о дружино-княжеской поэзіи (примѣч. 47-е) и т. п.

Такимъ образомъ, въ трудѣ г. Иловайскаго найдутъ для себя много полезнаго и занимательнаго какъ специалистъ, такъ и простой читатель, особенно же преподаватели исторіи и отечественнаго языка ¹⁾.

¹⁾ Впрочемъ, послѣдній менѣе перваго. При преподаваніи русской исторіи

Въ дѣлѣ сочетанія научности съ популярнымъ и изящно-простымъ изложеніемъ г. Иловайскій достигъ замѣчательныхъ результатовъ— въ этомъ его несомнѣнная заслуга; тѣмъ болѣе можно пожалѣть, что имъ не вездѣ въ одинаковой степени приложено стараніе о группировкѣ частностей, округленности и законченности разказа: объ одномъ и томъ же, хотя и съ различныхъ сторонъ, смотря по вѣдшему поводу, онъ иногда говоритъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ (напримѣръ, о происхожденіи домысла о призваніи Варяговъ, о политикѣ Юрія Долгорукаго, Андрея Боголюбскаго и Всеволода III, о характерѣ сѣверо-восточной Руси и т. д.); ни разу не даетъ онъ полнаго очерка изображаемыхъ періодовъ, а обыкновенно говоритъ только объ ихъ отдѣльныхъ небольшихъ моментахъ—какъ это мы и видѣли, когда вслѣдъ за нимъ обрисовывали Киевскій періодъ; иногда имъ вводятся частности, едва ли не болѣе умѣстныя въ такихъ обширныхъ произведеніяхъ, какъ трудъ Соловьева (напримѣръ, эпизодическое повѣствованіе о дѣятельности Владиміра Васильковича Волынскаго: авторъ, очевидно, имѣлъ въ виду обрисовать отношенія Волынско-Галицкой Руси къ Литвѣ и Польшѣ, но сдѣлалъ это уже слишкомъ дробно); въ одной и той же главѣ иногда говоритъ онъ о слишкомъ многихъ предметахъ, такъ что изложеніе является шире заглавія (гл. V-я, IX-я, XVII-я), а то, о чемъ лучше бы сказать въ извѣстномъ мѣстѣ, отнесено къ другому (описаніе Киева почему-то помѣщено во II-й части, въ исторіи Владимірскаго періода). Позабытъ также Ильѣ Муромецъ, да и вообще о былинахъ сказано очень мало; между тѣмъ еслибъ изъ-подъ ихъ сказочной скорлупы былъ выдѣленъ историческій элементъ, еслибъ было отдано должное народному воззрѣнію на силу природныхъ русскихъ богатырей при великокняжескомъ дворѣ, еслибъ приданъ былъ должный смыслъ хоть неоднократнымъ приглашеніямъ Владиміра къ „крестьянскому сыну Ильѣ-Муромцу“ сѣсть ря-

можно смѣло давать ученикамъ для чтенія цѣлыя главы; въ этомъ отношеніи особенно пригодны главы, I-я, III-я, VI-я, VII-я, XI-я, XIX-я, XX-я) или же части другихъ главъ. Преподавателю русскаго языка мы рекомендовали бы воспользоваться, главнымъ образомъ, описаніями историческихъ мѣстностей повѣствованіями о нѣкоторыхъ битвахъ и характеристиками лицъ и эпохъ, хотя не всегда въ цѣломъ ихъ составѣ. Теперь, когда все настойчивѣе сознается по требности обучать языку не по однимъ поэтамъ, а и по другимъ серьезнымъ писателямъ, по преимуществу историкамъ, трудъ г. Иловайскаго можетъ оказать большое пособіе.

домъ съ собою,—тогда, быть можетъ, видоизмѣнились бы и нѣкоторыя воззрѣнія самого автора.

Но всѣ указываемые нами недостатки суть только мелочи въ сравненіи съ достоинствами сочиненія; вообще же во всемъ своемъ трудѣ авторъ удержался на высотѣ своей научно-художественной задачи. Поэтому слѣдуетъ искренно желать, чтобы сочиненіе его, столь удачно начатое, было успѣшно доведено до конца, и тогда, какъ вѣрно замѣчаетъ самый авторитетный изъ критиковъ г. Иловайскаго, г. Бестужевъ-Рюминъ, — „у русскаго общества будетъ надолго (до новыхъ успѣховъ исторической критики) превосходное вспомогательное пособие“.

Дм. Ц—въ.

Zbýtky rýmovaných Alexandreid staročeských. Vydali Martin Hattala a Adolf Patera. Texty a transkripcie. (Остатки римованныхъ старо-чешскихъ Александрейдъ. Издали М. Гаттала и Ад. Патера. Текстъ и транскрипція). V Praze. 1881.

Кратковременная, но блестящая дѣятельность Александра Македонскаго, самая личность героя, его неудержимое стремленіе къ господству и славѣ, уваженіе къ мудрости, рыцарское великодушіе къ врагамъ, пакопецъ, неожиданная смерть, остановившая его на полунути въ осуществленію самыхъ грандіозныхъ предпріятій—все это возбуждало справедливое удивленіе въ современникахъ и потомствѣ и послужило предметомъ многочисленныхъ сказаній, которыя распространились въ самые отдаленные предѣлы стараго свѣта.

Изслѣдованіе обнаруживаетъ двѣ главныя редакціи этихъ сказаній—персидскую и египетскую. Въ персидскихъ сказаніяхъ Александръ представляется сыномъ Дарія отъ брака его съ дочерью персидскаго намѣстника въ Македоніи Филиппа, въ египетскихъ — онъ является уже сыномъ Египетскаго царя Нектанаба, который хитростью овладѣлъ супругою Греческаго царя Филиппа: народное самолюбіе, какъ видно, не позволяло признать въ побѣдителя лицо чуждаго происхожденія.

Изъ всего этого матеріала, подвергавшагося съ теченіемъ времени разнымъ измѣненіямъ, составила византійская передѣлка, которую неизвѣстный авторъ приписалъ Каллисѣну, сподвижнику Александра Македонскаго. Эта-то же Каллисѣнова повѣсть и послужила источникомъ многочисленныхъ подобныхъ же произведеній объ Александрѣ, появившихся въ средневѣковой Европѣ, между прочимъ, и у насъ, въ Россіи. Византійскій передѣльватель сохранилъ фантастическіе вымы-

слы, которыми украсились въ народныхъ сказаніяхъ подвиги Александра, но придавъ своему сочиненію христіанско-монашескій отпечатокъ. Его герой вооружается противъ народовъ языческихъ, отличается уваженіемъ къ святымъ и смиренно признаетъ суетность своей славы. Все это не могло не нравиться благочестивымъ читателямъ и въ западной Европѣ, и въ нашемъ отечествѣ.

Во второй половинѣ XII столѣтія къ этому общему источнику всевозможныхъ передѣлокъ одного и того же сюжета прибавился еще новый. Это были *Alexandreidos lib. X*—сочиненіе ученаго каноника Вальтера Шатиллонскаго (*Gautier de Chatillon*, род. въ Лиллѣ, лат. *Insula*, почему называется также *Gualterus de Insulis*). Стихотворный трудъ Вальтера основанъ на изученіи Курція, Плутарха, Аріана, Евсевія и др. и написанъ хорошимъ латинскимъ языкомъ. Отъ этого-то сочиненія ведутъ начало нѣсколько другихъ передѣлокъ повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ, и между ними чешскія *Александрейды*, отъ которыхъ уцѣлѣли шесть отрывковъ, какъ полагаютъ, всѣ разныхъ редакцій, относящихся къ XIII—XIV столѣтіямъ.

Отрывки эти важны въ двойномъ отношеніи: во-первыхъ, какъ памятники старинной чешской литературы до-гуситскаго періода, и во-вторыхъ, какъ памятники старо-чешскаго языка.

Не смотря на то, что это—произведенія не вполне самостоятельныя, а передѣлки, авторы ихъ умѣли остаться до нѣкоторой степени оригинальными, и добросовѣстное изслѣдованіе г. Небесскаго, писавшаго о чешскихъ *Александрейдахъ* еще въ 1847 году, обнаруживаетъ, что въ поэтическомъ отношеніи чешскія передѣлки стоятъ даже выше своего оригинала ¹⁾.

¹⁾ См. *Čas. česk. Mus.* 1847, II, svaz. 1, стр. 1—24 и svaz. 2, стр. 138—158. На русскомъ языкѣ о чешскихъ *Александрейдахъ* есть статья *И. Снегирева*: Отрывки чешской поэмы объ Александрѣ Македонскомъ. Очеркъ литературно-филологическій. Казань. 1878 г. Разсужденію о чешскихъ *Александрейдахъ* предпослано небольшое введеніе о лже-Каллисѣеновѣ романѣ и разныхъ передѣлкахъ его въ западной Европѣ и у Славянъ, составленное по монографіи *Zacher'a*, *Pseudo-Kallisthenes. Forschungen zur Kritik und Geschichte der ältesten Aufzeichnung der Alexandersage*. Halle. 1867, статьямъ *А. Н. Пыпина* и *А. Н. Попова* и др. (*Пыпина*, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. Уч. Зап. Ак. *Н.* кн. IV. 1858 г.; *А. Попова*, Обзоръ хронографовъ русской редакціи. Вып. 1. 1866 г.). Переходя къ чешскимъ *Александрейдамъ*, г. Снегиревъ сообщаетъ свѣдѣнія о разныхъ изданіяхъ отрывковъ, приводитъ краткій перечень того, что содержится въ каждой главѣ *Александрейды* Готье

Вмѣсто разсужденія о литературныхъ достоинствахъ и недостаткахъ чешскихъ Александрейдъ, приведемъ вкратцѣ содержаніе одного изъ отрывковъ (Святovitскаго); постараемся сохранить въ пересказѣ нѣкоторыя изъ характеристическихъ особенностей изложенія.

У Греческаго короля Филиппа и его супруги Олимпіады, женщины чудной красоты, родился сынъ Александръ. Король былъ уже въ такихъ лѣтахъ, когда нужно было позаботиться о наслѣдникѣ, которому

Шатиліонскаго и въ каждомъ изъ чешскихъ отрывковъ, а затѣмъ выписываетъ изъ нихъ нѣсколько мѣстъ и дѣлаетъ къ нимъ замѣчанія, касающіяся или отношенія чешскихъ предѣловъ къ оригиналу, или какихъ-либо особенностей, характеризующихъ авторовъ предѣловъ и ихъ время. Въ замѣчаніяхъ нѣтъ ничего новаго и оригинальнаго, какъ и во всей статьѣ, а нѣкоторыя сужденія г. Снегирева какъ-то странно поражаютъ читателя. Такъ, напримѣръ, по поводу хорошаго отзыва чешскаго поэта о женѣ Филиппа Олимпіадѣ г. Снегиревъ приходитъ къ такому неожиданныму заключенію: «Приведенныя мѣста, указывая способъ (?) дополненія чешской поэмы изъ другихъ источниковъ, доказываютъ (почему?), что чешскій поэтъ былъ достаточно знакомъ съ псевдо-Каллисѣеномъ и относился къ нему съ недоумѣніемъ. Особенно послѣднее видно изъ вставки похвалъ женѣ Филиппа, получившей въ сказаніяхъ круга псевдо-Каллисѣена дурную извѣстность, какъ измѣнница своему мужу. Чешскій поэтъ постарался возстановить передъ читателемъ ея добрую репутацию и доказать законорожденность своего героя» (стр. 31). Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ: «По стихосложенію отрывки представляютъ стройное стихотвореніе, состоящее изъ двустихій съ правильнымъ, почти всюду, строеніемъ стиховъ въ восемь стопъ. Въ этомъ они сходны съ пѣснью Краледворской рукописи «Людиша и Люборъ» и отличаются отъ послѣдней римами»... (стр. 49). Это невѣрно. Ни въ одномъ стихѣ Александрейдъ чешскихъ нельзя отыскать восьми стопъ; размѣръ Александрейдъ—силлабическій, а пѣсни Краледворской рукописи—тоническій. Въ концѣ статьи—характеристика правописанія и языка отрывковъ. Не знакомый съ рукописными памятниками, авторъ основываетъ свои выводы лишь на томъ, что явилось въ печати, находя почему-то (стр. 18), что «отрывки изданы болѣе или менѣе удовлетворительно». Эта довѣрчивость къ источникамъ второй руки повела за собою ошибки, которыя въ связи съ вышеприведеннымъ лишаютъ статью научнаго значенія (см. далѣе въ примѣчаніи). Въ приложеніи помѣщенъ переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Александрейдъ, о достоинствахъ котораго можно судить по слѣдующему отрывку: «*Копорый* по имени былъ «премудрый», чей разумъ былъ такъ ясенъ, что ему все было извѣстно въ землѣ, въ морѣ и тамъ въ звѣздахъ; но и онъ насчитываетъ четыре вещи, сокрытыя отъ его разума, говоря: «хотя у меня и мудрое сердце, все-таки есть для меня три вещи трудныя, и кромѣ того не могу постичь своимъ умомъ четвертой: (эти три вещи) челнъ, скользящій по водамъ, змѣй, ползающій по скаламъ, орелъ, поднимающійся въ облака. У кого такія свѣтлыя очи, чтобъ онъ могъ узнать, гдѣ теряются эти (?) пути? и т. д.

можно было бы спокойно довѣрить управленіе государствомъ, но неожиданное обстоятельство сообщило событіямъ иной поворотъ.

Одважды король назначилъ для своей супруги какое-то новое мѣсто-пробываніе. Павзаній, которому поручено было проводить ее, измѣнически овладѣлъ ею и заперся въ своемъ замкѣ, а вскорѣ послѣ того напалъ съ небольшимъ числомъ людей на короля и лишилъ его жизни. Александръ остался сиротою на попеченіи своего учителя Аристотеля. Въ государствѣ начались смуты; ими пользуется Дарій, съ большимъ войскомъ вторгается въ Грецію, опустошаетъ ее и облагаетъ населеніе данью.

Но вотъ Александру минуло 12 лѣтъ, и онъ начинаетъ сознавать всю тяжесть своего положенія. „Какъ львенокъ, у котораго ноги еще не окрѣпли, и зубы не всё выпли, завидѣвъ стадо волковъ, бросается съ горы, но, сознавая свое безсиліе, останавливается и только вѣдшимъ видомъ обнаруживаетъ свое стремленіе, такъ и Александръ горитъ желаніемъ отомстить своему врагу: „Ты Нектанабово племя!“¹⁾ скажутъ обо мнѣ и не изберутъ меня въ короли изъ-за такого происхожденія.— „Нѣтъ, дай мнѣ Богъ и не слышать объ этомъ позорѣ: и скорѣе рѣшусь умереть!“

Аристотель считаетъ такое настроеніе своего питомца удобнымъ для того, чтобы преподать ему совѣты, необходимые для будущаго государя. Совѣты эти характеризуютъ и автора поэмы, и время, въ которое онъ жилъ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ онъ нѣсколько отступаетъ отъ своего образца—Александрейды Вальтера.

„Первый мой совѣтъ“, говоритъ Аристотель,—„устрой дворъ, какъ подобаетъ князю. Пусть тебя окружаютъ люди благороднаго происхожденія. Бойся лицемѣровъ и никогда не возводи въ честь холоповъ, потому что когда холопъ добьется повышенія, то его трудно воздержать. Колесо, хоть и мало, а всего больше скрипитъ, маленькая змѣя всего больше шипитъ, а холопъ бываетъ всёхъ необузданнѣе въ своихъ желаніяхъ. Ручей во время половодія всегда больше бушуетъ, чѣмъ глубокая, широкотекущая рѣка: такъ и холопъ, когда разбогатѣетъ, перестаетъ, сидя на твоей землѣ, платить тебѣ оброкъ; и хорошо зная тебя, показываетъ видъ, что не узнаетъ. Однако, спѣшитъ оговориться

¹⁾ Въ рукописи: neptaloboto plemys. Нектанабъ, египетскій царь, по сказаніямъ египетской редакціи, отецъ Александра; но объ этомъ раньше ничего не сказано, хотя отрывокъ, содержаніе котораго я привожу, содержитъ начало поэмы.

поэтъ, и небогатаго рода люди достойны уваженія, если заботятся о мудрости. Высшее благородство бываетъ тогда, когда умъ украшаетъ добрые нравы. Если прійдется кого судить, не извращай закона ради подарковъ, какъ это, къ сожалѣнію, случается. Будь милостивъ къ бѣдному и противься тому, кто противится тебѣ. На войнѣ будь впереди войска и не скрывайся за своими людьми: когда пастухъ, завидя волка, бѣжитъ, все стадо разбѣгается, и такой человекъ недостойнъ своего назначенія. Если добудешь какой городъ, то взявъ добычу, собери всѣхъ своихъ людей и отплати каждому по заслугамъ. Держись при этомъ такого правила: если что получишь, давай и другимъ, а когда ничего не имѣешь, обѣщай дать: слуги вѣрятъ обѣщаніямъ. Напоследокъ скажу тебѣ: удовольствіямъ не предавайся, и получивъ власть, не возпосись; если не остережешься этого, то самъ себя свѣжешь“.

Совѣты ободрительно подѣйствовали на Александра. Онъ отправляется въ Коринѣъ, гдѣ мы видимъ его окруженнымъ благородными рыцарями. Ближе къ нему стоятъ самые заслуженные, въ вѣдѣніи которыхъ находится все земское дѣло. Эти лица жили уже на покоѣ, потому что не годились больше для битвъ; въ ту пору былъ такой обычай, что кто съ пользою провелъ свою молодость, тотъ подъ старость получалъ обезпеченіе до самой смерти. За этими почетными совѣтниками стояли молодые рыцари: уступая первымъ въ мудрости, они отличались отъ нихъ быстротою въ исполненіи равныхъ порученій. Но и передъ тѣми и другими выдѣлялся воспитатель молодаго государя Аристотель. На головѣ у него вѣнокъ изъ плюща: какъ плющъ вѣчно зеленъ, такъ и мудрость его всегда остается совершенною.

Въ этой торжественной обстановкѣ Александръ объявляетъ о походѣ. Тридцать тысячъ пѣшаго войска явилось на призывъ, вооруженнаго копьями, щитами, шлемами и бронями.

Прежде всего нужно было упрочить спокойствіе въ Греціи. Аѣины обнаружили было непокорность, но при появленіи Александра войска жители почувствовали такой страхъ, что тотчасъ смирились. Плоске пришлось Фивамъ: весь городъ былъ преданъ огню и мечу.

Возстановивъ порядокъ въ Греціи, Александръ предпринимаетъ походъ за море, чтобъ отомстить своему врагу Дарію. Двѣсти кораблей, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ, подплываютъ къ берегамъ Азіи. Александръ обозрѣваетъ страну и илѣняется картинами благоденствія: всюду обиліе жита, винограда... „Здѣсь“, восклицаетъ онъ, — „хочу

я имѣть свое царство“!— и направляется съ войскомъ въ Киликію. Не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, онъ доходитъ до развалинъ Трои. Воспоминаніе о множествѣ павшихъ на этомъ мѣстѣ Грековъ возбуждаетъ мрачныя мысли въ войскѣ: кто знаетъ, можетъ быть, и ему предстоитъ та же участь — погибнуть въ страпѣ незнаемой. Но ободрительная рѣчь Александра разгоняетъ эти думы. „Не достоинъ тотъ чести“, говоритъ онъ, — „кто всегда хочетъ оставаться покойнымъ; кто предается покою, тотъ погубитъ свой вѣкъ въ лѣности“. Кромѣ того, во снѣ ему явился какой-то человекъ въ золотомъ вѣницѣ съ драгоценными камнями, окруженный сіяніемъ, который поощряетъ его дѣйствовать. Между тѣмъ войско его двигается къ Іерусалиму, и тутъ предстаетъ Александру этотъ самый человекъ съ толпою Іудеевъ, и ко всеобщему изумленію падаетъ предъ нимъ въ знакъ особеннаго почтенія. Поручивъ себя Богу такъ, какъ наставилъ его въ этомъ таинственный мужъ, Александръ идетъ дальше.

Вѣсть объ этомъ походѣ застаётъ Дарія въ расплохъ. Онъ велитъ готовиться къ встрѣчѣ врага, а покамѣстъ отправляетъ къ нему пословъ съ грамотой и позорными подарками: онъ посылаетъ ему мечъ обоюду притупленный, какой причествуетъ человеку, еще не достигшему зрѣлаго возраста, мѣшокъ, къ которому Александръ можетъ прибѣгнуть въ случаѣ нищеты, и узду, которая въ случаѣ трусости можетъ обуздать его, какъ пугливаго коня.

Александръ съ негодованіемъ принимаетъ эти подарки: онъ перетолковываетъ ихъ значеніе по своему. „Этотъ мечъ, который я твердо держу въ рукѣ — знакъ того, что весь свѣтъ теперь въ моей власти; мѣшокъ означаетъ, что я буду имѣть всё сокровища Дарія, а эта узда свяжетъ его самого, какъ лѣниваго вола“.

Дарій удивляется необычайной смѣлости своего „слуги“, какъ называетъ онъ Александра въ письмѣ, и чтобы дать понять ему, что съ нимъ не слѣдуетъ шутить, посылаетъ ему узелъ съ макомъ. „Сколько тутъ маковыхъ зеренъ“, велитъ онъ сказать Александру, — „столько у меня войска“.

Но и это не устрашаетъ Александра. Онъ приказываетъ развязать узелъ и, обращаясь къ войску, говоритъ: „Ѣшьте этотъ макъ, мои Греки! Я вамъ повѣдаю пѣчто такое, отъ чего вамъ будетъ великая радость, а у поганныхъ въ сердцѣ жалость. Этотъ макъ знаменуетъ то, что Богъ покоритъ намъ ихъ всёхъ. Сколько зеренъ вы съѣдите, столько поганныхъ побьете въ бою“. Въ свою очередь онъ посылаетъ Дарію узелокъ съ перечными зернами: „Ихъ хоть не много, да прогло-

тить ихъ не такъ-то легко. Такъ и у меня меньше людей, а въ бою она будутъ почище твоихъ“.

Тогда Дарій начинаетъ собирать и пересчитывать свои силы, считаетъ съ утра до ночи, а все—недочетъ. „Такъ иная хозяйка пересчитаетъ съ утра своихъ овецъ, чтобы пастухъ пригналъ ихъ столько, сколько выгналъ въ поле. Но не всѣ придутъ овцы, выгнанныя въ стадо: иная упадетъ со скалы, другую схватитъ волкъ“.

Отрядъ, посланный подъ начальствомъ Мемнона, чтобы развѣдать—гдѣ расположились Греки, потерявъ пораженіе, и Александръ въ побѣдномъ шествіи достигаетъ наконецъ до берега Евфрата, рѣки, по слухамъ, вытекающей изъ рая. Здѣсь происходитъ кровопролитная битва съ войсками Дарія. Описаніе этой битвы составляетъ значительную, и какъ мнѣ кажется, лучшую часть отрывка. Хотя пріемъ, посредствомъ котораго возбуждается интересъ читателя, не новъ: описываются отдѣльныя столкновенія между разными героями, въ родѣ того, какъ это дѣлается въ Илиадѣ или Энеидѣ; но живость разказа и картинность выраженій служатъ несомнѣнными достоинствами этой части поэмы. Войско Дарія поражено: самого Дарія увозятъ съ поля битвы въ Вавилонъ. Побѣдителю достается богатая добыча. Александръ не забылъ наставленій своего воспитателя: онъ щедро надѣляетъ каждаго изъ участниковъ боя по заслугамъ. „Кони стонали подъ тяжестью добычи, оси и колеса трещали. Когда не во что было брать, клали за пазуху“. „Удивительно“, восклицаетъ поэтъ,—„какъ ты самъ себя мучишь, человѣкъ, и какъ самъ себя обманываешь, когда жертвуешь жизнью изъ-за богатства и то, что для тебя гораздо дороже, душу свою, губишь изъ-за него каждый день. Ты бросаешься на смерть ради богатства, лѣзешь и въ огонь и въ воду, а посмотри, какъ превратенъ этотъ свѣтъ! Сегодня ты ходишь здоровъ и ясенъ, а на утро, можетъ быть, угаснешь“.

Въ толпѣ плѣнныхъ женщинъ, ломающихъ руки въ отчаяніи, приводятъ предъ Александра семейство Дарія — его мать, жену, сестру и семилѣтняго сына. Тутъ обнаруживается высокая натура побѣдителя: при видѣ этихъ „благородныхъ плѣнниковъ, въ душѣ его пробуждается милосердіе. Пусть мать врага будетъ его матерью, жена и сестра—его сестрами, а семилѣтній мальчикъ—его сыномъ!“

Покоривъ Дамаскъ, Тиръ, Сидонъ и Газу, Александръ проникаетъ въ глубину Ливійской пустыни, гдѣ приноситъ жертву оракулу Амону. Узнавъ о новыхъ приготовленіяхъ Дарія, онъ возвращается на-
часть ссхiv, отд. 2.

затмѣнїя, когда войска подошли къ Арбелламъ; Аристотель, который не показывался въ поэмѣ послѣ сцены въ Коринѣ, ободряетъ Грековъ толкованіемъ этого небеснаго знаменія, черезъ чуръ наивнымъ для великаго мудреца древности.

Остальные отрывки содержатъ или повтореніе нѣкоторыхъ уже извѣстныхъ намъ эпизодовъ, или сообщаютъ новые, но отрывочные факты изъ дальнѣйшаго похода Александра. Обращаетъ на себя вниманіе одно мѣсто въ Будейовицкомъ отрывкѣ своимъ христіанско-патріотическимъ характеромъ. Описавъ торжественную встрѣчу Александра въ Вавилонѣ, поэтъ приходитъ въ восторгъ. Онъ считаетъ вполне заслуженными всѣ почести, которыя оказаны были Македонскому царю: онъ — достойная награда за ту необыкновенную энергію, съ которою онъ, не смотря на сравнительную малочисленность своего войска, побѣдоносно дошелъ до своей цѣли. „Вотъ, еслибъ у насъ, Чеховъ, былъ такой король! Тогда, я увѣренъ, и Литва, и Татары, и Бесермены, и Прусы, и не утвержденные въ вѣрѣ Русы были бы приведены въ такой страхъ, что приняли бы крещеніе и отступились отъ своихъ идоловъ. Да и Нѣмцамъ у насъ было бы не то: теперь они, будучи гостями, хотягь дожидаться, чтобы на Пражскомъ мосту не было ни одного Чеха, а тогда скорѣе бы могло случиться, что ихъ не было бы видно“.

Можетъ быть, подъ вліяніемъ патріотизма, а вѣрнѣе, по наивности, въ числѣ участниковъ похода Александра упоминаются и Чехи: „Были въ войскѣ лютые Чехи“, говорится въ описаніи боя съ Даріемъ, и тамъ же нѣкоторые оруженосцы носятъ имена: Radvan, Mladota, Jan и Radota.

Какъ памятники старо-чешскаго языка, Александрейды даютъ обильный матеріалъ, которымъ уже воспользовались на сколько могли, составители „Výbor'a z literatury české“ для своего словаря и грамматики.

Изданные въ нынѣшнемъ году отрывки были уже давно напечатаны, но это нисколько не уменьшаетъ значеніе труда, предпринятаго и исполненнаго гг. Гатталой и Патерой.

Изъ шести сохранившихся отрывковъ только два ¹⁾ изданы были съ сохраненіемъ правописанія подлинниковъ, остальные извѣстны лишь

¹⁾ Будейовицкій въ *Čas. čes. mus.* 1841 г., стр. 73 — 90 и 357 — 340 и Шафариковъ въ томъ же журналѣ за 1847 г. svaz. III, 305.

въ транскрипціяхъ. Особенно неудачна транскрипція наибольшаго изъ отрывковъ, Святovitскаго, изданная В. Ганкою въ 1818 году въ его *Starobylá skladanie*, II. Исправитѣ были составители „Выбора“, но не имѣвъ возможности имѣть подъ руками Святovitскую рукопись, должны были прибѣгнуть къ конъектурамъ, не всегда вѣснымъ.

Заслуга гг. Гатталы и Патеры состоитъ въ томъ, что они издали текстъ всѣхъ отрывковъ съ соблюденіемъ всѣхъ требованій палеографіи. Воспроизведены не только сокращенія, но и ошибки, и поправки, сдѣланныя самими писавшими. За добросовѣтность, съ какою исполнена эта кропотливая работа, речательствомъ служатъ имена издателей, а о научномъ значеніи подобныхъ изданій было бы излишнимъ распространяться. Ограничусь только нѣсколькими замѣчаніями, имѣющими отношеніе къ обширному предисловію, написанному г. Гатталой, и начну съ бѣлаго обзора отрывковъ со стороны правописанія.

Каждый отрывокъ имѣетъ въ этомъ отношеніи свои особенности.

Будейовицко-Музейный отличается обиліемъ знаковъ для обозначенія нѣкоторыхъ согласныхъ звуковъ, на примѣръ, *chzazz=czaz*; с служитъ иногда для обозначенія звука *k*: *stromie = kromě*, *Nycomu*; *g*, служащее на ряду съ *i* для обозначенія *j*, употребляется и въ значеніи русскаго *г*. на примѣръ, *gdys*, то-есть, *gdyz*, *gdesto*, то-есть, *gdežto*; *h* иногда ставится послѣ *t*: *the* вмѣсто *te*, *thy* вмѣсто *ty*, глухой гласный звукъ въ срединѣ словъ обозначается: *myrtw*, то-есть, *myrtv*, *zyrdecznye — srdceñě*, союзъ *i* всегда пишется *hi*.

Ближе всего по правописанію подходитъ къ Будейовицко-Музейному отрывку отрывокъ Будейовицкій. И въ немъ мы находимъ *z chzlowiekem*, *sscoden*, *ersik*, *gdes*, *z the*, *hi*, *twirdy*, *zmirtelnu*, но встрѣчается особенность, которой нѣтъ (можетъ быть случайно) въ предыдущемъ отрывкѣ: *h* ставится не только въ срединѣ словъ послѣ *t*, но и въ началѣ, и на концѣ передъ согласными и послѣ нихъ; на примѣръ, *k divuth*, *hrohy*, то-есть, *rohy*.

Въ Индрихоградецкомъ отрывкѣ встрѣчаемъ отчасти тѣ же особенности, на примѣръ. обозначеніе *ě* посредствомъ *chz*, *prothy* вмѣсто *proti*, *szthy* вмѣсто *sti*, *thy* вм. *ti*. хотя есть и *ty*; *hyrdye* вм. *hrdě*, *potvirzal* вм. *potvirzal*, но вм. *hi* предыдущихъ отрывковъ всюду *y*, вм. *gdes — kdes*, вм. *gdys — kdys*.

Въ Музейномъ отрывкѣ *ě* обозначается уже посредствомъ *sz*, какъ въ Шафариковомъ и Святovitскомъ; но бросается въ глаза одна особенность, которой нѣтъ ни въ предыдущихъ отрывкахъ, ни въ Святovitскомъ — удвоеніе нѣкоторыхъ гласныхъ и согласныхъ, на примѣръ,

gmaa; то-есть, jma, odolaa, zavolaa, bby, bbilo вм. bylo, zaromanull, gmyell; обозначеніе глухого звука въ срединѣ словъ передъ г удерживается twirdna, obdyrzala, stvyrzenye.

Эта послѣдняя особенность сохраняется и въ Шафариковомъ отрывкѣ. Одинаъ разъ встрѣчается въ немъ и zpalill; но вообще по краткости своей этотъ отрывокъ не даетъ много матеріала для наблюденія.

Правописаніе Святовитскаго отрывка не представляетъ уже никакихъ рѣзко выдающихся особенностей предыдущихъ отрывковъ; но слово „Грекъ“, которое въ предыдущихъ имѣетъ написаніе Hrzek или Hrzek, въ этомъ отрывкѣ пишется уже безъ H—Rzyek ¹⁾.

Такимъ образомъ, по правописанію, отрывки могутъ быть раздѣлены на слѣдующія группы: 1) Будейовицко-Музейный, Будейовицкій и Индрихоградецкій, 2) Музейный и Шафариковъ, и 3) Святовитскій.

На взаимную близость отрывковъ первой группы указываютъ по видимому и нѣкоторыя особенности языка, напримѣръ, употребленіе причастія однопленнаго не въ смыслѣ дѣепричастія, а въ древнемъ значеніи причастія. Такъ въ Б.-М. *že jsem jich čest vždy byl pomně; byl zůšče; či sem byl v čem právo mína;* въ Индрихогр. *nechtě by co v tom byl mína;* въ Б. *kam li byl jeda i byl upadna; všakž ho strach bude odlišče.* Обороты эти свидѣтельствуютъ и о сравнительной древности первыхъ трехъ отрывковъ, при чемъ Будейовицкій представляется болѣе близкимъ къ Будейовицко-Музейному, чѣмъ Индрихоградецкій.

Мы привели эти соображенія отчасти потому, что они неволью принесли намъ на мысль при пересмотрѣ текста отрывковъ, а также и по-

¹⁾ Г. Снегиревъ въ вышеупомянутой статьѣ приводитъ таблицу особенностей правописанія отрывковъ (стр. 53). Вотъ ошибки и неточности, явившіяся очевидно вслѣдствіе незнакомава автора съ подлинниками отрывковъ и отсутствія хорошихъ изданій. Въ обоихъ Будейовицкихъ отрывкахъ новочешское *-s* нигдѣ не выражается посредствомъ *tz*, а, кромѣ приведеннаго г. Снегиревымъ *sz* для выраженія того же звука употребляется и *s* въ словахъ *Bucifale, nechtyesy* (Б.) и *všeska* (Б.-М.). Для обозначенія *č*, кромѣ *chz*, *cz* и *sz* служатъ въ одномъ мѣстѣ и простое *s*—гозрасі (Б.-М.). *S* выражается не только посредствомъ *zz* и *z*, но и посредствомъ пристаго *s—chzas* (Б.-М.); *z* въ Будейовицкихъ отрывкахъ не выражается посредствомъ *zz*, и слово *ztrata*, приводимое г. Снегиревымъ въ его таблицѣ, пишется или *stratha* (Б.-М.) или *strata* (Б.). Въ Муз. и Шаф. отрывкахъ *s* не обозначается посредствомъ *sz*; *s* въ Муз. отрывкѣ выражено и посредствомъ *ss* въ словѣ *kdassy*; наконецъ *ž* въ томъ же отрывкѣ — посредствомъ *s* въ словѣ *odlebczys*.

тому, что при опредѣленіи древности памятника считаемъ необходимымъ обратить вниманіе не только на его содержаніе, но и на внѣшнія свойства.

Между тѣмъ г. Гаттала смотритъ на дѣло иначе. По его мнѣнію, не наступило еще время для палеографическаго анализа не только Александрейдъ, но и другихъ памятниковъ старо-чешской письменности. Вотъ его слова въ предисловіи на стр. VII: „Будейовицкій остатокъ относится, по мнѣнію Юнгмана и другихъ, къ одной и той же редакціи съ Будейовицко-Музейнымъ, а по мнѣнію Шафарика, найденный имъ отрывокъ очень близокъ къ Музейному и по внутреннимъ свойствамъ, и по внѣшнимъ особенностямъ — правописанію и письму. Намъ кажется, что и Будейовицкій, и Будейовицко-Музейный отрывки — представители двухъ особенныхъ, хотя и весьма сходныхъ редакцій. Палеографически доказать этого не можемъ, такъ какъ до сихъ поръ не имѣемъ чешской палеографіи. Дѣлаются только приготовленія къ составленію ея... Посobie къ ней, изданное Гулаковскимъ ¹⁾, считаемъ незначительнымъ“.

И такъ, отсутствіе хорошаго руководства къ чешской палеографіи заставляеть г. Гатталу отказаться отъ палеографическаго разбора памятниковъ. Причина едва ли основательная. Сила палеографіи заключается вѣдь не въ руководствѣ, а въ опытности людей, которые при долгомъ и внимательномъ чтеніи рукописей обращали вниманіе на ихъ внѣшнія особенности. А такіе люди есть и у Чеховъ, и ходитъ за ними недалеко. Укажемъ хоть на сотрудника г. Гатталы по изданію Александрейдъ, почтеннаго А. О. Патеру, отличнаго знатока старо-чешской письменности, не считающаго невозможнымъ основывать свои сужденія о времени написанія памятниковъ и на ихъ палеографическихъ особенностяхъ.

Всего разумнѣе и цѣлесообразнѣе, говоритъ г. Гаттала, — обратиться для опредѣленія времени, къ которому относятся отрывки, къ ихъ языку вообще и къ переходу звука *u* въ *i* въ особенности.

Между старо-чешскими памятниками съ примѣрами перехода *u* въ *i* особенно важенъ отрывокъ легенды объ Іудѣ въ томъ отношеніи, что содержитъ ясное указаніе на время, къ которому онъ относится. Въ началѣ этого отрывка упоминается объ убіеніи послѣдняго Премысловца — Вячеслава III, которое совершилось 4-го августа 1306 года.

¹⁾ *Abbreviaturae vocabulorum, usitatae in scriptis praecipue latinis medii aevi, tum etiam slavicae et germanicae.* Pragae, 1852.

какъ о событіи недавнемъ. Отсюда можно заключить, что и сама легенда относится къ началу XIV столѣтія. Въ сохранившемся изъ нея отрывкѣ (Výbor, I, стр. 169) всего только два случая перехода *u* въ *i*: въ предлогѣ *mezi*, вм. *mezu* и въ нарѣчіи *veile* вм. *veulě*. Если принять во вниманіе, что и въ грамотахъ XIII вѣка, въ сложныхъ мѣстныхъ именахъ встрѣчается *mezi*, вмѣсто *mezu*, то можно отнести начало перехода *u* въ *i* ко второй половинѣ XIII столѣтія.

Разсматривая съ этой стороны отрывки Александрейдъ, г. Гаттала приходять къ слѣдующимъ результатамъ:

Въ Будейовицко-Музейномъ отрывкѣ случаевъ перехода *u* въ *i* только 1 въ словѣ *mezi*, въ Индрихоградецкомъ—2, въ Будейовицкомъ—7, изъ которыхъ 6 возникли чрезъ подскабливаніе; въ Музейномъ—2, въ Шафариковомъ—5, въ Святовитекомъ много.

Сравнивая эти данныя съ тѣмъ, что представляетъ легенда объ Іудѣ, г. Гаттала заключаетъ:

Будейовицко-Музейный отрывокъ относится ко второй половинѣ XIII вѣка; Индрихоградецкій вмѣстѣ съ легендой объ Іудѣ къ началу XIV вѣка; Будейовицкій—нѣсколько позже легенды; Музейный можетъ быть отнесенъ къ началу первой половины XIV вѣка, но не много позже легенды, а Шафариковъ—къ концу той же половины; Святовитскій—ко второй половинѣ XIV вѣка.

Такимъ образомъ, по соображеніямъ г. Гаттала, основнымъ на количествѣ случаевъ перехода *u* въ *i*, отрывки по старшинству располагаются въ томъ же порядкѣ, къ какому пришли мы и послѣ обзора особенностей правописанія, съ тою только разницею, что, по моему, Будейовицкій отрывокъ ближе къ Будейовицко-Музейному, чѣмъ Индрихоградецкій.

Безспорно, что при опредѣленіи древности какого-либо памятника старочешской письменности необходимо обратить вниманіе и на переходъ *u* въ *i*; но выводы, къ которымъ придетъ изслѣдователь, основываясь на этомъ явленіи, могутъ быть только тогда вполне убѣдительно, когда будутъ подкрѣплены другими фактами, основанными на изученіи памятника и съ другихъ точекъ зрѣнія.

Разъяснимъ эту мысль по отношенію къ даннымъ отрывкамъ. Положимъ, не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ они относятся къ періоду времени отъ конца XIII до второй половины XIV вѣка; но нельзя не принять во вниманіе того, что это было время, когда между звуками *u* и *i* въ извѣстныхъ формахъ происходило колебаніе. Самъ г. Гаттала признаетъ вѣрною слѣдующую приводимую имъ мысль Асколи:

„Die Sprache stellt in jeder ihrer Phasen gleichsam einen zufälligen Abschnitt eines Stromes unausgesetztes Umgestaltungen dar, in welchem Abschnitte sich gleichzeitig die Reste eines absterbenden und die Vorläufer eines herannahenden Typus bemerken lassen“ ¹⁾. (Предисл. стр. XII). Если это вѣрно по отношенію къ каждому моменту въ жизни языка, то тѣмъ болѣе должно быть принято въ расчетъ, когда дѣло идетъ о времени колебанія между звуками *и* и *і*.

Поэтому, едва ли можно утверждать, что если въ одномъ отрывкѣ нѣсколько больше случаевъ перехода *и* въ *і*, чѣмъ въ другомъ, то одинъ нѣсколькими годами старше другаго. Я разумѣю здѣсь не Святотитовскій отрывокъ, который рѣзко отдѣляется по времени отъ всѣхъ остальныхъ, а именно эти остальные. Можно ли съ полною увѣренностью сказать, основываясь только на фактѣ перехода *и* въ *і*, что Будейовицко-Музейный отрывокъ относится непременно къ концу XIII вѣка, потому что переходъ *и* въ *і* въ этомъ отрывкѣ является только въ словѣ *тези*, какъ и въ граматахъ того же времени; или—что Музейный отрывокъ относится къ началу первой половины XIV вѣка, а Шафариковъ—къ концу первой же половины? При господствовавшемъ колебаніи въ переходѣ *и* въ *і* легко могло случиться, что изъ двухъ лицъ, писавшихъ одновременно, одно болѣе подчинялось новому вліянію, другое—менѣе. Наконецъ, въ такую пору, когда не было установленнаго литературнаго языка открывался большій просторъ вліянію мѣстныхъ говоровъ и индивидуальнымъ особенностямъ рѣчи самихъ писавшихъ.

Очень можетъ быть, что выводы г. Гаттала и вѣрны, но повторяемъ, что научную цѣну они будутъ имѣть только тогда, когда подтвердятся и другими соображеніями, между прочимъ и палеографическими, которыя г. Гаттала, не совсѣмъ основательно, считаетъ преждевременными.

Вмѣстѣ съ текстомъ Александреидъ помѣщена и транскрипція, сдѣланная г. Гатталою и предназначенная для тѣхъ „кто не столько обращаетъ вниманія на букву, сколько на познаніе того духа, который проявляется въ этихъ замѣчательныхъ отрывкахъ“.

Для такихъ читателей-неспеціалистовъ по части буквъ, правописаніе, принятое г. Гатталою въ его транскрипціи, представится

¹⁾ Kritische Studien zur Sprachwissenschaft von G. J. Ascoli. Autorisirte Übersetzung von R. Merzdorf, zu Ende geführt von B. Mangold. Weimar, 1878, S. V.

нѣсколько страннымъ. Особенно бросается въ глаза своеобразное употребленіе буквы *ř*, могущее подать поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ.

Въ свое оправданіе г. Гаттала ссылается на свою „Сравнительную грамматику языка чешскаго и словенскаго“, гдѣ въ одномъ мѣстѣ говорится, что надъ *r* не слѣдовало бы ставить знака смягченія ни передъ *i*, ни передъ *ě*, какъ не ставится въ тѣхъ же случаяхъ подобный знакъ при *d*, *t* и *n*,—а въ другомъ мѣстѣ—, что Чехи измѣняютъ *r* въ *ř* тамъ, гдѣ Словаки *ř*, *ř*, *n* и *ř* въ *d*, *t*, *n* и *ř*, то-есть, не только передъ *i*, *í* и *e*, вм. *ě* и слов. *a* и *ia*: *kuře*, *předu*, *hřál*, *přál* и т. д. вм. слов. *kura*, *pradiem*, *hřial*, *přial*, цксл. *коурѣ*, *прѣдѣ*, *грѣаль*, *прѣаль*, но и съ незначительными, большею частью, недавно возникшими исключеніями, и передъ простымъ *e*: *bratě*, *mistě*, *no dare*, *vure*, вм. *dare*, *vure*; *mí-eš*,—*e*,—*emc*,—*cte*; но *ber-eš*,—*e* и т. д. вм. употребляемаго также *befeš*,—*e*. Написаніе *ři* и *ře* вм. *ri* и *re* на ряду съ *li* и *le*, или вмѣсто *ri* и *re* на ряду съ *di*, *ti*, *ni* и *dě*, *tě*, *ně* можетъ быть оправдано только обычаемъ (Предисл., XXIII).

На этомъ основаніи г. Гаттала пишетъ *řieka*, *uvěřiti*, *nepřítel*, но *řka*, *řastyt*, *nepřítel*. (Однако мы встрѣтили *řekl* Святovitск. отрк. 1022 и *uvorí řb*. 1890, которое рвѣмуетъ съ *hogí*). Очевидно, что г. Гаттала видитъ въ значкѣ, поставляемомъ надъ *r*, только знакъ мягкости (*řarku obměkčovací*, что справедливо, напримѣръ, относительно *n*, надъ которымъ также можетъ стоять этотъ значекъ), и не обращаетъ вниманія на то, что онъ указываетъ еще на шепелявость произношенія *r*. Поэтому Чехъ, и вообще всякій, привыкшій къ существующему чешскому правописанію, въ которомъ для каждаго звука есть свой звукъ, прочтетъ *r* въ такихъ словахъ, какъ *řieka*, *nepřítel*—мягко, но не шепеляво, а слѣд. не по-чешски. Поэтому, чтобы возвратить транскрипціи, сдѣланной г. Гатталой, чешскій характеръ, слѣдуетъ надписать надъ *r* значекъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ звукъ *r* въ чешскомъ языкѣ произносится шепеляво, тѣмъ болѣе, что и въ подлинникахъ, при всей непослѣдовательности въ обозначеніи нѣкоторыхъ звуковъ, шепелявость *r* всюду обозначается чрезвычайно послѣдовательно посредствомъ *řz* или *řs*.

Въ заключеніе нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ тѣмъ серьезнымъ намѣреніямъ, съ которыми приступали издатели Александрейдъ къ своему труду. „Настоящимъ изданіемъ“, говоритъ г. Гаттала,—„мы хотимъ по возможности удовлетворить прежде всего тѣхъ, кто занимается старою чешчиною, съ какой бы то ни было стороны

и съ какими бы то ни было цѣлями. Такихъ лицъ въ наше время на столько много, что нельзя не оказать имъ хотя и такой скромной помощи, какую можетъ доставить это изданіе. Мы разумѣемъ слушателей славистики въ тѣхъ университетахъ, гдѣ она читается, какъ, напримѣръ, во всѣхъ русскихъ, въ большинствѣ австрійскихъ и въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ. Во вторыхъ, мы вполнѣ убѣждены, что безъ дипломатическаго изданія настоящихъ отрывковъ нельзя ни начать, ни, тѣмъ болѣе, довести до желаннаго конца тѣхъ споровъ, которые недавно возникли даже и о Краледворской рукописи“.

Однихъ Александрейдъ, разумѣется, недостаточно для этой цѣли: нужно подобное же иданіе и другихъ старочешскихъ памятниковъ. Приготовленія уже дѣлаются. Намъ извѣстно, напримѣръ, что г. Патера уже печатаетъ Градецкую рукопись, гдѣ находится житіе св. Прокопа, уже издававшееся, но неисправно.

Но уже пользуясь одними отрывками Александрейдъ, можно, по мнѣнію г. Гаттала, отвѣчать на нѣкоторыя нападки, дѣлаемая на Краледворскую рукопись и другіе памятники. Такъ, нѣкоторые противники Краледворской рукописи, говоритъ г. Гаттала,—считаютъ всѣ тѣ особенности, какими отличается ея языкъ отъ языка другихъ старочешскихъ памятниковъ, или такія, которыя нельзя понять, не принявъ во вниманіе другія славянскія нарѣчія,—несомнѣннымъ доказательствомъ ея подложности. Между тѣмъ, такія особенности есть и въ Александрейдахъ, напримѣръ, слово *letak* (напеч. въ Выборѣ *le tak*, то-есть, *ale tak*), которое можно сравнить съ *lɔrak* въ Библии королевы Софіи, изд. Малецкимъ во Львовѣ въ 1871 г., такъ что нѣтъ надобности передъ *l* подразумѣвать выпускъ *a*; или *slicì sè*—црксл. сълучи *сѣ*, *tištic sě* (тиштати *сѣ*). Написаніе *strice*, вм. *struce* въ Мастичкарѣ, казавшееся подозрительнымъ, находитъ себѣ оправданіе въ Святovit. отрывкѣ Александрейды, гдѣ встрѣчаемъ: *dva strzicye, rzityc rzom* и *przicz*.

Одно изъ такъ-называемыхъ филологическихъ доказательствъ поддѣлки рукописи, говоритъ г. Гаттала,—состоитъ въ томъ, что предполагаемый фальсификаторъ, желая придать своимъ издѣліямъ характеръ XIII вѣка, употреблялъ въ нихъ *ju*, гдѣ потомъ явилось *ji*, но нѣсколько разъ забывался, такъ что съ пера его невольно срывалось *ji*, какъ, напримѣръ, въ пѣснѣ о Ярославѣ (Крал. рукопись)—*rod oceli*. Трудно, замѣчаетъ г. Гаттала,—не писать противъ этого сатиры, но не имѣя на то ни времени, ни мѣста, ограничусь однимъ

вопросомъ и краткимъ на него отвѣтомъ: какой изъ настоящихъ остатковъ могъ бы выдержать нападки критиковъ, подобныхъ автору только что приведеннаго умствованія? Я думаю, что ни одинъ вообще, а за Музейный отрывокъ пришлось бы даже серьезно опасаться, потому что и походка его Вяч. Ганкою представляется гораздо болѣе таинственною, или какъ выразились бы названные критики, болѣе подозрительною, чѣмъ открытіе Краледворской рукописи.

Вообще приговоръ о подложности Краледворской рукописи г. Гаттала считаетъ преждевременнымъ и обѣщаетъ въ скоромъ времени представить обстоятельныя тому доказательства въ отдѣльномъ сочиненіи. Будемъ ждать съ нетерпѣніемъ появленія этого новаго труда, а пока отъ души пожелаемъ полного успѣха изданію Александрейдъ: оно того заслуживаетъ. Можно не соглашаться съ нѣкоторыми мыслями, высказанными г. Гатталой въ его предисловіи; но зерно труда не въ предисловіи, а въ текстѣ отрывковъ, изданіе котораго—мы вполне увѣрены—выдержитъ самую строгую критику.

Юрій Аппенковъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВО ФРАНЦІИ И ВЪ ИТАЛІИ ¹⁾.

Высшія учебныя заведенія во Франціи.

А. Факультеты высшаго преподаванія и управленіе ими.

Государственные факультеты во Франціи не составляютъ университетовъ въ той полнотѣ, въ какой мы привыкли ихъ видѣть. Факультеты расположены отдѣльно по разнымъ городамъ, болѣе или менѣе значительнымъ: вышеуказанные 55 факультетовъ богословія, правъ, медицины, наукъ и словесности находятся въ 19-ти городахъ 15-ти учебныхъ округовъ (въ двухъ округахъ вовсе нѣтъ факультетовъ), слѣдовательно, на каждый городъ приходится кругомъ менѣе трехъ факультетовъ; а такъ какъ въ нѣкоторыхъ городахъ имѣется по 4, по 5 и по 6-ти факультетовъ, то изъ 19-ти университетскихъ городовъ въ 4-хъ находится только по два факультета, а въ 2-хъ даже по одному. Къ тому же и въ тѣхъ 13-ти городахъ, гдѣ не менѣе 3-хъ факультетовъ, послѣдніе болѣею частью расположены въ особыхъ помѣщеніяхъ, и каждый факультетъ составляетъ отдѣльное учебное заведеніе. Отдѣльное существованіе факультетовъ до такой степени вошло въ ихъ нравы и обычаи, что многіе факультеты (въ ежегодно представляемыхъ воеихъ факультетскихъ *comités de perfectionnement*) заявляютъ о желаніи ихъ сохранить свое обособленное положеніе, считая, что оно обезпечиваетъ ихъ независимость и боясь, чтобы соединеніе факультетовъ въ университетское цѣлое не привело ихъ къ подчиненію, не лишило ихъ самостоятельности. Неоднократно министры народнаго просвѣщенія указывали на необходи-

¹⁾ *Продолженіе.* См. мартовскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

мость утвердить связь между факультетами, по стараніи правительства были безуспѣшны противъ укоренившихся привычекъ, потому что органической законъ сдѣлалъ изъ факультетовъ отдѣльные учрежденія, имѣющія свои особыя задачи ¹⁾; профессора привыкли къ этому обособленію и не хотѣли отказаться отъ него. Получивши сначала отдѣльное существованіе, спеціальныя задачи и особыя обязанности, профессора факультетовъ не желали другихъ порядковъ, отказывались и отъ расширенія своего круга дѣйствій, боясь потерять свое независимое положеніе и подпасть подъ власть университетскаго управленія. Въ отчетѣ за десятилѣтіе по 1879 годъ, министр Барду выражаетъ желаніе, чтобы факультеты вышли изъ своего изолированнаго положенія, чтобы между ними установилась связь и обмѣнъ взаимныхъ услугъ ²⁾ Но до настоящаго времени собственно университетское управленіе сосредоточено только въ факультетахъ, имѣющихъ своихъ декановъ, общему же связью между отдѣльными факультетами является только académie (учебный округъ), conseil d'académie (совѣтъ округа) и recteur d'académie, по служебнымъ своимъ правамъ и обязанностямъ, по способу назначенія и по кругу дѣйствій соответствующій нашимъ попечителямъ учебныхъ округовъ. Ректоръ учебнаго округа предсѣдательствуетъ въ академическомъ (окружномъ) совѣтѣ, въ которомъ засѣдаютъ всѣ деканы мѣстныхъ факультетовъ, въ комитетѣ усовершенствованія (comité de perfectionnement), членами котораго состо-

¹⁾ Декретъ 22-го августа 1854 г., ст. 2, 3 и 4.

²⁾ «La nécessité d'établir un lien entre les facultés est un de nos besoins les plus urgents, mainte fois signalé par tous les ministres et sous tous les régimes, en 1829 comme en 1845, en 1868 comme en 1872. Mais les doléances insérées dans les discours, les circulaires, ni même les réglemens ne pouvaient rien contre la loi organique qui avait fait de chaque faculté un corps séparé, ayant sa mission distincte et créé de la sorte un chacun chez soi, dont plus tard les professeurs ne voulurent point se départir.... Toutes les mesures directes ou indirectes échouèrent contre les habitudes et le parti pris. On avait été investi à l'origine d'une mission spéciale, d'un mandat limité, on n'en voulait pas d'autre.... Comme conséquence forcée de ce premier refus, il faudrait reconnaître qu'il est superflu de vouloir établir entre les facultés aucune entente, aucun échange de services. Cette conclusion serait trop grave pour qu'il nous soit possible de l'accepter. Chacune des facultés a son but, ses programmes, ses instruments de travail; mais elles s'avoisinent et se pénètrent en plus d'un point.... Quelle que soit la législation à venir, soit qu'elle crée des universités, soit qu'elle maintienne les ressorts académiques de 1854, son premier soin, j'en ai l'assurance, sera de faire sortir les facultés d'un régime d'isolement qu'elles ont accepté trop volontiers» (Rapport au Président de la République, ерр. LXXIX).

ятъ всѣ деканы и нѣкоторые директоры, въ собраніяхъ профессоровъ, когда ректоръ найдетъ нужнымъ созвать ихъ — всѣхъ вмѣстѣ или отдѣльно по факультетамъ; и въ этихъ послѣднихъ собраніяхъ онъ не только имѣетъ право выражать свое мнѣніе по всѣмъ дѣламъ, касающимся преподаванія, но во многихъ случаяхъ онъ можетъ постановить свое рѣшеніе.

Предметы вѣдомства ректоровъ законъ (декретъ 22-го августа 1854 г. ст. 17) опредѣляетъ такъ: 1) управленіе высшими учебными заведеніями и наблюденіе за ними (*la direction et la surveillance*), 2) управленіе государственными средними учебными заведеніями и наблюденіе за ними, 3) надзоръ за свободными (частными) средними учебными заведеніями (*surveillance*) и 4) охраненіе установленныхъ методовъ преподаванія въ общественныхъ начальныхъ училищахъ (*le maintien des méthodes de l'enseignement primaire public*). Поэтому, отношенія начальника учебнаго округа къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ тѣ же самыя, какъ и къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ. Изъ этого видно, что ректоры имѣютъ обширныя полномочія. Въ отношеніи къ факультетамъ, они ихъ прямыя начальники, подъ высшею властью министра ¹⁾.

Внутреннее управленіе каждаго факультета ввѣряется декану, назначаемому министромъ изъ числа профессоровъ. Въ медицинскихъ факультетахъ профессора ежегодно избираютъ изъ своей среды 2-хъ ассессоровъ, чтобы помогать декану въ дѣлахъ управленія и замѣнять его въ случаѣ отсутствія. Въ юридическихъ и медицинскихъ факультетахъ деканы назначаются на 5 лѣтъ; въ прочихъ факультетахъ самъ министр, при назначеніи декана, опредѣляетъ и срокъ, на который онъ назначается (декретъ 17-го марта 1808 г. и королевское повелѣніе 2-го февраля 1823 г.).

Деканъ есть начальникъ факультета и управляетъ его дѣлами подъ высшею властью и подъ руководствомъ ректора учебнаго округа; онъ приготовляетъ бюджетъ, который разсматривается въ академическомъ совѣтѣ и утверждается министромъ; онъ распредѣляетъ

¹⁾ Statistique de l'enseignement supérieur, 1878 (отчетъ министра Барду), стр. 122: «les recteurs sont investis des pouvoirs les plus étendus; ils sont, sous l'autorité du ministre, les chefs des universités provinciales, et la circulaire du 15 septembre 1854 renferme à cet égard les affirmations les plus explicites». (Въ Парижѣ тѣ же права принадлежатъ самому министру, который по ст. 29 декрета отъ 22-го августа 1854 г., исполняетъ тамъ обязанности ректора et est assisté d'un vice-recteur).

расходы сообразно съ утвержденнымъ бюджетомъ; онъ созываетъ собраніе ординарныхъ профессоровъ и председательствуетъ въ немъ. Деканъ имѣетъ право приостановить чтеніе лекцій какого-нибудь профессора, но обязанъ объ этомъ распоряженіи увѣдомить ректора округа не позднѣе 24 часовъ (статутъ 9-го апрѣля 1825). Деканъ, по своей должности, есть членъ академическаго совѣта, которому въ ноябрьскую сессію представляетъ подробный отчетъ о ходѣ преподаванія и о результатахъ экзаменовъ (законъ 14-го іюня 1854 г. и декретъ 22-го августа 1854 г.).

Секретарь факультета есть вмѣстѣ и казначей (*secrétaire agent comptable*); онъ назначается министромъ народнаго просвѣщенія, но по сбору пошлинъ подчиняется министру финансовъ (*il est nommé par le ministre de l'instruction publique et commissionné par le ministre des finances*). Въ этомъ отношеніи онъ подчиняется контролю и распоряженіямъ мѣстнаго генеральнаго сборщика податей; обязанности его опредѣлены счетнымъ уставомъ 27-го ноября 1834 г., по которому пошлины за слушаніе лекцій, за экзамены и за дипломы, прежде взыскивавшіяся въ пользу факультетовъ, уравнины съ прочими налогами и собираются въ пользу государственнаго казначейства. Поэтому, наравнѣ съ другими пріемщиками казенныхъ суммъ, факультетскій секретарь-казначей вноситъ залогъ. Впрочемъ, эти обязанности, хотя и основанныя на счетномъ уставѣ 1834 г., возложены на факультетскихъ секретарей только съ 1855 года (по разъяснительному циркуляру министра народнаго просвѣщенія отъ 2-го декабря 1854 г.), а до 1855 года пошлины принимались секретаремъ академіи (учебнаго округа), который былъ *commissionné ad hoc* и вносилъ залогъ. Одно и то же лице можетъ быть секретаремъ двухъ или болѣе факультетовъ.

Профессоры факультетовъ, по закону 9-го марта 1852 г. (ст. 1 и 2), назначаются президентомъ республики по представленію министра народнаго просвѣщенія, который избираетъ кандидатовъ для представленія президенту изъ докторовъ, имѣющихъ не менѣе 30 лѣтъ отъ роду, или изъ двухъ списковъ, затребованныхъ, одинъ отъ факультета, въ которомъ открылась вакансія, другой отъ академическаго (окружнаго) совѣта. По закону 9-го марта 1852 г., министръ назначалъ и удалялъ профессоровъ (*nomme et révoque*); но законъ 19-го марта 1873 г., оставивши въ силѣ этотъ порядокъ назначенія профессоровъ, возстановилъ дѣйствіе ст. 76 органическаго закона 15-го марта 1850 г., по которой удаленіе профессоровъ отъ дол-

жности предоставлено высшему совѣту народнаго просвѣщенія („le retrait d'emploi ne peut être prononcé contre les professeurs de l'enseignement supérieur que sur l'avis conforme du conseil supérieur“). По декрету 22-го августа 1855 г., чтобы получить штатное профессорское мѣсто, нужно имѣть 30 лѣтъ и ученую степень доктора, но при этомъ требуется, чтобы кандидатъ на такое мѣсто не менѣе 2-хъ лѣтъ читалъ лекціи въ государственномъ учебномъ заведеніи или частные курсы, законнымъ порядкомъ разрѣшенные и соответственные факультетскимъ курсамъ. При тѣхъ же условіяхъ, на профессорскія кафедры могутъ быть назначаемы члены института (то есть академики), читавшіе такія же лекціи въ продолженіи не менѣе шести мѣсяцевъ. Когда кафедра дѣлается вакантною въ Парижѣ, объ этомъ сообщается провинціальнымъ факультетомъ того же рода, которые могутъ рекомендовать министру кандидатуру одного изъ своихъ членовъ (декретъ 22-го августа 1854 г., ст. 6, 7 и 8).

Дополнительныя профессорскія мѣста для замѣны штатныхъ профессоровъ (*les suppléances*), поручаются лицамъ, имѣющимъ званіе *agrégé* или степень доктора. Званіе *agrégé* получается по конкурсу: всѣ имѣющіе это званіе находятся въ распоряженіи министра, который прикомандировываетъ ихъ на время къ соответственнымъ однороднымъ факультетамъ, смотря по надобностямъ службы (тамъ же, ст. 9, 10 и 11).

Профессоры обязаны содѣйствовать декану въ поддержаніи или восстановленіи порядка. Въ важныхъ случаяхъ деканъ можетъ, какъ сказано выше, предписать отѣхну лекцій того или другаго профессора, и какъ скоро деканъ словесно или письменно объявитъ объ этомъ профессору, послѣдній обязанъ тотчасъ подчиниться этому распоряженію, подъ страхомъ отвѣтственности по ст. 66 декрета 15-го ноября 1811 г. Профессоръ, который въ своихъ рѣчахъ, лекціяхъ, или дѣйствіяхъ уклонился бы отъ должнаго почтенія къ религіи, нравственности или правительству, или который уронилъ бы себя и честь факультета дурнымъ поведеніемъ, по обсужденіи обстоятельствъ дѣла на академическомъ совѣтѣ вслѣдствіе сообщенія декана, подвергается, смотря по важности проступка, временному устраниенію или окончательному удаленію отъ должности.

Безъ письменнаго разрѣшенія министра ни одинъ профессоръ не можетъ отлучиться съ мѣста службы болѣе одной недѣли въ теченіе учебнаго года. Если отсутствіе должно продолжаться не болѣе недѣли, отпускъ можетъ быть данъ ректоромъ округа, по представ-

ленію декапа. Въ случаѣ отлучки безъ надлежащаго разрѣшенія, профессоръ лишается своего содержанія за все время отсутствія.

3-го марта 1825 г. Парижскій юридическій факультетъ сдѣлалъ постановленіе о томъ, что профессора, дающіе частные уроки студентамъ, не могутъ быть членами экзаменаціонныхъ комиссій, и это запрещеніе вошло въ статутъ 9-го апрѣля того же года; наконецъ, опредѣленіемъ высшаго совѣта 8-го сентября 1829 г. совершенно воспрещено членамъ факультетовъ давать частные уроки студентамъ.

Министерскимъ циркуляромъ отъ 24-го апрѣля 1871 г. обращено вниманіе начальниковъ учебныхъ округовъ на неудобство для членовъ факультетовъ заниматься журналистикой, на необходимость надзора окружныхъ ректоровъ въ этомъ отношеніи за всѣмъ подвѣдомственнымъ имъ персоналомъ, съ указаніемъ, что профессора должны соблюдать крайнюю осторожность и разборчиво принимать на себя сотрудничество только въ серьезныхъ изданіяхъ. По поводу статей о коммунѣ, напечатанныхъ нѣкоторыми профессорами, министръ подвергъ ихъ дисциплинарнымъ взысканіямъ.

По циркуляру 7-го мая 1875 г., профессора факультетовъ могутъ быть командированы для осмотра среднихъ учебныхъ заведеній (лицеевъ и коллегій), при чемъ издержки на переѣзды уплачиваются казною, а суточные деньги относятся на счетъ городовъ. Командируемые профессора представляютъ отчетъ объ осмотрѣ ректору, который препровождаетъ оный къ министру. Но эти профессорскія инспекціи нынѣ почти совсѣмъ прекратились, и циркуляръ отъ 9-го марта 1876 г. напоминаетъ ректорамъ, что инспекціи могутъ быть поручаемы профессорамъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ и не должны никогда прерывать лекцій въ факультетахъ.

Жалованье профессоровъ прежде состояло изъ двухъ составныхъ частей — постояннаго (*traitement fixe*) и временнаго или измѣняющагося (*traitement éventuel*), при чемъ вторая часть соразмѣрялась съ числомъ экзаменовъ или диспутовъ, при которыхъ каждый профессоръ присутствовалъ (*droits de présence*, отъ 7 до 9 франковъ за каждый разъ), или же съ числомъ его слушателей. Но такъ какъ этотъ порядокъ мѣшалъ учрежденію новыхъ кафедръ (факультеты противились вступленію новыхъ членовъ, съ которыми пришлось бы дѣлить поступающій сборъ *des droits de présence*), то декретомъ 14-го января 1876 г. опредѣлено, чтобы *traitement fixe* и *rétributions éventuelles* были соединены въ одну неизмѣнную сумму вознагражде-

нія за всѣ обязательныя занятія, какъ по преподаванію, такъ и по производству экзаменовъ. Въ Парижѣ содержаніе профессоровъ въ факультетахъ правъ и словесности возвышено до 15,000 фр., а въ факультетахъ наукъ и медицины—до 13,000 фр.; въ департаментахъ, для профессоровъ всѣхъ факультетовъ, опредѣленъ minimum содержанія въ 6,000 фр. ¹⁾, а maximum—въ факультетахъ правъ и словесности въ 11,000 фр., и въ факультетахъ наукъ и медицины—въ 10,000 фр. Въ факультетахъ богословія оставлено прежнее постоянное жалованье, безъ всякой надбавки за отгѣну вознагражденія за экзамены (по ничтожности этого вознагражденія, получавшагося профессорами богословія—отъ 3-хъ до 55 фр. въ годъ на каждое лице); размѣръ жалованья профессоровъ факультетовъ богословія, оставленнаго безъ измѣненія, составляетъ отъ 5,500 до 6,500 фр. въ Парижѣ, а въ департаментахъ, въ католическихъ факультетахъ богословія—отъ 3,500 до 5,500 фр., и въ протестантскихъ—отъ 4,500 до 6,500 фр.

Министръ можетъ разрѣшить опредѣленіе особыхъ лекторовъ для замѣны отсутствующихъ профессоровъ (*suppléances*), назначая ихъ изъ имѣющихъ званіе *agrégé* или степень доктора (декретъ 22-го августа 1854 г., ст. 9). Заступающій профессора (*le suppléant*) замѣняетъ его, какъ въ преподаваніи, такъ и на экзаменахъ, и получаетъ половину всего содержанія профессора (другая половина поступаетъ самому профессору, получившему отъ министра разрѣшеніе „à se faire suppléer“, и эта половина жалованья называется *traitement d'inactivité*). Замѣститель назначается на цѣлый учебный годъ и получаетъ половину всего годоваго содержанія по кафедрѣ, хотя бы, въ исключительныхъ случаяхъ, министромъ было разрѣшено замѣщеніе на болѣе короткій срокъ; впрочемъ, замѣщеніе не можетъ продолжаться болѣе 5 лѣтъ, по истеченіи которыхъ требуется отзывъ факультета и совѣщательнаго комитета, а затѣмъ профессору можетъ быть предложено ходатайствовать о назначеніи приходящейся ему пенсіи по отставкѣ (декретъ 14-го января 1876 г., ст. 6 и 7).

Профессоры могутъ занимать по нѣсколько мѣстъ, но жалованье изъ государственнаго казначейства получаютъ не болѣе какъ по двумъ должностямъ, при чемъ общая сумма содержанія по обѣимъ должностямъ не должна превышать 20,000 фр. ²⁾.

¹⁾ Въ некоторыхъ провинціальныхъ юридическихъ факультетахъ размѣръ жалованья профессоровъ оставленъ въ 5,000 фр.

²⁾ Законъ 9-го марта 1852 г., ст. 9: «les professeurs, les gens de lettres, les

Кромѣ штатныхъ профессоровъ (*professeurs titulaires*), къ факультетамъ причисляются еще, по статуту 16-го ноября 1874 года, сверхштатные доценты, которые, получивши званіе *agrégés* по конкурсу, раздѣляются на дѣйствительныхъ (*agrégés en activité*), назначаемыхъ къ исполненію какихъ-либо обязанностей на опредѣленный срокъ и получающихъ жалованье ¹⁾, и на свободныхъ (*agrégés libres*), срокъ временной службы которыхъ уже истекъ. Къ конкурсу на званіе *agrégé* допускаются имѣющіе не менѣе 25 лѣтъ отъ роду и докторскій дипломъ по предметамъ, соответствующимъ искомой агрегациі. Конкурсъ производится предъ комиссією, которой предсѣдатель и члены назначаются министромъ народнаго просвѣщенія изъ среды членовъ высшаго совѣта, генеральныхъ инспекторовъ высшаго преподаванія, факультетскихъ профессоровъ и доцентовъ, членовъ института, профессоровъ французской коллегии и музея естественной исторіи и изъ служащихъ по соответственнымъ специальностямъ (ст. 6 статута 16-го ноября 1874 года). Число лицъ, входящихъ въ составъ такой комиссіи, отъ 7-ми до 9-ти (ст. 7). Рѣшеніе комиссіи представляется на утвержденіе министра, которому экзаменовавшіеся могутъ въ теченіе 10-ти дней приносить жалобы на это рѣшеніе, въ случаѣ нарушенія установленныхъ формальностей (ст. 23 и 24). По полученіи званія *agrégé*, доценты участвуютъ въ производствѣ экзаменовъ, руководятъ разными упражненіями (*conférences*) или читаютъ дополнительные курсы, по представленію ректора учебнаго округа и по разрѣшенію министра (ст. 26); они члены факультета, къ которому причислены, и могутъ быть приглашаемы въ засѣданія факультетскаго собранія, но только съ совѣщательнымъ голосомъ (ст. 27). Доценты распредѣляются министромъ по разнымъ факультетамъ, смотря по надобностямъ службы; преимущественно они замѣняютъ отсутствующихъ профессоровъ; изъ нихъ же преимущественно избираются профессора при открытіи вакансій. Впрочемъ, по факультетамъ словесности и наукъ давно не было конкурсовъ, а потому въ этихъ двухъ

savants et les artistes dépendant du ministère de l'Instruction publique ne peuvent cumuler que deux fonctions rétribuées sur les fonds du trésor public; le montant des traitements cumulés pourra s'élever à 20,000 fr.». Этотъ законъ былъ вызванъ тѣмъ, что профессора, имѣя только по двѣ лекціи въ недѣлю, старались получать по нѣскольку кафедръ въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

¹⁾ Отъ 4,000 до 7,000 фр. въ Парижѣ, и отъ 3,000 до 3,500 фр. въ департаментахъ (отчетъ министра Барду, стр. XX).

факультетахъ вакантныя и дополнительныя кафедры предоставляются имѣющимъ степень доктора, безъ званія agrégé.

Профессоры факультетовъ и замѣняющіе ихъ suppléants и agrégés подчинены подробнымъ правиламъ дисциплины, и въ случаѣ нарушенія ихъ подвергаются:

выговору (réprimande) предъ академическимъ (окружнымъ) совѣтомъ;

порицанію (censure) предъ высшимъ совѣтомъ;

устраненію отъ должности (suspension des fonctions) не болѣе какъ на годъ, съ лишеніемъ или безъ лишенія всего содержанія или части онаго;

увольненію отъ должности (retrait d'emploi);

удаленію отъ должности (révocation).

Первыя три взыскапія налагаются министромъ; послѣднія два — высшимъ совѣтомъ народнаго просвѣщенія (отчетъ 1878 г., стр. 134). Проступки, за которые опредѣляются взыскапія съ профессоровъ факультетовъ, перечислены въ декретѣ 15-го ноября 1811 года.

Указанныя взыскапія издавна остаются почти тѣ же самыя; но нѣкоторыя измѣненія въ правилахъ о взыскапіяхъ и порядкѣ наложенія ихъ дѣлались нѣсколько разъ.

По ст. 14 органическаго закона 15-го марта 1850 года, окружной совѣтъ даетъ заключеніе о требующихся измѣненіяхъ въ преподаваніи, дисциплинѣ и администраціи учебныхъ заведеній государства. Онъ производитъ изслѣдованіе дисциплинарныхъ дѣлъ, касающихся преподавателей среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, по передачѣ этихъ дѣлъ отъ министра или отъ начальника округа; но онъ постановляетъ рѣшеніе (съ правомъ апелліаціи въ высшій совѣтъ) только противъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, съ удаленіемъ ихъ отъ должности и съ лишеніемъ права преподавать даже въ свободныхъ учебныхъ заведеніяхъ или содержать такія заведенія. По ст. 76 того же закона 1850 года, министру предоставляется подвергать преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, смотря по важности обстоятельствъ, слѣдующимъ дисциплинарнымъ взыскапіямъ: выговору предъ окружнымъ или порицанію предъ высшимъ совѣтомъ, перемѣщенію на низшую должность (la mutation pour un emploi inférieur), устраненію отъ должности не болѣе какъ на годъ, наконецъ, увольненію или удаленію отъ должности (по выслушаніи заключенія высшаго совѣта). Та же ст. 76 присовокупляетъ, что министръ имѣетъ право налагать на профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній тѣ

же самыя взысканія, за исключеніемъ перемѣщенія на низшую должность.

Правила ст. 14 и 76 закона 15-го марта 1850 года были отмѣнены декретомъ 9-го марта 1852 года, установившимъ (ст. 1 и 3), что президентъ республики, или, по его порученію (*délégation*), министръ народнаго просвѣщенія, назначаетъ и удаляетъ (*révoque*) факультетскихъ профессоровъ, безъ истребованія заключенія высшаго совѣта; министру же ст. 3 того же закона предоставляетъ налагать, непосредственно и окончательно (безъ права апелляціи, *sans recours*), на преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія взысканія: выговоръ (*réprimande* и *censure*), перемѣщеніе (*mutation*), временное устраненіе отъ должности и окончательное удаленіе отъ должности (*révocation*), для котораго нуженъ декретъ президента республики.

Законъ 14-го іюня 1854 года (ст. 4) опредѣляетъ, что окружной совѣтъ даетъ свое заключеніе по всѣмъ дѣламъ административнымъ, финансовымъ и дисциплинарнымъ, касающимся коллегій, лицеевъ и высшихъ учебныхъ заведеній.

Наконецъ, законъ 19-го марта 1873 года (ст. 5) возстановилъ дѣйствіе ст. 14 и 76 органическаго закона 15-го марта 1850 года, съ отмѣною ст. 1, и 3 декрета 9-го марта 1852 года относительно окончательнаго удаленія (*révocation*) профессоровъ, для котораго нинѣ требуется постановленіе высшаго совѣта. По ст. 4, рѣшенія высшаго совѣта по всѣмъ предметамъ, указаннымъ въ ст. 14, 68 и 76 закона 15-го марта 1850 года, окончательныя, не подлежатъ обжалованію и постановляются по апелляціямъ на рѣшенія департаментскихъ или окружныхъ совѣтовъ по принадлежности; но при этомъ присовокуплено, что рѣшенія высшаго совѣта о совершенномъ воспрещеніи преподаванія въ свободныхъ школахъ должны постановляться большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ.

Затѣмъ, никакихъ дальнѣйшихъ измѣненій въ порядкѣ наложенія дисциплинарныхъ взысканій на профессоровъ доселѣ не было.

Соотвѣтственно узаконеннымъ дисциплинарнымъ взысканіямъ съ профессоровъ, весьма строги и дисциплинарныя правила, установленныя для студентовъ.

Правила для студентовъ опредѣлены остающимся доселѣ въ силѣ статутомъ 9-го апрѣля 1825 года, хотя въ обычаѣ и на дѣлѣ многія изъ требованій этого статута не исполняются. Въ списки студентовъ по факультетскому регистру можно записываться съ 2-го ноября, 2-го

января, 1-го апрѣля и 1-го іюля по 15-я числа этихъ мѣсяцевъ, со взносомъ слѣдующихъ пошлинъ за слушаніе лекцій, за каждую четверть учебнаго года впередъ; при этомъ должны быть представлены дипломъ, метрическое свидѣтельство, удостовѣреніе о согласіи родителей или поручительство другаго лица, уполномоченнаго родителями, и указаніе мѣста жительства. Первая запись допускается только съ начала учебнаго года (съ 2-го ноября). Приложение диплома требуется потому, что въ студенты можно поступать только по выдержаніи испытаній на степень бакалавра словесности или наукъ, смотря по факультету, въ который то или другое лицо записывается. Для поступления въ студенты факультетовъ богословія, нравъ, словесности и медицины, нужно имѣть дипломъ на степень бакалавра словесности (*bachelier ès-lettres*) и, сверхъ того, для медицинскаго факультета нужно еще свидѣтельство на степень бакалавра наукъ по сокращенному экзамену изъ математики (*bachelier ès-sciences restreint*); для факультета наукъ нуженъ дипломъ на степень бакалавра наукъ (*bachelier ès-sciences*), или же, по естественному отдѣленію этого факультета, два свидѣтельства — бакалавра словесности и сокращенное по математикѣ свидѣтельство на степень бакалавра наукъ. При записи въ студенты, невѣрность въ указаніи мѣста жительства или необъявленіе о перемѣнѣ квартиры наказываются уничтоженіемъ оплаченной записи въ число студентовъ, что впрочемъ имѣетъ значеніе только денежнаго штрафа и потери нѣсколькихъ мѣсяцевъ ученія, потому что потерявшій право по своей записи можетъ опять вписаться въ число студентовъ при наступленіи срока взноса платежей за слѣдующую четверть года.

Записанные въ число студентовъ получаютъ входные билеты для посѣщенія лекцій (*cartes d'inscription*). Для посѣщенія лекцій въ качествѣ вольнослушателей (*auditeurs bénévoles*) выдаются даровые билеты за подписью декана, секретера и самаго слушателя (*cartes d'admission*). Безъ предъявленія *carte d'inscription* или *carte d'admission* законъ не дозволяетъ входить на лекцію; но, какъ будетъ указано ниже, этотъ законъ вовсе не соблюдается. Студенты и слушатели, по возможности, размѣщаются отдѣльно отъ вольныхъ слушателей, въ особиыхъ мѣстахъ аудиторіи. Два раза въ мѣсяцъ каждый профессоръ долженъ дѣлать перекличку студентовъ; если ихъ слишкомъ много, то передъ началомъ каждой лекціи дѣлается перекличка части студентовъ. Отозавшійся за отсутствующаго теряетъ право на оплаченную записи за четверть года; оказавшійся при перекличкѣ въ отсут-

ствіи два раза въ теченіе одной четверти года не можетъ получить свидѣтельства о прилежаніи (*certificat d'assiduité*), безъ котораго нельзя получить свидѣтельство о прохожденіи курса за ту четверть года (*certificat d'inscription*).

Всякое неочтеніе или непослушаніе въ отношеніи профессора или начальника заведенія наказывается потерей оплаченнаго права на одну или двѣ четверти года, по постановленію факультета, имѣющему силу окончательнаго рѣшенія; если же факультетъ назначить болѣе важное взыскаііе, то студентъ можетъ подать аппелляцію въ совѣтъ академіи (то-есть, въ совѣтъ учебнаго округа). Въ случаѣ повторенія того же проступка, студентъ исключается на время отъ отъ 6-ти мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ, но имѣетъ право подать аппелляцію въ высшій совѣтъ народнаго просвѣщенія.

Въ случаѣ шума или знаковъ одобренія или неодобренія, профессоръ обязанъ удалить виновниковъ безпорядка и сообщить о нихъ декану. Если порядокъ не возстановится этими мѣрами, лекція прерывается. Въ случаѣ повторенія шума на слѣдующихъ лекціяхъ того же профессора, студенты могутъ быть наказаны потерей права на оплаченныя ими записи, независимо отъ болѣе строгихъ взысканій, соразмѣрно винѣ.

Студентамъ воспрещается вступать въ ассоціаціи, безъ предварительнаго разрѣшенія, а равно дѣйствовать коллективно. Въ случаѣ нарушенія этого правила, виновные исключаются изъ факультета, въ важныхъ случаяхъ — даже съ лишеніемъ права поступать въ другіе факультеты.

Право слова въ аудиторіяхъ и вообще въ факультетскихъ здаііяхъ принадлежитъ только профессорамъ и вопрошаемымъ ими студентамъ. Нарушившіе это правило исключаются изъ списка студентовъ и не могутъ вновь вписаться ранѣе, какъ по истеченіи года, — независимо отъ болѣе строгихъ взысканій, смотря по характеру произнесенныхъ ими рѣчей.

Ректоръ академіи (попечитель округа) имѣетъ право отказать въ утвержденіи свидѣтельствъ способности (*certificats d'aptitude*), выдаваемыхъ студентамъ, которые были бы ему извѣстны по дурной нравственности или по буйнымъ поступкамъ внутри или внѣ заведенія. Исключеніе на время или навсегда изъ факультета, изъ всѣхъ учебныхъ заведеній учебнаго округа можетъ быть постановлено относительно студента, который, рѣчами или дѣйствіями, оскорбилъ бы религію, нравственность или правительство, или принялъ бы участіе

въ важныхъ безпорядкахъ внутри или внѣ заведенія. Смотра по обстоятельствамъ, эти взыскавія опредѣляются факультетомъ, совѣтомъ учебнаго округа или высшимъ совѣтомъ, но съ правомъ обжалованія ¹⁾).

О всѣхъ наказаніяхъ, наложенныхъ на студентовъ, и о всѣхъ сдѣланныхъ послѣдними неправильностяхъ по записямъ въ списки студентовъ и на экзаменахъ сообщается ихъ семействамъ.

Такъ какъ занятія студентовъ завершаются экзаменомъ на степень магистра и магистерскую диссертациею ²⁾, то установленныя правила для диспутовъ изложены въ томъ же статутѣ 9-го апрѣля 1825 года, которымъ донныѣ опредѣлены правила для студентовъ. Для каждаго диспута деканъ назначаетъ, изъ числа профессоровъ, президента, который разсматриваетъ диссертацию (thèse) въ рукописи, подписываетъ ее и тѣмъ принимаетъ на себя отвѣтственность за изложенныя въ ней мнѣнія относительно религіи, общественнаго порядка и нравственности. Прежде дня диспута два экземпляра тезиса должны быть представлены министру и одинъ экземпляръ начальству учебнаго округа. Если напечатанная диссертация окажется несогласною съ рукописью, подписанною президентомъ диспута, или если тезисъ напечатанъ прежде подписанія рукописи президентомъ, диспутъ отмѣняется; если же неправильности или отступленія отъ узаконеннаго порядка будутъ замѣчены послѣ диспута, то послѣдній терять всякую силу и оставляется безъ послѣдствій, дипломъ не выдается, а право написать новую диссертацию для диспута можетъ быть дано только съ разрѣшенія министра, — и все это, независимо отъ другихъ взыскавій за распространеніе вреднаго разсужденія и за нарушеніе правилъ, установленныхъ для диспутовъ ³⁾.

Общее число факультетскихъ кафедръ во Франціи (со включеніемъ кафедръ въ высшихъ школахъ фармаціи, въ приготовительныхъ школахъ медицины и фармаціи и въ приготовительныхъ школахъ къ высшему преподаванію наукъ и словесности) въ 1867 году было 678 (въ томъ числѣ 63 дополнительныхъ курса адъюнктовъ (maitres

¹⁾ Подробное изложеніе всѣхъ этихъ правилъ для студентовъ см. въ Statistique de l'enseignement supérieur, 1878, стр. 134—137.

²⁾ Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ факультетахъ и магистры обязаны продолжать слушаніе профессорскихъ лекцій для полученія степени доктора, какъ будетъ указано ниже.

³⁾ Statistique de l'enseignement supérieur, 1878, стр. 137.

auxiliaires), а въ 1878 году 942 (въ томъ числѣ 105 дополнительныхъ курсовъ и 47 maîtres de conférences, изъ числа 70-ти, въ томъ же учебномъ году исходатайствованныхъ министромъ народнаго просвѣщенія, о чемъ будетъ подробно изложено ниже).

Число лицъ, слушающихъ курсы въ качествѣ студентовъ и вольныхъ слушателей, не считается во Франціи; но ведется счетъ записей въ студенты (inscriptions), такъ какъ каждый студентъ обязанъ 4 раза въ годъ брать такія записи, со взносомъ слѣдующихъ при томъ пошлинъ. Студенческихъ записей было въ 1867 году 54,299, а въ 1876 году—55,191, изъ чего можно заключить, что всѣхъ воспитанниковъ, правильно записанныхъ въ студенты, было—въ 1867 году около 13,575, а въ 1876 году—около 13,798¹⁾.

Изъ означеннаго числа записей принадлежали къ факультетамъ:

	Въ 1867 г.	Въ 1876 г.
Правъ	20,459	18,581
Словесности	19,213	17,498
Медицины	13,888	18,515
Наукъ	408	431
Богословія	257	141
Къ приготовительнымъ школамъ наукъ и словесности.	74	25
Итого	54,299	55,191

Значительное уменьшеніе числа записей по факультетамъ юридическому и словесному объясняется дѣйствіемъ закона 12-го іюля 1875 года о свободѣ высшаго преподаванія, потому что съ тѣхъ поръ много студентовъ стало поступать въ католическіе факультеты, особенно въ пять юридическихъ факультетовъ, учрежденныхъ духовенствомъ въ Парижѣ, Анжерѣ, Лионѣ, Лиллѣ и Тулузѣ.

Впрочемъ, число экзаменовъ на разныя ученныя степени вовсе не соотвѣтствуетъ числу студенческихъ записей. Это происходитъ отъ того, что въ число факультетскихъ экзаменовъ включаются всѣ экзамены на степенъ бакалавра наукъ или словесности, а также на разныя спеціальныя званія (акушеровъ, фармацевтовъ, гербаристовъ и проч.) и на право проходить учебный курсъ (certificats de capacité), а сверхъ того, по той причинѣ, что студенты одного факультета часто обязаны брать свои записи и въ другихъ факультетахъ. Всѣхъ экза-

¹⁾ На самомъ дѣлѣ это число должно быть нѣсколько болѣе, потому что нѣкоторые студенты не возобновляютъ своихъ студенческихъ записей своевременно.

меновъ въ факультетахъ было, въ 1867 году 28,825, въ 1876 году 43,858, а именно, по факультетамъ:

	Въ 1867 г.	Въ 1876 г.
Юридическому	8,353	7,995
Словесному	7,629	16,788
Медицинскому	8,274	12,245
Физико - математическому (sciences)	4,514	6,804
Богословскому	48	26
По приготовительнымъ выс- шимъ школамъ	7	0
	28,825	43,858

Изъ числа 43,858 экзаменовъ 1876 года, 26,255¹⁾ были на степень бакалавра, удостовѣряющую объ удовлетворительномъ знаніи курса среднихъ учебныхъ заведеній для поступленія въ соответственный факультетъ, 4,746 переходныхъ экзаменовъ, годовыхъ и полугодныхъ; остальные экзамены были на ученые степени доктора и магистра (licencié), для полученія которыхъ требуется записъ въ студенческіе списки, и на разныя спеціальныя званія. Между тѣмъ какъ на степень доктора правъ было 890 экзаменовъ, а на степень магистра правъ—3,748 экзаменовъ, и на степень доктора медицины 6,650 экзаменовъ, на степень магистра словесности было только 341, на ту же степень по факультетамъ наукъ—204, и на докторскую степень по тѣмъ же факультетамъ—12 и 18 экзаменовъ.

Вслѣдствіе произведенныхъ экзаменовъ, выдано разныхъ дипломовъ—въ 1867 году 9,860, въ 1876 году—10,604, причемъ эти дипломы распредѣлялись по факультетамъ слѣдующимъ образомъ:

	Въ 1867 г.	Въ 1876 г.
Въ юридическихъ факультетахъ.	2,850	2,542
„ словесныхъ	3,446	3,445
„ медицинскихъ	1,375	1,652
„ физико-математическихъ	2,140	2,940
„ богословскихъ	46	25
„ приготовительныхъ высшихъ школахъ	3	0
	9,860	10,604

¹⁾ Изъ нихъ 16,435 по словеснымъ факультетамъ, 6,582 по факультетамъ наукъ, 3,222 по факультетамъ правъ и 16 по факультетамъ богословія.

Сборы съ каждаго студента за слушаніе лекцій и при полученіи разныхъ ученыхъ степеней весьма значительны и сполна поступаютъ въ доходъ казны; но они различны по разнымъ факультетамъ: самыя малые сборы въ богословскихъ факультетахъ и самыя большіе сборы— въ факультетахъ медицины. Вотъ подробное исчисленіе всѣхъ сборовъ съ учащихся по разнымъ факультетамъ:

1) Въ факультетахъ богословскихъ одинаковыя налоги для полученія степеней, какъ бакалавра (кандидата), такъ и магистра (*licencié*); они заключаются въ слѣдующемъ:

4 взноса за слушаніе лекцій (<i>quatre inscriptions</i>), по 5 фр. за каждую $\frac{1}{4}$ года	20 франк.
4 взноса за пользованіе книгами факультетской библіотеки (<i>droits de bibliothèque</i>) по $2\frac{1}{2}$ фр. за $\frac{1}{4}$ года.	10 „
За экзамень	10 „
За свидѣтельство способности держать экзамень (<i>certificat d'aptitude</i>)	5 „
За дипломъ	10 „
Всего	55 франк.

Для полученія степени доктора богословія должно уплатить слѣдующіе налоги:

4 взноса по 5 фр. за слушаніе лекцій (<i>4 inscriptions</i>).	20 франк.
4 взноса за пользованіе книгами (<i>droits de bibliothèque</i>)	10 „
За экзамень	10 „
За свидѣтельство способности	10 „
За дипломъ	40 „
Всего	90 франк.

Желающіе получить дубликатъ диплома на степень бакалавра или магистра взносятъ 5 франк., а за дубликатъ докторскаго диплома— 20 франковъ.

Налоги одинаковы въ богословскихъ факультетахъ католическаго и протестанскаго исповѣданій.

Изъ указаннаго числа взносовъ за записи въ студенты видно, что держать экзамень на степень бакалавра богословія можно только по прослушаніи лекцій въ продолженіи не менѣе одного года. Затѣмъ.

не менѣе какъ по году слѣдуетъ слушать лекціи передъ экзаменами на степени магистра и доктора.

2) Въ факультетахъ наукъ (физико-математическихъ и естественныхъ) обязательные налоги гораздо значительнѣе. Для полученія полной степени бакалавра (*baccalauréat complet*) необходимо сдѣлать слѣдующіе взносы:

За экзамень	40	фр.
За свидѣтельство способности.	20	"
За дипломъ	40	"
Всего	100	фр.

Желающіе получить не полную степень бакалавра наукъ, а сокращенную по математикѣ (*baccalauréat ès sciences restreint*) обязаны уплатить:

За экзамень.	30	фр.
За свидѣтельство способности.	10	"
За дипломъ.	10	"
Всего	50	фр.

Желающіе обмѣнять дипломы *de bachelier ès-sciences restreint* на *diplôme ordinaire de bachelier ès-sciences* дѣлають дополнительные взносы:

За экзамень.	10	фр.
За свидѣтельство способности.	10	"
За дипломъ.	30	"
Всего	50	фр.

Обязательные взносы для полученія степени магистра наукъ:

За 4 записки въ студенты, по 10 фр.	40	фр.
4 взноса за пользованіе книгами, по 2 фр. 50 с.	10	"
За экзамень.	40	"
За свидѣтельство способности.	20	"
За дипломъ.	40	"
Всего	150	фр.

При полученіи степени доктора наукъ должно произвести слѣдующія уплаты:

За экзамень	80	фр.
За свидѣтельство способности.	20	"
За дипломъ.	40	"
Всего	140	фр.

Кромѣ дипломовъ на степени бакалавра, магистра и доктора наукъ, факультеты наукъ выдаютъ еще удостовѣренія о способности къ прикладнымъ наукамъ (*certificats de capacité pour les sciences appliquées*): каждое изъ такихъ свидѣтельствъ обходится много дороже дипломовъ на вышеозначенныя ученыя степени. Налоги для полученія ихъ опредѣлены такъ:

Имматрикуляція	100	фр.
8 взносовъ за слушаніе лекцій, по 10 франковъ.	80	„
8 взносовъ за пользованіе книгами, по 2½ франка	20	„
2 экзамена, по 60 франк. за каждый	120	„
Удостовереніе о способности (дипломъ).	75	„
Визировка этого удостовѣренія	25	„
Всего	420	„

Сверхъ указанныхъ обязательныхъ уплатъ для полученія того или другаго диплома, на факультетахъ наукъ есть еще другіе неизбѣжные, хотя и не обязательные, взносы: 60 фр. ежегодно за слушаніе лекцій („конференцій“), недоступныхъ для публики, читаемыхъ особо опредѣленными для того профессорами, и 40 фр. ежегодно на расходы по работамъ въ лабораторіяхъ (*frais matériels de manipulations*). Желаящіе получить дубликатъ диплома бакалавра, магистра или доктора вносятъ еще 20 франк., за дубликатъ диплома на степень неполнаго бакалавра наукъ 5 фр. и за дубликатъ удостовѣренія по прикладнымъ наукамъ—12 фр. 50 с.

Изъ подробнаго исчисленія этихъ сборовъ видно, что для поступленія въ студенты факультетовъ наукъ (также какъ и для поступленія въ факультеты словесности) нужно предварительно получить степень бакалавра. Затѣмъ, для студентовъ обязательно слушаніе лекцій: не менѣе года передъ экзаменомъ на степень магистра и не менѣе двухъ лѣтъ передъ экзаменомъ на полученіе *certificat de capacité pour les sciences appliquées*.

3) Въ факультетахъ словесности, для поступленія въ студенты, нужно предварительно получить степень бакалавра словесности (*bachelier ès-lettres*), за которую уплачивается 120 фр. (за 2 экзамена 60 фр., за 2 свидѣтельства способности 20 фр. и за дипломъ 40 фр.). Для полученія степени магистра обязательно уплачиваются слѣдующіе сборы:

За 4 записи (на $\frac{1}{4}$ года каждая) въ	
студенты	40 фр.
4 взноса за пользованіе книгами.	10 "
За экзамень	40 "
За свидѣтельство способности (aptitude)	20 "
За дипломъ	40 "
Всего	150 фр.

При полученіи докторской степени уплачивается 140 фр. (80 фр. за экзамень, 20 фр. за свидѣтельство способности и 40 фр. за дипломъ).

За дубликаты дипломовъ на степени бакалавра, магистра и доктора словесности вносится по 20 фр.

Сверхъ того, всё студенты, желающіе слушать необязательныя для нихъ, но необходимыя для полученія ученыхъ степеней, конференціи особо опредѣленныхъ профессоровъ, платятъ по 60 фр. ежегодно.

Кромѣ студентовъ словеснаго факультета, лекціи этого факультета обязаны три года посѣщать всё студенты юридическаго факультета, уже получившіе степень бакалавра (les étudiants pour la licence); при этомъ каждый изъ нихъ обязанъ уплатить 12 взносовъ, по 10 фр. за каждую четверть года, всего 120 фр.

4) Въ факультетахъ правъ уплачиваемые студентами сборы гораздо значительнѣе; обязательный здѣсь срокъ слушанія лекцій продолжительнѣе, чѣмъ въ факультетахъ словесности и наукъ.

По истеченіи года по вступленіи въ юридическій факультетъ, можно держать экзамень на свидѣтельство способности (certificat de capacité en droit), нужное только для лицъ, желающихъ исполнять обязанности повѣренныхъ (pour la profession d'avoué); при этомъ уплачивается 255 фр. по слѣдующимъ предметамъ:

За 4 трехмѣсячныя записи въ студентахъ (inscriptions à 30 fr.)	120 фр.
4 взноса въ библіотеку (по $2\frac{1}{2}$ фр.)	10 "
За экзамень	60 "
За свидѣтельство способности (capacité).	40 "
За визировку этого свидѣтельства	25 "
Всего	255 фр.

Черезъ два года послѣ поступленія въ факультетъ можно получить степень бакалавра правъ (bachelier en droit) по двумъ экзаменамъ

намъ—первый экзаменъ держится не менѣе какъ черезъ годъ и не болѣе какъ черезъ полтора года по поступленіи въ факультетъ (après la 4-me inscription et avant la 7-me inscription), второй экзаменъ— по истеченіи не менѣе двухъ лѣтъ и не болѣе 2½ лѣтъ слушанія лекцій (après la 8-me inscription et avant la 11-me). Наименьшіе расходы для полученія степени бакалавра правъ:

8 трехмѣсячныхъ записей въ списки студентовъ, по 30 фр. за каждую	240 фр.
8 взносовъ за бібліотеку	20 „
За 2 экзамена по 60 фр.	120 „
За дипломъ.	100 „
Всего	560 фр.

Для полученія степени магистра правъ (безъ которой нельзя быть адвокатомъ) нужно предварительно получить степень бакалавра правъ, прослушавъ 3-й годъ лекціи факультета со взносомъ платы за 4 студенческія записи, выдержать 2 экзамена, написать и защитить диссертацию.

Для полученія степени доктора правъ нужно имѣть степень магистра, прослушать 4-й годъ лекціи факультета со взносомъ платы за 4 записи (prendre 4 inscriptions), выдержать 2 экзамена, написать и защитить диссертацию.

Пошлины одинаковы для полученія какъ степени магистра, такъ и степени доктора; онѣ заключаются въ слѣдующихъ взносахъ по каждой изъ этихъ степеней:

4 студенческихъ записи по 30 фр.	120 фр.
4 взноса за бібліотеку по 2½ фр.	10 „
За 2 экзамена по 60 фр.	120 „
За 2 свидѣтельства способности, по 40 франковъ.	80 „
За тезисъ	100 „
За свидѣтельство способности по тезису	40 „
За дипломъ	100 „
Всего	570 фр.

Необязательный, но неизбѣжный расходъ представляется еще въ ежегодномъ взносѣ по 60 фр. за слушаніе конференцій особо назначенныхъ профессоровъ. Желавшіе получить дубликатъ дипломовъ по каждой изъ 3-хъ ученыхъ степеней платятъ по 50 фр. за каждый

дублировать диплома и 12 фр. 50 с. за дублировать свидѣтельства способности (capacité) на званіе avoué.

5) Наконецъ, въ медицинскомъ факультетѣ обязательныя взносы самыя значительныя. Для поступленія въ факультеты медицины нужно предварительно предъявить дипломъ бакалавра словесности и дипломъ на степень бакалавра наукъ, сокращенную по математикѣ (diplôme de bachelier ès-sciences, restreint pour la partie mathématique), прежде первой записи въ студенты. Затѣмъ, для полученія степени доктора медицины или хирургіи, нужно не менѣе 4-хъ лѣтъ слушать лекціи факультета со взносомъ платы по 30 фр. за каждую четверть года, и съ практическими занятіями въ лабораторіяхъ, анатомическихъ театрахъ и больницахъ въ продолженіе всѣхъ 4-хъ лѣтъ; послѣ того держать 5 экзаменовъ, изъ которыхъ 2-й, 3-й и 5-й дѣлятся каждый на два испытанія. Наконецъ, въ заключеніе слѣдуетъ написать и защитить диссертацию (thèse). При всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ полагаются слѣдующіе взносы:

16 взносовъ за слушаніе лекцій (inscriptions) по 30 фр.	480 фр.
16 взносовъ за пользованіе бібліотекой, по 2½ фр.	40 „
За практическія занятія въ лабораторіяхъ и анатомическихъ театрахъ	160 „ ¹⁾
За 8 экзаменовъ, по 30 франк. за каждый	240 „
За 8 свидѣтельствъ способности для экзаменовъ, по 25 фр.	200 „
За диспутъ	100 „
За свидѣтельство способности къ диспуту	40 „
За дипломъ	100 „
Всего	1,360 фр.

Докторъ медицины, желающій получить степень доктора хирургіи, равно какъ докторъ хирургіи, желающій получить степень доктора медицины, должны выдержать дополнительный экзаменъ и защитить диссертацию по предметамъ новой спеціальности; при этомъ они должны уплачивать слѣдующіе взносы:

¹⁾ За 1-й годъ 60 франк., за 2-й и 3-й годы по 40 франк., за 4-й годъ 20 франковъ.

За экзамень	30	фр.
За свидѣтельство способности для экзамена	25	"
За диспутъ	100	"
За свидѣтельство способности по диспуту	40	"
За дипломъ	100	"
Всего		295 фр.

Не желающій получить степень доктора можетъ, послѣ 3-хъ лѣтъ пребыванія въ факультетѣ, держать экзамень на степень лекаря (officier de santé). При этомъ опредѣлены слѣдующіе взносы:

12 студенческихъ записей по 30 фр.	360	фр.
12 взносовъ за пользованіе бібліотекой	30	"
За 2 переходныхъ экзамена по 30 фр.	60	"
За 3 окончательныхъ экзамена	200	" ¹⁾
За 3 свидѣтельства способности для этихъ экзаменовъ, по 40 франк. за каждое	120	"
За дипломъ	100	"
Всего		870 фр.

Для полученія степени лекаря, поступающіе въ медицинскій факультетъ съ этою цѣлью не должны имѣть степень бакалавра, а обязаны представить только свидѣтельство въ выдержаніи экзамена грамматики (то-есть изъ предметовъ преподаванія пяти младшихъ классовъ лицеевъ). Получившій степень лекаря имѣетъ право заниматься практикой только въ томъ департаментѣ, въ которомъ оны экзаменовался; желающій практиковать въ другомъ департаментѣ долженъ держать дополнительный экзамень предъ мѣстнымъ факультетомъ, со взносомъ 210 фр. дополнительныхъ пошлинъ.

Сверхъ того, медицинскіе факультеты выдаютъ слѣдующіе дипломы:

а) фармацевта 1-го разряда, съ правомъ исполнять свою професію во всей Франціи,—общая сумма взносовъ за этотъ дипломъ—1,420 фр. (студенческія записи, взносы за бібліотеку, практическія занятія, экзамень и дипломъ);

¹⁾ За 1-й экзамень 60 франк., за 2-й и 3-й—по 70 франк.

б) фармацевта 2-го разряда, по которому сумма взносов на тѣ же предметы 1,150 фр.;

в) гербариста 1-го разряда, на каковое званіе экзаменъ и дипломъ обложены налогомъ въ 100 фр.

г) гербариста 2-го разряда,—для полученія этого званія въ Парижѣ нужно уплатить 100 фр., а въ департаментахъ 80 фр.,—при этомъ экзамены на званіе гербаристовъ касаются только свойствъ разныхъ медицинскихъ растений, способа ихъ собиранія и сушки, а разрѣшеніе держать этотъ экзаменъ не обусловлено предъявленіемъ какихъ либо свидѣтельствъ объ учебныхъ занятіяхъ (*aucune condition d'études n'est exigée pour l'admission à cet examen*);

д) акушерки 1-го разряда и акушерки 2-го разряда, — получение перваго изъ этихъ званій оплачивается взносомъ 130 фр., а втораго—25 фр., а чтобы быть допущенною до экзамена нужно умѣть читать и писать, и сверхъ того представить свидѣтельство объ успѣшныхъ занятіяхъ въ родильномъ домѣ или больницѣ подъ руководствомъ акушерки ¹⁾.

Расходъ на содержаніе всѣхъ факультетовъ во Франціи въ 1878 г. составлялъ 9.165,330 фр., въ томъ числѣ единовременное ассигнованіе 790,000 фр. на перестройку зданій медицинскаго факультета въ Парижѣ, такъ что собственно на годовое содержаніе факультетовъ въ 1878 г. было отпущено 8.375,330 фр. ²⁾. Но изъ этой суммы слѣ-

¹⁾ Подробное изложеніе правилъ для полученія разныхъ дипломовъ, съ указаніемъ всѣхъ обязательныхъ и необязательныхъ взносовъ, см. въ *Statistique de l'enseignement supérieur*, 1878 г., стр. 178, 221, 282, 335, 398, 402, 440 и 544; и въ *Annuaire de l'instruction publique*, 1879 г., стр. 459—472.

²⁾ Бюджетъ на 1878 г. былъ утвержденъ собственно въ 9.245,330 фр.; но самый финансовый законъ предписалъ изъ назначенной суммы сдѣлать сбереженіе не менѣе 80,000 фр. въ предположеніи, что нѣкоторые мѣста всегда остаются временно-вакантными, а потому ассигновано было только 9.165,330 фр. Точно такъ въ 1868 году бюджетъ былъ въ 3.935,521 фр., но предписано было сдѣлать сбереженій не менѣе 40,000 фр. и ассигновано было только 3.895,521 фр. (см. *Statistique de l'ens. sup.* 1878 г. стр. LVII). По факультетамъ цифры бюджетовъ 1878 г. и 1868 г. распредѣлялись такъ:

	1878 г.	1868 г.
Общія для всѣхъ факультетовъ расходы . . .	2.382,480 фр.	213,700 фр.
На факультеты католическаго богословія . . .	166,400 >	114,295 >
На факультеты протестантскаго богословія . . .	79,600 >	51,565 >

дуетъ исключить поступающій въ казну доходъ отъ факультетовъ по спеціальнымъ сборамъ за вписаніе въ списки студентовъ (inscriptions), за право пользованія библіотеками (droits de bibliothèque), за экзамены, диспуты, разныя свидѣтельства и за дипломы на ученые степени. Такихъ факультетскихъ сборовъ поступило въ государственное казначейство въ 1876 году 4.343,660 фр., въ 1877 году 4.478,980 фр. Поэтому, за исключеніемъ этихъ доходовъ казны, дѣйствительный ея расходъ на содержаніе всѣхъ факультетовъ въ 1878 году составлялъ около 4.031,670 или 3.896,350 фр., если неизвѣстная намъ цифра доходовъ 1878 г. ближе подходитъ къ цифрѣ того или другаго изъ двухъ предыдущихъ годовъ; но, кромѣ того, подлежитъ еще исключенію поступленіе отъ городовъ Лилля, Ліона и Бордо на содержаніе въ нихъ медицинскихъ факультетовъ, потому что эти три города обязались доплачивать казнѣ всю разницу, какая окажется по медицинскимъ въ нихъ факультетамъ между расходами на содержаніе

На факультеты правъ	1.634,000	>	1.005,626	фр.
На медицинскіе факультеты	1.821,500	>	834,500	
На факультеты наукъ	1.667,100	>	884,900	
На факультеты словесности	1.075,100	>	630,595	
На высшія школы фармаціи	419,150	>	200,400	
Всего	9.245,330	>	3.935,521	

Эти цифры можно найти въ Statistique 1878 г. стр. 171, 178, 188, 223, 286, 342, 404 и 446. На стр. 446 итогъ расходовъ 1878 г. на школы фармаціи показанъ въ 439,150 фр., но это очевидная ошлябка, доказываемая повѣркою другими цифрами. Вообще цифрами этого отличнаго изданія нельзя пользоваться безъ повѣрки, потому что въ нихъ много опечатокъ, а мѣстами есть и очевидные пропуски нѣкоторыхъ цифръ, доказываемые другими мѣстами того же изданія и указаніями другихъ изданій.

Огромная цифра расходовъ 1878 года, общихъ для всѣхъ факультетовъ (2.382,480 фр., а за исключеніемъ одновременнаго отпуска 790 т. на перестройку медицинскаго факультета, —1.592,480 фр.) составила изъ слѣдующихъ суммъ: на библіотеки 150 т., на содержаніе и возобновленіе коллекцій 217 т., строительные расходы 500 т., на конкурсы агрегацій 25 т., премія, медали, книги 15 т., переводы экзаменаціонныхъ комиссій 25 т., заготовленіе дипломовъ 15 т., недомки по сборамъ 50 т., секретарямъ приготовительныхъ школъ 5% съ суммы поступающихъ къ нимъ сборовъ 1,500 фр., приготовительной школѣ въ Шамбери 6 т., 300 стипендій по 1,300 фр.—360 т., пособия на путешествія 12 т., жалованье 70-ти особо опредѣленнымъ профессорамъ (maitres de conférences) 210 т. и на непредвидѣнные расходы 5,980 фр.

этихъ трехъ факультетовъ (около 800,000 фр.) и доходами казны по специальнымъ сборамъ въ нихъ. Къ тому-же, вышеозначенная приближительная цифра общаго дѣйствительнаго расхода на содержаніе всѣхъ факультетовъ во Франціи, за исключеніемъ поступающихъ въ казну специальныхъ сборовъ, то-есть, менѣе 4-хъ милліоновъ франковъ, достигнута только въ послѣднее время, послѣ исколатайствованія значительныхъ ассигнованій на увеличеніе профессорскихъ окладовъ и въ особенности для увеличенія числа кафедръ назначеніемъ особыхъ *maîtres de conférences* для однихъ студентовъ; а недавно цифра дѣйствительнаго расхода казны на содержанію факультетовъ была много ниже: въ 1847 году—1.155,000 фр., 1855 г.—981,000 фр., въ 1865 г.— всего 180,000 фр. Собственно по однимъ факультетамъ словесности, содержаніе ихъ во Франціи, за исключеніемъ поступленія сборовъ отъ нихъ, обошлось казнѣ въ 1847 году—216,000 фр., въ 1855 году—125,000 фр.; а въ 1865 году доходъ отъ факультетовъ словесности даже превысилъ расходы по содержанію ихъ на 52,800 фр. ¹⁾— Частыя измѣненія ассигнуемыхъ суммъ при ежегодномъ обсужденіи государственнаго бюджета несомнѣнно должны вносить разстройство въ дѣла факультетовъ; но по согласному заявленію профессоровъ и лицъ, завѣдующихъ административною частью министерства народнаго просвѣщенія, главной причиною упадка высшаго преподаванія во Франціи и неустройствъ въ факультетахъ служить присутствіе множества постороннихъ лицъ (*le grand public*) на профессорскихъ лекціяхъ.

Б. Публичность лекцій въ факультетахъ и ея послѣдствія.

Изъ подробнаго изложенія устройства факультетовъ видно, что управленіе ими находится вполнѣ въ рукахъ правительства—просвѣщенныхъ и благожелательныхъ министровъ и начальниковъ учебныхъ округовъ,—съ обезпеченною административною поддержкою, рѣшеніями и разъясненіями высшаго, окружныхъ и департаментскихъ совѣтовъ народнаго просвѣщенія и съ содѣйствіемъ достаточной и постоянно повсемѣстно дѣйствующей инспекціи, члены которой имѣютъ надлежащія знанія и административныя способности; при этомъ, какъ профессеры, такъ и студенты подчинены строгой дисциплинѣ и за

¹⁾ *Michel Bréal*, Quelques mots sur l'instruction publique en France, p. 329. Statistique de l'enseignement supérieur за 1865—1878 гг., стр. 660 и 661.

нарушеніе порядка и установленныхъ правилъ подвергаются строгимъ взысканіямъ въ административномъ порядкѣ или предаются суду. Порядокъ и отвѣтственность опредѣлены закономъ гораздо точнѣе и строже, чѣмъ у насъ. Но на самомъ дѣлѣ курсы факультетовъ идутъ очень дурно: студенты почти вовсе не посѣщаютъ лекцій и лишены возможности посѣщать ихъ, а преподаваніе даже лучшихъ и самыхъ даровитыхъ профессоровъ упало на весьма низкую степень, лекціи утратили ученый характеръ и переполняются громкими фразами, рассчитанными на эффектъ. Блескъ и эффектъ, пограсеніе слушателей, производство сильнаго впечатлѣнія на нихъ—слѣбались главными цѣлями профессоровъ, и умѣнье достигать этихъ цѣлей сдѣлалось главнымъ искусствомъ ихъ. Къ такимъ печальнымъ результатамъ привели слѣдующія обстоятельства. Статутъ 1825 г., обязавшій студентовъ аккуратно посѣщать лекціи, вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ бесплатный входъ въ аудиторіи постороннимъ слушателямъ (*auditeurs bénévoles*) по особымъ билетамъ; съ этого времени многіе стали пользоваться даннымъ правомъ. Хотя этотъ статутъ доселѣ остается въ силѣ, однако вкоренившееся и распространившееся мнѣніе, что лекціи должны быть общедоступны, и усилившееся требованіе публики, чтобы высшіе курсы были открыты для всѣхъ желающихъ, мало по малу привели къ допущенію входа безъ билетовъ, такъ какъ считалось бесполезнымъ требовать предъявленія билетовъ, которые всякій имѣетъ право получить бесплатно и безъ всякихъ затрудненій. Послѣдствіемъ этого было то, что аудиторіи стали переполняться случайными посѣтителями („un auditoire flottant et sans cesse renouvelé“, какъ выражено въ докладѣ министра Дюрюи въ 1868 г.), такъ что для студентовъ даже не оставалось мѣста въ аудиторіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось невозможнымъ имѣть какой-либо контроль надъ занятіями студентовъ, дѣлать установленную статутомъ перекличку (*appels*), предлагать вопросы (*interrogations*), задавать письменныя работы (*devoirs*); профессора и студенты не знали другъ друга, сдѣлались чужды другъ другу, не входили ни въ какое соприкосновеніе, и всякое взаимодѣйствіе профессоровъ и студентовъ совершенно утратилось и исчезло. Лекціи стали читаться не для студентовъ, а для массы публики, для случайныхъ посѣтителей. Къ тому же, учебный годъ и лекціи продолжаются слишкомъ мало времени: курсы обыкновенно открываются во второй половинѣ ноября и продолжаются до 15-го іюля, слѣдовательно менѣе 8-ми мѣсяцевъ; но и изъ этого времени слѣдуетъ исключить очень большую часть, такъ какъ всѣ экзамены на

степень бакалавра (по окончаніи курса среднихъ учебныхъ заведеній) производятся въ факультетахъ, а сверхъ того бываютъ безпрестанные перерывы лекцій по случаю экзаменовъ, конкурсовъ и диспутовъ на ученія степени *licenciés* и *docteurs* и для полученія званія *agrégés*, а также по случаю частыхъ специальныхъ экзаменовъ для полученія права заниматься разными профессіями. Факультеты учреждены не только для преподаванія, но еще болѣе для производства вслкихъ экзаменовъ и для выдачи всевозможныхъ дипломовъ: раздачи ученыхъ степеней и разрѣшеній на специальныя занятія и разныя профессіи сдѣлалось главнымъ дѣломъ факультетовъ, а преподаваніе—второстепеннымъ, во время промежутковъ между сессіями экзаменаціонныхъ комиссій, возобновляющимися четыре раза въ годъ. За исключеніемъ сессій экзаменаціонныхъ комиссій, остается слишкомъ мало времени собственно для лекцій. Но хуже всего то, что наплывъ публики, смѣняющейся и неподготовленной для слушанія серьезныхъ и ученыхъ лекцій, далъ странное направленіе и несвойственный характеръ высшему преподаванію. Имѣи передъ собою не учениковъ своихъ, а случайно собравшихся слушателей и нѣкоторыхъ постоянныхъ посѣтителей, привыкшихъ въ теченіе 10-ти или болѣе лѣтъ пріѣзжать на лекціи, какъ на концертъ или театральное представленіе, профессоръ обращаетъ преимущественное вниманіе на вышнюю отдѣлку своихъ рѣчей, часто виадаетъ въ декламацию и пріучается ловко вводить звучныя общія мѣста, вызывающія рукоплесканія ¹⁾. Зная, какъ современные вопросы интересуютъ всѣхъ и какъ они доступны массамъ публики, профессора часто изыскиваютъ предметы, соприкасающіеся

¹⁾ *Michel Bréal*, Quelques mots sur l'instruction publique en France: «Cette porte battante qui durant toute la leçon ne cesse de s'ouvrir et de se fermer, ce va-et-vient perpétuel, cet air désœuvré des auditeurs, le ton du professeur presque jamais didactique, parfois déclamatoire, ces leçons qui forment chacune un tout complet avec exorde et péroraison, cette habileté à rechercher les lieux communs sonores qui n'apprennent rien de nouveau, mais qui font infailliblement éclater les marques d'assentiment»..... «Ainsi nos facultés, privées de leur auditoire naturel, ont créé autour d'elles un auditoire de circonstance, qui s'est habitué à cette sorte d'enseignement et qui ne songe pas à s'étonner des formes extraordinaires sous lesquelles il se présente»... «On dira que c'est le génie national qui le veut ainsi. Pour moi, je pense que le même phénomène se serait produit en tout pays où l'enseignement supérieur aurait été privé de ses auditeurs véritables. Si nos facultés de droit et de médecine étaient placées demain dans les mêmes conditions, on verrait bientôt les cours dévier dans les considérations sur la légitimité de la peine de mort et sur l'existence du principe vital».

съ заботами дня, дѣлають понятныя публикѣ намеки на современныя событія или пускаются въ полемическія разсужденія; но передача научныхъ свѣдѣній сдѣлалась невозможною, потому что нужно примѣняться ко вкусу и званіямъ праздной толпы, наполняющей аудиторію,—нужно удовлетворять ея любопытство, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообразоваться со взглядами, страстями, степенью подготовки и привычками большинства слушателей. Поэтому часто произносятся краснорѣчивыя рѣчи съ блистательными выводами и заключеніями, занимательно излагаются теоріи разныя древнихъ школъ, но, конечно, безъ объясненія непонятныхъ для публики текстовъ древнихъ авторовъ, такъ какъ нельзя заниматься изслѣдованіемъ и разъясненіемъ источниковъ передъ слушателями, не знающими языка, на которомъ писали древніе авторы. На курсахъ физики дѣлается все, чтобы опыты были занимательны и производили пріятное впечатлѣніе; но профессоръ не рѣшится объяснять тригонометрическую формулу, почти ни для кого въ аудиторіи не понятную: нужно нравиться своимъ слушателямъ и въ угоду присутствующей неподготовленной публикѣ исключать изъ лекціи все, что слушателямъ должно казаться сухимъ, потому что отъ такихъ слушателей нельзя требовать прилежнаго вниманія или знанія¹⁾. По отзывамъ самыхъ компетентныхъ авторитетовъ, высшее преподаваніе во французскихъ факультетахъ, по научному своему уровню и достоинству, стоитъ гораздо ниже преподаванія въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній Франціи²⁾. Понятно, что студентамъ

¹⁾ Michel Bréal, тамъ же: «Nulle part au monde le métier de professeur n'est aussi pénible. Malgré le mérite, l'âge, les services rendus, chaque leçon est comme une nouvelle épreuve. Le professeur ne sait pas quel public il aura devant lui: il faut qu'il soit spirituel ou entraînant, il faut qu'une conclusion bien tournée laisse une impression favorable au nouveau venu qui est présent dans l'assistance et qui va le juger sur une leçon. Plus redoutables encore sont les auditeurs anciens, qui suivent le cours depuis 4, 5, 10 ans; il ne faut pas qu'ils aient à constater le déclin du professeur; le cours doit être sans cesse renouvelé pour ces juges exigeants... «La pure conséquence d'un tel état des choses contre nature, c'est que ceux mêmes qui ont le plus à en souffrir finissent par s'y habituer, au point d'en devenir les défenseurs... Nous verrons probablement des professeurs prendre la parole pour vanter nos cours ouvert à tout venans et nos leçons oratoires... Le travail d'érudition est devenu étranger à quelques unes de nos facultés des lettres».

²⁾ Cournot, Des institutions d'instruction publique en France; Michel Bréal, Quelques mots sur l'instruction publique en France.

Cournot: «L'enseignement que nous continuons d'appeler supérieur, parce qu'il

нечему научиться на подобныхъ лекціяхъ, и они рѣдко посѣщаютъ ихъ, не находя и отдѣльныхъ мѣстъ въ аудиторіяхъ, какъ слѣдовало бы по статуту; но, по странному противорѣчію, они обязаны слушать эти курсы и платять, какъ показано выше, значительныя пошлины въ пользу государственнаго казначейства за право слушать эти лекціи и присутствовать при опытахъ и практическихъ упражненіяхъ, такъ какъ, безъ взноса *droits d'inscription et d'exercices pratiques*, они не будутъ допущены къ экзаменамъ и не получатъ степеней *licencié, agrégé* и *docteur* (съ уплатою при этомъ *droits d'examens, droits de diplômes* и *certificats de capacité*, какъ выше подробно изложено). Правда, на факультетахъ юридическихъ и медицинскихъ, менѣе интересующихъ публику и которыхъ дипломы не только имѣютъ академическое значеніе, но и предоставляютъ право заниматься разными профессіями,—приливъ записавшихся студентовъ, аккуратно посѣщающихъ лекціи, весьма значителенъ. За то всѣ указанныя неудобства представляются въ самой высшей степени въ факультетахъ словесности и наукъ: съ одной стороны, на эти факультеты записывается мало студентовъ, потому что для производимыхъ этими двумя факультетами испытаній на степень бакалавра *ès-lettres* и *ès-sciences*, составляющихъ только повѣрку знаній, пріобрѣтенныхъ въ классическихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, не требуется записи въ студенты, а число лицъ, ищущихъ степени магистра для получения права преподаванія въ лицейхъ и коллегіяхъ, сравнительно весьма не велико. Никакія мѣры для увеличенія числа студентовъ на этихъ двухъ факультетахъ не имѣли успѣха, и въ ихъ аудиторіяхъ собираются только случайные посѣтители въ качествѣ благосклон-

se donne dans des facultés, est obligé le plus souvent de rester beaucoup au dessous par le niveau scientifique, de l'enseignement que nous appelons secondaire et qui est donné dans les hautes classes des lycées. On a des cours de littérature ancienne où il faut sauver par toutes les grâces du langage, par toutes les finesses oratoires, la citation de quelques lignes, de quelques mots de latin ou de grec ou des cours de physique ou rien n'est épargné pour l'effet agréable des expériences, mais on n'oserait écrire, ni surtout discuter une formule trigonometrique; car on a affaire à un auditoire auquel il faut plaire, et de qui l'on ne peut raisonnablement attendre une application fatigante».

N. Bréal: «Dans nos Facultés ce ne sont ni des défauts, ni des faiblesses qui frappent l'observateur, c'est une déviation de l'enseignement, une difformité due à une croissance irrégulière... Il est évident que pour constituer un enseignement il faut deux personnes: le maître et l'élève. Or, l'élève manque à nos facultés des lettres, et par son absence il a faussé la leçon du maître».

ныхъ слушателей („ces établissements, réduits au rôle de tribunaux d'examen, acceptent comme une compensation du petit nombre de leurs élèves la clientèle précaire et parfois inquiétante d'assistants de tout sexe et de tout âge“) ¹⁾.

Непормальность такого положенія высшего преподаванія давно сознается большинствомъ профессоровъ и лицами, поставленными во главѣ управленія общественнымъ преподаваніемъ во Франціи. Не имѣя возможности устранить публику отъ посѣщенія лекцій, считая такое устраненіе противнымъ требованіямъ общественнаго мнѣнія, нѣкоторые изъ министровъ народнаго просвѣщенія, предлагали среднія мѣры. Въ докладѣ отъ 15-го ноября 1868 г. тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Дюрюи предлагалъ увеличеніе еженедѣльнаго числа профессорскихъ лекцій, съ тѣмъ чтобы на нѣкоторыя изъ нихъ постороннія лица не допускались ²⁾. Вообще министръ Дюрюи заявлялъ о необходимости большихъ преобразованій, чтобы дать профессорамъ факультетовъ „de véritables élèves, au lieu d'un auditoire flottant et sans cesse renouvelé“; но онъ не рѣшился предложить закрытіе курсовъ для публики, а предложилъ только, сверхъ публичныхъ лекцій для всѣхъ желающихъ, открыть „des leçons didactiques destinées à la jeunesse studieuse“, съ устраненіемъ публики отъ посѣщенія этихъ лекцій. Съ этою же цѣлью, позднѣе, министръ народнаго просвѣщенія Барду исходатайствовалъ законъ 5-го ноября 1877 г. объ учрежденіи особыхъ 70 кафедръ для конференцій (conférences) особо назначаемыхъ профессоровъ (maîtres de conférences) исключительно для однихъ студентовъ, съ платою за слушаніе этихъ лекцій по 60 фр. въ годъ; хотя посѣщеніе конференцій и не сдѣлано обязательнымъ (какъ видно изъ приведеннаго выше списка обязательныхъ платежей), однако очевидно, что, при установившемся характерѣ обязательныхъ лекцій, студенты не могутъ обходиться безъ добровольной записи на конференціи. Этими конференціямъ указаны двѣ цѣли: во-первыхъ, подкрѣпить преподаваніе ординарныхъ profes-

¹⁾ Rapport au président de la République du ministre de l'instruction publique, des cultes et des beaux-arts Bardoux, составленный и напечатанный въ концѣ 1878 года.

²⁾ «En Allemagne, des hommes tels que Boeckh, Ritschl, Welcker, Ranke, Ranmer, avaient ou ont, par semaine, de 8 à 10 et même 12 heures de cours.... Il ne s'agit pas d'astreindre nos professeurs de facultés à autant de cours; mais il serait utile de revenir à la règle des trois leçons par semaine: l'une pour le public, les deux autres pour les élèves».

соровъ репетиціями и практическими упражненіями (*maitres de conférences répétiteurs*); во-вторыхъ, дополнить курсы факультетовъ прибавкою новыхъ кафедръ (*maitres de conférences chargés d'un enseignement particulier*), такъ какъ во многихъ факультетахъ число профессоровъ недостаточно—иногда не болѣе 5 или даже 4. Въ первомъ случаѣ, *les maitres de conférences* получаютъ направленіе и указанія отъ профессоровъ, къ кафедрамъ которыхъ они прикомандированы; во второмъ случаѣ они ведутъ свое преподаваніе по программѣ, представленной ими декану и одобренной совѣщательнымъ комитетомъ и министромъ. Эти преподаватели назначаются министромъ на одинъ годъ, по истеченіи котораго кафедры могутъ быть вновь поручены имъ же. Нормальное жалованье имъ назначено по 3,000 фр. въ годъ. Не записанные въ списки студентовъ не допускаются на конференціи, которыя непременно сопровождаются вопросами профессора студентамъ, сочиненіями и конкурсами. На мѣста *maitres de conférences* назначаются только *agrégés* факультетовъ (причисленные къ факультету по конкурсу, послѣ полученія докторской степени) или, за недостаткомъ *agrégés*, доктора и даже магистры (*licenciés*), но съ тѣмъ, чтобы послѣдніе представили докторскую диссертацию въ теченіе 1-го года службы, до возобновленія ихъ назначенія на 2-й годъ. Конференціи продолжаются цѣлый учебный годъ, по три часовыхъ урока въ недѣлю.

Приводя въ исполненіе законъ 5-го ноября 1877 г., министръ Барду обратился къ начальникамъ учебныхъ округовъ съ объяснительнымъ циркуляромъ отъ 20-го марта 1878 г., напоминая, что имъ принадлежитъ управленіе заведеніями высшаго преподаванія и надзоръ за ними; что они имѣютъ право, по своему усмотрѣнію, присутствовать на факультетскихъ собраніяхъ и созывать эти собранія для обсужденія программъ каждаго курса и для согласованія отдѣльныхъ курсовъ между собою. Министръ обращалъ особенное вниманіе ректоровъ учебныхъ округовъ на то, что постороннія лица вовсе не допускаются на конференціи, предписывая доносить ему о каждомъ отступленіи отъ этого правила, необходимаго для успѣха въ занятіяхъ студентовъ („*que le va-et vient des passants ne viendra plus interrompre*“). Далѣе, министръ излагалъ слѣдующія соображенія, хорошо опредѣляющія факультетскіе порядки во Франціи. „Въ нѣкоторыхъ факультетахъ студенты слишкомъ многочисленны, чтобы могла образоваться связь между профессоромъ и его учениками; въ другихъ заведеніяхъ никакія сношенія между профессоромъ и его учениками не возможны

по случаю наплыва постороннихъ слушателей. Во многихъ мѣстахъ, вслѣдствіе захвата аудиторій публикою, лекціи совершенно утратили дидактический характеръ и обратились въ торжественныя сессіи, въ которыхъ профессоръ, поставленный передъ посторонними лицами, озабоченъ только тѣмъ, чтобы угодить ихъ вкусу и ихъ любопытству¹⁾.... Гдѣ еще, кромѣ нашихъ факультетовъ, видимъ мы курсы, открытые для публики, безъ всякихъ предосторожностей? Въ учебныхъ заведеніяхъ другихъ вѣдомствъ допускаются ли въ аудиторіи, какъ у насъ, слушатели обоихъ половъ, всѣхъ происхожденій, всякаго возраста, — и такая свобода доступа можетъ ли быть оправдана тѣмъ, что въ факультетахъ высшее преподаваніе? На возраженіе, что въ другихъ вѣдомствахъ школы спеціальныя, нельзя не замѣтить, что факультеты правъ и медицины и школы фармаціи тоже спеціальныя школы, да и самые факультеты словесности и наукъ не имѣютъ ли главною задачею — приготовленіе магистровъ и докторовъ? Сознаемся, что обычай публичности лекцій, какъ она устроена у насъ, обременителенъ для насъ, понижаетъ наше преподаваніе, приноситъ учениковъ въ жертву публикѣ и не доставляетъ пользы никакимъ интересамъ²⁾. Заклучая, министръ говорить, что, на основаніи (сохраняющаго доселѣ силу) статута 9-го апрѣля 1825 г., нельзя воспретить входъ въ аудиторіи слушателямъ по бесплатнымъ входнымъ билетамъ, но что необходимо защитить аудиторію отъ прохожихъ, дабы они не заходили на лекціи случайно и безъ всякой цѣли. Такимъ образомъ, и Барду, какъ прежде Дюрки, сознавая весь вредъ публичности лекцій, не рѣшился предложить устраненіе публики изъ аудиторій, а ограничился тѣмъ, что дополнилъ бесполезныя лекціи профессоровъ, получающихъ по 15,000 фр. жалованья (при двухъ часахъ лекцій въ недѣлю), недоступными для публики конференціями особыхъ преподавателей съ жалованьемъ только по 3,000 фр. (при трехъ лекціяхъ въ недѣлю). Впрочемъ, онъ принялъ мѣры, чтобы мѣста *maitres de conférences* непремѣнно предоставлялись моло-

1) «En plus d'un lieu et par le seul effet de l'envahissement de nos amphithéâtres par le public, les leçons perdent tout caractère didactique pour n'être plus que des séances d'apparat, dans lesquelles le professeur, mis en présence d'étrangers, se préoccupe de satisfaire leur goût et leur curiosité».

2) Circulaire du 20 mars 1878 въ Statistique de l'enseignement supérieur, стр. 155 («le régime des leçons publiques, tel qu'il est pratiqué, nous est onéreux, il diminue notre enseignement, il sacrifie les élèves au public, et cela sans profit pour aucun intérêt certain»).

дымъ ученымъ, ожидающимъ профессорскихъ кафедръ, и служили испытаніемъ для нихъ (une carrière de début), указывая, что многіе изъ факультетскихъ профессоровъ (professeurs titulaires), жалующихся на трудность приготовленія и для двухъ лекцій въ недѣлю, выражаютъ желаніе, сверхъ того, принять на себя обязанности maîtres de conférences, но соединеніе нѣсколькихъ кафедръ въ одномъ лицѣ вообще не желательно (ces emplois n'ont été aucunement créés pour favoriser un nouveau cumul), особенно при недостаточномъ числѣ членовъ въ нѣкоторыхъ факультетахъ, не превышающемъ иногда 5-ти и даже 4-хъ (nombre dérisoire et presque inavouable). Малое число профессоровъ въ нѣкоторыхъ факультетахъ объяснялось тѣмъ, что до послѣдняго времени жалованье профессоровъ состояло изъ двухъ суммъ: неизмѣннаго оклада (traitement fixe) и добавочнаго (traitement éventuel), пропорціональнаго числу студентовъ и числу экзаменовъ, на которыхъ присутствовалъ каждый профессоръ (droits de présence); поэтому принятіе новыхъ членовъ въ факультетъ имѣло послѣдствіемъ уменьшеніе жалованья каждаго изъ прежнихъ профессоровъ, которые по этой причинѣ противились вступленію новыхъ членовъ въ факультетъ („les droits de présence étant distribués également entre les professeurs, ceux-ci n'acceptaient qu'avec répugnance des créations de nouvelles chaires qui devaient avoir pour première conséquence une diminution de leur revenu“). Но съ тѣхъ поръ какъ декреты 14-го и 15-го января 1876 г. соединили вознагражденія, получаемыя профессорами, въ одинъ неизмѣнный окладъ, число кафедръ въ факультетахъ увеличивается. Въ циркулярѣ 20-го марта 1878 г. министръ указываетъ, что законъ 2-го апрѣля 1841 г. назначилъ только по двѣ лекціи въ недѣлю (вмѣсто прежнихъ трехъ) вслѣдствіе ходатайствъ профессоровъ, заявлявшихъ о необходимости долгихъ приготовленій къ каждой лекціи, а между тѣмъ многіе профессора желаютъ занять по двѣ и даже по три кафедры („s'en trouve-t-il beaucoup qui se refusent à accepter une seconde et une troisième chaire, dans la crainte de compromettre la préparation du premier enseignement qui leur a été confié?“). По § 3 закона 5-го ноября 1877 г., одни студенты допускаются на конференцію (les élèves inscrits dans les facultés sont seuls admis à suivre les conférences“), а по § 4 конференціи непременно сопровождаются вопросами студентамъ и допускаютъ письменныя работы и конкурсы для учащихся (les conférences sont nécessairement accompagnées d'interrogations adressées par le professeur aux élèves, ou échangées entre les élèves sous sa direction;

elles peuvent donner lieu à des compositions ou à des concours). Въ циркулярѣ отъ 20-го марта 1878 г. министръ напоминаетъ о частномъ характерѣ конференцій, непременно сопровождаемыхъ тѣми способами контроля (переключки, письменныя работы и вопросы), которыя сначала были обязательны и на факультетскихъ лекціяхъ, но послѣ были оставлены вслѣдствіе прилива публики: на конференціяхъ обязательно слѣдить постоянно за занятіями и прилежаніемъ каждаго студента, такъ какъ эти конференціи учреждены только для студентовъ и должны служить для нихъ средствомъ къ приобретенію знаній, въ виду тѣхъ налоговъ, которые они обязаны уплачивать въ государственное казначейство ¹⁾).

Въ отчетѣ президенту республики въ концѣ 1878 г., тотъ же министръ Барду указываетъ, что съ 1841 г. въ факультетахъ словесности и наукъ число лекцій каждаго профессора назначено по двѣ въ недѣлю, вмѣсто прежде бывшихъ трехъ, подъ предлогомъ трудности приготовленій къ каждой лекціи („les laborieuses préparations“), но, не смотря на то, профессора находятъ возможнымъ заимать по нѣсколько кафедръ; что, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, при позднемъ открытіи курсовъ и при безпрестанныхъ перерывахъ ихъ отпусками и экзаменаціонными сессіями, преподаваніе продолжается отъ 4-хъ до 5-ти мѣсяцевъ въ теченіе года, такъ что каждый профессоръ читаетъ не болѣе какъ отъ 32-хъ до 40 лекцій въ годъ, между тѣмъ какъ за границу профессора читаютъ по 5-ти и по 6-ти лекцій ежедневно, не будучи отвлекаемы отъ преподаванія посторонними заботами, внушаемыми во Франціи присутствіемъ публики на лекціяхъ. Заключение министра то, что смѣшеніе воспитанниковъ съ публикою на лекціяхъ представляетъ опасность, которую законодательство обязано устранить во что бы то ни стало ²⁾; что необходимо принять

¹⁾ «Nous ne saurions oublier que dans toutes nos facultés les étudiants sont soumis à des droits d'inscriptions, d'exercices pratiques, d'examens et de diplomes versés par eux au compte du trésor public. N'est-il pas de toute justice que les étudiants, frappés ainsi d'un impôt qui compense dans une notable portion les sacrifices de l'Etat, aient en toute circonstance le pas sur le public et ne lui soient pas sacrifiés?»

²⁾ «Cette étrange confusion des élèves proprement dits, venus pour s'instruire et qui payent chacun des actes de leur scolarité, avec ce qu'on nomme «le grand public», est un danger que la législation en projet devra, à tout prix, faire disparaître.» «On a fait remarquer qu'à l'étranger, où le mouvement des productions scientifiques et littéraires ne semble pas se ralentir, les professeurs des universités

мѣры, чтобы пропуски или отсрочки лекцій не допускались безъ законныхъ причинъ и безъ разрѣшенія министра; что, наконецъ, необходимо пересмотрѣ законоположеній о трехъ сессіяхъ въ году для экзаменовъ на степени бакалавра наукъ и словесности, дабы мѣсяцы апрѣль, іюль и ноябрь не были временемъ, потеряннымъ для преподаванія. Кромѣ того, министръ жалуется, что въ нѣкоторыхъ факультетахъ, не смотря на ограниченное число еженедѣльныхъ лекцій, распространился обычай полугодовой продолжительности курсовъ каждаго профессора. Наконецъ, въ томъ же отчетѣ, министръ Барду упоминаетъ о необходимости охранить власть, права надзора и контроля начальства учебныхъ округовъ и генеральныхъ инспекторовъ по всѣмъ дѣламъ, касающимся преподаванія и дисциплины, и если не расширить установленныя закономъ права администраціи, то по крайней мѣрѣ обезпечить точное исполненіе существующихъ по этому предмету узаконеній ¹⁾.

Указанные безпорядки, укоренившіеся въ высшемъ преподаваніи Франціи, сознаются не только высшею учебною администраціею, но и самими профессорами факультетовъ. Я говорю не только объ от-

font par semaine jusqu'à cinq et six leçons. Il est vrai qu'à l'étranger les auditoires sont exclusivement composés d'élèves inscrits, d'où cette conséquence, que les professeurs sont dégagés de toute préoccupation étrangère à leur enseignement; tandis qu'en France, contrairement aux statuts, nos professeurs sont mis en présence d'auditeurs de tout sexe, de tout âge, de toute origine, qui pénètrent librement dans les amphithéâtres pour suivre et quitter nos leçons à leur gré» (стр. LXXVII).

¹⁾ D'un autre côté, si des lois toujours en vigueur attribuent aux recteurs et aux inspecteurs généraux, représentants du ministre Grand Maître de l'Université, les droits de contrôle et de censure les plus étendus, il me paraîtrait désirable, si non de les accroître, du moins d'en assurer l'exercice continu par des recommandations formelles, et par une surveillance assez fréquente pour qu'il ne fût permis à personne de les contredire ou de les mettre en oubli. Il est incontestable, en effet, qu'à cette heure, par suite des changements de régime, des législations superposées et trop souvent contradictoires, ces droits ont été notablement atténués; et que si nos études ont été compromises c'est beaucoup moins par les ingérences abusives de l'administration que par la variété des habitudes, accommodées, dans la plupart des cas, aux convenances des individus plutôt qu'aux intérêts de l'enseignement» (стр. LXX). При этомъ г. Барду напоминаетъ, что еще въ 1837 году тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Сальванди жаловался на неполученіе точныхъ свѣдѣній «des faits qui peuvent intéresser les études et la discipline», причемъ Сальванди заявлялъ, что «cet état de choses ne peut durer, et il importe de resserrer les liens affaiblis du corps universitaire».

зываютъ отдѣльныхъ лицъ, какъ, на примѣръ, въ интересномъ сочиненіи профессора французской коллегіи (нынѣ генеральнаго инспектора) Мишеля Бреала (*Quelques mots sur l'instruction publique en France*, 1873 г.), но и объ официальныхъ заключеніяхъ факультетскихъ совѣтовъ относительно публичности лекцій. По случаю изданія закона 12-го іюля 1875 г. о свободѣ высшаго преподаванія, были затребованы мнѣнія факультетовъ о желаемыхъ улучшеніяхъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: не смотря на разнообразіе во взглядахъ, почти всѣ факультеты заявили, что посѣщеніе лекцій должно бы быть обязательнымъ для студентовъ и что слѣдовало бы посвятить имъ по крайней мѣрѣ часть лекцій каждаго профессора, съ уменьшеніемъ числа его публичныхъ лекцій ¹⁾.

15-го марта 1879 г. нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія Ферри представилъ въ палату депутатовъ проектъ закона, имѣющаго цѣлью дать болѣе твердое устройство управленію высшимъ преподаваніемъ, усилить вліяніе правительства на это преподаваніе и контроль надъ нимъ ²⁾. Этотъ проектъ закона имѣлъ двѣ цѣли: во-первыхъ, устранить отъ преподаванія неразрѣшенныя духовныя конгрегаціи, которыя, пользуясь закономъ 12-го іюля 1875 г., основали много факультетовъ и среднихъ учебныхъ заведеній подъ видомъ ассоціацій для содержанія училищъ, и, во-вторыхъ, подчинить вліянію и контролю правительства всѣ частныя учебныя заведенія и ввести порядокъ въ факультетскомъ преподаваніи. Хотя ст. 7 проекта (о воспрещеніи преподаванія неразрѣшеннымъ религіознымъ конгрегаціямъ), принятая палатой депутатовъ, не была утверждена сенатомъ, однако республиканское правительство приняло мѣры для устра-

¹⁾ Заключение Парижскаго факультета наукъ: «L'assiduité des élèves aux travaux pratiques devrait être obligatoire, et, pour certaines sciences, il serait avantageux de leur consacrer une partie des leçons du professeur, en diminuant d'autant le nombre des leçons faites en chaire et destinées à un auditoire mixte. Ces dernières leçons sont utiles pour répandre dans le public certaines connaissances scientifiques; mais elles ne suffisent pas à l'instruction des étudiants, car beaucoup de questions ne peuvent y être traitées avec assez de détails, et les développements qu'il conviendrait de leur donner seraient souvent intelligibles pour la plupart des personnes qui fréquentent nos amphithéâtres».

²⁾ Chambre des Députés, deuxième législature, session de 1879, № 1239, annexe au procès-verbal de la séance du 15 mars 1879. Projet de loi relative, à la liberté de l'enseignement supérieur, présenté par M. Jules Ferry, ministre de l'instruction publique et des Beaux-Arts.

ненія этихъ конгрегацій отъ преподаванія, пользуясь существующимъ воспрещеніемъ имъ пребыванія во Франціи: всѣ же остальные статьи проекта приняты, какъ палатой депутатовъ, такъ и сенатомъ, а потому теперь начинается переустройство высшихъ учебныхъ заведеній государственныхъ и частныхъ. Главныя статьи этого закона, утвержденнаго только въ настоящемъ году ¹⁾ (послѣ моего возвращенія изъ послѣдней поѣздки во Францію), заключаются въ слѣдующемъ. Экзамены и практическія испытанія положено производить исключительно въ правительственныхъ факультетахъ, подчинивъ воспитанниковъ правительственныхъ и частныхъ высшихъ учебныхъ заведеній одинаковымъ правиламъ относительно возраста, ученыхъ степеней, записки въ число студентовъ, практическихъ упражненій, промежутковъ между экзаменами и уплаты пошлинъ въ казну. Записку въ число студентовъ въ установленные сроки опредѣлено дозволить только въ списки государственныхъ факультетовъ, даже для слушанія лекцій въ частныхъ заведеніяхъ, съ отпѣною пошлинъ за внесеніе въ сказанные списки, но съ возвышеніемъ взносовъ за экзамены и за дипломы, а всѣ ученые степени предоставлять только лицамъ, подвергавшимся конкурсу или экзаменамъ предъ государственными факультетами. Самыя названія *universités*, *facultés* и даже *écoles publiques* предоставлены исключительно заведеніямъ, содержимымъ государствомъ или городами; заведенія же, основанныя или содержимыя частными лицами или ассоціями, не могутъ имѣть другихъ наименованій, какъ *écoles libres*. Открытіе отдѣльныхъ курсовъ оставлено на основаніяхъ и съ соблюденіемъ формальностей, указанныхъ въ законѣ 12-го іюля 1875 г. (о свободѣ высшаго преподаванія). Въ объяснительной запискѣ (*exposé des motifs*) къ проекту закона, при изложеніи подробностей и поводовъ, министръ указываетъ, что въ продолженіи почти 30 лѣтъ оспаривались права государственной власти въ дѣлахъ преподаванія, что настала пора прямо и ясно объявить и защитить эти права правительства; что и республиканское правительство не можетъ отречься отъ своего права высшаго руководства въ воспитаніи юношества; что нельзя допустить, подъ предлогомъ преподаванія, безъ объявленной программы, безъ контроля, безъ ограниченій относительно возраста слушателей, читать публичныя лекціи о чемъ кому вздумается; что, въ интересъ порядка, въ интересъ успѣшности учебныхъ

¹⁾ Писано въ 1880 году.

заведеній, нельзя дозволить, чтобы профессоръ читалъ лекціи при открытыхъ дверяхъ ¹⁾).

Какъ всѣ эти соображенія, такъ и множество вопросовъ, возбужденныхъ въ объяснительной запискѣ (безъ указаній на предполагаемый способъ ихъ разрѣшенія), показываетъ, что за этимъ закономъ должны послѣдовать многія другія узаконенія для полнаго переустройства, какъ высшаго преподаванія, такъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Такъ смотрятъ во Франціи на значеніе закона Ферри. Вслѣдъ за утвержденіемъ его, уже состоялся новый законъ о составѣ и правахъ высшаго совѣта народнаго просвѣщенія, ожидавшійся въ продолженіи болѣе года.

В. Учрежденіе особыхъ высшихъ курсовъ для студентовъ. Спеціальныя высшія школы.

1) Практическая школа высшихъ наукъ.

Пока переустройство факультетовъ еще не совершенно, принимаются мѣры, чтобы дополнить факультетское преподаваніе учрежденіемъ осо-

¹⁾ «La liberté d'enseignement et le contrôle de l'enseignement sont deux choses fort différentes; en fait d'enseignement surtout, le contrôle de l'état est le contre-poids et la justification de la liberté, et c'est pur sophisme de conclure de la concurrence dans les études à la concurrence dans les commissions d'examen.... Les difficultés qui se sont produites sont assez sérieuses pour que les pouvoirs publics se tiennent pour avertis. Du reste notre conviction ne se déduit pas des difficultés nées ou à naître; c'est un principe, que la présente loi a pour objet d'affirmer, de revendiquer et de défendre. La loi de 1875 a été le dernier terme de la campagne ouverte dans notre pays, depuis bientôt 30 ans, contre les droits du pouvoir civil dans les choses de l'enseignement. Il est temps de remonter résolument une pente funeste. Pas plus qu'aucun des gouvernements qui l'ont précédé, le gouvernement républicain ne doit abdiquer son droit de haute direction de la jeunesse française»...

«Nous n'admettons pas que l'on puisse, sous prétexte d'enseignement, sans programme avoué, sans contrôle d'aucune sorte, sans condition d'âge pour l'auditoire prendre publiquement la parole sur le premier sujet venu. Dans ce dernier cas, toutes les précautions que les lois ont sagement prises pour séparer le domaine de la politique du domaine de l'enseignement proprement dit doivent intervenir... Il est nécessaire, dans l'intérêt de l'ordre et des études, que le professeur n'enseigne pas toutes portes ouvertes, qu'il ait pour ses leçons des heures fixes et qu'il demeure soumis à la déclaration préalable»..

Все это говорится о свободныхъ факультетахъ, бывшихъ подъ надзоромъ правительства и нынѣ подчиняемыхъ еще болѣе строгому контролю посредствомъ производства экзаменовъ исключительно въ правительственныхъ факультетахъ.

быхъ, недоступныхъ для публики, заведеній для приготовленія спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ знаній. Выше было указано на учрежденіе 70 дополнительныхъ кафедръ подъ названіемъ конференцій, для преподаванія при факультетахъ, и только для однихъ студентовъ. Больше полное осуществленіе этой мѣры является въ учрежденіи Практической школы высшихъ наукъ (École pratique des hautes études), основанной по декрету 31-го іюля 1868 г., вслѣдствіе доклада министра народнаго просвѣщенія Дюрюи. Эта школа устроена въ Парижѣ, при нѣсколькихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и научныхъ учрежденіяхъ, зависящихъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, а также при нѣкоторыхъ заведеніяхъ въ департаментахъ ¹⁾, для практическихъ упражненій рядомъ съ теоретическимъ преподаваніемъ. Школа раздѣляется на 4 отдѣленія: 1) математики, 2) физики и химіи, 3) естественной исторіи и физиологіи, 4) наукъ историческихъ и филологическихъ. Каждое отдѣленіе управляется особымъ директоромъ (въ 1-мъ и 4-мъ отдѣленіяхъ *directeurs d'études*, во 2-мъ и 3-мъ — *directeurs de laboratoires*). Для допущенія въ эту школу не полагается никакихъ условій относительно возраста, ученой степени или національности; но всѣ кандидаты, временно допускаемые директорами отдѣленій, подчиняются трехмѣсячному испытанію и окончательно принимаются по заключенію постоянной комиссіи, состоящей при каждомъ отдѣленіи, и съ разрѣшенія министра. Записанные воспитанники школы остаются въ ней 3 года и посѣщаютъ публичныя лекціи профессоровъ, частныя конференціи (тѣхъ же профессоровъ или репетиторовъ) и учебныя лабораторіи; вмѣстѣ съ тѣмъ для нихъ обязательны самостоятельныя работы. Первые два отдѣленія посѣщаютъ лучшіе заводы, а въ 3-мъ устраиваются научныя экскурсіи. Иногда лучшіе репетиторы и воспитанники посылаются министромъ за границу; нѣкоторымъ воспитанникамъ даются ежегод-

¹⁾ Конференціи и упражненія Практической школы доселѣ были открыты при профессорскихъ кафедрахъ въ Сорбоннѣ, въ Collège de France, въ музей естественной исторіи при парижскихъ факультетахъ наукъ и медицины, въ École centrale des arts et manufactures, въ высшей нормальной школѣ, въ саду медицинскаго факультета, въ школѣ фармаціи и при нѣкоторыхъ зоологическихъ, физиологическихъ, геологическихъ, метеорологическихъ и химическихъ лабораторіяхъ и станціяхъ въ разныхъ мѣстахъ Франціи; нѣкоторыя конференціи происходили и на дому у профессоровъ. Научное преподаваніе, изгнанное изъ факультетовъ наукъ и словесности наплывомъ публики, ищетъ себѣ пріюта повсюду, гдѣ возможно.

ныя пособія. Лучшіе воспитанники школы могутъ быть освобождаемы отъ магистерскаго экзамена, съ разрѣшеніемъ прямо подвергаться испытаніямъ на докторскую степень. — Воспитанники *Ecole normale supérieure*, кончившіе въ ней курсъ, и лица, получившія званіе *agrégé* (сверхъ докторской степени), могутъ быть прикомандировываемы министромъ къ тому или другому отдѣленію практической школы на два года въ качествѣ адъюнктовъ, репетиторовъ или лаборантовъ, съ вознагражденіемъ отъ 1,200 до 2,000 фр. въ годъ. Впрочемъ, многіе профессора другихъ высшихъ учебныхъ заведеній читаютъ лекціи въ школѣ и руководятъ въ ней научными упражненіями (за особое вознагражденіе). Кромѣ учебныхъ лабораторій (*laboratoires d'enseignement*), при практической школѣ должны быть устроены особыя лабораторіи для научныхъ изысканій (*laboratoires de recherches*); но открытіе лабораторій для профессорскихъ изысканій долго откладывалось за недостаткомъ помѣщеній. Входъ постороннихъ лицъ на конференціи школы совершенно воспрещенъ. При концѣ каждаго учебнаго года директоры конференцій подробно доносятъ министру о занятіяхъ каждаго воспитанника.

На всѣ расходы практической школы ежегодно отпускаются 300,000 фр., распределеніе которыхъ (на дополнительное жалованье профессорамъ, на вознагражденіе репетиторовъ, на расходы лабораторій и на печатаніе изданій школы) каждый годъ производится высшимъ совѣтомъ школы, съ утвержденія министра. Конференціи открываются постепенно, по мѣрѣ надобности и возможности, сообразно средствамъ и имѣющимся помѣщеніямъ. Въ настоящее время открыты по отдѣленію математики 2 конференціи, по физикѣ и химіи 19 лабораторій, по естественнымъ наукамъ 31 лабораторія и по отдѣленію исторіи и филологіи 25 конференцій. Аккуратное посѣщеніе лекцій обязательно для всѣхъ воспитанниковъ, принятыхъ въ практическую школу.

Основатель этой школы, министръ народнаго просвѣщенія Дюрюи, желалъ и высказывалъ необходимость полнаго преобразованія высшего преподаванія; но, не надѣясь на успѣхъ при господствовавшихъ мнѣніяхъ и при неизбежномъ противодѣйствіи, онъ началъ преобразованія съ устройства практической школы, которая, по выраженію министра Бардү (въ отчетѣ 1878 года), находится вездѣ и нигдѣ („*l'école des hautes études n'avait à proprement parler de résidence en aucun lieu et était partout*"). Въ самомъ докладѣ Дюрюи ясно высказана цѣль учрежденія—присоединеніе практическихъ занятій къ теорети-

ческимъ лекціямъ и руководство въ занятіяхъ молодыхъ ученыхъ, съ указаніемъ, что установленіе непосредственныхъ отношеній между профессоромъ и студентами невозможно на публичныхъ лекціяхъ ¹⁾. Практическая школа состоитъ только изъ дополнительныхъ лекцій и практическихъ занятій, недоступныхъ для публики и сдѣлавшихся необходимыми вслѣдствіе разстройства обыкновенныхъ факультетскихъ лекцій наплывомъ постороннихъ лицъ. По удостовѣренію министра Бардю, десятилѣтній опытъ показалъ, что устроенная министромъ Дюрюи школа постепенно развивается и оправдываетъ надежды, возлагавшіяся на нее основателемъ ея ²⁾.

Въ 1878—1879 учебномъ году ассигнованные на содержаніе школы 300 т. фр. были распределены слѣдующимъ образомъ: расходы на изданія 20,000 фр., отопленіе и освѣщеніе 10,000 фр., непредвидѣнные расходы 2,000 фр.; по отдѣленію математики преподавателямъ 12,000 фр. (2 ренетитора и 1 редакторъ бюллетеня); по отдѣленію

¹⁾ Rapport de M. Duruy de juillet 1868: «Il serait inutile de se dissimuler que notre enseignement supérieur promet plus qu'il ne donne, non par la faute des professeurs, mais par celle de nos mœurs scolaires. Les maîtres s'adressent à un public qui peut varier à chaque leçon, et qui, venu pour écouter pendant une heure une parole habile, serait rebuté par l'aridité d'exercices purement didactiques. Ils sont donc préoccupés de donner à leurs leçons une forme très-étudiée. Le temps qu'ils consacrent à ce travail est loin d'être perdu, et ces leçons élégantes, spirituelles, parfois éloquentes, souvent même applaudies, coutume que je verrais sans peine disparaître, élèvent le niveau de l'instruction générale et maintiennent heureusement le goût des études patientes et difficiles.... Que nos facultés continuent donc d'appeler à elles de nombreux auditeurs, mais donnons leur aussi le moyen de retenir auprès de leurs chaires et de former de véritables élèves. L'enseignement s'adressant à ces derniers changera de caractère: l'élève ne demande pas, comme l'auditeur de passage, qu'on l'émeuve et qu'on lui plaise, mais qu'on l'instruise.... Cet auditoire assidu ne sera peut-être pas considérable, surtout au début; mais pour une instruction sévère, dix élèves travaillant avec le professeur valent mieux que cent auditeurs qui écoutent et passent».

²⁾ Rapport de 1878, p. LX: «Depuis 1869, l'administration supérieure a continué de se diriger vers le but que se proposait d'atteindre le fondateur de l'école. De nouvelles constructions ont déjà permis, ou permettront demain, d'ouvrir dans toutes les facultés des laboratoires d'élèves; des réglemens d'administration publique ont rendu obligatoires les travaux pratiques qui jusqu'alors n'étaient que facultatifs; soixante-dix emplois de maîtres de conférences ont été créés. Il nous est donc permis de croire que, si le public peut continuer de trouver dans les leçons ouvertes à tous un emploi salubre de ses loisirs, les élèves des établissements de l'état trouveront de leur côté, dans des exercices d'un caractère plus intime, les ressources spéciales et les encouragements qui leur sont si légitimement dus».

физики и химіи, преподавателямъ 45,000 фр. (15 профессоровъ, изъ нихъ одинъ вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ профессоромъ въ Сорбоннѣ, а другой—въ высшей нормальной школѣ) и на расходы лабораторій учебныхъ и устроенныхъ для изслѣдованій 67,000 фр.; по отдѣленію естественныхъ наукъ — на жалованье преподавателямъ 45,000 фр. (22 профессора) и на расходы по лабораторіямъ и коллекціямъ 57,000 фр.; по отдѣленію исторіи, филологіи и археологіи преподавателямъ 42,000 фр. (11 профессоровъ, 3 адъюнкта и 12 репетиторовъ). Предметы преподаванія по послѣднему отдѣленію: 1) египетскія древности (1 каѳедра); 2) греческія филологія и древности (4 каѳедры); 3) латинская филологія (3 каѳедры); 4) римскія древности и эпиграфія (2 каѳедры); 5) романскіе языки (2 каѳедры); 6) языки персидскій и семитическіе (2 каѳедры); 7) санскритскій языкъ (2 каѳедры); 8) нѣмецкій языкъ (1 каѳедра); 9) исторія (4 каѳедры); 10) сравнительная грамматика (1 каѳедра); 11) восточная археологія (2 каѳедры) и зендскій языкъ (1 каѳедра); 12) кельтическіе языки и литература (1 каѳедра).

2. Высшая нормальная школа.

Изъ высшихъ учебныхъ заведеній Франціи, изыгныхъ изъ общаго устройства и управленія факультетовъ, особенно замѣчательна Парижская высшая учительская или нормальная школа (*École normale supérieure*), предназначенная для приготовленія профессоровъ, по предметамъ наукъ и словесности, для среднихъ учебныхъ заведеній (лицеевъ), но также приготовляющая профессоровъ и для факультетовъ. Она помѣщается въ нарочно построенномъ для нея обширномъ и отлично приспособленномъ зданіи, недалеко отъ Сорбонны, rue d'Ulm. Я нѣсколько разъ посѣщаль это заведеніе въ ноябрѣ 1879 г., благодаря рекомендаціямъ профессора Рамбо (*chef du cabinet* министра народнаго просвѣщенія) и г. Греара (*vice-recteur* Парижскаго учебнаго округа), а также благодаря любезной предупредительности тогдашняго директора этой школы г. Версо (*Bersot*), который допустилъ меня присутствовать при занятіяхъ профессоровъ и воспитанниковъ, обязательно ссужалъ мнѣ даже свои рукописныя замѣтки касательно устройства школы и хода ея занятій, и давалъ мнѣ всѣ нужныя разъясненія, не смотря на его болѣзненное состояніе, уже нѣсколько лѣтъ продолжавшееся. Съ прискорбіемъ я прочиталъ въ газетахъ, что г. Версо скончался чрезъ нѣсколько недѣль послѣ моего отъѣзда

изъ Парижа. Онъ пользовался общимъ уваженіемъ во французскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, въ кругу ученыхъ и въ средѣ воспитанниковъ, и былъ членомъ важнѣйшихъ административныхъ комиссій, состоящихъ при министерствѣ ¹⁾. Нормальная школа была много ему обязана своими успѣхами и цвѣтущимъ состояніемъ; онъ былъ ей душевно преданъ, говорилъ о ея устройствѣ съ большимъ удовольствіемъ и любовью; при его управленіи, занятія школы шли съ большимъ успѣхомъ, порядокъ же въ ней былъ образцовый. На мѣсто г. Берсо директоромъ высшей нормальной школы назначенъ г. Fustel de Coulange,—одинъ изъ лучшихъ профессоровъ, на котораго министерство возлагаетъ большія надежды для дальнѣйшаго преуспѣянія школы.

Начало нормальной школѣ положено очень давно, и она подвергалась многимъ измѣненіямъ, пока получила теперешнее устройство. Еще въ 1762 году, по устраненіи иезуитовъ отъ преподаванія, постановленіемъ 3-го сентября Парижскій парламентъ опредѣлилъ учредить „une maison d'institution pour les maîtres“. Декретомъ конвента отъ 31-го октября 1794 г. положено, съ тою же цѣлью, открыть въ Парижѣ une école normale ²⁾. Въ органическомъ декретѣ 17-го марта 1808 г. говорится о нормальномъ пансіонѣ (pensionnat normal, тамъ же называемомъ также и école normale) для 300 воспитанниковъ, которые должны записаться въ Collège de France и въ политехнической школѣ подъ руководствомъ репетиторовъ, для повто-

¹⁾ Какъ высоко цѣнили г. Берсо мы извѣстно изъ отзывовъ гг. Рамбô, Греара и нѣкоторыхъ профессоровъ. Предмѣстникъ теперешняго министра народнаго просвѣщенія, г. Бардъ, отзывался о немъ слѣдующимъ образомъ въ 1878 году, въ опубликованномъ отчетѣ президенту республики: «Ce grand établissement, dont les études et la tenue intéressent à un si haut degré la fortune de notre enseignement public, a été placé en 1871 sous la direction d'un homme que son caractère et son talent désignaient entre tous pour ce haut emploi. Sous la conduite de ce chef respecté, l'école a montré ce que peut la passion intelligente du travail, jointe au sentiment du devoir professionnel; et, tandis que la plus exacte discipline se maintenait parmi les élèves sans aucun effort apparent, leurs succès dans les épreuves de la licence et dans les concours de l'agrégation témoignaient de la continuité de leur application et du dévouement infatigable de leurs maîtres».

²⁾ Подлинныя выраженія декрета: «une école normale, où seront appelés, de toutes les parties de la République, des citoyens déjà instruits dans les sciences utiles, pour apprendre, sous les professeurs les plus habiles dans tous les genres l'art d'enseigner».

ренія прежде пройденнаго „et pour se former à l'art d'enseigner“. Собственные профессора (maîtres de conférences) являются въ школѣ съ 1810 г. Закрытая въ 1822 году и возобновленная въ 1826 году, но только при лицѣ Louis-le-Grand (подъ названіемъ école préparatoire), школа съ 1830 года вновь получаетъ отдѣльное существованіе и названіе École normale. Теперешній составъ и устройство ея определены декретами 30-го октября 1830 г., 17-го іюня 1831 г., 18-го февраля 1834 г. и 19-го августа 1836 г.; названіе Supérieure прибавлено въ 1845 году. Помѣщеніе школы окончено постройкою въ 1847 году.

Въ нынѣшнемъ положеніи своемъ, нормальная школа непосредственно подчинена министру народнаго просвѣщенія, который назначаетъ ея директора и профессоровъ (maîtres de conférences). Воспитанники принимаются въ школу по конкурсу, подвергаясь испытаніямъ письменнымъ (при управленіи учебнаго округа) и устнымъ (въ самой школѣ); принимаются только природные Французы, пользующіея всеми гражданскими правами; они обязуются, послѣ окончанія курса, прослужить 10 лѣтъ въ профессорской должности. Всѣ воспитанники — паціонеры; для нихъ учреждено 110 стипендій (съ 1830 года—120), распределяемыхъ между занимающимися словесностью или науками (физико-математическими), смотря по числу предвидимыхъ вакантныхъ преподавательскихъ мѣстъ по тому и другому отдѣламъ преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Курсъ ученія трехлѣтній. Назначеніе школы — готовить учителей по обоимъ главнымъ разрядамъ (lettres et sciences) преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, соотвѣтственно чему школа раздѣляется на два отдѣленія—словесности и наукъ. Никто не можетъ быть профессоромъ лиція, не получивъ по экзамену степень магистра (licencié) и по конкурсу званіе agrégé; никто не можетъ быть профессоромъ факультета, не получивъ, сверхъ того, степень доктора. Поэтому, занятія школы готовятъ къ экзамену на степень магистра и потомъ къ конкурсу на званіе agrégé, а могутъ вести и къ испытанію на степень доктора; но воспитанники подвергаются экзаменамъ не въ самой нормальной школѣ, а въ факультетахъ. Воспитанники отдѣленія словесности обязаны держать въ Сорбоннѣ экзамены на степень магистра по окончаніи 1-го курса школы; воспитанники же отдѣленія наукъ держатъ магистерскіе экзамены по наукамъ математическимъ и физическимъ въ два приѣма—по окончаніи 1-го и по окончаніи 2-го курса, тоже въ Сорбоннѣ. По полученіи магистерскаго

диплома ¹⁾ и по окончаніи трехлѣтняго курса, воспитанники являются на конкурсъ агрегацій лицеевъ. Агрегаціи лицеевъ бывають по одному изъ слѣдующихъ 9-ти предметовъ: въ отдѣленіи словесности, по предметамъ грамматики, словесности, философіи, исторіи и языковъ нѣмецкаго или англійскаго ²⁾, а въ отдѣленіи наукъ по математикѣ, физикѣ и естественной исторіи. Самая агрегація есть конкурсъ по числу предвидимыхъ вакантныхъ профессорскихъ мѣстъ въ лицеехъ по разнымъ предметамъ или кафедрамъ лицейскаго преподаванія. Въ 1879 году на конкурсы агрегацій представились до 400 магистровъ, изъ которыхъ по письменнымъ испытаніямъ были выбраны около 130 лицъ, а изъ послѣднихъ, по экзаменамъ, около 60 лицъ получили званіе *agrégés* съ правомъ преподавать въ лицеехъ тѣ или другіе предметы, въ тѣхъ или другихъ классахъ, смотря по агрегаціи каждаго. Первые испытанія называются приготовительными (*épreuves préparatoires*) и продолжаются 4 часа для переводовъ и 7 часовъ для прочихъ письменныхъ работъ, для которыхъ испытуемые приносятъ съ собою только лексиконы греческой и латинской или таблицы логоризмовъ; удовлетворительно окончившіе письменныя испытанія вносятся въ особый списокъ, по которому допускаются къ окончательнымъ испытаніямъ (*épreuves définitives*), числомъ отъ двухъ до четырехъ, по разнымъ агрегаціямъ. Послѣднее окончательное испытаніе заключается въ одномъ или двухъ пробныхъ урокахъ, послѣ 24-хъ часовъ приготовленія. Для испытаній на агрегаціи имѣются подробныя правила, утвержденныя 24-го февраля 1869 г. и обнимающія собою требованія, порядокъ и послѣдовательность въ производствѣ испытаній, какъ по вышеозначеннымъ 9-ти родамъ агрегацій, такъ и для полученія права преподаванія въ спеціальныхъ классахъ лицеевъ (*enseignement secondaire spécial*, соответствующее нашимъ реальнымъ училищамъ); сверхъ того, ежегодно составляются министерствомъ болѣе подробныя программы, съ указаніемъ произведеній и сочиненій, объясненія которыхъ должно требовать.—Точно такъ, имѣющіе ученую степень доктора подвергаются испытаніямъ агре-

¹⁾ Не удостоенные магистерскаго диплома въ вышеуказанные сроки, воспитанники школы могутъ являться на слѣдующее испытаніе *de licence* (на магистерскую степень); но, до полученія этого диплома, они не допускаются до занятій 2-го курса въ нормальной школѣ.

²⁾ Впрочемъ, нормальная школа не готовится къ агрегаціямъ по новымъ языкамъ, слѣдовательно въ ней готовятся къ конкурсамъ для 4-хъ агрегацій по отдѣленію словесности и для 3-хъ агрегацій по отдѣленію наукъ.

гаціи факультетовъ для полученія, по конкурсу, званія *agrégé près les facultés de droit, de médecine, des sciences ou des lettres*: подробныя правила для факультетскихъ агрегаціонныхъ конкурсовъ утверждены 16-го ноября 1874 г.

Занятія двухъ младшихъ курсовъ отдѣленія словесности нормальной школы происходятъ исключительно въ самой школѣ, а воспитанники 3-го курса дополняютъ занятія школы посѣщеніемъ указанныхъ имъ лекцій въ Сорбоннѣ, въ *Collège de France* и въ практической школѣ высшаго преподаванія; въ отдѣленіи наукъ воспитанники всѣхъ 3-хъ курсовъ, сверхъ занятій въ школѣ, слушаютъ нѣкоторыя лекціи въ Сорбоннѣ и во французской коллегіи. На 3-мъ курсѣ воспитанники кажлаго отдѣленія раздѣляются на нѣсколько отдѣловъ (математики и физики ¹⁾ въ отдѣленіи наукъ, грамматики, словесности, философіи и исторіи въ словесномъ отдѣленіи), соответственно специальной агрегаціи, къ которой каждый воспитанникъ готовится.

Занятія въ школѣ имѣютъ характеръ и носятъ названіе конференцій: воспитанники не только слушаютъ и записываютъ лекціи профессора, но профессоръ дѣлаетъ имъ вопросы, а воспитанники съ своей стороны могутъ просить разъясненій у профессора, обсуждаютъ, какія поправки нужно сдѣлать въ исполненныхъ практическихъ работахъ и въ письменныхъ изложеніяхъ (обыкновенно, самостоятельныя изслѣдованія по спеціальнымъ вопросамъ). По установленной очереди воспитанники читаютъ лекціи на заданные предметы передъ профессоромъ и своими товарищами; по окончаніи лекціи, профессоръ дѣлаетъ свои замѣчанія, а на слѣдующій день прочіе воспитанники дѣлаютъ возраженія читавшему лекцію. Воспитанники отдѣленія наукъ даютъ нѣкоторые уроки воспитанникамъ словеснаго отдѣленія, готовящимся къ агрегаціи философіи, такъ какъ для этой агрегаціи нужно имѣть степень бакалавра наукъ.

Въ каждомъ отдѣленіи школы есть особый надзиратель (*maitre surveillant*), и, сверхъ того, для обоихъ отдѣленій есть главный надзиратель (*surveillant général*), исполняющій обязанности цензора (по

¹⁾ Хотя въ нормальной школѣ отдѣленіе наукъ на 3-мъ курсѣ дѣлится только на эти два отдѣла, однако желающіе подвергнуться испытанію на агрегацію по естественнымъ наукамъ должны получить еще степень магистра естественныхъ наукъ (*la licence ès-sciences naturelles*); а полученіе степеней магистра математики и магистра физики (*la licence mathématique et la licence physique*) обязательно для всѣхъ воспитанниковъ отдѣленія наукъ.

нашему, инспектора). Обыкновенно эти три лица избираются изъ числа бывшихъ воспитанниковъ, кончившихъ курсъ школы и продолжающихъ занятія въ ней для приготовленія къ испытанію на степень доктора. Въ обоихъ отдѣленіяхъ каждый курсъ имѣетъ своего *chef de section* изъ лучшихъ воспитанниковъ, а сверхъ того, назначается одинъ общій *chef de section* для воспитанниковъ всей школы; въ это званіе опредѣляется воспитанникъ, съ наибольшимъ отличіемъ окончившій 2-й курсъ словеснаго отдѣленія, — онъ служитъ представителемъ всѣхъ воспитанниковъ предъ начальствомъ школы. Правила дисциплины въ интернатѣ и вообще въ нормальной школѣ очень подробны, строги и опредѣлительно выражены; порядокъ въ школѣ въ ея пансіонѣ и на конференціяхъ отлично соблюдается, а правила дисциплины въ точности исполняются. Впрочемъ, воспитанники пользуются правомъ выходить изъ школы по четвергамъ и воскресеньямъ. Они имѣютъ много свободы и самостоятельности въ занятіяхъ, согласно призванію и вкусу каждаго. Тѣмъ не менѣе, ежедневно собирается дисциплинарный совѣтъ (помощникъ директора, главный надзиратель и два надзирателя) для обсужденія всѣхъ происшествій, бывшихъ наканунѣ, и для опредѣленія мѣры взысканій въ потребныхъ случаяхъ.

По окончаніи курса и по полученіи званія *agrégé*, нѣкоторые воспитанники остаются при школѣ въ качествѣ *agrégés-préparateurs*, чтобы готовить докторскую диссертацию, съ помощью совѣтовъ своихъ прежнихъ профессоровъ и при пособіи богатой школьной библиотеки, состоящей изъ 60,000 томовъ (50,000 по словесности и 10,000 по наукамъ). Состоящіе при школѣ въ качествѣ *agrégés-préparateurs* имѣютъ помѣщеніе въ школѣ и получаютъ содержаніе въ 1,500 фр., сверхъ 600 фр., получаемыхъ по званію *agrégé* до полученія профессорскаго мѣста въ какомъ-нибудь лицейѣ. Изъ *agrégés-préparateurs* отдѣленія наукъ нѣкоторые исполняютъ обязанности лаборантовъ и библиотечарскихъ помощниковъ.

Бюджетъ нормальной школы на всѣ годовые расходы ея былъ: въ 1868 году 307,610 фр., въ 1878 году—383,210 фр., въ 1879 году—392,100 фр., а на 1880 годъ онъ опредѣленъ въ 436,500 фр. Сумма бюджета 1880 года (436,500 фр.) дѣлится на содержаніе личнаго состава (258,950 фр.) и на хозяйственные расходы (177,550 фр.). Въ суммѣ на содержаніе личнаго состава (*traitement du personnel*) значатся слѣдующіе оклады жалованья: директору 12,000 фр. (при отличной квартирѣ), директорскому помощнику (*sous-directeur*) 3,000

франк. (сверхъ 10,000 фр. профессорскаго оклада за 4 урока физики), главному надзирателю 5,500 фр., двоимъ надзирателямъ по 3,300 фр.; размѣръ жалованья каждаго профессора зависитъ отъ числа его конференцій въ недѣлю, считая по 2,500 фр. за каждую конференцію (въ 1½ часа), причѣмъ каждый профессоръ имѣетъ отъ одной до 4-хъ конференцій въ недѣлю, сообразно съ тѣмъ получая отъ 2,500 до 10,000 фр. жалованья въ годъ. Профессоры нѣмецкаго и англійскаго языковъ получаютъ по 3,000 фр. при трехъ урокахъ въ недѣлю. Изъ двухъ директоровъ химическихъ лабораторій, одинъ получаетъ 4,000 фр. (*chimie physiologique*), другой 1,500 фр. (*manipulations chimiques*). Шесть *agrégés-préparateurs*, учитель рисованія и учитель черченія получаютъ по 1,500 фр. каждый, учитель пѣнія 700 франк., эковомъ 2,100 фр., расходчикъ 1,000 фр. Общій итогъ расходовъ на содержаніе личнаго состава, по бюджету 1880 года, увеличился на 22,400 фр. противъ предыдущаго года (въ 1879 году было 236,550 фр.); это произошло отъ увеличенія профессорскихъ окладовъ съ 8,500 фр. до 10,000 фр. за 4 урока въ недѣлю.—Въ суммѣ на хозяйственныя расходы, составляющей 177,550 фр., значатся: на лабораторіи 17,400 фр., на рисованію 400 фр., на экскурсіи 500 фр., на коллекціи 5,900 фр., на библіотеку 5,600 фр., на канцелярскіе расходы 650 фр., на содержаніе сада 600 фр., на содержаніе 120-ти пансіонеровъ 132,000 фр. (120 стипендій по 1,100 фр., а въ 1879 году было 110 стипендій по 1,000 фр., всего 110,000 франк.), на пищу 29-ти служащихъ 14,500 фр. Ассигнованная сумма на содержаніе пансіонеровъ (132,000 фр.) и на пищу служащихъ (14,500 фр.), всего 146,500 фр., дополняется особыми спеціальными доходами школы (всего, по смѣтѣ доходовъ, 24,880 фр., въ томъ числѣ проценты на отпущенныя суммы, помѣщаемыя въ банкъ, 4,500 фр., и 300 фр. отъ продажи обѣденныхъ остатковъ, *produit de la desserte*; кромѣ того въ числѣ означенныхъ 24,880 фр. спеціальныхъ доходовъ значатся—взнось троихъ своекоштныхъ пансіонеровъ 3,300 фр., потому что, сверхъ 120-ти казенныхъ пансіонеровъ (*boursiers*), состоятъ теперь трое своекоштныхъ пансіонеровъ (*pensionnaires libres*), также плата отъ пользующихся столомъ 31 служащихъ 15,500 фр. и плата 5-ти репетиторовъ за завтраки 1,500 фр. Такимъ образомъ, за прибавкою 24,880 фр. спеціальныхъ доходовъ, общая сумма прихода на содержаніе воспитанниковъ и на столъ служащихъ составляетъ 171,380 фр.; расходовъ же по пансіону предположено 166,985 фр. 90 савт., и показанъ предвидимый остатокъ въ 4,394 фр.

10 сант. Мы считали полезнымъ подробно привести всѣ эти цифры, чтобы показать какъ стоимость содержанія высшей нормальной школы, такъ и отличительныя особенности въ способѣ составленія смѣты, въ счетоводствѣ и въ хозяйственныхъ порядкахъ по содержанію французскихъ учебныхъ заведеній и ихъ пансіоновъ.

Такъ какъ каждый воспитанникъ нормальной школы имѣетъ много своихъ особыхъ, самостоятельныхъ занятій, отдѣльно отъ прочихъ воспитанниковъ, и всѣ они готовятъ свои очередныя лекціи, то, разумѣется, они обязаны посѣщать небольшое число лекцій. Вотъ распредѣленіе конференцій по отдѣленію словесности. Въ 1-мъ курсѣ всего 13 конференцій въ недѣлю: по 3 урока языковъ греческаго (профессоръ Tournier), латинскаго (проф. Goumy) и французскаго (проф. de la Coulonche), и по 2 урока философіи (проф. Ollé-Laprune) и древней исторіи (проф. Desjardins). Во 2-мъ курсѣ лекціи тоже всѣ въ школѣ, и всего только 10 конференцій въ недѣлю: по 2 урока изъ исторіи литературъ греческой (проф. Weil), латинской (проф. Boissier) и французской (проф. Pétit de Julleville), изъ исторіи философіи (проф. Boutroux) и изъ исторіи средних вѣковъ (проф. Lavisse). 3-й курсъ подраздѣленъ на 4 отдѣла по спеціальностямъ агрегацій, къ которымъ тѣ или другіе воспитанники готовятся къ концу года: по отдѣлу словесности еженедѣльно 3 урока въ школѣ и 7 въ вышеуказанныхъ трехъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (Sorbonne, Collège de France и Ecole pratique des hautes études); по отдѣлу грамматики—3 урока въ школѣ и 5 внѣ ея; по отдѣлу исторіи—4 конференціи въ школѣ и 4 внѣ ея; по отдѣлу философіи—2 урока въ школѣ и 4 внѣ ея. Всѣ предметы конференцій въ четырехъ отдѣлахъ 3-го курса приравнены къ тому, что обязанъ преподавать каждый особый профессоръ въ лицахъ—всѣ предметы преподаванія, кромѣ математики, въ младшихъ лицейскихъ классахъ (classes de grammaire), собственно словесности (французской, латинской и греческой), отдѣльно преподаваемой въ среднихъ и старшихъ классахъ (classes de littérature или classes d'humanités), исторіи и географіи, преподаваемыхъ особыми профессорами въ среднихъ и высшихъ классахъ лицеевъ, и философіи, преподаваемой особымъ профессоромъ въ старшемъ лицейскомъ классѣ.

Чтобы дать понятіе о характерѣ занятій и порядкѣ лекцій или конференцій въ нормальной школѣ, считаю излишнимъ описать нѣкоторыя изъ конференцій, на которыхъ я присутствовалъ.

- 1) Конференція по французскому языку профессора de la Coulon-

ше, на 1-мъ курсѣ. Тутъ происходило чтеніе старинныхъ французскихъ писателей, съ замѣчаніями относительно значенія и происхожденія многихъ словъ, особенно малоупотребительныхъ или вышедшихъ изъ употребленія или же нынѣ употребляемыхъ въ другомъ значеніи. По поводу слово *métiers*, по старинной орѳографіи *mestiers*, профессоръ вошелъ въ подробныя объясненія вообще о французскомъ правописаніи, изложилъ исторію борьбы орѳографическихъ системъ этимологической и фонетической, указалъ на измѣненія, произведенныя въ XVI вѣкѣ въ правописаніи вслѣдствіе изученія латинскаго языка и на прибавку многихъ лишнихъ, не произносимыхъ буквъ, примѣнительно къ латинскимъ корнямъ, причемъ привелъ много примѣровъ (*subject, exempt, poids, savoir, devoir, traict, février, corps, temps, teste, honneste, advocat, advenir, baptême, doigt* и проч.). Потомъ профессоръ упомянулъ о протестѣ противъ вставки безполезныхъ буквъ со стороны школы Port-Royal'я, предложившей правило, *que toute figure doit marquer un son prononcé et qu'on ne doit pas prononcer ce qui n'est pas écrit*: профессоръ исторически прослѣдилъ, по разнымъ изданіямъ Академическаго словаря, постепенныя уступки фонетической системѣ и обычаю, происшедшія отклоненія отъ этимологической системы во многихъ словахъ и оставшіяся доселѣ несообразности и противорѣчія въ теперешнемъ правописаніи, упомянувъ о необходимости соблюдать постепенность въ исправленіяхъ и измѣненіяхъ; между прочимъ, онъ изложилъ исторію и поводы введенія буквы *y* грес, а также буквъ *u* и *v* вмѣсто прежде употреблявшейся одной буквы *v* съ различнымъ произношеніемъ. Присутствовавшіе воспитанники 1-го курса (числомъ 25) подробно записывали лекцію профессора.

2) Въ томъ же 1-мъ курсѣ, на конференціи по древней исторіи профессора Desjardins, я видѣлъ другіе приемы и другія особенности въ преподаваніи. Сначала профессоръ читалъ лекцію объ исторіи Египта, начертавъ на доскѣ карту этой страны, объяснивъ географическое положеніе ея и его вліяніе на исторію Египта, а также подробно коснувшись открытій Шамполіона. Потомъ вошли 5 воспитанниковъ 3-го курса (отдѣла исторіи), и одинъ изъ нихъ прочелъ воспитанникамъ 1 го курса лекцію о греческихъ колоніяхъ въ Азіи. Онъ привелъ показанія Геродота, Діодора и Страбона и изложилъ мифы и нѣкоторые нѣмецкихъ историковъ; потомъ приступилъ къ изложенію собственной гипотезы, объясняя первыя выселенія колонистовъ изъ Греціи переселеніемъ народовъ съ сѣвера, напоромъ ихъ на дориче-

скія, іоническія и эолійскія племена („sous la pousse des peuplades du Nord“), а позднѣйшія колоніи Грековъ объясняя цѣлями торговыми. Эта лекція, подобно другимъ лекціямъ воспитанниковъ школы, составляетъ трудъ самостоятельный и оригинальный, хотя многія заключенія лектора не имѣли твердыхъ доказательствъ, а подробности не достаточно разработаны; во всякомъ случаѣ она доказывала знакомство съ источниками и умѣнье пользоваться ими. Возражая лектору, профессоръ указалъ, что просвѣщеніе въ іоническихъ колоніяхъ Малой Азіи предшествовало просвѣщенію въ самой Греціи, окруженной варварскими племенами, между тѣмъ какъ въ Малой Азіи цивилизація была давно распространена финикійскими колоніями; онъ упомянулъ также о религіозной связи колоній съ метрополією, поддерживавшей взаимодѣйствіе ихъ другъ на друга. Читавшій лекцію воспитанникъ положилъ передъ собою на столъ приготовленную тетрадь, но рѣдко смотрѣлъ въ нее, и только для справокъ объ именахъ и цифрахъ и для приведенія цитатъ. Вообще воспитанники 3-го курса привыкли владѣть словомъ,—легко, отчетливо и правильно излагаютъ свои мысли, безъ помощи тетрадокъ; даръ слова составляетъ общее достоинство между ними. Это замѣчательная общая черта воспитанниковъ нормальной школы, готовящихся большею частью къ должностямъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній. Ничего подобнаго у насъ нѣтъ, потому что у насъ обращается мало вниманія на развитіе въ учащихся способности легко и правильно излагать мысли въ устной импровизаціи, между тѣмъ какъ во Франціи объ этомъ заботятся съ младшихъ классовъ лицея. Дѣлая замѣчанія на прочитанную воспитанникамъ лекцію, профессора нормальной школы обыкновенно обращаютъ вниманіе и на внѣшнюю обстановку лекціи, на интонацію голоса, жестыкуляцію, на симметричность и соразмѣрность отдѣльныхъ частей лекціи, на продолжительность чтенія. Впрочемъ, читающій воспитанникъ всегда владетъ часы на столъ передъ собою и часто справляется съ ними, чтобы соразмѣрить лекцію съ предписанною ему продолжительностью оной, чтобы кончить ее къ данному сроку, безъ сокращеній и безъ растягиваній въ концѣ. У насъ, напротивъ того, даже учителя гимназій часто не умѣютъ справиться съ своевременнымъ окончаніемъ урока: иногда не усиѣваютъ въ срокъ окончить урокъ, долго остановившись на отдѣльной его части, а иногда не знаютъ, чѣмъ наполнить урокъ до конца часа. Какъ ни второстепенны эти недостатки, нельзя не согласиться, что они не остаются безъ послѣдствій для завѣтій гимназистовъ.

3) Я нашелъ весьма интересными двѣ конференціи ученаго и даровитаго профессора философіи Boutroux. Первая конференція, по исторіи философіи, для воспитанниковъ 2-го курса, но въ присутствіи также 8-ми воспитанниковъ отдѣла философіи 3-го курса, была лекціей самого профессора о Беконѣ: отличительныя особенности Бекона, высокія и слабыя стороны его ученія, сравненіе его съ Декартомъ—были мастерски, подробно и весьма занимательно очерчены въ оживленномъ изложеніи. Другая конференція была для воспитанниковъ отдѣла философіи 3-го курса: это была читанная однимъ изъ воспитанниковъ лекція по психологіи, съ изложеніемъ и опроверженіемъ ученій нѣмецкихъ и англійскихъ школъ реализма, направленныхъ къ объясненію психическихъ явленій фізіологическими причинами. Все это воспитанникъ излагалъ импровизаціей, то-есть не читая по тетрадкѣ, а имѣя передъ собою только нѣсколько памятныхъ листковъ, которые послѣдовательно и незамѣтно перекладывалъ; лекція продолжалась болѣе часа. Потомъ профессоръ возражалъ, указывая на важность результатовъ для психологіи, достигнутыхъ нѣмецкими фізіологическими изслѣдованіями. Въ отвѣтахъ воспитанника на эти возраженія обнаружилось много начитанности и основательнаго изученія новѣйшихъ изслѣдованій.

4) Какъ примѣръ конференціи по древнимъ языкамъ, можно привести конференцію профессора Boissier по римской литературѣ, для воспитанниковъ отдѣла словесности 3-го курса. Одинъ изъ воспитанниковъ объяснялъ посланіе Горация, съ замѣчаніями историческими и филологическими, причемъ профессоръ и присутствовавшіе воспитанники внаскоку писали отрывки для возраженій. По поводу словъ Горация о римской трагедіи, лекторъ говорилъ о ея зачаткахъ, объясняя ея отличія отъ греческихъ образцовъ, и всего болѣе распространялся о римскомъ трагикѣ Аттій, приводя немногіе сохранившіеся отрывки его произведеній. Послѣ того профессоръ дѣлалъ замѣчанія относительно лекціи, указывая на нѣкоторыя невѣрности перевода и возражая на нѣкоторыя объясненія историческія и филологическія.

5) Наконецъ, чтобы показать, какъ основательно подготавлиются преподаватели исторіи и географіи для французскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, считаю безполезнымъ сказать нѣсколько словъ о конференціи по географіи профессора Vidal Lablache, также для 3-го курса. Это была тоже лекція одного изъ воспитанниковъ, подробно описывавшаго сѣверные берега Франціи и начертываго ва

доскѣ отъ руки точную карту этой мѣстности, съ самыми мелкими подробностями, между тѣмъ какъ профессоръ и присутствовавшіе воспитанники (отдѣла исторіи и географіи) слѣдили за урокомъ съ географическими картами въ рукахъ и записывали свои отмѣтки для возраженій. По окончаніи лекціи, профессоръ дѣлалъ замѣчанія относительно плана урока, подробностей его и сдѣланныхъ пропусковъ. Затѣмъ былъ вызванъ другой воспитаникъ, который дополнилъ лекцію своего товарища описаніемъ характеристическихъ особенностей сѣверныхъ береговъ Франціи, морскихъ теченій, напосныхъ песковъ, рѣкъ, впадающихъ здѣсь въ море. Профессоръ предлагалъ много вопросовъ обоимъ воспитанникамъ, и оба отвѣчали отлично, какъ настоящіе специалисты по географіи.

Библіотека нормальной школы помѣщается во многихъ комнатахъ, но воспитанники занимаются только въ главномъ залѣ, не имѣя права входить въ прочія комнаты. Русскихъ книгъ весьма мало.

Зданіе высшей нормальной школы на Ульмской улицѣ построено гораздо лучше, чѣмъ зданія другихъ учебныхъ заведеній во Франціи. Входы въ аудиторіи изъ широкихъ и свѣтлыхъ корридоровъ, между тѣмъ какъ въ зданіяхъ среднихъ учебныхъ заведеній (лицеевъ) входы въ классныя комнаты, большею частью, прямо со внутренняго двора, вслѣдствіе чего эти комнаты содержатся нечисто, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ очень холодно въ зимнее время.

Изучивъ устройство школы и собравъ подробныя свѣдѣнія о достигаемыхъ ею результатахъ, я пришелъ къ заключенію, что, несмотря на неоспоримыя неудобства подготавливать преподавателей для среднихъ учебныхъ заведеній въ специальныхъ училищахъ, французская высшая нормальная школа приноситъ несомнѣнную пользу и, благодаря ея отличному устройству и порядку, приготавливаетъ очень хорошихъ профессоровъ, по познаніямъ своимъ приваровленныхъ къ распределенію и устройству преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Франціи. Для этого школа организована соотвѣтственно устройству лицеевъ, такъ что отдѣленія школы и подраздѣленія 3-го курса вполне соотвѣтствуютъ существующимъ лицейскимъ каедамъ и готовятъ классныхъ преподавателей для младшихъ классовъ лицеевъ и предметныхъ для старшихъ, сообразно устройству лицейскихъ классовъ и установленному распределенію преподаванія между отдѣльными преподавателями. Съ другой стороны, учрежденіе нормальной школы сдѣлалось необходимымъ вслѣдствіе укореившихся без-

порядковъ во французскихъ факультетахъ словесности и наукъ, которые потому не могутъ съ успѣхомъ готовить достаточное число хорошихъ преподавателей, отвѣчающихъ потребностямъ среднихъ учебныхъ заведеній и особенностямъ устройства ихъ во Франціи.

3. Спеціальная школа восточныхъ языковъ.

Для изученія восточныхъ языковъ во Франціи не имѣется факультетовъ, какъ при нѣкоторыхъ изъ нашихъ университетовъ, а существуетъ совершенно отдѣльное спеціальное учебное заведеніе, непосредственно подчиненное министру народнаго просвѣщенія и носящее названіе *École spéciale des langues orientales vivantes*. Это учебное заведеніе находится въ Парижѣ, rue de Lille, № 2. Первоначально было оно учреждено (30-го марта 1795 г.) при національной библиотекѣ и состояло въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ до 1831 года, когда передано въ завѣдываніе министерства публичныхъ работъ и торговли, какъ предназначавшееся для удовлетворенія потребностей торговыхъ сношеній на востокъ; наконецъ, съ 11-го октября 1832 г. Школа перешла въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Она помѣщалась въ зданіи національной библиотеки до 1868 г., когда ей отведено временное помѣщеніе въ Collège de France; а декретомъ 6-го сентября 1873 г. Школѣ отдано обширное казенное зданіе, нынѣ ею занимаемое, въ Лилльской улицѣ, — бывший Hôtel du Grand Aumônier, — весьма просторное помѣщеніе, но мало приспособленное къ потребностямъ учебнаго заведенія и еще не приведенное въ надлежащій порядокъ.

По уставу 8-го ноября 1869 г., школа должна обучать чтенію, письму и разговорнымъ языкамъ разныхъ восточныхъ народовъ, преподавая также ихъ политическую и коммерческую географію. Лекціи публичныя и бесплатныя, курсы трехлѣтніе. Въ 1879 — 1880 учебномъ году было 11 профессоровъ ¹⁾, 5 доцентовъ (*chargés de cours*) ²⁾, и 5 репериторовъ изъ уроженцевъ тѣхъ странъ, языки которыхъ

¹⁾ Cours d'arabe littéral, d'arabe vulgaire, de persan, de turc, de malais et de javanais, d'arménien, de grec moderne, de chinois, de japonais, d'annamite, de langue russe.

²⁾ Eléments des grammaires arabe et persane; géographie, histoire et législation des états musulmans; géographie de l'Asie; cours d'hindoustani et de langue tamule; cours de langue roumaine.

они преподають ¹⁾). Для записавшихся въ студенты экзамены въ концѣ каждаго года; отсутствіе на 6-ти урокахъ въ теченіе четверти года лишаетъ правъ записи. Студенты, съ успѣхомъ кончившіе трехлѣтній курсъ, получаютъ отъ министра дипломы *d'élève breveté de l'école*, и списокъ воспитанниковъ, получившихъ такіе дипломы, передается министромъ иностранныхъ дѣлъ военному и морскому: лучшие воспитанники могутъ быть посылаемы, на счетъ министерства, для котораго представляется надобность въ томъ, въ страны, которыхъ языки изучены ими, для усовершенствованія въ языкахъ и для ознакомленія съ политическими и коммерческими интересами той или другой страны.

Школа управляется администраторомъ (*administrateur*), назначаемымъ на пятилѣтній срокъ министромъ народнаго просвѣщенія изъ числа профессоровъ. Администраторъ ежегодно представляетъ министру отчетъ о занятіяхъ школы и объ успѣхахъ воспитанниковъ. При школѣ состоитъ совѣтъ усовершенствованія (*conseil de perfectionnement*), подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, изъ членовъ отъ разныхъ министерствъ. Профессоры назначаются президентомъ республики, а репетиторы—министромъ народнаго просвѣщенія; жалованье профессоровъ по 7,000 фр., а репетиторовъ — отъ 2,500 до 3,500 фр. Начиная со 2-го курса, лучшие воспитанники получаютъ стипендіи, отъ 1,000 до 1,500 фр. По декрету 26-го февраля 1872 г., школа должна имѣть заграничныхъ членовъ-корреспондентовъ.

Съ 31-го іюля 1876 г. желающіе поступить въ число студентовъ школы подвергаются вступительному экзамену, если не имѣютъ степени бакалавра *ès lettres*: въ этомъ случаѣ производятся письменные и устные экзамены изъ языковъ французскаго, латинскаго и греческаго, и только устные изъ исторіи и географіи. Всѣ эти испытанія производятся по программамъ лицеевъ; сверхъ того, ученикъ долженъ знать одинъ изъ новыхъ языковъ (нѣмецкій, англійскій, голландскій, италіанскій, испанскій или русскій), въ доказательство чего долженъ перевести страницу прозы, писанной на одномъ изъ этихъ языковъ. Воспитанники, получающіе стипендію, называются *élèves pensionnaires* и освобождаются отъ военной службы, но должны послу-

¹⁾ Для языковъ арабскаго разговорнаго, турецкаго новогреческаго, китайскаго и аннамитакаго.

жить, по назначенію правительства, 10 лѣтъ, въ число которыхъ засчитываются и 3 года, проведенные въ школѣ ¹⁾.

Общій итогъ бюджета школы — 166,866 фр., въ томъ числѣ 12,900 фр. на пополненіе бібліотеки и на печатаніе разныхъ спеціальныхъ изданій, 4,000 фр. профессору арабскаго языка въ Марселѣ и 17,250 фр. на содержаніе трехъ кафедръ того же языка въ Алжиріи ²⁾. Ныѣшній администраторъ школы г. Шеферъ, профессоръ персидскаго языка, получаетъ дополнительный окладъ въ 2,000 фр. сверхъ профессорскаго жалованья. Онъ человѣкъ весьма предупредительный, очень любезно и съ большою готовностью объяснявшій мнѣ устройство школы и показывавшій ея коллекціи восточныхъ рукописей (520) и бібліотеку, которая состоитъ изъ 7,027 названій (болѣе 11,000 томовъ) по языкамъ, исторіи, географіи и законодательствамъ восточныхъ государствъ ³⁾.

Не зная восточныхъ языковъ, я всего болѣе интересовался въ специальной школѣ преподаваніемъ русскаго языка, кафедра котораго учреждена декретомъ 31-го декабря 1876 г., а преподаваніе началось съ 1-го января 1877 г. ⁴⁾. Профессоръ русскаго языка г. Louis Leger, бывшій прежде два раза въ Россіи и въ прошломъ юнѣ еще разъ пріѣзжавшій въ Москву во время торжества открытія памятника Пушкину, жаловался, что для его воспитанниковъ представляется мало примѣненія знанія русскаго языка къ практической дѣятельности ⁵⁾, а потому у него не много учениковъ: въ 1878 году было

¹⁾ Programme des conditions d'admission à l'école nationale des langues orientales vivantes (издана типографіей Delalain въ концѣ 1876 г.—подъ № 30 собранія программъ, изданнаго этою типографіею).

²⁾ Statistique de l'enseignement supérieur, 1878 г. (стр. 761).

³⁾ Rapport au ministre de l'instruction publique sur les travaux de l'année scolaire 1878 — 1877 de l'école des langues orientales vivantes (Journal officiel du 14-го mars 1879). По словамъ бібліотекаря школы, къ 1880 году число томовъ возрасло до 15,000, изъ нихъ около 3,000 томовъ русскихъ книгъ (между тѣмъ какъ до 6,000 томовъ китайскихъ книгъ).

⁴⁾ Впрочемъ, еще декретомъ 30-го декабря 1873 г. было опредѣлено учредить курсъ славянскихъ нарѣчій, при чемъ предполагалось сначала ввести преподаваніе языковъ русскаго и сербскаго; но это опредѣленіе не было приведено въ исполненіе. Съ января 1880 г., кромя русскаго языка, начато преподаваніе болгарскаго языка и, кажется, сербскаго.

⁵⁾ Дипломъ d'élève breveté даетъ право служить по министерству иностранныхъ дѣлъ въ странахъ, языки которыхъ изучены тѣми или другими воспитанниками, но въ Россіи рѣдко открываются вакансіи подобныхъ мѣстъ, поэтому

записавшихся на курсъ русскаго языка 3 студента и 14 вольныхъ слушателей. По недавнему открытію кафедры русскаго языка, до 1880 года былъ только одинъ кончившій курсъ русскаго языка и получившій дипломъ *d'élève breveté*, г. Adolphe Wilbois, capitaine de la garde républicaine, женатый на русской. Имѣя въ виду, что у насъ большой недостатокъ въ учителяхъ французскаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній и что воспитанники школы, какъ получившіе уже степень бакалавра словесности предъ поступленіемъ въ школу, имѣютъ достаточно познаній для преподаванія французскаго языка и могли бы объясняться по русски по полученіи диплома школы, я далъ г. Леже мысль пригласить воспитанниковъ къ изученію русскаго языка для поступленія въ наши гимназіи на должность учителей французскаго языка. Такъ какъ г. Леже нашелъ это предположеніе удобоисполнимымъ, то я оставилъ у него печатную записку объ условіяхъ и годахъ службы въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и нѣкоторые воспитанники предполагали готовиться къ поступленію на эту службу; но въ послѣднее время г. Леже сообщилъ мнѣ, что всѣ желавшіе принять это предложеніе затрудняются тѣмъ, что у насъ не полагается никакого пособія на переѣздъ изъ Франціи въ Россію, а небогатые воспитанники школы желали бы, чтобы имъ было выдаваемо это пособіе, хотя бы по прибытіи на мѣсто службы. Я полагаю, что распространеніе изученія русскаго языка въ Парижѣ могло бы облегчить снабженіе нашихъ учебныхъ заведеній учителями французскаго языка и что для этой цѣли можно бы было сдѣлать нѣкоторыя денежные пожертвованія, назначить небольшія пособія, а также снабдить бібліотеку школы восточныхъ языковъ книгами по предметамъ русской филологіи, грамматики, исторіи и географіи.

Во время моего посѣщенія лекцій г. Леже въ ноябрѣ 1879 г. я нашелъ въ его аудиторіи до 40 посѣтителей, изъ которыхъ только 27 записавшихся въ списки студентовъ и вольныхъ слушателей по русскому языку; изъ нихъ болѣе половины — первокурсники, затруднявшіеся даже въ русскомъ чтеніи, по недавности возобновленія учебныхъ занятій послѣ вакаціи. Въ числѣ слушателей много 30-ти лѣтнихъ. Я замѣтилъ одного старика и одну даму, постоянно посѣщающихъ эти лекціи; другая дама, изъ французской аристократіи, запи-

казенныя стипендіи предоставляются воспитанникамъ, обучающимся другимъ языкамъ. На телеграфной службѣ знающіе русскій языкъ получаютъ 300 фр. прибавочнаго жалованья, если имѣютъ дипломъ спеціальной школы.

салась на слушаніе курса русскаго языка въ 1879 — 1880 году, но при моемъ посѣщеніи школы она еще не начивала своихъ занятій. Къ сожалѣнію, при школѣ нѣтъ ренетитора русскаго языка; а при трехъ урокахъ въ недѣлю для занятій съ тремя группами учащихся и при четырехъ мѣсяцахъ вакаціоннаго времени (въ 1879 году лекціи школы, послѣ вакаціи, возобновились 17 ноября), одному профессору трудно съ большимъ успѣхомъ вести преподаваніе.—Въ послѣднее время многіе офицеры французской арміи и флота стали записываться въ слушатели специальной школы, и преимущественно для изученія русскаго языка.

Школа восточныхъ языковъ имѣетъ отчасти международный характеръ, такъ какъ многіе иностранцы пріѣзжаютъ изучать въ ней восточные языки въ качествѣ вольныхъ слушателей ¹⁾, а многія иностранныя изданія присылаются другими правительствами въ даръ школѣ, въ томъ числѣ присланы изданія нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ обществъ. Декретъ 30-го марта 1795 г. (ст. 4) обязалъ профессоровъ школы восточныхъ языковъ составить на французскомъ языкѣ грамматики преподаваемыхъ ими нарѣчій; вслѣдствіе этого школою въ разное время изданы 43 грамматикъ, христоматій и словарей. Приготовляются многія новыя изданія, весьма важныя для филологіи и исторіи востока ²⁾.

4. Французскія археологическія школы въ Аѣинахъ и въ Римѣ.

Къ числу учреждений, подготовляющихъ профессоровъ, принадлежатъ двѣ французскія археологическія школы, въ Аѣинахъ и въ Римѣ.

¹⁾ Изъ числа 79-ти вольныхъ слушателей 1877 — 1878 года, было 56 французовъ, 2 американца, 1 немецъ, 4 австрійца, 1 индусъ, 1 англичанинъ, 2 итальянца, 1 турокъ, 5 русскихъ, 1 бельгіецъ, 1 румынъ, 1 датчанинъ и 3 швейцарца (см. Rapport au ministre de l'instruction publique за 1877 — 1878 годъ). Студентами (élèves réguliers) могутъ быть только французы, потому что эти воспитанники получаютъ стипендіи, а по окончаніи курса стипендіаты поступаютъ на службу республики по разнымъ вѣдомствамъ.

²⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія можно найти въ «Documents relatifs à la constitution et à l'histoire de l'école spéciale des langues orientales vivantes», Paris, Imprimerie Nationale, 1872, и въ Statistique de l'enseignement supérieur, 1878, стр. LXII и 745 — 761.

Школа въ Аѳинахъ учреждена декретомъ 11-го сентебря 1846 г. (*Ecole française de perfectionnement pour l'étude de la langue, de l'histoire et des antiquités grecques*), нѣсколько разъ преобразована и наконецъ получила нынѣ дѣйствующій уставъ 26-го ноября 1874 г. Состоя подъ начальствомъ министра народнаго просвѣщенія, подъ покровительствомъ министра иностранныхъ дѣлъ и подъ научнымъ руководствомъ Академіи Надписей, она управляется директоромъ, назначаемымъ на 6 лѣтъ, съ правомъ возобновленія этого назначенія декретомъ. Она имѣетъ членовъ, которые должны быть моложе 30-ти лѣтъ и имѣть ученую степень доктора словесности или званія *agrégés* словесности, грамматики, философіи или исторіи. Члены принимаются по конкурсу и подвергаются экзаменамъ изъ древняго и новаго греческаго языка, исторіи и географіи древней Греціи, по программѣ, выработанной Академіею Надписей. Число членовъ — 6. Они назначаются на 3 года съ содержаніемъ по 3,600 фр. каждому; занимаются подъ руководствомъ Академіи Надписей, съ содѣйствіемъ и подъ надзоромъ директора: они должны ежегодно представлять свои работы, на изданіе которыхъ отпускается по 4,000 фр. въ годъ. Директоръ получаетъ 12,000 фр. жалованья и 3,000 фр. на расходы по представительству. Общій итогъ всѣхъ расходовъ на школу 73,000 фр. въ годъ, въ томъ числѣ 5,600 фр. на путевыя издержки, 6,000 фр. на расходы по раскопкамъ и 4,000 на институтъ *de correspondance hellénique*, имѣющій сношенія съ мѣстными учеными, приглашаемыми на засѣданія два раза въ мѣсяцъ. Кончившіе свои трехлѣтнія занятія въ аѳинской школѣ члены опредѣляются на мѣста профессоровъ въ разныхъ факультетахъ Франціи.

L'école française de Rome учреждена декретомъ 25-го марта 1873 г. и нынѣ руководствуется уставомъ 20-го ноября 1875 г., по которому назначеніе ея — изученіе памятниковъ и клинохранилищъ Италіи и археологическія изысканія по порученію Академіи Надписей. Имѣя постоянное пребываніе въ Италіи и состоя подъ управленіемъ директора, назначаемаго тѣмъ же порядкомъ, какъ назначается директоръ аѳинской школы, римская школа также имѣетъ своихъ членовъ (числомъ 6, сверхъ того члены аѳинской школы проводятъ первый годъ въ Римѣ). Члены школы назначаются министромъ на одинъ годъ; продолженіе срока преподаванія ихъ на 2-й годъ и потомъ на 3-й разрѣшается министромъ по представленію Академіи Надписей. Содержаніе директора то же самое, какое въ аѳинской школѣ, но общій бюджетъ расходовъ 1879 г. только 67,240 фр. (сверхъ жало-

ванья директора 15,000 фр., содержаніе шести членовъ 21,600 фр., на ихъ путевые расходы 2,000 фр., служителямъ при школѣ 2,400 фр., наемъ помѣщенія 12,240 фр., на раскопки 4,000 фр., на печатаніе изслѣдованій 4,000 фр., на библіотеку и хозяйственные расходы 6,000 фр.). На 1880 годъ ожидалось увеличеніе бюджета школы.

Директоромъ нынѣ состоитъ членъ французскаго института (академикъ) Т. А. Geffroy, который очень обязательно показалъ мнѣ школу и замѣчательную библіотеку ея, сообщивъ подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ школы и о занятіяхъ ея членовъ. Школа помѣщается надъ бель-этажемъ зданія Palazzo Farnese (надъ помѣщеніемъ французскаго посольства). Кромѣ шести членовъ-стипендіатовъ, при школѣ нынѣ состоитъ еще три своекоштныхъ члена. — Библіотека довольно богатая; въ ней имѣются и нѣкоторыя русскія изданія. Директоръ г. Жеффруа очень желалъ бы получить другія наши археологическія изданія, въ обмѣнъ на изданія школы, уже напечатанной около 50-ти изслѣдованій. — Кажется, что римская школа имѣетъ болѣе обширное поприще дѣятельности и болѣе матеріаловъ для ученыхъ изысканій, чѣмъ афинская школа, которая занимается изслѣдованіемъ памятниковъ только древней Греціи, между тѣмъ какъ въ Римѣ и отъ средне-вѣковаго періода сохранились богатые архивы, обширные музеи и многочисленныя памятники. Обѣ школы готовятъ очень хорошихъ профессоровъ и ученыхъ специалистовъ по археологіи ¹⁾.

Нельзя не пожелать, чтобы и наше правительство устроило для молодыхъ ученыхъ, готовящихся къ профессорскимъ кафедрѣмъ, подобныя русскія учрежденія въ Греціи и въ Италіи. Занятія въ этихъ странахъ, подъ руководствомъ и надзоромъ нашихъ знатоковъ греческихъ и римскихъ древностей, расширило бы кругъ знаній будущихъ профессоровъ и обогатило бы ихъ взглядами и свѣдѣніями, приобретенными при изученіи подлинныхъ памятниковъ и самостоятельными научными изслѣдованіями.

Заканчивая краткій очеркъ устройства высшихъ учебныхъ заведеній во Франціи, мы считаемъ не лишнимъ, въ заключеніе, сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній, какъ выводъ изъ всего изложеннаго нами.

По согласнымъ, выше приведеннымъ мнѣніямъ многихъ француз-

¹⁾ Подробныя свѣдѣнія объ обихъ французскихъ археологическихъ школахъ можно найти въ Statistique de l'enseignement supérieur, 1878 г., стр. LXI и 731 — 744.

скихъ министровъ нар. пр. и лучшихъ профессоровъ, публичность курсовъ, первоначально введенная Наполеономъ I въ 1804 г. ¹⁾, была причиною совершеннаго упадка высшаго преподаванія въ факультетахъ, отличающагося ораторскими эффектами и общими мѣстами, ничему не научающими, предназначенными только для угожденія вкуса и страстямъ разнородныхъ посѣтителей лекцій. Поэтому учащіеся почти совсѣмъ перестали посѣщать эти лекціи, хотя и обязаны улачивать значительные палогі за слушаніе ихъ.

Продолжительность вакаціоннаго времени, недостаточное число факультетскихъ профессоровъ, къ тому же читающихъ лекціи только по два часа въ недѣлю, а также частые и продолжительные перерывы лекцій, какъ по вкоренившейся привычкѣ профессоровъ брать отпуска, такъ и для производства экзаменовъ окончившимъ лицейскій курсъ или желающимъ получить право заниматься разными профессіями—привели къ такому сокращенію числа лекцій въ теченіе учебнаго года, что профессора не могли бы успѣшно проходить свои курсы, если бы имъ и не мѣшало присутствіе многочисленныхъ постороннихъ лицъ на лекціяхъ.

Всѣ эти причины имѣли послѣдствіемъ, во 1-хъ, учрежденіе особыхъ конференцій начинающихъ профессоровъ, съ недопущеніемъ публики на ихъ лекціи, и во 2-хъ, устройство особыхъ специальныхъ учебныхъ заведеній, съ цѣлью приготовленія профессоровъ для лицеевъ и для факультетовъ.

Но какъ ни старательно устроены specialныя школы, какъ ни богаты свѣдѣніями приглашенные въ нихъ профессора, какъ ни заботливо поддерживается въ нихъ порядокъ и усердіе въ занятіяхъ, эти школы не могутъ замѣнить университетскаго преподаванія. Не смотря на многочисленность кафедръ въ specialныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ нихъ не можетъ быть того разнообразія преподаванія и взаимодѣйствія разныхъ кафедръ, какія составляютъ принадлежность университетовъ. Въ specialныхъ школахъ нѣтъ мѣста для новыхъ ученій и для научныхъ открытій, потому что число кафедръ, программы и порядокъ занятій опредѣлены уставомъ. Къ тому же, всѣ воспитанники, готовящіеся къ преподаванію одного и того же предмета, обремененные обязательными занятіями, получаютъ ту же самую подготовку и то же самое образованіе; въ познаніяхъ, въ пре-

¹⁾ Декретъ 21 октября 1804 г.: «les leçons seront publiques, et, pendant leur durée, l'entrée ne pourra être refusée à personne».

подаваніи и въ приѣмахъ профессоровъ, приготовленныхъ въ спеціальныхъ школахъ, является однообразіе, вредное для дальнѣйшаго преуспѣванія и для самостоятельной дѣятельности на поприщѣ науки и преподаванія.

Замѣчательная особенность въ планѣ устройства французскихъ учебныхъ заведеній та, что общее образованіе уже заканчивается въ лицеяхъ, и, по окончаніи лицейскаго курса, воспитанники подвергаются въ факультетахъ испытаніямъ на полученіе первой ученой степени бакалавра словесности или наукъ; за тѣмъ, факультетскіе курсы предназначены собственно для пріобрѣтенія высшихъ ученыхъ степеней магистра и доктора. Поэтому, преподаваніе во французскихъ факультетахъ должно бы тѣмъ болѣе имѣть характеръ высшей учености; но, на самомъ дѣлѣ, присутствіе многочисленной публики привело къ пониженію ученаго достоинства лекцій. Въстѣ съ тѣмъ, хотя лицеи называются во Франціи средними учебными заведеніями (*enseignement secondaire*), въ ихъ курсѣ проходятся нѣкоторые предметы, принадлежащіе къ высшему преподаванію, и въ объемѣ, заходящемъ за предѣлы задачъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ что высшее преподаваніе во Франціи начинается еще въ старшихъ классахъ лицеевъ. Это будетъ указано нами при описаніи устройства французскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

С. Ивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКИ О НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ.

Прежде чѣмъ говорить объ училищахъ Забайкальской области, будетъ не лишнимъ обратить вниманіе на самый край и его жителей, такъ какъ мѣстныя условія Забайкальской области, имѣющія огромное вліяніе на училищное дѣло, вѣроятно еще мало извѣстны.

Забайкальская область занимаетъ пространство приблизительно въ 2,600 кв. миль, съ народонаселеніемъ около 477,000 человѣкъ, что составляетъ 38 человѣкъ на одну кв. милю. Но народонаселеніе распределено далеко неравномѣрно по всему пространству области: нѣкоторыя мѣстности населены гораздо значительнѣе упомянутой цифры, другія же вовсе необитаемы. Вообще можно сказать, что область дѣлится по населенности на двѣ части, къ сѣверу и къ югу отъ 52 градуса широты. Первая часть населена мало и исключительно вочующими и бродячими племенами, вторая же населена довольно удовлетворительно, если сравнить ее съ другими мѣстностями обширной Сибири. Какъ вообще въ Сибири, такъ и въ Забайкальской области населены преимущественно долины рѣкъ, а потому самое вѣрное представленіе о сравнительной густотѣ народонаселенія получится тогда, если обратить вниманіе на рѣчныя системы. Воды области текутъ въ три большія рѣки Восточной Сибири: въ Енисей, Лену и Амуръ; только притоки первой и послѣдней изъ этихъ рѣкъ населены; притоки же Лены, то-есть система Витима, почти не обитаемы. Изъ притоковъ Енисея особенно важна система Селенги съ Хилкомъ, Чиксомъ и Удой съ правой и Дтидой и Темникомъ съ лѣвой сто-

роны. По среднимъ и нижнимъ теченіямъ этихъ рѣкъ лежатъ самыя плодородныя мѣстности Забайкальской области. Тутъ живутъ крестьяне казаки и инородцы Селенгинскаго, Верхнеудинскаго и Троицкосавскаго округовъ, въ числѣ болѣе 201,000 душъ обоого пола, занимающіеся почти исключительно хлѣбопашествомъ, такъ какъ и инородцы этихъ округовъ (92,000 душъ обоого пола) всѣ хлѣбопашцы, хотя и считаются до сихъ поръ кочующими и обладаютъ значительными табунами. Остальныя рѣки Енисейской системы мало населены; по ихъ долинамъ живутъ около 18,000 человѣкъ крестьянъ и преимущественно инородцевъ Баргузинскаго округа, главныя занятія которыхъ составляютъ скотоводство, рыболовство и звѣропромышленность. Изъ рѣкъ, принадлежащихъ къ системѣ Амура, населены главнымъ образомъ: Ингода по среднему и нижнему теченію, Ононъ мѣстами, Шилка по верхнему и среднему теченію, Аргунь по лѣвому берегу до устья Газимура, въ особенности же притоки Ингода, Онона и Аргуни: Тура, Или, Агá, Ононъ-Борзе, Унда, Уровъ и Газимуръ. По нимъ живетъ въ Читинскомъ, Нерчинскомъ, Нерчинско-Заводскомъ и Акинскомъ округахъ около 190,000 обоого пола.

Изъ этого краткаго географическаго очерка видно, что изъ общаго числа жителей, 477,000 душъ обоого пола живетъ въ населенныхъ мѣстахъ, находящихся къ югу отъ 52° ширины, болѣе 400,000 душъ, такъ какъ почти всѣ поселенцы, которыхъ въ области около 30,000 человѣкъ, размѣщены тоже въ южной полосѣ, въ которой находятся и всѣ города, за исключеніемъ Баргузинска.

Народонаселеніе Забайкальской области состоитъ изъ 309,000 русскихъ и 168,000 инородцевъ; послѣдніе почти всѣ язычники-ламаисты и принадлежатъ въ большинствѣ къ племени Бурятъ. Само собою разумѣется, что такая значительная примѣсь инородческаго элемента должна имѣть большое вліяніе на училищныя дѣла; но кромѣ того, на него вліяютъ и другія мѣстныя условія. Училища вообще возникаютъ прежде всего въ большихъ центрахъ народонаселенія, въ городахъ и большихъ селеніяхъ. Но таковыхъ въ Забайкальской области очень мало: городовъ всего шесть и въ нихъ жителей не болѣе 17,000 человѣкъ; большихъ селеній, то-есть такихъ, въ которыхъ число дворовъ было бы болѣе сотни, тоже очень не много. Въ селеніяхъ живутъ крестьяне, казаки и незначительная часть инородцевъ тунгускаго племени; большинство же инородцевъ, Буряты, живутъ совершенно разбросанно, такъ что рѣдко встрѣчается въ-скольکو юртъ вмѣстѣ. Казаки почти всѣ русскіе, за исключеніемъ

15,000 душъ обоего пола, составляющихъ селенгское казачье войско, и около тысячи душъ обоего пола, живущихъ еще между казаками русскаго происхожденія въ пограничныхъ караулахъ. Не смотря на то, что забайкальское казачье войско недавно только сформировано изъ крестьянъ и инородцевъ этой области, полувоенный и полугражданскій характеръ управленія имъ имѣлъ уже значительное вліяніе на казаковъ и на развитіе народнаго образованія.

Въ памятной книжкѣ Забайкальской области за 1871 годъ помѣщена статья о народномъ образованіи, въ которой замѣчательны слѣдующія данныя: въ 1871 году было въ области всего 295 учебныхъ заведеній съ 9,460 учащимися, такъ что одно училище приходилось на 1,460 человекъ населенія. Изъ 16,268 человекъ городского населенія обучалось 809 дѣтей, то-есть 1:20, и изъ 414,512 человекъ сельскихъ жителей—8,651, то-есть 1:48. Далѣе говорится, что цифры эти по области не одинаковы, и что военная организація казачьяго вѣдомства поставила казаковъ относительно образованія въ весьма выгодныя условія, такъ что по числу школъ и учащихся казаки занимали первое мѣсто въ области: число учащихся у нихъ относилось къ числу жителей какъ 1:16; тогда какъ даже въ городахъ, за исключеніемъ города Троицко-савскаго, гдѣ обучался одинъ изъ 15, обучался только 1 изъ 23 человекъ. Мы въ послѣдствіи увидимъ, что казачье войско относительно народнаго образованія было далеко не такъ выгодно поставлено, какъ это находить упомянутая статья, но военная организація имѣла несомнѣнно очень хорошее вліяніе на развитіе училищнаго дѣла. Крестьяне живутъ въ деревняхъ и селахъ, которыя подчиняются волостнымъ правленіямъ; но неудобство этого порядка заключается въ томъ, что селенія, подчиненныя власти одного и того же правленія, разбросаны на огромномъ пространствѣ. Крестьяне поэтому лично почти вовсе не участвуютъ въ управленіи своими дѣлами, и вся власть находится въ рукахъ членовъ волостныхъ правленій; а такъ какъ эти послѣдніе по большей части малограмотны или неграмотны, то на дѣлѣ и выходитъ, что всею областью управляетъ одинъ только волостной писарь. Вслѣдствіе этого должности волостныхъ писарей считаются, не только въ Забайкальской области, но и во всей Восточной Сибири, лучшими должностями въ глазахъ извѣстнаго класса людей, управленіе же крестьянскими дѣлами страдаетъ отъ этого во всѣхъ отношеніяхъ, а слѣдовательно и относительно устройства училищъ и снабженія ихъ необходимыми учебными пособиями. Казачьи селенія подчиняются станичнымъ прав-

леніямъ, и порядокъ веденія дѣлъ въ сущности не различается отъ порядка, принятаго въ волостныхъ правленіяхъ; но округи, подчиненные одному и тому же станичному правленію, несравненно меньше, чѣмъ крестьянскія волости, механизмъ управленія черезъ это значительно упрощается, и жители сами обращаютъ болѣе вниманіе на свои дѣла. Но это не все: самое сильное вліяніе на характеръ казачьихъ имѣетъ то обстоятельство, что они всѣ болѣе или менѣе люди бывалые, находились на службѣ, привыкли къ извѣстному порядку, занимались въ станичныхъ правленіяхъ и присутственныхъ мѣстахъ, и вслѣдствіе всего этого несравненно менѣе халатники, чѣмъ крестьяне. Ко всему этому военное начальство пользовалось очень энергично своимъ правомъ приказывать: полковые и баталіонные командиры выбирали сами болѣе способныхъ мальчиковъ и приказывали родителямъ отсылать ихъ въ полковыя и баталіонныя школы, которыхъ всего въ началѣ было 16, а въ послѣдствіи 13, но онѣ были наполнены учениками, родителей которыхъ заставляли посылать дѣтей въ школу правильно, ежедневно, и оставлять ихъ въ таковой до прохожденія полнаго курса. По окончаніи же курса ученики эти поступали сначала въ станичныя правленія, въ которыхъ пріучались къ переписыванію бумагъ, а затѣмъ уже назначались писцами въ присутственные мѣста. Такимъ образомъ, получалось значительное число грамотныхъ и знакомыхъ съ дѣлопроизводствомъ людей, изъ которыхъ въ настоящее время вышли многіе офицеры, и которыхъ можно считать преимущественно виновниками того относительно выгоднаго положенія, въ которомъ находится казачье населеніе въ сравненіи съ крестьянскимъ. Они были причиною того, что писаря станичныхъ правленій никогда не достигали такой степени вліянія, какою пользуются и по настоящее время волостные писаря. Эти люди и содѣйствовали и содѣйствуютъ въ настоящее время увеличенію числа училищъ и болѣе правильному посѣщенію уроковъ со стороны учениковъ, ради чего имъ приходится вступать въ борьбу съ инерціею своихъ менѣе развитыхъ сообщественниковъ, и борьба эта нерѣдко оканчивается успѣхомъ.

Положеніе третьяго элемента сельскаго населенія, инородцевъ-Бурятъ, во многихъ отношеніяхъ совершенно отличается отъ положенія казаковъ и крестьянъ. Прежде всего громаднѣйшій имѣетъ то обстоятельство, что эти инородцы-язычники слѣпо повинуются многочисленной, хорошо организованной и очень фанатической іерархіи жрецовъ или ламъ. Число грамотныхъ между Бурятами несрав-

ненно значительнѣе, чѣмъ между Русскими, но они читаютъ и пишутъ только на монгольскомъ языкѣ. Они вовсе не прочь открывать новыя училища, но требуютъ, чтобы выборъ учителей былъ предоставленъ имъ самимъ.

Въ число предметовъ курса входитъ всегда и русскій языкъ, но онъ преподается лишь для формальности, а ученики занимаются преимущественно монгольскою грамотностью и чтеніемъ тибетской печати, такъ какъ служба въ кумирняхъ совершается на этомъ послѣднемъ языкѣ. Я говорю — чтеніемъ тибетской печати, потому что при ревизіи чисто бурятскаго училища оказывалось, что дѣти, которыя читали довольно бѣгло по тибетски, не могли перевести читаннаго ни на русскій, ни на монгольскій языки; да и самъ учитель не былъ въ состояніи объяснить смыслъ прочитаннаго и увѣрять, что этого вовсе не нужно. Хотя Буряты — народъ очень способный, и сами желали бы обучать своихъ дѣтей русской грамотѣ, но исполненію этого желанія препятствуютъ съ одной стороны ламы, съ другой же — образъ жизни Бурятъ. Даже крестьяне и казаки затрудняются отдавать своихъ дѣтей въ училища, число которыхъ незначительно, и всѣ родители, которые не живутъ въ томъ селеніи, гдѣ находится училище, должны платить за содержаніе своихъ дѣтей. Но отъ этого неудобства все-таки избавлены всѣ жители тѣхъ селеній, гдѣ находятся школы, и такъ какъ училища открываются обыкновенно въ многочисленныхъ селеніяхъ, то многія дѣти могутъ посѣщать уроки безъ затрудненія; а прочіе находятъ сравнительно легко пріютъ у мѣстныхъ жителей. Буряты же вовсе не живутъ селеніями, а отдѣльно стоящими юртами; даже при степныхъ думахъ, кромѣ необходимыхъ для правленія зданій, очень мало домовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, такъ что не только число мѣстныхъ дѣтей ничтожно, но и некуда помѣстить дѣтей тѣхъ родителей, которые живутъ въ улусѣ.

Сочувственнѣе всѣхъ сельскихъ жителей къ развитію грамотности относятся казаки; они болѣе остальныхъ сельскихъ обывателей нуждаются въ грамотныхъ людяхъ уже потому, что 14,000 казаковъ управляются 57 станичными и 11 сотенными правленіями, между тѣмъ какъ 118,000 крестьянъ волостными правленіями. Но какъ крестьяне такъ и инородцы не противятся распространенію между ними грамотности, за исключеніемъ лишь раскольниковъ, которые живутъ въ Верхнеудинскомъ округѣ въ числѣ около 25,000 душъ обоюга пола. Эти люди живутъ въ самой плодородной части области

по нижнему теченію рѣкъ Хилки и Чикон, у нихъ встрѣчаются самыя многолюдныя селенія, таеъ что внѣшнія условія ихъ жизни болѣе всего благопріятствуютъ развитію училищъ и грамотности. Но они не хотятъ отдавать своихъ дѣтей въ училища, почему и тѣ немногія школы, которыя существуютъ въ ихъ селеніяхъ, посѣщаются почти исключительно дѣтьми крестьянъ православныхъ, живущихъ среди нихъ. Одно только исключеніе составляетъ недавно открытое училище въ селѣ Тамирскомъ, Урлукской волости, въ которомъ дѣти раскольниковъ обучаются вмѣстѣ съ дѣтьми православныхъ, и жители вообще относятся очень сочувственно къ этому училищу, открытому иждивеніемъ жены кяхтинскаго первой гильдіи купца, Варвары Ивановны Токмаковой. Это объясняется тѣмъ, что село Тамирское находится не въ центрѣ раскольниковьяго населенія, а окружено православными деревнями, вслѣдствіе чего жители ихъ менѣе фанатичны, чѣмъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ раскольники живутъ сплошною массою.

Хотя, такимъ образомъ, за однимъ только исключеніемъ крестьянъ-раскольниковъ, вся остальная масса сельскихъ обывателей относится довольно сочувственно къ распространенію грамотности между ними, но одного этого еще не достаточно, а необходима при этомъ готовность на денежные расходы и средства для покрытія ихъ. Главную роль тутъ, конечно, играетъ матеріальное положеніе сельскаго населенія, о которомъ можно сказать, что оно вообще въ Забайкальской области находится въ довольно цвѣтущемъ состояніи. Южно-западную часть области, то-есть систему Селенги, можно назвать богатою, за исключеніемъ развѣ только мѣстности, занимаемой казаками перваго военнаго отдѣла, и расположенной вдоль границы отъ Байвала до Яблоноваго хребта. Здѣшніе казаки жалуются на частые неурожаи и на то, что положеніе ихъ вообще гораздо не выгодное, чѣмъ положеніе крестьянъ и инородцевъ, и сдѣлалось оно въ особенности не выгоднымъ вслѣдствіе преобразования казачьяго положенія въ 1872 году. Восточная половина области, то-есть система Амура, вообще менѣе богата; земля здѣсь не такъ плодородна, какъ въ долинахъ Селенгинской системы, а въ послѣднія семь лѣтъ кромѣ того засухи уничтожили почти все состояніе крестьянъ, а въ особенности казаковъ. Послѣдніе дѣйствительно болѣе страдали отъ неурожаевъ, чѣмъ первые, но они все-таки пониженіе уровня своего матеріальнаго благосостоянія приписываютъ больше казачьему положенію 1872 года, чѣмъ неурожаю. Здѣсь не мѣсто разбирать,

на сколько эти жалобы основательны; можно только сказать, что очень частые вызовы казаковъ-хозяевъ на строевую службу дѣйствительно разстроили ихъ хозяйства, и что новое положеніе, на основаніи котораго казакъ, прослуживъ въ строю четыре года сряду, освобождается совершенно отъ строевой службы, должно привести къ чрезвычайно выгоднымъ результатамъ. Конечно, казаки и теперь недовольны, потому что они, хотя только одинъ разъ, должны отлучаться отъ своихъ хозяйствъ, но за то на четыре года, по прежнему же положенію отлучки эти не продолжались болѣе одного года. Но человѣкъ никогда не доволенъ своимъ положеніемъ, а сельскому обывателю, кромѣ того, не нравится вообще всякое нововведеніе. Уже одинъ лишь фактъ, что какъ крестьяне, такъ и казаки восточной половины области могли выдержать семь лѣтъ неурожая, доказываетъ, что ихъ матеріальное положеніе вовсе не дурно и что они послѣ одного или двухъ хорошихъ урожаевъ могутъ поправить свои дѣла на столько, что ихъ можно будетъ назвать состоятельными.

Содержаніе училищъ и правильное посѣщеніе дѣтьми уроковъ требуетъ отъ ихъ родителей денежныхъ расходовъ и перенесенія разнаго рода домашнихъ неудобствъ, которымъ сельскіе жители Забайкальской области положительно могутъ себя подвергнуть; но они не охотно соглашаются на денежные жертвы, и еще менѣе на перенесеніе домашнихъ неудобствъ. Если говорить съ ними о необходимости открытія новыхъ училищъ и болѣе правильнаго посѣщенія учениками уже существующихъ, то всегда встрѣчаешь полное сочувствіе, въ особенности относительно обученія мальчиковъ; относительно необходимости обучать дѣвочекъ они еще разнаго мнѣнія, и очень часто находятъ послѣднее излишнею роскошью. Они всегда жалуются, что у нихъ нѣтъ грамотныхъ, и пословицу — ученіе свѣтъ, а неученіе тьма, повторяютъ очень часто. Если же спросить краснорѣчиваго родителя, учится ли его сынъ, то часто слышишь, что нѣтъ, или учится, но не въ приходскомъ училищѣ, а у какого-нибудь домашняго учителя, не смотря на то, что приходское училище не за горами, а въ той же деревнѣ, въ которой живетъ собесѣдникъ.

Странное явленіе: человѣкъ участвуетъ въ общественномъ взносѣ на училище, а сына или вовсе не учитъ, или находитъ удобнѣе нанять частнаго учителя, которому долженъ платить за уроки, между тѣмъ какъ за посѣщеніе приходскаго училища плата не взимается. И это явленіе встрѣчается чрезвычайно часто въ Забайкальской области. Вслѣдствіе этого, легче получить приговоры обществъ объ

открытіи училищъ съ обязательствомъ ежегоднаго ихъ содержанія, чѣмъ заставить родителей отправлять своихъ дѣтей въ тѣ же самыя училища, открытіе которыхъ они признали необходимымъ, и содержаніе которыхъ падаетъ на ихъ кошельки. Если общество и дѣлаетъ приговоръ объ открытіи училища, то это вовсе еще не значитъ, что большинство его членовъ дѣйствительно сознаетъ необходимость этой мѣры. Это по большей части пока еще дѣло начальства, и если исправникъ интересуется имъ, то отъ казаковъ, какъ и отъ врестьянъ и инородцевъ, получаютъ благопріятные приговоры; если же исправникъ относится къ этому дѣлу равнодушно, то никакія старанія учебнаго вѣдомства не въ состояніи открыть кошельки сельскихъ обывателей. Это подтверждается для Забайкальской области опытомъ: число училищъ увеличилось болѣе всего въ округахъ Нерчинскомъ, Нерчинско-Заводскомъ, Акинскомъ и Троицкосавскомъ, а въ этихъ округахъ исправники принимали живое участіе въ открытіи новыхъ училищъ; исправники же остальныхъ округовъ: Читинскаго, Селенгинскаго, Верхнеудинскаго и Баргузинскаго предоставили хлопоты объ этомъ одному учебному вѣдомству, и число народныхъ училищъ въ этихъ округахъ очень мало увеличилось, не смотря на то, что округи Верхнеудинскій и Селенгинскій богаче всѣхъ другихъ. Если бы вліяніе земской полиціи распространялось также на посѣщеніе учениками уроковъ, то и тутъ можно бы было ожидать болѣе отрадныхъ результатовъ. Но, къ сожалѣнію, этого нѣтъ; родители не могутъ быть принуждаемы обучать своихъ дѣтей; и можно добиться только того, что они соглашаются записать ихъ въ число учениковъ, а затѣмъ такіе ученики пропускаютъ столько уроковъ, что обученіе становится лишь номинальнымъ. Это—инерція массъ, противъ которой имѣется пока только одно средство—терпѣніе. Ежегодный взносъ на училища не великъ, и поэтому земской полиціи было бы сравнительно легко убѣдить общественниковъ, или по крайней мѣрѣ болѣе вліятельныхъ между ними, въ необходимости этого налога. Но ежедневное отправленіе ребенка въ училище стѣсняетъ мужика и ему лѣнь постоянно бороться противъ искушенія безпечности. Мальчикъ, хотъ и малъ еще, но въ состояніи уже исполнить нѣкоторыя работы, напримеръ, поить скоть, пасти телятъ, ѣздить за дровами и т. п., о чемъ отецъ, если мальчикъ въ училищѣ, долженъ позаботиться самъ и для этого оставить хотъ на время уютное мѣсто на печкѣ. Другое дѣло лѣтомъ, во время полевыхъ работъ: тутъ и восьмилѣтній мальчикъ дѣйствительно необходимъ родителямъ, и училище должно по-

кориться мѣстнымъ условіямъ и согласиться на чрезмѣрно продолжительныя лѣтнія вакаціи, а именно съ 15-го апрѣля по 15-е сентября. Во все это время училища закрыты, хотя учителя постоянно жалуются на длинныя каникулы, которыя принуждаютъ ихъ употреблять осенью чрезвычайно много времени на повтореніе уже пройденнаго, но за лѣто забытаго дѣтми. Во время же отъ 15-го сентября по 15-е апрѣля у сельскаго обывателя положительно нѣтъ такихъ работъ, которыхъ онъ не могъ бы исполнять самъ, и если онъ задерживаетъ сына дома и заставляетъ его работать, то причиною этому лишь его собственная лѣнь. Конечно, родители не соглашаются съ этими заключеніями и приводятъ разныя причины, а именно, что содержаніе обходится дорого, что нѣтъ средствъ покупать теплое платье и обувь и т. п. Первая причина заслуживаетъ вниманія только относительно родителей, живущихъ не въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ находится училище. Не всѣ родители имѣютъ достаточно средствъ, чтобы содержать своихъ дѣтей внѣ дома, хотя, за исключеніемъ только послѣднихъ неурожайныхъ годовъ, это содержаніе обходилось недорого и ограничивалось почти повсемѣстно доставкою родителями извѣстнаго незначительнаго количества съѣстныхъ припасовъ хозяйну квартиры. Кормить надобно ребенка и дома, а пропитаніе его внѣ семьи обходится немногимъ лишь дороже домашняго. Совершенно же неосновательны отзывы родителей о неимѣніи средствъ одѣвать дѣтей. Дѣти должны быть одѣты и дома; учитель не обращаетъ никакого вниманія на одежду и обувь дѣтей, а требуетъ только, чтобы они являлись въ училище умытыми и причесанными, и если одежда и обувь позволяютъ посылать мальчика въ лѣсъ за дровами, или на водопой, то они достаточно теплы и для того, чтобы грѣть его по дорогѣ въ училище. Всѣ вышеуказанныя возраженія родителей неосновательны; многіе изъ нихъ даже чувствуютъ это сами очень хорошо, и такъ какъ, не смотря на огромную силу собственной лѣни и безопасности, противъ которой имъ нужно бороться, необходимость обучать дѣтей и выходить, наконецъ, изъ этого неразвитаго и полусоннаго состоянія все болѣе и болѣе чувствуется населеніемъ, то чаще и чаще являются попытки со стороны родителей обучать дѣтей грамотѣ, не нарушая своихъ старыхъ привычекъ. А это довольно удобоисполнимо. Въ Забайкальской области много такъ называемыхъ грамотѣевъ. Это народъ довольно сомнительный, какъ относительно познаній, такъ и относительно нравственности. Они преимущественно люди преклонныхъ лѣтъ, дряхлые застарѣлые пьяницы, по большей части по-

селепцы; умѣютъ они всѣ читать славянскую печать и русскую, но плохо и часто безъ пониманія читаннаго; пишутъ они очень плохо и рѣдко въ состояніи составить хоть одно связанное предложеніе; изъ ариѳметики они знаютъ „цифирь“ и въ рѣдкихъ случаяхъ только знакомы съ четырьмя дѣйствіями надъ отвлеченными числами. Всѣ они прошли, такъ сказать, огонь и воду, ни на какую серьезную работу не способны, но за то смиренны, покорны и согласны на всѣ прихоти родителей. За содержаніе и незначительную плату, а очень часто и за одно содержаніе, такой грамотѣй соглашается обучать мальчика въ дому родителей, или у себя въ квартирѣ, смотря по желанію, и никогда уже не изъявляетъ неудовольствія на неправильное посѣщеніе ученикомъ его уроковъ. Такой учитель по сердцу мужику, къ нему можно отсылать мальчика, если онъ отцу не нуженъ или въ чемъ нибудь противенъ, а можно оставлять и дома и употреблять его на всевозможныя работы, какъ и когда вздумается. При этомъ совесть чиста, ребенокъ учился, и дѣло устраивается безъ всякихъ затрудненій и неудобствъ. Что все это ученіе ни къ чему не ведетъ, что ребенокъ послѣ трехъ-четырехъ-лѣтняго обученія у такого рода грамотѣевъ, такъ какъ они часто мѣняются, или вовсе не можетъ читать, или если можетъ, то только по одной знакомой ему уже книгѣ, что обученіе письму заключается въ начертаніи какихъ-то загадочныхъ буквъ и что все это по истеченіи двухъ, трехъ лѣтъ по окончаніи ученія уже забывается, все это въ большинствѣ случаевъ остается безъ послѣдствій, и рѣдко только случается, что отецъ рѣшается отдать такого ребенка въ приходское училище къ крайнему неудовольствію учителя, которому такого рода ученики доставляютъ несравненно болѣе хлопотъ и затрудненій, чѣмъ дѣти, вовсе еще не обучавшіяся. Если бы тѣмъ и кончилось все вліяніе этихъ, такъ называемыхъ, негласныхъ учителей, то можно бы было еще помириться съ ихъ дѣятельностью, къ прекращенію которой нѣтъ средствъ. Но они не довольствуются тѣмъ, что даромъ ѣдятъ хлѣбъ и пользуются копѣйкою мужика, а тормозятъ очень замѣтнымъ образомъ вліяніе приходскихъ училищъ. Во всѣхъ училищахъ казачьяго вѣдомства заведено преподаваніе чтенія и письма по звуковой методѣ и ариѳметики по методѣ Грубе и Евтушевскаго и дѣло идетъ, можно сказать, съ большимъ успѣхомъ. Эти же люди слишкомъ не развиты, чтобы самимъ познакомиться въ приходскихъ училищахъ съ упомянутыми методами и усвоить ихъ себѣ, а потому, боясь лишиться куска хлѣба, они стараются всѣми силами возбуждать родителей противъ школъ

новаго образца. Приэтомъ они указываютъ, прежде всего, на то, что дѣти въ приходскихъ училищахъ читаютъ по Родному Слову Ушинскаго разныя сказки о лисицахъ и т. п., но не умѣютъ читать псалтиря; затѣмъ они увѣраютъ родителей, что дѣти балуются только въ приходскихъ училищахъ, что тамъ слышны только пѣніе и пляски, и что дѣти именно поэтому начинаютъ охотно посѣщать училища, чего прежде вовсе не было, такъ какъ ихъ учили серьезно. Что такого рода критика остается не безслѣдною, въ этомъ можно убѣдиться изъ жалобъ учителей и изъ собственныхъ словъ родителей, повторяющихъ охотно слышанное, чтобы только оправдать свое нежеланіе отдавать дѣтей въ приходское училище. Не забота о душевномъ спасеніи дѣтей заставляетъ родителей роптать противъ того, что ученіе начинается гражданскою печатью и кончается церковною; если бы они заботились объ этомъ, то законоучители не жаловались бы единогласно на то, что дѣти, поступающія въ училище, почти никогда не знаютъ ни одной молитвы и даже не умѣютъ креститься, не смотря на то, что между ними встрѣчаются мальчики двѣнадцати и четырнадцати лѣтъ. И пѣніе, и гимнастика, и отмѣна прежнихъ избыточныхъ тѣлесныхъ наказаній не обратили бы на себя вниманія родителей, такъ какъ они вовсе не интересуются ученіемъ и никогда не заглядываютъ въ училище, въ которомъ учатся ихъ дѣти. Они повторяютъ только слышанное, вовсе не понимая даже, о чемъ имъ толкуютъ. Имъ понятно одно, что теперь дѣло дѣлается не такъ, какъ оно дѣлалось прежде; а такъ какъ имъ только нуженъ предлогъ, то всё стараніе объяснить имъ, по какимъ именно причинамъ отмѣненъ прежній порядокъ и замѣненъ другимъ, почти бесполезенъ. Они, конечно, соглашаются, но потому, что ничего не могутъ возразить; но они нисколько не убѣждены въ невѣрности своего взгляда, потому что на умѣ у нихъ не преимущество того или другаго способа преподаванія, а только желаніе отдѣлаться отъ непріятности отсылать дѣтей въ такъ называемое казенное или строгое училище. Но тутъ слово „строгое“ не означаетъ строгаго обращенія учителя съ учениками, напротивъ, родители недовольны, что дѣтей балуютъ, а строгость заключается въ томъ, что требуется правильное, ежедневное посѣщеніе уроковъ.

Почти всё нынѣ существующія начальныя училища Забайкальской области учреждены послѣ 1850 года: до этого времени существовало лишь семь или восемь училищъ. Изъ памятной книжки Забайкальской области за 1871 годъ видно, что по официальнымъ свѣ-

дѣніямъ считалось тогда всего 285 начальныхъ училищъ, въ числѣ ихъ и два дѣтскихъ пріюта, такъ какъ ихъ курсъ равняется курсу начального училища. Изъ этихъ училищъ въ вѣдѣніи штатныхъ смотрителей Нерчинскаго, Верхнеудинскаго и Троицкосавскаго состояло 22 приходскія училища, въ вѣдѣніи исправника Нерчинско-заводскаго округа—3 училища, а въ вѣдѣніи управленія Забайкальскаго казачьяго войска 16 батальонныхъ и полковыхъ школъ и 242 такъ называемыхъ поселковыхъ или частныхъ школъ. Въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ низшаго разряда обучалось 8,988 учениковъ, а именно: въ такъ называемыхъ поселковыхъ или частныхъ школахъ 7,251, въ 16 батальонныхъ и полковыхъ школахъ — 667 учениковъ и въ дѣтскихъ пріютахъ и 25 прочихъ училищахъ 1,070 учениковъ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ 1871 г. начальное образованіе получалъ одинъ изъ 48 жителей обоаго пола всей области (считая народонаселеніе въ 1871 году 431,000 душъ). Нужно согласиться, что такое число учащихся грамотѣ, составляющее 2^о/_о народонаселенія, очень значительно для столь отдаленной и малонаселенной области; но свѣдѣнія, которыя сообщаетъ памятная книжка, окажутся еще поразительнѣе, если обратить вниманіе на гражданское число учащихся въ казачьемъ войскѣ: изъ 130,400 душъ казачьяго населенія посѣщали школу 7,918 дѣтей, что составляетъ 6^о/_о населенія. Поэтому крайне страшнымъ кажется то обстоятельство, что, несмотря на такое значительное число училищъ и учащихся, не только въ области вообще, но и между казаками встрѣчается такъ мало грамотныхъ. Дѣти посѣщали и посѣщаютъ по настоящее время училища очень неправильно; но, несмотря на это, такое значительное число учащихся должно бы было имѣть на грамотность населенія гораздо больше вліянія, чѣмъ то, которое оно имѣло въ дѣйствительности. На это намекаетъ и статья памятей книжки, указывая на крайне скудные средства, на которыя содержались эти учебныя заведенія. Въ статьѣ упомянуто, что 259 школъ казачьяго вѣдомства расходовали ежегодно до 3,500 руб., но не прибавлено, что изъ этой суммы русско-монгольская школа расходовала около 1,000 р., 16 батальонныхъ и полковыхъ школъ — около 2,500 руб., а 242 поселковыхъ школъ—ничего.

Эти школы существовали, такъ сказать, безъ средствъ, а потому и не приносили никакой пользы. Онѣ были учреждены, начиная съ 1855 года, то-есть приказано было, чтобы по возможности въ каждомъ селеніи встроены былъ училищный домъ, нанятъ учитель и со-

браны дѣти въ училища. На полковыхъ писарей указано было, какъ на людей, которые могли бы въ свободное время преподавать грамоту, такъ что ни одинъ поселокъ не могъ отозваться неимѣніемъ учителя. Приказаніе было, по возможности, исполнено: если не во всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ очень многихъ селеніяхъ дѣйствительно были выстроены училищные дома, состоящіе изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ холоднымъ корридоромъ; одна комната назначалась для училища, другая для квартиры учителя; отопленіе должно было доставляться натурою отъ общества. Но многіе поселковые писаря по малограмотности и по другимъ причинамъ не могли, или не хотѣли исполнять обязанности учителей; вмѣсто нихъ въ такомъ случаѣ являлись учителями разнаго рода грамотѣи, поселенцы, каторжные и престарѣлые пьяницы, которые не могли найти себѣ другаго занятія по негодности къ труду, — въ очень же многихъ случаяхъ поселковые школы служили хорошимъ предлогомъ для уклоненія отъ строевой службы. По уставу Забайкальскаго казачьяго войска, учителя выбираются обществомъ и освобождаются отъ всякой службы, какъ фронтной, такъ и внутренней. Казаки должны были служить въ фронтной службѣ, соблюдая извѣстную очередь, въ каждый призвъ по одному году; отъ этой обязанности они всегда старались уклоняться подъ всѣми возможными предлогами. Если приходилось казаку отправляться на службу, и онъ зналъ грамоту хоть на столько, что могъ кое-какъ читать по складамъ или начертывать каракули вмѣсто буквъ, то онъ просилъ общество выбрать его на должность поселковаго учителя. Общества, конечно, пользовались охотно этимъ выгоднымъ для себя положеніемъ: они должны были имѣть училища; даромъ ни малограмотный поселковый писарь, ни вообще кто нибудь не желалъ трудиться; желающихъ же освободиться отъ очередной строевой службы всегда было очень много. Составлялись торги: кто бралъ дешевле, того выбирали; выдать же себя за грамотнаго передъ собраніемъ людей неграмотныхъ очень не трудно, и общества достигали исполненія предписанія начальства за сравнительно дешевую цѣну. Способъ вознагражденія учителей былъ двойной: или учитель получалъ отъ общества извѣстное жалованіе за каждый учебный мѣсяць, или же получалъ плату съ каждаго ученика и тоже за каждый учебный мѣсяць. Въ первомъ случаѣ, общество должно было выдать учителю за каждый учебный мѣсяць отъ 5—6 руб.; во второмъ родители каждаго ученика должны были платить учителю отъ 15—25 коп. за учебный мѣсяць, если

мальчикъ посѣщаль училище. Первый порядокъ предпочитается учителями, второй обществами; въ первомъ случаѣ учитель получитъ, считая въ году пять учебныхъ мѣсяцевъ, отъ 25—30 руб. вѣрнаго дохода; во второмъ же случаѣ, его доходъ зависѣлъ отъ числа учащихся, а также и отъ желанія родителей уплачивать слѣдующія учителю деньги. Такъ какъ въ дѣйствительности число учащихся было несравненно ниже, чѣмъ оно показывалось въ ежегодныхъ отчетахъ, то доходъ учителя былъ очень незначителенъ, и приходилось ему иногда получать отъ 1 руб. 50 коп. до 3 руб. въ мѣсяць, да и тѣ еще надобно было собирать. Общества всегда предпочитали выбирать на должности учителей, если только представлялась возможность, казаковъ, стоящихъ на очередной службѣ, потому что такіе учителя мало дорожили деньгами, а были довольны уже и тѣмъ, что имѣли законный предлогъ остаться дома. Если же, по какимъ нибудь обстоятельствамъ, обществу не удавалось выбрать казака, то оно выбирало грамотѣя, который, кромѣ упомянутой выше платы, получалъ еще отъ родителей учащихся дѣтей известное количество муки, или же ходилъ обѣдать по очереди къ родителямъ своихъ учениковъ. Такимъ образомъ, устраивались училища и пріобрѣтались учителя, учениковъ же въ такія училища станичныя правленія доставляли посредствомъ, такъ называемаго, наряда. На общественныхъ сходахъ назначалось ежегодно, сколько дѣтей изъ каждой деревни должно посѣщать училище, а на поселковыхъ сходахъ уже назначались именно родители, которые въ данномъ году обязаны были нести эту повинность и отдать своихъ дѣтей въ училище. При этомъ соблюдалось и то требованіе справедливости, чтобы повинность эта была распредѣлена, по возможности, равномерно на всѣхъ родителей. Если, напримѣръ, какой нибудь отецъ желовался, что изъ его сыновей трое были назначены въ училище, тогда какъ у другаго казака назначался только одинъ, то дѣло это разсматривалось подробно и, если жалоба была основательна, то нарядъ отменялся; если же послѣднее оказывалось уже неудобноисполнимымъ, то обѣщали отцу на два или на три слѣдующіе года освободить его совершенно отъ этой повинности за то, что въ этомъ году у него взяли въ училище троихъ дѣтей. Позволялось тоже замѣнять одного ученика другимъ. Въ училищѣ учился, напримѣръ, мальчикъ, но отцу его по какимъ нибудь причинамъ онъ оказывается нужнымъ дома; въ такомъ случаѣ отецъ поступалъ совершенно законно, если бралъ этого сына изъ училища временно, то-есть на одинъ или на два мѣсяца, или даже совсѣмъ

бралъ домой, но только на это время отдавалъ въ училище другаго мальчика, своего сына, или сына другаго казака, съ которымъ онъ входилъ въ соглашеніе. Впрочемъ, на практикѣ это правило рѣдко соблюдалось; оно примѣнялось только въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо было, чтобы число находящихся въ училищѣ учениковъ сходилось съ числомъ, показаннымъ въ нарядѣ.

И такъ общества дѣлали все, что могли, для исполненія приказанія: они учредили училища, нашли учителей и учащихся, но они не могли снабжать свои школы учебниками. Какъ бы ни были плохи учителя, они могли бы дѣлать больше, чѣмъ дѣлали въ дѣйствительности, если бы имѣли въ своемъ распоряженіи достаточное количество учебниковъ. Но въ этихъ послѣднихъ оказывается повсемѣстно крайній недостатокъ. Дѣти учили азы по всевозможнымъ лоскуткамъ печатныхъ листовъ; если учителю какимъ нибудь образомъ удавалось достать экземпляръ азбуки, то онъ раздѣлялъ таковой на нѣсколько частей, а иногда на отдѣльные листы, и эти лоскутки раздавались ученикамъ, считая по два, по три и по четыре ученика на одинъ лоскутокъ. Но не всегда удавалось найти азбуку; въ такомъ случаѣ бралась первая попавшаяся книга; случалось даже видѣть, что передъ учениками лежали лоскутки „Сына Отечества“. Бумаги и чернилъ тоже не имѣлось въ достаточномъ количествѣ, и поэтому дѣти рѣдко учились писать, преподаваніе же заключалось преимущественно въ выучиваніи азовъ и въ чтеніи по складамъ. Неудивительно, что такого рода учебныя заведенія не приносили никакой пользы, и что дѣти, пробывъ въ нихъ по три и по четыре года, оставались неграмотными, или если и научались читать, то очень медленно и положительно безъ пониманія читаемаго.

Полковыя и батальонныя школы представляли, такъ сказать, учебныя заведенія высшаго противъ поселковыхъ школъ разряда. Полковые и батальонные командиры выбирали лучшихъ учениковъ изъ поселковыхъ школъ и помѣщали ихъ въ полковыя и батальонныя школы, въ которыхъ они оканчивали свое образованіе. На эти училища Забайкальское казачье войско ассигновало ежегодно 2,610 руб., изъ которыхъ на содержаніе учителей и законоучителей расходовалось 1,170 рублей, остальные 1,440 выдавались въ пособіе бѣднѣйшимъ ученикамъ, по 8 руб. въ годъ каждому, такъ что 180 мальчиковъ могли пользоваться этимъ пособіемъ. Законоучителю назначалось 42 рубля въ годъ, а учителю 35 рублей, и всего только пятнадцать школъ получали это пособіе. На первый взглядъ кажется, что и эти

училища были поставлены не лучше поселковыхъ школъ, такъ такъ немислимо найдти хорошаго учителя за годовую плату въ 35 рублей; но на практикѣ выходитъ немного иначе. Школы эти находились подъ непосредственнымъ наблюдениемъ полковыхъ и батальонныхъ командировъ, нуждавшихся постоянно въ грамотныхъ людяхъ какъ для своихъ канцелярій, такъ и для удовлетворенія требованій изъ Читы. Они выбирали изъ писарей самыхъ способныхъ людей и, вмѣсто занятій въ канцеляріи, поручали имъ училище, чѣмъ писаря почти всегда оставались очень довольны, такъ какъ эти занятія въ училищѣ считались имъ за службу и были сравнительно легче, чѣмъ занятія въ канцеляріи, гдѣ приходилось заниматься по десяти и больше часовъ въ день. Иногда на должность учителей назначались богатые, но неграмотные казаки, которые въ такомъ случаѣ нанимали учителя отъ себя. Бумагою, чернилами и перьями училища снабжались изъ канцелярій полковыхъ и батальонныхъ правленій въ достаточномъ количествѣ; хуже было обставлено дѣло относительно учебниковъ, въ которыхъ и эти училища терпѣли крайній недостатокъ, хотя и употреблялись всевозможныя старанія для пріобрѣтенія учебниковъ и учебныхъ пособій. Но само собою разумѣется, что снабженіе училищъ учебниками дѣло очень трудное, если нѣтъ средствъ, и если за каждою азбукою надобно обращаться въ книжный магазинъ Москвы и Петербурга.

Начальство казачьяго войска приняло на себя задачу распространить грамотность въ средѣ казачьяго населенія, не имѣя въ своемъ распоряженіи ни годныхъ учителей въ достаточномъ числѣ, ни необходимыхъ для этого денежныхъ средствъ, и надобно сознаться, что это, на первый взглядъ невозможное, предпріятіе увѣнчивалось успѣхомъ, благодаря военному строю казаковъ и энергіи офицеровъ, которымъ поручено было приводить въ исполненіе этотъ планъ. Конечно, не надобно обращать вниманіе на огромное число училищъ и учащихся: эти цифры годны только для того, чтобы красоваться въ статьяхъ, и могутъ произвести впечатлѣніе лишь на челоуѣка, незнакомаго съ дѣломъ; всякій же, хоть немного свѣдующій въ этомъ дѣлѣ, пойметъ, что невозможно содержать 252 школы безъ денегъ. Но дѣло въ томъ, что ошибка, допущенная при учрежденіи поселковыхъ школъ, которыя не приносили ровно никакой пользы, сглаживалась успѣхами полковыхъ и батальонныхъ школъ. Эти послѣднія давали войску все-таки довольно значительное число грамотныхъ людей, въ которыхъ оно очень нуждалось и которыхъ взять

было не откуда. И все это достигалось расходомъ въ 2,610 рублей въ годъ, изъ которыхъ большая половина тратилась не на училища, а на учениковъ. Настоящихъ учителей вовсе не было, приходилось довольствоваться писарями, людьми, главное достоинство которыхъ состояло въ томъ, что они владѣли хорошимъ почеркомъ, и несмотря на все это и на отсутствіе учебниковъ, получались все-таки результаты, которые нужно считать въ высшей степени удовлетворительными.

Какъ въ настоящее время, такъ и до преобразованія казачьяго войска родители вовсе не желали отдавать своихъ дѣтей въ училища, а если и соглашались на это, то старались, чтобы причисленіе къ училищу было только номинальное, ребенокъ же оставался бы преспокойно дома. Теперь это устроить очень легко, но не такъ легко удавалось это прежде. При ревизіи полковыхъ школъ командиры выбирали болѣе способныхъ дѣтей и помѣщали ихъ въ батальонныя и полковыя школы, которыя находились подъ ихъ непосредственнымъ надзоромъ и помѣщались почти всегда рядомъ съ квартирою командира. Въ эти училища поступали ученики во всякое время и съ очень различной подготовкой, такъ что учитель не могъ заниматься со всѣмъ классомъ заразъ, если бы онъ даже и умѣлъ это сдѣлать, а занимался почти съ каждымъ ученикомъ отдѣльно, или, по крайней мѣрѣ, дѣлилъ учащихся на группы изъ двухъ или трехъ учениковъ. Само собою разумѣется, что при такой постановкѣ дѣла болѣе слабые или лѣнивые ученики отставали и никогда не кончали курса; на нихъ обращалось мало вниманія и съ нихъ не взыскивалось, если они пропускали уроки, такъ какъ они только мѣшали учителю заниматься съ болѣе способными учениками. Но за то эти послѣдніе шли впередъ, потому что должны были посѣщать уроки правильно. Родители не смѣли отвлекать ихъ отъ занятій, такъ какъ командиры въ этомъ дѣлѣ шутить не любили. Если же отецъ какого нибудь ученика представлялъ свидѣтельство о бѣдности и этимъ старался освободить сына изъ училища, то ему выдавали изъ упомянутыхъ выше 1,440 рублей субсидію въ 8 руб. въ годъ, чѣмъ дѣло и оканчивалось и никакихъ тяжбъ и просьбъ больше не принималось. Такимъ образомъ, ученикъ долженъ былъ волею-неволею кончить ученіе, и при этомъ не обращалось вниманія на число лѣтъ, которыя онъ проводилъ въ училищѣ, лишь бы кончилъ.

При учителяхъ, взятыхъ изъ писарей, не имѣвшихъ никакой подготовки, нельзя было и требовать, чтобы училища давали развѣтыхъ

учениковъ. По окончаніи курса ученикъ читалъ бѣгло любую книгу, но не могъ дать отчета о читанномъ, писалъ красивымъ почеркомъ съ прописки или съ печатной книги, но рѣдко могъ писать подъ диктовку; зналъ употребительнѣйшія молитвы, заповѣди и символъ вѣры наизусть, а также наизусть краткую священную исторію Новаго и Ветхаго Завѣта, если въ училищѣ были такого рода руководства; зналъ четыре правила ариеметики, иногда даже именованныя числа и имѣлъ нѣкоторые свѣдѣнія изъ всеобщей географіи и русской исторіи. Если онъ съ такими познаніями возвратился бы домой, то позабылъ бы, въ большинствѣ случаевъ, все, чему учился, потому что, какъ выше уже сказано, на развитіе не обращалось вниманіе, а только на память. Но командиры вовсе не желали трудиться безъ пользы и выпускать изъ рукъ мальчиковъ, которыхъ они обучали такъ старательно. Кончившаго курсъ ученика, по большей части на 16-мъ году, брали въ канцелярію и приучали мало по малу къ дѣлу. Этимъ путемъ шло очень значительное число людей, которые въ настоящее время вышли въ офицеры и занимаютъ видныя мѣста въ войскѣ. Эти люди не високаго образованія, но практическіе дѣятели, которые, будучи очень хорошо знакомы съ нуждами своихъ обществениковъ, соотвѣтствуютъ своему назначенію и приносятъ казачьему населенію много пользы.

Несравненно менѣе пользы приносили приходскія училища гражданскаго вѣдомства, несмотря на то, что они имѣли несравненно болѣе средствъ. Это относится, впрочемъ, только къ сельскимъ и инородческимъ училищамъ; городскія же приходскія училища болѣе соотвѣтствовали своему назначенію, и преподаваніе въ нихъ было даже нѣсколько лучше, чѣмъ въ войсковыхъ школахъ, потому что они лучше снабжены учебниками. Подъ надзоромъ командира находилось только одно училище, и онъ имѣлъ возможность заставить учениковъ посѣщать уроки исправно и оставаться въ училищѣ до окончанія курса; кромѣ того, онъ могъ заставить способнаго учителя служить за годовое жалованье въ 36 рублей, пока не окончится десятилѣтній срокъ его службы. Этимъ въ высшей степени выгоднымъ положеніемъ командиры умѣли пользоваться вполне и достигали вслѣдствіе этого очень хорошихъ результатовъ. Штатный же смотритель имѣлъ подъ своимъ вѣдѣніемъ, кромѣ сельскихъ приходскихъ школъ, и уѣздное училище, такъ что на первыхъ не могъ обращать много вниманія. Да и при всемъ желаніи онъ не могъ достигнуть хорошихъ результатовъ. Не всегда доходило жалованье учителя до 300 руб., а и

за такую плату трудно найти учителя въ краѣ, въ которомъ грамотныхъ людей очень мало, и они вслѣдствіе этого легко могутъ найти себѣ занятія, оплачиваемыя гораздо дороже. Дѣти посѣщали училище очень неправильно и рѣдко оставались въ немъ до окончанія курса. Окончившій курсъ мальчикъ возвращался домой, не бралъ въ руки болѣе ни книги, ни пера, такъ что скоро забывалъ механически выдолбленную грамоту и черезъ два, три года сохранялъ, какъ результатъ ученія, только способность подписывать свою фамилію трудно разбираемыми каракулями. Училища теряли всякое довѣріе у народа, и отецъ былъ очень доволенъ, если имѣлъ предлогъ не отдавать мальчика въ руки учителя: ученіе вѣдь не приносило никакой пользы.

Встрѣчались, конечно, и тутъ исключенія: были учителя получше другихъ, которые въ виду явной невозможности вести впередъ весь классъ, давали всѣмъ ученикамъ какія нибудь занятія, и затѣмъ обращали свое вниманіе исключительно на одного, двухъ или трехъ способныхъ и прележныхъ мальчиковъ. Если родители при этомъ были благоразумны и не довольствовались окончаніемъ курса въ приходскомъ училищѣ, а отправляли сына въ уѣздное училище, то мальчикъ пріобрѣталъ высшую степень образованія, возможную въ то время въ Забайкальской области. Но это все мелкія исключенія, которыя не могутъ измѣнить общаго вывода, что результаты достигнутые сельскими училищами гражданскаго вѣдомства, были крайне неудовлетворительны.

Въ 1872 году послѣдовало преобразование Забайкальскаго казачьяго войска, которое имѣло большое вліяніе на начальныя училища. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта было постановлено: „существующія въ забайкальскомъ казачьемъ войскѣ полковныя и баталіонныя школы переименовать въ приходскія училища и вмѣстѣ съ русско-монгольской школою, передать въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Въ дополненіе къ суммамъ, отпускаемымъ изъ казны и войсковыхъ капиталовъ на содержаніе этихъ школъ, ассигновать къ ежегодному отпуску изъ государственнаго казначейства еще 7,543 р.

3) Учредить должность областнаго инспектора народныхъ училищъ“.

Вслѣдствіе этого исправникамъ было предписано объявить казакамъ, что училища перешли въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія, что, по существующимъ законамъ, казаки болѣе не обя-

заны отдавать своихъ дѣтей въ училища, а что каждый отецъ въ правѣ поступать въ этомъ отношеніи такъ, какъ ему заблагоразсудится. Инспектору народныхъ училищъ затѣмъ были переданы тринадцать полковыхъ и баталіонныхъ школъ и русско-монгольскихъ школъ; при первомъ осмотрѣ ихъ оказалось, что кромѣ того существуютъ еще во многихъ селеніяхъ такъ называемыя частныя или полковыя школы, число которыхъ не было извѣстно, и которыя остались временно безъ всякаго надзора.

Въ тринадцати школахъ, называвшихся прежде полковыми и баталіонными, а теперь переименованными въ приходскія училища, оказалось приблизительно до 580 учениковъ; положительныхъ же свѣдѣній не было возможности получить. И эта цифра обозначала не дѣйствительное число учениковъ, а только число тѣхъ, которые по наряду должны были посѣщать училища. При военномъ управленіи нарядъ и дѣйствительное число учащихся ве очень удалялись другъ отъ друга, потому что командиры требовали безъ отговорокъ правильнаго посѣщенія уроковъ и имѣли возможность настоять на исполненіи своихъ приказаній. Со времени же перехода училищъ въ гражданское вѣдомство, разница между двумя вышеупомянутыми величинами стала до того поразительна, что не было никакой возможности принимать число учениковъ по наряду за число дѣйствительно учащихся. Въ русско-монгольской школѣ оказалось при принятіи училищъ отъ военнаго вѣдомства 18 учениковъ.

Какъ уровень познаній и успѣховъ учениковъ одного и того же училища, такъ и вообще уровень успѣховъ училищъ между собою оказались очень различны. Въ большинствѣ училищъ находилось двое или трое учениковъ, ушедшихъ далеко впередъ, тогда какъ остальные мальчики могли только кое-какъ читать и писать съ прописей или съ печатной книги; изъ ариметики преподавались именованныя числа тоже только лучшимъ ученикамъ, остальные же проходили только дѣйствія надъ отвлеченными числами. Учебниковъ оказалось вездѣ очень мало: во многихъ училищахъ имѣлись такъ называемыя библіотеки, но въ нихъ находились такія изданія, какъ на примѣръ, нѣкоторые томы Военнаго Сборника и другихъ журналовъ, но очень немного книгъ, по которымъ возможно было бы обучать дѣтей, или которыя могли бы годиться ученикамъ для внѣкласснаго чтенія. Учителями были люди, которые, повидимому, занимались усердно и желали передать ученикамъ столько познаній, сколько имѣли они сами; это доказывается уже тѣмъ, что они старались познакомить лучшихъ

учениковъ съ пропорціями, исторіей и географіей. Но все это были учителя-самоучки, которые сами учились только въ приходскихъ училищахъ и были вполнѣ увѣрены, что совершенно достаточно, если мальчикъ читаетъ бѣгло, пишетъ красивымъ почеркомъ и знаетъ назусть ариметическія правила, отвосляціяся до четырехъ дѣйствій; а какъ сказано выше, лучшихъ учениковъ кромѣ того старались ознакомить даже съ тройными правилами, съ географіей и исторіей. Что ученіе шло не дружно, что лишь очень немногіе ученики умѣли читать бѣгло, что большинство ихъ сильно отставало, и что почти каждый ученикъ составлялъ особое отдѣленіе и учился по особой книгѣ или, лучше сказать, по особому лоскутку книги, все это учителя объясняли тѣмъ, что дѣти въ Забайкальской области вообще очень глупы, такъ что будто бы нѣтъ возможности требовать отъ всѣхъ, чтобы они понимали то, что читали. Затѣмъ они указывали на то обстоятельство, что дѣти поступали въ училища во всякое время, въ началѣ, въ срединѣ, въ концѣ курса, такъ что устройство двухъ или трехъ отдѣленій въ школѣ было совершенно невозможно, да и кромѣ того этому препятствовало неимѣніе учебниковъ. Чтобы дать каждому вновь начинающему занятія, необходимо было разрывать учебники и раздавать ученикамъ отдѣльные листки, такъ что по неволѣ каждый ученикъ имѣлъ свой отдѣльный урокъ, который онъ долженъ былъ выучить. Кромѣ всего этого учителя объявили, что они не желаютъ больше заниматься за 35 р. въ годъ. Этого надобно было и ожидать, такъ какъ съ переходомъ училищъ въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія никто уже не былъ въ правѣ заставлять ихъ противъ воли заниматься въ училищѣ; ожидать же, чтобы человѣкъ, который могъ найти вездѣ занятіе за хорошее вознагражденіе, согласился быть учителемъ за такую ничтожную плату, было бы смѣшно.

Необходимо было улучшить положеніе учителей на столько, чтобы порядочный человѣкъ охотно шелъ на должность приходскаго учителя, и снабдить учителей и учениковъ—первыхъ хорошими руководствами, а вторыхъ хорошими учебниками въ достаточномъ количествѣ. Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта поставило инспектора народныхъ училищъ въ очень выгодное положеніе въ этомъ отношеніи: оно дало ему значительныя денежныя средства, такъ какъ прежде существовавшія средства вмѣстѣ съ вновь ассигнованными дали ему возможность расходовать на казачьи училища ежегодно 11,333 р. Изъ этой суммы на русско-монгольскую школу

потребовалось около 2,000 р., такъ что для приходскихъ училищъ осталось 9,333 р. Изъ этой суммы учителю назначалось 300 р., законоучителю 42 р., на училищную бібліотеку, классныя и канцелярскіе матеріалы 50 р., такъ что каждое училище стоило ежегодно 392 р. При этомъ требовалось, чтобы общество, желавшее имѣть училище, обязалось въ своемъ приговорѣ давать отъ себя удобное помѣщеніе для училища и учителя съ отопленіемъ; (въ послѣдствіи же требовалось отъ общества, чтобы оно взяло на себя и часть денежныхъ расходовъ, что и дало возможность значительно увеличить число народныхъ училищъ).

При такомъ расходѣ на каждое училище, въ началѣ получался значительный остатокъ, такъ какъ училищъ было только тринадцать. Это обстоятельство позволило выписать изъ книжныхъ магазиновъ руководства и учебники въ большомъ количествѣ и такимъ образомъ устранилось самое чувствительное препятствіе къ рациональному преподаванію—неимѣніе учебниковъ.

Отъ начальнаго учителя требуется, чтобы онъ имѣлъ аттестатъ о выдержаніи положеннаго испытанія. Никто изъ прежнихъ учителей баталіонныхъ и полковыхъ школъ не имѣлъ этого аттестата, и только одинъ или два изъ нихъ были въ состояніи сдать экзаменъ по той причинѣ, что они получили сами очень ограниченное образованіе и въ особенности находились въ враждебныхъ отношеніяхъ съ правилами правописанія. Строгое исполненіе устава о пачальныхъ училищахъ требовало по этому увольненія всѣхъ прежнихъ учителей и замѣны ихъ другими, окончившими по крайней мѣрѣ курсъ уѣзднаго училища. Но прежніе учителя были въ большинствѣ случаевъ люди добросовѣстные и преданные своему дѣлу; многіе изъ нихъ занимались уже много лѣтъ преподаваніемъ грамоты, и если они и допускали при этомъ много ошибокъ, то это происходило отъ незнанія ихъ съ основными правилами педагогики—недостатокъ исправимый. За то они умѣли обращаться съ учениками и имѣли полное желаніе исправить прежнія ошибки. Не было никакого затрудненія всѣхъ ихъ уволить, но было очень затруднительно и даже невозможно найти на ихъ мѣста учителей, соответствующихъ всѣмъ требованіямъ устава. Въ Забайкальской области существуютъ только три уѣздныя училища, слѣдовательно число оканчивающихъ ежегодно полный курсъ этихъ заведеній не велико, а число получающихъ аттестатъ—еще меньше. Кромѣ того, на практикѣ оказалось, что учителя, получившіе аттестатъ изъ уѣздныхъ училищъ и слѣдовательно имѣвшіе

полное право быть учителями начальныхъ школъ, нерѣдко уже успѣли забыть выученное и вслѣдствіе этого тоже отступали отъ правилъ грамматики. Поэтому было испрошено и получено разрѣшеніе отъ главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири, допускать временно въ приходскихъ училищахъ Забайкальской области учителей, не имѣющихъ права преподавать въ начальныхъ училищахъ, пока Иркутская учительская семинарія, учрежденная въ 1872 году, не будетъ въ состояніи снабдить всѣ начальные училища систематически подготовленными учителями. Пржеііе учителя остались сначала всѣ на занимаемыхъ ими должностяхъ, но не надолго; нѣкоторые находили, что жалованье въ 300 р. недостаточно вознаграждаетъ ихъ труды и просили объ увольненіи, какъ скоро кончится для нихъ срокъ обязательной службы. Согласно уставу казачьяго войска, казакъ долженъ служить въ должности писаря 10 лѣтъ, а служба въ должности учителя считалась и считается на равнѣ съ нею.

Такъ какъ штатный писарь получаетъ въ присутственныхъ мѣстахъ 10—16 р. въ мѣсяць, то для казака, конечно, выгоднѣе отбывать служебный срокъ въ должности учителя. По окончаніи же обязательнаго срока, грамотный казакъ легко можетъ найти, какъ въ правительственной, такъ и въ частной службѣ, занятія въ денежномъ отношеніи далеко болѣе выгодныя, чѣмъ должность приходскаго учителя, потому что грамотность цѣнится въ области пока еще очень дорого. Пржеііе учителя, кончившіе срокъ службы, уходили; надобно было замѣнять ихъ другими и, кромѣ того, отыскивать для вновь отсрѣывающихся училищъ. Почти единственнымъ источникомъ, изъ котораго вообще возможно было выбирать годныхъ людей, были опять писаря, которые охотно соглашались на дѣлаемые имъ предложенія, но конечно всегда только до окончанія учебнаго срока, какъ уже было сказано выше. Чтобы не оставлять учительскихъ должностей вакантными, приходилось очень часто назначать людей, которые при другихъ обстоятельствахъ были бы признаны негодными и которые увольнялись при первомъ удобномъ случаѣ, то-есть, если находился другой, повидимому, болѣе надежный кандидатъ. Слѣдствіемъ этого были безпрестанныя перемѣны въ личномъ составѣ приходскихъ учителей, что, конечно, очень неблагоприятно вліяло на ходъ преподаванія. При ревизіи училищъ вниманіе учителей обращалось на руководства, находившіяся въ очень недостаточномъ количествѣ въ училищныхъ бібліотекахъ ихъ познакомили съ преподаваніемъ чтенія и письма по звуковой методѣ и ариметики по руководствамъ Паульсона и Евтушевскаго. Но не го-

вора уже о томъ, что эти указанія, при кратковременномъ пребываніи инспектора въ одномъ училищѣ, не были достаточны для того, чтобы учителя совершенно познакомилъ съ правилами раціональнаго преподаванія, приходилось почти каждый разъ начинать снова, такъ какъ очень часто въ промежутокъ между двумя ревизіями учителя перемѣнялись. Въ головахъ учениковъ отъ безпрестаннаго смѣшиванія старыхъ и новыхъ методовъ преподаванія образовалась путаница, которая угрожала принять опасные для учителя размѣры.

Сначала не было возможности уничтожить это зло, потому что вѣчно перемѣнявшіеся учителя и крайне неправильное посѣщеніе училищъ со стороны учениковъ не позволяли ввести правильной системы. Въ 1876 году первое препятствіе отчасти устранилось, такъ какъ къ этому времени большинство учителей состояло уже изъ лицъ, желавшихъ, по словамъ ихъ, оставаться и на будущее время преподавателями. Поэтому въ сказанномъ году созванъ былъ учительскій съѣздъ, продолжавшійся полтора мѣсяца, на который собрались 25 учителей, то-есть, всѣ учителя тѣхъ училищъ, общества которыхъ согласились дать учителямъ безвозмездно подводы.

При съѣздѣ было устроено училище, состоявшее изъ трехъ отдѣленій, и главная цѣль съѣзда состояла въ томъ, чтобы пріучить учителей преподавать чтеніе, письмо и ариѣметику по раціональнымъ методамъ и научить ихъ управлять училищемъ, раздѣленнымъ на три отдѣленія. Такъ какъ, согласно приговорамъ общества, учебный годъ долженъ былъ начинаться съ 15-го сентября и кончатся страстно недѣлю въ тѣ года, когда Пасха празднуется позже 15-го апрѣля, а перваго мая въ тѣ года, когда Пасха празднуется позже этого дня, то на съѣздѣ положено было распредѣлить весь курсъ приходскаго училища на пять лѣтъ. Изъ этого срока на первое и второе отдѣленія назначалось по полтора года и на третье отдѣленіе—по два года, съ тѣмъ, чтобы ученики этого отдѣленія послѣднее полугодіе занимались преимущественно письменными работами и повтореніемъ пройденнаго. Назначить такой продолжительный срокъ было необходимо, во первыхъ, по причинѣ краткости учебнаго года, а во вторыхъ и потому, что громадное большинство дѣтей, возвратясь по окончаніи курса обратно въ свои деревни, не беретъ уже болѣе книги въ руки. Ребенокъ, обучавшійся только три года, забываетъ впослѣдствіи все, чему учился въ школѣ, и поэтому въ высшей степени желательнo занимать дѣтей въ школѣ болѣе продолжительное время. Къ этимъ соображеніямъ присоединялось еще то обстоятельство, что

учитель только въ такомъ случаѣ можетъ заниматься успѣшно, если всегда занимается со всѣмъ отдѣленіемъ, и все отдѣленіе идетъ впередъ равномерно. Въ противномъ случаѣ въ отдѣленіяхъ являются еще подраздѣленія; силы и вниманіе учителя раздробляются, такъ что онъ уже не можетъ руководить всѣмъ классомъ. Если бы дѣти посѣщали училище правильно, что было бы вполне возможно при краткости учебнаго года, то вѣтъ сомнѣній, курсъ каждаго отдѣленія можно было бы проходить скорѣе. Но безпрестанные упуски то тѣхъ, то другихъ учениковъ требуютъ повторенія пройденнаго въ ихъ отсутствіи, поэтому отдѣленія двигаются впередъ очень медленно. Затѣмъ учителя жалуются еще, что во время лѣтнихъ вакацій такъ много забывается учениками, что значительная часть перваго полугодія употребляется на повтореніе пройденнаго въ предыдущемъ учебномъ году.

Всѣмъ обществамъ было сообщено, что ученики могутъ быть принимаемы безъ испытанія въ младшее отдѣленіе приходскаго училища только черезъ каждые полтора года; дѣти же, сдавшія экзаменъ изъ того, что уже пройдено отдѣленіемъ, приписываются во всякое время среди курса какъ это дѣлалось и прежде, но безъ различія, для всѣхъ вообще желающихъ поступить въ училище. Затѣмъ съѣздъ занимался еще точнымъ опредѣленіемъ курса, и было рѣшено исключить изъ него всѣ предметы, не входящіе по программѣ въ составъ этого курса. Если же нѣкоторые родители пожелали бы, чтобы дѣти ихъ обучались предметамъ, не входящимъ въ составъ курса приходскаго училища, то каждому предоставляется заключить добровольное условіе съ учителемъ, и этотъ послѣдній долженъ заниматься съ такими учениками только по время свободное отъ занятій въ приходскомъ училищѣ, гдѣ уроки продолжаются отъ 8 часовъ утра до 1 ч. 20 мин. пополудни. Согласно опредѣленію съѣзда, ученикъ, окончившій курсъ приходскаго училища, долженъ получить аттестатъ, если онъ удовлетворяетъ слѣдующимъ требованіямъ: 1) законъ Божій: знаніе священной исторіи по руководству Базарова, толковое знаніе употребительнѣйшихъ молитвъ, символа вѣры и десяти заповѣдей; 2) чтеніе и письмо: толковое и бѣглое чтеніе любой книги, содержаніе которой доступно возрасту ученика, пересказъ прочитаннаго въ связной рѣчи и письменная работа, состоящая въ изложеніи своими словами прочитаннаго ученикомъ легкаго разказа; почеркъ долженъ быть отчетливъ и письмо безъ грубыхъ орфографическихъ и грамматическихъ ошибокъ; 3) ариметика: рѣшеніе задачъ, встрѣчающихся въ обыденной жизни

на числа до милліона безъ дробей, и толковое объясненіе приемовъ рѣшенія.

Послѣ съѣзда прошло уже болѣе трехъ лѣтъ, и это время доказало, что учителя могутъ преподавать по методамъ, указаннымъ имъ на съѣздѣ, что программа исполнима и что результаты получаются хорошіе, если только учащіеся и родители ихъ содѣйствуютъ учителю. Къ сожалѣнію, это содѣйствіе оказывается только въ рѣдкихъ случаяхъ.

Нельзя не сознаться, что успѣхъ вновь введеннаго порядка зависитъ отъ трехъ условій, изъ которыхъ одно находится, или покрайней мѣрѣ должно бы находиться во власти учителя; остальные же два исключительно зависятъ отъ родителей. Требуется, во первыхъ, чтобы дѣти, вовсе еще неучившіеся, поступали въ училище только черезъ каждые полтора года, то-есть, по окончаніи курса въ двухъ младшихъ отдѣленіяхъ. Младшее отдѣленіе должно быть тогда переведено въ среднее, среднее въ старшее, а въ младшее отдѣленіе могутъ быть приняты новички. Но родители привыкли при прежнихъ порядкахъ отдавать дѣтей, когда имъ вздумается, даже за ведѣлю или за двѣ до каникулъ. Такъ какъ они опредѣленіе ребенка въ училище вообще уже считаютъ подвигомъ довольно доблестнымъ, то и находятъ отказъ учителя — принять ученика въ неположенное время — излишнею придиркою. Станичные атаманъ по большей части стоятъ на сторонѣ родителей, не смотря на то, что причины, требующія точнаго повиновенія училищному порядку, были подробно объяснены всѣмъ станичнымъ правленіямъ. Но атаманъ вовсе не желаютъ сеориться съ общественниками изъ-за такихъ пустяковъ, да, кромѣ того, они довольны тѣмъ, что число учениковъ безъ всякаго труда съ ихъ стороны увеличивается, такъ какъ исправникъ обращаетъ вниманіе на число учащихся въ приходскихъ училищахъ. Учителя не только могутъ, но и должны отказывать въ приемѣ всякому ученику, желающему поступить въ неположенное время, потому что это имъ вмѣняется въ обязанность; но, живя между родителями и имѣя дѣло съ станичнымъ правленіемъ, они всегда стараются избѣгать столеновеній, какъ съ общественниками, такъ и съ станичнымъ атаманомъ, и поэтому очень часто принимаютъ учениковъ несвоевременно въ ущербъ всему ученію. Слѣдовало бы взыскивать за такую неумѣстную уступчивость, но общественники и члены станичнаго правленія могутъ такъ стѣснить учителя, что жизнь въ деревнѣ для него будетъ адомъ, и они между тѣмъ всегда найдутъ возмож-

нымъ оправдаться, если по жалобѣ учителя инспектору начинается разслѣдованіе спора. Поэтому было бы несправедливо подвергать учителя выскавію за то, что онъ дѣлаетъ принужденно и очень неохотно, лишь изъ боязни безконечныхъ непріятностей. Сами учителя отказали бы охотно всѣмъ не во время поступающимъ ученикамъ, потому что такіе ученики доставляютъ имъ много бесполезнаго труда.

Своевременное поступленіе не есть единственное условіе успѣха; для достиженія его требуется, кромѣ того, чтобы дѣти исправно посѣщали уроки, а также чтобы они оставались въ училищѣ до окончанія полнаго курса, то-есть, пять лѣтъ. Исполненіе двухъ послѣднихъ условій зависитъ исключительно отъ доброй воли родителей, и училище не имѣетъ средствъ принудить ихъ къ соблюденію школьнаго порядка. Въ городахъ съ успѣхомъ употребляется въ такихъ случаяхъ средство исключенія изъ числа учениковъ, потому что желаніе дать дѣтямъ первоначальное образованіе въ городахъ уже настолько развито, что исключеніе изъ училищъ служитъ дѣйствительнымъ наказаніемъ. Въ селеніяхъ это средство привело бы въ короткое время къ закрытію училища по причинѣ отсутствія учениковъ. Стоитъ только исключить одного или нѣсколькихъ учениковъ за неправильное посѣщеніе уроковъ, и большинство родителей познакомятся съ превосходнымъ средствомъ—отдѣлаться отъ обязанности посылать своихъ дѣтей въ училище. А между тѣмъ неправильное посѣщеніе уроковъ служить тормазомъ всему дѣлу. Рѣдко, очень рѣдко бывають, то въ училищѣ всѣ дѣти въ сборѣ; сегодня не явились одни, завтра другіе, и все это безъ всякой причины, если не считать за причину, что ученикъ не могъ явиться въ училище, потому что былъ занятъ домашними дѣлами. Вслѣдствіе этого и случается, что, не смотря на всѣ усилія учителя, отдѣленія не идутъ впередъ ровно, и что по окончаніи курса нѣтъ возможности перевести все отдѣленіе въ слѣдующее, какъ бы слѣдовало при такихъ легкихъ курсахъ. Оставшіеся въ тѣхъ отдѣленіяхъ ученики затрудняютъ въ значительной степени уже и безъ того не легкую задачу учителя, особенно въ младшемъ отдѣленіи, куда поступаютъ вновь дѣти вовсе еще не обучавшіяся.

Къ неправильному посѣщенію уроковъ присоединяется еще преждевременное оставленіе училищъ. Это въ особенности замѣтно послѣ введенія новыхъ методовъ преподаванія. Прежде изученіе буквъ и складовъ требовало довольно много времени, такъ что ученикъ, пробывшій года два-три въ училищѣ, читалъ съ великимъ трудомъ и пи-

саль только буквы съ прописей. Нынѣ же дѣти читають уже по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, а по окончаніи курса младшаго отдѣленія, то-есть, по посѣщеніи училища въ теченіе полутора года, они читають довольно сносно и пишутъ по слуху подъ диктовку. Тутъ родители уже начинаютъ беспокоиться; имъ кажется, что мудрости приобрѣтено совершенно достаточно, и что слѣдовательно ребенку пора заниматься дома и помогать отцу при хозяйствѣ. Довольно много краснорѣчія требуется со стороны учителя, чтобы убѣдить родителей, что такое короткое пребываніе ученика въ училищѣ не достаточно, что ему необходимо пройти и остальные отдѣленія. Дѣти продолжаютъ учиться и черезъ полтора года кончаютъ второе отдѣленіе. Теперь они читають бѣгло, съ толкомъ, читають также и тибетскую печать, пишутъ довольно хорошо подъ диктовку выученныя ими на память статьи прозаическаго и поэтическаго содержанія, и могутъ разрѣшать всякаго рода задачи изъ обыденной жизни на числа до 100. Въ глазахъ большинства родителей этого совершенно достаточно, тѣмъ болѣе, что въ сущности эти результаты уже превышаютъ то, что прежде вообще достигалось въ училищахъ. По этому только незначительное число учениковъ среднихъ отдѣленій переходитъ въ третье отдѣленіе, и изъ нихъ очень немногіе остаются до окончанія курса.

Къ 1 янв. 1873	сост. на лицо	13	училищъ съ	533	учен. и —	ученицъ
"	1874	"	"	16	"	612 " 15 "
"	1875	"	"	21	"	782 " 70 "
"	1876	"	"	31	"	1037 " 36 "
"	1877	"	"	36	"	1113 " 37 "
"	1878	"	"	41	"	1099 " 64 "
"	1879	"	"	42	"	1126 " 75 "

Показанныя въ таблицѣ училища состряли подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ инспектора народныхъ училищъ; объ остальныхъ приходскихъ училищахъ области будетъ сказано въ послѣдствіи. Почти всѣ эти училища находятся въ казачьихъ селеніяхъ, и во всѣхъ введена одна и та же программа, которая проходится въ теченіе пятилѣтъ. Число училищъ, какъ видно, постепенно увеличивалось, сначала быстрое, а затѣмъ медленнее, что по большей части зависѣло отъ неурожайныхъ годовъ, раззорившихъ сельское населеніе въ восточной половинѣ области. Но число учащихся не только не увеличилось соразмѣрно съ числомъ училищъ, а напротивъ, сравнительно

уменьшилось: въ 1872 году приходилось среднимъ числомъ на каждое училище по 41 ученику, а въ 1878 только по 28,6 учениковъ. Впрочемъ, надобно замѣтить, что въ первыхъ годахъ показано слишкомъ большое число учащихся, такъ какъ оно взято изъ классныхъ журналовъ безъ всякихъ поправокъ. Въ журналахъ же учителя показываютъ всѣхъ учениковъ, которые, согласно наряду, должны были посѣщать школу. Они иначе и не могутъ поступать, потому что положительно никогда не могутъ сказать съ точностью, сколько у нихъ учениковъ въ дѣйствительности, такъ какъ число ихъ измѣняется не только каждый мѣсяць, но каждую недѣлю и каждый день. Но такъ какъ многіе ученики, записанные въ журналахъ, вовсе не посѣщаютъ школу, или посѣщаютъ ее очень рѣдко, то при составленіи ежегодныхъ отчетовъ теперь исключаются всѣ тѣ ученики, которые большую половину учебнаго времени пропускали уроки, и въ отчетѣ показывается число меньшее противъ того, которое записано въ классныхъ журналахъ. Принимая это во вниманіе, можно сказать, что число учащихся уменьшилось не въ такой степени, какъ это показываетъ таблица, но все-таки оно уменьшилось. Это обстоятельство доказываетъ, что общества согласны отерывать училища, на сколько это позволяютъ ихъ средства, но что родители далеко еще не свыклись съ мыслью о необходимости пользоваться существующими средствами для образованія дѣтей. Значительное число вступающихъ ежегодно въ училища и выбывающихъ изъ нихъ до окончанія курса происходить отъ той же причины.

				выбыло до оконч. курс.	
Въ 1876 г.	пост.	446	мальч.	22	дѣв.; 370 мальчиковъ 21 дѣвочекъ.
„ 1877 „	„	333	„	44 „	337 „ 17 „
„ 1878 „	„	365	„	37 „	338 „ 25 „

Въ 1876 году ни одинъ ученикъ не кончилъ курса, въ 1877 г. получили аттестаты 2 ученика и въ 1878 году 30 учениковъ. Родители въ громадномъ большинствѣ случаевъ вовсе еще не признаютъ справедливыми требованій училищъ, чтобы дѣти правильно посѣщали классы и оставались въ училищѣ извѣстное число лѣтъ; иначе не выбывала бы изъ училища ежегодно болѣе чѣмъ четвертая часть учащихся до окончанія курса. То обстоятельство, что выбывающіе замѣняются такимъ же числомъ вновь поступающихъ, характеризуетъ взглядъ сельскаго народонаселенія на обученіе дѣтей и на пользу, которой оно ожидаетъ отъ училищъ. Ему дѣла нѣтъ до того, мо-

жетъ ли училище въ такое короткое время дѣлать мальчика грамотнымъ, оно заботится лишь о томъ, чтобъ число учащихся не уменьшилось въ такой значительной степени, чтобы изъ за этого могла возникнуть непріятная переписка съ окружнымъ полицейскимъ управленіемъ, въ случаѣ настояннй инспектора народныхъ училищъ. А потому какъ общества, такъ и станичныя правленія заботятся, чтобы, по мѣрѣ возможности, хоть по наряду поступило столько новыхъ учениковъ, сколько ихъ выбыло изъ прежнихъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ число кончившихъ курсъ учениковъ такъ ничтожно, что изъ 1,163 учащихся можно было выдать аттестаты только 30 мальчикамъ. Чтобы кончить курсъ учения долженъ оставаться въ училищѣ пять лѣтъ; но какъ незначительно число учениковъ, остающихся въ училищѣ до конца, видно изъ слѣдующихъ данныхъ о 19 училищахъ, которыя показываютъ результаты безурядицы, происходящей отъ несвоевременнаго поступленія и несвоевременнаго выбыванія учениковъ въ теченіе учебнаго года.

Число учащихся въ 1877 году.			Поступило учениковъ въ начальную часть курса.			Поступило учениковъ въ среднюю часть курса.			Выбыло до окончания курса.			Перенесено изъ отдѣленія въ отдѣленіи по окончаніи курса.			Число учащихся въ 1878 году.			Число кончившихъ курсъ въ 1877—1878 г.
Въ отдѣленіяхъ.			Въ отдѣленія.			Въ отдѣленія.			Изъ отдѣленія.			Изъ отдѣленія въ отдѣленія.			Въ отдѣленіяхъ.			
І.	ІІ.	ІІІ.	І.	ІІ.	ІІІ.	І.	ІІ.	ІІІ.	І.	ІІ.	ІІІ.	І—ІІ.	ІІ—ІІІ.	І—ІІ—ІІІ.	І.	ІІ.	ІІІ.	
303	178	98	94	5	—	69	10	4	68	61	39	175	63		223	244	100	26

Въ теченіе одного только учебнаго года выбыло изъ перваго отдѣленія почти пятая, изъ втораго отдѣленія третья часть, а изъ третьяго почти половина учащихся. Этимъ объясняется то обстоятельство, что, несмотря на существующія 42 училища, вліянія ихъ на народонаселеніе весьма мало замѣтно. Изъ 579 учениковъ вы-

было въ одномъ году 168, изъ числа которыхъ 129, выбывшихъ изъ двухъ младшихъ отдѣленій, положительно надобно считать неграмотными, потому что ввученное ими въ училищѣ непремѣнно забудется въ короткое время; 39 учениковъ, оставившихъ преждевременно третье отдѣленіе, сохранять, по всей вѣроятности, умѣнье подписывать свою фамилію и слѣдовательно присоединятся къ числу такъ называемыхъ малограмотныхъ. Очень немного насчитывается учениковъ, окончившихъ полный курсъ и для этихъ немногихъ расходуются такая значительная сумма денегъ, которая въ настоящее время ассигнуется на эти училища какъ правительствомъ, такъ и обществомъ.

Приведенныя данныя показываютъ не только отступленія отъ заведеннаго порядка при оставленіи ученія, но изъ нихъ видно еще, что тотъ же беспорядокъ существуетъ и при вступленіи въ училище. Всего въ младшія отдѣленія поступило 163 ученика, а изъ этого числа двѣ пятыхъ поступило въ средніе курсы. Эта неурядица при поступленіи дѣйствуетъ на училища несравненно вреднѣе, чѣмъ преждевременный уходъ изъ нихъ. Въ послѣднемъ случаѣ страдаютъ только тѣ, которые не доводятъ до конца начатаго дѣла, въ первомъ же случаѣ вредъ наносится всему училищу. Заведенный порядокъ, по которому учитель въ одно время завѣдуетъ тремя отдѣленіями, чрезвычайно выгоденъ для учащихся, но очень тяжелъ для учителя, который усиленно занятъ отъ 8 часовъ утра до половины втораго, за исключеніемъ перемѣны, продолжающейся не болѣе получаса. Такъ какъ каждый урокъ продолжается только 40 минутъ, то частая перемѣна занятій, то письменныхъ, то устныхъ, поддерживаетъ силы учениковъ. Учитель же непрерывно занятъ то тѣмъ, то другимъ отдѣленіемъ и долженъ, занимаясь съ однимъ отдѣленіемъ, обращать вниманіе и на остальные два, занятая въ это время письменными работами. Привычка, конечно, и тутъ значить очень много, но тѣмъ не менѣе каждый даже привычный учитель скажетъ, что этотъ порядокъ преподаванія чрезвычайно утомителенъ, и если бы результаты были менѣе поразительны, то много изъ учителей отказались бы отъ такого тяжелаго труда. Но хорошіе результаты возможны только тогда, если въ классѣ не болѣе трехъ отдѣленій, и если каждое отдѣленіе идетъ впередъ ровно. При легкости курса, не трудно было бы достигнуть, чтобъ всѣ ученики одного отдѣленія составляли одно цѣлое, еслибы не служили помѣхой частые пропуски уроковъ и поступленіе учениковъ въ училище, когда вздумается родителямъ. Въ немногихъ учили-

шахъ, благодаря благоразумному и энергичному содѣйствію станичныхъ атамановъ, соблюдается полный порядокъ въ принятіи новыхъ учениковъ и выпускѣ старыхъ, и эти училища дали блестящіе результаты: дѣти отвѣчали превосходно на всѣ вопросы и при окончаніи курса перенли цѣликомъ въ слѣдующія отдѣленія, а изъ старшаго отдѣленія всѣ ученики могли получить аттестаты. Слѣдовательно была бы возможность соблюдать порядокъ, если бы было только желаніе. Но такія училища составляютъ исключеніе; поэтому преподаваніе во многихъ училищахъ еще такъ мало удовлетворительно и страдаютъ даже тѣ ученики, которые посѣщаютъ уроки вполне исправно.

Противъ всѣхъ этихъ неурядицъ имѣется, какъ выше сказано, пока только одно средство—терпѣніе. Въ разговорахъ объ этомъ со многими станичными атаманами и вліятельными почетными казаками часто обсуждался вопросъ о понудительныхъ мѣрахъ. Полагали, что несправедливо требовать отъ родителей, живущихъ не въ томъ селеніи, гдѣ находится училище, чтобы они посылали своихъ дѣтей въ школу, потому что содержаніе ребенка на сторонѣ для незажиточнаго человѣка очень затруднительно. Но за то находили вполне возможнымъ подвергать взысканію родителей, живущихъ въ селеніи, въ которомъ находится училище, и не посылающихъ дѣтей въ школу. По ихъ мнѣнію, слѣдовало бы составить общественные приговоры, коими мѣстные жители обязывались бы отсылать дѣтей въ училище, начиная съ извѣстнаго возраста, и оставлять ихъ въ немъ до окончанія курса; не исполняющихъ приговоръ общества родителей подвергнуть или денежному штрафу въ пользу училища, или аресту. Не подлежитъ сомнѣнію, что предложеніе это основывается на томъ совершенно вѣрномъ взглядѣ, что распространеніе грамотности до того важно для всего общества, что оно не можетъ предоставлять обученіе возрастающаго поколѣнія полному произволу родителей. Но не смотря на это, вопросъ этотъ не предлагается обществамъ на обсужденіе во первыхъ, потому, что неизвѣстно, получаютъ ли такіе приговоры большинство голосовъ, такъ какъ большинство это зависитъ именно отъ тѣхъ лицъ, которыя сами могутъ подвергаться предполагаемымъ взысканіямъ и, слѣдовательно, врядъ ли пожелаютъ надѣть себѣ петлю на шею. Другая же причина еще важнѣе: по существующимъ законоположеніямъ, общества вовсе не вправе налагать такого рода взысканія; въ случаѣ жалобъ, пришлось бы объявить подобные приговоры недействительными, и дѣло пошло бы хуже

прежняго, потому что многіе родители, которые теперь, по незванію настоящаго положенія дѣла, все еще посылаютъ дѣтей въ училище, воспользовались бы немедленно объявленною имъ свободою, и число учениковъ уменьшилось бы значительно.

Въ 1879 году обучалось въ приходскихъ училищахъ, подвѣдомственныхъ инспектору народныхъ училищъ, 1,202 ученика, слѣдовательно число учащихся стало несравненно меньше противъ 1871 г., когда, согласно памятной книжкѣ, въ забайкальскомъ казачьемъ войскѣ считалось 7,954 учащихся въ 259 училищахъ. Необходимо доказать, что такое уменьшеніе какъ числа училищъ, такъ и числа учащихся не есть шагъ назадъ.

Вышеупомянутая статья памятной книжки основываетъ выгодное положеніе, въ которое было поставлено казачье войско сравнительно съ другими сословіями области, только на значительномъ числѣ поселковыхъ или частныхъ школъ, доходившихъ числомъ до 242 съ 7,251 учащимися, изъ которыхъ 2,176 дѣвочекъ. Но уже до преобразования казачьяго войска эти учебныя заведенія не приносили почти никакой пользы, они служили почти единственно для того, чтобы облегчить полковымъ и баталіоннымъ командирамъ комплектованіе полковыхъ и баталіонныхъ школъ, такъ какъ изъ первыхъ выбирались самые способные ученики и назначались въ эти послѣднія школы. По переходѣ же училищъ въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія поселковыя школы служили только средствомъ отдѣлаться отъ фронтовой службы, какъ объ этомъ упомянуто уже выше; польза же отъ нихъ, относительно распространенія грамотности равнялась нулю. При ревизіяхъ оказалось, что, за немногими исключеніями, поселковые учителя сами принадлежали къ числу малограмотныхъ, и что очень часто дѣти собирались поселковымъ атаманомъ только при полученіи извѣстія о приѣздѣ инспектора. По всѣмъ этимъ причинамъ было бы самое лучшее закрыть эти школы немедленно, но такъ какъ онѣ были учреждены по настоятельному требованію начальства, но такая мѣра имѣла бы нехорошее вліяніе на народонаселеніе, а потому обществамъ было только объявлено, что дальнѣйшее содержаніе поселковыхъ школъ не обязательно, и что лучше открывать вмѣсто нихъ хотя меньшее число приходскихъ училищъ. Вслѣдствіе того число этихъ училищъ быстро уменьшилось, а въ 1877 году ихъ оказалось на лицо только десять.

Но не всѣ безъ исключенія поселковыя школы были совершенно бесполезны: хотя поселковые учителя получали содержаніе гораздо

меньше, чѣмъ учителя приходскихъ училищъ, жалованіе которыхъ считается въ области слишкомъ ничтожнымъ, чтобы привлечь достаточное число способныхъ людей на учительскія должности, но при извѣстныхъ условіяхъ очень способные и добросовѣстные люди все-таки скорѣе соглашались быть поселковыми, чѣмъ приходскими учителями. Бываютъ случаи, что грамотные люди порядочнаго поведенія живутъ въ деревнѣ и занимаются своимъ дѣломъ, но при этомъ имѣютъ достаточно свободнаго времени, въ особенности зимою, чтобы заняться между дѣломъ и обученіемъ дѣтей. Такого рода люди не соглашаются бросить свое дѣло и поступить на должность сельскаго учителя, но они могутъ согласиться преподавать въ свободное время и этимъ приносить значительную пользу. Далекое не всѣ родители имѣютъ достаточно средствъ, чтобы посылать своихъ дѣтей въ приходское училище, если таковое находится не въ той деревнѣ, въ которой они живутъ; но всякій, если только желаетъ, можетъ посылать ребенка къ учителю, живущему въ одной съ нимъ деревнѣ. А поэтому въ 1877 г. были закрыты всѣ училища, существовавшія безъ вѣдома инспектора, но при этомъ обществамъ было объявлено, что открытіе частныхъ училищъ дозволяется вездѣ, гдѣ только общества этого желаютъ подѣ слѣдующими условіями: 1) между родителями и учителемъ долженъ быть заключенъ контрактъ, засвидѣтельствованный станичными правленіями, о платѣ, которую учитель въ правѣ требовать отъ родителей; 2) учитель долженъ быть чловѣкъ хорошаго поведенія и на столько грамотенъ, чтобы могъ самъ читать и писать; 3) общество, по приговору, должно принять на себя отвѣтственность за то, чтобы родители уплачивали за учебники, выданные изъ склада инспектора. Последнее условіе должно относиться, конечно, только къ тѣмъ деревнямъ, жители которыхъ не могутъ доставать учебниковъ путемъ вольной продажи, но на практикѣ эти условія относятся ко всей области, такъ какъ продажи учебниковъ не существуетъ.

Эти условія оказались совершенно необходимыми, чтобы устранить развитіе такихъ училищъ, которыя, по неграмотности учителей, не могли приносить никакой пользы, и чтобы не допустить поселенцевъ къ преподаванію грамоты. Число послѣднихъ очень значительно въ области, и такъ какъ между ними находится сравнительно много грамотныхъ, то они охотно привлекаются въ домашніе учителя, особенно въ деревняхъ. Но въ нравственномъ отношеніи это страшное зло. Каждый, кто живаль въ Сибири довольно

продолжительное время, долженъ согласиться, что водвореніе преступниковъ между сельскимъ и городскимъ народонаселеніемъ имѣеть на послѣднее очень печальное вліяніе. Можно сказать очень много относительно того, что преступникъ не пересталъ быть человѣкомъ, и что отъ него не слѣдуетъ отворачиваться съ омерзениемъ. Это все очень хорошо. Но въ Сибирь, особенно въ Восточную, стекаются преступники изъ всего государства, и влѣдствіе этого процентъ ихъ при малонаселенности края несоразмѣрно великъ, а отъ этого происходитъ то зло, что простой человѣкъ привыкаетъ смотрѣть на поселенца совершенно равнодушно и считать его за равнаго себѣ; преступленія же и столкновения съ законами стаповятся для него далеко уже не дѣломъ нравственно-дурнымъ, а только неудобнымъ, потому что могутъ имѣть для нарушителя закона непріятныя послѣдствія. Поэтому совершенно необходимо устранить поселенцевъ и вообще людей осужденныхъ закономъ отъ учительскихъ занятій, не смотря на то, что число грамотныхъ въ области очень незначительно и что между поселенцами нерѣдко встрѣчаются люди, которые хорошимъ поведеніемъ стараются загладить прежніе поступки. Это устраненіе, впрочемъ, не совсѣмъ легкая задача, потому, во-первыхъ, что, какъ уже сказано, вообще очень трудно найти учителей, а во-вторыхъ, сельскіе обыватели привыкли уже отдавать своихъ дѣтей поселенцамъ, такъ какъ они прежде допускались на должность сельскаго учителя. Можетъ быть, исключеніе этого элемента изъ числа учителей и служить причиной, почему не открываются вновь поселковыя школы, по крайней мѣрѣ въ настоящее время существуетъ только одно такое училище, и нѣсколько разъ приходилось отказывать обществамъ въ учрежденіи таковыхъ именно потому, что избранный учитель былъ поселенецъ.

Къ числу училищъ казачьяго войска принадлежитъ еще русско-монгольская школа въ г. Селенгинскѣ. Это училище основано въ тридцатыхъ годахъ въ г. Троицкосавскѣ и въ 1858 году переведено въ г. Селенгинскъ. Оно находилось сначала въ вѣдѣніи троицкосавскаго пограничнаго комиссара, а съ 1858 года перешло въ вѣдѣніе казачьяго войска и имѣло цѣлью давать образованіе селенгинскимъ казамъ, которые почти всѣ Буряты.

Курсъ училища равняется курсу двухклассныхъ сельскихъ школъ съ тою разницею, что, кромѣ русскаго языка, преподается въ немъ и монгольскій языкъ.

До 1880 года въ вѣдѣніи инспектора народныхъ училищъ находилась часть ссхiv, отд. 4.

дѣлились казачьи, только четыре крестьянскія и одно городское училище. Нынѣ же послѣдовало распоряженіе о подчиненіи всѣхъ вообще начальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія инспектору. Такимъ образомъ передано ему 33 училища съ 1,679 учащимися, находившіяся до того въ вѣдѣніи трехъ штатныхъ смотрителей Нерчинскаго, Верхнеудинскаго и Троицкосавскаго округовъ. Кромѣ этихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія имѣются въ области еще два начальныхъ училища горнаго вѣдомства, два церковно-приходскихъ училища, четыре миссіонерскихъ школы и два дѣтскихъ пріюта, о которыхъ не упоминаемъ, такъ какъ о нихъ не имѣется подробныхъ свѣдѣній.

Такимъ образомъ, въ 1880 году въ вѣдѣніи инспектора народныхъ училищъ состояли семьдесятъ семь одноклассныхъ и одно двухклассное народное училище съ 2350 учащимися, изъ нихъ 2158 мальчиковъ и 192 дѣвочки.

По сословіямъ одноклассныя училища и учащіеся въ нихъ распределяются слѣдующимъ образомъ:

На 152,000 инородцевъ	7 училищъ съ	194 мальч. и	5 дѣв.
„ 140,000 казаковъ	39 „	1,077 „	38 „
„ 118,000 крестьянъ	21 „	420 „	10 „
„ 17,000 городск. жит.	10 „	447 „	49 „

Эти цифры показываютъ, что хотя казачье войско стоитъ и не въ такихъ хорошихъ условіяхъ относительно преподаванія грамотности, какъ это было сказано въ намятной книжкѣ на 1871 годъ, но все-таки оно занимало первое мѣсто между негородскимъ населеніемъ области: у казаковъ одинъ ученикъ приходился на 125 человѣкъ жителей обоюго пола, у крестьянъ одинъ на 227, а у инородцевъ на 760.

При такомъ печальномъ положеніи дѣла народнаго начального образованія спрашивается, чего можно ожидать отъ будущаго, можно ли надѣяться, что число училищъ и учащихся увеличится, или же придется довольствоваться и тѣмъ, что имѣется теперь? Это прежде всего вопросъ денежный, потому что новыя училища можно открывать только при имѣніи денежныхъ средствъ, которыя должны даваться обществами. До 1872 года на училища расходовалось очень немного. Казачьи школы содержались на 1,175 руб., отпущавшихся ежегодно изъ войсковыхъ суммъ, крестьяне расходовали на свои школы около 2,300 руб., а инородцы на свои около 2,100 руб. Всѣ

эти суммы употреблялись только на содержаніе учителей и законоучителей; остальные расходы здѣсь не показаны, такъ какъ квартира, отопленіе, наемъ сторожа и т. п. относились и относятся очень часто по настоящее время къ натуральнымъ повинностямъ, и общества не доставляютъ объ этихъ расходахъ достаточно вѣрныхъ и کاملыхъ свѣдѣній.

Съ 1872 года открыто вновь 26 казачьихъ училищъ, 11 крестьянскихъ и одно братаежское. На содержаніе преподавателей расходуется настоящее время въ казачьихъ училищахъ 12,400 руб., въ крестьянскихъ училищахъ около 5,900 руб. и въ инородческихъ 2,415 руб. Крестьяне и инородцы содержатъ свои школы на свои средства безъ помощи государственнаго казначейства, и только одно училище изъ числа крестьянскихъ содержится на проценты въ количествѣ 420 р. съ капитала, собраннаго добровольными пожертвованіями.

Казачьи же училища получаютъ на содержаніе преподавателей ежегодную субсидію отъ прежняго инспектора въ количествѣ 5,070 р.; кромѣ того, двухклассная русско-монгольская школа содержится исключительно на счетъ этого кредита, и еще одно одноклассное училище получаетъ ежегодно отъ добровольныхъ жертвователей 200 р. Такимъ образомъ, на каждую душу мужскаго пола въ казачьемъ войскѣ причитается по 14,2 коп., въ крестьянскомъ обществѣ 9,9 к. и въ инородческомъ 3,2 коп. на содержаніе учителей. Плата эта по видимому незначительна, но, во первыхъ, надобно имѣть въ виду, что она вычислена не на число взрослыхъ и здоровыхъ людей или работниковъ, но на все вообще мужское населеніе, а во вторыхъ, что эту платой не ограничиваются всѣ расходы по училищамъ. Кромѣ содержанія личнаго состава преподавателей на населеніе падаютъ еще расходы на помѣщеніе для училища и учителя, на отопленіе и учебныя пособія. Все это требуетъ не мало средствъ и падаетъ на тѣхъ же плательщиковъ, за исключеніемъ казаковъ, которые получаютъ изъ средствъ инспектора по 50 руб. на бібліотеку и учебныя пособія.

Неоспоримо, что субсидія изъ кредита инспектора, то-есть изъ государственнаго казначейства, которою пользуются одни казаки, сильно содѣйствовала сравнительно успѣшному развитію училищъ въ войскѣ, но это сдѣлала не одна субсидія, а помогли и сами казаки: съ 1872 по 1880 годъ они увеличили сумму на содержаніе училищъ съ 1,175 до 9,780 руб., и каждый казакъ платитъ болѣе 14 коп., между тѣмъ какъ крестьяне въ этотъ же промежутокъ времени уве-

личили свои средства только съ 2,300 до 5,900 руб., а вгородцы съ 2,100 до 2,400 руб.

Но не смотря на то, что казаки платятъ значительно больше остальнаго пригороднаго народонаселенія, оказалось возможнымъ найти средство къ еще большему увеличенію числа училищъ. Этому содѣйствовалъ болѣе сосредоточенный строй казачьяго общества. Хотя казаки разбѣяны по шести округамъ и управляются 67 станичными и сотенными правленіями, но всѣ эти правленія въ хозяйственномъ отношеніи подчинены одному войсковому хозяйственному правленію, члены котораго выбираются казаками. Въ настоящее время каждое станичное правленіе содержитъ свои училища безъ помощи со стороны войска, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ 1,175 р., которые собираются со всего войска. Это во многихъ отношеніяхъ неудобно: только болѣе состоятельные округа открываютъ училища, да и тѣ, при каждомъ неурожайномъ годѣ или при возникновеніи какого-нибудь спора съ учителемъ, угрожаютъ прекратить свои взносы и закрыть училища. Вслѣдствіе этого, положенія учителей является слишкомъ шаткимъ, что, въ свою очередь, дурно вліяетъ на самое преподаваніе. Поэтому и былъ представленъ проектъ о преобразованіи школьнаго дѣла въ войскѣ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) открыть въ войскѣ 67 одноклассныхъ приходскихъ училищъ, такъ чтобы при каждомъ станичномъ или сотенномъ правленіи находилось одно училище, по предоставить хозяйственному правленію право, по соглашенію съ инспекторомъ, назначить и другое распредѣленіе училищъ; 2) открыть двѣ двухклассныя сельскія школы съ пансіонами для сиротъ казачьяго вѣдомства; одна изъ этихъ школъ уже открыта, а именно Селегинская русско-монгольская школа, другая откроется въ настоящемъ году; но въ проектѣ предположено увеличить средства этихъ училищъ; 3) сумму, необходимую на содержаніе двухъ двухклассныхъ училищъ съ пансіонами, на содержаніе учителей и законоучителей одноклассныхъ училищъ и на учебныя пособія, ассигновать изъ средствъ казачьяго войска, за исключеніемъ суммы ассигнуемой ежегодно изъ государственнаго казначейства въ вспомошествованіе войсковымъ средствамъ; 4) открыть одноклассныя училища только въ тѣхъ станицахъ, общества которыхъ просятъ объ этомъ и обязуются давать училищу изъ своихъ средствъ помѣщеніе съ отопленіемъ и освѣщеніемъ и сторожа; 5) открывать и закрывать училища предоставлять инспектору съ согласія хозяйственнаго управленія; 6) остатки отъ ассигнованныхъ войскамъ суммъ оставлять въ распоряженіи инспек-

тора на разныя нужды училищъ, если хозяйственное правленіе на это изъявить согласіе; въ противномъ же случаѣ зачислять ихъ обратно въ войсковой капиталъ.

Войсковое правленіе требовало мнѣнія отъ всѣхъ станичныхъ и сотенныхъ обществъ относительно этого проекта, и такъ какъ общества изъявили свое согласіе, то онъ въ настоящее время представляемъ на разсмотрѣніе высшихъ инстанцій.

Пока, конечно, неизвѣстна дальнѣйшая судьба проекта; но было бы крайне желательно, чтобы на него обратили благосклонное вниманіе. Дѣло не только въ томъ, что тогда увеличилось бы число училищъ, но и въ томъ, что самое положеніе учителей и училищъ стало бы прочнѣе. Трудно требовать отъ учителя, чтобы онъ исполнялъ свою обязанность, какъ слѣдуетъ, если онъ не знаетъ, кому онъ подчиненъ; если инспекторъ требуетъ отъ него одно, а станичный атаманъ и родители учениковъ противнаго. Въ настоящее время каждое общество въ правѣ закрыть училище, когда ему только вздумается, потому что общества составляютъ свои приговоры самостоятельно, и если которое нибудь изъ нихъ постановитъ приговоръ о прекращеніи взносов на училище, то таковое фактически закрывается по неимѣнію средствъ къ существованію. Новый проектъ окончательно устраняетъ это зло. Общества уже не содержатъ своихъ училищъ непосредственно, и слѣдовательно лишены средства нравственно угнетать учителя. Съ другой же стороны, общества вполне обеспечены въ правильномъ расходованіи денегъ, такъ какъ отчетность представляется инспектору въ хозяйственное правленіе, и вообще онъ безъ согласія правленія не можетъ расходовать ассигнованныхъ войскомъ суммъ.

Что же касается до числа училищъ, то предполагаемое по проекту количество ихъ будетъ вполне достаточно на продолжительное время. Даже остается вопросомъ—придется ли открыть всѣ эти училища, если проектъ получить утвержденіе, такъ какъ для открытія ихъ необходимо согласіе самихъ обществъ. Утвержденіе же проекта поставитъ распространеніе грамотности въ войскѣ на прочную основу и пока удовлетворитъ всѣмъ благоразумнымъ требованіямъ.

Менѣе благоприятно положеніе дѣлъ у крестьянъ и инородцевъ. Что касается до средствъ, то крестьяне вообще состоятельнѣе казаковъ, въ особенности крестьяне Верхнеудинскаго и Селенгинскаго округовъ. Но они управляются вотчинными правленіями, въ которыхъ существуетъ волостной писарь, а затѣмъ подчинены исправникамъ; общаго

же центра правленія, какъ у казаковъ, у нихъ нѣтъ. Управление хозяйственными дѣлами какъ крестьянъ, такъ и инородцевъ, конечно сосредоточено въ областномъ правленіи, но на этомъ присутственномъ мѣстѣ лежитъ много другихъ обязанностей, такъ что оно не имѣетъ достаточно свободнаго времени для того, чтобъ заботиться о распространеніи народной грамотности. Съ одной стороны положеніе уже существующихъ крестьянскихъ и инородческихъ училищъ прочіе, чѣмъ казачьихъ, такъ какъ приговоры этихъ обществъ представляются на утвержденіе губернатора, и слѣдовательно безъ согласія начальника края эти общества не могутъ прекращать взносов на содержаніе уже существующихъ училищъ. Но дѣло имѣетъ и другую сторону. Они не могутъ ассигновать новыхъ суммъ безъ разрѣшенія губернатора. Ассигнованіе же новыхъ расходныхъ статей въ смѣтахъ запрещается, если на обществѣ числятся недоимки прежнихъ лѣтъ, — и въ такомъ случаѣ областное правленіе вынуждено бываетъ препятствовать открытію новыхъ училищъ или усиленію средствъ уже существующихъ. Къ несчастію, общества, не имѣющія никакихъ недоимокъ, принадлежатъ къ крайне рѣдкимъ исключеніямъ изъ общаго правила, и открытіе новаго училища нерѣдко встрѣчаетъ непреодолимое препятствіе даже тогда, когда удалось убѣдить крестьянъ составить приговоръ объ ассигнованіи нужныхъ на это суммъ. Крестьяне и инородцы въ высшей степени нуждаются въ открытіи для нихъ новыхъ училищъ, и между ними найдется не мало дѣльныхъ людей, которые это очень хорошо понимаютъ. Но представители крестьянскаго самоуправления развиты несравненно менѣе, чѣмъ тѣ же должностныя лица у казаковъ. Станичный атаманъ отвѣчаетъ въ большинствѣ случаевъ самъ за себя и знаетъ, что дѣлается у него въ округѣ; крестьянскій же старшина безъ писаря — человекъ совершенно безпомощный, и переговоры съ нимъ не имѣютъ никакихъ результатовъ. Инородческіе начальники охотно бы согласились на увеличеніе числа училищъ и могли бы назначить на это достаточно средствъ, но, какъ выше уже было сказано, этому сильно противодѣйствуютъ ламы, а также и самый образъ жизни инородцевъ препятствуетъ развитію училищъ и посѣщенію таковыхъ учащимися.

Изъ этого, впрочемъ, вовсе не слѣдуетъ заключать, что число училищъ крестьянскаго и инородческаго обществъ не должно увеличиваться. Соединеніе управления всѣми народными училищами въ однихъ рукахъ окажетъ и здѣсь свое вліяніе, тѣмъ болѣе, что общества крестьянъ и инородцевъ состоятельнѣе казачьихъ и могутъ несрав-

ненно болѣе жертвовать на народное образованіе. Дѣло пойдетъ медленно, потому что учрежденіе, завѣдующее управленіемъ крестьянъ и инородцевъ, дѣйствуетъ несравненно медленно, чѣмъ войсковое хозяйственное правленіе.

Вообще, успѣхъ въ распространеніи грамотности среди сельскаго населенія зависитъ болѣе отъ числа учениковъ, чѣмъ отъ большого или меньшаго числа училищъ. Въ шестидесяти семи народныхъ училищахъ въ настоящее время обучается 1854 дѣтей, но въ нихъ могли бы очень свободно помѣститься 3,000; въ настоящее же время на каждое училище приходится среднимъ числомъ менѣе 28 учащихся. Конечно, очень вѣроятно, что увеличеніе числа училищъ повлечетъ за собою и абсолютное увеличеніе числа учащихся, но относительное число ихъ навѣрное уменьшится. Да и число учащихся не столько вліяетъ на упѣхъ грамотности, сколько правильное и постоянное посѣщеніе уроковъ учениками, безъ чего успѣха быть не можетъ. А что именно это послѣднее условіе исполняется очень плохо, объ этомъ было говорено подробно. Это настоящій *circulus vitiosus*, въ которомъ находится дѣло: училища не могутъ давать хорошихъ результатовъ, если дѣти посѣщаютъ классы неправильно и не остаются въ училищѣ до окончанія полного курса, родители же не хотятъ взять на себя всѣ неудобства, которымъ ихъ подвергаетъ опредѣленіе дѣтей въ училище на пять лѣтъ, такъ какъ они видятъ мало пользы отъ посѣщенія уроковъ.

Строго обвинять за это родителей было бы несправедливо. Въ городахъ въ послѣднее время повсемѣстно замѣчается значительное увеличеніе числа учащихся, но это увеличеніе совпадаетъ съ введеніемъ всеобщей воинской повинности, и поэтому стремленіе къ образованію можно отчасти приписать желанію воспользоваться значительными льготами, которыя даетъ окончаніе курса въ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ. Окончаніе курса въ начальномъ училищѣ сокращаетъ для Забайкальской области дѣйствительную службу только на одинъ годъ, и такой срокъ не дѣйствуетъ заманчиво на крестьянина, а до казаковъ и инородцевъ онъ вовсе не относится. Лишенія же, которымъ долженъ подвергаться сельскій обыватель Забайкальской области, если отсылаетъ дѣтей въ теченіе пяти лѣтъ правильно въ училище, дѣйствительно очень существенны, потому что они ежедневны и отзываются на немъ несравненно чувствительнѣе, чѣмъ неудобства, которыя приходится терпѣть по этой же причинѣ городскому жителю низшаго класса, менѣе привыкшему пользоваться помощію своихъ

дѣтей. Можетъ быть, со временемъ образъ мыслей измѣнится въ этомъ отношеніи, но сомнительно, чтобы безъ внѣшняго давленія зло искоренилось окончательно. Училища принесутъ пользу, которой отъ нихъ можно ожидать, только тогда, когда родители тѣхъ деревень, въ которыхъ имѣется училище, обязательно должны будутъ посылать въ него своихъ дѣтей и когда за неисполненіе этого требованія послѣдуетъ неминуемо взысканіе.

Г. М.

МОСКОВСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1880 ГОДУ.

Въ годичномъ засѣданіи Московскаго археологическаго общества, состоявшемся 18-го февраля текущаго года, прочитанъ былъ отчетъ о дѣятельности общества, а также о занятіяхъ состоящаго при немъ предварительнаго комитета Тифлискаго (V-го) археологическаго съѣзда, за минувшій годъ. Извлекаемъ изъ него любопытнѣйшія свѣдѣнія.

Въ періодъ съ предшествующаго годоваго собранія (11-го марта 1880 г.) по 18-е февраля текущаго года Московское археологическое общество состояло изъ двухъ почетныхъ членовъ, 10 членовъ основателей, 96 членовъ дѣйствительныхъ, 55 членовъ-корреспондентовъ и 77 иностранныхъ членовъ; должность предсѣдателя занималъ графъ А. С. Уваровъ, товарища предсѣдателя—К. К. Герцъ, секретаря—В. Е. Румянцовъ, и товарища секретаря—И. Д. Мансветовъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ и секретаремъ Московскаго предварительнаго комитета Тифлискаго археологическаго съѣзда. Изъ состава общества въ теченіе отчетнаго періода выбыло только одно лицо—дѣйствительный членъ академикъ М. И. Броссе, заслужившій европейскую извѣстность своими учеными трудами по исторіи и древностямъ Кавказа и преимущественно Грузіи.

Въ теченіе минувшаго отчетнаго періода общество имѣло 11 засѣданій: одно годичное, 7 обыкновенныхъ и 3 экстраординарныхъ.

Ученыя сообщенія, предложенныя на этихъ засѣданіяхъ по разнымъ отдѣламъ археологіи, были слѣдующія:

I. Сообщенія о древностяхъ Кавказа и вообще востока, из-

слѣдованіемъ которыхъ занимались г. предсѣдатель общества и нѣкоторые изъ его членовъ въ виду предстоящаго въ нынѣшнемъ году археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ.

Такъ, графъ А. С. Уваровъ сообщил о своихъ занятіяхъ въ библиотекѣ Эчмиадзинскаго монастыря въ Арменіи и представилъ обзоръ 35 рукописей этой библиотeki, наиболѣе замѣчательныхъ въ орнаментальномъ и иконографическомъ отношеніяхъ, съ IX по XVII вѣкъ включительно.

Кромѣ того, графъ А. С. Уваровъ предложилъ на разсмотрѣніе общества пріобрѣтенныя имъ на Кавказѣ вещи, найденныя въ одномъ изъ древнѣйшихъ могильниковъ Осетіи у аула Кобань, и изложилъ свои соображенія о возможности опредѣлить эпоху этого могильника по различнымъ стилямъ его металлическихъ вещей.

Дѣйствительный членъ В. Ф. Миллеръ сообщил о сохранившихся доселѣ у многихъ народовъ Кавказа и Ирапа легендахъ, сходныхъ съ греческимъ сказаніемъ о Прометѣѣ; эти легенды отчасти собраны имъ лично у туземцевъ, отчасти добыты изъ изученія литературы по Кавказу и иранской мифологіи.

Дѣйствительный членъ Н. О. Эмиль, въ своемъ рефератѣ: „Мидійцы въ древней Арменіи и новое толкованіе, данное Жюлемъ Опертомъ слову: Астіахъ“, привелъ сказаніе Моисея Хоренскаго, по которому, вопреки Геродоту, не Киръ, а Армянскій царь Тигранъ побѣдилъ и убилъ въ сраженіи Мидійскаго Астіага и взялъ въ плѣнъ его семейство съ 10.000 Мидійцевъ, коихъ потомки жили въ Арменіи, въ Араратской провинціи, еще въ началѣ II в. по Р. Х. Затѣмъ, не соглашаясь съ новымъ толкованіемъ слова Астіагъ, которое предлагаетъ французскій ассиріологъ, референтъ привелъ нѣсколько филологическихъ доказательствъ, подтверждающихъ прежнее толкованіе, по которому слово Астіагъ, представляющее правильную греческую транскрипцію персидскаго слова: ажидахака (въ армянской формѣ: аждахакъ), означаетъ: кусающій змѣй.

И. А. Лебедевъ (нынѣ предложенный въ члены общества) сообщил о двухъ недавно найденныхъ клинообразныхъ надписяхъ о Кирѣ Великомъ, изданныхъ въ 1880 году: одна, на глиняномъ цилиндрѣ, представляетъ разказъ, вѣроятно вавилонскихъ жрецовъ, о томъ, что по завоеваніи Вавилона Киръ почтилъ его боговъ и возстановилъ его богослуженіе; другая, на глиняной дощечкѣ, содержитъ въ себѣ лѣтопись Набонида, представляетъ взятіе Вавилона несогласно съ Геродотомъ и также говоритъ о почитаніи вавилонскихъ боговъ Киромъ.

При этомъ референтъ предварительно изложилъ и критическое разборъ всѣхъ свидѣтельства о Кириѣ еврейскихъ, греческихъ и армянскихъ надписей, и также и другихъ кривообразныхъ надписей.

Членъ - корреспондентъ Г. И. Канановъ представилъ разборъ надписей на фотографіи древняго меча восточной работы (присланной въ общество г. Игнатьевымъ изъ Астрахани), съ извѣщеніемъ, что разборъ этихъ надписей, составляющихъ смѣсь кувическаго письма съ извѣстнымъ восточнымъ почеркомъ насхи, принадлежитъ ориенталисту М. О. Агтайѣ, который выразилъ желаніе, чтобы переводъ его былъ проверенъ другимъ ориенталистомъ; вслѣдствіе того общество препроводило этотъ переводъ на разсмотрѣніе дѣйствительнаго члена В. Г. Тизенгаузена.

Членъ-корреспондентъ В. М. Михайловскій сдѣлалъ сообщеніе о состояніи культуры въ Египтѣ во время XVIII и XIX династій; въ этомъ сообщеніи сперва изложенъ былъ географическій и историческій очеркъ Египта того времени, затѣмъ представлено обзорѣніе памятниковъ тогдашней египетской культуры, и наконецъ, предложена характеристика этой культуры и ея свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ.

II. Сообщенія, посвященныя древностямъ византійскимъ; сюда относятся:

а) статья дѣйствительнаго члена И. Д. Мавсветова, подъ заглавіемъ: „Византійскій матеріалъ для сказанія о двѣнадцати трысавахъ“; здѣсь авторъ разобралъ византійскія сказанія, приуроченныя къ представленію 12-ти знаковъ Зодіака, и художественные образы, встречающіеся на этой основѣ въ средневѣковыхъ демонологіяхъ и византійской легендѣ о вѣдьмѣ Гилло, которая носитъ 12 именъ, и гадаетъ эти представляются олицетворенными, подобно нашимъ трысавамъ, въ видѣ 12-ти женскихъ существъ, изъ коихъ каждое оказываетъ вредоносное дѣйствіе на тѣло человѣка;

б) два реферата дѣйствительнаго члена С. А. Усова; въ первомъ изъ нихъ авторъ сдѣлалъ подробный разборъ миниатюръ, заключающихся въ греческомъ Евангеліи VI вѣка, открытомъ въ 1880 году въ Россіано (въ Калабріи) нѣмецкими учеными Оскаръ Гартомъ и Ад. Гарнакомъ, а во второмъ указалъ на важное значеніе въ древнихъ миниатюрахъ пейзажа или изображеній окружающей природы растений, звѣрей и животныхъ, по которымъ часто можно опредѣлить самую мѣстность, гдѣ писались миниатюры;

в) рефератъ дѣйствительнаго члена П. П. Кондакова о современномъ состояніи византійской археологіи; въ этомъ сообщеніи рефе-

рентъ показаль крайне неудовлетворительное состояніе, въ какомъ находится еще и теперь наука о византійскихъ древностяхъ, имѣющая столь важное значеніе для русской археологіи; по этому поводу общество просило г. Кюдакова принять на себя составленіе программы для изслѣдованія византійскихъ памятниковъ;

г) сообщеніе, присланное княземъ Г. Г. Гагаринымъ, съ приложеніемъ снимка съ изображенія Византійскаго императора Мануила, которое открыто кн. Гагаринымъ въ 1851 г. въ трапезундской церкви св. Софіи, нынѣ обращенной въ мечеть.

III. По части археологіи классической товарищъ предсѣдателя К. К. Герцъ сдѣлалъ сообщеніе по поводу извѣстія изъ Аѳинъ о найденной тамъ статуѣ Фидія, при чемъ объяснилъ, что новооткрытая статуя, по мнѣнію германскаго археолога Кэлера, принадлежитъ римскимъ временамъ и есть только копія въ мраморѣ съ извѣстной по описаніямъ статуи Аѳины въ Парѳенонѣ, сдѣланной Фидіемъ изъ золота и слоновой кости.

IV. Изъ области археологіи первобытной и курганной также сдѣлано было нѣсколько сообщеній, а именно:

а) г. предсѣдатель, въ дополненіе къ прежде прочитанной имъ запискѣ о находкѣ каменныхъ орудій въ Крыму К. С. Мережковскимъ, предложилъ на разсмотрѣніе общества и самыя орудія, найденныя въ этой мѣстности, присовокупивъ, что до изслѣдованія, сдѣланнаго г. Мережковскимъ, имѣлись только неясныя свѣдѣнія о кремняхъ, находимыхъ въ тамошнихъ гробницахъ; теперь можно предположить, что и эти кремни были каменныя орудія; кромѣ того, графомъ А. С. Уваровымъ представлены были обществу два скребка изъ обсидіана, найденныя И. С. Поляковымъ на вновь открытомъ поселеніи каменнаго вѣка, на берегу Гокчайскаго озера, между деревнями Еленовкой и Ордаклю, и приславный членомъ-корреспондентомъ П. А. Кितिцинымъ древній желѣзный топорикъ, пріобрѣтенный у Черемись, весьма любопытный по своей формѣ и миниатюрной величинѣ;

б) дѣйствительный членъ архимадритъ Амфилохій принесъ въ даръ обществу каменный молотъ съ извѣстіемъ, что эта находка сдѣлана въ имѣніи г. Богдановой при селѣ Балушевѣ-Починкахъ, Елатомскаго уѣзда Тамбовской губерніи, и каменный молотокъ, полученный отъ г. Александра; мѣсто, гдѣ онъ найденъ, неизвѣстно;

в) членъ-корреспондентъ А. А. Титовъ также представилъ въ даръ обществу нѣсколько мелкихъ орудій каменнаго вѣка (наконечниковъ стрѣлъ), при чемъ сообщилъ, что эти орудія были найдены почти

на поверхности земли, верстахъ въ двухъ отъ г. Ростова, Ярославской губерніи, къ сѣверу, въ такъ-называемой Варницкой слободѣ, и что по поводу такой находки онъ прошлымъ лѣтомъ, совместно съ членомъ-корреспондентомъ А. И. Кельсиевымъ, произвелъ въ этой самой мѣстности пробныя раскопки, обнаружившія впрочемъ въ землѣ только присутствіе угли и черепковъ отъ грубыхъ глиняныхъ сосудовъ;

г) г. Люба-Радзимиинскій прислалъ въ общество два отчета о своихъ археологическихъ раскопкахъ въ Острогскомъ уѣздѣ, напечатанные въ Краковѣ въ 1879 г., и при нихъ 9 рисунковъ съ найденныхъ тамъ предметовъ, не помѣщенныхъ въ сихъ отчетахъ;

д) дѣйствительный членъ А. П. Богдановъ прочиталъ свое изслѣдованіе о черепахъ изъ скифскихъ могилъ.

V. Значительное число сообщений посвящено было собственно русскимъ историческимъ древностямъ; таковы:

а) рефератъ дѣйствительнаго члена В. Е. Румянцова о русскихъ старинныхъ церквахъ съ шатровыми верхами, предложенный къ разъясненію вопроса: по какимъ соображеніямъ—богословскимъ или практическимъ—церковныя власти въ XVII вѣкѣ воспрещали устроить надъ церквами высокіе шатровые, или по тогдашнему выраженію, клинчатые верхи; причиною такого воспрещенія, какъ видно по приведенному референтомъ письменному извѣстію, было то, что такіе верхи часто привлекаютъ на себя молнію или громовые удары;

б) отзывъ дѣйствительнаго члена Д. В. Разумовскаго о рукописномъ Ирмологѣ, писанномъ въ 1651 г. линейными вѣтами для Борколабовскаго женскаго монастыря въ Могилевской епархіи; по объясненію о. Разумовскаго, эта потная рукопись, дошедшая до насъ въ полной сохранности, важна не только въ библиографическомъ смыслѣ, но и для исторіи нашего церковнаго пѣнія, показывая, какъ совершалось это пѣніе за 230 лѣтъ тому назадъ въ западныхъ православныхъ храмахъ и представляя новое подтвержденіе той истины, что велико-русскіе пѣвцы приняли квадратное потно-линейное письмо и болгарскій росцѣвъ именно отъ православныхъ юго-западныхъ братствъ;

в) рефератъ Н. А. Попова, составленный на основаніи вновь найденныхъ документовъ о пріѣздахъ въ село Измайлово царей, царицъ и царевенъ въ 1689 — 1696 годахъ;

г) записка члена корреспондента А. А. Титова о пожертвованныхъ имъ въ общество желѣзныхъ цѣпляхъ и рогаткѣ или ошейникѣ, найденныхъ на землѣ Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря и употреб-

лвшихся въ старое время, даже въ монастырскомъ биту, какъ орудія для смиренія виновныхъ;

д) его же записка о рѣзномъ крестѣ, находящемся въ церкви Никольскаго погоста Ростовскаго уѣзда, и по рукописному описанію, относящемуся къ XIV вѣку; точный рисунокъ съ этого креста, на которомъ отъ древняго времени сохранилось только самое распятіе, также пожертвованъ А. А. Титовымъ въ общество;

е) сообщеніе дѣйствительнаго члена архимандрита А. Филохія о найденномъ имъ въ одномъ экземплярѣ печатной Острожской Библии рукописномъ словарѣ (почерка XVII в.), съ объясненіемъ темныхъ и иноязычныхъ словъ, встрѣчающихся въ Библии, словами тогдашняго южно-русскаго нарѣчія;

ж) сообщеніе дѣйствительнаго члена барона Ф. А. Бюлера, съ приложеніемъ рисунка московской печати, на которой изображены всадникъ въ боярской одеждѣ, держащій въ правой рукѣ оружіе, состоящее изъ трехъ привязанныхъ къ рукояти шаровъ, часто встрѣчаемое на средневѣковыхъ памятникахъ какъ вооруженіе рыцарей; рисунокъ снятъ съ гербовника начала XVI столѣтія, находящагося въ Гагѣ; подъ нимъ подпись Mossobitten;

з) свѣдѣнія, доставленныя членомъ-корреспондентомъ Е. Т. Соловьевымъ объ остаткахъ древней болгарской крѣпости въ Тетюшскомъ уѣздѣ Казанской губерніи;

и) для издаваемаго въ Трудахъ общества археологическаго словаря оно получило отъ дѣйствительныхъ членовъ Н. Я. Аристова, А. С. Павлова и Е. В. Барсова объясненія на 40 словъ, встрѣчающихся въ лѣтописяхъ и другихъ нашихъ письменныхъ памятникахъ.

VI. Къ числу сдѣланныхъ въ отчетномъ году сообщеній библиографическаго и критическаго содержанія относятся:

а) библиографическія указанія и сообщенія г. предѣдателя, въ которыхъ онъ знакомилъ общество съ наиболѣе замѣчательными изданіями, брошюрами и статьями въ журналахъ археологическаго содержанія; такъ, онъ обратилъ вниманіе общества на вновь вышедшіе выпуски журнала Берлинскаго этнографическаго общества, въ которыхъ особая статья содержитъ изслѣдованіе коньковъ на деревянныхъ постройкахъ въ Германіи; на новый выпускъ изданія Вѣнскаго антропологическаго общества, посвященный изслѣдованію доисторическихъ древностей Крайны и города Люблянъ; на присланныя членомъ-корреспондентомъ Вавкелемъ двѣ фотографіи съ калиты изъ капуцинскаго монастыря въ Вѣнѣ, на которой вышиты шелками раз-

ныя священныя изображенія и славянскія надписи съ начальными словами двухъ церковныхъ молитвъ; на оттиски трансильванскихъ монетъ (своего собственного собранія); на доставленныя членомъ-корреспондентомъ епископомъ Ионааномъ фотографии съ иконы Черниговской Ильинской Богородицы, поднесенной въ 1696 г. Петру I, съ изображеніемъ Азова и его укрѣпленій, и съ изображенія Ярославскаго архіепископа Арсенія съ братіей, пѣвчими и прислугою; на новое изданіе Московскаго архива министерства юстиціи подъ заглавіемъ: „Внутренній бытъ Русскаго государства съ 17-го октября 1740 по 25-е ноября 1741 г.“ съ приложенными къ нему фотографіями и геліографическимъ оттискомъ любопытной гравюры, изображающей Іоанна Антоновича въ колыбели; на новое сочиненіе дѣйствительнаго члена Одобеско на румынскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Скисскія древности“, въ которомъ авторъ объясняетъ древности, найденныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Новочеркасскѣ, о коихъ было упомянуто въ т. I Трудовъ Московскаго археологическаго общества; на изслѣдованіе члена-корреспондента Эрнеста Шантра: „De l'origine orientale de la metallurgie“, въ которомъ авторъ разсматриваетъ вопросъ о восточномъ происхожденіи бронзы и склоняется къ тому мнѣнію, что открытіе бронзы могло повасть въ Европу не только чрезъ Малую Азію, но также и чрезъ Кавказскій перешеекъ, и пр.; кромѣ того, графъ А. С. Уваровъ сдѣлалъ краткій очеркъ подготовительныхъ къ Тифлисскому съѣзду археологическихъ работъ, произведенныхъ лѣтомъ 1880 г. на Кавказѣ гг. Цицосани, Штейномъ, Ерицовымъ, Русовымъ, княземъ Эристовымъ и В. Ө. Миллеромъ;

б) дѣйствительный членъ Н. А. Поповъ сообщилъ объ учрежденіи и дѣятельности вновь основаннаго археологическаго общества въ Загребѣ (подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго члена Московскаго археологическаго общества Кукулевича-Сакцинскаго), замѣнившаго собою прежнее общество, дѣятельность котораго не была спеціальною;

в) дѣйствительный членъ Н. П. Бочаровъ предложилъ обзоръ ученыхъ трудовъ покойнаго академика М. И. Броссе;

г) дѣйствительный членъ И. В. Цвѣтаевъ изложилъ отзывъ свой объ италіанскихъ археологахъ и ихъ сочувственномъ отношеніи къ иностраннымъ ученымъ.

Въ отчетномъ году Московское археологическое общество принимало также участіе въ международномъ съѣздѣ въ Лиссабонѣ по доисторической археологіи въ лицѣ своего представителя дѣйствительнаго члена В. Б. Антоновича.

Труды общества по изслѣдованію отечественныхъ памятниковъ прочтены были выраженіемъ живаго къ нимъ сочувствія, тѣмъ болѣе для общества цѣннымъ, что такое сочувствіе заявлено было со стороны ученаго знатока и любителя отечественныхъ древностей, не богатаго матеріальными средствами, но не смотря на то, успѣвшаго обогатить русскую археологію замѣчательными изслѣдованіями и открытіями. Въ апрѣлѣ прошедшаго года членъ-корреспондентъ, нынѣ дѣйствительный членъ В. И. Лѣствицынъ прислалъ слѣдующее письмо: „Согласно данному прежде обѣщанію, имѣю честь препроводить при семъ въ общество сто рублей серебромъ, для употребленія ихъ на предметъ археологическихъ ученыхъ изслѣдованій по усмотрѣнію общества, и если бы представился случай, то преимущественно на археологическія изслѣдованія по Ярославской губерніи“. Нужно замѣтить, что это уже второе денежное пожертвованіе отъ В. И. Лѣствицына въ общество и на тотъ же предметъ.

Осенью 1880 года, при исправленіи ветхостей въ нижнемъ этажѣ дома Московскаго археологическаго общества, открыты были на наружныхъ стѣнахъ дома, по разчисткѣ позднѣйшей штукатурки, остатки богатыхъ архитектурныхъ украшеній вокругъ оконъ, какъ нижняго и верхняго, такъ и подвального этажей. Открытіе это было тѣмъ болѣе важно, что домъ общества, принадлежавшій въ XVII в. богатому владѣльцу, составляетъ теперь единственный уцѣлѣвшій въ Москвѣ памятникъ гражданскаго, или точнѣе, домоваго зодчества допетровской эпохи. Получивъ увѣдомленіе объ этомъ открытіи, графъ А. С. Уваровъ, находившійся тогда въ Арменіи, обратился къ дѣйствительному члену и казначею общества А. И. Хлудову съ письмомъ, въ которомъ просилъ его созвать существующую при обществѣ комиссію по осмотру памятниковъ, для обсужденія и изысканія мѣръ къ возстановленію открытыхъ въ домѣ древностей. Собравшаяся комиссія, по предложенію А. И. Хлудова, препоручила своему члену архитектору А. П. Попову составить смѣту на исправленіе ветхостей и возстановленіе дома въ древнемъ его видѣ, что и было исполнено А. П. Поповымъ. Вслѣдъ затѣмъ А. И. Хлудовъ представилъ въ общество слѣдующее заявленіе: „Сочувствуя вполне ученой дѣятельности Московскаго археологическаго общества, дѣйствительнымъ членомъ котораго имѣю честь состоять нѣсколько лѣтъ, прошу общество принять отъ меня три тысячи рублей серебромъ на тѣ исправленія и реставраціи въ принадлежащемъ ему древнемъ домѣ, которыя общество признаетъ болѣе необходимыми“.

Къ этому обзору дѣятельности Московскаго археологическаго общества присоединяемъ и краткій очеркъ Московскаго предварительнаго комитета по устройству V-го археологическаго съѣзда въ Тифлисъ. Въ теченіе 1880 года, какъ и въ прежніе, дѣятельность этого комитета была тѣсно связана съ работами самаго общества; въ занятіяхъ комитета принимали участіе почти всѣ наличныя силы общества, и нѣкоторыя изъ работъ, вызванныхъ задачами съѣзда, были сообщаемы и обсуждаемы въ засѣданіяхъ общества.

Въ 1880 году занятія предварительнаго комитета состояли въ продолженіи подготовительныхъ ученыхъ работъ и изысканій къ предстоящему съѣзду, въ сношеніяхъ съ русскими и иностранными учеными и въ изданіи протоколовъ. Въ производствѣ археологическихъ изслѣдованій на Кавказѣ принимали участіе въ 1880 году А. А. Русовъ, В. О. Миллеръ и графъ А. С. Уваровъ.

Г. Русовъ былъ командированъ Московскимъ археологическимъ обществомъ для изслѣдованія кургановъ въ окрестностяхъ Дербента, а со стороны Тифлискаго комитета отправленъ былъ въ ту же мѣстность г. Циолани, который, кромѣ того, нанесъ на пятиверстную карту Кавказа группы кургановъ въ Кизлярскомъ и Темиръ-Ханъ-Шуранскомъ округѣ. Ими обнаруженъ былъ замѣчательный способъ погребенія, дающій основаніе предполагать, что не цѣлый трупъ зарывался въ могилѣ, а кости складывались человѣческими руками въ извѣстномъ порядкѣ.

В. О. Миллеръ предпринялъ поѣздку въ Осетию, главнымъ образомъ, съ цѣлью лингвистическою и этнографическою. Ознакомившись во Владикавказѣ съ практикой осетинскаго языка у туземцевъ, онъ затѣмъ отправился въ сопровожденіи г. Кокіева, природнаго Дигорца, въ Алагирь, оттуда въ Садонъ и въ Дигорію. Здѣсь записаны имъ мѣстныя преданія, пѣсни и нартекія сказанія. Лингвистическая работа состояла въ изслѣдованіи говоровъ и діалектовъ осетинскаго языка, этнографическая же — въ собираніи данныхъ о бытѣ Осетинъ, о ихъ народныхъ преданіяхъ и вѣрованіяхъ. Такимъ образомъ г. Миллеру удалось записать значительное количество данныхъ, которыя войдутъ въ изслѣдованіе, приготавливаемое имъ для Тифлискаго съѣзда.

Графъ А. С. Уваровъ, во время своей поѣздки на Кавказъ осенью 1880 года, независимо отъ дѣятельнаго участія въ засѣданіяхъ Тифлискаго комитета и отъ направленія мѣстныхъ археологическихъ

работъ, производилъ раскопки, съ цѣлью опредѣлить мѣстопахожденіе древней столицы Арменіи—Армавира. Раскопки эти привели къ отрицательному результату и показали, что на мѣстѣ, обозначаемомъ на картахъ подъ именемъ развалинъ Армавира, не существовало древнѣйшей столицы Арменіи. Здѣсь найдены были остатки отъ III и IV столѣтій христіанской эры. Подробное сообщеніе объ этихъ раскопкахъ сдѣлано было графомъ А. С. Уваровымъ въ годичномъ заведеніи Московскаго археологическаго общества. Въ Эчмиадзинѣ—какъ уже было упомянуто выше—графъ А. С. Уваровъ занимался изученіемъ тамошней бібліотеки, обративъ преимущественное вниманіе на раскопки съ миниатюрами, которыя отмѣчены годомъ и представляютъ интересъ для палеографіи, орнаментики и иконографіи. Древнѣйшею изъ этихъ рукописей оказалось Евангеліе 988 г., и затѣмъ рядъ ихъ идетъ въ послѣдовательномъ порядкѣ по столѣтіямъ, до XVIII в. включительно.

Согласно постановленію общаго собранія предварительнаго комитета объ изданіи сборника по древней кавказской эпитафикѣ, работы по этой части были въ 1880 году выполнены членами Московскаго археологическаго общества Н. О. Эминимъ и И. В. Помяловскимъ, профессоромъ С.-Петербургскаго университета: первый приготовилъ къ изданію сборникъ древне-армянскихъ надписей, относящихся къ Кавказу, а послѣдній—таковой же сборникъ надписей греческихъ; и тотъ, и другой сборникъ издаются подъ непосредственною редакціей составителей.

Въ виду приближающагося срока открытія сѣзда комитетъ былъ занятъ изготвленіемъ программы, которая и была выработана на общемъ собраніи предварительнаго комитета, а также сношеніями съ русскими и иностранными учеными. Программа сѣзда отпечатана вмѣстѣ съ вопросами и запросами, внесенными для обсужденія на сѣздѣ. Какъ тѣ, такъ и другіе, по большей части относятся къ Кавказу, и это обстоятельство имѣетъ придать будущему сѣзду весьма важное научное значеніе въ мѣстномъ отношеніи; но на ряду съ подобными вопросами и запросами программа сѣзда касается и иныхъ задачъ археологіи, независимо отъ древностей кавказскихъ. Для иностранныхъ ученыхъ программа переведена и отпечатана на французскомъ языкѣ. Вмѣстѣ съ приглашеніями на сѣздъ, программы разсланы ученымъ учрежденіямъ, членамъ комитета по устройству сѣзда, членамъ Московскаго археологическаго общества и тѣмъ изъ

русскихъ ученыхъ, которыхъ участіе на съѣздѣ было признано особенно желательнымъ. Отъ многихъ изъ этихъ лицъ уже послѣдовали отвѣты на приглашеніе. Изъ иностранныхъ ученыхъ, кромѣ тѣхъ лицъ, которыя были предложены въ общемъ собраніи подготовительнаго комитета, отправлены приглашенія къ заграничнымъ ученымъ, лично извѣстнымъ Московскому археологическому обществу въ качествѣ его членовъ и по участію ихъ на предшествующихъ археологическихъ съѣздахъ.

Что касается до печатанія протоколовъ и изданія подготовительныхъ работъ по съѣзду, то комитетъ въ отчетномъ году издалъ, подъ редакціей секретаря своего И. Д. Мансветова, третій выпускъ протоколовъ въ объемѣ 20 листовъ, съ приложеніемъ шести таблицъ. Въ этомъ выпускѣ помѣщены: замѣтка Л. П. Загурскаго объ изслѣдованіи кавказскихъ языковъ протоколы двухъ засѣданій Тифлискаго предварительнаго комитета и протоколы перваго общаго собранія предварительнаго комитета съ приложеніями къ тѣмъ и другимъ, а также дневники раскопокъ, веденныхъ на Кавказѣ и въ Закавказскомъ краѣ осенью 1879 года И. С. Поляковымъ и В. Б. Аптоновичемъ (каждымъ отдѣльно), и въ приложеніи къ послѣднему—описаніе археологической коллекціи г. Ольшевскаго, собранной изъ похороннаго поля возлѣ Камунты и Галсаты въ Дигоріи. Къ выпуску приложено шесть таблицъ рисунковъ и плановъ. Четвертый выпускъ оканчивается печатаніемъ и въ непродолжительномъ времени будетъ разосланъ членамъ. Въ этомъ выпускѣ помѣщаются: дневникъ раскопокъ, веденныхъ въ Кубанской области членомъ Московскаго археологическаго общества В. Л. Беренштамомъ, съ тремя таблицами рисунковъ (восточныя монеты, найденныя въ этихъ могилахъ, опредѣлены В. Г. Тизенгаузеномъ); статья академика Г. В. Абиха объ Ани, въ переводѣ съ нѣмецкаго, съ примѣчаніями П. О. Эмина; двѣ статьи г. Эмина объ Атаварѣ и о Мидійцахъ въ древней Арменіи; статья графа А. С. Уварова объ Эчмιάдинской библіотекѣ, съ приложеніемъ снимковъ съ армянскихъ миниатюръ; протоколы двухъ засѣданій Тифлискаго предварительнаго комитета и въ приложеніи къ нимъ: отчетъ г. Ерицова объ археологической экскурсіи по Карской области и замѣтка г. Церетели о курганахъ въ Ріонской долинѣ. За этимъ выпускомъ протоколовъ послѣдуетъ еще одинъ, которымъ и закончится изданіе ихъ.

Такимъ образомъ, минувшій годъ прошелъ для Московскаго архео-

логическаго общества среди цѣлаго ряда усиленныхъ работъ: принимая близкое участіе въ приготовленіяхъ къ Тифлисскому археологическому съѣзду, члены общества продолжали въ то же время обрабатывать и другіе вопросы изъ науки древностей, не касающіеся Кавказа. Вообще бодрая дѣятельность и чуткая отзывчивость на всѣ вопросы, которые возбуждаются въ наше время изыскателями древностей, составляетъ отличительную особенность Московскаго археологическаго общества, и въ этомъ отношеніи оно вполне обязано высокопросвѣщенному и опытному руководству своего достойнаго предсѣдателя.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ С.-Петербургскаго университета въ 1880 году: личный составъ преподавателей; вакантныя кафедры; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; присужденіе наградъ за представленныя сочиненія; ученые труды преподавателей; публичныя лекціи; удостовѣренія ученыхъ степеней и званій; командировки съ ученою цѣлью; бюджетъ университета; свѣдѣнія объ учащахся; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; состоящія при университетѣ общества.

Въ С.-Петербургскомъ университетѣ къ концу 1880 года состояло на лицо штатныхъ преподавателей: въ историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ 8, экстраординарныхъ 4, доцентовъ 5; въ физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 5; въ юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ 8, доцентовъ 6; въ факультетѣ восточныхъ языковъ: ординарныхъ профессоровъ 6, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 5, лекторовъ 4. Сверхъ того при университетѣ состояли: профессоръ православнаго богословія и четыре лектора новыхъ иностранныхъ языковъ. Общее число штатныхъ преподавателей было: профессоръ богословія 1, ординарныхъ профессоровъ 33, экстраординарныхъ 10, доцентовъ 21, лекторовъ 8, итого 73. Сверхштатныхъ преподавателей состояло 9, въ томъ числѣ: 4 ординарныхъ профессора, 1 доцентъ и 4 преподавателя. Приватъ-доцентовъ было 12, именно: по русской словесности, по славянской филологіи, по философіи, по математикѣ (2),

по физикѣ (3), по геологiи, по физиологiи, по химiи, по персидской словесности. Преподавательскихъ вакансiй къ концу 1880 года было 10, именно: по историко-филологическому факультету—два доцентскихъ оклада, по юридическому—одинъ окладъ ординарнаго профессора, два оклада экстраординарнаго профессора и два доцентскихъ оклада, по факультету восточныхъ языковъ—три доцентскихъ оклада.

Въ 1880 году факультеты имѣли засѣданiй: историко-филологическiй 28, физико-математическiй 33, юридическiй 26, факультетъ восточныхъ языковъ 16. Для замѣщенiя вакантныхъ коедръ совѣтомъ университета ежегодно оставляются при университетѣ, съ назначенiемъ стипендiй, частiю же и безъ стипендiй, нѣсколько молодыхъ людей, по рекомендацiямъ факультетовъ и по избранiю въ совѣтъ, съ цѣлю приготовленiя къ профессорскому званiю, и въ то же время молодые люди, выдержавшіе уже испытанiе на степень магистра, посылаются для приготовленiя къ профессорскому званiю за границу. Для усиленiя учебной дѣятельности слушателей университетскихъ лекцiй служатъ практическiя ихъ занятiя подъ руководствомъ профессоровъ и преподавателей. Въ 1880 году занятiя эти происходили въ слѣдующемъ видѣ: Въ историко-филологическомъ факультетѣ: по всеобщей исторiи нѣкоторые студенты высшихъ курсовъ, специалисты по исторiи, подъ руководствомъ профессора, занимались разработкою отдѣльныхъ, задаваемыхъ имъ темъ. Изъ такихъ сочиненiй нѣкоторыя отличаются весьма добросовѣстнымъ изученiемъ источниковъ и свидѣтельствуютъ въ молодыхъ людяхъ зрѣлость научныхъ взглядовъ и знакомство съ научными приемами. Изъ числа этихъ сочиненiй болѣе удовлетворительными оказались: сочиненiе студента Денфера—„Отношенiе Германiи къ Базельскому собору“, Шварсалаана—„Эней Сильвiй Пикколомини и его Исторiя Фридриха III“, Форстена—„Германская политика Густава Адольфа“. Кромѣ того, у доцента Соколова по одному разу въ недѣлю происходили спеціальныя занятiя со студентами III и IV курсовъ, предметомъ которыхъ было чтенiе источниковъ по греческой исторiи. По славянской филологiи, по указанiю и подъ наблюденiемъ профессора, студенты-специалисты III и IV курсовъ занимались письменными разборами нѣкоторыхъ мѣстъ изъ источниковъ Венгерской, Польской и Чешской исторiи, преимущественно до XV вѣка; оставленные же при университетѣ кандидаты Регель и Петровъ готовятъ къ изданiю: первый — разборъ хроники Козьмы Пражскаго, а второй — разборъ Гербардова жизнеописанiя Оттона Бамбергскаго. По русской словес-

ности, подъ руководствомъ профессора, студенты занимались спеціальными работами по предмету народной словесности и древней русской литературы; студентъ Алексѣевскій занимался изслѣдованіемъ сербскаго богатырскаго эпоса, сравнительно съ русскимъ; студентъ Звѣревъ представилъ изслѣдованіе „Житія Петра, царевича Ордынскаго“ по различнымъ спискамъ; студентъ Бардовскій продолжалъ свое изслѣдованіе о Болгивѣ; студентъ IV курса Кирсановъ — изслѣдованіе о житіяхъ и сочиненіяхъ Петра митрополита; того же курса студентъ Виньчковскій — „О древней російской Вивлюиикѣ“ Новикова; кандидаты: Архангельскій — изслѣдованіе народныхъ пѣсняхъ о Грозномъ, Васильевъ — изслѣдованіе литературнаго характера повгородскихъ лѣтописей сравнительно съ южно-русскими. По русской исторіи студенты занимались практическимъ разборомъ и изученіемъ источниковъ: такъ, одинъ изъ студентовъ перевелъ Меербера и дополнилъ его комментариемъ. По римской словесности, по примѣру прежнихъ лѣтъ, практическія занятія профессора со студентами старшихъ двухъ курсовъ, избравшими своею спеціальностію классическую филологію, состояли въ руководствѣ студентовъ въ пониманіи авторовъ и въ разработкѣ темъ, относящихся къ частнымъ вопросамъ латинскаго языка, литературы и древностей. Студентамъ предлагаемы были темы для домашнихъ письменныхъ работъ, разсматривавшихся затѣмъ профессоромъ. Кромѣ того, на лекціяхъ профессора по объясненію писателей студенты постоянно принимали участіе въ переводахъ. Практическія занятія со студентами младшихъ двухъ курсовъ происходили подъ руководствомъ преподавателей Лапшина, Шебора и Мусселіуса. По греческой словесности, для практическихъ занятій профессоромъ назначаемы были по двѣ лекціи въ недѣлю. Занятія эти посвящены были разбору письменныхъ упражненій спеціалистовъ по классической филологіи въ переводѣ и объясненіи драмъ Еврипида. Работы студентовъ, просмотрѣнныя предвѣрительно профессоромъ, разбирались затѣмъ товарищами подъ руководствомъ того же профессора. По философіи, студенты-специалисты занимались, по одному разу въ недѣлю, чтеніемъ „Критики чистаго разума“ Канта, въ одномъ семестрѣ, и чтеніемъ „Микрокосма“ Лотце — въ другомъ. Въ физико-математическомъ факультетѣ профессора и преподаватели посвящали для практическихъ занятій со студентами значительную часть времени. Подъ руководствомъ профессора Бекетова, студенты разряда естественныхъ наукъ занимались опредѣленіемъ растений по сухимъ экземплярамъ, въ I курсѣ въ про-

долженіе одного полугодія, а въ высшихъ курсахъ постоянно. По анатоміи и физиологіи растений подобныя же занятія происходили подъ руководствомъ профессора Фаминцына. Ближайшее руководство въ практическихъ занятіяхъ по ботаникѣ возложено было на доцента Гоби. Въ зоологическомъ кабинетѣ происходили постоянно практическія занятія студентовъ, въ особенности послѣднихъ курсовъ преимущественно подъ руководствомъ доцента Богданова и консерватора Семеновскаго. Многіе изъ студентовъ старшихъ курсовъ разряда естественныхъ наукъ занимались практическимъ изученіемъ позвоночныхъ животныхъ, частію занимались опредѣленіемъ родовъ и видовъ животныхъ, частію же анатоміею ихъ. Студенты А. Никольскій, В. Лавровъ, В. Хлѣбниковъ и О. Плеске принимали участіе въ Мурманской ученой экспедиціи, снаряженной С.-Петербургскимъ обществомъ естествоиспытателей для изслѣдованія животныхъ Ледовитаго океана. Наблюденія и изысканія, произведенныя ими, войдутъ въ составъ подробнаго отчета о Мурманской экспедиціи. Въ физиологической лабораторіи студенты II курса занимались изученіемъ тканей животнаго тѣла съ помощію микроскопа, также практически знакомились съ методами, употребляемыми при этихъ изслѣдованіяхъ. Кромѣ того, студенты того же курса занимались съ начала втораго полугодія препаровкою мышцъ, подъ ближайшимъ наблюденіемъ прозектора. Специальными изслѣдованіями по разнымъ отдѣламъ гистологіи занимались студенты Лосевъ, Н. Князевъ, Фаворскій, Шубенко, Тялочкинъ, Аристовъ и Тихомировъ. Студентъ Н. Князевъ заключилъ изслѣдованіе о строеніи спинныхъ узловъ у рыбъ; студентъ Зефтингенъ напечаталъ въ бюллетенѣ академіи наукъ изслѣдованіе о строеніи млечной желѣзы; изъ начатыхъ работъ заслуживаютъ особеннаго вниманія по полученнымъ уже результатамъ: изслѣдованіе Лосева — о строеніи спиннаго мозга, Князева — о строеніи кожи кита и Андреева — о развитіи клѣтчатки. Практическія занятія по физиологіи происходили также у студентовъ IV курса. Изъ произведенныхъ уже работъ, кандидатъ Михайловъ приготовилъ къ печати изслѣдованіе по калориметріи крови; кандидатъ Введенскій — изслѣдованіе о дыханіи лягушки, Чистосердовъ занимался измѣреніемъ емкости легкаго. Въ аналитическомъ отдѣленіи химической лабораторіи практическія занятія со студентами происходили подъ наблюденіемъ профессора Меншуткина, при участіи трехъ лаборантовъ. Значительное число студентовъ II курса естественнаго разряда (176) заставило профессора два раза параллельно

читать курсъ аналитической химіи. По той же причинѣ для занимающихся практически въ лабораторіи необходимо было учредить нѣсколько очередей. Въ органическомъ отдѣленіи химической лабораторіи студенты высшихъ курсовъ естественнаго разряда подъ руководствомъ профессора и лаборанта, занимались различными работами, результаты которыхъ, имѣющіе научный интересъ, печатались въ Журналѣ химическаго общества. Въ лабораторіи студенты занимались: Храповицкій—изслѣдованіемъ гексаметилятива, Розовъ—реакціей при соединеніи углеводовъ ацетиленнаго типа, Альмедигень — превращеніемъ кротопила, Тизенгольдъ — изслѣдованіемъ превращенія тинакона, Павлиновъ—образованіе сполна замѣщенныхъ анилиновъ, Лавровъ—повторялъ опыты Патерно надъ образованіемъ фосгена, Регель—дѣйствіе цинкэтила на двубромистый изобутиленъ. Въ физическомъ кабинетѣ практическія занятія студентовъ происходили подъ руководствомъ профессора и двухъ лаборантовъ по примѣру прежнихъ лѣтъ. Въ общихъ практическихъ занятіяхъ принимали участіе послѣдовательно въ оба семестра 117 студентовъ II курса обоихъ разрядовъ факультета. Изъ всего числа сдѣланныхъ работъ занесено въ книгу кабинета 340 съ численными результатами. Изъ студентовъ математическаго разряда занимались болѣе спеціальными работами свыше 20 человекъ. Изъ самостоятельныхъ научныхъ работъ заслуживаютъ вниманія изслѣдованія г. Случинова надъ гальванической поляризацией. По астрономіи практическія занятія со студентами производились на академической обсерваторіи подъ руководствомъ доцента Глазенапа, который, сверхъ того, занималъ студентовъ численнымъ рѣшеніемъ астрономическихъ задачъ. Одинъ студентъ IV курса математическаго разряда опредѣлилъ орбиту двойной звѣзды, A. Oriuchii. Наблюденія были сообщены ему директоромъ Пулковской обсерваторіи. Въ геологическомъ кабинетѣ, подъ руководствомъ профессора, ежедневно происходили практическія занятія со студентами по петрографіи и палеонтологіи. Кандидатъ Венюковъ, въ теченіе лѣта 1880 года, по порученію общества естествоиспытателей, занимался изученіемъ геологической дѣятельности сѣверныхъ русскихъ водопадовъ; въ продолженіе учебнаго времени онъ занимался изученіемъ строенія Иматровскихъ камней и микроскопическимъ строеніемъ горныхъ породъ русскаго побережья тихаго океана. Кандидатъ Савеловъ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ занимался изученіемъ дюнь Финскаго залива, а въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ обрабатывалъ собранный матеріалъ и занимался изученіемъ зубовъ ископаемаго гипа-

ріонъ и мастодонта; кандидатъ Кудрявцевъ, въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ участвовалъ въ экспедиціи съ доцентомъ Богдановымъ къ берегамъ Ледовитаго океана и затѣмъ обрабатывалъ собранныя коллекціи; студентъ Андреевъ занимался выработкою метода отдѣленія въ горныхъ городахъ минераловъ другъ отъ друга, вмѣстѣ съ профессоромъ Инстраницевымъ изобрѣлъ приборъ для этой цѣли и нынѣ трудится надъ его усовершенствованіемъ; студентъ Глинка занимался изслѣдованіемъ ископаемаго дуба, найденнаго вмѣстѣ съ остатками до-историческаго человѣка въ побережьи Ладожскаго озера; кандидаты Кудрявцевъ и Лебедевъ печатали свои изслѣдованія, заключающія подробную геологическую съемку окрестностей Царскаго и Краснаго села, а кандидатъ, Савеловъ печаталъ свое изслѣдованіе „Дюны побережья Финскаго залива“. Въ минералогическомъ кабинетѣ происходили практическія занятія студентовъ по кристаллографіи и минералогіи. Пять студентовъ занимались химическимъ изслѣдованіемъ почвъ. Вслѣдствіе почти совершеннаго отсутствія въ кабинетѣ коллекціи минераловъ, приспособленной для пракческаго изученія студентами описательной минералогіи, консерваторомъ кабинета Романовскимъ, въ теченіе второй половины 1880 года была образована таковая учебная или студенческая коллекція, въ составъ которой вошли: а) 337 нумеровъ старой коллекціи минераловъ для изученія ихъ наружныхъ признаковъ, приобрѣтенной университетомъ еще въ 1846 году; б) 47 образцовъ дубликатовъ основной коллекціи минераловъ, главнымъ образомъ, полевые шпаты; в) 110 экземпляровъ старой студенческой неполной коллекціи, и г) 406 образцовъ, отобранныхъ въ такъ-называемомъ кабинетскомъ запасѣ. Такимъ образомъ устроено нынѣ „учебное студенческое собраніе минераловъ“, состоящее изъ 1,100 образцовъ. Собраніе это разбито на 11 слѣдующихъ отдѣловъ: самородные элементы, сѣрнистыя и другіе соединенія, хлористыя и фтористыя соединенія, окислы, силикаты, углекислыя соединенія, сѣрнокислыя соединенія, фосфорно-мышьяково и ванадіево-кислыя соединенія, борно-кислыя соединенія, Вольфрамово-кислыя соединенія и псевдоморфозы. Въ агрономическомъ кабинетѣ студенты, подъ руководствомъ профессора и консерватора, занимались изслѣдованіемъ физическихъ и химическихъ свойствъ разныхъ почвъ, и писали разные сочиненія на заданныя профессоромъ темы. Студентъ Филиппцевъ написалъ о вредныхъ анизопліяхъ и о борьбѣ съ ними. Это сочиненіе удостоено преміи въ память перваго съѣзда русскихъ естествоиспытателей. Студентъ Органовъ написалъ монографію сои

или китайских бобовъ, которая будетъ напечатана.—Въ юридическомъ факультетѣ: подъ руководствомъ профессора Яисона, происходили занятія студентовъ въ статистическомъ кабинетѣ; занятія эти требуютъ большаго развитія, которое нынѣ невозможно по недостатку матеріальныхъ средствъ. Необходимо не только расширеніе бібліотеки, но для руководства студентовъ нуженъ ассистентъ къ профессору; сверхъ того желательно было бы облегчить доступъ къ занятіямъ лицамъ постороннимъ въ виду того, что потребность въ спеціальной подготовкѣ въ обществѣ велика, а министерство внутреннихъ дѣлъ доселѣ не имѣетъ при статистическомъ комитетѣ семинарія, недостатокъ котораго отчасти и приходится восполнять университетскими практическими курсами. Въ 1880 году студенты преимущественно занимались разработкою статистики несчастныхъ случаевъ въ С.-Петербурѣ. Профессоръ полицейскаго права читалъ особыя лекціи по вопросу строительной полиціи, при чемъ были и различныя занятія студентовъ, заключавшіяся въ составленіи ими рефератовъ въ размѣрѣ указываемыхъ мѣстъ полнаго собранія законовъ и въ толкованіи статей свода законовъ; въ теченіе года происходили такія же практическія занятія по вопросу о содѣйствіи торговлѣ. По государственному праву предлагаемо было студентамъ нѣсколько темъ съ указаніемъ источниковъ. Рефераты по мѣрѣ ихъ составленія, читались въ аудиторіи, въ особо назначенные для этого часы, и затѣмъ студенты представляли свои возраженія. Отъ такихъ занятій ожидается польза въ слѣдующемъ; а) составители рефератовъ знакомятся близко съ нѣкоторыми писателями, сочиненія которыхъ являются предметомъ реферата; б) добросовѣстно составленный рефератъ облегчаетъ и всѣмъ студентамъ знанство со спеціальными сочиненіями и вопросами; в) возникающая по поводу реферата бесѣда поддерживаетъ интересъ къ совмѣстнымъ занятіямъ. По церковному праву, по примѣру прежнихъ лѣтъ, также устроены были особыя лекціи для практическаго и нагляднаго ознакомленія студентовъ съ греческими и русскими рукописями, заключающими въ себѣ памятники и сборники церковнаго законодательства греческой и русской церкви. По международному праву профессоромъ предлагаемы были студентамъ III и IV курсовъ темы для рефератовъ. Представленные сочиненія читались ихъ авторами въ присутствіи товарищей, по окончаніи же чтенія происходили весьма оживленные пренія. Съ профессоромъ политической экономіи всѣ студенты I курса административнаго разряда поочередно занимались докладами и критическими обзорами главныхъ эконо-

номическихъ положеній изъ Адама, Смита, а студенты II курса того же разряда—экономическихъ положеній изъ Д. Рикардо. Студенты двухъ старшихъ курсовъ разработывали отдѣльные вопросы по страхованію, приучаясь къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ. Студентъ Федоровскій приготовилъ диссертацию о рабочихъ поселеніяхъ; студентъ Яроцкій—объ обязательныхъ пожертвованіяхъ предпріятій въ пользу рабочихъ; кандидатъ Ходскій—о наличномъ строѣ поземельныхъ кредитныхъ учрежденій. По уголовному судопроизводству практическія занятія устроены были для студентовъ IV курса. Студенты занимались: а) изложеніемъ и разборомъ важнѣйшихъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ сочиненій по этому предмету, б) ученіемъ и толкованіемъ памятниковъ дѣйствующаго законодательства, в) составленіемъ сочиненій на заданныя темы, при чемъ сочиненія эти подвергались обсужденію въ аудиторіи. Эти занятія происходили еженедѣльно. Предметомъ практическихъ занятій по римскому праву были источники римскаго права и литературныя пособія. По энциклопедіи законовѣднія одинъ разъ въ недѣлю велись со студентами младшихъ двухъ курсовъ бесѣды по общей теоріи права, причемъ студентами представлялись рефераты, предметомъ которыхъ служили произведенія Муромцева, Беринга, Трейделенбурга и друг. По факультету восточныхъ языковъ студенты, являясь на лекцію, должны предварительно подготавливаться надлежащимъ образомъ, то-есть, разобрать и уяснить себѣ при помощи словарей и грамматикъ, на сколько это возможно, текстъ переведеннаго на лекціи автора, безъ чего профессорская лекція не будетъ имѣть надлежащаго значенія; студентамъ весьма часто приходится переписывать восточные тексты для перевода ихъ на лекціяхъ; для постоянныхъ же практическихъ занятій въ изученіи языковъ арабскаго, персидскаго, турецкаго и монгольскаго, при факультетѣ состоитъ четыре лектора. Кромѣ исчисленныхъ выше практическихъ занятій студентовъ, стипендіальныя и переводныя испытанія служили средствомъ вонтроля надъ занятіями студентовъ.

На темы, предложенныя факультетами для соисканія наградъ медалями, представлены были слѣдующія сочиненія: по историко-филологическому факультету — „Анализъ Платоновскаго діалога „Тимей“, и „Разборъ произведеній Мавра Ветралича“; по физико-математическому — „О переходѣ тепла въ механическую работу въ животномъ тѣлѣ“, „Устройство дыхательнаго горла у птицъ“ и „Объ измѣреніи электрическихъ величинъ въ абсолютныхъ единицахъ“; по юридиче-

скому — „Обрученіе и вѣнчаніе по Коричей книгѣ“, „О бюджетѣ“, „Объ ученіи Іеринга“, „Объ ученіи Гоббза“; по факультету восточныхъ языковъ—„Извѣстія арабскихъ писателей о Закавказьѣ“ и „Объ устройствѣ кочевыхъ имперій“. За названныя сочиненія присуждены: а) золотыя медали: въ историко-филологическомъ факультетѣ — студенту II курса Ом. Корабевичу и окончившему курсъ студенту Гавр. Князеву; въ физико-математическомъ — студенту IV курса Анат. Бергамаско; въ юридическомъ—студентамъ III курса Н. Маркову и Людв. Добровольскому и IV курса В. Адамовичу; въ факультетѣ восточныхъ языковъ — студентамъ III курса А. Никольскому и IV курса Н. Преображенскому; б) серебряныя медали: въ историко-филологическомъ факультетѣ—П. Безобразову; въ физико-математическомъ — студентамъ III курса К. Россикову и IV курса А. Крупнину; въ юридическомъ — студентамъ III курса В. Якунчикову, С. Перетерскому, И. Чернявскому и М. Куратову; в) почетныя отзывы: въ физико-математическомъ факультетѣ—студенту III курса Н. Дьякову, въ юридическомъ—студентамъ IV курса В. Богдановскому и Н. Смирнову.

Въ 1880 году профессоры и другіе преподаватели С.-Петербургскаго университета издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературныя труды: а) профессоры: М. Сухомлиновъ напечаталъ пятый томъ „Исторіи Россійской академіи“ и помѣстилъ въ журналахъ нѣсколько статей: а) изъ литературы пятидесятихъ годовъ, б) рѣчь о Пушкинѣ, при открытіи памятника ему въ Москвѣ, и друг.; К. Вестужевъ-Рюминъ помѣстилъ въ „Журналѣ Министерства“ двѣ статьи: „Ливонская война“ и „С. М. Соловьевъ“; В. Ламанскій напечаталъ читанную на актѣ рѣчь „Могущество Турокъ-Османовъ въ Европѣ“; продолжалъ свои изслѣдованія о чешскихъ подложныхъ и сомнительныхъ памятникахъ, и написалъ подробный разборъ сочиненія Пыпина-Спасовича „Исторія славянскихъ литературъ“; И. Ягичъ, продолжая издавать выходящій подъ его редакціею на нѣмецкомъ языкѣ журналъ „Архивъ славянской филологіи“, напечаталъ конецъ IV и два выпуска V тома, въ которыхъ помѣщены, кромѣ рецензій и библиографическаго обзрѣнія, этюды его по славянской мифологіи и одна статья, относящаяся къ вопросу о рунахъ; кромѣ того изданъ имъ же въ обществѣ любителей древней письменности текстъ „Закона винодольскаго“ съ переводомъ и историко-филологическими объясненіями этого важнаго памятника; О. Миллеръ напечаталъ: въ журналѣ Русская Мысль—изслѣдованіе

„Объ основахъ ученія первоначальныхъ славянофиловъ“ и „О Пушкинскомъ вопросѣ“ (по поводу вновь появившихся матеріаловъ и статей) и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ различныя критическія статьи и очерки; К. Люгебиль помѣстилъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“: розысканіе „О формахъ родительнаго надежа такъ-называемаго втораго греческаго склоненія“ и отзывъ о трудахъ магистра В. Ернштедта; М. Владиславлевъ приготовилъ къ издацію въ свѣтъ 2-й томъ своего сочиненія „Психологія“; А. Веселовскій напечаталъ: въ Запискахъ академіи наукъ — „Розысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. I. Греческій апокрифъ о св. Θεодорѣ. II. Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ“, въ Исторіи русской литературы Галахова — „Очеркъ исторіи русской повѣсти до Петра Великаго“, въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ — „О талмудическомъ источникѣ одной Соломоновской повѣсти“, въ Отчетѣ объ Уваровскихъ преміяхъ — „Отчетъ о трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ обществомъ. Матеріалы, собранныя П. П. Чубинскимъ“. Сверхъ того, читаны во Второмъ отдѣленіи академіи наукъ и печатаются: „Розысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. Алатырь и мѣстныя преданія Палестины“, „Южно-русскія былины. I. Былина о Михаилѣ Даниловичѣ и младшіе богатыри. II. Илья Муромецъ и Соловей Будимировичъ въ письмѣ 1574 года“, „Croissans-Cresons и средневѣковныя легенды о половой метаморфозѣ“, „Эпизодъ о Южской царицѣ въ Павеѣ“, „Древне-русская повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ и такъ-называемыя Видѣнія Даниила“, „Der grote Suntach“, „Entzische Linte“, „Юды и Вилы“, „Румынскія пѣсни о Георгіѣ и Θεодорѣ“; И. Помяловскій помѣстилъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ статью о двухъ римскихъ военныхъ дипломахъ, найденныхъ недавно въ Болгаріи, и занимался редактированіемъ различныхъ изданій Русскаго археологическаго общества; В. Васильевскій напечаталъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ статьи: „Посланіе Алексѣя Комнина къ графу Роберту Фландрскому“, „Матеріалы для внутренней исторіи „Византійскаго государства“ и „О жизни и трудахъ Симеона Метафраста“; А. Бекетовъ издалъ первый выпускъ сочиненія подъ заглавіемъ „Учебникъ ботаники“, заключающій въ себѣ: введеніе, ч. I орگانографія, ч. II гистологія, ч. III физиологія питанія; Е. Меншуткинъ напечаталъ въ „Журналѣ Химическаго Общества“: „Объ этификаціи одноосновныхъ непредѣльныхъ

кислотъ“, „Вліяніе изомеріи на образованіе эфировъ глицеролей“, „Сравнительное изученіе этификаціи многоатомныхъ спиртовъ“, и „О методѣ опредѣленія химическаго значенія составляющихъ органическихъ соединеній“; кромѣ того, выпустилъ четвертымъ изданіемъ Аналитическую химію и редактировалъ XII томъ Журнала физико-химическаго общества; А. Бутлеровъ помѣстилъ въ Журналѣ химическаго общества: „О полисоединеніяхъ въ минеральной Химіи“ и „Н. И. Зининъ, воспоминанія о немъ и біографическій очеркъ“ и предпринялъ изученіе окисленія изодибутилена марганово-кислымъ калиемъ и опредѣленіе пайнаго вѣса фосфора въ его различныхъ видоизмѣненіяхъ; Д. Менделѣевъ издалъ первую часть сочиненія „О сопротивленіи жидкостей“; сверхъ того, по поводу поѣздки на Кавказъ сообщалъ въ Химическомъ обществѣ и напечаталъ въ газетахъ статьи, касающіяся современнаго положенія Бакинскои нефтяной промышленности; П. Чебышевъ представилъ въ академію наукъ мемуаръ подъ заглавіемъ „О функціяхъ мало удаляющихся отъ нуля при нѣкоторыхъ величинахъ переменнвой“; А. Коркинъ напечаталъ извлеченіе изъ письма къ Эрмиту въ *Comptes' rendus des sciences de l'Institut de France*, подъ заглавіемъ „Sur l'impossibilité de résoudre algébriquement l'équation $x^n + y^n + z^n = 0$ “; Ю. Сохоцкій приготовилъ къ печати курсъ высшей алгебры; А. Фаминцынъ напечаталъ въ Бюлетенѣ академіи наукъ двѣ работы: „О разложеніи углекислоты растеніями при дѣйствіи искусственнаго освѣщенія“ и „Вліяніе напряженности свѣта на разложеніе углекислоты растеніями“; К. Кесслеръ напечаталъ двѣ статьи: „О естественно-историческомъ изслѣдованіи Крыма“ и „О законѣ взаимной помощи“, обѣ въ Трудахъ С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей; сверхъ того, занимался въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, изслѣдованіемъ позвоночныхъ животныхъ Таврическаго полуострова, по преимуществу тѣхъ, которыя водятся въ долину Салгира, и привезъ изъ Крыма значительныя зоологическія коллекціи, вошедшія въ составъ зоологическаго кабинета университета; И. Сѣченовъ напечаталъ изслѣдованіе о составѣ легочнаго воздуха; Ф. Овсянниковъ помѣстилъ въ Бюлетенѣ академіи наукъ изслѣдованіе о нервахъ околушной железы и занимался изслѣдованіемъ надъ развитіемъ хрящевыхъ рыбъ; А. Совѣтовъ редактировалъ Труды Императорскаго вольнаго экономическаго общества, гдѣ и помѣщалъ свои статьи; А. Иностранцевъ напечаталъ: въ *Neues Jahrbuch für Mineralogie, Geologie u. s. w.* статью подъ заглавіемъ „Ein neues äusserstes Glied

in der Reihe der amorphen Kohlenstoffe“, въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ — „Подраздѣленіе каменнаго періода на отдѣлы“ и въ Вѣстникѣ Европы — „Доисторическій человекъ въ побережьи Ладожскаго озера“; кромѣ того, лѣтомъ 1880 года занимался изученіемъ геологическаго строенія побережья Ладожскаго озера и залежами мѣдныхъ рудъ въ Екатеринбургской губерніи; Д. Бобылевъ напечаталъ I-ю часть курса аналитической механики; Ю. Янсонъ издалъ въ свѣтъ 2-й томъ Сравнительной статистики и помѣстилъ въ журналѣ Русская Рѣчь статьи: „Очеркъ правительственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ послѣ изданія Положенія 19-го февраля 1861 года“, „О распредѣленіи поземельной собственности въ Россіи“ и „Нѣкоторыя количественныя отношенія изъ русской сельско-хозяйственной статистики“; А. Градовскій издалъ собраніе разныхъ статей подъ заглавіемъ „Трудные годы“, окончилъ второе изданіе 2-го тома своего сочиненія „Начало русскаго государственнаго права“ дополнивъ его ученіемъ о языкѣ гражданскомъ, и напечаталъ въ журналѣ Русская Рѣчь статью „Паспортный вопросъ“; Н. Таганцевъ напечаталъ 3-е изданіе Уложенія о наказаніяхъ, съ разъясненіями и дополненіями, и 3-й выпускъ курса Уголовнаго устава (ученіе о соучастіи); В. Сергѣевичъ окончилъ печатаніемъ IV томъ Матеріаловъ Екатеринбургской законодательной коммисіи; М. Горчаковъ напечаталъ изслѣдованіе о 50-й главѣ печатной Кормчей книги „О тайнѣ супружества“; Ф. Мартенсъ выпустилъ въ свѣтъ русское изданіе брошюры „Россія и Англія въ средней Азій“, издалъ V томъ „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами, съ комментаріями по каждому акту, и выпустилъ въ Брюсселѣ на французскомъ языкѣ брошюру „Le conflit entre la Russie et la Chine“; Э. Вреденъ напечаталъ вторымъ изданіемъ „Курсъ политической экономіи“; В. Васильевъ напечаталъ „Очеркъ исторіи китайской литературы“; К. Коссовичъ занимался преимущественно санскритской ведической антологіей, которую издаетъ съ комментаріемъ и глоссаріемъ; издаетъ переводъ и объясненія еврейскаго библейскаго текста: „Ширъ-гашширимъ“; Д. Хвольсонъ напечаталъ сочиненіе „О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ Евреевъ“ и приступилъ къ печатанію „Сборника еврейскихъ надписей“, въ которомъ помѣщены большею частію неизданныя еврейскія надписи изъ разныхъ странъ Востока и Запада; между ними также много надгробныхъ надписей изъ Крыма, подлинность которыхъ доказывается профессоромъ. Къ сочиненію приложено будетъ нѣсколько

таблицъ съ фотографическими изображеніями надписей въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ III столѣтія до Р. Х. и до XVIII столѣтія по Р. Х., и особенная таблица для нагляднаго показанія, какъ еврейскій алфавитъ, въ теченіе многихъ столѣтій, мало по малу развивался изъ древняго финикійскаго алфавита; К. Паткановъ помѣстилъ: въ Мемуарахъ III международнаго конгресса ориенталистовъ— „Библиографическій очеркъ исторической армянской литературы“ и въ Исторіи всеобщей литературы, издаваемой подъ редакціей В. Корша— „О древней армянской литературѣ“; В. Гирга съ оканчивалъ изданіе „Арабско-русскаго словаря“ въ изданной имъ Хрестоматіи и Корану; К. Голстунскій приготовилъ къ изданію „Зиязалинскія постановленія Калмыковъ“, съ добавленіями; калмыцкій текстъ, русскій переводъ съ примѣчаніями; И. Захаровъ приготовлялъ къ изданію Маньчжурскую грамматику. Доценты: П. Никитинъ помѣстилъ въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія „Критическія замѣчанія къ трагедіи Еврипида „Медея“ и къ рѣчи Демосоена противъ Конона; Е. Замысловскій напечаталъ въ томъ же журналѣ изслѣдованіе „Объ извѣстіяхъ Себастіана Мюнстера о Литвѣ, Самогитіи, Русси и Московіи“; М. Богдановъ напечаталъ въ изданіяхъ академіи наукъ: „Сорокопуть русской фауны“ и „Bemerkungen über die Gruppe Pteroclididae“; С. Глазенапъ помѣстилъ статьи: въ Запискахъ академіи наукъ— „Наблюденіе переменной β Persei“ и „Вліяніе уклона слоевъ одинаковой плотности на астрономическую рефракцію“, и въ Запискахъ Парижской академіи— „Influence de la pente de refraction sur la refraction astronomique“; К. Поссе напечаталъ въ Запискахъ академіи наукъ статью объ одномъ вопросѣ о наименьшихъ величинахъ; В. Лебедевъ помѣстилъ въ газетѣ Новое Время до 20-ти статей по разнымъ экономическимъ и финансовымъ вопросамъ; К. Малышевъ напечаталъ въ приложеніи къ курсу общаго гражданскаго права Россіи, сводъ гражданскихъ законовъ и обычнаго права Россіи, со включеніемъ законовъ Финляндіи, Царства Польскаго, Остзейскаго края и Бессарабіи; Н. Фойницкій напечаталъ сочиненіе „Ссылка на западъ въ ея историческомъ развитіи и современномъ состояніи“, и приготовилъ къ печати, на основаніи главнымъ образомъ архивнаго матеріала, еще необнародованнаго, изслѣдованія о ссылкѣ въ Россіи, отдѣльныя части котораго уже разработаны и опубликованы въ Сборникѣ государственныхъ знаній и въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права; кромѣ того, въ тѣхъ же изданіяхъ имъ помѣщены различныя критическія статьи изъ области

уголовнаго права; С. Ведровъ въ обществѣ охраненія народнаго здравія дѣлалъ докладъ „О дѣтскихъ лечебныхъ колоніяхъ во Франціи, Англии, Германіи и Италіи“; баронъ В. Розенъ въ Изданіяхъ академіи наукъ напечаталъ статью объ Иби-Кутейбѣ и продолжалъ печатаніе каталога восточныхъ рукописей Азіатскаго музея академіи; А. Цагарели напечаталъ второй выпускъ сочиненія „Мингрельскіе этюды“, заключающій въ себѣ опытъ фонетики мингрельскаго языка, и помѣстилъ въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія статью „Объ изслѣдованіяхъ кавказскихъ языковъ за послѣднее двадцатипятилѣтіе“; Н. Веселовскій помѣстилъ: въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ—„О русскихъ невольникахъ въ средне-азиатскихъ ханствахъ“ и въ журналѣ Древняя и Новая Россія—„О Кудниковской битвѣ“. Лекторы: П. Флѣри напечаталъ: „Marivaux et le Marivaudage“, „Histoire élémentaire de la littérature française (3 édit.)“, „Articles dans la Revue politique et littéraire et dans Romania“, „Recits, descriptions et dialogues (3 édit.)“, „La grammaire en action (5 édit.)“, „Разказы и описанія изъ лучшихъ русскихъ авторовъ (6 изд.)“, и помѣщалъ въ Journal de St.-Petersbourg статьи о театрѣ, новыхъ книгахъ и т. д.; А. фонъ-Видертъ помѣстилъ въ Вестермановыхъ Monatshefte, издаваемыхъ Шпильгагеномъ, нѣсколько стихотвореній Кольцова; К. Тѣрнеръ приготовилъ къ издацію „Историческую хрестоматію англійской литературы“, съ примѣчаніями и объясненіями на русскомъ языкѣ; Н. Доржеевъ занимался составленіемъ разговорнаго словаря на монголо-бурятскомъ нарѣчій. Приватъ-доценты: К. Залеманъ помѣстилъ въ Исторіи всеобщей литературы, издав. В. Коршемъ, статью подъ заглавіемъ „Очеркъ исторіи древне-иранской литературы“; В. Докучаевъ продолжалъ изслѣдованіе новѣйшихъ образованій восточнаго побережья Финскаго залива и чернозема; Н. Гезехусъ напечаталъ въ Журналѣ физико-химическаго общества статью „О наименьшемъ отклоненіи лучей въ призмѣ“, И. Боргманъ помѣстилъ статьи: въ Annalen der Physik—„О гальваническомъ сопротивленіи углей при различныхъ температурахъ“ и въ Журналѣ физико-химическаго общества—„О законѣ гальванической индукціи“; О. Хвольсонъ напечаталъ диссертацию „О магнитныхъ успокоителяхъ“; А. Пезелеповъ издалъ отдѣльною книгою „О преподаваніи русской словесности“ и напечаталъ двѣ статьи: „Пушкинъ какъ поэтъ и человекъ“ и „Кѣмъ и почему пропущена одна глава въ повѣсти „Капитанская дочка“? Преподаватели: П. Коркуновъ помѣстилъ въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права статью „Администра-

тивныя суды въ Пруссіи“; С. Бершадскій окончилъ собраніе матеріала по исторіи юридическаго и общественнаго быта Евреевъ въ Литвѣ съ 1388 по 1795 годъ, и приступилъ къ печатавію II тома этихъ матеріаловъ.—Публичныя лекціи читали: профессоръ Мартенсъ: въ морскомъ собраніи въ Кронштадтѣ—три лекціи объ отношеніяхъ Россіи и Англіи къ Средней Азіи, и въ С.-Петербургскомъ яхтъ-клубѣ—одну лекцію о знаменитой деклараціи Екатерины II о вооруженномъ нейтралитетѣ; приватъ-доценты: Незеленовъ—„Пушкинъ въ Михайловскомъ“ и „Пушкинъ какъ поэтъ и человѣкъ“, Хвольсонъ—двѣ лекціи о магнетизмѣ и его примѣненіяхъ.

Совѣтъ С.-Петербургскаго университета имѣлъ въ 1880 году 14 сѣдавій. Утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора магистры: Владиміръ Соловьевъ—философіи, Адрианъ Праховъ—теоріи и исторіи искусствъ, Каринскій—философіи, Орестъ Хвольсонъ—физики, Александръ Цагарели—грузинской словесности и профессоръ Константиинъ Голстунскій—монгольской словесности; б) въ степени магистра кандидаты: Викторъ Ернштедтъ—греческой словесности, Петръ Морозовъ—русской словесности, Андрей Марковъ—математики, Алексѣй Потылицынъ—химіи, Николай Сергѣевскій—уголовнаго права, Александръ Блокъ—государственнаго права; в) въ степени кандидата 161 лицо, въ томъ числѣ: историко-филологическаго факультета 24, физико-математическаго 64, юридическаго 70, факультета восточныхъ языковъ 3; г) въ званіи дѣйствительнаго студента 66 лицъ, именно: по историко-филологическому факультету 8, по физико-математическому 12, по юридическому 46.—Для приготовленія къ профессорскому званію находились въ командировкѣ за границу: магистръ Викторъ Ернштедтъ—по греческой словесности, и кандидаты: Константиинъ Мережковскій—по зоологіи и Дмитрій Селивановъ—по механикѣ, всѣ трое на средства казны. Для приготовленія къ экзамену на степень магистра оставлены были при университетѣ стипендіатами слѣдующіе кандидаты: а) на счетъ специальныхъ средствъ университета: Матвѣй Соколовъ—по славянской филологіи, Поликратій Сырку—по тому же предмету, Петръ Морозовъ—по русской словесности, Александръ Ляпуновъ—по механикѣ, Павелъ Венюковъ—по минералогіи, Матвѣй Марковъ (уже выдержавшій магистерскій экзаменъ)—по математикѣ, Николай Дементьевъ—по международному праву, Степанъ Дузгинъ—по исторіи русскаго права, Алексѣй Позднѣевъ—по монгольской словесности, Вален-

тичь Жуковскій—по персидской словесности; б) на счетъ капиталовъ частныхъ учреждений и лицъ: П. Будринъ—по агрономіи, Н. Владиміровъ, В. Ефимовъ и Ксав. Мрочковскій—по государственному праву, П. Георгіевскій—по статистикѣ, Л. Ходскій и Федоровичъ—по политической экономіи, Ад. Кублицкій-Шютухъ и С. Гвоздевъ—по уголовному праву, А. Федоровъ—по полицейскому праву, П. Тютрюмовъ—по гражданскому праву; в) безъ производства стипендій: В. Регель и Рич. Ланге—по всеобщей исторіи, И. Смирновъ и И. Созановичъ—по русской словесности, А. Пестовскій и А. Ляхницкій—по русской исторіи, Л. Рутковскій—по философіи, Б. Срезневскій, А. Вучиховскій—по астрономіи, Н. Кудрявцевъ—по минералогіи, Θ. Капустинъ и И. Богомолецъ—по химіи, Г. Сусловъ—по механикѣ, С. Виноградскій—по ботаникѣ, О. Страусъ, Е. Борисовъ, А. Борисовъ и Н. Артемьевъ—по математикѣ, Л. Лозинскій, Д. Коршъ, Г. Юнкеръ и А. Брандтъ—всѣ четверо по государственному праву.—Въ теченіе 1880 года командированы были съ ученою цѣлю: а) за границу: профессора—Бекетовъ и Петрушевскій, доценты—Фойницкій и Гоби, и лаборантъ химической лабораторіи Львовъ; б) внутрь Россіи: профессоръ Кесслеръ—для пополненія своихъ прежнихъ метеоногическихъ изысканій, произведенныхъ въ 1879 году и для подробнаго ознакомленія съ рыбами Азовскаго моря, и также изслѣдованія позвоночныхъ животныхъ Таврическаго полуострова, преимуществу тѣхъ, которыя водятся въ долинѣ Салгира; профессоръ Менделѣевъ—на Кавказъ, для изученія нефтянаго производства; профессоръ Вагнеръ—на Бѣлое море, для зоологическихъ изслѣдованій, профессоръ Иностранцевъ—для производства геологическихъ изслѣдованій въ бережьяхъ Ладожскаго озера; доцентъ Богдановъ—для зоологическихъ изслѣдованій въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи, причемъ онъ принималъ участіе въ Мурманской экспедиціи; доцентъ Праховъ—въ Кіевъ и другія мѣстности Россіи, для археологическихъ изслѣдованій и для снятія копій съ древнихъ памятниковъ.

Денежныя средства С.-Петербургскаго университета находились въ 1880 году въ слѣдующемъ положеніи: По финансовой смѣтѣ ассигновано было изъ суммъ государственнаго казначейства: на содержаніе личнаго состава университета 200,767 руб., на хозяйственныя расходы и на учебныя пособія 73,950 руб., на стипендіи и пособія студентамъ 74,875 руб., всего 349,592 руб. Платы со студентовъ за слу-

шаніе лекцій въ теченіе года поступило 59,801 руб. 89 коп., отъ 1879 года оставалось 36,341 руб. 72 $\frac{1}{2}$ коп., израсходовано въ 1880 году 68,29 руб. 52 коп., затѣмъ къ 1-му января 1881 года осталось въ остаткѣ 27,854 руб. 9 $\frac{1}{2}$ коп. Главнѣйшія статьи расхода изъ суммы сбора были слѣдующія: на жалованье профессорамъ и преподавателямъ сверхъ штата, на вознагражденіе приватъ-доцентовъ и вообще на личный составъ сверхъ штата 36,090 руб., на учебныя пособия: бібліотеку, кабинеты и лабораторіи 6,624 руб., на нанечатаніе сочиненій 8,742 руб., на изготовленіе золотыхъ и серебряныхъ медалей 1,325 руб., на ученныя путешествія и командировки 4,750 руб., на выдачу пособій студентамъ 885 руб., на приемный покой и лекарства для студентоу 1,088 руб., на выдачу пособій на погребеніе и другіе непредвидѣнныя расходы.

При С.-Петербургскомъ университетѣ состоитъ четыре ученыхъ общества: филологическое, общество естествоиспытателей, юридическое и русское физико-химическое. Составъ и дѣятельность сихъ обществъ въ 1880 году представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Филологическое общество, учрежденное въ февралѣ 1869 года, состоитъ подъ предсѣдательствомъ профессора В. Н. Ламанскаго; оно имѣло восемь засѣданій, въ которыхъ принимали участіе своими заявленіями слѣдующія лица: Ю. С. Анненковъ—„О сочиненіяхъ чешскаго писателя Петра Хельчицкаго“, Р. Ф. Брандтъ—„Объ удареніяхъ въ славянскихъ нарѣчійахъ“, В. Г. Васильевскій—„О времени жизни Симеона Метафраста“, В. П. Васильевъ—„О характерѣ китайской литературы и письменности“, В. И. Ламанскій—„Объ ученыхъ заслугахъ И. И. Срезневскаго“ и „О подложности чешскихъ отрывковъ Евангелія Іоанна“, Л. Н. Майковъ—„О древнѣйшихъ опытахъ русскаго стихотворенія“, А. В. Праховъ объяснилъ выставленные имъ рисунки съ древнихъ памятниковъ живописи въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ, баронъ В. Р. Розень—„Объ арабской хроникѣ продолжателя Евтихія“ и „О подымной подати въ византійскихъ областяхъ“, И. Е. Троицкій—„О новыхъ находкахъ на Аѳонѣ“, П. А. Сыржъ—„О рукописномъ житіи Николая Софійскаго“. Крохъ того, предсѣдателемъ общества слѣдано было нѣсколько сообщеній и замѣчаній о новыхъ книгахъ.

Студентоу въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1-му января 1880 года состояло 1,667; въ теченіе года поступило 598 (изъ казенныхъ гимназій 454, изъ частныхъ гимназій 8, изъ духовныхъ семинарій 1, изъ Гатчинскаго сиротскаго института 21, изъ училищъ

при церквахъ иностранныхъ исповѣданій 20, изъ лица Цесаревича Николая 1, изъ коллегіи Павла Галагана 1, изъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи 7, изъ Демидовскаго юридическаго лица 1, изъ другихъ университетовъ 38, изъ бывшихъ студентовъ С.-Петербургскаго университета 46); въ теченіе года вышло 450 (до окончанія курса 229, по окончаніи курса 221); затѣмъ къ 1-му января 1881 года осталось 1,825, которые распредѣлены были по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 234, на физико-математическомъ 879 (по разряду математическихъ наукъ 382, по разряду естественныхъ наукъ 607), на юридическомъ 675 (по разряду юридическихъ наукъ 607, по разряду административныхъ наукъ 68), на факультетѣ восточныхъ наукъ 37. Пстороннихъ слушателей было: къ началу 1880 года 107, къ началу 1881 года 148. Изъ числа студентовъ освобождено было отъ платы: въ первой половинѣ изъ 1,677—486 человѣкъ, во второй половинѣ изъ 1,825—601; слушали за уменьшенную плату: въ первой половинѣ 35 студентовъ, во второй—41. Стипендіи производилось: штатныхъ 281, на пожертвованныя суммы—55, всего на 84,523 руб. 69 коп. Пособій выдано было 251 студенту на сумму 4,651 р. 62 коп. Студентамъ оказываема была медицинская помощь посредствомъ университетскаго врача, который пользовалъ обращающихся къ нему въ помѣщеніи пріемнаго покоя, какъ амбулаторныхъ больныхъ; онъ же посѣщалъ больныхъ профессоровъ и студентовъ на ихъ квартирахъ, а также пользовалъ всѣхъ служащихъ и живущихъ въ зданіи университета. Для пріема больныхъ врачемъ назначены были два часа ежедневно, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней; кромѣ того, больные принимались во всякое время дня и ночи, когда только врачъ находился дома. Всѣхъ обращающихся къ нему въ 1880 году было 860 человѣкъ, слѣлавшихъ 2,912 визитовъ; изъ нихъ студентовъ 748, слѣлавшихъ 2,186 визитовъ, и служащихъ съ семействами 112, слѣлавшихъ 726 визитовъ. Кромѣ лицъ, живущихъ въ зданіи университета, врачъ былъ на квартирахъ у больныхъ студентовъ 65 разъ. Разныхъ операций въ продолженіе года слѣвано 78; нѣкоторымъ больнымъ слѣвано по двѣ операціи. Свидѣтельствъ о болѣзни выдано 202 студентамъ. Недостаточные студенты пользовались лекарствами на счетъ университета изъ частныхъ аптекъ, содержатели которыхъ, по соглашенію съ врачомъ, дѣлають для университета значительную уступку. Въ теченіе года выписано лекарствъ на счетъ уни-

версита на 1,194 руб. 88 коп., съ коихъ сдѣлана уступка 388 руб., такъ что израсходовано 806 руб. 30 коп.

Учебно-вспомогательныя учрежденія С.-Петербургскаго университета къ началу 1881 года находились въ слѣдующемъ положеніи: Въ университетской библіотекѣ числилось 59,226 сочиненій въ 138,677 томахъ цѣнностію на 317,785 руб. Для наблюденія за правильнымъ ходомъ дѣлъ по библіотекѣ составлена изъ членовъ совѣта особая коммисія и, кромѣ того, для обрѣзизованія библіотеки назначена также коммисія, которая еще продолжаетъ возложенное на нее порученіе. Въ кабинетѣ практической механики находилось: 38 приборовъ по механикѣ, 53 модели и 245 экземпляровъ книгъ на сумму 9,145 р. Въ физическомъ кабинетѣ числилось 768 приборовъ въ 773 экземплярахъ на сумму 33,371 руб. Въ астрономическомъ кабинетѣ—инструментовъ 19 нумеровъ на 4,927 руб. Въ химической лабораторіи—приборовъ и инструментовъ 4,425 экземпляровъ на сумму 21,112 руб. Въ технической лабораторіи—приборовъ 650 экземпляровъ на 3,980 руб. Въ геологическомъ и палеонтологическомъ кабинетѣ—20,374 предмета на сумму 21,022 руб. Въ ботаническомъ кабинетѣ—инструментовъ, приборовъ и коллекцій 1,287 нумеровъ на 7,435 руб. Въ оранжереѣ—живыхъ растений 5,250 экземпляровъ, сухихъ растений въ гербаріяхъ 58,500 экземпляровъ и справочныхъ книгъ 150 названій, всего на сумму 15,000 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ—различныхъ предметовъ 1,679 нумеровъ на 6,304 руб. Въ физиологическомъ кабинетѣ—701 предметъ на 9,471 руб. Въ агрономическомъ кабинетѣ—958 предметовъ на 3,177 рублей. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ и древностей—7,183 предмета на сумму 22,760 рублей. Въ кабинетѣ восточныхъ монетъ и медалей—9,227 предметовъ цѣнностію на 14,700 рублей.

Общество естествоиспытателей, учрежденное въ декабрѣ 1868 года, состояло изъ 267 членовъ (въ томъ числѣ иногородныхъ 109). По отдѣленіямъ число это распредѣлено слѣдующимъ образомъ: въ зоологическомъ отдѣленіи 141, въ ботаническомъ 63, въ отдѣленіи геологіи и минералогіи 63. Общихъ собраній было четыре; зоологическое отдѣленіе имѣло восемь засѣданій, причемъ 10-ю лицами было сдѣлано 14 научныхъ сообщеній, а 6-ю лицами представлено 7 небольшихъ замѣтокъ; ботаническое отдѣленіе имѣло восемь засѣданій, на которыхъ 16-ю лицами сдѣлано 18 сообщеній, изъ нихъ 13 оригинальныхъ и 5 рефератовъ; геологическое отдѣленіе имѣло 6 засѣданій, на которыхъ сдѣлано 26 сообщеній. Обществу

отпущено было изъ казны 10,000 руб., которые дали возможность осуществить большую экспедицію на Мурманскій берегъ, руководимую доцентомъ М. Н. Богдановымъ. Экспедиція эта имѣла, между прочимъ, цѣлю выясненіе важнаго въ практическомъ отношеніи вопроса о вліяніи китоловства на рыболовство. На средства общества снаряжена была зоологическимъ отдѣленіемъ экскурсія на Бѣлое море, въ которой приняли участіе почетные члены общества Н. П. Вагнеръ и Л. С. Ценковский и дѣйствительный членъ И. Н. Пуципъ. Эта экскурсія дала возможность профессору Вагнеру закончить обширный трудъ о фаунѣ Бѣлаго моря съ большимъ числомъ рисунковъ, на изданіе котораго, въ виду скудныхъ средствъ общества, постановлено ходатайствовать о правительственной субсидіи. Отъ отдѣленія геологіи и минералогіи экскурсировали также на средства общества: профессоръ А. А. Иностранцевъ произвелъ изслѣдованіе разрывовъ по пути строящихся новыхъ приладожскихъ каналовъ, о чемъ онъ уже представилъ отдѣленію подробный докладъ; академикъ К. В. Шмидтъ продолжалъ свои изслѣдованія надъ силлуріей Петербургской губерніи; В. В. Докучаевъ изслѣдовалъ повѣйшія образованія восточнаго побережья Финскаго залива; П. П. Венюкову отдѣленіе поручило прослѣдить размывающую дѣятельность рѣчной воды на водопадахъ и порогахъ. Съ этой цѣлю г. Венюковъ прослѣдилъ большинство водопадовъ сѣверной Эстляндіи, Норвегіи и водопадъ Иматру, наблюдалъ старыя русла ихъ и изучилъ подземное теченіе рѣки Уллектъ. Н. А. Соколовъ произвелъ детальное изслѣдованіе сестрорѣцкихъ дюнъ. Изъ изданій общества появились въ свѣтъ X томъ Трудовъ и первый выпускъ XI тома. Къ нимъ приложенъ указатель статей и сообщеній, изложенныхъ или упомянутыхъ въ протоколахъ первыхъ десяти томовъ трудовъ.

Юридическое общество, учрежденное въ январѣ 1877 года, имѣло въ началѣ года 277 дѣйствительныхъ членовъ и 7 членовъ-сотрудниковъ; въ теченіе года поступило 26 дѣйствительныхъ членовъ и 1 членъ-сотрудникъ, выбыло за смертію и по другимъ причинамъ 6 дѣйствительныхъ членовъ, затѣмъ къ началу 1881 года оставалось 298 дѣйствительныхъ членовъ и 8 членовъ-сотрудниковъ. Общество раздѣляется на три отдѣленія: гражданскаго права, уголовнаго права и администраціи. Въ засѣданіяхъ отдѣленія гражданскаго права выслушаны и рассмотрѣны рефераты дѣйствительныхъ членовъ: С. Ф. Платонова—„Объ условіяхъ примѣненія мировыми судьями мѣстныхъ обычаевъ при разрѣшеніи гражданскихъ дѣлъ“;

П. Д. Андреева—„О правѣ несостоятельнаго искать и отвѣчать на судѣ и о лицахъ его замѣняющихъ“; П. А. Юренева—„О различіи между договорами запродажи и купли-продажи движимаго имущества и договоромъ поставки по русскимъ законамъ“; І. И. Карницкаго—„О правѣ кредиторовъ опровергать сдѣлки, заключенныя должникомъ съ третьими лицами“. Въ уголовномъ отдѣленіи: В. К. Случевскаго—„О предѣлахъ власти уголовного суда при устраненіи обстоятельствъ, къ дѣлу не относящихся“; В. Д. Спасовича—контръ-рефератъ по тому же вопросу; А. Ѳ. Кони—„О дѣятельности суда присяжныхъ по преступленіямъ должности и противъ устава о паспортахъ“, въ связи съ контръ-рефератомъ Цуханова; сообщенія Б. Н. Кокорцева—„О проектѣ Германскаго имперскаго закона о порядкѣ исполненія наказаній“ и Н. В. Муравьева—„О дѣятельности особыхъ присутствій судебныхъ палатъ по дѣламъ о преступленіяхъ противъ порядка управленія“. Въ отдѣленіи администраціи происходили пренія по реферату А. Д. Градовскаго—„О необходимости пересмотра устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій“, а также выслушанъ и рассмотрѣнъ рефератъ А. Л. Боровиковскаго „О совмѣстимости званій почетнаго мирового судьи и присяжнаго повѣреннаго“.

Русское физико-химическое общество образовалось въ 1878 году чрезъ соединеніе двухъ отдѣльныхъ обществъ: физическаго и химическаго, и состоитъ въ настоящее время изъ двухъ отдѣленій. Химическое отдѣленіе состояло изъ 135 членовъ. Въ продолженіе 1880 года сдѣлано 141 научное сообщеніе по химіи; изданъ XII томъ журнала, въ который вошли 59 оригинальныхъ статей (около 30 печатныхъ листовъ) и нѣсколько сотъ рефератовъ по всѣмъ отдѣламъ химіи. Сношенія съ заграничными химическими обществами, по примѣру прежнихъ лѣтъ, совершались обмѣномъ корреспонденцій и журналовъ. Въ физическомъ отдѣленіи состояло 110 членовъ. Научныхъ сообщеній въ засѣданіяхъ отдѣленія сдѣлано было 33, научныхъ статей напечатано въ журналѣ 25. Въ составленіи извлеченій изъ иностранныхъ періодическихъ изданій по физикѣ принимали участіе, между прочимъ, многіе студенты старшихъ курсовъ. Постоянныя сношенія физическое отдѣленіе имѣло съ французскимъ физическимъ обществомъ. Рефераты о статьяхъ, напечатанныхъ въ журналѣ физико-химическаго общества, помѣщались въ *Journal de Physique* и въ *Beiblätter zu den Annalen der Physik* (von Wiedemann).

Сверхъ ученыхъ обществъ, при С.-Петербургскомъ университетѣ состоитъ еще общество вспомоцествованія студентамъ сего университета, основанное въ ноябрѣ 1873 года. Къ 1-му января 1880 года въ обществѣ числилось 875 членовъ; въ теченіе года вновь избрано 142, выбыло 9, такъ что къ концу 1880 года состояло 1,008 членовъ. Денежныя пособія выдавались, на основаніи устава, въ видѣ ссудъ: а) долгосрочныхъ и б) краткосрочныхъ. Денежныя пособія въ видѣ долгосрочныхъ ссудъ оказывались внесеніемъ платы за слушаніе лекцій и выдачею денегъ на руки. За слушаніе лекцій внесена была плата за 104 студентовъ на сумму 2,427 руб. 50 к. Въ 1880 году на этотъ предметъ пришлось истратить немного болѣе половины суммы 1879 года, благодаря доставленнымъ отъ графа М. Т. Лорисъ-Меликова 2,500 руб. для уплаты за слушаніе лекцій 100 студентами. Денежныхъ пособій было выдано по 1,232 прошеніямъ 9,524 руб. 75 коп. Краткосрочныя ссуды выдаются преимущественно подъ стипендіи, изъ особаго, предназначеннаго исключительно для этой цѣли источнива (запаснаго капитала). Къ 1-му января 1880 года состояло въ долгу, какъ по долгосрочнымъ, такъ и по краткосрочнымъ ссудамъ по 4,157 обязательствамъ 60,008 руб. 55 коп.; въ теченіе года выдано денежныхъ нособій: а) въ долгосрочныя ссуды, по 1,336 обязательствамъ, 11,952 руб. 26 коп., б) въ краткосрочныя ссуды, по 259 обязательствамъ, 6,959 руб. 45 коп., а всего въ теченіе года роздано, по 1,595 обязательствамъ, 18,911 р. 70 к. По присоединеніи этой послѣдней суммы къ числившейся въ долгу къ 1-му января 1880 года, общая сумма выданныхъ, по 1-е января 1881 года, ссудъ составитъ по 5,752 обязательствамъ 78,920 руб. 25 коп. Въ уплату этого долга поступило въ теченіе года по обоимъ родамъ ссудъ, по 274 обязательствамъ, 6,891 руб. 19 коп., и затѣмъ къ 1-му января 1881 года, какъ въ долгосрочныхъ, такъ и въ краткосрочныхъ ссудахъ числилось за 1,373 лицами, по 5,478 обязательствамъ, 72,029 руб. 6 коп. Къ неденежнымъ пособіямъ относилось поддержаніе открытой въ декабрѣ 1878 года студенческой столовой, которая, вслѣдствіе постояннаго дефицита, требовавшаго большой затраты изъ суммъ капитала, была закрыта съ мая по декабрь 1880 года. Съ декабря же открыта вновь, но на новомъ основаніи, то-есть отдана по особому условію, безъ денежныхъ пожертвованій со стороны комитета, въ заѣмъ содержателя буфета въ университетѣ, подъ надзоромъ студентовъ и комитета, съ обязательствомъ давать

обѣды не дороже 30 коп. Въ теченіе 1880 года въ общество поступило денежныхъ пожертвованій: безъ особаго назначенія 10,234 руб. 9 коп., съ особымъ назначеніемъ 5,287 руб. 9 коп., всего 15,521 р. 18 коп. Членскихъ взносовъ поступило отъ 337 лицъ 2,017 руб. и единовременныхъ взносовъ отъ 8-ми лицъ 1,804 руб. Всего въ продолженіе семи лѣтъ существованія общества, съ 1874 года, выдано ссудъ на 76,645 руб. 56 коп., и внесено платы за 864 студентовъ 21,295 руб. 50 коп., всего 97,941 руб. 6 коп.

О НѢКОТОРЫХЪ ВНОВЬ ОТКРЫТЫХЪ ОТРЫВКАХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ ПОЗТОВЪ.

Хотя прошло уже четыре столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ начали издавать дошедшіе до насъ памятники греческой поэзіи, тѣмъ не менѣе источники далеко еще не исчерпаны, и за послѣднее именно время греческая литература обогатилась открытіемъ нѣкоторыхъ поэтическихъ отрывковъ, по большей части способныхъ возбудить всеобщій интересъ. Эпиграфикѣ преимущественно мы обязаны постояннымъ приращеніемъ поэтическихъ произведеній Грековъ. Какое изобиліе эпиграммъ открыто посредствомъ раскопокъ, сдѣланныхъ, главнымъ образомъ, въ нашемъ столѣтіи, этому можетъ служить доказательствомъ составленная Г. Кайбелемъ книга подъ заглавіемъ: *Epigrammata graeca ex lapidibus conlecta* (Berolini 1878); собраніе это заключаетъ въ себѣ болѣе 1200 нумеровъ, и все-таки теперь уже нуждается въ дополненіяхъ, не потому, чтобы отъ вниманія издателя, обладающаго рѣдкою ученостью и добросовѣстностью, ускользнули давно уже извѣстныя эпиграммы, а скорѣе потому, что по появленіи труда Кайбеля было издано значительное количество вновь найденныхъ эпиграммъ; рѣдко проходитъ мѣсяць безъ новыхъ обогащеній этого рода литературы. Собранныя Кайбелемъ эпиграммы обнимаютъ промежутокъ времени болѣе 1000 лѣтъ, вслѣдствіе чего поэтическое достоинство ихъ весьма неодинаково. Важность ихъ заключается, между прочимъ, въ томъ, что съ помощью ихъ мы получаемъ болѣе непосредственныя и достовѣрныя свѣдѣнія о бытѣ, жизни, ощущеніяхъ и разнородныхъ интересахъ минувшихъ поколѣній, чѣмъ черезъ

Изъ словъ, уцѣлѣвшихъ въ первой строкѣ Ἀθηναίων ἔργμα . . ., удалось Кирхгофу возстановить эпиграмму. Дѣло въ томъ, что въ воспоминаніе о побѣдѣ, одержанной Аѳинянами около 68 олимп. надъ Бэотійцами и Халкидейцами, побѣдители соорудили мѣдную колесницу, запряженную четверкой лошадей; на основаніи колесницы находилась по Герод. V, 77 слѣдующая надпись:

ἔθνεα Βοιωτῶν καὶ Χαλκιδέων δαμάσαντες
παῖδες Ἀθηναίων ἔργμασιν ἐν πολέμῳ,
δεσφῶ ἐν ἀγλῶεσσι σιδηρέῃ ἔαβεσαν ὄβριον
τῶν ἵππων δεκάτην Παλλάδι τάσδ' ἔθεσαν.

Самъ Геродотъ видѣлъ эту эпиграмму въ аѳинскомъ акрополѣ (по Кирхгофу около Olymр. 87, 2) и скопировалъ ее. Исключительно у него заимствовано все то, что въ другихъ мѣстахъ (ср. Diodorus Sic. exc. Vat. p. 37. Anthol. Pal. VI, 343. Aristid. II, p. 512 Dind.) приводится изъ этой эпиграммы.

Означенная эпиграмма была изображена въ двухъ длинныхъ строкахъ, изъ которыхъ каждая содержала полное двустипіе; буквы, какъ доказываетъ краткій дошедшій до насъ отрывокъ, были написаны στοιχηδόν. Этимъ и объясняется, что сохранившіяся буквы размѣщены были одна подъ другою такъ, какъ видимъ въ вышепомѣщенной копіи, „если предположить, говоритъ Кирхгофъ, — что изъ двухъ знаковъ придыханія, которые содержитъ вторая строка, въ словахъ ὄβριον и ἵππος, одинъ не былъ обозначенъ, что не рѣдко бываетъ въ надписяхъ того времени, къ которому слѣдуетъ отнести этотъ памятникъ“. Кирхгофъ возстановляетъ подлинникъ въ слѣдующемъ видѣ:

ΕΘΝΕΑΒΟΙΩΤΟΝΚΑΙΧΑΛΚΙΔΕΟΝΔΑΜΑΣΑΝΤΕΣΠΑΙΔΕΣΑΘ
ΔΕΣΜΟΙΕΝΑΧΑΥΟΕΝΤΙΣΙΔΕΡΕΟΙΕΣΒΕΣΑΝΗΥΒΡΙΝΤΟΝΙ
|ΕΝΑΙΟΝΕΡΓΜΑΣΙΝΕΝΠΟΛΕΜΟ
|ΠΠΟΣΔΕΚΑ|ΤΕΝΠΑΛΛΑΔΙΤΑΣΔΕΘΕΣΑΝ

То предположеніе, что на камнѣ стояло ΠΠΟΣъ вмѣсто ΗΠΠΟΣъ, хотя само по себѣ и возможно, однако крайне сомнительно, особенно потому, что начало втораго двустипія возбуждаетъ подозрѣніе въ искаженіи текста: ἀγλῶεας, какъ опредѣленіе слова δεσφῶς, поражаетъ своей странностью. Во всякомъ случаѣ, Кирхгофъ совершенно вѣрно угадалъ тождество вышеприведеннаго отрывка съ эпиграммой, сохранившейся у Геродота, и вывелъ изъ этого обстоятельства дальвѣйшія заключенія. Характеръ уцѣлѣвшихъ буквъ доказываетъ, что скопиро-

вапвал Геродотомъ эпиграмма относится не къ 68 олимп., а къ значительно позднѣйшему времени: „Надпись, если обратить вниманіе на форму сигмы, не могла возникнуть позже 84-й олимп., а по общему своему характеру и не раньше 82-й; безъ всякаго сомнѣнія, она принадлежитъ времени Перикла“. По всей вѣроятности, какъ предполагаетъ Кирхгофъ, подарокъ, посвященный Палладѣ непосредственно послѣ побѣды надъ Беотійцами и Халкидейцами, заключался не въ чемъ другомъ, какъ въ цѣпяхъ, которыя Геродотъ видѣлъ висѣщими противъ задней части Паронона на обломкѣ стѣны, закопѣвшей отъ пожара, случившагося во время нашествія Персовъ; драгоценный же памятникъ, состоявшій изъ мѣдной колеспицы, съ надписью на его основаніи, былъ сдѣланъ, вѣроятно, во время реставраціи экрополя, предпринятой при Периклѣ въ большыя размѣрахъ. Господствующее нынѣ мнѣніе или предположеніе, будто означенная эпиграмма сочинена Симоидомъ (Schneidewin, *Simonidis Cei carminum reliq.*, p. 175. Bergk. *Lyr. ed. alt.* p. 912, *ed. tert.* p. 1162), основывается на небрежномъ толкованіи одного мѣста Аристиды (II, p. 512 Dind.), которое сообщенный нами отрывокъ скорѣе опровергаетъ, чѣмъ подтверждаетъ.

Свѣдѣнія наши по древней греческой поэзіи обогатились въ послѣднее время не вслѣдствіе только открытія новыхъ надписей; найдены были также замѣчательные отрывки древнихъ рукописей, содержація коихъ я считаю не лишнимъ коснуться здѣсь вкратцѣ.

I.

Въ 1855 году въ газетахъ было сообщено, что Маріэтъ привезъ изъ Египта папирусъ, содержащій на трехъ столбцахъ довольно обширный, на чистѣйшемъ дорическомъ нарѣчій отрывокъ какой-то трагедіи. Изданіемъ ея занялся Эгжеръ. Говорили далѣе, что произведеніе это относится ко второй половинѣ V в. до Р. Хр., но что вслѣдствіе жалкаго состоянія папируса можно надѣяться на восстановление только средняго столбца.

Филологамъ пришлось вооружиться терпѣніемъ и ждать дальнѣйшихъ сообщеній. Наконецъ, въ 1863 году Эгжеръ дѣйствительно напечаталъ въ своихъ *Mémoires d'histoire ancienne et de philologie*, стр. 159—175, найденный Маріэтомъ текстъ, а затѣмъ послѣдовало второе изданіе текста въ сочиненіи „*Les papyrus Grecs du musée du Louvre et de la bibliothèque Impériale, publication préparée par Le-*

trouvé, exécutée par W. Brunet de Presle et E. Egger" (Paris 1866), стр. 416 слл., со снимкомъ папируса въ приложенномъ атласѣ на таблицѣ L. Между тѣмъ Brunet de Presle убѣдился, что отрывокъ, первоначально считавшійся частью трагедіи, принадлежитъ лирическому поэту Алькману; тогда какъ голландскій ученный тѣнь-Бришкъ въ *Philologus* XXI, p. 127, и велѣдъ за нимъ Бернгарди въ 3 изданіи своего *Grundriss der Griechischen Litteratur* II, 1 p. 654, невѣрно полагали, будто отрывокъ папируса Маріэта составляетъ *disiecti membra poetae*, то-есть, маленькіе отрывки изъ гимновъ и парѳеній: отрывокъ составляетъ связный, цѣльный текстъ и въ папирусѣ мы имѣемъ листъ изъ рукописи, заключавшей въ себѣ текстъ стихотворенія Алькмана съ нѣкоторыми схоліями. Всякому казалось бы немислимымъ, что когда-либо будетъ найдено подобное *κατὰ μέρος*. Сохраненіемъ этой, превосходнейшей всякаго ожиданія, рѣдкости мы обязаны обычаю Египтянъ, вмѣстѣ съ трупами, класть въ могилу и свертки папируса. „Le papyrus provient, говоритъ Эггеръ (*Les pap. Gr.*, p. 417),—d'une momie découverte par les Arabes dans le voisinage de la deuxième pyramide de Sakkarah: entre les jambes de la momie se trouvait le papyrus, roulé dans une enveloppe de mousseline“.

Въ плохо сохранившемся и во многихъ мѣстахъ искаженномъ текстѣ можно разобрать теперь приблизительно слѣдующее. Буквы, чтеніе которыхъ сомнительно, обозначаются точками, подъ ними поставленными.

Столбецъ 1.

ᾠλοδεουκῆς	
λυκαίονερχαμουσινάλέγω	
ρσφόροντεχαισεβρονποδωκη	
ντετονβιάτάν	
τετονκὸρὸτάν	5
εφαναχτάταρήϊον	
ατέξοχονημισίων	
ντοναγροταν	
μεγανέυροτοντε	
πώρωκλόνον	10
ατετώσαριστώς	
αρήζομεο	
αράισαπάντων	

γεραιτάτοι	
έδειλοσαλκᾶ	15
ρωπωνεσωρανονποτησθω	
ρητωγᾱμενταναφροδῑταν	
ν̄σσανήτινα	
ηπαίδαπ̄,ρκῶ	
ιτεσδεδιοσδ.μον	20
σινερογλεφαρόι	
τάτοι	
αδαιμων	
φιλοισ	
ωκεδωρα	25
γαρέον	
ώλεση̄βα	
ρονον	
ταίᾱσ	
έβᾱτωνδαλλοσῑωι	30
μαρμαρωιμουλάκρωι	
ενά̄ιδᾱσ	
αυτοι	
᾿πονᾶλασταδε	

Столбецъ 2.

εργαπάσονκακαμη̄σάμενοι	
.στίτισσιωντίσις	
ὀδ . . β̄,οσοστισευφρων	
.μεραν . . απλεκει	
.κ . . . στοσεγωνδαειδω	5
᾿ᾱγιδ . στοφῶσρω	
ρῶτάλιονονπερᾱμιν	
ἀγιδωμαρτύρεται	
φαίνεν.εμεδουτεπαίνεν	
ουτεμῶμέσθαινινᾱκλενναχορ . γοσ	10
ουδαμῶσέ̄η̄δοκειγ ^κ αρείμεναυτα	
εκπρεπηστώσωιπεραιτισ	

	· νβοτοιιστᾶ'σειειν.ππον πάγον.εθλοφόρονκἀνάχαποδα	
χ	τῶνοποπετριδίωνονείρων	15
	ἤουχορησομενκἔλησ ενετικῶς · ἄ'δεχαιτα τᾶσεμᾶσανεψιάσ αγησιχόρασεπανθει ·ρυσσ.σακήρατς	20
	τοταργυριονπρόσωπον διαφράδαντιτολεγω 'αγησιχόραμενἄυτα 'ἀδεδευτεραπέδᾶγίδώιτοειδος	
χ	ιπποσειβηνωικολαξᾶιεσδραμείται	25
	ταιπελειάδεσαρᾶμιν ορθρίαιφᾶροσφέρεισαις νυκταδιαμ.ροσιανατεσειριον αστροναυειρομέναιμαχονται	
χ	δυτίγαρτιπορφύρασ	30
	τοσσοσκοροσώσταμόναι ουτεπεικίλοσδρακων πανχρύοισουδεμιτρά λυδίᾶνεᾶνίδων	

Столбецъ 3.

	ιανοι.αφαρωναγαλμα	
	ουδεταιναννωσκόμαι αλλουδεράτασειειδησ	
	ουδεσῦλακίστεκαικλήσισηρα	
	ουδ'εσᾶινησιμβρί.τάσενθοίσαφᾶσεισ	ᾷ
	ἄσταφισ.έμοιγενοιτο	
	καιποτιγλεποφι'λυλλά	
	δᾶμαιπατερατά.ειανθεμίσ	
	αλλαγησιχόραμετηρει	

этого, оны представляет во многихъ мѣстахъ не то, что дѣйствительно находится въ папирусы, а то, что литографъ разобралъ на основаніи своихъ предположеній. Абсолютная точность въ подобныхъ вещахъ можетъ быть достигнута только посредствомъ механическаго воспроизведенія. Поэтому, очень кстати, Фр. Блассъ, въ 1869 и въ 1877 гг., снова тщательно сличилъ папирусъ Маріета и снялъ съ него фотографію, которая помѣщена въ XIII томѣ берлинскаго журнала *Hermes*. Впрочемъ, этотъ снимокъ, напечатанный фото-литографическимъ способомъ, не въ состояніи замѣнить подлинникъ или фотографію подлинника, потому что, по заявленію Бласса, на сѣтло-коричневомъ фонѣ подлинника замѣтенъ даже самый маленькій остатокъ чернаго шрифта, между тѣмъ, какъ въ снимкѣ подобнаго рода отгѣнки красокъ вовсе незамѣтны. Стало быть, приходится, относительно чтенія папируса, довольствоваться преимущественно результатами сличенія, съ величайшею тщательностью Блассомъ предпринятаго. Сообщеніями, сдѣланными названнымъ ученымъ сперва въ *Rhein. Museum, Neue Folge*, XXV, стр. 178—181, а потомъ въ *Hermes* XIII, стр. 16—26, текстъ Эггера въ немаломъ числѣ мѣстъ значительно пополненъ и исправленъ. Буквы названнаго папируса держатся середины между *maiuscula* и *minuscula*; невозможно даже и приблизительно воспроизвести посредствомъ печати формы ихъ.

На полѣ папируса находятся нѣкоторыя схоліи, въ которыхъ упоминаются отчасти древніе поэты, какъ Гомеръ и Гезіодъ, отчасти александрійскіе грамматикѣ. По моему мнѣнію, не зачѣмъ приводить сюда эти немногочисленные и неважные схоліи, тѣмъ болѣе, что восстановленіе ихъ во многихъ мѣстахъ невозможно: кое-гдѣ, однако, мы приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ схолій, имѣющихъ значеніе для критики текста Алькмана.

Нѣкоторымъ стихамъ (столбецъ II, 15. 25. 27. Столб. III, 15. 30) предшествуетъ χ , какъ кажется, для обозначенія того, что данное мѣсто нуждается въ объясненіи (ср. Egger, *Les papyrus Grecs* p. 418 и Gardthausen, *Griech. Paläogr.* p. 278): кромѣ того, есть еще слѣды другихъ знаковъ, относительно которыхъ достаточно указать на замѣтки Бласса въ *Hermes* XIII, стр. 16. Иногда долгота или краткость гласныхъ обозначается и теперь еще употребляемыми знаками (— и \smile). Только рѣдко мы встрѣчаемъ придыханія и ударенія: тяжелое удареніе сохранило во многихъ мѣстахъ свое первоначальное значеніе, то-есть, оно служитъ для обозначенія беззвучныхъ слоговъ, которые мы пишемъ безъ ударенія, какъ $\mu\eta\sigma\alpha\mu\epsilon\nu\omicron\iota$, столб. II, 1.

Что отрывокъ, безъ имени сохранившійся, принадлежитъ Алькману, явствуетъ наиболѣе изъ столбц. II, 30 и 31, такъ какъ слова

οὔτι (или οὔτε) γάρ τι πορφύρας
τόσσος κόρος ὥστ' ἀμόναί

очевидно совпадаютъ со словами, приведенными грамматикомъ Аристофаномъ (Schol. Lips. II. E. 266 или Eust. II. p. 546, 29) изъ Алькмана (fr. 65 у Bergk. Lyr. ed. alt. p. 648): οὐ γάρ πορφύρας τόσσος κόρος ὥστ' ἀμόνασθαι. Такимъ же образомъ указываетъ на Алькмана мѣсто Epimer. Homeric. у Cramer Anecd. Oxon. vol. I p. 159, 6: Εὐτείχης ὄνομα κόριον παρὰ Ἀλκμᾶνι (fr. 11 у Bergk Lyr. ed. alt. p. 635),

Εὐτείχη τ' ἀνακτ' ἀρήιον,

посредствомъ котораго пополняется отсутствующее начало въ столбцѣ I, 6: τε φάνακτά τ' Ἀρήιον. Грамматикъ Геродианъ (περὶ μνηρέου λέξεως p. 36, 31) сообщаетъ, что слово φάρος или φᾶρος употребляется въ среднемъ родѣ, если оно есть σημερινὸν τοῦ ἱματίου, ἢ καὶ τοῦ ἀροτροῦ, ὡς παρ' Ἀλκμᾶνι (fr. 151 у Бергка Lyr. ed. II p. 661). Совершенно согласно съ этимъ въ нашемъ отрывкѣ по поводу словъ (столб. II, 27),

ὄρθρια φάρος φεροίσαις

сдѣлано замѣчаніе на полѣ: ορθια φαρос (надъ этимъ стоитъ ἀροτρον) σοσιφάνης ἀροτρον, то-есть грамматикъ Сосифанъ принялъ въ этомъ мѣстѣ слово φάρος въ смыслѣ ἄροτρον.

Косвенно въ пользу Алькмана наконецъ говорить схолиастъ къ Pind. Ol. 10, 15: ἀλέγων ὄρνων. καὶ Ἀλκαῖος· οὐκ ἐγὼ λόχον ἐν μοῖσαις ἀλέγω. Вмѣсто λόχον Бергка (Alcasi fr. 58 въ Lyr. ed. alt. p. 720) совершенно основательно требуетъ имя собственное; однако, слова эти гораздо болѣе испорчены, чѣмъ предполагаетъ Бергка, и они принадлежать, какъ замѣтилъ Блассъ (Rhein. Mus. XXV, p. 182) не Алькею, а Алькману, судя по нашему отрывку, столб. I, 2: Λόχαισον ἐγ' κариόσιν ἀλέγω. Косвенно, говорю я, нашъ отрывокъ схолиастомъ къ Пиндару приписывается Алькману въ виду того, что имена Ἀλκαῖος и Ἀλκμᾶν легко могли быть смѣшаны между собой и фактически смѣшались (ср. Bergk Lyr. ed. alt. p. 655, fr. 112).

Какъ и можно было ожидать, обнаруженный Эгжеромъ отрывокъ Алькмана возбудилъ большой интересъ и нѣкоторые ученые взялись за разрѣшеніе многочисленныхъ проблемъ относительно его текста:

Въ дошедшемъ до насъ текстѣ находятся заключительные стихи (8—14) отъ первой строфы, затѣмъ шесть цѣлыхъ строфъ (β — ζ), и наконецъ отъ послѣдней строфы начальные стихи (1—10).

строфῆ α (8—14)	столб. I	1—7,
строфῆ β	—	I 8—21,
строфῆ γ	—	I 22—II, 1,
строфῆ δ	—	II 2—15,
строфῆ ε	—	II 16—29,
строфῆ ς	—	II 30—III, 9,
строфῆ ζ	—	III 10—23,
строфῆ η (1—10)	—III	24—33.

Судя по этому, не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что въ папирусѣ Маріэта мы имѣемъ связный текстъ, то есть листъ рукописи, заключающей въ себѣ Альмана, и вмѣстѣ съ тѣмъ строфическая композиція представляетъ чрезвычайно важное средство для исправленія текста. Съ другой стороны, полное исправленіе подлинника невозможно въ виду жалкаго состоянія преданія, тѣмъ болѣе, что мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній объ языкѣ, фразеологiи и слогѣ Альмана; но все-таки стараніями Бласса и Аренса удалось, съ одной стороны, опредѣлить характеръ стихотвореній Альмана, а съ другой — придумать отчасти вѣрныя, а отчасти, по крайней мѣрѣ, вѣроятныя исправленія текста въ значительномъ числѣ мѣстъ.

Надо считать совершенно произвольнымъ высказанное Эджеромъ и Бергкомъ предположеніе, будто въ нашемъ отрывкѣ слѣдуетъ признать гимнъ на Діоскуровъ, предположеніе, которое никоимъ образомъ не согласно съ содержаніемъ отрывка. Имени Πολοδεύης (столб. I, 1) недостаточно для подтвержденія этой догадки. Не большія доказательства представляетъ и то, что ниже упомянуты сыновья Гиппокоона, тѣмъ болѣе, что послѣдніе были убиты не Діоскурами, а Геркулесомъ. За то прославленіе нѣкоторыхъ дѣвъ, какъ, на примѣръ, Агидо (столб. II, 6. 8. 24. III, 12) и Агезихоры (столб. II, 19. 23. III, 11. 22) доказываетъ, что въ отрывкѣ слѣдуетъ признать παρθέναιον Альмана.

Пользуясь исправленіями, сдѣланными другими учеными, главнымъ образомъ Фр. Блассомъ, мы попытаемся представить здѣсь приблизительное возстановленіе отрывка, на сколько вообще подобная попытка возможна.

СТР. А.

1—8 мѣтъ.

Столб. I

ὄνα ἐγὼν Λύκισον ἐγ̃ χαμῶσιν ἀλέγω,

2

10 ἀλλ'] Ἐναρσφόρον τε καὶ Σέβρον ποδώκη,
 Βωκόλο]ν τε τὸν βιπτάν,
 Ἄλκιμόν] τε τὸν κορουστάν, 5
 Εὔτειχ]η τε φάνακτά τ' Ἀρήιον,
 Ἄλκιμον]ιά τ' ἔξοχον ἡμισίων.

ΣΤΡ. Β.

κἄλκιμο]ν τὸν ἀγρέταν
 Σκαίον] μέγαν Εὔροτόν τε
 — — — πώρω ἔκλονον 10
 — — — τε τὼς ἀρίστως
 5 — — — παρήσομες.
 — — — γ]άρ Αἴσα παντῶν
 — — — γεραιάτοι
 ≡ ἡνπέδειλος Ἄλκιά. 15
 — — — ἀνθρώπων ἐς ὠρανὸν ποτήσῳ
 10 — — — — — γαμὲν τὰν Ἀφροδίταν
 — — — ἀνασσαὺν ἢ τιν'
 — — — παίδα Πόρκω
 — — — — — χάριτες δὲ Διὸς δόμον 20
 — — — — — ἐρογλεφάροι.

ΣΤΡ. Γ.

1—8 ΗΨΤΥ.
 — — — — — ἔβα· τῶν δ' ἄλλος ἰῶι 30
 10 ἔφθιτ', ἄλλος δ' αὐτε] μαρμάρωι μολάκρωι
 11 η 12 ΗΨΤΥ.
 — — — — — — — πον, ἄλαστα δὲ
 ἔργα πάσον κακὰ μησαμένοι. Στολβ. II

ΣΤΡ. Δ.

ἔστι τις σιῶν τίσις·
 δ' δ' ὄλβιος ὅστις εὐφρων
 ἀμέραν θιαπλέκει
 ἀκλαυτος. ἐγὼν δ' αἰεῖδω 5
 5 Ἄγιδῶς τὸ φῶς ὄρῳ
 — — — — — ὄνπερ ἄμιν
 Ἄγιδῶ μαρτυρέται,
 φαίνεν. ἐμὲ δ' οὐτ' ἐπαινέν
 οὔτε μωμέσθαι νιν ἅ κλενὰ χοραγός 10
 10 οὐδαμῶς ἐῆι· δοκεῖ γάρ ἡμεν αὐτα
 ἐκπρεπῆς τῶς ὡπερ αἱ τις
 ἐν βοτοῖς στάσειεν ἵππον

παγὸν ἀεθλοφόρον καναχάποδα,
τῶν ὑποπετριδίων ὀνειρών, 15

ΣΤΡ. Ε.

ἦ οὐχ ὀρής; ὁ μὲν κέλγς
Ἐνετικός, ἅ δὲ χαιτα
τᾶς ἐμᾶς ἀνεψιάς.

5 Ἀγησιχόρας ἐπανθεῖ
χρυσὸς ὡς ἀκήρατος, 20
τό τ' ἀργύριον πρόσωπον.
διαφάδαν τί τοι λέγω.

Ἀγησιχόρα μὲν αὐτὰ
ἀ δὲ δευτέρα πεδ' Ἀγιδῶν τὸ *Feïdos*
10 ἵππος εἰβήνῃ κόλαξ αἰὲς δραμαίται. 25
ταὶ πελειάδες γὰρ ἄμιν
ὀρθρίαι φάρυς φεροῖσαις
νόκτα δι' ἀμβροσίαν ἄτε σείριον
ἄστρον αὐειρομέναι μαχόνται.

ΣΤΡ. Ϝ.

οὔτε γάρ τι πορφύρας 30
τόσσος κόρος ὡστ' ἀμύλαι
οὔτε ποικίλις δράκων
παγχρύσιος οὐδὲ μίτρα

5 Λυδία νεανίδων
— — — — ἄγαλμα 30б. III

οὐδὲ ται Ναννῶς κόμαι,
ἀλλ' οὐδ' Ἐράτα σιειδής,
οὐδὲ Σολακίς τε καὶ Κλεησιθήρα,

10 οὐδ' ἐς Αἰνγησιμβρότας ἐνθοῖσα φασεῖς 5

Конецъ 3-го столбца (стр. *f* 9 — 14, стр. ζ и стр. η 1 — 10) до того испорченъ, что мы не желаемъ новыми гипотезами умножать значительно одна отъ другой разнящіяся попытки ученыхъ, съ цѣлью возстановленія текста. Даже лучше сохранившіеся строфы въ нерѣдкихъ мѣстахъ не поддаются такому исправленію, при которомъ можно бы было быть увѣренными, что поэтъ дѣйствительно написалъ такъ, а не иначе, и при нашемъ крайне недостаточномъ званіи лаконическаго нарѣчія и особенностей языка Альмана не удивительно, что критика и толкованіе текста нерѣдко зиждятся на шат-

комъ основаніи. Для подтвержденія и поясненія вышепомѣщеннаго текста, мы сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній.

Столб. I (стр. 2) пополненъ Блассомъ по Schol. Pind. Ol. 10, 15: ἀλέγων ὕμνων. καὶ Ἀλκαῖος (пиши Ἀλκιάν). οὐκ ἐγὼ λόκον ἐν μούσαις ἀλέγω. Утвержденіе, что ἀλέγω равнозначаетъ съ ὕμνω, врядъ ли вѣрно. Скорѣе кажется, что ἀλέγω въ этомъ соединеніи означаетъ то же самое, что ἀριθμῶ. Ср. Pind. Ol. 2, 78: Νηλεὺς τε καὶ Κάδμος ἐν τοῖσιν ἀλέγονται. Epigr. Kaib. 1046, 65: ἐν ἀθανάτοις ἀλέγησθον. Формѣ Δόκαιος соответствуетъ обыкновенная Δόκαιθος: ср. ἡμισίων (вм. ἡμιθέων) столб. I, ст. 7 — πάσον (вм. ἔπαθον) II, 1 — σιών (вм. θεῶν) II, 2 — σιατῆς (вм. θεοσιτῆς) III, 3 — παρσένος (вм. παρθένος) III, 18, и т. п.

Хотя и Δόκαιθος между сыновьями Гипокорона нигдѣ не называется, однако имя это, можетъ быть, слѣдуетъ возстановить Apollod. III, 10, 5 p. 106, 20 Herchl., гдѣ рукописи представляютъ разныя чтенія: Δόκων, Δόκων и Δοκωνόν. Въ толкованіи схолиаста въ этому мѣсту Алькмана (Blass Hermes XIII, p. 16 сл.) значится вмѣсто Δόκαιθος форма Δόκαιος: οὐ μόνον τὸν Δόκαιον ἀλλὰ καὶ τοὺς λοιπούς. Δηριτίδας Δόκ(αιον) ἐπ' ὀνόματος λέγει, гдѣ вмѣсто Δηριτίδας можетъ быть слѣдуетъ писать Διευχίδας: ср. Mueller, Fragm. Hist. IV, p. 388—390.

Столб. I, 3 ст. Странная форма Ἐναρσφόρος, вмѣсто Ἐναρφόρος или Ἐναρσφόρος, читается какъ здѣсь, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ (ср. Apollod. III, 10, 5. Plut. Thes. 31. Miller, Mélanges de litt. Gr. p. 110), нѣроятно влѣдствіе ошибки древнихъ грамматиковъ: формы какъ μάχαρς, Παρίηρς, χέρς не въ состояніи оправдать соединенія ρσ въ срединѣ и передъ другимъ согласнымъ звукомъ. Передъ Ἐναρσφόρον недостаетъ долгаго слога, влѣдствіе чего было предложено читать или οὐδ' Ἐναρσφόρον или лучше ἀλλ' Ἐναρσφόρον.

6. Этотъ стихъ пополненъ изъ Anecd. Oxon. vol. I p. 159, 6: Εὐτείχης ὄνομα κύριον παρ' Ἀλκιάνι. Εὐτείχη τ' ἀνακτ' ἀρτίον.

Вмѣсто ἀρτίον, надо было принять чтеніе Эгжера Ἀρτίον согласно съ словами схолиаста, говорящаго Φερεκόδης ἕνα τῶν Ἰπποκωντιδῶν Ἀρτίον λέγει. Ниже говорится τῶν Ἀρτίων ὁ Ἀλκιάν Ἀρτίον.

7. Хоріямбъ ἡμισίων вмѣсто ожидаемаго — — —, какъ ἐρογλεφάροι I, 21. μησαμένοι II, 1. ἐπέβαν III, 23. Въ началѣ пополнено Ἀλκιωνα В. Христомъ въ Philol. XXIX, стр. 212.

8. ἀγρέταν вм. αγροταν исправилъ Бергъ Lug. ed. III, p. 830 по Гезихію: ἀγρέταν ἡγεμόνα, θεόν.

10. δωρὸς ἀν πῶρω κλόνον есть догадка Аренса, который δωρὸς πῶρω

хочетъ приписать въ смыслѣ πολέμου κρούεντος; ср. Hesychius: πῶρος· ὁ ταλαίπωρος. Другую догадку предлагаетъ Блассъ (Hermes XIII, p. 29), ἂν ταλαίπωρῳ κλόνονμάχας ποτέ τῶς ἀρίστως.

11. πρέπονθ' ἄτε τῶς ἀρίστως предлагаетъ Аренсъ, какъ прежде и Блассъ.

12. φώτας οὐ παρήσομες пишетъ Аренсъ; ἐν φθιτοῖς παρήσομες писалъ прежде Блассъ, который въ послѣдствіи предпочелъ — (οὐ) παρήσομες. Бергкѣ читаетъ ἥρωας παρήσομες. При этомъ послѣднемъ допущеніи надо бы было предполагать, что поэтъ употребилъ средний слогъ слова ἥρωας коротко. Многочисленные примѣры этого явленія я собралъ въ Mélanges Gréco-Romains IV, стр. 379 сл.

13—15. Блассъ написалъ, сперва:

Πόρος τε καὶ] Αἶσα παντῶν
δαιμόνων] γεραιάτοι,
ἃ τ' ἠυπ]έδιλος Ἄλκᾶ.

Дополненіе Πόρος основывается на замѣткѣ схолиаста, приписанной къ 14 стиху: ὅτι τὸν Πόρον τὸν αὐτὸν εἶρηκε τῶ ὑπὸ τοῦ Ἡσιόδου μεμνημένῳ Χάει.

Эта немного странная замѣтка схолиаста оказывается при предполагасмомъ Блассомъ текстѣ совершенно непонятною. Вслѣдствіе именно этой замѣтки я считаю болѣе вѣроятнымъ предложенное Аренсомъ дополненіе:

αἰπεῖα γὰρ] Αἶσα παντῶν,
ἂν Πόρῳ] γεραιάτῳι
τέκ' ἠυπ]έδιλος Ἄλκᾶ.

При такомъ чтеніи одинъ Πόρος называется γεραιάτος, какъ и у Гезіода говорится: πρῶτιστα Χάος γένητο. Если же согласно съ предположеніемъ Бласса три бога, Πόρος, Αἶσα и Ἄλκᾶ называются γεραιάτοι, то оказывается загадочнымъ, съ какой стати грамматику могло прійти въ голову отождествить Πόρος Аלקмана съ Χάος Гезіода. Самъ Блассъ недавно (Hermes XIII, стр. 18) отказался отъ своего первоначального мнѣнія и предлагалъ читать:

κράτησεν γὰρ] Αἶσα παντῶν
καὶ Πόρος,] γεραιάτοι
σιῶν] ἀπέδιλος ἄλκᾶ,

при чемъ послѣднія слова ἀπέδιλος ἄλκᾶ должны означать „сила без-

полезна⁴. Правописание *ἠροπέδαιος* съ двугласнымъ звукомъ въ пред-
последнемъ слогѣ я бы не желалъ устранять.

16—21. Мѣсто это, трактующее о бракѣ Ареса и Афродиты, не
поддается какому бы то нибыло вѣроятному возстановленію, отчего
и не стоитъ приводить здѣсь сдѣланныя для его исправленія по-
пытки. Наибольше подходящею мы считаемъ попытку Бласса (*Hermet*
XIII, стр. 30):

μή τις ἀνθ]ρώπων ἐς ὠρανὸν ποτήσῃω
μηδὲ πει]ρήτω γαμὲν τὰν Ἀφροδίταν
Κοπρίαν] ἀνασσαν ἢ τιν'
— — — ἢ παῖδα Πόρχω.

Къ послѣднимъ словамъ относится цитата Гезихія: *Νηρέος· θαλάσ-
σιος δαίμων, Ἀλκυὰν δὲ Πόρχον ὀνομάζει*. Съ прилагательнымъ *ἐρογέφαρος*,
только здѣсь встрѣчающимся, можно сравнить *ιογέφαρος* (*Pind. fr. 307*,
Bergk. Lyg. ed. quart., стр. 473).

Съ словами *ἄλαστα πάσον* (столб. I, 33 и столб. II, 1) ср. *Soph.*
Oed. C. 538: *ἔπαθον ἄλαστ' ἔχειν*, гдѣ Блэдсъ и Герверденъ совер-
шенно основательно сомнѣваются въ вѣрности слова *ἔχειν*.

Столб. II, 6 и сл. Возстановленіе первыхъ словъ, *ἐγὼν δ' αἰείδω—
φαίνην*, сомнительно. Вмѣсто *μαρτόρεται* (8), написалъ Аренсъ съ дру-
гимъ удареніемъ *μαρτορέται*. Форму *μομεῖσθαι* (10) вмѣсто *μομᾶσθαι*
можно оправдать формами *μομεῖνται* и *μομεύμενος* у Θεογνίδα, равно
какъ и предшествующими словами *ἐπαινέν* и *γαμὲν* выше столб. I, 17.

14. *παγὼν ἀεθλοφόρον* сказано какъ II, I 124 или 266: *δῶδεκα δ'
ἵππους κηγὸς ἀθλοφόρους, οἱ ἀέθλια ποσσὶν ἄρυντο*. Съ *καναχάποδα* ср. *κανα-
χήποδες ἵπποι Hesiod. ap. Plut. Mor. p. 154 A*.

15. Сюда относится, какъ замѣтилъ Бергкь, *Etym. M. p. 783, 20*:
*ὕποπτερον ὄνειρον. Διονύσιος ὁ Σίδιος πρῶτος ταύτη τῇ ἐπιβολῇ ἐχρή-
σατο, ἧπερ χρῶνται οἱ γραμματικοί, ὡς τύμβος τομβίδιος, παῖρος παυρίδιος,
μοιχὸς μοιχίδιος, πτερόν πτερίδιον. ἐχρήν οὖν εἰπεῖν καὶ τῶν ὕποπτερον
ὄνειρων τῶν ὕποπετριδίων καὶ ὑπερθέσει τῶν ὕποπετριδίων. οὕτως Ἡρωδιανὸς
ἐν τῷ περὶ παιθῶν.*

Вмѣсто *ὕποπτερον ὄνειρων* слѣдуетъ писать *ὕποπετριδίων ὄν.*, согласно
съ чтеніемъ флорентинской рукописи у *Miller Mélanges de litt. Gr.*
p. 296 и V у Гесфорда. Непонятны слова *Διονύσιος ὁ Σίδιος* (Воескъ
писалъ *ὁ Σιδώνιος—οἱ γραμματικοί*¹⁾).

¹⁾ Какъ курьозъ, я приведу измѣненіи текста, сдѣланныя А. Ленцомъ (*Herodi-
diani technici reliq. II p. 237*). Изъ *Διονύσιος ὁ Σίδιος πρῶτος* (πρῶτον V) таύτη

О томъ, какъ Геродіанъ понялъ ὑποπετριδίων ὄν., не можетъ быть сомнѣнія: онъ предполагалъ, что ὑποπετριδίων вышло вслѣдствіе перестановки изъ ὑποπετριδίων, и что поэтому ὑποπετριδίων ὄναιρων значить ὑποπτερων ὄναιρων.

Безъ сомнѣнія сновидѣнія могли быть названы ὑπόπτεροι, какъ и у Еврипида, Iphig. Taug. 571, значитъ πτηρῶν ὄναιρων. Но для предполагаемой Геродіаномъ перестановки мнѣ не извѣстна ни одна аналогія: мнѣ кажется невысказаннымъ, чтобы говорящій, находясь въ здоровомъ разсудкѣ, изъ ὑπόπτερος и ὑποπετριδίου сдѣлалъ ὑπόπτερος и ὑποπετριδίου. Такия формы какъ ὑπόπτερος и ὑποπετριδίου, по моему мнѣнію, могутъ быть произведены только отъ πέτρα или πέτρος, а не отъ περῶν. Вслѣдствіе этого врядъ ли можемъ мы въ выраженіи ὑποπετριδίων ὄναιρων не признать намека на мѣсто Одиссеи, упомянутое схолиастомъ Альмана, а именно ω 11:

παρ δ' ἴσπν Ἐκκαυοῦ τε ῥοὰς καὶ Δευκάδα πέτρην
ἦδὲ παρ' Ἠελίοιο πόλας καὶ δῆμον ὄναιρων.

17. Вмѣсто proceleusmaticus Ἐνετικός согласно съ размѣромъ прочихъ строфъ, ожидается расон secundus — — — и подлежитъ сомнѣнію, позволилъ ли себѣ Альманъ удлинёніе втораго слога озвученнаго пролагательнаго.

На основаніи этого Вильямовицъ-Мюллердорфъ (Philol. Untersuchungen I, p. 79) ставитъ Ἐνήτικός, вмѣсто чего слѣдовало бы по крайней мѣрѣ Ἐνητικός. Но напрасно я искалъ доказательствъ для подтвержденія предполагаемаго имъ долгаго гласнаго звука.

22. Чтеніе διαφάδαν представляетъ папирусъ, но ρ вычеркнуто, согласно съ чѣмъ нужно было читать διαφάδαν, какъ и дѣлаетъ Аренсъ, διαφάδην упоминается Поллуксомъ, II, 129, и встрѣчается также какъ вариантъ у него VI, 208.

τῇ ἐπιβολῇ ἐχρήσατο онъ дѣлаетъ: ὄναιρος εἰς Διοσκουρούς πρῶτῳ Ἀλκιδῶν ταύτῃ τῇ δὲ τοῦ ΓΑΙΟΥΣ παραγωγῇ ἐχρήσατο. Допуская такія произвольныя измѣненія, можно, пожалуй, текетъ всякаго преданія замѣнить чѣмъ угодно; а то, что Ленцъ съ неслыханнымъ произволомъ ставитъ на мѣсто преданія, не только невѣрно, но по гречески даже невозможно и лишено всякаго смысла. Слова ὑποπετριδίων ὄναιρων вовсе не заимствованы изъ гимна на Диоскуровъ, да хотя и возможно сказать Ἀλκιδῶν πρῶτῳ и ὄναιρος πρῶτῳ или ὄναιρος πρῶτῳ, однако никоимъ образомъ нельзя сказать ὄναιρος πρῶτῳ. Болѣе всего странно то, что грамматикамъ приписывается употребленіе такихъ формъ, какъ τριβίδιος и κερβίδιος. Впрочемъ, въ Геродіанѣ Ленца не стоить указывать на подобнаго рода подробности: можно только сожалѣть, что грамматикъ Геродіанъ не нашелъ себѣ лучшаго издателя. Если гдѣ-либо, то здѣсь умѣстно изрѣченіе Каллимаха: μέγα βιβλίον μέγα κακόν.

24. Ἀγιδῶν вмѣсто ἀγιδῶν составляетъ эмендацію Аренса, подтверждаемую папирусомъ, какъ свидѣтельствуемъ Блассъ (Hermes XIII стр. 18).

25. εἰρήναι объясняетъ Блассъ изъ Гезихія: ἐβῆνου ἀλωπεκίδες. Подъ ἀλωπεκίδες однако по Ксенофону и Поллуксу слѣдуетъ подразумѣвать лакедемонскихъ охотничьихъ собакъ. По поводу того, что собака упоминается вмѣстѣ съ лошадыю, Блассъ указываетъ на Pollux V, 41: τῶν δὲ γε Κρητικῶν κυνῶν οἱ μὲν διάπονοι οἱ δὲ πάρριπποι χαλοῦνται—οἱ δὲ πάρριπποι τοῖς ἴπποις συνθέουσιν οὔτε προθέοντες οὔτε μὴν ἀπολειπόμενοι. Слово χολαῖ уже Аренсъ (Philol. 27, p. 608) принявъ въ смыслѣ θεράπων или ἀκόλουθος.

26—29. Чтеніе этихъ стиховъ почти не подлежитъ никакому сомнѣнію. Какъ Аренсъ, такъ и Блассъ приложили свои старанія для выясненія смысла этихъ чрезвычайно темныхъ словъ. Они не хотятъ отнести ἄμιν къ μαχόνται, а истолковали его какъ dat. ethicus, такъ что τὰ πελειάδες ἄμιν означаетъ приблизительно αἱ ἡμέτεραι πελειάδες. Затѣмъ, кажется, древніе грамматикѣ правы, объясняя, какъ уже выше сказано, φάρος черезъ ἄροτρον. Вмѣсто σεῖριον въ папирусѣ стоитъ σιριον, при чемъ первая іота вычеркнута, что вѣроятно должно было означать, что σιριον есть описка вмѣсто σεῖριον. Подъ σεῖριον ἄστρον слѣдуетъ понимать не что иное, какъ „блестящее свѣтило“; ср. мою замѣтку въ Mélanges Gréco-Rom. IV p. 598 сл. Стоитъ ли въ папирусѣ ατσειριον или αγεσειριον, это, по мнѣнію Бласса (Hermes XIII, стр. 18), нельзя опредѣлить. Слѣдующее затѣмъ ἀειρομέναι=ἀφειρομέναι. Для замѣны дигаммы посредствомъ υ встрѣчается много примѣровъ; достаточно указать на древнюю локрійскую надпись, гдѣ правописаніе колеблется между Ναύπακτος и Νάψπακτος.—Если выше Агезихора и Агидо сравниваются съ конемъ и охотничьей собакой, то здѣсь, по Аренсу, онѣ представляются подъ видомъ голубей, и слово πελειάδες побуждаетъ поэта упомянуть объ ἄπτεροι πελειάδες неба, то-есть, созвѣздіи Плеядъ. По мнѣнію Аренса, для объясненія даннаго мѣста служатъ слова Гезіода, Op. 383 сл.:

Πληάδων Ἀτλαγενέων ἐπιτελλομένων
ἀρχεῖνθ' ἀμητοῦ, ἀρόσιο δὲ δυοτομένων.

Подъ ὀρθρίαι πελειάδες онъ подразумѣваетъ утромъ восходящія Плеяды весны, и подъ φάρος (то-есть, ἄροτρον или ἄροτρον) φερούσαι заходящія, вечеромъ появляющіяся на небѣ, Плеяды осени. Поэтому состязаніе двухъ дѣвъ Агезихоры и Агидо сравнивается будто съ состязаніемъ Плеядъ весеннихъ и осеннихъ. А такъ какъ Плеяды до-

вольно мало бросаются въ глаза, то поэтому будто и прибавлено ἄτε σείριον ἄστρον ἀειρομέναι. Объясненіе это слишкомъ искусственно, чтобы можно было его считать вѣроятнымъ, и даже Блассъ въ послѣдствіи отказался отъ него; ср. Hermes XIII р. 31, гдѣ онъ склоненъ вмѣсто ὄρθρια въ стихѣ 27, согласно съ чтеніемъ какаго-то схолиаста, читать ὄρθια (то-есть Ἀρτέμιδι).

Затѣмъ въ концѣ 2-го и въ началѣ 3-го столбца высказывается, кажется, мысль, что никакое украшеніе не въ состояніи соперничать съ естественной красотой предводительницъ хороводовъ Агезихоры и Агидо. Стихи 30 и 31, какъ уже выше сказано, приводятся не совсемъ точно (а именно οὐ γὰρ πορφύρας τάσος χόρος ὥστ' ἀμόνεσθαι) грамматикомъ Аристофаномъ (Schol. Lips. II. E. 266 или Eust. II. p. 546, 29) въ доказательство употребленія слова ἀμόνεσθαι въ смыслѣ ἀρείβεσθαι.

Столб. III, стихъ 1-й ἱανοφόρων ἄγαλμα поставилъ Бергъ, считавшій ἱανοφόρος за параллельную форму отъ ἑανηφόρος. Ср. Hesychius: ἑανηφόρος· ἡ ἡώς. παρὰ Ἀντιμάχῳ (fr. 84 Kink.). Блассъ пишетъ νεανίδων τὰν οἶδα φαρῶν ἄγαλμα.

3. Этотъ стихъ читался прежде ἀλλ' οὐδ' ἐνέτα σειδής. Блассъ (Hermes XIII р. 21) полагаетъ, что можно узнать въ папирусѣ слова ἀλλ' οὐδ' Ἐράτα σειδής: „удареніе, говорить онъ, доказываетъ, что Ἐράτα имя собственное; σειδής=θειδής съ исчезнувшей дигаммой“. Во всякомъ случаѣ, къ этимъ словамъ текста относится то, что читается въ Etym. M. р. 134, 24: Ἀραιτασειδής κατὰ συκοπῆν Ἀραιτασειδής, ὡς σισειδής σειδής, συκοπῆ τοῦ ο. Грамматикъ думаетъ, что ἀρετὰ (или Ἀρέτα) σειδής стоитъ κατὰ συκοπῆν вмѣсто ἀρετὰ (или Ἀρέτα) σισειδής. По этому свидѣтельству можно сомнѣваться, заслуживаетъ ли предпочтеніе Ἐράτα σειдής или Ἀρέτα σειдής, ибо оба женскихъ имени Ἐράта и Ἀρέта одинаково мыслимы.

4. Συλακίς есть лавоническая форма вмѣсто Θουλακίς. Съ Κλεισιπτήρα (=Κλεισιθήρα Lucorhg. 1222) сравниваетъ Блассъ имя Κλεισιπτός въ стихѣ неизвѣстнаго лирика (Альмана по Бергу Lug. ed. pg. p. 555) у Nерphaest. р. 27.

Большую часть 3-го столбца (стихъ 6—33) я оставлю въ сторонѣ, такъ какъ не могу ни одобрить сдѣланныя до сихъ поръ попытки для восстановленія текста, ни замѣнить ихъ лучшимъ. То, что Блассъ (Hermes XIII, стр. 28 сл.) предложилъ, по моему мнѣнію, не заслуживаетъ одобренія, и я даже сомнѣваюсь—всѣ ли его чтенія вѣрны относительно языка. Во всякомъ случаѣ, для разрѣшенія загадокъ

этого 3-го столбца, слѣдовало бы имѣть или текстъ, менѣе испорченный или же остроуміе Ричарда Бентлея.

II.

Подъ заглавіемъ Menandri fragmenta inedita издалъ К. Г. Кобетъ (1876) въ Mnemosyne Nova series vol. IV стр. 285 — 293 или Miscellanea critica (Lugd. Bat. 1876) стр. 438—446, два отрывка греческой комической поэзии, списанныхъ Константиномъ Тишендорфомъ на востокѣ изъ „codex antiquissimus quarti ut videtur saeculi“ и сообщенныхъ издателю приблизительно въ 1845 г. Какой библиотекѣ и какой рукописи принадлежать эти отрывки, объ этомъ умолчалъ Тишендорфъ; не слѣдуетъ только забывать, что относительно древности найденныхъ имъ рукописей онъ легко впадаетъ въ преувеличенія. Что касается текста названныхъ отрывковъ, мы должны довольствоваться копіей Тишендорфа, которую Кобетъ передаетъ, какъ онъ самъ говоритъ, на сколько возможно близко придерживаясь ея, въ слѣдующемъ видѣ.

1.

ΑΝΘΡΩΠΟΣΟΙΝΟΝΑΥΤΟΥΤΕΚΠΑΝΤ. . . .
 ΕΓΩΕΥΠΕΡΤΟΥΜΕΘΥΣΚΕΘΟΥΛΕΓΩ
 ΑΠΙΣΤΙΑΓΑΡΕΣΘΟΜΟΙΟΝΤΟΥΤΟΓΕ
 ΕΙΚΑΙΒΙΑΖΕΤΑΙΚΟΤΥΔΗΝΤΙΣΤΟΥΣΒΟ
 ΩΝΟΥΜΕΝΟΣΠΗΝΕΙΝΕΑΥΤΟΝΤΟΥΤΕ 5
 ΠΡΟΣΕΜΕΝΟΝΟΥΤΟΣΕΜΠΕΣΩΝΔΙΑΣ
 ΤΟΝΕΡΩΤΑΤΙΔΕΜΟΙΤΟΥΤΟΠΑΔΙΝΟΙΜΩ
 ΠΡΟΙΚΑΔΕΔΑΒΩΝΤΑΑΑΝΤΑΤΕΤΤΑΡΑΡΓΥ
 . ΥΤΗΣΓΥΝΑΙΚΟΣΝΕΝΟΜΙΧΑΥΤΟΝΟΙΚΗ
 ΑΠΟΚΟΙΤΟΣΕΣΤΙΠΟΡΝΟΒΟΣΚΩΔΩΔΕΚ 10
 ΤΗΣΜΕΡΑΣΑΡΑΧΜΑΣΔΙΑΩΣΙΑΩΔΕΚΑ
 ΤΑΚ . . ΒΩΣΟΥΤΟΣΙΤΑΠΡΑΓΜΑΤΑ
 ΣΔΙΑ . ΡΟΦΗΝΑΝΔΡΙΚΑΠΡΟΣΗΜΕΡ
 ΕΔ . . ΙΣΤΑΙΑΓΟΒΟΛΟΥΣΤΗΣΜΕΡΑΣ
 ΝΤ . . ΓΩΠΕΙΝΩΝΤΙΠΤΙ ΠΟΤΕ 15
 Σ . . ΠΡΟΣΜΕΝΕΙΧΑΙΡΩ
 ΓΑΥΚΥΤΑΤΕΟΤΗΣ ΤΗΡ
 ΟΝΩΣΑΘΔΙΟΤΙΣ
 ΤΡΙΣΚΑΚΟΔ

2.

ΠΩΣΕΙCINOIΠΥΡΟ	20
ΤΙΔΕCΟΙΜΕΔΕΙΤΟΥΤΟΥΘΕΝ	
ΕΙCΤΗΝΑΛΗΘΕΙΑΝΚΑΤΑΧΡΗC	
ΑΝΤΕΙΜΙΟCΔΑΚΕΤΩCΥΠΕΡΕ	
ΠΕΝΗΤΟCΑΙCΘΟΥCΑΥΤΟΝΟΝΤΑ	
ΑΝΘΡΩΠΟΝ ΑΝΘΡΩΠΟΝΔΕΚΑ	25
ΙΝΑΜΗΕΠΙΘΥΜΗCΤΩΝΥΠΕΡ	
ΟΤΑΝΔΑΓΡΥΠΝΕΙΝΕΙΠΗΗCΤΙCΕ	
ΤΗΝΑΙΤΙΑΝΓΝΩCΗΠΕΡΙΠΑΤΕΙC	
ΕΙCΗΛΘΕCΕΓΘΥCΑΝΚΟΠΙΑCΗ	
ΜΑΔΑΚΩCΕΛΟΥCΩΠΑΔΙΝΑΝΑC	30
ΠΡΟCΗΔΟΝΗΝΥΠΝΟCΑΥΤΟCΟΒ	
ΤΟΠΕΡΑCΚΑΚΟΝΕΧΕΙCΟΥΔΕΝΗ	
ΕCΤΙΝΗΔΙΗΔΘΕCΦΟΡΤΙΚΩΤΕΡ	
ΕΠΕΡΧΕΤΑΙΜΟΙΤΡΟΦΙΜΕCΥΓΓΝ	
ΤΟΔΗΛΕΓΟΜΕΝΟΝΟΥΚΕΧΕΙCΟΝ	35
ΥΠΟΤΩΝΑΓΑΘΩΝΕΥΙCΘΙΜΗ	
ΙΚΟΙΤΑΔΗΘΗΔΕΓΩΝΗΤΟΥCΘΕ	
ΤΟΥΤΕCΤΙΤΑΡΩCΤΗΜΑΚΑΙΜΗ	
ΑΤΠΟΠΩCΕΜΑΥΤΟΥΚΑΙΒΑΡΕΩC	
. . . . ΝΙΚΟΝΕCΤΙΤΟΑΝΟΗΤΟ	40
. . . . ΝΠΑΝΥΓΑΡΤΑΥΤΕΙΔΕΛ	
. . . . ΠΑΡΑΙΝΕΙCΟΤΗΝΑ	
. . . . ΝΤΙΚΑΚΟΝΑΛΗΘΕC	
. . . . ΝΑΔΗΘΕCΦΑΡΜΑ	

Тишендорфъ сообщаетъ, по словамъ Кобета, что въ 2-мъ ст. стоитъ ΜΕΘΥCΚΕΘ (вмѣсто μεθυσκωθ) съ пропускомъ одной сигмы; что далѣе въ ст. 9-мъ, въ словахъ ΝΕΝΟΜΙΧΑΥΤΟΝ были позднѣйшею рукою прибавлены апострофъ и придыханіе: νενομιχ' αυτον; затѣмъ, что обѣ послѣднія буквы ΟΝ въ ст. 35-мъ и буквы ΟΙ въ ст. 37-мъ подлежатъ сомнѣнію. Судя по сообщеніямъ Кобета, нигдѣ въ рукописи не обозначено, гдѣ кончается рѣчь одного и гдѣ начинается рѣчь другаго лица.

Что второй отрывокъ принадлежитъ Менандру, доказалъ Кобетъ изъ 43-го и 44-го стиховъ, которые 'онъ дополняетъ слѣдующимъ образомъ:

εἰ μὲν ΤΙ ΚΑΚΟΝ ἈΛΗΘΕΣ εἶχες, Φειδία,
ζητεῖν ἈΛΗΘΕΣ ΦΑΡΜΑκον τούτου σ' ἔδει.

Дополнение это основывается на Clemens Alex. Strom. VII, стр. 844:
εὖ γὰρ καὶ ὁ Μένανδρος·

εἰ μὲν τι κακὸν ἀληθές εἶχες, Φειδία,
ζητεῖν ἀληθές φάρμακον τούτου σ' ἔδει·
νῦν δ' οὐκ ἔχεις, κενὸν ἄρα καὶ τὸ φάρμακον
πρὸς τὸ κενόν· οἰήθητι δ' ὠφελεῖν τί σε,
περιμαζάτωσάν σ' αἱ γυναῖκες ἐν κόκλῳ
καὶ περιθεωσάτωσαν, ἀπὸ χρουῶν τριῶν
ὑδατι περίρραν' ἐμβαλὼν ἄλας, φακούς.

Мейнеке (Menandri fr. p. 42 и Com. IV p. 100 f.) {отнесъ эти стихи къ комедіи Δεισιδαίμων: эта догадка, по мнѣнію Вильямовицъ-Мёллендорфа (Hermes XI, p. 500), опровергается выше приведеннымъ отрывкомъ. И такъ, второй отрывокъ принадлежитъ Менандру, но изъ какой пьесы онъ заимствованъ—неизвѣстно.

И первый отрывокъ можно бы было съ одинаковой увѣренностью приписать Менандру, если бы оба отрывка, какъ полагалъ Вильямовицъ-Мёллендорфъ, имѣли какое нибудь отношеніе другъ къ другу. Кажется, однако, что утверждать этого нельзя, и Э. Гомперцъ (Hermes XI p. 507) предполагаетъ поэтому, что оба отрывка принадлежать различнымъ комедіямъ Менандра. Еще осторожнѣе высказывается Кокъ (Rhein. Museum XXXII, p. 110): „что касается перваго отрывка, то мы даже не знаемъ, принадлежитъ ли онъ Менандру“. При недостаточности свѣдѣній относительно codex antiquissimus, въ которомъ Тишендорфъ открылъ оба найденныхъ отрывка, мы не можемъ не согласиться съ Кокомъ, хотя, по всему вѣроятію, оба отрывка принадлежать одному и тому же поэту.

Для возстановленія обоихъ отрывковъ остроуміе Кобета сдѣлало все то, что только возможно было сдѣлать; послѣ него пробовали свои силы надъ полнымъ пробѣловъ текстомъ У. Вильямовицъ-Мёллендорфъ (Hermes XI p. 498—506), Э. Гомперцъ (Hermes XI p. 507—513) и Э. Кокъ (Rhein. Museum XXXII p. 101—113); но только въ немногихъ и довольно маловажныхъ подробностяхъ удалось имъ исправить представленный Кобетомъ текстъ. Результатомъ сдѣланныхъ до сихъ поръ попытокъ для дополненія и исправленія обоихъ отрывковъ оказывается приблизительно слѣдующій текстъ:

1.

(εἴ τις τοσοῦτον ἐκπέπωκ' ἄνευ κακοῦ)
 ἄνθρωπος οἶνον, αὐτὸ τοῦτ' ἐκπλήτ(τομαι 1
 ἔγωγ' ὑπὲρ τοῦ (μῆ) μεθύσκε(σ)θ' οὐ λέγω·
 ἀπιστία γὰρ ἔσθ' ὅμοιον τοῦτό γε·
 εἰ καὶ βιάζεται κοτύλην τις τοὺς βό(ας
 ὠνούμενος πίνειν ἑαυτόν, τοῦτ' ἐ(γὼ 5
 προσέμενον. οὗτος ἐμπεσὼν διασ(κεδᾶ
 τὸν ἔρωτα. Β. τί δέ μοι τοῦτο; πάλιν οἰμώ(ξομαι.
 προῖκα δὲ λαβὼν τάλαντα τέτταρ' ἀργύ(ρου
 οὐ τῆς γυναικὸς νενόμιχ' αὐτὸν οἰκέ(την·
 ἀπόκοιτός ἐστι, πορνοβοσκῆ δώδεκα 10
 τῆς ἡμέρας δραχμὰς δίδωσι. Α. δώδεκα
 (δραχμὰς); ἀκ(ρι)βῶς οὐτοσί τὰ πράγματα
 οἶδ'. εἰς δια(τροφὴν ἀνδρὶ καὶ πρὸς ἡμέρας
 χρείας ν)ε(νόμ)ισται δὴ ὀβολοὺς τῆς ἡμέρας
 ἀρκεῖν). τί ἐγὼ πεινῶντι (δὴ) πτι(σάνην) ποτέ 15
 ἔδωχ'; ὁ δὲ χαίρω(ν) προσμένει
 γλυκύταθ' ὁ τῆς
 ἄθλιός τις
 τρεῖς κακοδ(αίμ)

2.

πῶς εἰσὶν οἱ πυρο(ὶ κατ' ἀγοράν ὄνιοι; 20
 Φ. τί δὲ σοὶ μέλει τοῦτ'; Α. οὐθέν' (ἀλλὰ . . .
 εἰς τὴν ἀλήθειαν καταχρῆσ(θαι . . .
 ἂν τεῖμιος, δακέτω σ' ὑπὲρ ἐ(τέρου τινὸς
 πένητος. αἰσθοῦ σαυτὸν ὄντα, (Φειδία,
 ἄνθρωπον, ἄνθρωπον δὲ κα(ὶ τὸν πλησίον, 25
 ἵνα μὴ ἐπιθυμῆς τῶν ὑπὲρ (θνητοῦ φύσιν.
 ὅταν δ' ἀγροπνεῖν εἴπησι, τί
 τὴν αἰτίαν γνώσ(ει)· περιπατεῖς (ἡδέως,
 εἰσηλθες εὐθύς ἂν κοπιάσῃ(σι τὰ σκέλη,
 μαλακῶς ἐλούσω, πάλιν ἀνασ(τάς περιπατεῖς 30
 πρὸς ἡδονήν, ὕπνος αὐτός
 τὸ πέρασ, κακὸν ἔχεις οὐδέν' ἢ (σχολὴ νόσος
 ἔσθ' ἦν διπλῆτες. φορτικώτερον δὲ τι
 ἐπέρχεται μοι, τράφιμε, συγγν(ώμην δ' ἔχε·

- τὸ δὴ λεγόμενον οὐκ ἔχεις ὅ(ποι χέσης 35
 ὑπὸ τῶν ἀγαθῶν. εὖ ἴσθι, μὴ(δ' ἄλλως λέγε,
 εὖ ἴσθι), τάληθῆ λέγω. Φ. ἴνῃ τοὺς θεοὺς,
 τοῦτ' ἔστι τὰ(ρ)ώστημα. Φ. καὶ μὴ(ν, ὠγαθέ,
 ἀτόπως ἑμαυτοῦ καὶ βαρέως (ἔχω πάnu.
- A. φιλό(νικόν ἐστι τάνότητο(ν' ἀλλὰ χρῆ 40
 εἴκει)ν' πάnu γάρ ταυτεῖ λελ(όγισμ' ἐγὼ καλῶς.
 Φ. τί δὴ) παραινεῖς; A. ὅ τι πα(ραινῶ; τοῦτ' ἐρῶ.
 εἰ μέ)ν τι κακὸν ἀληθές (εἴ(χεις, Φειδί(α,
 ζη(τεῖ)ν ἀληθές φάρμα(χον τούτου σ' ἔδει·
 νῦν δ' οὐκ ἔχεις, κενὸν ἄρ(α καὶ τὸ φάρμα(χον 45
 πρὸς τὸ κενόν' οἰή(θῆ)τι δ' ὠφελεῖν τί σε.
 περιμαξά(τωσάν σ' αἱ γυναῖ(κες ἐν κύ(κλῳ
 καὶ περιθεωσά(τωσαν, ἀπὸ χρου(νῶν τριῶν
 ὄδατι περιέρ(ραν' ἐμβαλῶν ἄλας, φακούς.

Въ первомъ отрывкѣ описываетъ, по очень вѣроятному предположенію Гомперца, привыкшій къ побоямъ рабъ (стихъ 7) разнузданную жизнь своего господина, а въ предшествующихъ данному отрывку стихахъ онъ говорилъ о его пьянствѣ, между тѣмъ какъ стихи 8—11 относятся къ невѣрности въ брачной жизни того же господина и упоминаются суммы, растроченныя послѣднимъ въ домахъ терпимости. Съ этимъ рабомъ, какъ кажется, разговариваетъ болтливая старуха, ухаживавшая прежде за господиномъ, бывшая, можетъ быть, его кормилицей, но съ давнихъ поръ живущая въ деревнѣ и вѣроятно собиравшаяся посѣтить бывшаго своего питомца.

Дополненіе, предшествующее 1-му стиху, εἴ τις τοσοῦτον ἐκπέπωκ' ἄνεο κακοῦ, принадлежитъ Кобету, которому мы вообще обязаны большей частью дополненій и исправленій преданія.

Это дополненіе, конечно, должно только въ общихъ чертахъ выразить мысль, предшествовавшую данному тексту, но не претендуетъ на вѣрную передачу словъ поэта.

2. μὴ прибавилъ Кобетъ, между тѣмъ какъ Вильямовицъ-Мёллендорфъ предлагаетъ ὑπὲρ δὲ τοῦ μεθύσεσθ' οὐ λέγω.

3. ἀπληροῖα требуетъ Вильямовицъ-Мёллендорфъ вмѣсто ἀπιστία.

4. τοὺς βόας—чтеніе Кобета, τοῦ βολοῦ—Вильямовица. При томъ и другомъ чтеніи членъ, кажется, не на мѣстѣ, почему я не прочь предполагать, что ΤΟΥΣ есть описка вмѣсто ΠΟΤΕ.

9. Вмѣсто οἰκέτην Кокъ хотѣлъ поставить ἐόνετην (Rhein. Mus.

XXXII p. 113)). Но слово εὐνέτης чуждо комедии и аттической прозе, и даже из-за смысла οἰκέτην заслуживает предпочтении: невѣрный супругъ считаетъ рабствомъ принадлежать исключительно своей супругѣ. Онъ не хочетъ, какъ говоритъ Еврипидъ, fr. 772, δοῦλος εἶναι τοῦ λέχους, πεπραμένον τὸ σῶμα τῆς φερνῆς ἔχων.

Стихъ 10. Прилагательное ἀπόκοιτος заимствовалъ, какъ замѣчаетъ Кобетъ, Лукіанъ изъ комедии, говоря Deorum dial. 10, 2 томъ I стр. 230: οὐδὲ ἀπόκοιτός ποτε ἔχεῖνος (ὁ Κρόνος) παρὰ τῆς Ῥέας ἦν.

11 сл. Если со слова δώδεκα (стихъ 11) начинается рѣчь другого лица, какъ до сихъ поръ всеми понималось, то повтореніе этого числительнаго можетъ быть принято только за выраженіе удивленія, и необходимымъ оказывается послѣ δώδεκα дополненное Кокомъ въ началѣ 12 стиха слово δραχμάς, вслѣдствіе чего мы считаемъ Т передъ АК..ВΩΣ за невѣрное чтеніе вмѣсто Σ. Также при дополненіи началъ стиховъ 13 — 15 и принявъ чтеніе Кока, не ручаясь, впрочемъ, за вѣрность ихъ во всѣхъ подробностяхъ.

16. Перестановка χαίρων прозмéνει вмѣсто прозмéνει χαίρων принадлежитъ Гомперцу.

Стихи 16—19 до сихъ поръ никто не пытался дополнить.

Второй отрывокъ представляетъ намъ какого-то malade imaginaire, которому живется ужъ слишкомъ хорошо и который, не имѣя ни занятій, ни серьезныхъ заботъ, предается мрачнымъ мыслямъ. Имя этого δόσκολος или ἑαυτὸν τιμωρούμενος (ни къ одной изъ такъ озаглавленныхъ комедій Менандра нашъ отрывокъ не можетъ быть отнесенъ) указалъ Кобетъ, дополняя его изъ Clemens Alex. Strom. VII, стр. 844: оно гласитъ Φειδίας. Къ этому именно Фидію кто-то обращается съ словомъ τρόφιμα (стихъ 34), суди по которому въ разговаривавшемъ съ нимъ Кобетъ съ большой вѣроятностью признаетъ παιδαγωγός. Если судить какъ по этому обращенію, такъ и по содержанію, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что данный отрывокъ принадлежитъ къ той же пьесѣ, какъ и сохранившіеся у Плутарха (Consol. ad Apollonium c. 5, p. 103) стихи Менандра (Com. IV p. 227):

εἰ γὰρ ἐγένου σὺ. τρόφιμα, τῶν πάντων μόνος,
ὄτ' ἔτικτεν ἢ μήτηρ σ', ἐφ' ᾧ τε διατελεῖν
πράττων ἃ βούλει καὶ διευτυχῶν αἰεί,
καὶ τοῦτο τῶν θεῶν τις ὠμολόγησέ σοι,
ὀρθῶς ἀγανακτεῖς· ἔστι γὰρ σ' ἐφευσεμένος

ἄτοπὸν τε πεποιήκ'· εἰ δ' ἐπὶ τοῖς αὐτοῖς νόμοις
 ἐφ' οἷσπερ ἡμεῖς ἔσπαζας τὸν ἀέρα
 τὸν κοινόν, ἵνα σοι καὶ τραγικώτερον λαλῶ,
 οἰστέον ἄμεινον ταῦτα καὶ λογιστέον.
 τὸ δὲ κεφάλαιον τῶν λόγων, ἄνθρωπος εἶ, 10
 οὗ μεταβολὴν θάπτον πρὸς ὕψος καὶ πάλιν
 ταπεινότητα ζῶον οὐδὲν λαμβάνει.
 καὶ μάλα δικαίως· ἀσθενέστατον γὰρ ὄν
 φύσαι μεγίστοις οἰκονομεῖται πράγμασιν,
 ὅταν πέσῃ δέ, πλεῖστα συντρίβει καλά. 15
 σὺ δ' οὐθ' ὑπερβάλλοντα, τρόφιμ', ἀπώλεσας
 ἀγαθὰ, τὰ νονὶ τ' ἔστι μέτριά σοι κακὰ
 ὥστ' ἀνὰ μέρος που καὶ τὸ λυπηρὸν φέρε 1).

Относительно нѣкоторыхъ мѣстъ 2-го отрывка Тишендорфа надо замѣтить слѣдующее.

Стихъ 20 читалъ Кобетъ: πῶς εἰσὶν οἱ πυροὶ παρ' ἡμῖν ὄνιοι; Вмѣсто παρ' ἡμῖν я съ Вильямовицемъ-Мѣллендорфомъ и Гомперцомъ, предпочелъ κατ' ἀγοράν.

21—22. Дополненіе недостающихъ концовъ стиховъ сомнительно: Кобетъ поставивъ (ἀλλὰ βούχομαι) εἰς τὴν ἀλήθειαν καταχρῆσ(θαι τῷ λόγῳ), между тѣмъ какъ Вильямовицъ предложилъ (ἀλλὰ κολλάβῳ) εἰς τὴν ἀλήθειαν καταχρῆσ(θαι βούλομαι).

23. ὑπὲρ ἐμοῦ τοῦ σφόδρα) пишетъ Кобетъ, ὑπὲρ ἐ(τέρου τινός) Вильямовицъ.

25. ἄνθρωπον δὲ κα(ὶ τὸν πλησίον) читаетъ Гомперцъ.

Менѣ подходит чтеніе Вильямовица ἄνθρωπον δὲ κα(ὶ στέργειν σε χρῆ) и Кобета ἄνθρωπον δὲ κα(λὸν τε καὶ καθόν). Последнее чтеніе уже изъ-за ритма невѣроятно.

27. τί σε (λοπεῖ; φράζ' ἐμοί) пишетъ Гомперцъ, τί σ' ἐ(γείρει; φράζε μοι)—Кокъ. Вовсе не заслуживаетъ одобренія предложенное Вильямовицомъ τίς ε(ἶ σαυτὸν σκοπῶν).

29. ἂν κοπιᾷσῃ(ς τὰ σκέλη) дополнилъ Кобетъ по Alexis Com. III

1) Въ стихѣ 1-мъ и 16-мъ писали до сихъ поръ Τρόφιμ: согласно съ отрывкомъ Тишендорфа нужно было поставить имя нарицательное τρόφιμ. Въ последнемъ стихѣ значитъ въ преданіи: ὥστ' ἀνὰ μέρος που καὶ τὸ λοιπὸν φέρε. Смыслъ и размѣръ требуютъ чтеніе мною предложенное. Относительно ἀνὰ μέρος= vicissim ср. Eur. Phoen. 478. 486. Слова λοιπὸν и λυπηρὸν сжѣшиваются такъ же Arr. В. С. IV, 9 p. 939, 21 изд. Мендельсона.

р. 451: ἄνω κάτω τε περιπατοῦσ' ὡσπερ Πλάτων σοφὸν οὐδὲν ἠῶρηκ', ἀλλὰ κοπιῶ τὸ σκέλη. Только въ обоихъ мѣстахъ заслуживаетъ, кажется, одобренія предложеніе τὸ σκέλη, конъектура, сдѣланная Мейнеке для мѣста Алексиса.

30. Съ выраженіемъ μαλακῶς ἐλοῦσω сравниваетъ Кобетъ Theophr. Charact. 2: ὡς μαλακῶς ἐσθίεις. Дополненіемъ πάλιν ἀναστ(ὰς περιπατεῖς) мы обязаны Гомперцу. Не подходящимъ кажется предложеніе Вильямовица: πάλιν ἀνασ(κίπει βίος) πρὸς ἡδονήν, ὕπνος αὐτοσά(βος ἀνέπτατο).

32 сл. ἡ (δέ σοι νόσος) ἔστι ἦν διήλθες написалъ Вильямовиць, ἡ (γὰρ αἰτία) ἔσθ' ἦν διήλθες—Гомперцъ, ἡ(λικίας νόσος) ἔσθ' ἦν διήλθες—Кокъ.

Болѣе подходящее, по моему мнѣнію, выше помѣщенное чтеніе ἡ (συχολή νόσος) ἔσθ' ἦν διήλθες.

35. Дополненіе οὐκ ἔχεις ὅ(ποι χέσης) предположилъ Кобетъ съ рѣдкостнымъ остроуміемъ при помощи слѣдующаго мѣста Марка Антонина V, 12:

ὅποιά τινα τὰ τοῖς πολλοῖς δοκοῦντα ἀγαθὰ, κἂν ἐντεῦθεν λάβοις. εἰ γὰρ τις ἐπινοήσειεν ὑπάρχοντά τινα ὡς ἀληθῶς ἀγαθὰ, οἷον φρόνησιν σωφροσύνην δικαιοσύνην ἀνδρείαν, οὐκ ἂν ταῦτα προεπινοήσας ἐπακοῦσαι (такъ слѣдуетъ читать вм. ἔτι ἀκοῦσαι) δυνηθεῖν τὸ „ὑπὸ τῷ ἀγαθῷ γὰρ ἐφαρμόσει“. τὰ δέ γε τοῖς πολλοῖς φαινόμενα ἀγαθὰ προεπινοήσας τις ἐξακούσεται καὶ ῥαδίως δέξεται ὡς οικειῶς ἐπιλεγόμενον τὸ ὑπὸ τοῦ κομικοῦ εἰρημένον. Немного ниже говорится: πρόφθι οὖν καὶ ἐρώτα εἰ τιμητέον καὶ ἀγαθὰ ὑποληπτέον τὰ τοιαῦτα ὧν προεπινοηθέντων οικειῶς ἐπιφέροιτο τὸ τὸν κτημένον ὑπὸ τῆς εὐπορίας οὐκ ἔχειν ὅποι χέση.

Комбинируя слова ὑπὸ τῷ ἀγαθῷ γὰρ ἐφαρμόσει и ὑπὸ τῆς εὐπορίας οὐκ ἔχειν ὅποι χέση, Кобетъ получилъ триметръ

ὑπὸ τῶν ἀγαθῶν γὰρ οὐκ ἔχεις ὅποι χέσης,

и такимъ образомъ въ отрывкѣ Тишендорфа добился первоначальнаго чтенія:

τὸ δὲ λεγόμενον οὐκ ἔχεις ὅ(ποι χέσης)

ὑπὸ τῶν ἀγαθῶν.

Можно только одобрить то, что Гомперцъ и Вильямовиць приняли это предложеніе, тогда какъ какъ Наберъ (Мnem. nov. VIII р. 415) желалъ бы писать ὅποι πτόσης по Diogenis Epist. 38, 4 стр. 253 Herch.: καὶ δὴ ποτε εἰσελθὲν πρὸς μειράκιον τῶν σφόδρα εὐπόρων κατακλίνομαι ἔν τιμ ἀνδρῶνι πάντῃ κεκαλλωπισμένῃ γραφαῖς τε καὶ χρυσῷ,

ὡς μηδὲ ὅπου (ниши ὅποι) πτόση τις τόπον εἶναι. Ср. Diog. L. IV, 32: εἰσαγαγόντας τινὸς αὐτὸν εἰς οἶκον πολυτελεῆ καὶ κωλύοντος πτόσαι, ἐπειδὴ ἐχρέμψατο, εἰς τὴν ὄψιν αὐτοῦ ἔπτωσεν, εἰπὼν χεῖρονα τόπον μὴ εὐρηχέναι.

Если бы Менандръ написалъ οὐκ ἔχεις ὅποι πτόσης, то не было бы повода предпослать извиненіе, *представляемое нашимъ текстомъ φορτικώτερον δέ τι ἐπέρχεται μοι, τρόφιμε, συγγνώμην δ' ἔχε. Судя по этому, крѣпкое ὅποι χέζης гораздо болѣе подходяще, хотя новая комедія, какъ вѣрно замѣчаетъ Наберъ, обыкновенно избѣгаетъ крѣпкихъ словъ.

37. εὖ ἴσθι, τάληθῆ λέγω поставилъ Вильямовиць. Стоящее у Кобета ΙΚΟΙΤΑΔΗΘΗΔΕΓΩ основывается, кажется, на невѣрномъ чтеніи Тишендорфа, который самъ буквы ΟΙ называетъ сомнительными.

40 сл. Поражаетъ правописание (φιλό)ΝΙΚΟΝ вмѣсто обыкновеннаго φιλόνηκον. Сомнительно мое дополненіе ἀλλὰ χρῆ εἶχειν. Вильямовиць писалъ οὐ σ' ἐχρήν σιγᾶν, Гомперцъ—ῥάδιον φέρειν, а Кокъ—κοὸ φιλεῖ εἶχειν.

Стихи 45—49 прибавлены изъ Clemens Alex. Strom. VII p. 844. Относительно словъ (стихъ 48 сл.) ἀπὸ κρουῶν τριῶν ὕδατι περίρραται Кобетъ указываетъ на Theophr. Char. 16: ὁ δὲ δεισιδαίμων τοιοῦτός τις οἶος ἐπιχρωῶν ἄπονηάμενος τὰς χεῖρας καὶ περιρρανάμενος ἀπὸ ἱεροῦ, δάφνην εἰς τὸ στόμα λαβὼν, οὕτω τὴν ἡμέραν περιπατεῖν. Для исправленія ошибочнаго ἐπιχρωῶν сдѣлано немало поштытокъ; Кобетъ съ большимъ вѣроятіемъ предполагаетъ первоначальное чтеніе οἶος ἀπὸ κρουῶν τριῶν ἄπονηάμενος τὰς χεῖρας.

А. Шаукъ.

(Продолженіе будетъ).

DE HOMERICIS SIMILITUDINIBUS APUD VERGILIUM.

Vergilium et in tota Aeneide in universum et in singulis Homeri carmina imitatum esse in vulgus notum est. Ad carmina sua illustranda Homerus saepissime pulcherrimas imagines atque similitudines adhibuit, in qua re Vergilius magistrum tamquam exemplum sibi proposuit et ipse quoque haud raro ad narrationem exornandam et propius ante oculos ponendam similitudinibus usus est, quarum alias ipse finxit, alias ab Apollonio Rhodio, plurimas vero ab Homero ipso mutuatus est. Quod plerumque ita ab eo institutum est, ut simili atque apud Homerum occasione oblata eadem similitudine, qua Homerus, uteretur. Eiusmodi similitudines omnes apud utrumque poetam prorsus aptae sunt. Interdum autem Vergilius alia occasione oblata Homericam collationem deponit, quod tamen nonnunquam minus succedit. Quodsi Vergilium solum legimus, minus offendunt eiusmodi similitudines, quam si utrumque poetam comparamus. Ex quo quantum imitatio atque artificium a natura differat, optime intellegi potest.

Quod discrimen primus omnium M. Valerius Probus grammaticus in ea comparatione vidit, quam Aen. I, 498 sqq. legimus. Dido, quae cum iuvenibus ad templum venit, quod in nova urbe aedificabatur, cum Diana in Eurotae ripa aut in Deli montibus cum nymphis ludente comparatur. Quam similitudinem poeta ex Od. VI, 102 sqq. deprompsit, ubi Nausicaa labore perfecto cum puellis in ripa ludens cum Diana confertur. Probi sententiam A. Gellius N. Att. IX, 9, 12 sqq. refert, cuius verba exscribere liceat: „Memini audisse me ex Valerij

Probi discipulis, docti hominis et in legendis pensitandisque veteribus scriptis bene callidi, solitum cum dicere, nihil quidquam tam inprosperè Vergilium ex Homero vertisse, quam versus hos amoenissimos, quos de Nausicaa Homerus fecit. . . . Primum omnium id visum esse dicebant Probo, quod apud Homerum quidem virgo Nausicaa ludibunda inter familiares puellas in locis solis recte atque commode confertur cum Diana venante in iugis montium inter agrestes deas, nequaquam autem conveniens Vergilium fecisse, quoniam Dido in urbe media ingrediens inter Tyrios principes cultu atque incessu serio, instans operi, sicut ipse ait, regnisque futuris, nihil eius similitudinis capere possit, quae lusibus atque venatibus Dianae congruit. Tum postea quod Homerus studia atque oblectamenta in venando Dianae honeste apteque dicit, Vergilius autem cum de venatu deae nihil dixisset, pharetram tantum facit eam ferre in humero, tamquam sit onus et sarcina¹⁾.

Attamen non haec una similitudo apud Vergilium reperitur, quae cum Homericæ comparata poetam Homero postponendum esse ostendat. Nos Probi sententia adducti accuratius in hanc rem inquisivimus ceterasque similitudines minus apte adhibitae iam afferemus. Primum eiusmodi exemplum exstat Aen. II, 355 sqq. Aeneas cum collecta iuvenum manu — praeter Panthoum sacerdotem quinque tantum nominat poeta — cum urbe iam incensa de patriae salute desperarent, in praelium sese proiecerunt, ne in Troiae excidio inulti morerentur. Quos Vergilius cum lupis rapacibus comparavit, Homerum secutus, qui Il. XVI, 352 sqq. Graecos, Patroclo duce Hectorem Troianosque a navibus depellentes atque in campo urgentes, cum lupis contulit. Qua similitudine Homerus multo aptius usus est quam Vergilius. Apud Homerum enim omnes Graeci, quorum imprimis Myrmidones iam diu pugnae avidi optime cum lupis conferri possunt, hostem fugientem a navibus persequuntur timoreque percussum tamquam ovium gregem dissipaverunt; apud Vergilium autem quinque vel sex juvenes, qui iam desperatis rebus arma capiunt, ne inulti moriantur, minime luporum similes sunt, et de Graecorum exercitu ovium imago minime usurpari potest. Quod contra Graeci cum lupis conferri poterant, quippe qui Troiam tamquam stabulum noctu aggressi in direpta urbe vagarentur.

¹⁾ De iis quae sequuntur cf. Weidneri librum: *Commentar zu Vergil's Aeneis* (Buch I und II), p. 203 sqq.

Altera collatio reperitur Aen. II, 471 sqq. Gracchi Priami regiam adorti sunt. Pyrrhus Myrmidonum dux, in ipsum limen impetum facit, quem Vergilius comparavit cum angue, qui primo vere loco aprico caput extollit. Hanc comparisonem Vergilius ex Il. XXII, 93 sqq. sumpsit. Hectorem, quem Achilles ante Troiae moenia adoritur, Priamus et Hecuba flentes obsecrant, ut intra muros fugiat; ille autem imperterritus hostem exspectat. Ad atrocem constantemque Hectoris animum depingendum Homerus anguis similitudine usus est, qui in montibus atrociter prospiciens homine appropinquante non refugit, sed ad pugnam paratus manet.

In hac quoque similitudine adhibenda Homerus imitatori suo anteponendus est. Primum enim ipsum tertium comparisonis quod vocatur apud Homerum est atrox atque imperterritus animus; apud Vergilium tantum nitor et lux repercussa. Apud Homerum est etiam adversarius, cui et anguis et Hector sese opponunt. Apud Vergilium utrumque deest. Itaque et quae sequuntur, quibus anguis ira depingitur, supervacanea sunt, et tota similitudo languidior est.

Huc pertinet etiam Aen. II, 304 sqq. Strepitus incensae Troiae comparatur cum strepitu segetis incensae vel torrentis montani, qui omnia devastat. Similem comparisonem apud Homerum Il. IV, 452 sqq. legimus. Strepitus configentium Graecorum Troianorumque confertur cum sonitu, qui in saltu quodam duabus confluentibus aquis montanis efficitur. Utraque similitudo ipsa per se minime vituperanda est; ineptus est autem pastor, quem Vergilius ad amplificandam collationem retinuit. Apud Homerum pastor ille saltui appropinquans procul a loco ubi torrentes confluentes strepitum efficiunt, illum sonitum audit. Apud Vergilium autem, qui tempestate exorta aquam montanam agros vastantem facit, miramur, quomodo fieri potuerit, ut pastor causam strepitus nesciret; nisi forte tempore procellae dormivit, quod Aeneas supra (v. 302) de se narravit.

Aliam eiusmodi similitudinem Aen. IV, 441 sqq. legimus. Ad Aeneam, qui Carthagine iam excessurus est, Dido, summa tristitia afflicta, Annam sororem mittit, ut ab incepto desisteret, orantem. Sed nec lacrimae, nec preces Aeneam movent. Itaque comparatur cum quercu, quam in montibus venti adorti evellere nequeunt. Eadem com-

paratio Il. XII, 131 sqq. reperitur; Polypoetas et Leonteus portam munimenti Græcorum navium contra Troianorum, imprimis Asij, impetum defendentes cum duabus quercubus montanis conferuntur, quæ ventorum vim sustinent. Quamquam uterque poeta id quod voluit consecutus est, tamen Homericam similitudinem magis quadrare nemo non videt: nam violentus hostium impetus melius cum ventis atque procellis conferur quam lacrimae mulieris.

Similis ratio intercedit inter Il. XV, 586 sqq. et Aen. XI, 809 sqq. Antilochus, Melanippo occiso arma detractus cum Hectorem atque Troianos appropinquantem conspexisset, timore percussus recessit; itaque cum bestia confertur, quæ pastore vel cane occiso aufugit, priusquam ab hominibus undique collectis invadatur. A Vergilio autem usurpata est eadem similitudo de Arunte, qui Camilla vulnerata refugit. Homericæ similitudo propterea aptior est, quod apud eum Hector et Troiani appropinquantem Antilochum depellere conantur, apud Vergilium autem nemo Aruntem persequitur, sed trepidæ Camillæ comites, ut poeta ipse v. 805 dicit, ad cadentem dominam concurrunt, ut eam suscipiant.

Restat Aen. XII, 908 sqq. Turnus, qui frustra in Aeneam lapidem coniecit, cum eo confertur, quem in somnis aliquid facere volentem vires deficient. Eandem similitudinem Il. XXII, 199 sqq. reperimus, ubi Achilles Hectorem circa Troiæ muros actum capere non potest. Hic quoque Homerus Vergilio anteponendus est; apud illum enim Hector et Achilles, quorum alter fugiens adversarium effugere, alter persequens capere non potest, optime cum iis conferuntur, qui per somnia facere aliquid conati efficere nequeunt. Non tam apta est Vergilii similitudo: Turnus enim, qui magno lapide Aeneam vulnerare vult, saxum (quod ne duodecim quidem suos æquales tollere posse poeta dicit), sublatum in Aeneam iam coniecit, itaque habuit satis virium ad id quod voluit perficiendum.

Hæc fere sunt, quæ in Vergilii similitudinibus ex Homeri carminibus sumptis vituperanda esse videantur. Nec sufficit, ut Weidnerus l. l. recte monet, ad poetam excusandum dicere „in eiusmodi comparationibus summam tantum rei spectandam, non unum quodque verbum

aurificis statera examinandum esse⁶; unum quod ad defendendum poetam afferri potest, est quod ad totam Aeneidem pertinet: illud poema non esse opus perfectum multaque minus accurate scripta poetam ipsum correcturum fuisse, nisi morte impeditus esset operi extremam manum imponere.

J. Luniak.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

СТРАН.

ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ 21

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (24-го декабря 1880 года). О присвоеніи Сарапульскому реальному училищу наименованія „Сарапульское Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича реальное училище 3
2. (15-го января 1881 года). Объ открытіи въ городѣ Петровѣ двухкласснаго городского училища, съ наименованіемъ оного „Александровскимъ“ —
3. (28-го января 1881 года) О наименованіи открытаго въ селѣ Солошинѣ, Кобылякскскаго уѣзда, сельскаго приходскаго училища „Солошинско-Дейнсковскимъ“ 4
4. (28-го января 1881 года). О наименованіи открытаго при Пустынско-Успенской церкви, Сольвычегодскаго уѣзда, однокласснаго начальнаго народнаго училища „Пустынско-Успенскимъ Мариоповскимъ“ —

5. (28-го января 1881 года). О наименованіи открытаго въ селѣ Головинщинѣ, Пижнеломовскаго уѣзда, женскаго начальнаго народнаго училища „Александровскимъ“	4
6. (28-го января 1881 года). Объ учрежденіи двухъ стипендій при Троицкихъ мужской гимназіи и женской прогимназіи.	5
7. (28-го января 1881 года). Объ учрежденіи стипендіи при Варшавскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.	—
8. (28-го января 1881 года). Объ учрежденіи стипендіи при Уфимскомъ Александровскомъ ремесленномъ училищѣ	—
9. (27-го января 1881 года). По проекту новыхъ штатовъ управленій учебныхъ округовъ министерства народнаго просвѣщенія	21

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

По I отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, 24-го сего марта	30
---	----

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

29-го ноября 1880 года (№ 15)	6
8-го декабря 1880 года (№ 16).	7
23-го декабря 1880 года (№ 17).	—
1-го января 1881 года (№ 1)	29

ВЫСОЧАЙШИЯ НАГРАДЫ	31
------------------------------	----

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (31-го января 1881 года). Правила о стипендіи, учреждаемой при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на пропенты съ завѣщаннаго коллежскимъ ассесоромъ Кизе капитала въ шесть тысячъ рублей, заключающихся въ 5 ⁰ / ₁₀₀ государственныхъ бумагахъ.	8
6. (8-го марта 1880 года). Положеніе о стипендіи тайнаго свѣтника Дунина-Барковскаго при Екатеринославской мужской гимназіи.	47

7. (20-го сентября 1880 года). Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Сергѣя Платоновича Голубцова при Смоленской мужской гимназіи, на проценты съ капитала въ 5100 руб., собраннаго по добровольной подпискѣ. 48
8. (22-го октября 1880 года). Положеніе о стипендіи Имени Его Величества Императора Александра II при Тобольской губернской гимназіи. 49
9. (15-го ноября 1880 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Императрицы Екатерины II, учрежденныхъ при Ярославской мужской гимназіи въ память исполнившагося столѣтія существованія Ярославля, какъ губернскаго города. 50
10. (11-го ноября 1880 г.). Положеніе о стипендіи Императора Александра II, при Нарвской мужской прогимназіи 51
11. (25-го ноября 1880 г.). Положеніе о стипендіи жены потомственнаго почетнаго гражданина первой гильдіи купца Елизаветы Михайловны Александровой, учрежденной при Императорской Казанской 1 гимназіи. 52
12. (3-го декабря 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени Стерлитамакскаго 2-й гильдіи купца Алексѣя Семеновича Сухорукова при Стерлитамакской прогимназіи 53
13. (3-го декабря 1880 г.). Положеніе о стипендіяхъ бывшаго учителя Минской гимназіи, титулярнаго совѣтника Ивана Чечота. 54
14. (3-го декабря 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Данила Григорьевича Жаворонкова при Курской мужской гимназіи. 55
15. (3-го декабря 1880 года). Положеніе о стипендіи при Курской мужской гимназіи имени 159 пѣхотнаго Гурійскаго полка. 56
16. (3-го декабря 1880 года). Положеніи о стипендіи, учреждаемой въ Уфимской мужской гимназіи въ память исполнившагося двадцатипятилѣтія царствованія Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича 57
17. (3-го декабря 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени генералъ-адъютанта Михаила Дмитриевича Скобелева при Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ 58
18. (28-го февраля 1880 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ передачи въ казну суммъ за выписываемый учебными заведеніями Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 59

**Приказъ управлявшаго министерствомъ народнаго
просвѣщенія.**

15-го декабря 1880 года (№ 15) 9

**Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго
просвѣщенія.**

О книгѣ: „Сборникъ ариметическихъ задачъ“. Составили В. Арбузовъ, В. Мининъ, А. Мининъ и Д. Назаровъ.	15
О книгѣ „Исторія русской словесности“. Составилъ А. Галаховъ.	—
О книгѣ: „Сборникъ матеріаловъ для устнаго и письменнаго перевода съ русскаго и латинскаго языковъ на греческій въ V—VIII классахъ гимназій“.	59
О книгѣ: „Учебникъ физики“. Составилъ К. Красвиць.	60
О книгѣ: „Упражненія по греческой этимологіи по руководству П. Везенера. Составилъ Э. Черный.	—
О книгѣ: „О словѣ о полку Игоревѣ“, А. Смирнова.	—
О книгѣ: „Сборникъ алгебраическихъ задачъ“. Составили: В. Арбузовъ, А. Мининъ, В. Мининъ и Д. Назаровъ.	—
О книгѣ: „Курсъ прямолинейной тригонометрии и собраніе тригонометрическихъ задачъ“. Составилъ Н. А. Шапошниковъ.	—
О книгѣ: „Русская христоматія“. Составилъ О. Буславъ.	—
О книгѣ: „L' Homond De viris illustribus urbis Romae a Romulo ad Augustum“. Составилъ И. Шрамакъ.	61
Объ изданіяхъ: 1) „Новый учебный географическій атласъ для полнаго гимназическаго курса, состоящій изъ 37 картъ“. и 2) „Новый учебный географическій атласъ, состоящій изъ 16 картъ. А. Ильина	—

**Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства
народнаго просвѣщенія.**

О книгѣ: „Краткій очеркъ перваго 25-ти-лѣтня царствованія Императора Александра II“.	15
О книгѣ: „Мачиха“.	—

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Зорька“: Составилъ В. Добровольскій	5
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ“. Составилъ Т. Лубенецъ	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Подарокъ“. Стихотворенія Павла Вересова	16
Объ изданіи журнала: „Русскій начальный учитель“. В. Латышева	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Описаніе человѣческаго тѣла съ гигиеническими указаніями и общій обзоръ животныхъ и растений“. Составилъ К. Ѳ. Ярошевскій.	—
О книгѣ: „Систематическій сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Составили В. Арбузовъ, А. Мининъ, В. Мининъ и Д. Назаровъ	—
О книгѣ: „Рука Всевышняго отечество спасла“. Изданіе редакціи журнала „Досугъ и Дѣло“	—
О книгѣ: „Талмудическая мораль, или ученіе благонравія по авторитетнымъ книгамъ раввинской письменности“. Составилъ Исаакъ Варшавскій	—
О брошюрѣ: а) „Вѣлка и Сурокъ“. б) „Въ родной землѣ и въ чужихъ краяхъ“.	—
О брошюрѣ: „Свѣтъ и что отъ него исходитъ. Изданіе редакціи журнала „Досугъ и Дѣло“	—
О брошюрѣ: „Вѣтеръ и что онъ дѣлаетъ“. Изданіе редакціи журнала „Досугъ и Дѣло“.	—
О брошюрѣ: „Великіе работники Фультонъ и Стефенсонъ, изобрѣтатели парохода и паровоза“. Изданіе редакціи журнала „Досугъ и Дѣло“	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Гапъ Шашуимъ Леіаддей Іешурунъ, то-есть увеселительный садъ для еврейскихъ дѣтей. Составилъ Ааронъ Розенфельдъ.	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Исторія Израіля отъ сотворенія міра до возвращенія Израільтянъ изъ Вавилонскаго плѣненія“. Составилъ Авраамъ Солоновичъ	—
Официальныя извѣщенія	17 и 62

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

О святѣйшемъ сиподѣ и объ установленіяхъ при немъ въ царствованіе Петра I (1721—1725). Вл. Попова	1
Цари Алексѣй II и Андроникъ Комнины. Ф. Успенскаго	52
О завятіи Галича Мстиславомъ Удалымъ. Вл. Бузескула	86
Неизданные законы юго-западныхъ Славянъ. М. Владимірскаго-Буданова	93
Извѣстія Константина Багрянороднаго о Сербяхъ и Хорватахъ Историко-этнографическое изслѣдованіе К. Грота. Т. Флорипскаго	139
Grammatyka historyczno-porówniaweza języka polskiego, przez d-ra Antoniego Mateckiego H. A	170
О нѣкоторыхъ трудахъ историко-филологическаго отдѣленія Краковской академіи наукъ съ 1878 по 1880 годъ. В. Макушева	180
Къ ученію объ организаціи семьи и родства въ первобытныхъ обществахъ, преимущественно у Кельтовъ и Германцевъ. В. Сокольскаго	193
Ванскія надписи и значеніе ихъ для исторіи Передней Азіи. К. Патканова	247
Городскія общины Далмаціи въ X—XI вв. И. Смирнова	289
Къ археологіи и антропологіи Ильменскаго Бассейна. А. Елисеева	307
Исторія Россіи. Сочиненіе Д. Иловайскаго. Ч. I и II. Д. Ц—въ	350
Zbytky rýmovaných Alexandreid staročeských. Vydalí Martin Pattala a Adolf Patera. Texty a transkripce. (Остатки риёмованныхъ старо-чешскихъ Александрейдъ. Издали М. Гаттала и Ад. Патера. Текстъ и транскрипція. Юрія Аненкова	379

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Учебныя заведенія во Франціи и въ Италіи. С. Иванова. I и 89	
Императорское русское географическое общество въ 1880 году.	36
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній	62 и 205
Замѣтки о народныхъ училищахъ Забайкальской области. Г. М.	151
Московское археологическое общество въ 1880 году	193

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

О звукахъ е и о въ греческомъ языкѣ. О. Корша	107
Эпиграфическіе этюды. В. Латышева	157
De primo et gravissimo professoris litterarum antiquarum officio. E. Mueller	170
О нѣкоторыхъ вновь открытыхъ отрывкахъ греческихъ поэтовъ. А. Наѹка	177
De Homericis similitudinibus apud Vergilium. J. Luniak'a	206

